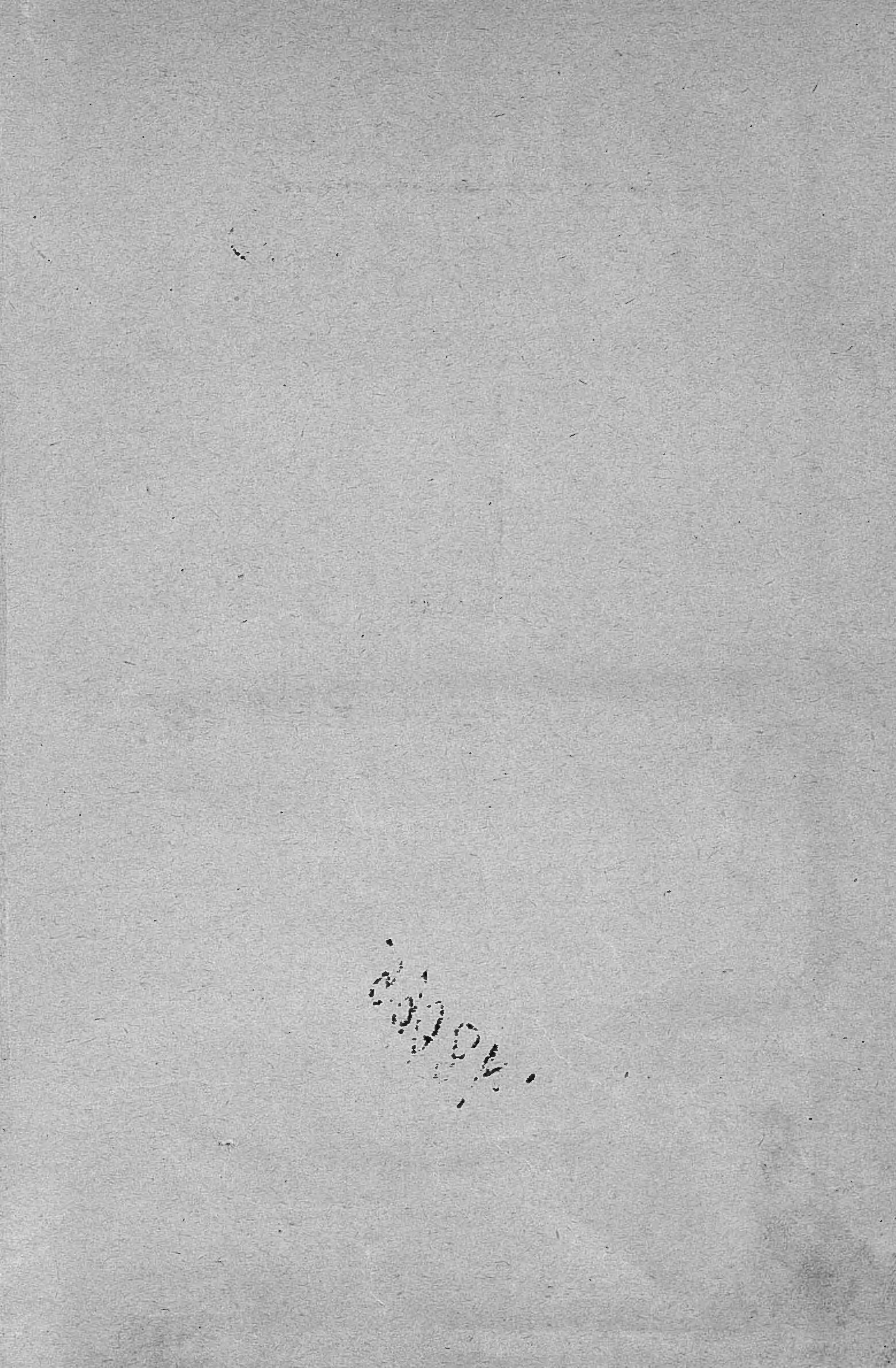
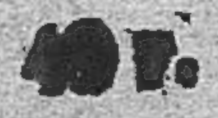


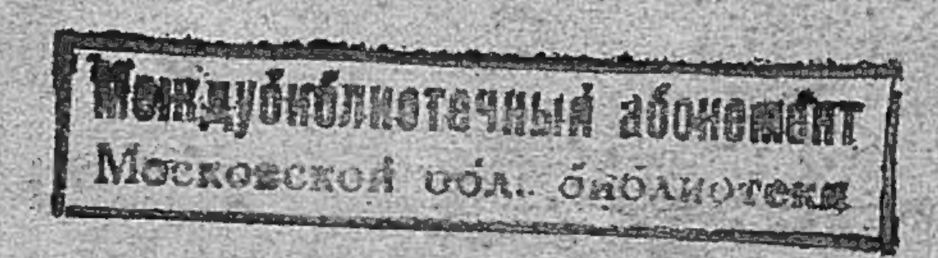
ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ,

С. ГЕДЕОНОВА.

I — XII.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ I^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.





САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1862.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ; **Н. Долженкова**, въ Кіевѣ,
Эггерса и Комп., въ С. П. Б. **Энфянджянца и Комп.**, въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
26 Апрѣля 1862 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ типографіи Императорской Акамеміи Наукъ

ПРЕДИСЛОВІЕ А. КУНИКА.

Прошло то время, когда въ варяго-русскомъ вопросѣ разсматривалось единственно и исключительно происхожденіе Руси. Именно это ограниченное пониманіе вопроса вызывало у многихъ мысль о томъ, что вопросъ этотъ есть только предметъ ученаго любопытства и не заслуживаетъ впредь особеннаго вниманія. Между тѣмъ отъ времени до времени появляющіеся отзывы объ этомъ вопросѣ, какъ «еще нерѣшенномъ», и вновь возникающія теоріи для его рѣшенія ясно свидѣтельствуютъ, что онъ стоитъ камнемъ преткновенія для тѣхъ, кто хотѣлъ бы составить себѣ ясное и твердое понятіе объ основной организаціи русскаго государства, особенно въ сравненіи ея съ происхожденіемъ другихъ славянскихъ княжествъ и царствъ. Но этого мало. Знаніе славянскихъ древностей не развилось еще до состоянія науки. Шафарикъ, этотъ незабвенный славянскій мученикъ, написалъ только историко-этнографическое введеніе къ этой будущей наукѣ. Для самаго же состава ея, который бы наглядно представилъ намъ бытъ языческихъ Славянъ въ ихъ нравахъ, юридическихъ отношеніяхъ, въ религіозномъ вѣрованіи и умственномъ образованіи по письменнымъ источникамъ и по свидѣтельствамъ языка, обычаевъ и вещественныхъ памятниковъ, доселѣ произведены лишь слабыя предварительныя работы. Пополнить этотъ чрезвычайно чувствитель-

ный пробѣлъ по требованію современнаго состоянія науки—необходимо; но прежде всего должно выяснить понятіе о варяго-русской стихіи во времена передъ Владиміромъ Святымъ, ужъ и для того, чтобы дать надлежащее мѣсто Несторовой лѣтописи въ славянской и вообще средне-вѣковой исторіографіи. Вѣдь дожили же мы до того, что Нестора, т. е. редактора и продолжателя древне-русской лѣтописи, обвиняютъ въ томъ, будто онъ облекъ свои личныя мнѣнія о Варяго-Руссахъ въ хитро обдуманную систему.

Представители норманской системы въ нѣкоторомъ отношеніи сами виноваты, если противъ нихъ отъ времени до времени поднимались голоса. Нѣтъ сомнѣнія, что норманисты въ частностяхъ преувеличивали значеніе норманской стихіи для древне-русской исторіи, то отыскивая вліяніе ея тамъ, гдѣ, какъ я недавно замѣтилъ *), оно было или не нужно или даже не возможно, то разбирая главныя свидѣтельства не съ одинаковой обстоятельностью и не безъ пристрастія.

Къ тому же, вопросъ очень сложенъ и притомъ никто изъ норманистовъ не произвелъ полной системы, въ которой были бы разобраны *всѣ* свидѣтельства въ пользу и противъ норманизма одинаково основательно, подробно и безпристрастно. Антинорманисты въ свою очередь до сихъ поръ чуть ли не всѣ безъ исключенія слишкомъ легко принимались за дѣло. У однихъ недоставало знакомства съ современною лингвистикой, безъ которой *нельзя* здѣсь пріобрѣсти твердой точки отправленія. Другіе, столь же мало знакомые съ методой исторической критики, развивали субъективныя мнѣнія, не заботясь о времени и мѣстности источниковъ и о положеніи, въ какомъ старинные писатели заносили въ письменные памятники свои извѣстія и свидѣтельства. Мы ужъ не придаемъ особеннаго вѣса тому, что нерѣдко брались за дѣло люди, или не знавшіе и половины всѣхъ относящихся сюда источниковъ, или не имѣвшіе никакого по-

---

*) См. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. 1861. (Томъ III, столб. 357).

нятія о сравнительномъ изученіи исторіи средне-вѣковыхъ народовъ, тогда какъ такимъ дѣятелямъ, какъ бы ни были они проницательны отъ природы, нельзя предоставить рѣшительнаго голоса въ подобныхъ изслѣдованіяхъ.

Сочинитель предлагаемаго изслѣдованія, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ норманизма. Кромѣ того, что онъ строго держится въ границахъ чисто-ученой полемики, онъ отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что не слетка берется за дѣло, а послѣ довольно обширнаго изученія источниковъ и сочиненій своихъ противниковъ, старается рѣшить вопросъ новымъ способомъ. Занимаясь около пятнадцати лѣтъ изслѣдованіями о варяжскомъ вопросѣ и славянскою древностью вообще, С. А. пришелъ къ убѣжденію, что при несомнѣнномъ участіи въ древне-русской исторіи *норманскаго* элемента, Варяги были однакоже *западно-славянскаго* происхожденія, а Русь — искони особымъ *восточно-славянскимъ* народомъ. Эти убѣжденія онъ изложилъ въ сочиненіи, коего первая часть имѣетъ заглавіемъ ***Варяги***, а вторая ***Русь***. Вполнѣ окончить пространное сочиненіе ему, къ сожалѣнію, не дозволили обстоятельства, служба, путешествія и слабое зрѣніе. Онъ рѣшился издать извлеченіе изъ своего сочиненія и особенно приготовить для печати нѣсколько отрывковъ изъ послѣдней, менѣе обработанной части, которые и предлагаются здѣсь (Гл. I — XII). Должно надѣяться, что со временемъ изданы будутъ и изслѣдованія о Варягахъ. А покуда они не напечатаны, нельзя *навѣрное* сказать, какую силу имѣетъ система автора въ противоположность норманской. Но во всякомъ случаѣ надобно уже и теперь признать, что иное свидѣтельство, до сихъ поръ считавшееся неопровержимымъ или безусловно важнымъ для рѣшенія варяжскаго вопроса, авторъ расматриваетъ съ новой стороны или указываетъ правильные границы его значенію.

Ради успѣха самаго дѣла, авторъ прямо выразилъ желаніе, чтобы я снабдилъ его трудъ моими примѣчаніями въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ я съ нимъ буду не согласенъ. Изъявляя мою признательность за это лестное для меня довѣріе, я однакоже, по причинѣ другихъ занятій, не пользуюсь этимъ дозволеніемъ въ самомъ текстѣ сочиненія. Лишь къ концу (стр. 121) я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, чтобы не подать другимъ повода къ недоразумѣнію на счетъ моихъ личныхъ взглядовъ.

С.-Петербургъ,
17 апрѣля 1862 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ,

С. ГЕДЕОНОВА.

I — XII.

I.

О МНИМО-НОРМАНСКОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

Полныхъ системъ норманскаго происхожденія Руси есть двѣ: Тунманно-Шлецеровская (къ который отчасти примыкаетъ и Кругъ) и Погодино-Куниковская, съ варіантами Крузе, Буткова и другихъ. Согласуясь въ основномъ положеніи, т. е. въ происхожденіи такъ называемыхъ Варяговъ-Руси отъ Скандинавовъ, онѣ существенно рознятся въ образѣ толкованій и доказательствъ. Тунманнъ, Шлецеръ и Кругъ не знаютъ ни славянской, ни скандинавской Руси; по мнѣнію Тунманна, Славяне прозвались Русью отъ финскаго Ruotsi,—названія, которымъ и донынѣ народы финскаго происхожденія отличаютъ Швецію и Шведовъ (J. Thunmann's Unters. über d. Gesch. der östl. europ. Völker, 369 ff.); Шлецеръ дополняетъ его предположеніе объясненіемъ финскаго Ruotsi изъ Шведскаго Рослагена (Нест. Шлец. I. гл. XIX); Кругъ выводитъ имя Руси отъ греческаго ῥούσιος, ῥοῆς, соотвѣтствующаго по смыслу формѣ οἱ ξανθοί, которою Греки обозначали народности германскаго происхожденія (Forsch. I. 211, 212). Другая система

утверждаетъ, что будто бы перешедшее къ намъ отъ Финновъ скандинавское имя Руси имѣетъ свое начало въ предполагаемомъ туземномъ скандинавскомъ наименованіи Россами, Родсами, Рюссами — или шведскаго племени Россовъ въ Рослагенѣ (Погодинъ, Изслѣд. II. 151 и слѣд.), или шведской гребельной общины Родсовъ (Kunik, Beruf. I. cap. IV), или датскихъ поселенцевъ саксонскаго Rosengau (Крузе, Журн. Мин. Нар. Просв. Т. XXI. с. 55 слѣд.), или готскихъ обладателей финскаго Risaland'а (Бутковъ, Сынъ Отеч. № 1. с. 32 слѣд.) и т. д. Впрочемъ и та и другая одинаково стараются умалить важность точнаго указанія на происхожденіе русскаго имени. «Принесено ль было имя Руси Норманнами, или только усвоено, говоритъ г. Погодинъ, основателями государства, въ томъ и другомъ случаѣ остаются Норманны» (Изслѣд. II. 279. срвн. тамъ-же, 167 и Thunmann, Unters. 372.) Но на чемъ же основана вся система норманская, если не на доказательствахъ (конечно не совсѣмъ убѣдительныхъ) скандинавскаго начала имени Русь?

Тунманно-Шлецеровскому мнѣнію возражалъ Эверсъ, съ одной логической точки зрѣнія (Vorarb., cap. X.), но съ послѣдовательностію и успѣхомъ, открыто сознаваемыми ученымъ ветераномъ нашихъ скандинавистовъ (Погод. Изслѣд. II. 142 — 150.) Оно иначе и быть не могло. Какъ всѣ системы, основанныя не на исторической дѣйствительности, а на однихъ соображеніяхъ, такъ и эта разрѣшаетъ только извѣстные отдѣльные пункты вопроса, оставляя другіе не только безъ объясненія, но и безъ возможности удовлетворительнаго отвѣта. На первый взглядъ, случайное сходство между финскимъ Ruotsi, шведскимъ Рослагеномъ и славянскимъ Русь, можетъ соблазнить изслѣдователя, уже предубѣжденнаго въ пользу скандинавизма Несторовыхъ Варяговъ-Руси; но этою случайностію и ограничивается торжество Тунманно-Шлецеровской ипотезы; она не объяснитъ намъ ни перенесенія на славяно-шведскую державу финскаго имени Шведовъ, ни невѣденія лѣтописца о тождествѣ именъ Свеи и Русь, ни почему Славяне, понимающіе Шведовъ подъ именемъ *Руси*, прозывающіе самихъ себя этимъ именемъ, перестаютъ называть Шведовъ Русью, послѣ призванія; еще менѣе, почему Свеоны бертинскихъ лѣтописей и Нор-

маны Ахмедъ-эль-Катиба отличаютъ себя въ Константинополѣ и Севильѣ, тѣмъ названіемъ, подъ которымъ они извѣстны у Чюди.

Разумѣется, что эти возраженія идутъ одинаково и къ системѣ Круга и ко всякой другой системѣ, признающей названіе Руси иноземнымъ наименованіемъ Шведовъ. Въ сущности, система Круга отличается отъ Тунманновской только тѣмъ, что онъ относитъ начало русскаго имени для Шведовъ не къ финскому Ruotsi (сознавая такимъ образомъ случайность его созвучія съ славянскимъ *Русь*), а къ греческому Ῥῶς, будто бы происходящему отъ прилагательныхъ ῥούσιος и ῥοῆς, russaeus, рыжій (Forsch. I, 211, 216). Г. Куникъ замѣчаетъ справедливо (ibid. II. 832), что несклоняемая форма Ῥῶς (имя народное, не существующее *какъ слово* въ греческомъ языкѣ) обличаетъ явно свое не-греческое происхожденіе; я прибавлю, что *вымышленными* словами историческихъ предположеній не доказываютъ. Да и едвали кто повѣритъ, чтобы Славяне, ближайшіе сосѣди Шведовъ, заняли отъ Грековъ, съ которыми еще не вступали въ сношенія, ими новоизобрѣтенное для этихъ Шведовъ имя Ῥῶς, красные. Вся система Круга разсчитана въ виду только одного извѣстія бертинскихъ лѣтописей; греческому Ῥῶς до Ингельгейма ближе чѣмъ финскому Ruotsi. Онъ говоритъ: «Греки, не Финны употребили впервые (въ 838 году) названіе Ῥῶς, ῥούσιος для обозначенія Норманновъ; Несторъ нашелъ его въ первый разъ въ греческой лѣтописи; византійскіе императоры въ своихъ письмахъ къ германскимъ называютъ ихъ Ῥῶς; Ліудпрандъ также; Славяне заняли это имя отъ Грековъ. Почему жъ бы Норманамъ 839 года было не принять этого имени для самихъ себя?» (ibid. I. 207, 208). Но если Славяне заняли отъ Грековъ форму Ῥῶς — Русь для обозначенія Шведовъ, если приняли ихъ къ себѣ подъ названіемъ Руси, то *когда* и *почему*, спрошу я опять, перестали Шведы называться Русью у этихъ Славянъ? Какимъ образомъ могло греческое Ῥῶς перейти на всѣхъ Шведовъ, отъ трехъ-четырехъ Норманновъ, случайно попавшихъ въ Константинополь въ 839 году?

Оставить вопросъ въ этомъ положеніи было не возможно. Единственнымъ средствомъ, если не къ спасенію самой систе-

мы, то по-крайней-мѣрѣ, къ болѣе раціональному объясненію извѣстій бертинскихъ лѣтописей и Ахмедъ-эль-Катиба, было открытіе генетическихъ шведскихъ Россовъ, нашихъ Варяговъ-Руси. Ихъ открыли. Сначала г. Погодинъ просто *предполагалъ* существованіе въ IX вѣкѣ шведскаго племени Россовъ, будто бы давшихъ свое названіе Рослагену, но вслѣдствіе замѣчаній о Рослагенѣ и о Rodhsin (гребцахъ) барона Розенкампфа, принялъ, что нарицательное Rodhsin перешло со временемъ въ собственное или племенное (Изслѣд. II, 154). На Rodhsin, какъ названіе Шведовъ, принадлежавшихъ къ гребельнымъ общинамъ (Rudergemeinden-Rodhslagen), указываетъ и г. Куникъ (Beruf. I. 166). Отсюда, полагаютъ они, стали Финны и Эсты звать всѣхъ Шведовъ Россами, Ruotsi, Ruossi. Славяне, узнавъ это имя отъ финскихъ народовъ, усвоили его себѣ подъ формою Русь, которою и прозвались по призваніи Варяговъ-Руси, шведскихъ Родсовъ.

Кто же были эти шведскіе Rodhsin? какое ихъ значеніе въ шведской исторіи? Этотъ вопросъ для насъ тѣмъ занимательнѣе, что изъ ссылающихся на нихъ изслѣдователей ни одинъ не счелъ нужнымъ подтвердить своего открытія указаніемъ на оригинальные тексты, чего бы однако слѣдовало ожидать при изслѣдованіи предмета столь неоспоримой важности.

Вопросъ о Рослагенѣ и о значеніи шведскихъ rodhsin (гребцовъ) разъяснилъ первый баронъ Розенкампфъ въ статьѣ: «Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи, въ разсужденіи вопроса о происхожденіи древнихъ Руссовъ» (Труды Общ. ист. и древн. Росс. Москва. 1828. Ч. IV. кн. I. 139 — 166). Изъ этого замѣчательнаго, нынѣ почти забытаго изслѣдованія, выписываю слѣдующее:

«Военныя силы скандинавскаго полуострова, по большей части, были *морскія;* а потому общества, лежавшія по берегамъ Упландскимъ, не давали сухопутныхъ отрядовъ, но *морскіе*, и какъ первые назывались Herred или *сухопутные отряды*: то сіи послѣдніе именовались *Skipsred* или *Skipslaghen*, то есть: *морскіе отряды*, снабжавшіе вооруженными лодками съ ратными. Сіи ратные или *гребцы* по шведски назывались *Rodhsi* (Ротси), и вся страна по упландскому берегу лежащая, гдѣ собирались

сіи морскія силы, назывались *Rodslagen*. По шведски слова: *ro*, *ros*, *rod*, значатъ *гребсти веслами*, или *идти на греблѣ*; *Roder* — *весла*, *Rodare*—*гребецъ*, и по древнему языку *Rodi*, *Rodhsi*» (147).

«Древнее Упландское уложеніе (*Upplands-Lagh*) содержитъ въ себѣ подробныя статьи объ устройствѣ сихъ вооруженій въ *морскихъ разрядахъ*, гдѣ *гребцы*, *Rodhsin* (Ротси), на лодкахъ составляли *флотъ*, часто употреблявшійся противъ ѳинскихъ и естляндскихъ береговъ.»

«Во II книгѣ о *королевскомъ правѣ* (Konungs Balker), гл. X, §§ 2 до 21, исчислены разныя общества, дающія корабли съ гребцами, сколько каждой сотнѣ слѣдовало представить кораблей или лодокъ, и по какому порядку и окладу, когда королю угоддо собрать сухопутныя и морскія силы, гребцовъ и ратниковъ (Nu biudher Kununger lidh ok Ledhung utbiuds ut rodh ok räth etc.)»

«Потомъ въ главѣ XI, §§ 7 — 21, подъ заглавіемъ: *Корабельныя Постановленія* (Um Rodha rätt), положены обязанности гребцовъ, или морскаго вооруженія (Thättä äru Rodhsins Utskyldir etc.), и назначено, сколько они должны были съ собою взять провіанта, за какія преступленія и обиды платятся виры и продажи, и сколько изъ штрафныхъ денегъ принадлежитъ королю, епископу и главному изъ бояръ (Ярлу), или ихъ намѣстникамъ.»

«Тоже устройство, тѣже названія находятся въ норвержскихъ законахъ, также въ концѣ XIII вѣка, на основаніи древнихъ обычаевъ изложенныхъ, какъ о томъ извѣщаетъ древнѣйшій сѣверный (Норвежскій и Исландскій) лѣтописатель Снорро Стурлесонъ, въ житіи Норвержскаго короля *Гакона*, современника В. К. Владиміра Святославича.» [1])

Изъ этой статьи Розенкампфа г. Погодинъ приводитъ только его этимологію словъ Rodhsi и Rodslagen, а потомъ во-

---

[1]) Древнѣйшія Шведскія земскія уложенія суть: 1) Östgöta-Lagen, утвержденное въ 1168 г.; 2) Vestgöta-Lagen, относимое къ 1220; древнѣйшій списокъ 1290 года; 3) Upplands-Lagen, утвержденное Биргеромъ Магнуссономъ въ 1295 г. Новѣйшее изданіе Шлитера: Corpus Juris Sveo-Gothorum antiqui I. Stockholm, 1827; II. 1830; III. 1834; IV. 1839. Норвежскіе законы изданы подъ заглавіемъ: Leges Gulathingenses regis Magni, sive jus commune Norvegicum. Hauniae. 1817 in 4°.

склицаетъ: «Прекрасно! это *нарицательное* имя (Rodhsi) сдѣлалось *собственнымъ*, и прежняя вѣроятность остается вѣроятностію; вы объяснили намъ только, что значатъ Рослагенъ, Ротси, Руотси» (Изслѣд. II. 154). Но если въ Упландскомъ уложеніи 1295 года, въ Норвежскихъ законахъ XIII столѣтія, слово Rodhsin имѣетъ постоянный, опредѣленный, *нарицательный* смыслъ *гребцовъ* и *морскихъ ратниковъ*, если этимъ словомъ означается не народъ, а особое государственное учрежденіе, возможно ли, чтобы въ 862 году оно было *собственнымъ* т. е. *племеннымъ* названіемъ выселяющихся къ Славянамъ упландскихъ Шведовъ! значитъ — оно было племеннымъ только для *этихъ* Шведовъ, а нарицательнымъ для остальныхъ? Значитъ и Несторъ, не упоминающій о варяжской, заморской Руси послѣ призванія, зналъ, что именемъ Rodhsin, *въ племенномъ смыслѣ*, именовались только пришедшіе вмѣстѣ съ Рюрикомъ Шведы; оставшіеся же въ Скандинавіи продолжали именоваться по-прежнему Rodhsin, *только въ нарицательномъ значеніи!* Неужели слова Розенкампфа: еще удивительнѣе, что Шлецеръ могъ такъ ошибиться и принимать названіе *военнаго ремесла* за имя *народа*», не стоятъ и возраженія?»

Г. Куникъ не упоминаетъ вовсе о статьѣ Розенкампфа, а о шведскихъ Rodhsin говоритъ:

«Отъ гребельныхъ вёселъ, или скорѣе отъ ихъ употребленія, получили въ незапамятное время свое названіе тѣ поселенцы восточныхъ береговъ Швеціи, которые составляли морское ополченіе государства, и подъ именемъ *Rodhsin* (отъ единств. Rôds) часто являются въ древне-шведскихъ уложеніяхъ. Довольно значительное береговое пространство въ окрестностяхъ Стокгольма, приняло отъ нихъ названіе «Rodslagen» т. е. гребельныя общины, потому что дѣлилась на таковыя; оно сохранило и донынѣ названіе Рослагена, въ географическомъ смыслѣ. Начало этихъ Rôdslagen, какъ явствуетъ изъ шведской и сверхъ того изъ норвежской исторій, восходитъ до глубочайшей древности и проявляется до нашихъ дней, въ раздѣленіи помянутаго берега на Skeppslagen т. е. корабельныя общины; и теперь еще обитатель Рослагена именуется Rôslagsbo или въ нѣсколько ироническомъ значеніи Rospigg. Если Эсты и Ижер-

цы (Ingrikot) занимали почетное мѣсто въ посольствѣ, отправленномъ для призванія Варяговъ-Руси, то можно кажется допустить, что они направили свой путь къ наиболѣе имъ извѣстному шведскому берегу, коего поселенцы были имъ издавна знакомы. На противномъ отъ нихъ берегу лежало нынѣшнее Rôslagen; здѣсь, въ IX вѣкѣ, не могли они наткнуться ни на Шведовъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, ибо они жили глубже внутри земли, ни на Готовъ (Gauten), обитавшихъ далѣе къ югу и западу, — но единственно и исключительно на людей, которые по ремеслу своему назывались Родсами (Rôdsen), Славянамъ стали извѣстны посредствомъ Финновъ, подъ именемъ Руси, а по языку принадлежали къ великому шведскому племени» (Beruf, I. 165 — 167).

Что означающее гребцовъ или морскихъ ратниковъ слово Rodhsin дѣйствительно встрѣчается въ шведскихъ и норвежскихъ уложеніяхъ XIII столѣтія, мы уже видѣли въ статьѣ Розенкампфа; въ государственныхъ протоколахъ 1640 года, вмѣсто rodhsin употреблено новѣйшее rookarlar-Rudermänner. Но отъ извѣстнаго, ясно опредѣленнаго *лингвистическаго* факта, авторъ призванія Родсовъ переходитъ къ совершенно иному разряду понятій: «пора бы наконецъ, говоритъ онъ (Beruf. II. 202. Anm. X), отстать отъ вѣчно повторяемаго увѣренія, что шведская исторія не знаетъ *народа* Ῥῶς; ибо это имя явно составлено не по примѣру славянскаго *Русь*, а по выговору прибывшихъ въ Византію Шведовъ, изъ коихъ *одна отрасль* (ein Zweig) отличаетъ себя, *въ собственно шведскихъ источникахъ*, именемъ Rods и Ros (Roos).» Принимать упландскихъ или иныхъ моряковъ (rodhsin, rookarlar) за особую *отрасль* шведскаго племени, нѣтъ ни слѣда, ни возможности. Мнѣ кажется вообще, что новому ученію о скандинавскомъ происхожденіи Руси недостаетъ убѣжденія въ прочности своихъ основаній; отсюда безпрерывныя противорѣчія и недоразумѣнія. При объясненіи извѣстнаго мѣста лѣтописи «пояша по собѣ всю Русь», авторъ замѣчаетъ: «будь чтеніе древнѣйшихъ списковъ правильно, а смыслъ его не искусственный, должно предположить, что три брата-Варяга, при отправленіи на противулежащій финскій берегъ, взяли съ собою *все, что именовалось Русью;* и тогда бы объяснилось

совершенно естественно, *почему въ послѣдствіи времени, въ самой Швеціи, не встрѣчается болѣе Руссовъ»* (Beruf. I. 104. Anm). Стало быть, предполагаемая шведская Русь IX вѣка не отъ Rodhsin; ибо нельзя же сказать о шведскихъ Rodhsin, что они изчезаютъ въ Швеціи *послѣ призванія*, когда о нихъ упоминается *впервые*, именно только въ уложеніи XIII столѣтія. Кто же эта шведская, къ Славянамъ выселившаяся Русь? Послушаемъ еще г. Куника: «Призванные Финнами и Славянами Родсы составляли (если даже допустить число ихъ до нѣсколькихъ сотенъ, пожалуй до нѣсколькихъ тысячь людей), *только наималѣйшую часть* населенія коренной Родской земли; выселившіеся жили быть можетъ на пространствѣ только не многихъ квадратныхъ миль, или на какихъ-нибудь малыхъ островахъ. Изъ тѣхъ Родсовъ, которые не послѣдовали за призванными, или заняли оставленныя ихъ соплеменниками, столь удобныя для мореходства мѣста, многіе польстились естественно желаніемъ испытать свое счастіе въ восточныхъ земляхъ» и т. д. (ibid. I. 144, 145). Но здѣсь наша шведо-славянская Русь опять тѣже Rodhsin, да и сверхъ того только крайне незначительная часть (ein äusserst kleiner Theil) генетическихъ, оставшихся въ Скандинавіи!

Я заключаю: никто не имѣетъ права указывать на Rodslagen и на шведскихъ Rodhsin, какъ на отчизну и на предковъ Несторовыхъ Варяговъ-Руси, не объяснивъ предварительно: 1), какимъ образомъ названіе rodhsin, племенное или народное въ IX вѣкѣ, является нарицательнымъ въ XIII; 2) какимъ образомъ, если принять слово rodhsin въ единственно правильномъ значеніи его, XIII столѣтія, Шведы именуютъ себя не Шведами, а *гребцами* — въ Царьградѣ, въ Ингельгеймѣ, въ Севильѣ, въ Новѣгородѣ, въ Кіевѣ, въ Болгарѣ; 3) почему, именуя себя постоянно гребцами на востокѣ, именуютъ себя, на западѣ, не гребцами, а Шведами; 4) почему имя Руси (rodhsin) для Шведовъ, изчезаетъ послѣ призванія, у Славянъ, издавна привыкшихъ звать ихъ этимъ именемъ и прозвавшихъ самихъ себя Русью, отъ шведскаго rodhsin.

За невозможностію удовлетворительнаго отвѣта, норманской школѣ остается одно, а именно, возвратиться къ началь-

ному предположенію г. Погодина о какомъ-то, никому въ мірѣ неизвѣстномъ *Россномъ* племени Шведовъ въ IX вѣкѣ, но уже безо всякой связи съ шведскими rodhsin и Рослагеномъ, т. е. безъ малѣйшаго историческаго слѣда его существованія въ Швеціи.

По крайней мѣрѣ, спасетъ ли эта странная уступка норманскую систему отъ противорѣчій и несообразностей? Нисколько. Непонятно было, почему Славяне, издавна знающіе Шведовъ, подъ ихъ финскимъ названіемъ Руси (Ruotsi), перестаютъ называть ихъ этимъ именемъ послѣ призванія; еще непонятнѣе почему имя Руси для Шведовъ прекращается у Славянъ, когда сами Шведы зовутъ себя Русью; почему генетическое шведское *Русь* не встрѣчается, какъ *племенное* (ибо о rodhsin—гребцахъ уже думать нельзя) [1]), ни въ одномъ изъ туземныхъ шведскихъ памятниковъ, ни въ одной изъ германо-латинскихъ лѣтописей, такъ много и такъ часто говорящихъ о Шведахъ и о Норманнахъ; почему наконецъ шведская Русь не именуетъ Русью своей словено-русской колоніи.

Объ этихъ фактахъ, сокрушающихъ норманскую систему до основанія, норманская школа молчитъ. Но за недостаткомъ прямаго отвѣта, есть косвенные намёки. Мы видѣли, что г. Куникъ, хотя и считаетъ выселившихся къ намъ шведскихъ rodhsin только частицею оставшихся въ Швеціи, а Несторово выраженіе «пояша по собѣ всю Русь» относитъ къ подражанію греческимъ хронографамъ, однако признаетъ и *возможнымъ* объяснить изъ него отсутствіе шведской Руси въ Скандинавіи. Г. Погодинъ утверждаетъ неоднократно, но безъ положительно выводимаго заключенія, что Рюрикъ взялъ съ собою *всѣхъ Руссовъ* (Изслѣд. II. 241, 242.—III. 41). Г. Крузе говоритъ, что о ютландскихъ Руссахъ, послѣ Рюрика, нѣтъ помина, *потому что онъ взялъ съ собою всѣхъ Руссовъ* (Urgesch. d. Esthn. Volksst. 463).

Предположить выселеніе, откуда бы то ни было, цѣлаго

---

[1]) Но и о rodhsin должно сказать, что при допускаемой г. Куникомъ многочисленности населенія, прилагавшаго себѣ это особое имя, молчаніе о немъ скандинавскихъ сагъ и германскихъ историческихъ документовъ необъяснимо.

племени, съ женами и дѣтьми, довольно трудно; намъ извѣстны выселенія Англо-Саксовъ, Франковъ, Болгаръ, Норманновъ; ни одно изъ нихъ не представляетъ подобнаго историческаго явленія. «Полное выселеніе многочисленнаго народнаго племени, говоритъ Луденъ, (см. Krug, Forsch. II. 330. Anm.), совершенное удаленіе изъ земли, въ которой покоится прахъ отцевъ, безъ сомнѣнія рѣдкій до крайности случай, быть-можетъ даже и никогда не имѣвшій мѣста». Въ настоящемъ случаѣ вопросъ затрудняется и отъ противорѣчій норманской школы; гдѣ дѣло идетъ о выселеніи къ Славянамъ *всѣхъ Руссовъ*, она должна поневолѣ принять и совокупное съ ними выселеніе женъ, стариковъ, *всего*, по выраженію г. Куника, *что носило русское имя*; норманскихъ женщинъ (skialdmeyar) находитъ она еще въ войскахъ Святослава (Погод. Изслѣд. III. 43. Kunik, Beruf. II. 452); норманскими женами надѣляетъ и нашихъ первыхъ князей. Напротивъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отсутствіи слѣдовъ скандинавизма въ русскомъ быту, языкѣ и религіи, оказывается, что «юные норманскіе воины, приходившіе по бóльшей части *безъ женъ*», заводили себѣ «маленькіе славянскіе гаремы» въ славянскихъ земляхъ, почему славянскій языкъ и сдѣлался роднымъ языкомъ (die Muttersprache) ихъ дѣтей (Krug, Forsch. II. 276, 277). Предоставляя норманской школѣ окончательное рѣшеніе этого спора, я спрашиваю: какое значеніе, общее или племенное, имѣло и могло имѣть въ IX вѣкѣ у Финновъ и у Славянъ, ихъ финское Ruotsi, ихъ славянское Русь, названія, подъ которыми они понимали призванный ими шведскій народъ? Извѣстно, что въ настоящее время Финны и Эсты понимаютъ *всѣхъ* Шведовъ и *всю* Швецію подъ именемъ Ruotsi: это финское Ruotsi краеугольный камень норманской системы. Теперь, кого понимали Финны подъ именемъ Ruotsi, *въ IX столѣтіи? Особое* шведское племя, *однихъ* поселенцевъ приморскаго Шёланда? Но тогда должно принять, что по выселеніи къ Славянамъ и Финнамъ, *всего* племени шведскихъ Россовъ, съ женами и дѣтьми, Финны не только что не оставили росскаго имени за его единственными законными обладателями, т. е. за выселившимися изъ Швеціи Россами (которыхъ, съ самой минуты призванія, смѣшиваютъ съ Славянами-Вендами Wennelaiset), но еще перенесли это имя на про-

чихъ, въ Швеціи оставшихся Шведовъ, между коими уже не было *ни одного Росса*! Было ли имя Ruotsi у Финновъ, *общимъ народнымъ* именемъ Шведовъ *въ IX вѣкѣ*, какъ нынѣ? Тогда оно было *общимъ, народнымъ* именемъ Шведовъ и у Славянъ, узнавшихъ его отъ Финновъ, прозвавшихъ самихъ себя Русью, отъ имени своихъ шведскихъ покорителей, подъ его финскою формою. Но всѣ Шведы выселиться изъ Скандинавіи не могли. Почему же имя Руси для Шведовъ исчезаетъ и въ лѣтописи и въ народномъ говорѣ? Какимъ образомъ является оно у Нестора *племеннымъ*, на ряду съ именами Свеевъ, Урмянъ, Готовъ?

Слова лѣтописи «пояша по собѣ всю Русь» нисколько не относятся къ выселенію въ финно-славянскія земли *всѣхъ* (отъ роду не бывалыхъ) шведскихъ *Родсовъ*, ютландскихъ *Россовъ* и т. п. Это выраженіе ничто иное, какъ древне-русскій, въ памятникахъ нашей старинной письменности не рѣдко встрѣчающихся идіотизмъ; напр. въ Новгородской лѣтописи подъ 1111 г.: «Иде Святопълкъ, Володимиръ, Давыдъ *и вся земля просто Русьская* на Половьцѣ». Подъ 1114: «Съвкупишася братья Вышегородѣ, Володимиръ, Ольгъ, Давыдъ, *и вся Русьская земля*, и освятиша церковь камяну маія въ 1» и т. д. Подъ 1169: «Придоша подъ Новъгородъ Суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Муромьци и Рязаньци съ двѣма князьма, Полоцькыи князь съ Полоцяны *и вся земля просто Русьская*» [1]). Неужели и здѣсь вся русская земля выселяется? *вся Русь* противъ Половцевъ? *вся Русь* въ Вышегородѣ? *вся Русь* подъ Новгородомъ? «Пояша по собѣ всю Русь, говоритъ г. Погодинъ (изслѣд. III. 42): «какъ превосходно истолковывается это мѣсто Нестора мѣстомъ Константина Багрянороднаго: какъ скоро наступитъ ноябрь мѣсяцъ, то князья, оставивъ *со всѣмъ Русскимъ племенемъ* Кіевъ, cum universa Russorum gente (плохой Мёрзіевъ переводъ греческаго μετὰ παντῶν τῶν Ῥῶς), разъѣзжаютъ по всѣмъ странамъ для собиранія дани». Но въ смыслѣ ли ежегоднаго выселенія *всѣхъ Руссовъ* въ ноябрѣ мѣсяцѣ, должно по-

---

[1]) «Тои же зимѣ приходиша *вся Чюдьская земля* Пльскову» (Новг. 16. подъ 1176 г.)

нять слова греческаго императора? Едва-ли? Чисто русское выраженіе Константина μετὰ παντῶν τῶν Ῥῶς (De adm. imp. ed. Bonn. 79), переводъ нашего «вся Русь» «вся земля Русская» и означаетъ всю русскую княжью, весь дворъ русскихъ князей, какъ представителей русской земли.

Замѣтимъ въ добавокъ, что мнимо-русское имя призванныхъ Финнами и Славянами Шведовъ, переходитъ, вопреки законамъ исторической логики, на однѣ только славянскія, отнюдь не на финскія племена. Но соображаются ли подобнаго рода явленія съ приличіями этнографическихъ подраздѣленій?[1]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о грамматической формѣ имени Русь, съ точки зрѣнія его мнимо-скандинавскаго происхожденія.

Въ изслѣдованіяхъ г. Куника (Beruf. I. 166) оно является подъ формою Rôdhs, plur. Rôdhsin. «Греческое Ῥῶς, говоритъ онъ (ibid. II. 302 см. выше), явно составлено не по примѣру славянскаго Русь, а по выговору прибывшихъ въ Византію Шведовъ, изъ коихъ одна отрасль отличаетъ себя, въ собственно шведскихъ источникахъ, именемъ Rods и Ros». Я, съ своей стороны, убѣжденъ что ни одна изъ грамматически возможныхъ германо-скандинавскихъ формъ имени Русь (будь оно названіемъ народа или военнаго ремесла), не могла перейти къ Грекамъ подъ формою Ῥῶς; что слѣдовательно ни одна изъ нихъ не можетъ почесться первобытною, туземною шведскою.

Имя Руси является впервые въ 839 году, подъ формою Rhos, въ извѣстномъ мѣстѣ бертинскихъ лѣтописей: «misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant». Что здѣсь латинское Rhos буквальный переводъ

---

[1]) Шлецеръ думалъ «что Новогородцы, Кіевляне и *всѣ прочіе народы сего государства*, назвались *Руссами* послѣ пришествія Варяговъ» (Нест. I. 603); Кругъ (Forsch I. 210) прямо говоритъ: «всѣ народы, состоявшіе подъ властію русскихъ князей и образовавшіе новое государство, Славяне, *Чюдь* и т. д., приняли въ послѣдствіи знаменитое русское имя». Желательно знать, на какихъ доказательствахъ основано это мнѣніе? Гдѣ, кѣмъ и когда прилагается имя Руси финскимъ народностямъ? Какимъ образомъ могъ Несторъ писать о Чюди своего времени: «Русь, *Чюдь* и вси языци» — «А се суть иніи языцы, иже дань даютъ Руси: *Чюдь, Меря, Весь, Мурома*» и т. д., если Чюдь стала Русью тотчасъ послѣ призванія? Когда и вслѣдствіе какихъ историческихъ случайностей утратили Финны, Эсты и пр. это свое русское имя?

греческаго ῾Ρῶς, а безпримѣрное въ греческомъ языкѣ, этническое, несклоняемое ὁ ῾Ρῶς, οἱ ῾Ρῶς, τῶν Ρῶς, по существу своему, совершенно противно духу греческаго словосочиненія, два лингвистическихъ факта, ясныхъ до очевидности, сознаваемыхъ изслѣдователями всѣхъ системъ и всѣхъ мнѣній (Kunik, Beruf. II. 201. — *Ср. Krug, Forsch. II. 832*). Отсюда логически слѣдуетъ, что Греки могли принять неудобную, безпримѣрную для нихъ форму ῾Ρῶς только по крайней необходимости, т. е. если этого требовало непремѣнное употребленіе формы ῾Ρῶς у того народа, который отличалъ себя этимъ именемъ и первый имъ его передалъ.

Теперь спрашивается: могли ли Шведы отличать себя именемъ, грамматически соотвѣтствующимъ несклоняемой формѣ ῾Ρῶς? Въ предположеніи г. Куника, греческое ῾Ρῶς переводъ того имени, которымъ назывались члены шведскихъ гребельныхъ общинъ, имени Rodhs, plur. Rodhsin. Но имѣемъ ли мы право, при объясненіи перехода этого имени изъ шведскаго въ греческій языкъ, ссылаться вмѣсто множественнаго Rodhsin, на единственное Rods, Ros? За исключеніемъ *собирательныхъ слoвено-русскихъ именъ*, народныя и племенныя не являются ни въ одномъ изъ европейскихъ языковъ, подъ формою единственнаго числа; никакой народъ не именуетъ себя Римляниномъ, Франкомъ, Германцомъ; *гребцомъ* еще менѣе. Дѣло въ томъ, что безпримѣрному греческому ῾Ρῶς соотвѣтствуетъ только одна собирательная, славянская форма *Русь;* но собирательная форма именъ, одинаковая въ единственномъ и во множественномъ числѣ, неизвѣстна германо-скандинавскимъ нарѣчіямъ. Древне-шведское rods, plur. rodhsin, новѣйшее народное Ryss, plur. Ryssarne, или какая бы то ни была другая германо-скандинавская форма имени Русь, проявилась бы у Грековъ не иначе какъ подъ формами: ὁ ῾Ρῶσος, οἱ ῾Ρῶσοι, ὁ ῾Ρῶσσος, οἱ ῾Ρῶσσοι и т. п. Такимъ образомъ передавали они всѣ германо-скандинавскія имена: ὁ Γότθος; οἱ Γότθοι; ὁ Δάν, οἱ Δανεῖς; ὁ Νορτμάνος, οἱ Νορτμάνοι [1]). Мы видимъ

---

[1]) Procop. ed. Bonn. II. 68: «Θεύδης, Γότθος ἀνὴρ.» — ibid: Γότθοι. — ibid. 205: «Δανῶν τὰ ἔθνη.» — Anna Comn. 24: «ὁ δὲ ῾Ρομπέρτος οὗτος Νορμάνος τὸ γένος».

что и вынужденное необходимостію у Грековъ несклоняемое Ῥῶς переходитъ современемъ въ болѣе удобное простонародное Ῥῶσος, Ῥοῦσος, Ῥῶσσος, съ соотвѣтствующимъ ему множественнымъ числомъ [1]), а обыкновенно склоняемое шведское rods, rodhsin проявилось бы у нихъ подъ безпримѣрною, крайне-неудобною формою Ῥῶς? Ясно, что это Ῥῶς указываетъ на подобную ему форму въ томъ языкѣ, изъ котораго оно занято; что стало-быть Шведы бертинскихъ лѣтописей передали Грекамъ, не свое шведское rodhsin, а славянское Русь. Но возможно ли, чтобы Шведы склоняли свое собственное туземное имя, не по шведски, а по славянски?

Эти возраженія и замѣчанія идутъ равно и къ прочимъ, на одинаковомъ началѣ основаннымъ системамъ норманскаго происхожденія Руси, т. е. къ Крузевымъ Вроснамъ — Vrosnen, къ Ризаландцамъ — Risar Буткова, и Финъ-Магнусена, къ Рустрингцамъ Гольмана и т. п. Всѣ онѣ — варіанты одной, невозможной темы, съ тѣмъ различіемъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ даже и предлога къ заблужденію, въ созвучіи славянскаго Русь съ финскимъ Ruotsi.

Я ожидаю вопроса: откуда, если не было шведскихъ Россовъ, финское Ruotsi, эстское Rootsi для Шведовъ?

Розенкампфъ объяснялъ это слѣдующимъ образомъ: «Шлецеръ замѣчаетъ, что Эсты и Финляндцы жили на противныхъ (Швеціи) берегахъ, а именно *насупротивъ* Рослагена. И какъ отъ сего мѣста упландскіе и шведскіе корабли съ вооруженными гребцами пришли къ нимъ для грабежа, или для отмщенія за свой грабежъ; слѣдовательно Эсты и Финны не могли ихъ иначе назвать, какъ собственнымъ ихъ именемъ, т. е. гребцами или Ротсами. Вотъ что значатъ слова Rootzi и Roslagen, и ежели бы и древніе Руссы, какъ и Шведы, Варяги и прочіе Норманны принадлежали къ общему готскому или германскому племени; то по-крайней мѣрѣ изъ того не слѣдуетъ, что вооруженные упландскіе гребцы, *Ротси*, сообщили свое имя Россіи» (Стат. Розенк. 152, 153.)

---

[1]) Pachymer ed. Bonn. I. 345: Ῥῶσοι. — Herodian. Epimer. p. 121 et Moschop. II. σχεδ. p. 200: Ῥὼς ὁ κοινῶς Ῥοῦσος. — Eust. ad Dionys. Per: 302: οἱ Ῥῶσσοι. — (vid. v. Ῥῶς in Thes. Gr. l. ed. Didot).

Какъ извѣстно, почтенный авторъ обозрѣнія Кормчей Книги не отличался особенною историческою проницательностію, почему и вывелъ изъ собранныхъ имъ замѣчательныхъ текстовъ и данныхъ заключеніе, совершенно противное его собственнымъ видамъ. Я нисколько не допускаю съ нимъ, чтобы Эсты и Финны *не могли иначе назвать вооруженныхъ шведскихъ гребцовъ, какъ собственнымъ ихъ именемъ, т. е. гребцами или Ротсами.* Они могли и должны были назвать ихъ или просто Шведами, какъ Бритты называли Саксовъ Саксами, Галлы Франковъ Франками, или какимъ-либо другимъ, ими самими изобрѣтеннымъ, или у сосѣдей занятымъ народнымъ именемъ. Ротсами (отъ шведскаго rodhsin) они могли ихъ назвать только въ томъ случаѣ, еслибы у самихъ Шведовъ названіе rodhsin обратилось въ собственное, племенное; но съ одной стороны, мы видѣли, что еще въ XIII столѣтіи, rodhsin было чисто нарицательнымъ именемъ для шведскихъ и норвежскихъ гребцовъ, какъ нынѣшнее rodare; съ другой, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, чтобы Шведы когда-либо именовали себя Родсами у чужихъ народовъ; иначе было бы непонятно, почему это имя для Шведовъ не слышится и на западѣ.

Логичнѣе было бы вывести финское Ruotsi отъ Родслагена; оно соотвѣтствовало бы новѣйшему шведскому Rospigg (Sjögren, Mém. VI. Sér. T. II. 145) и всѣмъ вообще изъ мѣстныхъ составленнымъ народнымъ именамъ. Но по всей вѣроятности, названіе Родслагена въ IX вѣкѣ еще не существовало. По Эверсу, оно встрѣчается въ первый разъ въ утвержденіи упландскихъ законовъ королемъ Биргеромъ въ 1295 году (Ewers, Krit. Vorarb. 120); его ввело въ заблужденіе слово borealis Roslagia, которымъ плохой переводчикъ Loccenius передаетъ выраженіе оригинала: Norra Rodhin. Первый достовѣрный поминъ о Рослагенѣ—въ государственныхъ протоколахъ 1640 года (см. ниже). Въ древнѣйшихъ памятникахъ шведской письменности, напр. въ уложеніи Биргера, въ Registrum Upsaliense 1344 года, въ письмѣ короля Карла Кнутсона (XV в.) и т. д., извѣстная нынѣ подъ названіемъ Рослагена часть Шёланда, постоянно означена подъ формою Roden (Roþin). «Это Шёландъ, говоритъ Гейеръ (Gesch. Schwed. I. 68, 69.

Anm. 1.) — береговая часть Свитіода, *древнее* Roden, коего имя еще существуетъ въ Родслагенѣ или Рослагенѣ; самое значеніе имени сохранилось въ обычномъ еще раздѣленіи этого края на корабельныя общины (skeppslag.) Значеніе это древнее; ибо хотя помянутое раздѣленіе и не обозначаетъ восточнаго Roden (такъ оно пишется въ письмѣ короля Карла Кнутсона. Срвн. Ewers über Stockholm. II. 8.) отдѣльно отъ Аттундаланда, а напротивъ причисляетъ его къ Аттундаландскимъ весямъ; но Registrum Upsaliense представляетъ древнѣйшія доказательства современному раздѣленію этой части Рослагена на корабельныя общины. Такимъ образомъ въ дипломѣ 1280 года с. CCXI, упоминается о здѣшнихъ Telgboa-skiplagh, Rindboa-skiplagh, Akirboa-skiplagh, Danarö-skiplagh. Впрочемъ, смыслъ этого раздѣленія лежитъ въ самомъ имени Roden, какъ уже явствуетъ изъ выраженій государственнаго канцлера Акселя Оксеншерна въ протоколахъ (Rathsprotocollen) 1640 года, а именно, что Rodslagen такъ прозванъ отъ того, что на берегахъ его обитали Rookarlar (гребцы, Rudermänner), вслѣдствіе принятаго нашими предками обыкновенія удѣлять морскимъ людямъ особые округи, именуемые skeppslag (Palmsköld XIV. Topogr. vol. 22. S. 1157, замѣчающій по этому поводу, что о Gefle въ старину говорилось, что оно лежитъ въ Norra Roen; это имя простиралось стало быть и на прибрежіе Гестрикаланда)». Тоже о Шёландѣ и Роденѣ у издателей исландскихъ сагъ: «Sjalandum (Sjáland). Pars regionis Sueciae, proprie sic dictae, Upplandi (Uppland), quam orientem versus mari adjacuisse credunt, *postea* Rodslagen vel Roslagen (*olim* etiam Roþin) appellata» (Script. hist. Island. XII. 537). Этому древнему Roden или Roþin, названію Родслагена еще въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, соотвѣтствуетъ англійское Rode statio navium (Ihre ap. Rosenk. 148). Но могло ли изъ Roþin образоваться народное финское Ruotsi? Объ этомъ пусть судятъ финскіе филологи.

Я предлагаю другое, по моему мнѣнію, болѣе естественное словопроизводство.

При разборѣ предположеній Шлецера о происхожденіи финскаго Ruotsi, эстскаго Roots, Rootslane (Шведы), отъ названія Рослагена, Парротъ замѣчаетъ:

«Если бы въ лексиконѣ Гупеля, изъ котораго Шлецеръ приводитъ переводное имя Шведовъ, онъ отыскалъ настоящее значеніе слова Roots, онъ конечно бы не вздумалъ опираться на его созвучіе (съ Рослагеномъ). Оно означаетъ вообще хребетъ (Grat), ребро (Rippe), а въ особенности стволъ (Stängel) на листѣ. Перенесеніе этого понятія на береговые утесы или скалы (Scheren), коими преимущественно изобилуетъ Швеція, дѣлаетъ понятнымъ, почему Финны называютъ Швецію Ruotsimaa, а Эсты Rootsima, страною скалъ, Scherenland (Versuch einer Entwick. d. Sprache, Abstammung der Liwen, Lätten, Eesthen. Erl. № 20).

Эстское roots передаетъ стало-быть значеніе нашего *шестъ*, *хребетъ*, *скала*, какъ латинское crista — значеніе пѣтушьяго гребня и горной вершины, какъ наше *гребень* значеніе горнаго хребта. Какъ германскіе народы понимали Чюдь подъ именемъ Finne, скандинавскіе подъ именемъ Finnr, т. е. луговыхъ жителей (отъ сѣвернаго fen, fenne — лугъ, cfr. Schafar. Sl. Alt. I. 313), такъ Финны и Эсты называли Шведовъ Ротсами, отъ слова roots, хребетъ, скала. Rootsmaa — Швеція, утесистая страна; Rootsmees — Шведъ, обитатель утесовъ, горецъ. Точно въ такомъ-же смыслѣ прозваны и Хорваты, отъ слова Horby, Chrby, обитателями горныхъ хребтовъ, Поляне отъ полей, Древляне отъ деревъ и т. д.

II.

СЛАВЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУСИ.

Какъ у германскихъ народовъ племенныя названія преимущественно основаны на историческихъ особенностяхъ, на политическомъ или воинскомъ значеніи племенъ, такъ названія славянскія взяты по большей части отъ природныхъ, мѣстныхъ отличій, т. е. отъ названій рѣкъ, горъ, лѣсовъ, озеръ и т. д. Таковы народныя и племенныя Морава, Хорваты, Дубрава, Загорцы, Озеряты, Полабы, Полочане, Чрезпѣняне, Бужане и пр. Законы исторической аналогіи наводятъ на вѣроятность одинаковаго происхожденія имени Русь.

Коренное *рс*, *рЬс*, проявляется по преимуществу въ названіяхъ рѣкъ, источниковъ и озеръ у славянскихъ народовъ (см. Kollar, Rozpr. o gmen. 183). Удивленный необъятнымъ множествомъ (eine unübersehbare Menge) происходящихъ отъ этого корня славянскихъ названій рѣкъ и лежащихъ близь нихъ городовъ и селеній, Шафарикъ производитъ эти названія отъ *предполагаемаго* праславянскаго *rusa*—рѣка, соотвѣтствующаго по ономатопіитическому выраженію подобнымъ звукамъ и у прочихъ европейскихъ народовъ (Čas. Česk. Mus. VII. Abk. d. Sl. 160). «Корень этого слова», говоритъ онъ, «находится и въ другихъ, особенно древнихъ языкахъ, въ томъ-же смыслѣ и значеніи; Байеръ, отличный знатокъ европейскихъ и азіатскихъ языковъ, говоритъ о немъ: имена *ra*, *ros* изъ древнѣйшаго общаго языка перешли къ Скиѳамъ и къ другимъ народамъ и значили *рѣку*; въ кельтс. языкѣ rus, ros значитъ озеро; съ нимъ сродно и нѣмецкое rieseln; и быть можетъ слово *роса*, *ros*.»

Допуская *отчасти* основательность замѣчаній Байера и Шафарика, [1]) я однако вижу что ими опредѣлено только ономатопіитическое значеніе кореннаго *рс*, въ тѣхъ словахъ индоевропейскихъ языковъ, которыя означаютъ воду или теченіе воды. Форма, подъ которою каждый изъ европейскихъ народовъ усвоилъ себѣ это коренное *рс*, особое значеніе, которое онъ придалъ у себя производнымъ отъ этого корня, наконецъ историческая судьба этихъ производныхъ, оставлены безъ объясненія. Слова θεός, deus, Teut, Tiv, Div, также происходятъ отъ одного общаго, древняго корня и представляютъ одинаковое значеніе во всѣхъ языкахъ (cfr. Grimm, D. M. 175 ff.). Противорѣчитъ ли это происхожденію народнаго германскаго имени Teutsch отъ первобытнаго Teut? Или мы не должны признавать народнаго германскаго начала въ Тевтонахъ Пиѳеаса и Плутарха, въ названіяхъ Теутобургскаго лѣса и Теутендорфа, потому что есть греческій городъ Θεοδοσία и греческое имя Θεοφάνης? У скандинавскихъ народовъ первобытное *alp*, *elb* перешло въ названіе рѣкъ вообще, подъ формою *elf* и *elv*. Заключить ли отсюда о нарицательномъ значеніи германскаго Elbe, сла-

[1]) Я говорю *отчасти*, потому что они произвольно смѣшиваютъ два, другъ отъ друга независимыя этимологическія начала. См. ниже.

вянскаго Лаба, а Нордальбинговъ и Полабовъ объяснять обитателями рѣчныхъ береговъ? Между германскимъ Teut и греческимъ θεός, между скандинавскимъ elf и германскимъ Elbe, какъ между славянскимъ Русь и кельтійскимъ ros, существуетъ различіе *имени* отъ *слова*. У Грековъ, Латиновъ, Германцевъ, Кельтовъ производныя отъ общаго кореннаго *рс* сохранили первобытный смыслъ воды и теченія; отсюда греческое ῥοή, латинское ruo, rivus, германское rieseln, кельтское ros; отсюда, пожалуй, и наше славянское *рѣка*. Но ни одно изъ этихъ словъ не перешло въ собственныя имена рѣкъ и озеръ у Грековъ, у Римлянъ, у Германцевъ, у Кельтовъ. Откуда же у однихъ Славянъ это множество названій *рось*, *русь* для славянскихъ водъ? Неужели это явленіе случайное, не представляющее особеннаго значенія? Ошибка славянскихъ изслѣдователей, и преимущественно нашихъ русскихъ, состоитъ не въ указаніи на очевидную связь между народнымъ именемъ Русь и коренными *рось*, *русь* въ рѣчныхъ и мѣстныхъ названіяхъ у всѣхъ вообще славянскихъ народовъ, а въ невѣрномъ и нелогическомъ производствѣ этихъ названій отъ *народнаго*, по всей славянщинѣ произвольно проводимаго ***Русь***. Это значитъ отыскивать Тевтоновъ въ греческой Ѳеодосіи. Напротивъ, въ производствѣ народнаго ***Русь***, отъ общеславянскаго Рось, Русь (при настоящемъ опредѣленіи этихъ названій для славянскихъ водъ), я вижу столько же произвола и случая, сколько въ производствѣ народнаго Морава отъ Моравы, Полочанъ отъ Полоты, Нордальбинговъ отъ Эльбы (Albis).

Уже Нарбуттъ (Dzieje Staroż. nar. Litewsk. I. 175) напалъ на ту мысль, что святыя рѣки у Будиновъ (которыхъ онъ считаетъ предками Литвы, а Шафарикъ Славянами Sl. Alt. I. 184 ff.) именовались ross. Оставляя въ сторонѣ схваченное съ воздуха предположеніе о Будинахъ и ихъ переселеніи съ береговъ Волги на берега Нѣмана, я останавливаюсь на двухъ фактахъ, имѣющихъ особое значеніе для русской исторіи.

I. Отъ Волги-Рось до Нѣмана-Рось и до Куришгафской Русны, все пространство земли занимаемое словено-русскими племенами, покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса.

1) Волга-Рось. Агаѳемеръ, писавшій около 215 лѣтъ по Р. X., говоритъ: «reliquorum vero per Asiam fluminum et in diversa maria se emittentium Jaxartes et Oxus, et Rhymnus et *Rhos*, et Cyrus et Araxes Caspio mari miscentur» (Hudson II. 48). Нубійскій географъ: «....Verum influit in illud (sc. mare Chozar) pars fluminis Ross, Athel vocati» etc. (Geogr. Nubiens. 243). Г. Куникъ (Beruf. II. 7. Anm.) опровергаетъ ʽPῶς Агаѳемера Птоломеевымъ ʽPᾶ, Амміановымъ Rha, именами Волги, совпадающими съ существующимъ и донынѣ у Мордвы именемъ Волги — Rhau (Schloez. N. G. 306). Но развѣ прусское Memel исключаетъ литовское Нѣманъ, [1]) германское Elbe — славянское Лаба? Все, что можно заключить изъ разноногласія между Агаѳемеромъ и Птоломеемъ, между Эдризи и Амміаномъ, состоитъ въ томъ, что одни получили свое названіе Волги отъ народа славянскаго, говорившаго *Рось*, а другіе отъ народа финскаго, произносившаго *Rhau*. На древность существованія имени Рось для Волги указываетъ и названіе Роксалановъ т. е. приволжскихъ Алановъ (Schafar. Sl. Alt. I. 352. — Abk. d. Sl. 107); этому имени Рось отвѣчаетъ можетъ-быть и названіе Волги у Геродота ʼOάρος (IV. 122, 125), напоминающее венгромонгольскую форму имени Русь Orosz, Urus. (См. Mannert, Geogr. IV. 110. — Müller, Stromsyst. d. Wolga, 84, 103, 104. Klaproth, tabl. hist. 23 — 24).

2) Осколъ-Рось (Narbutt. I. 176).

3) Нѣманъ-Рось. Такъ называется часть этой рѣки, протекающая Волковскій повѣтъ (тамъ же).

4) Нѣманъ-Русь. Названіе нижняго Нѣмана (праваго рукова его) до самаго устья; иные называютъ его также Рось (тамъ-же).

5) Куршигафъ-Русна. «Addo, probabile quoque esse Prussos ab amne Russo nominatos, quasi dicerentur Porussi et Prussi, i. e. accolae Russi fluminis. Est enim in Russia ostium amnis Memelae, quod hodieque Russa vocatur.[2]) Notum insuper

---

[1]) Любопытны слова Герберштейна: «Da Rindt das wasser die Mümel, nach Teutscher sprach, Dan. Die Rindt durch Preyssen ab. Litisch nennt mans Nemen. (Selbstbiogr. 112.)

[2]) Отъ Нѣмана-Руси вѣроятно и названіе того берега Русскою землею.

est ipsum lacum Curonensem (das Churische haff) olim vocari solitum Rusna, ut disertis verbis habent verba Privilegii Pacis inter Vladislaum jagellonidem Regem Poloniae et Paulum de Rusdorf Magistrum Ordinis Teut. in Cujavia dati» (Hartknoch, Dissert. III. 64).

6) Рось, впадающая въ Наревъ съ праваго берега ниже Остроленки (Narbutt, I. 176).

7) Рось, впадающая въ Szesczup съ лѣваго берега не далеко отъ Новаго Мѣста (тамъ-же).

8) Русь или Руса (Синоп. Роса) въ Новогородской губерніи, впадающая въ озеро (Нест. Шлец. I. 150). По сохранившемуся въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи преданію, Славяне прозвались Русью отъ этой рѣки. Царевичь Іоаннъ передъ службою Св. Антонію Сійскому: «Приписано бысть сіе .... многогрѣшнымъ Иваномъ, во второе по первомъ писатели, колѣна Августова, отъ племени Варяжскаго, родомъ Русина, близь восточныя страны, межь предѣлъ Словеньскихъ и Варяжскихъ и Агаряньскихъ, *иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ*» (Карамз. IX., прим. 612). Густинскій лѣтописецъ (с. 236) говоритъ, что имя Русь производятъ «иныи отъ рѣки глаголемыя Рось».

9) Рось украинская, впадающая въ Днѣпръ съ праваго берега, ниже Конева. По этой Рси завелъ Ярославъ поселеніе изъ плѣнныхъ Ляховъ и ставилъ города (Лавр. 65).

10) Руса, впадающая въ Семь (Кн. больш. черт. 91).

11) Рось, впадающая въ озеро Jeziorozy (Narbutt, l. c.).

12) Эмбахъ-Рось, по Кодину у Шлецера (Нест. II. 328).

Сверхъ того: Роска въ Волыни (см. Карамз. III., прим. 77); Порусье или Порусья, падающая въ Полисть (Кн. б. черт. 182) и множество другихъ [1]).

II. Названія Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляютъ особое религіозное начало и значеніе святости.

Въ описаніи путешествія митрополита Исидора на Флорентійскій соборъ въ 1436 г., сказано, что самъ Исидоръ отправился изъ Риги въ Любекъ моремъ, коней же его гнали берегомъ отъ Риги къ Любеку *на Руску землю*, потомъ на Прусскую, далѣе на поморскую (Сынъ Отеч. 1836 № 1, 32).

[1]) Къ тому-же началу должно отнести и встрѣчающіяся у арабскихъ писателей названія *русскихъ* рѣкъ: Ras (er Rass), Nehrer-Rusiet, flumen Rusiu и т. д. (см. Fraehn, Ibn-Foszl. 34. Schafar. Sl. Alt. I. 496).

О русскихъ Славянахъ, какъ водопоклонникахъ по преимуществу, дошло до насъ не мало прямыхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, какъ въ лѣтописи Нестора, такъ и въ современныхъ ей памятникахъ: переводѣ С. Григорія Назіанзина, правилахъ митрополита Іоанна и т. д.; для подробнѣйшихъ указаній отсылаюкъ изслѣдованіямъ Снегирева, Срезневскаго, Ганушa и т. д. Принимая покуда преимущественное господство водопоклоненія у русскихъ Славянъ за исторически доказанный фактъ, я въ повтореніи одного и того-же названія для рѣкъ и источниковъ, вижу явно религіозную мысль, тѣмъ болѣе что имя Рось, какъ не рѣдко прилагаемое къ другому рѣчному имени (напр. Волга-Рось, Нѣманъ-Рось, Осколъ-Рось и т. д.), обличаетъ первобытно-нарицательное значеніе; а какое же могло оно имѣть у Славянъ водопоклонниковъ, если не значеніе святости?

На это значеніе указываетъ и этимологія словено-русскаго, (только у русскихъ Славянъ существующаго) названія русалокъ. Шафарикъ (Čas. Česk. Mus. VII. 299 sq.), а за нимъ Юнгманнъ (Slown. IV. 959) производятъ ихъ отъ *русла*; того же мнѣнія и г. Буслаевъ. «Понятіе о свѣтѣ», говоритъ онъ (О вл. Христ. 15, 16), «глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ начальною ихъ стихіею. Рѣчное названіе *Руса*, откуда Русалка черезъ форму *рус-ло*, ведетъ свое происхожденіе отъ слова: *русый*, распространившагося не только на сѣверъ, гдѣ находимъ Фин. *rus*, красный, рыжій, но и на югъ, такъ что у Сербовъ *руса* постоянный эпитетъ головы: «и *русу* му осјече главу.» Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: na potoku Rusawě, но и въ кельт. *rus*, *ros*—озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ руçат-rutilans, глаголъ же руç остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи ferire, occidere, съ перемѣною же небнаго ç въ ч, перешелъ въ *руч* lucere, splendere.» Начальная мысль этимологіи г. Буслаева быть-можетъ вѣрна; но если не ошибаюсь, основное смѣшано въ ней съ производнымъ. По санскритски ruć — splendere; въ зендскомъ языкѣ raoć splendere и lux (Bopp, Vergl. Gram. 128, 28); отсюда,

съ одной стороны, производныя ῥούσιος, russaeus, rutilans, русый, фин. rus и т. д.; съ другой, значеніе блеска и свѣта для водъ и росы (срвн. alp, elb, albus и формы Elf, Elbe) въ индоевропейскихъ языкахъ. У славянскихъ племенъ Скр. и Зендское: ruć, raoć переходитъ изъ нарицательнаго въ собственное, подъ формою Рось, Русь; здѣсь начало миѳологическаго (славянскаго, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, словено-русскаго) періода его. Этому періоду принадлежитъ *существующее только въ русскомъ языкѣ* (подобно названію русалокъ) *слово: русло*, быть-можетъ первоначально божественное олицетвореніе русла; и русло, и русалка отъ рѣчнаго, священнаго *Русь*. «Овь рѣку богынію нарицаетъ и звѣрь живущь въ ніеи іако Бога нарицая требу творіть» (перев. Григ. Наз. 88, 89). Какъ отъ Нѣмана и Свитязя Нѣмнянки и Свитезянки (Снегир. I. 119), такъ отъ Рси или Русы-русалки. Литовская русалка именуется гуделкою, gudielka; но по литовски guddusemme-украинская Русь; gudas-Русинъ; gudai-Русь въ множ. числѣ (Schafar. Sl. I. 456. Anm. 4).

Отъ первобытно общаго всѣмъ славянскимъ племенамъ вѣрованія осталось извѣстное у всѣхъ почти славянскихъ народовъ подъ названіемъ *русалій*, *rusadla*, весеннее празднество. «Rusádla plur. gen. Rusadel, slav. Gömör. Pfingsten, feriae pentecostes» (Palkowiču Slownjk, II. 2005.) «Swátky a gisté časy gakožto na Kračun, na Welikau noc a na Rusadla.» (Bartholomaeid. Memor. ap. Kollar, Rozpr. 354). «Na Rusadlnie swiatky podle starjeho obyčege králow staweti, tanze wywázeti, do starje kožuchy se obláčeti i gakžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude» (Акты Щитницкаго евангел. собора въ 1591 г. Тамъ-же. 355). Въ толкованіи на 62 канонъ Трулльскаго собора, Ѳеод. Вальсамонъ (около 1100 г.) упоминаетъ о русаліяхъ ῥουσάλια, какъ о празднествѣ, справляемомъ, по худому обычаю, во внѣшнихъ земляхъ, ἐν ταῖς ἔξω χώραις (Du Cange v. Rosalia); извѣстіе, относимое Шафарикомъ (Sl. Alt. II. 179) къ Славянамъ болгарскимъ. О нашихъ русаліяхъ см. Снегир. IV. 1—17.

Сюда, быть можетъ, принадлежитъ и народное выраженіе *святая Русь*, какъ отголосокъ нашей языческой старины. Въ книгахъ до XVI вѣка не встрѣчаемъ его; у Курбскаго: *свято-*

русская земля (Сказан. 46). Какъ у германскихъ народовъ (Grimm, D. M. 1195), такъ и у насъ, понятія языческія нерѣдко переходили въ христіянскія; миѳъ объ Иванѣ Купалѣ вошелъ въ соединеніе съ праздникомъ въ честь св. Іоанна, и т. д.

«Несторъ справедливо ведетъ происхожденіе моравскаго имени отъ рѣки Моравы», говоритъ Шафарикъ (Sl. Alt. II. 499), названіе которой было такъ древне и уважаемо у Славянъ, что едвали есть славянская земля, гдѣ бы не нашлась или рѣка, или мѣстечко, или область, носящія имя Моравы.» Тоже самое можно сказать и о Славянахъ-Росопоклонникахъ. Какъ Морава, такъ и Русь — имя рѣки и народа. Но не отъ народа, а отъ святыхъ рѣкъ, это множество русскихъ названій во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

Какъ у славянскихъ племенъ восточной отрасли форма ***Рось***, такъ у западныхъ преимущественно господствуютъ формы ***Руса*** и ***Русь***; это измѣненіе гласныхъ (срвн. богъ и bůh, ножъ nůž) вообще одно изъ характеристическихъ отличій обѣихъ системъ языковъ. Есть вѣроятность, что и народное имя Руси нѣкогда подчинялось тѣмъ-же законамъ произношенія, а первобытное названіе Росопоклонниковъ восточнаго шестиплеменнаго союза было ***Рось***, а не ***Русь***. 1) Въ названіяхъ рѣкъ у восточныхъ славянъ (стало-быть въ первородной формѣ русскаго имени) господствуетъ форма ***Рось***, а не ***Русь***.[1]) 2) Имя Руси у Мадяровъ, получившихъ его непосредственно отъ восточныхъ племенъ, Orosz; у Грековъ Ῥῶς.[2]) 3) Въ одномъ изъ лучшихъ списковъ лѣтописи (академ. исхода XV ст.) Русская Правда названа ***Роською***. По ошибкѣ ли? Подъ техническимъ, вѣками освященнымъ именемъ *роськой правды*, разумѣлось собраніе древнѣйшихъ русскихъ законовъ; первобытное названіе могло остаться неприкосновеннымъ и въ то время, когда западная форма ***Русь*** уже давно вытѣснила восточную ***Рось***. И въ первой Львовской

[1]) У Сербовъ и Хорутанъ, принадлежащихъ къ восточной же отрасли, упоминается о городахъ и мѣстечкахъ: ***Роса*** (τὸ κάστρον τὴν Ῥῶσσαν. Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 130. У Продолж. Θеоф. ed. Bonn. 289: Ῥῶσα) въ Дубровникѣ подъ 867 г.; Rostorf (Ros-dorf) въ Словенцахъ, около 838 г. (Schafar. Sl. Alt. II. 341).

[2]) Впрочемъ имя Тацитовскихъ Руговъ (Rugi) является у нихъ подъ формою Ῥογοὶ (Procop. ed. Bonn. II. 288); прилагательныя ῥούσιος и ῥωσικός употребляются безразлично.

рукописи житія св. Кирила, писаннаго однимъ изъ его учениковъ: «росьскы письмена» (Šafar. Památky dřevn. písemn. jihoslov. str. 31. řád. 34) [1]). 4) Производныя отъ имени Рось: Россіены (городъ въ Гродненской губерніи), Рославль (въ Смоленской, срвн. западныя: Rûssin ap. Pertz XII, 175, подъ 1012 г., Russlaw ap. Kollar, Rozpr. 383) сохраняютъ первобытное *о*. 5) Наконецъ, Якутъ говоритъ положительно: «les Roûs, que l'on nomme encore Ros (ou Rous) sans waou» и т. д. (Charmoy, Mém. 333. cfr. Fraehn, Ibn-Foszl. 1—2. Anm. 3).

Окончательному преобладанію формы *Русь* способствовало безъ сомнѣнія господство Варяговъ; Несторъ другой формы уже не зналъ [2]). Но въ VI вѣкѣ, у Іорнанда и у Прокопія встрѣчаемъ еще, если не ошибаюсь, скрытый намекъ на русское имя, подъ формою *Рось*. Имя занимающихъ населенное въ IX вѣкѣ южною Русью пространство земли, Антовъ (Antes, Ἄνται) не славянское, ни греческое. Шафарикъ заключаетъ отъ встрѣчающихся въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ, личныхъ и мѣстныхъ именъ: *Утинъ*, *Ута*, *Утъ*, *Уты* и т. д., о существованіи первородной формы Ѫта (Онта), будто бы перешедшей сначала въ племенное славянское *Антъ*, а отсюда въ нарицательное готское *Ants* (Аглс. ent) — gigas, великанъ. (Sl. Alt. II. 24, 25). Догадку о связи между англосаксонскимъ entas и Антами допускаетъ и Гриммъ (D. M. 491). Что имя Антовъ для одного изъ восточныхъ славянскихъ племенъ занесено къ Грекамъ Герулами или Готами, кажется несомнѣнно; по-крайней-мѣрѣ, оно изчезаетъ у нихъ вмѣстѣ

---

[1]) Въ Львовск. II. росаски (тамъ же).

[2]) Впрочемъ, должно замѣтить, что гласное *о* переходитъ въ *у* и у насъ; отъ кореннаго *родъ* производныя *руда, рудный, рудникъ*; отъ начальныхъ *ковъ ковать, копа* производныя *кузло, кузнь, купный* и т. д.; отъ первороднаго *Рось — русло, русалка, русинъ*. При сжатомъ произношеніи славянскихъ племенъ (срвн: Srb, Chrwat и т. д.), ясно, что какъ рѣчное, такъ и народное *Рсь* подлежало, болѣе и менѣе, произволу племенъ и нарѣчій. Всѣ эти имена произносились различно, безъ особыхъ лингвистическихъ поводовъ; у полабскихъ Сербовъ господствовала форма *Сорбъ* и *Сурбъ* (у Фредегара *Surbii*, Chron. Moissiac. *Siurbi*, Contin. ann. Lauriss. *Suurbi*, Alfr. *Surpe* и *Surfe*, Regino *Surbi*; Einh, ann. Fuld., Bert., Ad. Brem., Helmold. *Sorabi*); въ болгарской рукописи XII ст. *Харватинъ*, въ далматской хроникѣ Діоклеата *Haruati*, вмѣсто Хорватинъ, Хорваты (Schafar. Sl. Alt. II. 306).

съ удаленіемъ германскихъ народовъ изъ черноморскаго края. Но славянское ли оно?

Іорнандъ описываетъ слѣдующимъ образомъ завоеванія Эрманарика: Habebat siquidem quos domuerat, Gothos, Scythas, Thuidos in Aunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordensimnis, Caris, Rocas, Tadzans, Athual, Navego, Bubegentas, Coldas; et cum tantorum servitio, carus haberetur, non passus est nisi et gentem Erulorum, quibus praeerat Alaricus, magna ex parte trucidatam reliquam suae subigeret ditioni. Nam praedicta gens, Ablavio historico referente, juxta Maeotidas paludes habitans in locis stagnantibus, quas graeci hele vocant, Eruli nominati sunt; gens quantum velox, eo amplius superbissima. Nulla siquidem erat tunc gens, quae non levem armaturam in acie sua ex ipsis elegerit. Sed quamvis velocitas eorum ab aliis saepe bellantibus non evacuaretur, Gothorum tamen stabilitati subjacuit et tarditati, fecitque causa fortunae, ut et ipsi inter reliquas gentes Getarum regi Ermanarico serviverint. Post Erulorum caedem idem Ermanaricus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis disperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo in bello, praesertim ubi et deus permittit, et multitudo armata advenerit. Nam hi, ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina edidere, id est, Veneti, Antes, Sclavi; qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Ermanarici imperiis serviere. Aestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam oceani Germanici insident, idem ipse prudentiae virtute subegit, omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit» (de Get. sive Goth. Orig. cap. 23). Направленіе готскихъ походовъ шло стало-быть съ сѣвера на югъ, отъ Финскаго залива къ Азовскому морю; и съ юга на сѣверъ, отъ Азовскаго моря къ Балтійскому. Въ эти два періода завоеваній, Германрикъ подчинилъ себѣ: 1) народы сѣверные, начиная съ финскихъ племенъ; 2) Геруловъ у Азовскаго моря; 3) Венетовъ; 4) Эстовъ. Подъ именемъ Венетовъ, Іорнандъ разумѣетъ какъ прибалтійскихъ Вендовъ, такъ и славянскіе народы Словенъ и Антовъ, обитавшіе, по его указаніямъ, первые — отъ озера Мусійскаго (Рам-

зинъ) до Днѣстра и Вислы, вторые—отъ Днѣстра до Днѣпра. Опредѣленіе безъ сомнѣнія ошибочное; безчисленныя племена Антовъ (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα. Procop.) занимали все пространство къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей, по-крайней-мѣрѣ до Дона (Schafar. Sl. Alt. II. 21). Въ настоящемъ случаѣ слова Іорнанда «Post Erulorum caedem in Venetos arma commovit» относятся преимущественно къ Славянамъ западнымъ, прибалтійскимъ; Германрикъ не могъ воевать Геруловъ, на берегахъ Азовскаго моря, не покоривъ предварительно славянскія племена, отдѣлявшія ихъ отъ финскихъ народностей, ни миновать эти племена, на пути въ Литву и отъ Литвы на югъ. Мы должны слѣдовательно искать восточныхъ Славянъ, *Словенъ* и *Антовъ*, между сѣверными народами перваго отдѣленія; представителями Словенъ являются Словене *Новогородцы*, подъ формою Navego; представителями Антовъ — Словене *Русь* или *Рось*, подъ финно-уральскою формою этого имени Athual, Athaul[1]).

Извѣстно, что у народовъ финно-и монголо-уральскаго происхожденія къ именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ прилагается нарицательное Etel, Adal, Idel, Itil, (рѣка); напр. Яикъ-Идель, Тана-Идель (Донъ), Чолманъ-Идель (Кама) и т. д. Волга именуется Atel, Etel по преимуществу; у Чувашей Adal и Asli Adal — великая рѣка (Müller, Stromsyst. d. Wolga 88—103). Но какъ нарицательному Рось (Волга) отвѣчаетъ нарицательное восточное Athel (flumen Ross Athel vocatum, Geogr. Nub. 243), такъ, вѣроятно, и народное Рось передавалось нѣкогда на востокѣ, подъ сохранившеюся у Іорнанда формою Athel, Athaul; и въ позднѣйшее время Итиль является названіемъ народа (Хозаръ), обитавшаго на берегахъ Волги (Fraehn, Ibn-Fossl. 64). Ознакомясь первоначально съ народами финскаго и монгольскаго происхожденія, Германриковы Готы узнали отъ нихъ для народа Рось имя Athel, переходившее по законамъ готскаго произношенія въ форму Anthel [2]); срвн. готскія: Gutans, Merens, Mordens, Tadzans и т. д. Греки получившіе это имя отъ Готовъ

[1]) Въ рукоп. Heidelb. I и II, Atreb. Vind. и Ambros. *Athaul* вмѣсто *Athaul* (Schafar. Sl. Alt. II. 661).

[2]) У Іорнанда, быть-можетъ по древнѣйшему преданію, Athaul вмѣсто Antaul. О приводимой у него двойной формѣ того-же имени (Antes Athaul

или отъ Геруловъ, придали ему греческую форму Ἄντες, Ἄνται. Отъ Готовъ перешла она и къ лонгобарду Варнефриду [1]).

Свидѣтельство Іорнанда подкрѣпляется извѣстіями его современника, Прокопія Кесарійскаго. «У Словенъ и Антовъ, говоритъ онъ, было сначало одно общее имя; древность прозвала обоихъ Спорами (Σπόρους), потому, думаю, что они живутъ разсѣянно (σποράδην) по землѣ своей» [2]). Добровскій, Шлецеръ, Шафарикъ и другіе видятъ въ *спорахъ* Прокопія искаженное *Srb*, а странность его словопроизводства (σπόροι-σποράδην) извиняютъ примѣромъ другихъ византійскихъ этимологій. Между тѣмъ, приводимые Шафарикомъ византійцы (Sl. Alt. I. 94) этимологизируютъ не изъ греческаго, а изъ славянскаго; производя имя города Trěbin отъ twrd вмѣсто *требы*, имя области Konawlija отъ kolo, имя города Polog отъ *богъ* и *лугъ*, имя города ***Шумень*** отъ царя ***Шимона*** и т. д., Константинъ Багрянородный, Пахимеръ и Анна Комнина конечно ошибаются, но тѣмъ не менѣе держатся правила отыскивать въ славянскихъ языкахъ этимологію славянскихъ названій; имя Сербовъ (Σέρβλοι) Константинъ вовсе не производитъ отъ латинскаго Servi, а говоритъ только, что Римляне прозвали Сербовъ Сервами (Servi), потому что они служили римскому императору (De adm. imp. ed. Bonn. 152, 153); имя *Буны* (bona, καλή) онъ вѣроятно считалъ не славянскимъ, а латинскимъ наименованіемъ рѣки въ древне-римской Далмаціи (ibid. 160). Отсюда до обвиненія ученаго секретаря Велисарія въ производствѣ имени славянскаго народа отъ греческаго нарѣчія еще далеко; но не въ этомъ главное затрудненіе.

Если, слышавъ *Спор* вмѣсто *Серб*, Прокопій вздумалъ про-

должно замѣтить, что современную гото-греческую Antes онъ получилъ отъ Грековъ; форму Athaul (въ которой и самъ онъ не подозрѣвалъ Антовъ), онъ вѣроятно взялъ изъ пѣсни въ родѣ извѣстной англо-саксонской поэмы: Eines Sängers Reisen.

[1]) «Post haec (dicuntur Longobardi) Anthaib, Banthaib, pari modo et Wurgonthaib per annos aliquot possedisse, quae hos arbitrari possumus esse vocabula pagorum seu quorumcunque locorum.» (Paul. Warnefr. de gest. Langobard. 12).

[2]) Καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἓν τὸ ἀνέκαθεν ἦν. Σπόρους γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρους ἐκάλουν, ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκηνημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσι (Procop. ed. Bonn. II. 336).

извести народное славянское имя изъ греческаго, откуда его этимологія отъ σποράδην разсѣянно? По гречески σπόρος — satio, semen; σπορεύς — seminator. При полной свободѣ этимологизированія онъ вывелъ бы безъ сомнѣнія славянское σπόρος или отъ сѣянія (σπόρος), или отъ сѣятелей (σπορεῖς), прозваній какъ будто придуманныхъ для славянскихъ народовъ, земледѣльцевъ по преимуществу. Лингвистическая натяжка его производства отъ σποράδην явно обличаетъ греческій *переводъ славянской* этимологіи. Но какое же изъ славянскихъ племенъ могло производить свое имя отъ *разсѣянія?* Конечно, не Сербы.

Славянская этимологія приводитъ насъ къ славянскому, подъ греческимъ σπόρος сокрытому имени *Рось*; этому имени отвѣчаетъ древнее существительное *рознь* («а во всѣхъ многаа *рознь*» Хроногр. 1416 — 1424 г. ap. Krug, Forsch. I. 89 *. Срвн. царств. книгу, 156), какъ нарѣчію σποράδην словенорусскія *врозь, порознь.* Какъ тысячу лѣтъ послѣ Прокопія, Герберштейновъ Москвичь производилъ имя Россіи отъ розсѣянія (Rer. Mosc. comment. I), такъ вѣроятно одинъ изъ многочисленныхъ Славянъ служившихъ въ войскахъ Велисарія, приводилъ народное *Рось* въ этимологическую связь съ существительнымъ *рознь* или съ нарѣчіемъ *врознь*; игра словъ принадлежащая какъ видно къ народному преданію и восходящая до глубокой древности [1]).

Мнѣ возразятъ что греческое σπόρος (*сѣяніе*) не отвѣчаетъ славянской этимологіи отъ σποράδην, *врознь.* Это правда, и Прокопію слѣдовало бы назвать своихъ Споровъ Спорадами (σποράδες); онъ этого не сдѣлалъ; тѣмъ не менѣе слово σπόρος имѣетъ для него, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, значеніе *разсѣянныхъ*; это фактъ, о которомъ положительно свидѣтельствуетъ этимологія отъ σποράδην. Намъ болѣе и не нужно.

Какому сказочному преданію у Славянъ служило основа-

---

[1]) Любопытно, что въ этомъ-же смыслѣ понимаетъ имя Споровъ и русская лѣтопись: «Конечнѣе же глаголютъ, яко отъ разсѣянія Россія именуется. Сицеваго разумѣнія Страбо и Птоломей географи (!), и Греци бо ихъ Спорами, си есть, разсѣянными нарицаютъ: понеже сей родъ, паче иныхъ всѣхъ, по многихъ странахъ разсѣянный и умноженный есть велми» (Густ. л. 236). И Байеру нравилась эта этимологія (de pr. exp. Russ).

ніемъ созвучіе народнаго *Рось* съ существительнымъ *рознь*, мы не знаемъ; изъ переданной ему баснословной легенды Прокопій, кажется, удержалъ только поразившее его словопроизводство, какъ видно изъ выраженія οἶμαι, opinor. Что это народное Рось онъ переводитъ греческимъ σπόρος, не удивитъ знакомыхъ съ литературными пріемами Грековъ; у нихъ искони существовалъ обычай передавать названія варварскихъ народовъ по гречески, почему ученый Фабриціусъ и могъ писать: «Nomina barbara a Graecis, quum sua rem lingua narrant, saepissime non modo in Graecam flectuntur terminationem, auribus Graecis accomodantur, sed et pro iis Graeca idem significantia substituuntur». И Стефанъ Византійскій сказалъ: «Plurima vero barbaricorum nominum in Graecum redacta esse, ut inquit Nicanor» (de Urbib. 692. v. Tanais).

Теперь, почему могъ Словенинъ источникъ Прокопіевыхъ свѣдѣній, сказать объ Антахъ и Словенахъ, что у нихъ было прежде одно общее имя *Рось*? Я думаю, что въ доисторическую эпоху (ἀνέκαθεν), всѣ славянскія племена были Росопоклонниками или Рось, о чемъ свидѣтельствуетъ присутствіе кореннаго *Рось*, *Русь* въ названіяхъ, преимущественно рѣкъ и озеръ во всѣхъ славянскихъ земляхъ [1]); въ послѣдствіи, и безъ сомнѣнія по поводу религіозныхъ несогласій, произошло дѣленіе восточныхъ племенъ на Росопоклонниковъ (Рось-Антовъ) и Словенъ, быть-мо-

[1]) На замѣчанія г. Куника (Beruf. I. 48—86) о мнимомъ не-славянствѣ формы имени Русь, я скажу только, что это имя составлено по первообразу и слѣдуетъ лингвистическимъ законамъ простыхъ собирательныхъ,—грамматической формы, принадлежащей къ древнѣйшему слою языковъ; какъ и вообще русское нарѣчіе отличается отъ прочихъ наклонностію къ удержанію первородныхъ формъ, напр. полногласія. Замѣчательно въ этомъ отношеніи его аналогія съ древне-этрусскою рѣчію; о ней у Момсена: «Deutlich unterscheiden wir zwei Sprachperioden. In der älteren ist die Vokalisirung vollständig durchgeführt und das Zusammenstossen zweier Konsonanten fast ohne Ausnahme vermieden. Durch Abwerfen der vokalischen und consonantischen Endungen und durch Abschwächen oder Ausstossen der Vokale ward dies weiche und klangvolle Idiom allmählich in eine unerträglich harte und rauhe Sprache verwandelt; so machte man zum Beispiel *randa* aus *ramudas*, *Tarchnof* aus *Tarquinius*, *Menrva* aus *Minerva*, *Menle*, *Pultuke*, *Elchfentre* aus *Menelaos*, *Polydeukes*, *Alexandros* (Th. Mommsen, Röm. Gesch. I. 109). Тоже самое и въ славянскихъ языкахъ; гдѣ Русскій говоритъ городъ, Серебь, Хорватъ — у прочихъ позднѣйшія сжатыя формы: hrad, Srb, Chrwat.

жетъ поклонниковъ богини огня — Suaha (см. Kollar, Sl. Boh. 24, 300). Не здѣсь ли начало позднѣйшаго антагонизма Кіева и Новгорода?

III.

СЛОВЕНЕ И РУСЬ.

Изслѣдователи, не хотѣвшіе отличить полу-ученыхъ затѣй печерскаго монаха отъ сокрытой въ его лѣтописи прямой и без-искусственной исторіи фактовъ, доводили *систему* его до безвыходныхъ заключеній. Шлецеръ допускаетъ *по Нестору*, что тотчасъ послѣ пришествія Варяговъ, имя Руси превратилось въ общеславянское народное имя (*Нест. Шлец.* II. 603), — явленіе, которому у другихъ европейскихъ народовъ исторія опредѣляетъ цѣлые вѣка. Это не мѣшало ему дѣлить Олегово войско на *Руссовъ*, т. е. Норманновъ и на *Словенъ*, представителей всего прочаго войска, не исключая Чюди и Мери (*тамъ-же*, 681), а въ другомъ мѣстѣ утверждать что *Руссами* при Олегѣ и Игорѣ были еще одни только Норманны т. е. Варяги (*тамъ-же* и 703. III. 97). Однихъ Норманновъ подъ именемъ Руси (до Ярослава включительно) понимаютъ и послѣдователи Шлецеровскаго ученія. У Круга норманская Русь вездѣ противуполагается Славянамъ, подъ именемъ которыхъ мы должны разумѣть всѣ славянскія племена, подвластныя варяжской династіи. «Рѣзкое отличіе между собственною Русью (Норманнами) и Славянами, Финнами и т. д. продолжается до позднихъ годовъ XI столѣтія», а въ доказательство: «Nest. 98; въ лѣто 6526 (1018): Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ.... Правда русская р. 1: Аще ли боудеть Роусинъ, ли Словенинъ».... Далѣе: «въ договорахъ упоминается только о Руси (мы отъ рода Русскаго), но ни о Славянахъ, ни о Финнахъ» (*Krug*, *Forsch*. II, 280, 281. *Ant*. X. — II. 358. *Ant*. X. срвн. I. 116). У г. Куника: «Такъ какъ и поздняя Русь отличается у Нестора отъ славянскихъ племенъ, мы и здѣсь должны («тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ») разумѣть подъ именемъ

Руси, господствующее (норманское) племя, въ противоположность Славянамъ» (*Beruf. II.* 189). По примѣру Шлецера и Круга онъ приводитъ начальную формулу договоровъ: «мы отъ рода Рускаго», въ доказательство существеннаго отличія Руси (Норманновъ) отъ Славянъ (*тамъ-же* 177). Г. Погодинъ: «Ясное показаніе отношеній между Русью и Славянами; народъ платилъ только дань, а жилъ по прежнему въ полной свободѣ» (*Изслѣд. III.* 247, *прим.* 585).

Всѣ эти изслѣдователи подмѣтили фактъ, дѣйствительно существующій въ нашей исторіи, а именно, дѣленіе Руси на Словенъ и на собственную южную Русь. Они, кажется, ошиблись только въ опредѣленіи причинъ и значенія этого факта, относя къ началу норманскому коренное явленіе словено-русскаго быта. Настоящій смыслъ этого явленія ясно высказанъ въ лѣтописи; отъ самаго Нестора узнаемъ мы два начальныхъ положенія нашей исторіи.

1) Имя Руси, какъ *народное*, принадлежитъ всѣмъ племенамъ союза восточныхъ Славянъ; какъ *племенное*, одному только югу.

2) Имя *Словенъ*, исключительно *племенное*, принадлежитъ только Новугороду и его области; на Руси оно никогда не имѣетъ общаго значенія народнаго *Славяне*.

Аскольдъ и Диръ, мнимо-русскіе выходцы изъ заморья, оставляютъ Новгородъ, притонъ мнимо-русской (варяжской) народности. Они говорятъ Кіевлянамъ: «и мы есмя Князи *Варяжскіе*», не *русскіе* (*Арх. сп. у Шлец. Нест. II.* 12). При поселеніи въ Кіевѣ призываютъ своихъ единоплеменниковъ изъ Новагорода: «Аскoлдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи *Варяги* скуписта, и начаста владѣти польскою землею» (*Лавр.* 9). До сихъ поръ мы не видимъ Руси; но при выступленіи *изъ Кіева* въ походъ противъ Грековъ, *Русь* является единственною дѣйствующею народностію, какъ въ греческихъ лѣтописяхъ, такъ и въ Несторовой; изъ Новагорода они вышли *Варягами*; изъ Кіева выступаютъ, изъ Царьграда возвращаются *Русью*.

«Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, *Варяги*, Чюдь, *Словѣни*, Мерю, Весь, Кривичи» (*Лавр.* 10). И здѣсь при

выступленіи *Новагорода*, исчисляются только сѣверныя племена; о *Руси* ни слова; это имя является уже по водвореніи Олега *въ Кіевѣ*, переходя не отъ Олега на Кіевъ, а отъ Кіева на Олега и Варяговъ его: «и рече Олегъ: се буди мати градомъ *Рускимъ*. Бѣша у него *Варязи* и *Словѣни*, и прочи прозвашася Русью» [1] (*тамъ же*).

Игорь посылаетъ за море къ *Варягамъ*: «и посла по *Варяги* многи за море, вабя е на Греки» (*тамъ же*, 19); но *изъ Кіева* идетъ *съ Русью*: «Въ лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, *Русь*, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги» и пр. (*тамъ же*). Поляне-Русь *κατ᾽ ἐξοχήν* названы поименно въ противоположность Словенамъ-Новогородцамъ.

Владиміръ *изъ Новагорода*: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги и *Словѣни*, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода» (*тамъ же*, 32). Ярославъ *изъ Новагорода*: «И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40» (*тамъ же*, 61). Святополкъ *изъ Кіева*: «Пристрои безъ числа вои, *Руси* и Печенѣгъ» (*тамъ же*). Ярославъ на Святополка *изъ Кіева*: «совокупивъ *Русь*, и Варягы, и Словѣнѣ» (*тамъ же*, 62). Ярославъ на Печенѣговъ *изъ Новагорода*: «Ярославъ събра вой многъ, Варягы и *Словѣни*, приде Кыеву» (*тамъ же*, 65).

Имѣютъ ли эти факты особое, историческое значеніе? А если имя Руси не *случайнымъ образомъ* выпущено *во всѣхъ мѣстахъ* Несторовой лѣтописи, гдѣ дѣло идетъ о Новѣгородѣ и сѣверныхъ племенахъ, какимъ образомъ могло это имя исчезнуть для тѣхъ именно городовъ (Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ и т. д.), въ которыхъ *находниками* были Варяги? Какимъ образомъ, если имя Руси было принадлежностію призваннаго племени норманскихъ *Родсовъ*, именуются Русью только перешедшіе въ Кіевъ? Новгородъ и сѣверные города были главнымъ притономъ Варяжства, поселеніями тѣхъ самыхъ Варяговъ-*Руси*, что вышли съ Рюрикомъ изъ заморья: «Ти суть людье Ноу-

---

[1]) Что «*прочи*» относится не къ Кіевлянамъ, а къ *прочимъ*, въ войскѣ Олега находившимся славянскимъ народностямъ, очевидно; да и могъ ли Кіевъ прозваться Русью отъ Олега, когда онъ уже Русь при Аскольдѣ? (См. *Солов. Ист. Росс. I. 178*).

городьци *отъ рода Варяжьска*, преже бо бѣша Словѣни»; а въ другихъ спискахъ: «и суть Новгородстїи людїе *и до днешняго дне* отъ рода Варяжска» (*Нест. Шлец. I.* 340, 341). «*И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи;* а перьвiи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи» и т. д. (*Лавр.* 9). Въ Новѣгородѣ норманская школа видитъ русскiй *Bayeux:* «Первые обитатели Новагорода и его области, говоритъ» Кругъ (*Forsch. II.* 248), «были нѣкогда Славяне; но въ эпоху Рюрика тамъ поселилось такое множество Скандинавовъ, что языки обѣихъ народностей слышались одновременно; даже нѣтъ сомнѣнiя, что нѣкогда Норрена была господствующимъ нарѣчiемъ.» Куда же дѣвалось имя Руси для этихъ Новогородцевъ-Варяговъ говорившихъ Норреною еще во времена Святослава? Подъ какимъ именемъ (Словенъ или Кривичей или Чюди) должны мы искать имъ въ войскахъ Олега, Игоря, Владимiра, Ярослава? Мы благодарны Нестору за его противорѣчiя; забывъ съ первыхъ строкъ лѣтописи, о своей *системѣ* происхожденiя Руси, онъ приводитъ факты въ ихъ настоящемъ, историческомъ видѣ; *Словенами* зоветъ исключительно сѣверныя, *Русью* южныя племена; о небывалой варяжской Руси нѣтъ болѣе и помина.

Только изъ этого основнаго факта могутъ быть объяснены иныя, доселѣ неистолкованныя или превратно понятыя особенности нашей исторiи. Таково сохранившееся у Нестора народное преданiе или сага о паволочныхъ парусахъ дли Руси и кропивныхъ для Словенъ. Шлецеръ (*Нест. II.* 681) и Кругъ за нимъ (*Forsch. I.* 115. *II.* 358. *Anm. X.*) полагаютъ, что имя *Руси* означаетъ Норманновъ, а *Словене* все остальное войско Олега. Соловьевъ, что «подъ именемъ Руси здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину княжескую, подъ Славянами остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ» (*Ист. Росс.* I. 107). Но гдѣ же и когда употребляетъ лѣтопись имя *Словенъ* (Новогородцевъ) въ его ученомъ общеславянскомъ значенiи XIX столѣтiя? И то не для однихъ славянскихъ племенъ, а вмѣстѣ съ ними и для Чюди и Мери? Мы не имѣемъ права, вопреки здравому смыслу и неизмѣнному словоупотребленiю нашихъ лѣтописей, предполагать въ имени Словенъ *на*

возвратномъ пути, не тотъ же самый смыслъ, что *при выступленіи въ походъ*. А что *Словене* въ исчисленіи Олегова войска («поя же множьство Варягъ, и *Словѣнъ*, и Чюди, и Кривичи, и Мерю и Поляны, и Сѣверо» и т. д.) означаютъ Новогородцевъ, кажется ясно. Какъ Новгородъ-Словене въ главѣ сѣверныхъ племенъ (Словене, Чюдь, Кривичи, Меря), такъ Поляне-Русь поименованы въ главѣ южныхъ (Поляне, Сѣверъ, Древляне и т. д.). Народному преданію, взятому безъ сомнѣнія изъ пѣсни, не было дѣла до *великой Скуѳи* грамотѣя, ученика византійцевъ; оно знаетъ только объемлющія всѣ русскія племена названія *Русь* и *Словене*, и прямо указываетъ на древній антагонизмъ юга и сѣвера. «И рече Олегъ: исшійте прѣ паволочиты *Руси*, а *Словѣномъ* кропійныя.... И въспяша *Русь* прѣ паволочитые, а *Словѣне* кропійныя, и раздра я̂ вѣтръ; и ркоша *Словѣнѣ*: имѣмъся своимъ толъстинамъ, не даны суть *Словѣномъ* прѣ кропинныя» *(Лавр.* 13*)*. При всей испорченности Несторова текста, здѣсь видна одна основная мысль; умышленное униженіе Олегомъ *Словенскаго* племени передъ новогосподствующимъ *Русскимъ;* Новагорода передъ Кіевомъ.

На томъ же этнографическомъ дѣленіи Руси основана и древнѣйшая терминологія Русской Правды. «Еще въ Правдѣ Ярослава», пишетъ Кругъ *(Forsch. I. 116)*, «Руссы и Славяне формально противополагаются другъ другу». Г. Погодинъ не могъ, разумѣется, впасть въ эту ошибку, ни принимать выраженія *Словенинъ* въ общеславянскомъ значеніи. Для согласованія текста съ своею системою, онъ обращаетъ Русскую Правду въ волостной, новогородскій уставъ. «Русская Правда», говоритъ онъ *(Изслѣд. III. 366)*, «написана *въ Новѣгородѣ*, ибо въ первой статьѣ сказано: аще ли будетъ Русинъ.... любо Словенинъ, и пр. Словенами назывались только Новогородцы и имя это было извѣстно только въ Новѣгородѣ; въ Кіевѣ были бы упомянуты Поляне, въ Черниговѣ Сѣверяне» и т. д. И въ другомъ мѣстѣ: «Правда называется Русскою, слѣдовательно она принадлежала Руси. Какой Руси? Той Руси, которая отличаетъ себя отъ туземцевъ въ первой строкѣ документа: если будетъ Русинъ, Словенинъ» и пр. *(тамъ же 359)*, т. е. норманской.

Отъ документа юридическаго мы въ правѣ требовать нѣ-

которой точности. Если *Русинъ* означаетъ Норманна, а *Словенинъ* Новогородца, значитъ, что въ Правдѣ, данной *кіевскимъ* княземъ, нѣтъ мѣста для туземцевъ, Славянъ кіевскихъ, черниговскихъ и т. д.? Положимъ, что Ярославъ Норманнъ, что Правда дана въ Новѣгородѣ и однимъ Новогородцамъ: развѣ между ними и южными племенами сношеній не было? А въ такомъ случаѣ, какую пеню платилъ Новогородецъ за убіеніе Полянина и обратно? Или Кіевъ, Черниговъ и пр. были внѣ права? Древнегерманскій законъ исчисляетъ не только туземныя, но и иноземныя племена; по праву Рипуарскихъ Франковъ Tit. 36, платилось виры за салійскаго Франка (advena Francus) 200 сол.; за Бургундца, Аламанна, Фриза, Баварца, Саксонца 160; за Римлянина только 100 сол. *(Grimm, DRA. I. 398).*

Дошедшій до насъ подъ заглавіемъ Русской Правды юридическій уставъ, есть, вѣроятно, первый письменный сводъ древнихъ законовъ, искони извѣстныхъ на Руси подъ названіемъ *Русской Правды.* Быть можетъ, первоначальная, изустная редакція статьи о душегубствѣ восходитъ къ эпохѣ древнѣйшаго дѣленія Руси на Словенъ и на Русь; но и въ XI вѣкѣ выраженія *Русинъ-Словенинъ* были совершенно понятны, какъ обозначавшія съ полною точностію всѣ племена, входившія въ составъ русской народности. Таковы были на югѣ, уже слившіяся съ собственною Русью, славянскія племена Уличей, Тиверцовъ, Хорватовъ и т. д.; на сѣверѣ Новгородъ и Кривичи. Чюдь, Меря, Мурома и прочіе данники (быть можетъ, также Вятичи и Радимичи) были *внѣ права*, если не принадлежали къ одному изъ исчисленныхъ въ первой статьѣ званій, т. е. если не были ни гридями, ни купцами, ни мечниками, ни ябетниками, ни изгоями. Варяги и Колбяги подлежали, безъ сомнѣнія, особому праву, опредѣленному особыми условіями.

Первобытное племенное дѣленіе Руси проглядываетъ и въ сказаніи о Словенѣ и Русѣ, какъ о прародителяхъ русскаго народа *(см. Карамз. I. прим. 70).* Слѣды преданія, на которомъ основана эта басня, восходятъ до X вѣка, до временъ Игоревыхъ *(см. гл. VII).*

И у иноземныхъ писателей встрѣчаемъ намёки на этотъ самый историческій фактъ. Константинъ Багрянародный назы-

ваетъ Новгородъ *внѣшнею Русью*, ἡ ἔξω Ῥωσία *(de Adm. imp. ed. Bonn. 74)*, выраженіе крайне счастливое и безъ сомнѣнія переводное; у Нестора его уже не находимъ; въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ говорится о *верхнихъ земляхъ*: «Изяславъ да дары Ростиславу что отъ *Рускыи* землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль, а Ростиславъ да дары Изяславу что *отъ верьхнихъ земль* и отъ Варягъ» *(Ипат. 39)*. Изъ арабскихъ писателей (коихъ извѣстіями однако трудно пользоваться, потому что подъ именемъ Славянъ они часто разумѣютъ волжскихъ Болгаръ, (*Сенковскій у Шармуа 408)*, Масуди (943 по Р. Х.) причитаетъ Ладожанъ, т. е. Новогородцевъ къ русскимъ племенамъ *(Fraehn, Ibn-Foszl. 174. Bem. § 7)* и знаетъ, что Словене и Русь обитали въ особомъ кварталѣ города Итиля, подъ управленіемъ одного общаго судіи и служили вмѣстѣ въ хазарскихъ войскахъ *(ibid. 71. Anm. 25. Charmoy, 317.)* Къ тому-же источнику относимъ и смущавшую Эверса *(Krit. Vorarb. 171. Anm. 7)* терминологію исландскихъ сагъ, отличающихъ Русь отъ Гардарика: «dux aut magistratus, omnibus regibus Russiae et totius Gardarikiae praefectus» *(Ol. Trygv. cap. 138)*. Подъ названіемъ Гардарика (Garðaríki) онѣ понимали всю Русь вообще: hodiernas scilicet ferè regiones: Russiam magnam et parvam appellatas *(Scrpt. hist. Island. XII. 177)*; подъ названіемъ Голмгарда (Hólmgarðr) новогордскую область, Словенъ. Собственную Русь, въ племенномъ смыслѣ, онѣ называли Кенугардъ (Koenugarðr), т. е. кіевской областью (у Гельмольда *lib. I. cap. I: Chunigard)*, а въ исторіяхъ баснословныхъ или позднѣйшаго времени Русью — Rússland *(Scrpt. h. Isl. XII. 508, v. Russia)*. Отсюда наконецъ и двойное названіе Руси у литовскихъ племенъ; они понимали Словенъ подъ именемъ *Kreewy*; Русь подъ именемъ *Gudai* (см. *Schafar. Sl. Al. II. 111)*.

Ни лѣтопись, ни исторія не знаютъ на Руси, двухъ другъ другу противуположныхъ народностей, скандинавскую и славянскую.

По завоеваніи Галліи Франками, Англіи Норманнами, еще долго существуетъ рѣзкое отличіе между побѣдителями и побѣжденными; на каждомъ шагу встрѣчаемъ выраженія: такой-то родомъ Франкъ, Норманнъ; такой-то родомъ Галло-римля-

нинъ, Саксонецъ. Такъ у Фредегара: «Colenus *genere Francus* patricius ordinatur. Ricomeres *Romanus genere.* Ergo dux *genere Francus.* Majordomus Claudius *genere Romanus*» *(Fredeg. Sch. Chron.* cc. XVIII, XXIX, XLIII, XXVIII). Тоже самое и въ законахъ германскихъ завоевателей: «De divisione terrarum facta inter *Gothum* et *Romanum*, de silvis inter *Gothum* et *Romanum* indivisis relictis, ne post quinquaginta annos sortes *Gothicae* vel *Romanae* amplius repetantur» *(Lex Visig. ap. Canciani leg. antiq. Barbar. IV. 175, 177.)* Въ русской лѣтописи нѣтъ ничего подобнаго; племенное «Русь» противуполагается племенному «Словене», Русинъ Словенину *(Р. Пр.)*, но нигдѣ Русинъ (въ смыслѣ иноземца) Полянину, Древлянину, Сѣверянину. Что въ числѣ дѣятелей перваго періода нашей исторіи были и иноземныя личности, несомнѣнно; между тѣмъ ни одна изъ нихъ (за исключеніемъ Борисова отрока Угрина, Торчина Берендѣя и двухъ, трехъ другихъ) не отличается по народности, потому что ни одна изъ нихъ не является представителемъ особаго народнаго историческаго начала. Для Нестора Литвинъ Свенгелдъ, поморянинъ Блудъ, Угринъ Ольма не имѣютъ значенія кромѣ дружиннаго; всѣ они Русь, потому что вошли въ русскую жизнь, потому что отреклись отъ своей народности для русской. Варягами онъ называетъ только чужеземцевъ *наёмниковъ*: «И приде Ярополкъ къ Володимеру, яко полѣзе въ двери, и подъяста й *два Варяга* мечьми подъ пазусѣ»—«Бяше *Варягъ* единъ.... бѣ же *Варягъ* той пришелъ изъ Грекъ» — «Увѣдѣвше же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла *два Варяга* прикончатъ его» «Ярославъ ....побѣже съ Якуномъ, княземъ *Варяжьскымъ*» *(Лавр. 33, 35, 58, 64)*.

Дѣленію Руси на Словенъ и на собственную Русь, отвѣчаетъ у прочихъ славянскихъ народовъ, дѣленіе Полабовъ на Оботритовъ и Лутичей, Моравы на Мораву и Словаковъ, иллирійскихъ Словенъ на Хорутанъ и Словенцевъ. Но если въ племенномъ значеніи Словене противуполагаются Руси, въ общемъ смыслѣ они *Русь*, какъ въ общемъ смыслѣ Словаки Морава, какъ мизійскіе Словене Болгары, иллирійскіе Словенцы Хорутане. Для Нестора Русью всѣ восточныя племена, говорившія словенскимъ нарѣчіемъ: «Се бо токмо Словѣнескъ языкъ

въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне» *(Лавр. 5)*. О Новѣгородѣ онъ не могъ бы сказать: «отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Руская земля, Новугородьци», если бы дѣйствительно имя Руси не было, въ общемъ смыслѣ, принадлежностію какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ племенъ. Отсюда и выраженіе о Ярополкѣ: «Слышавъ же се Володимеръ въ Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади *въ Новѣгородѣ*, и бѣ володѣя *единъ въ Руси» (Лавр. 32.)* По словамъ Всеволода Георгіевича, Новугороду слѣдовало старѣйшинство *во всей русской землѣ (Лавр. 177)*. Выраженіе Константина Багрянороднаго ἡ ἔξω Ῥωσία, свидѣтельствуетъ какъ о племенномъ, такъ и объ общемъ значеніи имени Русь.

Какъ общее достояніе всей словенорусской народности, *въ сношеніяхъ съ иноземцами*, употребляются исключительно имена *Русь, Русинъ*. Олегъ, Игорь, Святославъ договариваются съ Греками отъ имени Руси; Русинъ противуполагается христіянину.

Въ грамотѣ, относимой къ 992 году (при папѣ Іоаннѣ XV), Русью названъ восточный берегъ Балтійскаго моря: «Dagone Iudex et Ote Senatrix et filii eorum Misica et Lambertus leguntur beato Petro contulisse unam civitatem in integrum, quae est Schinesghe cum omnibus suis pertinentiis infra hos affines: sicuti incipit a primo latere longum mare fine Prusse, usque in locum, *qui dicitur Russe, et fines Russe extendente usque in Cracoa* et usque ad flumen Odere, recte in locum Alemurae» etc. *(Murat. Antiq. Ital. V. 831)*.

У Адама Бременскаго новогородская область именуется Русью: «Deinde latissima Polanorum terra diffunditur, cujus terminum dicunt *in Russia regnum* connecti. Haec est ultima et maxima Winulorum provincia, quae et finem illius facit sinus» sc. Baltici *(Ad. Brem. cap. 221)*.

Въ любской привилегіи императора Фридриха I, въ 1187 г., Новгородцы названы Русью: «*Ruteni*, Goti, Normanni et cetere gentes orientales ad civitatem saepius dictam veniant et recedant» (см. *Карамз. III. Прим. 243)*.

У Гельмольда на берегахъ Балтики Русь: Slavorum po-

puli multi sunt, habitantes in littore Baltici maris. Nortmanni septentrionale littus obtinent. At littus australe Slavorum incolunt nationes, *quorum ab oriente primi sunt Ruzi, deinde Poloni»* etc. *(Lib. I. c. 1)*.

Въ жизнеописанiи св. Оттона: «Itaque Pomerania post se in Oceano, Daciam habet et Rugiam insulam, parvam sed populosam; super se autem, id est, ad dextram septentrionis Flaviam habet, et Prussiam, et *Russiam» (Script. rer. ep. Bamberg. I 648)*.

Въ латинскомъ текстѣ договоровъ Новагорода съ Любекомъ и Готландомъ, Новогородцы именуются Русью: «Si *ruthenus* deliquerit in hospitem, intimabitur duci et oldermanno nogardiensium, qui causam complanabunt» etc. *(Изд. Тобiена 89)*.

Смоляне, отличаемые, какъ и Новогородцы, отъ собственной Руси въ лѣтописи, названы Русью въ договорахъ 1229 г. съ Ригою: «Аже Латининъ дасть Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Немчиноу пьрвѣе, хотя бы инъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу» *(тамъ же, 59)*.

Въ новогородской лѣтописи подъ 1314 г.: «Избиша Корѣла городчанъ (т. е. Новогородцевъ), кто былъ Руси въ корѣльскомъ городкѣ» *(Новг. I. 70)*.

При выселенiяхъ Русь всегда сохраняетъ общее народное имя; такъ галицкiе и венгерскiе Русины; Русь пургасова въ мордовской землѣ.

Изъ этихъ двухъ историческихъ данныхъ, о дѣленiи Руси на Словенъ и на собственную южную Русь, и съ другой стороны объ общности имени Русь для всѣхъ словенорусскихъ племенъ, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятiе о значенiи имени Русь до Нестора и въ эпоху его.

Какъ *народное*, оно принадлежность всѣхъ славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ словенорусскаго союза. Только этимъ именемъ отличаетъ себя русскiй народъ въ сношенiяхъ съ иноземцами.

Какъ *племенное*, имя Руси принадлежитъ южнымъ племенамъ, искони признававшимъ старѣйшинство Кiева; сначала только Полянамъ, Древлянамъ, Сѣверянамъ и, кажется, южнымъ Дреговичамъ; въ послѣдствiи, и прочимъ, съ ними слившимся юго-славянскимъ народностямъ.

Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ *Русью* именуются только Поляне и Кіевъ; *русскій* синонимъ *кіевскаго*; Кіевъ былъ настоящимъ центромъ Руси. Мы читаетъ у Нестора: «Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси, и Ляхове, и *Поляне*, яже нынѣ зовомая *Русь» (Лавр. 11)*. И далѣе: «А словѣнескъ языкъ и Рускый одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася *Русью*, а первѣе бѣша Словѣне; аще и *Поляне* звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ» *(тамъ же, 12)*. Олегъ названъ русскимъ княземъ въ смыслѣ *кіевскаго*, старшаго: «А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова *Русскаго* князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, *понѣже сѣде въ Кіевѣ*, до первого лѣта Игорева лѣтъ 31» *(тамъ же, 8)* [1]).

Значеніемъ имени *Русь* опредѣляется и соотвѣтствующее ему *словенское*.

Словенами, въ общемъ смыслѣ, именуются славянскія племена, признававшія областное старѣйшинство Новагорода, т. е. Новогородцы съ ихъ подраздѣленіями на Псковичей, Ладожанъ, Новоторжцевъ; Полочане и быть-можетъ верхніе Дреговичи; по крайней мѣрѣ при выступленіи въ походъ изъ верхнихъ земель, въ войскахъ варяжскихъ князей не упоминается ни о Полочанахъ, ни о Дреговичахъ; они должны быть сокрыты подъ общимъ названіемъ Словенъ.

Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Словенами именуются одни Новогородцы.

Таково было древнѣйшее этнографическое дѣленіе Руси до половины XI столѣтія; Несторъ зналъ о немъ по преданіямъ и по дошедшимъ до него прежнимъ запискамъ; въ лѣтописи дѣленіе на племена прекращается съ смертію Ярослава; встрѣчающіяся въ извѣстіяхъ XII столѣтія племенныя названія являютъ уже

---

[1]) Замѣчательно, что троякому значенію русскаго имени соотвѣтствуетъ одинаковое значеніе народнаго имени въ древней Швеціи; изъ сличенія извѣстій короля Альфреда, короля Свена Ульфсона (у Адама Бременскаго) и Снорре Стурлесона, Гейеръ заключаетъ: «Принявъ въ соображеніе эти три описанія, оказывается, что первое допускаетъ общность шведскаго имени для всего государства; второе употребляетъ его въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, для обозначенія земель къ сѣверу отъ маларскаго озера; а по смыслу третьяго, оно является принадлежностію собственно прилежащей къ маларскому озеру области *(Geijer, Gesch. Schwed. I. 64)*.

чисто географическій смыслъ, напр. «Паки же Олговичи.... почаша воевати .... и до Вышьгорода и до *Деревъ*» (*Ипат., п. 1136*). «и тогда взя Курескъ и съ Посемьемъ, и Сновьскую тисячю у Изяслава, и Случьскъ, и Кльчьскъ, и вси *Дрегвичь*» (*тамъ же, п. 1149*). Причиною прекращенія древняго порядка дѣленія на племена было съ одной стороны введеніе христіанской вѣры, сравнявшей религіозныя отличія племенъ, посредствомъ одинаковаго уничтоженія народнаго и племеннаго языческихъ богослуженій; съ другой, возникшее отсюда, (на размноженіи княжескаго рода и колонизаціи сѣверовосточнаго края основанное) развитіе *вотчиннаго* начала. Уже при Несторѣ имена Словенъ, Полянъ, Сѣверянъ, смѣнились названіями Новагорода, Кіева, Чернигова; по мѣрѣ размноженія новыхъ центровъ княженій (въ Ростовѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ и т. д.), русское имя, какъ принадлежность собственно днѣпровскихъ земель, переходитъ изъ племеннаго въ территоріальное; отсюда неизвѣстныя Нестору выраженія его продолжателей: «Иде архепископъ Новъгородьскыи Нифонтъ *въ Русь*, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ» (*Новг. 10, п. 1149*). «Въ тоже лѣто поиде Гюрги съ сынми своими, и съ Ростовци, и съ Суждалци, и съ Рязанцы, и со князи Рязаньскыми *въ Русь*» (*Лавр. 145, п. 1152 г.*) «Се ся уже тако створило, князь нашь убьенъ, а дѣтей у него нѣту, сынокъ его *въ Новѣгородѣ*, а братья его *въ Руси*» (*тамъ же, 158, п. 1175 г.*). Названіе Руси все болѣе и болѣе сосредоточивается на одномъ Кіевѣ; въ концѣ XII столѣтія является для Кіева особое имя *русской области*: «да то ты, а то Кіевъ и *Руская область*» (*Ипат. 144, п. 1195.*) Русскимъ именемъ отличаются кіевскіе князья отъ черниговскихъ: «И пріиде ту вся земля Половецьская, и вси ихъ князи, а изъ Кіева Князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичь съ Чернѣговци, и *вси князи Русстіи* и *вси князи чернѣговьскіи*» (*Троицк. 217, п. 1223 г.*). Русскимъ именемъ ругается Владиміръ галицкій *Кіевлянину* Петру Бориславичу: «Поѣха мужь *Руский* объимавъ вся волости» (*Ипат. 72, п. 1152 г.*) Съ перенесеніемъ въ Москву великокняжескаго стола, имя Руси, какъ областное, пропадаетъ и для Кіева. Здѣсь изумленный изслѣ-

дователь останавливается и спрашиваетъ: что же сталось съ народнымъ именемъ Русь? гдѣ оно? *Его нѣтъ нигдѣ, потому что оно вездѣ*, отвѣчаю словами Пфистера на вопросъ объ исчезновеніи въ средніе вѣка народнаго германскаго имени *(Gesch. d. Teutsch. I. 30)*. Смоленскъ не Русь, но Смолянинъ XIII вѣка Русинъ; Новгородъ не Русь, но Новогородецъ XIV столѣтія Русинъ. По соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ частей государства при Іоаннахъ, *собрателяхъ русской земли*, русское имя, сокрытое для историка, но никогда не исчезавшее для народа, внезапно является общимъ связующимъ наименованіемъ всѣхъ частей обновленной и окрѣпшей Россіи.

IV.

ЛѢТОПИСЕЦЪ НЕСТОРЪ.

Норманская школа не допускаетъ сомнѣній въ непреложность Несторовыхъ извѣстій о началахъ Руси; но странная бы вышла исторія народовъ, основанная на сказаніяхъ о ихъ происхожденіи, первыхъ лѣтописцевъ! Не говоря уже о римской волчицѣ, я напомню о Григоріѣ Турскомъ, выводящемъ Франковъ изъ Трои, о Дудо, производящемъ Датчанъ отъ Грековъ. Намъ говорятъ, Несторова повѣсть отлична отъ прочихъ, какъ достовѣрностію и простотою разсказа, такъ и совершеннымъ отсутствіемъ чудеснаго: это правда; на мѣсто легенды у него система; но съ этою системою мы свыклись только вслѣдствіе несчастной, въ продолженіе ста тридцати годовъ повторяемой мысли о скандинавской основѣ русской исторіи. Изслѣдователю, не посвященному въ литературныя тайны варяжскаго вопроса, не вѣрится ни въ изобрѣтенную Несторомъ, небывалую варяжскую Русь, ни въ изобрѣтенную Шлецеромъ небывалую скандинавскую.

Несторъ писалъ около двухъ съ половиною столѣтій по основаніи государства; откуда могъ онъ узнать что достовѣрное о началахъ русской земли? Положимъ, что до него были монастырскія записки, даже краткіе хронографы (см. Погодина

Изслѣд. I. 89); но эти записки начались не прежде XI столѣтія, не прежде введенія на Русь христіанской вѣры. Извѣстно, что на сѣверѣ христіанство принялось очень медленно; первые монастыри построены въ Кіевѣ; кіевскіе монахи не знали и не заботились о новогородскихъ дѣлахъ. Для нихъ, судя по внесенной въ Несторову лѣтопись, древнѣйшей хронологической таблицѣ (Лавр. 7. 8. Срвн. Погод. I. 93), первымъ русскимъ княземъ, представителемъ новой династіи, былъ Олегъ; да и самъ Несторъ пишетъ лѣтопись кіевскую: «Кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть». Что извѣстіе о варяжскомъ происхожденіи Руси взято Несторомъ не изъ письменныхъ, достовѣрныхъ источниковъ, видно уже изъ совершеннаго отсутствія подробностей, какъ о предшествовавшихъ призванію Варяговъ, сѣверныхъ происшествіяхъ, такъ и о семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика.

Имѣлъ ли онъ матеріальныя доказательства основанію государства варяжскою Русью? Въ его лѣтописи не находимъ и намека на какой-нибудь, съ этимъ событіемъ неразлучный историческій памятникъ; ни одного положительнаго факта, который бы свидѣтельствовалъ о варяжской Руси, какъ напримѣръ свидѣтельствуютъ о Варягахъ названія варяжскаго моря, варяжской пещеры и острова; преданіе о Варягахъ-мученикахъ при Владимірѣ, о Варягахъ убійцахъ Ярополка и Бориса; какъ свидѣтельствуетъ о убіеніи Аскольда и Дира извѣстіе о мѣстоположеніи ихъ могилъ близь Кіева.

Но если Несторъ не взялъ своихъ извѣстій о варяжской Руси ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ, ни изъ живыхъ историческихъ памятниковъ, ясно, что они или заняты изъ народныхъ преданій, изъ сагъ и изъ пѣсенъ, какъ напр. сказанія о Славянахъ; или основаны на исторической системѣ, имъ самимъ выведенной, вслѣдствіе соображенія извѣстныхъ историческихъ фактовъ. О норманскихъ извѣстіяхъ и сагахъ говоритъ и г-нъ Погодинъ: «Варяги точно также могли разсказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники разсказывали дома сочинителямъ сагъ. Норманны и саги неразлучны, и безъ всякаго сомнѣнія ихъ было у насъ много. Варяги-то наговорили ему сказокъ, извѣстныхъ также на сѣверѣ,

и о колесахъ, на которыхъ Олегъ въ лодкахъ подъѣхалъ къ Царюграду, и о змѣѣ, которая ужалила его по предсказанію волхвовъ, и о воробьяхъ съ голубями, которые сожгли Коростень, и другія баснословныя извѣстія, въ которыхъ есть однакожъ историческое основаніе. Несторъ спокойно помѣстилъ всѣ ихъ разсказы въ свою лѣтопись. Они-же сообщили ему извѣстія о разныхъ иныхъ племенахъ, жившихъ преимущественно (не горячій ли это слѣдъ правды, не крѣпкое ли доказательство достовѣрности?) по берегамъ морей Балтійскаго и Нѣмецкаго, столько имъ извѣстнымъ; они-же сообщили ему извѣстіе и о пути изъ Варягъ въ Греки, о своемъ Auster-Wegi и Vestrvegi» (Изслѣд. I. 102, 103). То есть, они разсказали ему все, кромѣ касающагося до своего скандинавскаго міра. Они разсказали ему о призваніи Руси, но не сказали, что Русь и Шведы одинъ и тотъ-же народъ, вслѣдствіе чего Несторъ и не знаетъ, что дѣлать съ заморскою Русью послѣ призванія; они разсказали о Рюрикѣ, но скрыли отъ Нестора его шведское происхожденіе, и кто были его родственники, и гдѣ княжили до призванія трехъ братьевъ Славянами; они разсказали и о колесахъ, и о змѣѣ, и о воробьяхъ, по поводу юго-русскихъ событій; а о Новѣгородѣ и семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика не сказали ни слова; ни слова о норманскихъ предпріятіяхъ и подвигахъ въ Германіи, въ Англіи, во Франціи, въ Испаніи. Точно также поступали они и у себя дома; разсказывали преимущественно о колесахъ, о змѣѣ и о воробьяхъ; но что Русь тѣже Норманны, что на востокѣ отъ упиландскаго берега основалось огромное скандинавское государство, коего конунги Hraerekr, Helgi, Ingwar, Svenotto, (по Байеру Святославъ) и т. д. доходили завоевателями до Волги и Миклагарда, этого они не сказали, чѣмъ и объясняется молчаніе о словено-русской Нормандіи въ источникахъ сѣвера.

Взялъ ли Несторъ свои извѣстія о началѣ Руси изъ туземныхъ преданій? Но въ преданіяхъ Славянъ, Русь всегда отдѣляется отъ Варяговъ; народъ производилъ имя Руси отъ рѣки Рось, отъ Русса сына Лехова, отъ разсѣянія; грамотѣи, отъ Езехіилева Ῥῶς или отъ русыхъ (ῥούσιος) волосъ [1]).

---

[1]) До какой степени мнѣніе о происхожденіи Руси отъ Варяговъ было

Остается допустить вѣроятность существованія системы, по которой Несторъ могъ производить имя Руси отъ Варяговъ.

Но прежде всего, былъ ли Несторъ, по образованію своему и своего времени, въ состояніи соображать историческія системы?

Норманская школа выставляетъ въ личномъ характерѣ лѣтописца преимущественно двѣ черты: добросовѣстность и невѣжество. «На всемъ этомъ обширномъ поприщѣ», говоритъ Шлецеръ (Нест. I. мз), «Несторъ есть одинъ только настоящій, въ своемъ родѣ полный и справедливый (выключая чудесъ) лѣтописатель». А въ другомъ мѣстѣ, по поводу мнимыхъ побѣдъ Святослава надъ Греками: «глупый монахъ, лгавшій такъ безразсудно, вѣрно, думалъ, что патріотъ непремѣнно долженъ лгать» (тамъ же III. 610). Характеристика поверхностная и одинаково несправедливая въ порицаніи и похвалѣ.

Въ Несторѣ должно отличить двѣ индивидуальности: лѣтописца и писателя. Какъ лѣтописецъ, въ сравненіи съ первыми историками другихъ народовъ, онъ замѣчателенъ болѣе по отсутствію неправдопобнаго, нежели по безусловному правдолюбію. По крайней мѣрѣ, его добросовѣстность подчинена вліянію какъ національнаго, такъ и христіанскаго чувства. Если изъ греческихъ лѣтописей онъ имѣлъ, какъ думаю, въ рукахъ одинъ только переводъ Амартолова временника, съ продолженіемъ по 963 годъ, понятно, что ему остались невѣдомы лѣтописныя извѣстія Грековъ о крещеніи Руси въ 866 году и подробности о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ. Но онъ не могъ не знать о крещеніи Аскольда и вообще о распространеніи христіанства на Руси до Владиміра, по другимъ, не менѣе достовѣрнымъ источникамъ. На могилѣ Аскольда поставлена церковь Св. Николы; русскіе епископы именовались Фотіевыми еще при Владимірѣ; при императорѣ Львѣ, Русь считалась 61 епископствомъ восточной церкви; при Игорѣ была въ Кіевѣ церковь Св. Иліи,

---

противно народному чувству, видно по измѣненію Несторова сказанія въ софійскомъ харатейномъ Номоканонѣ, писанномъ въ 1280 году: «При сего царствѣ (т. е. Михаила) придоша *Русь*, Чюдь, Словенѣ, Кривичи *къ Варягомъ*, рѣша» и т. д. (Прилож. къ Лавр. л. 251).

куда водили къ присягѣ христіанскую Русь и т. д. При этихъ живыхъ, положительныхъ фактахъ, нельзя допустить въ духовенствѣ XI столѣтія невѣденія общественнаго явленія, коего они были представителями; между тѣмъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ указаній, именно свидѣтельствующихъ о его знаніи предмета, Несторъ молчитъ о христіанствѣ до 988 года; молчитъ, безъ сомнѣнія, изъ ложно понятаго рвенія къ варяжской династіи и памяти святаго Владиміра. Онъ не знаетъ о почти современныхъ ему западныхъ миссіонерахъ и мученикахъ, св. Адалбертѣ, Бруно и другихъ; но разсказываетъ подробно о двухъ мученикахъ-варягахъ, *пришедшихъ изъ Грекъ*. Все это не ложь, но и не простодушіе, добросовѣстность. Тѣже догадки, тѣже намеки нахожу я и у Круга по поводу исторіи Рогнѣди (Forsch. II. 425. Anm.); я указалъ въ другомъ мѣстѣ на причины молчанія лѣтописца о малыхъ князьяхъ, о язычествѣ, о самомъ варяжскомъ поморіи. Его правдолюбіе сообразно съ идеями вѣка и нерѣдко проистекаетъ отъ недостатка послѣдовательности въ понятіяхъ; оно проявляется особенно во внесеніи въ лѣтопись и тѣхъ фактовъ, которые явно противорѣчатъ предшествующимъ имъ положеніямъ. Мы видѣли это на дѣлѣ. Онъ знаетъ варяжскую Русь за моремъ, только въ той мѣрѣ, которая ему необходима для поддержанія системы о происхожденіи русскаго имени отъ Варяговъ; но не жертвуетъ этой системѣ ни историческою истиною, ни существовавшею на Руси этническою терминологіею; онъ не выводитъ ни разу Руси изъ Новагорода, чѣмъ и опровергаетъ прежде-сказанное о варяго-*русскомъ* населеніи сѣверныхъ городовъ. Точно также поступаетъ онъ и въ разсказѣ о взятіи Кіева Олегомъ; отъ Кіева переноситъ онъ имя Руси на Олега и его Варяговъ, а не на оборотъ. Изъ преданій и пѣсенъ заимствуетъ онъ разсказъ о побѣдоносной войнѣ Святослава съ Греками; а вслѣдъ за разсказомъ вноситъ въ лѣтопись договоръ, свидѣтельствующій о ея неудачѣ. Этими противорѣчіями мы обязаны не его честности, какъ пишетъ г. Погодинъ (Изслѣд. I. 225), ибо честность противорѣчій не допускаетъ, а свойственнымъ всѣмъ первоначальнымъ историкамъ забывчивости и неумѣнію согласовать свои положенія съ извѣстными фактами.

Какъ писатель, Несторъ прежде всего ученикъ византійцевъ и ихъ болгарскихъ учениковъ; отсюда почти совершенное въ немъ отсутствіе языческаго сказочнаго начала, такъ не кстати превозносимое Шлецеромъ, подъ вліяніемъ, всемогущимъ въ его время, энциклопедической школы. Изъ народныхъ преданій, сохранившихся въ пѣсняхъ и былинахъ древнихъ Славянъ, выбралъ онъ свою исторію переселенія славянскихъ племенъ, *очистивъ* ее предварительно отъ всѣхъ миѳологическихъ легендъ и намековъ, связавъ ее по византійски съ библейскимъ преданіемъ о столпокрушеніи; подвигъ благочестія и разумности, которому радоваться мы не можемъ, но обличающій въ лѣтописцѣ критическую сообразительность, до которой не возвысился и Титъ Ливій. Критикомъ является онъ и въ разсказѣ объ основаніи Кіева: «Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду» и т. д. (Л. Лавр. 4). Такой складъ ума далекъ отъ первобытной наивности какого нибудь-нотаріуса короля Белы, съ его: quid plura? iter historiae teneamus. Греческій разсказъ о пораженіи Игоря онъ умѣетъ и сократить и облечь въ историческую русскую форму; умѣетъ приноровить къ Руси и самыя греческія присловія, ибо знаменитая, чисто библейская притча: «погибоша аки Обрѣ, ихъ-же нѣсть племени, ни наслѣдка» была извѣстна Грекамъ уже за два столѣтія до Нестора; въ письмѣ къ Симеону болгарскому патріархъ Николай говоритъ объ Аварахъ: «ἀλλὰ καὶ οὗτοι ἀπώλοντο, καὶ οὐδὲ λείψανον τοῦ γένους ὑφίσταται» (Spicil. roman. X. p. II. 201).

Несторъ былъ, стало быть, въ состояніи соображать и соображалъ историческія системы; на системѣ основано и его сказаніе о происхожденіи Руси отъ Варяговъ.

Онъ былъ ученикъ византійцевъ; для него греческіе хронографы, хронографъ Георгія Амартола—были ученою святынею; они казались и не могли не казаться ему всевѣдущими. Не зная ничего исторически положительнаго о происхожденіи Руси, пренебрегая народными преданіями, тѣсно связанными съ язы-

ческими, онъ отъискиваетъ у Грековъ начало русскаго имени, и не встрѣчая его до 866 года, т. е. до перваго похода Руси на Царьградъ, пишетъ: «Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ; тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ» (Лавр. 7). Этого мѣста, краеугольнаго камня Несторовой лѣтописи, никто изъ послѣдователей норманской системы не посмѣлъ передать въ его положительномъ, до очевидности ясномъ значеніи. Шлецеръ переводитъ: «Въ лѣто 852, индикта 15, при началѣ царствованія Михаилова, началось имя русской земли. *Ибо намъ извѣстно*, что при семъ царѣ Руссы пришли къ Константинополю, какъ написано въ греческомъ времянникѣ» (Нест. Шлец. I. 255). Г. Погодинъ: «Первый *слухъ* объ *русской землѣ* въ началѣ царствованія Михаила; *мы узнали объ этомъ*, потому что Русь при этомъ царѣ приходила на Царьградъ, какъ написано въ лѣтописяхъ греческихъ» (Изслѣд. I. 224). Кругъ: «Im Jahre 6360, im 15 Indict. Da Michael angefangen hatte zu regieren, fing sich der Beiname des Russischen Landes an. *Denn wir sind davon berichtet*, wie unter diesem Tsar Russen vor Konstantinopel gekommen sind, wie auch geschrieben stehet in der Griechischen Chronik» (Forsch. I. 159). Г. Куникъ: «Unter Michael, der seine Regierung im Jahr 6360 (=852), Indikt 15, begann, kam der Name Reussenland auf. *Denn es ist uns kund geworden*, dass unter diesem Zaren Russen nach Konstantinopel gekommen sind, wie in einem griechischen Geschichtsbuche geschrieben steht» (Beruf. I. 48, 49). Во всѣхъ этихъ переводахъ и передѣлкахъ опущена бездѣлица, а именно выраженіе *«о семъ»* (*о семъ* бо увѣдахомъ), содержащее *сознаніе причины*, по которой Несторъ *предполагаетъ* начало русскаго имени при Михаилѣ. У г. Погодина оно сохранилось; но вмѣсто положительнаго факта о *началѣ* русскаго *имени*, является первый *слухъ* о русской *землѣ*;—измѣненіе, переносящее *къ Грекамъ* (къ тому-же и въ искаженномъ видѣ: русская земля вмѣсто русскаго имени) извѣстіе Нестора о Руси. Въ словахъ лѣтописца нѣтъ двухъ смысловъ; онъ говоритъ: «Въ царствованіе

Михаила, земля наша получила названіе Руси; мы узнали (догадались) *объ этомъ* (т. е. о томъ, что при Михаилѣ русская земля стала именоваться Русью) *изъ того*, что при этомъ царѣ Русь приходили (въ первый разъ) на Царьградъ, какъ сказано въ греческомъ лѣтописцѣ» или другими словами: «потому что при этомъ царѣ греческая лѣтопись упоминаетъ о Руси впервые по случаю похода на Царьградъ». Въ своемъ толкованіи Несторовыхъ словъ г. Погодинъ вѣрнѣе, чѣмъ въ переводѣ: «Мы не знали бы о себѣ, я не могъ бы ничего написать, если бы это происшествіе не было записано въ лѣтописи Греческой. Вотъ откуда я начну» (Изслѣд. I. 224). И онъ начинаетъ 852 годомъ. Я заключаю: 1) При самомъ вступленіи въ исторію Руси, Несторъ чистосердечно объявляетъ о *системѣ* ея происхожденія, основанной не на фактахъ, а на предположеніи; 2) Предположеніе Нестора о началѣ русскаго имени въ девятомъ столѣтіи основано, по собственному его сознанію, на первомъ поминѣ о Руси у византійскаго лѣтописателя, не знавшаго и не говорящаго ни слова о ея происхожденіи.

Въ самомъ дѣлѣ византійскіе лѣтописцы узнаютъ Русь только въ слѣдствіе похода 866 года; какимъ бы хронографомъ ни пользовался Несторъ (а по всѣмъ вѣроятностямъ ему былъ извѣстенъ только одинъ Георгій Амартолъ), онъ находилъ въ немъ и описаніе похода, и сказаніе о Руси, какъ о новомъ, дотолѣ неизвѣстномъ народѣ.

Принимая точкою отправленія русской исторіи *первый поминъ о Руси* въ византійскихъ хронографахъ, онъ дѣйствовалъ, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ тѣ европейскіе ученые, которые не допускали присутствія въ Европѣ славянскаго племени до VI вѣка, потому что имя Славянъ встрѣчается впервые у Прокопія и у Іорнанда. Эти ученые разсуждали: еслибы Славяне жили въ Европѣ до V или VI столѣтія, о нихъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто у греческихъ и латинскихъ писателей. Несторъ, для котораго вся классическая литература сосредоточивалась въ Георгіѣ Амартолѣ, говоритъ: еслибы имя Руси для Славянъ существовало до половины девятаго вѣка, Георгій Амартолъ непремѣнно упомянулъ бы о немъ до 866 года. Не то ли самое и съ одинаковою си-

лою логики повторяютъ и тѣ изслѣдователи, которые, не находя имени Русь у Ѳеофана и Ал-Фергани, заключаютъ отсюда о невозможности существованія славянской Руси до эпохи призванія Варяговъ?

Но если до 852—866 года имя Руси у насъ не существовало, откуда, по соображеніямъ Нестора, явилось оно? Кѣмъ занесено?

Нестору достовѣрно извѣстно, около тѣхъ-же 852—866 годовъ, призваніе и водвореніе на Руси варяжскихъ князей. Годъ пришествія Рюрика онъ могъ приблизительно расчитать уже по соображенію съ извѣстнымъ, всѣми византійцами засвидѣтельствованнымъ походомъ его сына, Игоря Рюриковича, въ 941 году. Онъ естественно приводитъ фактъ призванія въ соединеніе съ началомъ русскаго имени, опредѣленнымъ, по его мнѣнію, первымъ поминомъ о Руси въ греческомъ хронографѣ. Въ самомъ дѣлѣ имя Руси является у византійцевъ впервые въ царствованіе Михаила; къ тому-же времени относится начало варяжской династіи. Не должна ли прійти ему въ голову мысль объ исторической связи этихъ двухъ, современныхъ фактовъ? Историкъ нашей эпохи не разсудилъ бы иначе. Съ другой стороны, не естественно ли въ лѣтописцѣ XI столѣтія побужденіе отнести честь прозванія Руси къ первому князю владѣющаго рода? Не будь имя Рюрика такъ народно и такъ положительно знакомо самому Нестору, онъ назвалъ бы его *Русомъ*, какъ называли Чехи и Ляхи мнимаго прародителя русскаго народа, и какъ лѣтописецъ XVI вѣка готовъ прозвать самаго Рюрика: «Но мню, яко паче всѣхъ сихъ достовѣрнѣйши се есть, еже преподобный отецъ нашъ Несторъ, лѣтописца Рускій, глаголетъ, яко отъ вожа, си есть князя своего Рурика, сіе имя пріятъ Русь: понеже въ оная времена отъ вожовъ своихъ славныхъ и храбрыхъ народы и языки обыкошася именовати, якоже Ляхи отъ Леха, Чехи отъ Чеха и проч.» (Густинск. Л. 236).

На систему Нестора о происхожденіи русскаго имени отъ Варяговъ въ девятомъ вѣкѣ могли имѣть вліяніе и слѣдующія обстоятельства.

Языческая Русь поклонялась святымъ рѣкамъ; преданіе о

рѣкѣ «глаголемой Рось», какъ прародительницѣ народа, уцѣлѣло еще въ XVI вѣкѣ; при Несторѣ оно, вѣроятно, еще жило въ обрядахъ и пѣсняхъ повсюду празднуемыхъ русалій. Благочестивый монахъ не могъ терпѣть для имени своего народа производства пригвождавшаго его на вѣки къ языческому идолу; онъ искалъ ему объясненія на пути историческихъ соображеній.

Если допустить происхожденіе варяжской династіи отъ рода князей рюгенскихъ (что̀, при неясности извѣстій о племенныхъ подраздѣленіяхъ въ землѣ поморскихъ Славянъ, ни сколько не противорѣчитъ ихъ оботритскому происхожденію [1]), мы въ правѣ принять вліяніе на Несторову систему, единозвучія существующаго между Руею (Ruja) и Русью, между князьями руйскими и русскими [2]). И нѣмецкіе лѣтописцы называютъ Ольгу-Helena regina Rugorum, а островъ Рую-Rugia, sive melius Ruscia.

Мы знаемъ, наконецъ, что прилежащій къ устью Нѣмана морской берегъ именовался *русскою землею* (см. выше); вывести Русь изъ русской земли было естественно.

Система Нестора вертится единственно на придуманномъ имъ объясненіи имени Русь отъ Варяговъ; она основана на двухъ главныхъ положеніяхъ: 1) «А словѣнескъ языкъ и рускый одинъ, отъ Варягъ бо *прозвашася Русью*, а первѣе бѣша Словѣне». Словенскій языкъ и русскій языкъ; словенскій народъ и русскій народъ — одинъ языкъ и одинъ народъ; *различіе только въ названіяхъ.* 2) «Сице бо ся *зваху* тьи Варязи Русь, яко се друзіи *зовутся* Свое, друзіи же Урмяне, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си». Русь не Шведы, не Норвежцы, не Ан-

[1]) Срвн. Schafar. Sl. Alt. II. 573. Anm. 3. У Видукинда Руяне являются врагами Лутичей, къ которымъ Шафарикъ ихъ относитъ по племени. Впрочемъ отдѣльные князья у балтійскихъ Славянъ не рѣдко переходили отъ одного племени къ другому. Оботритскій князь Крокъ былъ отъ рода руйскихъ князей.

[2]) Въ пользу формы *Руя*, *Руяне* передъ искаженною *Рана*, *Раняне* (вѣроятно сокращ. Ruiana, Ruiani), говорятъ столько положительныхъ оффиціальныхъ актовъ, что я не сомнѣваюсь въ ея первобытности, не смотря на свидѣтельство о противномъ аббата Викбольда. См. Barthold, Gesch. v. Rüg. и Pom. I. 223. — Schafar. Sl. Alt. II. 573. Kunik, Beruf. II. 54.

глы, не Датчане; *сходство только въ общемъ названіи Варягами.* Еслибы между своими Варягами-Русью и Словенами, при отличіи въ названіяхъ, лѣтописецъ предполагалъ отличіе германской народности отъ славянской, шведскаго языка отъ словенскаго, онъ сказалъ бы: «а Словенескъ языкъ и Рускый нынѣ одинъ», какъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ *только объ имени*, онъ говоритъ: «Поляне, яже *нынѣ* зовомая Русь». Но онъ заботится объ одномъ только *прозваніи*; его система далѣе не идетъ: «въ лѣто 6360—нача ся *прозывати* Руска земля». «Отъ тѣхъ *прозвася* Руская земля, Новугородци». «Поляне, яже нынѣ *зовомая* Русь». «Отъ Варягъ бо *прозвашася* Русью». И Шлецеръ замѣтилъ, что лѣтопись повторяетъ эти положенія, *какъ будто боясь что ее не поймутъ* (Нест. Шлец. I. 342). Несторъ этого въ самомъ дѣлѣ боялся.

V.

КЪ ВОПРОСУ О ЧЕРНОМОРСКОЙ РУСИ.

Византійскіе писатели зовутъ нашу Русь Тавроскиѳами; иные даже указываютъ ей жилища на Таврическомъ полуостровѣ. Я привожу нѣсколько примѣровъ:

О Руси 866 года: «ἔθνος δὲ οἱ Ῥῶς Σκυθικὸν, περὶ τὸν ἀρκτῷον Ταῦρον κατῳκημένον, ἀνήμερόν τε καὶ ἄγριον» *(Cedren. ed. Bonn. II. 173)*. «Τό δ᾽ἔθνος τῶν Ῥῶς Σκυθικὸν ὂν, τῶν περὶ τὸν Ταῦρον ἐθνῶν». *(Zonar. ed. Par. II. 162)*.

О Руси Святослава: «....καὶ Καλοκύρην ἐκεῖνον ....ἐς τοὺς Ταυροσκύθας ἐξέπεμψεν, οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἴωθεν ὀνομάζειν» *(Leo Diac. ed. Bonn. 63)*.

О Руси въ послѣдующіе вѣка: «ἔστι δὲ τις ἐν Ταυροσκυθικῇ πόλις ὄνομα Κίαμα (Кіевъ), ἣ πόλεών τε ὑπερκάθηται τῶν ἄλλων ὅσαι τῇδε ἵδρυνται, καὶ ὅσα καὶ μητρόπολις τῷ ἔθνει τούτῳ τυγχάνει οὖσα». *(J. Cinnam. ed. Bonn. 236)*. «Πλὴν οὐδὲ τὰ κατὰ τοὺς Ταυροσκύθας τούτους ὁ τότε χρόνος παρέδραμεν ἀστασίαστα, κατὰ δ᾽ὁμοφύλου σφαγῆς τό ξίφος ἔβαψεν ὅ τε Ῥωμανὸς οὗτος καὶ ὁ διέπων τὸ Κίαβα Ῥούρικας.» *(Nicet. Choniat. ed. Bonn. 692.)*

«Ἔαρος δ'ἀρξαμένου ἰδοὺ καὶ ὁ Τεμὺρ χὰν ἐκ Περσίας πρὸς τὰ τοῦ Ταναΐδος μέρη ἐλθών, καὶ τοὺς Ταυροσκύθας καὶ Ζυκχοὺς καὶ Ἀβασγοὺς ἀθροίσας .... διέβη πρὸς τὰ τῆς Ἀρμενίας μέρη» κ. τ. λ. *(Ducas, ed. Bonn. 61).*

Въ XII вѣкѣ имя Тавроскиѳовъ и Тавровъ стало такъ обычно для Руси, что Тцецесъ (1120 — 1183) писалъ *Hist. II. 879:* «Περὶ τοῦ Ταυρογλυφὲς, εἰ δὲ βούλει, Ῥωσογλυφὲς. Ταῦροι τοῦ γένους τῶν βοῶν οἱ ἄῤῥηνες καλοῦνται. Ἔστι καὶ γένος Σκυθικόν. ἔπει δ'ἄδηλον τοῦτο, σαφέστερον ἐδήλωσα Ταύρους τοὺς Ῥῶς καλεῖσθαι ἐν τῷ εἰπεῖν Ταυρογλυφὲς, Ῥωσογλυφὲς δ' εἰ βούλει, ὥσπερ ἐφερμηνεύων σοι τίνες εἰσιν οἱ Ταῦροι» *(Thes. G. L. ed. Didot. VII. 1876).*

Откуда это названіе?

Г. Куникъ *(ap. Krug, Forsch. II. 817 — 828)* полагаетъ, что первоначально Греки, подъ именемъ Тавра, откуда вышли Русь 866 года, понимали какой-то воображаемый сѣверный Тавръ, нѣчто въ родѣ острововъ *ultima Thule;* а къ этой мысли были приведены поразившимъ ихъ *духовнымъ* родствомъ, по жестокости, Нормановъ съ древними Тавроскиѳами.

Тавры и Тавроскиѳы—названія по преимуществу *географическія;* отъ Скиѳовъ Тавры отличаются у *Herod. IV. 102. Scylax* § *69. App. Mithr. c. 15;* къ Скиѳамъ причисляются у *Str. VII, 11. Plin. IV, 12 (26). Tzetz. in Lyc. 1374:* «Οἱ δὲ Ταῦροι μοῖρα Σκυθῶν.» Имя Тавроскиѳовъ встрѣчается у *Ptol. III, 5,* cf. *Jul. Cap. in Ant. Pio c. 9; Eust. in Dion. 163:* «Σκύθαι Τ. λέγονται ἀπὸ τοῦ ἐκεῖ Ταύρου ὄρους; Σκυθόταυροι in *Arr. Per.; Anon. II. Per. P. Eux.* cf. *Gail. Geogr. Gr. min. III. p. 257.* У всѣхъ подъ этими названіями разумѣются обитатели Крымскаго полуострова. Въ томъ-же значеніи употребляютъ имя Тавроскиѳовъ и Византійцы, до эпохи его исключительнаго присвоенія Руси. Какой изъ крымскихъ народовъ Прокопій называлъ Таврами и Тавроскиѳами *(Procop. ed. Bonn. II. 479. III. 261, 264),* я не знаю; не знаю къ Хозарамъ ли относятся Scythae e Taurica sociales, о которыхъ упоминаетъ Генезій *(ed. Bonn. 89.* cf. *Kunik, ap. Krug, II, 778, Anm.)*; но вѣрно, что этими именами Греки постоянно отличали Крымцевъ, или, *по ошибкѣ*, ихъ ближайшихъ черноморскихъ сосѣдей. Ни въ какомъ случаѣ не льзя допу-

стить съ Байеромъ *(у Шлец. Нест. II. 50)* и г. Куникомъ *(l. c. 823)*, чтобы вслѣдствіе неопредѣленности понятій, они перенесли имя Тавра на Карпатскія горы; чему въ доказательство приводится мѣсто Константина Манассія, въ которомъ Авары будто-бы названы Тавроскиоами *(Шлец. l. c. Kunik l. c. 819)*.

Рѣчь идетъ о войнѣ персидскаго царя Хозроя съ императоромъ Иракліемъ и объ осадѣ Константинополя въ 626 году, войсками персидскими и союзными. Византійцы описываютъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ:

«Ita diviso inter se velut Thracio Bosporo *Persae* Asiaticum limitem, *Avares* Thraciam infestabant. .....Erant in eorumdem (sc. Avarum) exercitu *Sclavinorum* auxiliares copiae bene multae, quas illi secum adduxerant; quibus et signum dederant, ut cum accensas faces ex Blachernarum munitione conspexissent quam alam nuncupant, statim *actuariis lembis* irrumperent..... hoc ubi *Sclavi* conspicati sunt, e fluvio quem Barnyssum vocant recta ad urbem *navigiis* feruntur» *(Niceph. Cpolitan. ed. Bonn. 20, 21)*.

«XXIX. Julii mensis die, Deo invisus chaganus (Avarum) accessit ad moenia cum universis copiis, ac se ipsum civibus ostendit. ..... Abominandus deinde Chaganus — ad Chelas abiit, et *trabarias* in mare dimisit, quibus in oppositam regionem trajiceret, secumque *Persas*, secundum eorum pollicita, adduceret. .....Nocte ergo feriae secundae, sub diluculum non potuere eorum *trabariae* fallere nostras excubias, ac ad Persas trajicere, *Sclavis omnibus qui in trabariis inventi sunt*, vel in mare praecipitatis, vel a nostris interfectis» *(Chronic. Pasc. ed. Bonn. I, 719, 723, 724)*.

«Sarbarum vero cum reliquo exercitu Cpolim versus misit (Chosroes), ut initis pactis cum *Unnis* (*Abaros* quidam vocant), *Bulgaris*, *Sclavis* et *Gepedibus*, una cum eo urbem impressione facta obsiderent. .....*Abares* etiam e Thracia profecti ad urbem applicantes eam vi obtinere nitebantur.....; dei tandem virtute et ope..... profligati sunt; multisque suorum copiis terra et *mari* amissis, cum magno rubore et dedecore domos repetierunt» *(Thepoh. Chronogr. ed. Bonn. I, 485, 487)*.

«Sarbarum cum reliquis copiis ad Cplim proficisci jubet, ut

initis pactis cum *Hunnis* occidentalibus, qui et *Avares* nominantur, ac *Sclavinis* et *Gepidis*, urbem obsidere atque oppugnare curet» etc. *(Cedren. ed. Bonn. I. 727—729).*

Зонара *(ed. Francof. 1587, p. 98, c. 3)*, говоритъ о хаганскихъ войскахъ въ общемъ смыслѣ.

Изъ сличенія между собою этихъ извѣстій видно, что войско Хозроя состояло съ одной стороны изъ Персовъ, стоявшихъ на азійскомъ берегу; съ другой—изъ Аваровъ, Болгаръ и *Славянъ;* послѣдніе составляли, по обыкновенію, *морское* вооруженіе, ибо искусство мореплаванія оставалось всегда чуждо кочевымъ монголо-турецкимъ народамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнаемъ отъ Менандра *(ed. Bonn. 332 — 336)* и Θеофилакта *(ed. Bonn. 246)*, что при переправѣ черезъ Дунай лодіи для Аваровъ всегда изготовлялись Славянами, а въ случаѣ войны съ ними, доставлялись Аварамъ отъ римскаго императора. Масуди говоритъ о Хозарахъ, что они кораблей не имѣли и вовсе не вѣдали мореплаванія *(Fraehn, Ibn. Fossl. 246)*.

Теперь переходимъ къ Манассію: «Etenim ad exercitus *Persicos* etiam copiae *Scytharum* accedentes, arenisque pares immanissimorum *Avarum phalanges*, — versus urbem.... ferebantur. *Persae* castra metebantur ex adverso urbis.....; *Avares* et *Scythae* sub ipsis moenibus haerebant.» Подъ именемъ Скиθовъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, здѣсь разумѣются Болгаре и дунайскіе Славяне. «Но, продолжаетъ Манассій, дабы никакая изъ напастей людскихъ не превзошла бѣды тѣхъ временъ, судьба возбудила на Грековъ и всѣ вокругъ Тавра обитающіе народы (καὶ πᾶσαν περιταύριον ἤγειρεν ἐθναρχίαν). .....Князья неистовыхъ Тавроскиθовъ (Ταυροσκυθῶν οἱ φύλαρχοι τῶν ἀγριοκαρδίων), собравъ корабли съ безсмѣтнымъ числомъ воиновъ, покрыли все море лодіями однодеревками (τοῖς αὐτοξύλοις πλόοις). Персъ былъ подобенъ колючему скорпію, злобный Скиθъ ядовитому змію, *Тавроскиθъ* саранчѣ, что и ходитъ и летаетъ» (C. Manasses ed. Bonn. 161, 162). Изъ этихъ словъ легко убѣдиться, что Тавроскиθы были не Авары, а, какъ они, союзники Персовъ; къ тому-же, и характеристика ихъ, какъ племени по преимуществу мореходнаго, не идетъ ни къ Аварамъ, ни къ какому-либо другому турецкому

или степному народу. Кто же Тавроскиѳы Манассія? Для него —Русь безъ сомнѣнія; въ его время (XII в.) это имя было исключительною принадлежностію Руси. Но откуда его извѣстіе? [1]) Что оно не схвачено съ воздуха, видно изъ его согласія съ другими свидѣтельствами. Szahir-ed-din знаетъ Руссовъ данниками Хозроева отца Нуширвана, въ VI столѣтіи (Fraehn, Ibn-Foszl. 36 — 38). У Табари, современника Рюрика и Олега (род. 838 †912), упоминается о Руссахъ, въ сосѣдствѣ Хозаръ и Дербента, въ 642 г. по Р. X. (Dorn, Mém. IV. 1841. VI 1844; у Куника Beruf. II, 84); они являются врагами Арабовъ, вѣроятно вслѣдствіе союза съ Персами.

По сказанію Льва Діакона, Игорь отплылъ послѣ своего пораженія не въ Кіевъ, а въ киммерійскій Босфоръ. «Nec te oblitum existimo cladis patris tui Ingoris, qui cum, iuratas pactiones pro nihilo putans, ingenti apparatu magnaque lintrium vi infesta navigatione petiisset reginam urbium, ipse domesticae cladis nuncius factus, aegre cum naviculis decem *ad Cimmerium Bosporum* est reversus» (Leo Diac. ed. Bonn. 106). И въ другомъ мѣстѣ: «ut Scythis, si forte se fugae darent, domum inque Cimmerium Bosporum renavigandi (ἐς τὴν σφῶν πατρίδα ἐκπλεῖν καὶ τὸν Κιμμέριον Βόσπορον) facultas auferretur» (ibid. 129). Тавроскиѳомъ т. е. Руссомъ считаетъ онъ и Ахиллеса «Myrmecione natum, quod est *ad Maeotidem paludem* oppidulum» (ibid. 150).

Какимъ образомъ можетъ г. Куникъ (ap. Krug, Forsch. II. 827, 828) утверждать, что никакой древній источникъ не свидѣтельствуетъ о поселеніяхъ Руси на берегахъ Чернаго моря *до Владиміра*, когда Масуди, умершій въ 956—957 году

---

[1]) Войну Ираклія противъ Персовъ описалъ и другой греческій стихотворецъ, Георгій Писида, современникъ Ираклія. По несчастію, онъ не пишетъ, а поетъ: «Σϑλάβος γὰρ Οὔννῳ καὶ Σκύϑης τῷ Βουλγάρῳ-αὖϑίς τε Μῆδος συμφρονήσας τῷ Σκύϑῃ – – μίαν καϑ ἡμῶν ἀντεκίνησαν μάχην» и пр. (ed. Bonn. 55, v. 197—201). Подъ именемъ Гунновъ онъ разумѣетъ Аваровъ; подъ именемъ Скиѳовъ должно бы понять Тавроскиѳовъ Манассія, черноморскую Русь; но въ другомъ мѣстѣ (61 v. 347), ради мѣры стиха, аварскій хаганъ является скиѳскимъ тиранномъ: «ὁ τῶν Σκυϑῶν τύραννος, ἡ πρώτη βλάβη.»

(Charmoy, Relat. 299) т. е. за нѣсколько лѣтъ *до рожденія Владиміра*, говоритъ: «Вверхъ по теченію хозарской рѣки (т. е. Волги), есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитисъ, которое есть *море Руссовъ*. На этомъ морѣ плаваютъ только они; *ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ* (denn sie wohnen an einer seiner Küsten). Это большой (*языческій*, прибавлено въ другомъ спискѣ на полѣ) народъ, не имѣющій царя и не признающій религіозныхъ законовъ» (Fraehn, Ibn-Foszl. 235. § 29).[1])

Масуди, современникъ Олега и Игоря, былъ самъ въ Хазаріи, а быть-можетъ и въ Болгарѣ (ibid. X); его извѣстія о Руссахъ можно назвать извѣстіями очевидца.

О *русскомъ* морѣ говоритъ кажется и король Альфредъ (871—901), по свидѣтельству Норманна Отера и Нѣмца Вульфстана: «Отъ рѣки Danais (Донъ) на лѣво, до рѣки Rhine (Рейнъ), которая вытекаетъ изъ горы, именумой Alpis, и впадаетъ на сѣверъ въ рукавъ океана, омывающій берега земли, называемой Британніею; и опять на югъ до Donua (Дунай), имѣющей свой источникъ не далеко отъ Рейна и текущей на востокъ и впадающей на сѣверъ отъ Crecalande (Греція) въ *Vendelsae* (Черное море); и на сѣверъ до океана, именуемаго Cvensae (Quäner-See); внутри сихъ границъ обитаютъ многіе народы и все это называется Germania» (D. Barrington Orosius. L. 1773. 8. ap. Schafar. Sl. Alt. II. 671). Почему Дальманъ переводитъ Vendelsae Mittelmeer, я не знаю; Шафарикъ (ib. I. 162) пишетъ mare Vandalicum. Альфредъ получилъ свои географическія извѣстія отъ Норвежца, которому Русь была изѣстна подъ названіемъ восточныхъ Вендовъ Austrvindr, и Германца, понимавшаго всѣ славянскія племена подъ именемъ Вендовъ; для Отера и Вульфстана *русское* море

---

[1]) Въ приведенномъ у Рейске (Abulf. Annal. Vol. II. not. 329. cfr. Fraehn, Ibn-Foszl. 62, 63) другомъ мѣстѣ Масуди, Русь полагаются сосѣдями Хозаръ на каспійскомъ морѣ (mare Chozaricum): «Putant porro Russos et eorum ad hujus maris oram vicinos ipsos esse Chozaros» etc.

было вендскимъ-Vendelsae, Wentilseo; срвн. mare Vendile ap. Adam. Brem. c. 208 и Wendilmeri ap. Grimm, D. M. 597.

Что такое городъ *Malorossa*, о которомъ Равеннскій географъ упоминаетъ по Ливанію (Livanius, Libanius nat. ao. 314 p. C. vid. Fabric. bibl. Gr. VII. 378) въ числѣ таврическихъ, чисто греческихъ городовъ Ermonassa, Acra, Nimfa, Chimerion и т. д.? Срвн. съ арабскими Rusija у Эдризи, Магреби, Ибнъ-ел-Варди, Димешки и т. д. (Fraehn, Ibn-Foszl. 30, 31, 32, 33).

Въ житіи св. Кирилла говорится о евангеліи и псалтири, писанныхъ «*роушьскими* письмены» и найденныхъ *въ Херсонѣ* Кирилломъ, и о бесѣдовавшимъ съ нимъ тамъ-же Русинѣ. (См. Šafař. Památky dřevn. písemn. jihosl.-žiw. Sv. Konst. Григоровичь, О древн. письм. Слав. Ж. м. н. п. 1852. Мартъ. Отд. II. 152—168. Бодянскій, О врем. происх. Слав. письм.). Вопросъ не рѣшенъ: Григоровичь думаетъ о глаголицѣ; Бодянскій о подлогѣ; Шафарикъ относитъ имя Руси къ *предполагаемой* въ Тавріи, около 857 года, варяжской, т. е. скандинавской Руси (Cfr. Šafař. Památky hlaholsk. písemn. XXIII—XXV).

Въ нѣкоторыхъ русскихъ хронографахъ сохранилось извѣстіе о походѣ на Сурожъ Руси, подъ предводительствомъ какого-то князя Бравлина (Бравалинъ, Бравленинъ. Востоковъ читаетъ *бранливъ*), около половины IX вѣка. (См. Горскій, о походѣ Руси на Сурожъ, въ Зап. Одесс. общ. ист. и древн. I. 1844. 191—196, Востокова катал. Рум. Муз. 689). Тоже извѣстіе, но относящее нашествіе Руси и послѣдовавшее за нимъ чудо, вмѣсто Сурожа и св. Стефана, къ малоазійскому городу Амастрису и св. Георгію, найдено ученымъ византинистомъ Газе въ Код. X-го вѣка № 1452 Парижской публичной библіотеки, а въ латинскомъ переводѣ напечатано въ Acta Ss. Febr. III. 269—279. Оба житія обстоятельно изслѣдованы у

г. Куника. Beruf. II. 343—355, 493—495 и Bullet. hist.-philol. de l'Acad. 1847. III. 33—48.

Особенно замѣчательна въ Амастрійской легендѣ характеристика языческой Руси IX-го вѣка. Къ сожалѣнію, переводъ Болландистовъ до того плохъ и невѣренъ, что я долженъ обновить и исправить его, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ небрежность доходитъ до искаженія смысла.

Cap. IX. 43. Et illud quidem ita gestum est. Nec minus quae postea evenerunt stupenda. Irruptio facta est barbarorum Rhos, gentis, ut omnes norunt, immanissimae ac ferocis, cuique nihil humanitatis vestigium inesse videtur. Efferati moribus, inhumani factis; ipso aspectu crudelitatem manifestantes; nulla earum rerum, quibus ceteri mortales, oblectari videntur, praeter caedes. Haec igitur gens, exitialis tam factis quam ipso nomine [1]), a Propontide cladem auspicata, omnique ora maritima vastata, tandem sancti hujus patriae appropinquavit. Crudeliter caedentes omnem sexum atque aetatem, nulla senum infantiumve commiseratione, sed promiscuè contra omnes sanguinolentam armantes manum, perniciem inferre quam citissime contendebant. Templa ab iis eversa, sacra profanata; arae secundum ritum paganorum instructae [2]), nefariae libationes et sacrificia; Taurica illa vetus hospitum caedes ab iis renovata; adolescentium jugulatio, tam marium quam feminarum. Nemo erat qui suppetias ferret, qui se hostibus

---

[1]) Τοῦτο δὴ τὸ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα. Авторъ легенды намекаетъ безъ сомнѣнія на простонародную игру словъ, которою Греки выражали сходство народнаго Ῥῶς съ названіемъ тарантулы ῥώξ. Такъ у Пахимера о франкскомъ рыцарѣ Rousseau de Soli подъ 1281 г.: «ἐξῆρχε δὲ τούτων ἁπάντων ὁ καὶ τῷ φρονήματι τοὺς πάντας ὑπερφερόμενος Ῥῶς Σολυμᾶς, μέγιστος μὲν ἡλικίᾳ, σοβαρὸς δὲ ταῖς τῆς ψυχῆς καταστάσεσιν, ὑπερόφρυς δὲ ταῖς ἐντυχίαις, ξανθὸς τὴν τρίχα, καὶ ὑπεραύχην ἐκ ψυχικοῦ τινὸς ἐκθέρμου κινήματος. οἶμαι δὲ κἀντεῦθεν τὴν ὀνομασίαν σχεῖν, παρὰ τὴν πρὸς Ῥῶς ὁμοιότητα.» Поссинъ переводитъ: «.....Unde crediderim eum Rhos vocatum ex similitudine capitis ejus tum comae tum vultus colore rubescentis, cum nota specie phalangii Rhox dicta.» (G. Pachym. ed. Bonn. I. 509). Suid: Ῥώξ, ῥωγὸς, εἶδος φαλαγγίου. Hesych: Ῥώξ, κόκκος, ἢ εἶδος φαλαγγίου. Etym. M. species scorpii. Пахимеръ пишетъ Ῥώς, вѣроятно по народному выговору. Описаніе фалангія, неизвѣстной въ Италіи тарантулы см. у Plin. L. XXIX. cap. 27.

[2]) Въ греческомъ оригиналѣ βωμοὶ κατὰ τόπον ἐκείνων; Газе читаетъ κατὰ τρόπον (Bullet. 41, N. 7.)

opponeret. Prata et fontes et arbores (religione ab iis) colebantur. Ipsa connivebat coelestis providentia, forsan ut malitia compleretur; ut evenisse saepe Israelitis ex scriptura discimus.

46 .... Ita sepulchrum unicum barbarorum arguit insaniam, caedes multas compescuit, immanissimos lupos in agnorum mansuetudinem commutavit, et prata[1]) saltusque venerantes, divina revereri et colere templa docuit.

Въ этомъ описаніи языческой Руси IX-го вѣка насъ поражаютъ преимущественно двѣ особенности:

1) Человѣческія жертвоприношенія, которыми языческая Русь возобновляетъ кровавыя жертвы, нѣкогда приносимыя въ древней Тавріи, на алтарѣ таврической Артемиды Ἑκάτη ταυροπόλος. Словомъ ξενοκτονία авторъ легенды намекаетъ на прославленное Геродотомъ и Еврипидомъ преданіе, по которому гости, пристававшіе къ Таврическому берегу, были приносимы въ жертву богинѣ. У всѣхъ народовъ въ мірѣ, такъ и у Норманновъ, существовало нѣкогда религіозное обыкновеніе человѣческихъ жертвоприношеній; но въ какой мѣрѣ слова Прокопія о Θулитахъ (*ed. Bonn. II. 208*) идутъ къ Норманнамъ IX-го столѣтія и къ полусказочнымъ (во всякомъ случаѣ въ позднѣйшее время изъ ранняго перенесеннымъ) извѣстіямъ Дитмара и Адама бременскаго[2]), еще не рѣшеный вопросъ; вѣрно, что ни англійскіе, ни французскіе лѣтописцы VIII-го и IX-го столѣтій, не умолкающіе о жестокости и кровожадности Норманновъ-язычниковъ, не упоминаютъ ни разу о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Г. Куникъ (Beruf. II. 371 и 300) ссылается на описаніе разоренія Норманнами города Нантъ (Nantes) въ 843 году: «Monachorum vero quosdam extra ecclesiam, alios intus, plerosque autem super ipsam templi aram instar hostiae trucidant; reliquos vero noctis crepusculo secum abducunt, classique imponunt» (Bouquet VII). Но изъ словъ

---

[1]) Слово *prius* произвольно добавленное въ переводѣ, обращаетъ язычниковъ въ христіянъ.

[2]) Ditmar I. 12. Ad. Brem. c. 234. «Ditmars von Merseburg beschreibung des grossen nordischen, eigentlich dänischen opferbrauchs, der aber schon hundert jahre (?) vor ihm erloschen war, enthält offenbar sagenhaft übertriebene und entstellte umstände» (J. Grimm, D. M. 42).

«instar hostiae» нельзя заключить о религіозномъ обрядѣ, коего не видать и слѣдовъ; въ такомъ-же смыслѣ употребляетъ Левъ Діаконъ выраженіе δίκην βοσκήματος (victimae ritu), о убіеніи Іоанна Куркуи *въ битвѣ* противъ Руси Святослава (Leo Diac. ed. Bonn. 148). Самое слово trucidant (вмѣсто immolant)[1]) указываетъ на простое убійство. Наконецъ легенда упоминаетъ объ особомъ жертвоприношеніи *юношей* и *дѣвицъ*; а о такомъ религіозномъ обрядѣ не говорится ни слова въ скандинавскихъ, къ древнѣйшему времени относящихся, сказаніяхъ.

О Руси и вообще о Славянахъ извѣстно противное. «Жряху имъ, наричюще я богы, привожаху *сыны своя* и *дъщери*, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ» (Лавр. 34. срвн. 39). «И рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на *отрока* и *дѣвицю*; на него-же падеть, того зарѣжемъ богомъ» (тамъ же, 35). «Хоулеть бо книгы, жроуще *сыны* свое и *дьщере* бѣсомь» (жит. св. Конст. Šafař. Pam. X. 15). Эти слова какъ будто парафразисъ греческихъ παρθένων σφαγαί, ἀῤῥένων τὲ καὶ θηλειῶν. Латинскій текстъ переводитъ ошибочно: «virginum caedes, virorumque ac foeminarum». Здѣсь слово παρθένος взято въ его позднѣйшемъ *двуродномъ* значеніи[2]); и въ старочешскомъ слово děwka имѣетъ также значеніе *юноши* (Jungm.). Замѣчательно выраженіе σφαγή, jugulatio, jugulum, *удушеніе*, указывающее на общеславянскій религіозный обрядъ, кажется, тѣсно связанный съ поклоненіемъ индійской Сивѣ-Живѣ; такъ у Льва Діякона о Руссахъ Святослава: «ἄνδρας καὶ γύναια, ἐπ᾽ αὐτοῖς κατὰ τὸν πάτριον νόμον ἐναποσφάξαντες» (ed. Bonn. 149); у біографа св. Оттона: «Nam usque ad haec tempora, si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius providerent (?), aliquas ex iis

---

[1]) Cfr. Bouquet ap. Krug, Forsch. II. 246. Anm.: «quod fuerint (sc. Normanni) baptizati et rebaptizati, et post baptismum gentiliter vixerint, atque Paganorum more Christianos *interfecerint*, sacerdotes *trucidaverint*, atque simulachris *immolantes*, *idolothyta* comederint.» Гдѣ рѣчь идетъ о простомъ убійствѣ, лѣтописецъ употребляетъ выраженія *interficere*, *trucidare;* гдѣ о религіозномъ обрядѣ, о жертвоприношеніи, техническое слово *immolare*.

[2]) Suid. v. παρθένιοι. Παρὰ δὲ Γοργίᾳ, παρθένος ἐπὶ παντὸς ἀμετόχου τέτακται.

jugulabant, pro nihilo ducentes parricidium» (Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 682). И въ описанiи Ибнъ-Фоцлана (Fraehn, 19), *удушенiе* русской дѣвки предшествуетъ ея закланiю.

2) Поклоненiе водамъ и рощенiямъ: «λειμῶνες καὶ κρῆναι καὶ δένδρα σεβαζόμενα.» (§ 43). Здѣсь σεβαζόμενα страдательное причастiе отъ σεβάζω[1]), а не отъ средняго σεβάζομαι, какъ въ безсмысленномъ латинскомъ переводѣ Болландистовъ: «prata, arbores, fontes *stupebant*»; и § 46 «. . . . ἀλλὰ θείους αἰδεῖσθαι ναοὺς τοὺς ἄλση καὶ λειμῶνας σεβαζομένους». «Ob man aus der s. 91 angezogenen altn. Sage, die der *vötn* erwähnt, говоритъ Гриммъ (D. M. 550), auf wirklichen wassercultus in Scandinavien schliessen darf, weiss ich nicht: fast scheint die stelle einer lat. ausländischen nachgeahmt. an sich selbst ist die heilighaltung des wassers unbezweifelbar.» У Славянъ, преимущественно у русскихъ, водо—и древопоклоненiе составляло главную, существенную часть народной религiи; этою характеристическою чертою славянскаго язычества были поражены всѣ иноземные писатели о Славянахъ. Прокопiй пишетъ о нихъ въ VI вѣкѣ: «σέβουσι μέντοι καὶ ποταμούς τε καὶ νύμφας καὶ ἄλλ' ἄττα δαιμόνια» (ed. Bonn. II. 335). Дитмаръ о святомъ озерѣ Glomaci: «hunc omnis incola plus quam Ecclesias, spe quamvis dubia, veneratur et timet» (I. 8). Гельмольдъ о Славянахъ своего времени: «et inhibiti sunt Slavi de caetero jurare in arboribus, fontibus et lapidibus» (Lib. I. cap. 84). Принявшiе христiянскую вѣру Штетинцы просили св. Оттона о сохраненiи дуба, стоявшаго надъ источникомъ, «quam plebs simplex numinis alicujus inhabitatione sacram aestimans, magna veneratione colebat» (Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 681). Самого Оттона Славяне едва не убили за то, что онъ хотѣлъ срубить орѣховое дерево, посвященное богамъ (ibid. 715). О нашихъ язычникахъ свидѣтельствуетъ Несторъ: «бяху же тогда поганiи, жруще езеромъ и кладяземъ и рощенiемъ» (Нест. Шлец. I. 175). «Погани жряху идоломъ въ колодязѣхъ» (Новг. л.). Въ уставѣ Владимiра о церковныхъ судахъ упоминается о молящихся «подъ овиномъ или в рощеньи, или оу водъı» (Доп. къ Акт. Ист.

[1]) Быть можетъ и описка вмѣсто болѣе употребительнаго σεβόμενα.

I. 1). Въ правилахъ митрополита Іоанна о тѣхъ, «еже жруть бесомъ и болотомъ и колодяземъ». Въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина: «овъ рѣку богыніу нарицаеть и звѣрь живущь въ ніеи іако Бога нарицая требу творіть». Въ словѣ Кирилла: «не нарицайте собѣ бога . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ» (см. Срезневск. Свят. и обр. 22, 23). О жертвоприношеніи дубу на островѣ св. Георгія см. Конст. багр. de adm. imp. ed. Bonn. 78. Возліянія, о которыхъ говорится въ легендѣ (σπονδαὶ παράνομοι), находимъ у Козьмы пражскаго (libamina super fontes III. 197), у Гельмольда, Сакс. грамматика и другихъ.

Прим.—Мнѣ кажется, что ни одно изъ двухъ житій (амастрійское и сурожское) не списывало другое, а что оба взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восходившаго въ первоначальной редакціи *за 866 годъ*; только отсюда можно объяснить молчаніе обѣихъ легендъ объ Аскольдовомъ походѣ на Царьградъ и о послѣдовавшемъ за нимъ крещеніи Руси. Въ этомъ древнѣйшемъ греческомъ житіи, походъ и чудо относились, по всей вѣроятности, какъ въ русскомъ, къ Сурожу и св. Стефану.

Мнѣніе о подлогѣ амастрійскаго житія утверждается на слѣдующихъ признакахъ: 1) Оно молчитъ какъ объ имени амастрійскаго епископа, при которомъ случилось нашествіе Руси, такъ и обо всемъ, что только могло обозначить эпоху и дѣйствующія лица небывалой исторіи. Вмѣсто упомянутаго въ русской легендѣ епископа Филарета, является какой-то плѣнникъ; вмѣсто крещенья Руси, коего слава принадлежала одному Фотію,—reconciliatio gratiae ac foedus cum christianis; 2) сохранившееся выраженіе оригинала: ἡ ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἡ παλαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα» указываетъ положительно на Таврическій полуостровъ, какъ на мѣсто дѣйствія описываемыхъ происшествій; *обновить* древній обычай могла Русь только *тамъ*, гдѣ онъ нѣкогда существовалъ; 3) изъ словъ легенды: «οὐκέτι χερσὶν ἀνοσίοις ἱερὰ ἀφῃροῦντο κειμήλια», видно, что въ оригиналѣ, какъ и въ русской легендѣ, было сказано о похищеніи священныхъ сосудовъ: «а на гробѣ царское одѣало [1]), и

[1]) βασιλίκια, *imperiale*, panni pretiosioris species; pallae sepulchrales (Reiske,

жемчюгъ, и злато, и камень драгій, и кандила злата, и съсудѣвъ златыхъ много, все пограбиша». Должно полагать, что амастрійская церковь была не богата; слова оригинала о сокровищахъ гробницы св. Стефана, являются здѣсь въ метафорическомъ смыслѣ: «Barbari enim in templum ingressi, et tumulum conspicati, thesaurum esse suspicati sunt *(et erat revera thesaurus)* eumque suffodere aggressi» etc.

Никоновская лѣтопись, Степенная книга и рукописская лѣтопись Карамзина, о которой упоминаетъ Эверсъ (Krit. Vorarb. 262. Прим. 5, 6.), приводятъ (безъ сомнѣнія взятое изъ греческаго источника) извѣстіе о жительствѣ Руси на берегахъ Чернаго моря, въ IX столѣтіи: «Роди же нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху во Ексинопонтѣ, и начаша воевати (Никон. пленовати) страну Римлянскую, и хотяху отъити (Никон. пойти) в Костянтинъ градъ, но возбрани имъ вышніи промыслъ, пачеже и приключися имъ гнѣвъ Божіи; и тогда возвратишася тщи князи ихъ Осколдъ и Диръ, Василие же много воинствова на Агаряны и Манихѣи. Сотвори же и мирное устроеніе спрежде реченными Русіи, и преложи сихъ на христіанство. И обѣщавшеся креститися, и просиша архіерея, и посла к нимъ Царь» и т. д. (Карамз. сп. у Эверса l. c. Никон. I. 21). «.....по немъ же кіевстіи князи Осколдъ и Диръ и сіи плѣняху римлянскую страну, *съ ними* же бяху роди нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху во Ексинопонтѣ, и съ тѣми Русь Царь Василій Македонянинъ сотвори мирное устроеніе, и преложи сихъ на христіанство. Они же егда обѣщашася креститися, и просиша архіерея» и т. д. (Кн. Степ. I. 50). Это греческое извѣстіе перешло къ намъ въ переводѣ болгарскомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ болгарская форма ***Ру́си***, вмѣсто неизвѣстнаго Болгарамъ собирательнаго ***Русь***. [1]) Имена Аскольда и Дира и смѣшеніе черноморской Руси съ днѣпровскою при-

---

Comm. ad Const. P. de Cerim. ed. Bonn. II. 548 — 550. — Du Cange, v. imperiale et palla).

[1]) О болгарской формѣ имени ***Русь*** см. ч. II, гл. III. Въ Никон. ***Русиі***; но тамъ же и ***сиі́рѣчь*** вмѣсто ***сирѣчь*** (I. 20).

надлежатъ русскому лѣтописцу. Но откуда греческое: «иже и Кумани» οἱ καὶ Κομάνοι? Не было ли это, какъ Дромиты, одно изъ тѣхъ мѣстныхъ названій, которыми Греки надѣляли варварскія народности? Эдризи знаетъ городъ Комманію на берегахъ азовскаго моря, вблизи города Rusija. «Et ab hac (sc. urbe Kira) ad Commaniam, quae nomen dat Commaneis, XXV M. P. Ab urbe Commania ad urbem Matalona, quae et Commaniat Albidh vocatur, l. M. P.» (Geogr. Nub. 263). Въ послѣдствіи это названіе перешло на овладѣвшихъ всѣмъ черноморскимъ берегомъ Половцевъ или Капчатъ (Capchat. v. Rubruq. ed. Bergeron. c. XIV).

«А о сихъ: иже то приходятъ черніи Болгаре и воюютъ въ странѣ корсунстѣй и велимъ великому князю русьскому да ихъ не пущаетъ, да не напакостятъ странѣ той» (Дог. Ол. изд. Тобіена, 33, § X).

Кто были эти черные Болгары (у Конст. Багр. ἡ μαύρη Βουλγαρία de adm. imp. ed. Bonn. 81, 180)? Болгары волжскіе назывались бѣлыми (у Мюнхенскаго географа Wizunbeire). Ясно, что рѣчь идетъ о народѣ, обитавшемъ вблизи отъ Чернаго и Азовскаго моря, быть-можетъ о Половцахъ. Но могъ ли кіевскій князь, коего владѣнія доходили на югъ только до днѣпровскихъ пороговъ, препятствовать вторженію въ таврическій полуостровъ черноморскаго народа, если въ самомъ Крыму не было подчиненной ему древне-русской колоніи? О географическомъ положеніи Руси договора въ отношеніи къ Болгарамъ, сохранилось свидѣтельство у Эдризи: «Hoc mare Pontus procurrens in partem orientalem.....; et illic terminantur extremitates huius maris, eo in loco, ubi sunt Chozaraei. Inde vertitur litus eius ad Metrecham, iungiturque regionibus *Russiae*, et regionibus *Bergian* (т. е. Болгаръ), et ostio fluminis Daiabres, extenditurque ad ostium fluminis Danubii, donec perveniat ad angustum os maris Constantinopolitani» (Geogr. Nubiens. 5).

Въ числѣ рукописей парижской публичной библіотеки г-нъ Газе отыскалъ въ оригиналѣ и помѣстилъ въ своемъ изданіи

Льва дьякона (ed. Bonn. 496—505. Nota ad p. 175), писанный въ концѣ X столѣтія отрывокъ, содержащій записки греческаго градоначальника въ Тавридѣ, о выдержанной имъ осадѣ противъ *непоименованнаго* варварскаго народа, въ которомъ г. Газе подозрѣваетъ Русь. Я выписываю по его латинскому переводу:

«Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, recessimus ab illis metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aeque enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel erga *coniunctissimos* continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patranda caede volebant uti; *sed Mysorum praedam, quod aiunt, ipsorum regionem reddere* malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis. Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculo (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia adversus *subditos*: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitutem et exscindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali perculsae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida plus X, pagi plane deserti non minus quingentis: vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obtruncabantur gladiisque hostilibus. Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium meum quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improviso, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum

inde abruptis commerciis bellum inter nos et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est. Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a.... sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equitibus militibusque in regionem nostram irruperunt, nos momento expugnatum iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat absonum eos hoc sperare, quod in diruto oppido commorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse.....

Idque propere et instauratum fuerat, et fossa circummunitum: unaque cum his... bellum quoque incepit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem praeparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, servato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC. Barbari cum nusquam apparerent, quae apta huic tempori essent a me adornata sunt, murus vetus erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. *Eos autem qui ditionis nostrae erant*, nunciis cursim missis arcessivi, de rerum summa in consilium ire volens. Undique cum advenissent, concione optimatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, *qui domini potius essent expetendi*, ad quos venire, quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabiliora duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae Imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium

ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominanti conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent: idcirco statuerunt pacisci cum illis seque dedere, me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, cumque talem deprehendi, qualem desiderare quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam, et ex ipsius regione reditus annuos idoneos largitus est.»

Мѣсто дѣйствія восточный берегъ Крымскаго полуострова; это явствуетъ изъ названія clemata κλήματα, коимъ обозначались греческія берега Крыма, отъ Херсони до города Воспора, лежавшаго на Киммерійскомъ Босфорѣ (см. Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 63 и 180).

Дѣйствующими лицами описываемыхъ событій являются: 1) Греки, съ своимъ градоначальникомъ, редакторомъ самаго отрывка; ихъ военная сила простирается до 300 человѣкъ; они заключены въ одной изъ крѣпостей греко-херсонскаго округа; 2) Варвары, воюющіе въ Крыму подъ предводительствомъ князя, владыки сѣверныхъ отъ Дуная земель τοῦ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἴστρου βασιλεύοντος; 3) единоплеменный этимъ варварамъ народъ, отчасти имъ уже издавна подвластный, отчасти признающій греческій протекторатъ.

Ясно, что дѣло идетъ о Святославѣ, о кіевской и черноморской Руси.

Походъ Святослава на крымскій берегъ или близлежащіе острова падетъ вѣроятно между 969 и 971 годами, т. е. между первою и второю болгарскою войною; въ эти два года, лѣтопись не знаетъ другихъ происшествій кромѣ смерти Ольгиной и дѣленія земли между сыновьями Святослава. Отрывокъ именуетъ Святослава «rex ad septentrionem Istri dominans», въ слѣдствіе занятія 80 болгарскихъ городовъ на Дунаѣ (Лавр. 27); о задуманномъ окончательномъ завоеваніи Болгаріи свидѣтельствуетъ выраженіе: «Sed Mysorum praedam, quod aiunt

(τὴν Μυσῶν λείαν καλουμένην—срвн. Leo Diac. 75: λείαν Μυσῶν), ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur.» На Святослава указываютъ и слова: «quod ille exercitu magno valeret viqne bellica efferret sese.»

Святославъ не думалъ о завоеванiи *греческихъ* владѣнiй въ Тавридѣ; это видно изъ возвращенiя *климатовъ* подъ императорскую власть, по окончанiи войны. Его цѣлiю было окончательное присоединенiе къ варяжской державѣ восточной Руси, какъ признававшей первенство Кiева, такъ и состоявшей подъ греческимъ протекторатомъ. *Первая* считается въ его подданствѣ (ὑπήκοοι); при Олегѣ и Игорѣ она вѣроятно состояла къ Кiеву въ данничьемъ отношенiи, по примѣру Древлянской земли. Святославъ хотѣлъ болѣе: «neque ornare et ex re ipsarum administrare *civitates dedititias*, sed redigere in servitutem... constituerat.» Вотъ почему онъ не щадитъ своихъ однокровныхъ *coniunctissimos;* почему не обращаетъ вниманiя на жалобы народа, ни въ чемъ не провинившагося противъ своего владыки: «conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes»; почему наконецъ осаждаетъ пограничную крѣпость, представительницу греческой власти надъ крымскими, вѣроятно береговыми поселенiями черноморской Руси. Греческiй вождь посылаетъ гонцевъ къ тѣмъ изъ Руси, которые признавали императорскую власть, qui ditionis nostrae erant; сзываетъ совѣтъ старшинъ, concionem optimatum и предлагаетъ вопросъ о выборѣ между императоромъ и Святославомъ: qui domini potius essent expetendi. Руссы склоняются на сторону послѣдняго, и какъ ихъ сосѣда (по Азовскому или Черному морю), и какъ однихъ съ ними языка и народности; они рѣшаютъ отдаться (παραδώσειν σφᾶς). Греки удерживаютъ херсонское θέμα; на Руси является новое, тмутараканское княжество.

VI.

Ῥῶς у Фотiя.

Въ продолженiи многихъ годовъ, отъ Байера почти до нашихъ дней, извѣстiе патрiарха Фотiя о Руси 866 года, счи-

талось первымъ поминомъ Грековъ о неизвѣстномъ имъ до той поры народѣ Русь. Съ этимъ воззрѣніемъ согласовалось и дошедшее до насъ въ бертинскихъ лѣтописяхъ сказаніе императора Ѳеофила о Руси 839 года. Нынѣ является новое мнѣніе, будто бы въ своемъ окружномъ посланіи и проповѣдяхъ, Фотій ясно выразилъ какъ свое убѣжденіе въ Норманствѣ народа Ῥῶς, такъ и давнее знакомство Грековъ съ этимъ народомъ (Krug, Bull. sc. IV, 144, Forsch. II. 356. Kunik, Ber. II. 372 ff.). Это мнѣніе основано на слѣдующихъ доводахъ: 1) одна изъ XIV проповѣдей Фотія, дошедшихъ до насъ въ однихъ только заглавіяхъ (см. Fabricii bibl. Gr. IX. 363—365), произнесенная по случаю нападенія Руси на Царьградъ въ 866 году (εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς), начинается словами: «Τί τοῦτο; τίς ἡ χαλεπὴ αὕτη καὶ βαθεῖα πληγὴ καὶ ὀργή; πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καὶ φοβερὸς ἐπέσκηψε κεραυνός.» «Если взять здѣсь слово ὑπερβόρειος въ его первобытномъ значеніи, замѣчаетъ г. Куникъ (l. c.), Фотій указываетъ на высшій сѣверъ, куда Греки полагали Скандинавію.» 2) Въ своимъ окружномъ письмѣ (Photii epist. Londini. 1651. 47—61), Фотій называетъ Русь народомъ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον. «Какому другому европейскому народу того времени», говоритъ Кругъ (Forsch. II. 356), «можно примѣнить эти слова, кромѣ Норманновъ, о которыхъ уже Ардевальдъ (жившій монахомъ въ Флери на Луарѣ, въ концѣ IX вѣка: Bouq. VII. 359) сказалъ: Nortmanni gens Aquilonalis, nostro generi plus aequo praecognita, non jam piraticam exercendo, sed libere terras nullo resistente pervadendo — и которые такъ прославились, именно въ послѣднія десятилѣтія IX вѣка?» — «Кто же эти многіе, которымъ до половины IX столѣтія Русь давала себя часто узнать, какъ воинственный, кровожадный народъ? Разумѣется, подъ этими многими должно преимущественно понимать такіе народы, съ которыми Греки были въ частыхъ сношеніяхъ, напр. Италіанцы, испанскіе Мавры и Франки» (Kunik, Beruf. II. 373). 3) Патріархъ говоритъ о Руси: «postquam *vicinos in circuitu* sub jugum miserunt—τοὺς πέριξ αὐτῶν δουλωσάμενοι.» Выборъ предоставляется между Ирландіею, Шотландіею, Англіею, Шет-

ландіею и Фрисландіею съ одной, между Славянами и Финнами съ другой стороны (ibid. 376).

Противъ значенія, будто бы указывающаго на Скандинавію, выраженія ὑπερβόρειος, я замѣчу, что ни древніе, ни новѣйшіе Греки не обозначали имъ исключительно тотъ или другой сѣверный народъ. Геродотъ искалъ своихъ Гипербореевъ въ Скиѳіи, на сѣверъ отъ Чернаго моря (IV. 32); Константинъ Манассій называетъ Аваровъ, обитавшихъ на Дунаѣ προσαρκτίοι Σκύθαι (ed. Bonn. 151. v. 3524); тоже выраженіе употребляетъ Кедринъ о Шведахъ: «τὰ ἔθνη κατοικοῦντα ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις» (ed. Bonn. II. 551). Левъ Діаконъ употребляетъ слово ὑπερβόρειος о Котрагахъ, населявшихъ земли между Дономъ и Волгою: «λέγεται γὰρ Μυσοὺς ἀποίκους τῶν ὑπερβορέων Κοτράγων, Χαζάρων τε καὶ Χουμάνων ὄντας τῶν οἰκείων μεταστῆναι ἠθῶν» (L. Diac. ed. Bonn. 103). Если Котраги, Хозары и Половцы были для Грековъ *гипербореями*, удивительно ли, что и Русь причислены Фотіемъ къ гиперборейскимъ народамъ?

Недостатокъ втораго доказательства заключается во первыхъ: въ неправильномъ толкованіи причастія θρυλλούμενον; во вторыхъ: въ произвольномъ дополненіи слова πολλοῖς, будто бы подразумѣваемымъ у Фотія выраженіемъ ἔθνεσι.—«θρυλλεῖσθαι dicitur res Vulgo jactari, Rumore vulgi celebrari, Divulgari: Sic ὑπὸ πολλῶν θρυλλεῖσθαι et ὑπὸ πάντων Multorum sermonibus s. omnium divulgari» (Thes. Gr. l. ed. Didot. IV. 429). Такъ у Плутарха: «ταῦτα ὑπὸ πλειόνων τεθρύλληται»; у Страбона: «Καὶ τοῦτο δὲ τῶν θρυλλουμένων ἐστὶν, ὅτι πάντες Κέλτοι φιλόνεικοί τε εἰσὶ» (ed. Basil. 1571. p. 214). Здѣсь рѣчь идетъ стало-быть о народной молвѣ, а не о той положительной извѣстности, какую Норманны могли стяжать у Франковъ, Мавровъ и т. д. Весьма понятно, что въ 867 году Греки, еще не опомнившіеся отъ ужаса, много и часто говорили между собою о неизвѣстномъ дотолѣ народѣ Ῥῶς, явившемся—какъ молнія съ сѣвера—подъ стѣнами Царьграда. Смыслъ Фотіевыхъ словъ, если только не искажать его въ угодность невозможной системѣ, совершенно ясенъ и простъ: «не только Болгары... но и такъ называемые Русь, о которыхъ такъ много и часто говорится

(въ народѣ).... приняли вѣру христову» и т. д. Что онъ говоритъ о происшествіи всеизвѣстномъ и еще свѣжемъ въ памяти восточнаго христіанскаго міра, доказываетъ выраженіе τὸ μέγα τόλμημα, какъ достаточно обозначающее осаду Царьграда русскими кораблями.

Наконецъ, не проще ли отнести выраженіе τῶν πέριξ αὐτῶν δουλωσάμενοι къ одоленію Аскольдомъ, Древлянъ, Полочанъ, Уличей, Печенѣговъ и пр., нежели къ неизвѣстнымъ на востокѣ норманскимъ опустошеніямъ Германіи, Англіи, Франціи, Испаніи и т. д.? — Вникая въ общій смыслъ окружнаго посланія 867 года и цѣли, съ которою въ немъ приводится извѣстіе о крещеніи Руси, очевидно, что патріархъ ищетъ—съ одной стороны—представить народъ Ῥῶς по возможности кровожаднымъ и необузданнымъ *до крещенья*; съ другой — придать ему возможную степень значительности и славы, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго пріобрѣтенія восточной церкви. Но допустивъ, что въ Руси 866 года Фотій видѣлъ Норманновъ, ужасъ западной Европы и латинской церкви, могъ ли онъ довольствоваться словами τῶν πέριξ αὐτῶν, приличными для обозначенія безъименныхъ варварскихъ народностей, но конечно не для указанія на покоренныя Норманнами европейскія государства — и не намекнуть ни словомъ на безполезность усилій западнаго духовенства къ ихъ обращенію въ христіянскую вѣру? Въ продолженіи многихъ годовъ Римъ и Византія спорили о причисленіи новообращенныхъ Болгаръ къ западному или восточному патріархату; а о побѣдѣ, одержанной греческою церковью надъ латинскою, по крещенью Норманновъ, Фотій не упомянулъ бы и намекомъ въ посланіи, имѣвшемъ цѣлью ниспроверженіе папской власти?

VII.

ДРОМИТЫ И ФРАНКИ.

Изъ извѣстныхъ до сихъ поръ византійскихъ историковъ только три упоминаютъ, подъ тѣмъ же 941 годомъ, о названіи Руси Дромитами и ихъ происхожденіи отъ Франковъ.

a) Theophan. Contin. ed. Bonn. 423—425: Δεκάτης καὶ τετάρτης ἰνδικτιῶνος, Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἑνδεκάτῃ, κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται.»

b) Georg. Hamart. Cod. graec. Vatican. № 153. p. 219 [1]): «Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἑνδεκάτῃ τοῦ μηνὸς ιδ ἰνδικτιῶνος, κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται.»

c) Symeon Magister ed. Bonn. 746: «Τῷ ἐνιαυτῷ ἐκείνῳ κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες, κατὰ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ πλοίων χιλιάδες δέκα.»

Сомнѣнія г. Куника (Beruf. II. 409—415 —ap. Krug, Forsch. II. 785—807) на счетъ подлинности С. Логоѳеты, которому онъ прилагаетъ названіе Pseudometaphrastes, переносятъ его свидѣтельство изъ X въ XI столѣтіе; остаются, тождественные въ этомъ мѣстѣ, продолжатели Ѳеофана и Амартола, оба современники Игоря. Который изъ нихъ списывалъ другаго? Не взято ли ихъ извѣстіе изъ одного общаго, древнѣйшаго источника? Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе.

Изъ словъ продолжателя Ѳеофана и Логоѳеты, представители норманскаго мнѣнія заключаютъ: что въ X столѣтіи, Греки знали о происхожденіи Норманновъ — Руси отъ Франковъ т. е. народовъ германскаго языка. [2])

---

[1]) Еще не изданъ.

[2]) Кругъ (Forsch. I. 203—206) возстаетъ противъ мнѣнія Эверса (Vorarb. 143—145) будто бы подъ именемъ Франковъ Греки разумѣли большую часть западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ народовъ. Но кого же не разумѣли они подъ именемъ Франковъ? Въ Германіи и въ Галліи Франки: «ex Francis, quo nomine (imp. Nicephorus) tam Latinos, quam Teutones comprehendit» (Liudpr. legat. ed. Bonn. 357); въ сѣверной Италіи Франки: «qui autem nunc Veneti appellantur, Franci erant ab Aquileia et ceteris Franciae locis» (C. P. de adm. imp. ed. Bonn. 123); король Гугонъ ῥῆξ Ἰτταλίας и ῥῆξ Φραγγίας безразлично (de Cerim. ed. Bonn. I. 661, 691); въ южной Италіи Лонгобарды (ibid. comm. Reisk. II. 783); въ Испаніи Франки: «Celtiberi, qui hodie Franci dicuntur (Theophyl. ed. Bonn. 245); Британнію въ X вѣкѣ Греки знали по космографіямъ IV; о Скандинавіи не имѣли вовсе понятія. Остаются такъ называемые Скиѳскіе народы, къ которымъ должно причислить и Венгровъ ἐκ τῆς δύσεως Τοῦρκοι — и Славяне дунайскіе и адріатическіе; о балтійскихъ Греки успѣли

Но какимъ путемъ напали они на это этнографическое извѣстіе? Въ слѣдствіе ли собственныхъ лингвистическихъ и иныхъ наблюденій?

Эверсъ (Vorarb. 143) замѣтилъ справедливо, что общій характеръ византійскихъ историковъ той эпохи, не допускаетъ ни въ комъ изъ нихъ особаго умѣнія отличать варварскія народности по признакамъ ихъ родственныхъ отношеній. О продолжателѣ Өеофана можно сказать это съ полною увѣренностію; если, съ одной стороны, онъ знаетъ о франкскомъ происхожденіи Руси, то, съ другой, причисляетъ Русь къ скиөскимъ народамъ: «ἔθνος δὲ οὗτοι Σκυθικὸν ἀνήμερόν τε καὶ ἄγροικον» (Theophan. Contin. ed. Bonn. 196). Что изъ этихъ понятій одно исключаетъ другое, не требуетъ доказательствъ.

Принять ли скандинавскій источникъ греческаго извѣстія? *Ученый* Франкъ IX или X вѣка могъ бы конечно похвалиться происхожденіемъ отъ Норманновъ, на основаніи приводимаго Іорнандомъ, Равенскимъ географомъ, Павломъ Діакономъ, Рабаномъ Мавромъ и другими, *ученаго* мнѣнія о выселеніи изъ Скандинавіи всѣхъ народовъ германской крови; не понятно, какимъ образомъ *изъ тѣхъ же свидѣтельствъ*[1]) можно заключать о франкскомъ происхожденіи Норманновъ: «Dasselbe aber, was hier Symeon und der Fortsetzer des Theophanes von der Abstammung oder Verwandschaft der Russen melden, sagen Einhards Zeitgenossen, der Abt Ermoldus Nigellus (834) und der Erzbischof von Mainz Rhabanus Maurus (†856)

позабыть со временъ императора Маврикія. Но если византійцы могли называть Франками Венеціанцевъ, то могли называть Франками и Русь, въ виду вассальскихъ отношеній, въ которыхъ вендскія племена состояли къ династіи Каролинговъ. И Эйнгардъ писалъ: « Natio quaedam Sclauorum est *in Germania*» (Annal. ao. 789); и наши лѣтописцы: «И избрашася *отъ нѣмецъ* три браты».

[1]) Magna insula antiqua Scythia, quae dicitur Scanza,... ex qua insula pariterque gentes occidentales egressae sunt» (Ravenn. Anon. I. 12). «Affirmant eos (sc. Francos) de Scanzia insula, quae vagina est gentium, exordium habuisse, de qua Gothi et ceterae nationes Theotiscae exierunt, quod et idioma linguae eorum testatur» (Freculf, ep. Lexov.) «*Nort* quoque Francisco dicuntur nomine *Manni* ....Unde genus Francis adfore fama refert» (Erm. Nigell.) «Qui Theodiscam loquuntur linguam, a Nordmannis originem trahunt» (Rhab. Maur.). Всѣ эти свидѣтельства выписаны у самаго Круга, Forsch. I. 13, 14.

schon (s. oben S. 14) *von den Normannen, nämlich dass sie ein volk fränkischer Abkunft seien»* (Krug, Forsch. I. 205, 206). Они говорятъ именно противное. Никогда Норманны не называли себя и не были называемы отъ рода Франковъ.

Извѣстіе продолжателей и Логоѳеты основано не на собственномъ ихъ наблюденіи, не на норманскомъ источникѣ, а на недоразумѣніи, коего ключъ находимъ въ болгарскомъ и русскихъ временникахъ, повѣствующихъ о походѣ 941 года.

«Іуня же мѣсяца 18 день, 14 индикта, приплу Русь на Костянтинь градъ лодіами, тысящь 10, иже и скеди глаголемъ, *отъ рода Варяжскы сущимъ»* (Прил. къ Лавр. л. 245).

«Всѣ списки, кромѣ Радз. «говоритъ Шлецеръ (Нест. III. 50) «прибавляютъ здѣсь: Руссы, глаголемые отъ рода Варяжска. Очень ясно, что это занято изъ продолж.: Dromitae, qui a Francis genus ducunt. Смѣшно, что Руссъ узнаетъ отъ Византійца о происхожденіи собственнаго своего народа. Съ Дромитами не зналъ онъ, что дѣлать, почему и выпустилъ ихъ[1]), а Франка и Варяга (Φράγγος, Βαράγγος) по единозвучію, счелъ за одно.»

Ошибка произошла дѣйствительно отъ единозвучія; только эту ошибку сдѣлалъ не русскій лѣтописецъ XI, а греческій X вѣка.

Что русскіе князья гордились своимъ варяжскимъ происхожденіемъ, естественно; въ войскѣ Игоря (если и принять именно 941 годъ исходомъ нашего извѣстія) было много Варяговъ; онъ былъ еще самъ Варягъ; Варягами именовались и окружавшіе его дружинники. Это имя должно было дойти и до воевавшихъ съ Русью Грековъ. Но въ 941 году и вообще до конца X вѣка, имя Waràg-Βαράγγος не было имъ извѣстно; они сочли его, по единозвучію, тождественнымъ съ именемъ Франковъ, какъ по единозвучію, Левъ Діаконъ смѣшиваетъ Древлянъ съ Германцами, Γερμανοί (ed. Bonn. 106). Эти безсмысленные Франки не ввели въ заблужденіе русскаго лѣтописца; онъ не думаетъ здѣсь о Фрягахъ, а исправляетъ, какъ слѣдуетъ, греческое Φράγγος своимъ русскимъ *Варяги*.

---

[1]) Онъ ихъ не выпустилъ, а передѣлалъ на свой ладъ.

VIII.

Ῥῶς σφοδρός у Симеона Логоѳеты.

Любопытное извѣстіе о происхожденіи русскаго имени отъ нѣкоего храбраго Роса, сохранилось у Симеона Логоѳеты:

Ῥῶς δὲ, οἳ καὶ Δρομῖται φερώνυμοι, ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ, διαδραμόντες ἀπηχήματα τῶν χρησαμένων, [ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς], καὶ ὑπερσχόντων αὐτούς, ἐπικέκληνται.—(Sym. Mag. ed. Bonn. 707).

Комбефисъ переводитъ: «Russi, qui et congruo rei nomine Dromitae nuncupantur, a Ros quodam viro forti, cum sive monitu ac consilio sive divino quodam afflatu ac oraculo, pro potestate illis utentium eisque superiorum, iniurias noxamque evasissent, dicti sunt.»

До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ г. Куникъ занялся у насъ изслѣдованіемъ этого извѣстія Логоѳеты (Beruf. II. 409—421, 495); но при желаніи подвести его подъ сказаніе лѣтописи о призваніи Рюрика, едва ли не затемнилъ еще болѣе смыслъ его. Не входя въ подробности его предположеній, я только замѣчу, что преданіе, носящее тройной характеръ таинственности, отдаленности и чудеснаго, не можетъ быть отнесено къ историческому, почти современному событію.

Болѣе прочихъ затруднительно выраженіе ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς, обличающее въ повѣствователѣ не совсѣмъ ясное уразумѣніе причинъ самаго дѣйствія; но какъ предложеніе вставное и къ тому же не вовсе непонятное, при всей своей неопредѣленности, оно не измѣняетъ общаго смысла преданія. Замѣчаніе, что причастіе χρησάμενος, обыкновенно требующее дательнаго падежа, не можетъ относиться (въ смыслѣ преслѣдованія, угнѣтенія) къ послѣдующему αὐτούς, слишкомъ исключительно; изъ Византійцевъ, неизвѣстный сочинитель книги de Velitatione bellica Nicephori Phocae, ставитъ χρᾶσθαι съ винительнымъ падежомъ: «τὸ δὲ, καὶ αὐτοὶ μόνοι ταύτην χρησάμενοι [1])

---

[1]) Вмѣсто стоящаго въ текстѣ ταύτην χρησάμενοι Газе поправляетъ ταύτῃ χρησάμενοι, а въ Index rer. nom. et verb. p. 624 замѣчаетъ: χρᾶσθαι perperam cum accusativo constructum 184. 8.

(sc. μέϑοδον), καὶ πεῖραν αὐτῆς ἐγκολπωσάμενοί τινα, κατὰ τὸ ἡμῖν ἐφικτόν.» hoc, quod ipsi nostro arbitrio eam (rationem) persequentes, aliquem eius usum, quantum quidem in nobis fuit, contraximus (ed. Bonn. 184).

И у древнегреческихъ писателей есть примѣры этого, конечно ошибочнаго словостроенія (см. Thes. Gr. l. v. χράομαι p. 1621). За тѣмъ, соглашаясь вполнѣ съ предлагаемою г. Куникомъ пунктуаціею греческаго текста, къ которой еще прибавляю необходимую по моему мнѣнію παρένϑεσις, я перевожу: «Руссы, они же и Дромиты, прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Роса, послѣ того какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ, по волѣ или предопредѣленію боговъ.» Слово ϑεοκλυτία не находится даже у Дюканжа Gloss. inf. Graecit.; ϑεοκλύτησις = deorum imploratio, execratio. Здѣсь это слово напоминаетъ древно-русское выраженіе *милость божія* вмѣсто *гнѣва*. (См. Солов. Ист. Р. II. дополн. 19). Комбефисъ относитъ предложеніе ἐξ ὑποϑήκης и т. д. къ причастію διαδραμόντες, что при вычурной до невѣроятности фразеологіи Логоѳеты, конечно, возможно; избавленіе угнетенныхъ совершается въ слѣдствіе совѣтовъ или вдохновенія храбраго Роса. Теперь, кто былъ народъ притѣснитель, кто избавитель Росъ, къ какому времени относится это таинственное преданіе, опредѣлить нѣтъ возможности; только безъ сомнѣнія не къ Рюрику и Олегу. Быть можетъ къ Аварскому игу? или древнѣйшему, намъ вовсе неизвѣстному событію? γένοιτο δ᾽ἂν πᾶν ἐν τῷ μακρῷ χρόνῳ.

Сказаніе о Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, какъ прародителяхъ трехъ славянскихъ народовъ, записано у Богухвала (1250): «Ex hiis itaque Pannoniis tres fratres, filii Pan, principis Pannoniorum, nati fuere: quorum primogenitus Lech, alter Rus, tercius Czech nomina habuerunt» (Boguph. ap. Sommersb. II. 19). Густинская лѣтопись упоминаетъ о Руссѣ, сынѣ Леховѣ (Прибавл. къ Ипат. л. 236). Наши сказки знаютъ о Словенѣ и Русѣ (Карамз. I. прим. 70 и 91). Добровскій, Добнеръ, Шлецеръ, Карамзинъ и другіе доказывали позднѣйшее *изобрѣтеніе* этихъ басней; они принадлежатъ къ исторической школѣ не понимавшей цѣны и значенія преданій. Для насъ

сказанія Логоѳеты и Богухвала указываютъ на одинъ и тотъ-же источникъ народной фантазіи; занесенное къ Грекамъ при Олегѣ, а быть-можетъ и при Аскольдѣ преданіе производило Русь и имя Руси, не отъ небывалыхъ шведскихъ Родсовъ, а отъ туземнаго, славянскаго Руса.

IX.

ARGUMENTUM A SILENTIO.

Противъ славянскаго происхожденія Руси, обыкновенно замѣчаютъ, что изъ предшествующихъ эпохѣ Рюрика армянскихъ, персидскихъ, арабскихъ и византійскихъ писателей, ни одинъ не знаетъ о Руси въ ея славянскихъ предѣлахъ, тогда какъ многіе изъ нихъ сообщаютъ болѣе или менѣе точныя извѣстія о населяющихъ восточную часть Европы, народахъ финскаго, славянскаго и турецкаго происхожденія (см. Kunik, ap. Krug, Forsch. II. 829—834).

Возраженіе ошибочное въ своей основѣ, невѣрное въ своихъ приложеніяхъ.

Народы варварскіе становятся извѣстны *подъ своимъ именемъ* не иначе, какъ по вступленіи на поприще самобытной исторической дѣятельности или по поводу особыхъ частыхъ сношеній съ народами просвѣщеннаго міра; до той поры имена ихъ сокрыты подъ общими географическими названіями или подъ переводными или подъ тѣми, которыми ихъ отличаютъ сосѣднія племена и т. д.; все это давно уже высказано и доказано Шафарикомъ, Лелевелемъ и другими изслѣдователями. Ограничиваясь исторіею народныхъ именъ у Славянъ, мы видимъ, что и родовое славянское имя является въ греческихъ и латинскихъ источникахъ только вслѣдствіе вторженія Славянъ въ предѣлы римской имперіи; изъ славянскихъ народовъ (за исключеніемъ быть-можетъ Сербовъ, о которыхъ случайно упоминаютъ Плиній и Птоломей) *ни одинъ* не извѣстенъ подъ своимъ именемъ *до IX столѣтія*, а иные напр. Чехи и Ляхи *до X и XI*. Вслѣдствіе какихъ-же сношеній и особыхъ историческихъ переворотовъ, надлежало изо всѣхъ народныхъ славянскихъ

именно *только русскому* достигнуть ранней исторической извѣстности? Потому ли что восточныя славянскія племена, болѣе другихъ, жили въ уединеніи отъ образованнаго историческаго міра? Здравый разсудокъ говоритъ, что русское имя получило право гражданства въ европейской исторіи не прежде основанія самобытной варяго-русской державы, не прежде столкновенія Руси съ Византіею, во второй половинѣ IX вѣка.

Но, говорятъ, писатели восточные и греческіе знаютъ о *Славянахъ* въ предѣлахъ европейской Россіи, *до Рюрика;* между тѣмъ о Руси не упоминаютъ ни Моисей хоренскій, ни Прокопій, ни Стефанъ византійскій, ни Ал-Фергани; т. е. ни одинъ изъ предшествующихъ эпохѣ Рюрика географовъ и историковъ, чѣмъ и доказывается позднѣйшее, варяжское происхожденіе Руси.

Моисей хоренскій (370—489) дѣйствительно упоминаетъ о Славянахъ, но только о Славянахъ греческихъ, придунайскихъ: «Ѳракія», говоритъ онъ, «раздѣлена на пять малыхъ округовъ и одинъ большой, въ которомъ обитаютъ семь славянскихъ (Sglawajin, var: Slawacuoc) племенъ» (Mos. choren. ed. Whiston. 4). Требовать, на основаніи этихъ данныхъ, подробныхъ извѣстій о русскомъ племени—довольно странно. И почему же не о чешскомъ, хорутанскомъ, моравскомъ?

О персидскихъ лѣтописяхъ, собранныхъ при послѣднемъ династѣ изъ Сасанидовъ, сохранилось извѣстіе у Масуди и другихъ арабскихъ писателей (см. Fraehn, Ibn-Fossl. XIII); отсюда черпалъ и Фирдузи, знающій о Руси и Славянахъ; но онъ принадлежитъ къ XI столѣтію.

Остаются извѣстія писателей греческихъ и арабскихъ.

Прокопій знаетъ о Славянахъ и Антахъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей. По всей вѣротности финно-готское Antel, Іорнандово Athaul, греческое Σπόροι передаютъ славянское Рось, Русь (см. выше). Отъ Прокопія до Фотія, византійскія извѣстія о *Славянахъ* не касаются болѣе русскаго племени; они относятся исключительно къ Славянамъ, населявшимъ Молдавію, Валахію, Трансильванію и южную Венгрію и занявшимъ въ послѣдствіи древнюю Мизію, Ѳракію, Македонію, Албанію, Ѳессалію, Элладу и берега Адріатики (срвн. Schafar.

Sl. Alt. II. 152, 159). Имя Антовъ держится въ греческой литературѣ еще въ продолженіи осьмидесяти годовъ; мы встрѣчаемъ или угадываемъ его подъ искаженіями позднѣйшихъ переписчиковъ — у Агаѳія (590 г. ed. Bonn. p. 186), Менандра (594 г. ed. Bonn. 284), Маврикія (582 — 602 г. ed. Scheffer. Ups. 1664, p. 272—290) и Ѳеофилакта (629 г. ed. Bonn. 323). Пасхальная хроника и Павелъ Діаконъ не упоминаютъ объ Антахъ какъ о современномъ народѣ; первая приводитъ названіе Антійскаго, Ἀντικός, въ титулѣ Юстиніана (Chron. Pasc. ed. Bonn. I. 636); второй повѣствуетъ о покореніи Лонгобардами земли Anthaib въ 379 году (Murat. rer. Ital. script. I. 413); Ѳеофанъ списываетъ Ѳеофилакта (Theophan. ed. Bonn. I. 438—439). Разбирая свидѣтельства этихъ писателей, мы узнаемъ, что, за исключеніемъ Прокопія, Анты имъ мало извѣстны въ своихъ жилищахъ къ сѣверу отъ Чернаго моря; они знаютъ преимущественно передовые отряды восточныхъ Славянъ, на лѣвомъ берегу Дуная. Съ 629 по 866 годъ т. е. въ теченіи 237 лѣтъ, нѣтъ и помину о Славянахъ или Антахъ въ предѣлахъ европейской Россіи; тамъ великая Скуѳь, тамъ народы финно-уральскаго происхожденія. Патріархъ Никифоръ (806 — 826) знаетъ Болгаръ и Котраговъ на Донѣ; Хозаръ выходцами изъ Берзиліи (Барзелхъ), страны прикаспійской; кого онъ понимаетъ подъ именемъ Сарматовъ [1]) неизвѣстно; Славянами онъ зоветъ исключительно болгарскихъ и македонскихъ. Гдѣ же, при совершенномъ невѣденіи Грековъ о словено-русскомъ сѣверѣ, возможность русскаго имени въ византійскихъ источникахъ, до половины IX вѣка? И какъ можно ссылаться на Стефана Византійскаго, которому неизвѣстно и самое имя Славянъ?

Еще страннѣе требовать извѣстій о Руси отъ арабскихъ писателей, предшествовавшихъ эпохѣ Рюрика. Мирныя сношенія Арабовъ съ Хозарами, отъ которыхъ въ послѣдствіи они получаютъ свѣдѣнія о сѣверовосточной Европѣ, начались не прежде 868 года, т. е. послѣ введенія исламизма къ Хозарамъ

---

[1]) «Chasarorum natio ex interiori Berylia profecta, quae Sarmatis vicina est» (Niceph. Cpolit. ed. Bonn. 39).

(Fraehn, Ibn-Foszl., IX); ни одинъ изъ нихъ не знаетъ о Славянахъ, какъ о хозарскихъ данникахъ, еще въ 862 и 885 годахъ. До второй половины IX вѣка, арабскія извѣстія объ этнографіи восточныхъ европейскихъ земель заняты ими отъ Грековъ, не имѣвшихъ понятія о Славянахъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. По случаю помина о Славянахъ у Ал-Фергани Френъ замѣчаетъ: «Ferghany, der um das Jahr der H. 230 (=Chr. 844) schrieb, thut in seiner Uebersicht der vorzüglichsten Völker, Länder und Städte der sieben Klimata, *der Russen mit keiner Sylbe Erwähnung*, wenn er gleich die Chasaren und Burdschanen und *Saklaben* aufführt, zwischen und neben denen spätere Geographen die Russen nie vergessen. Der alexandrinische Patriarch Eutychius hingegen, der im J. der H. 328=chr. 940 starb, nennt sie in seiner Völkerliste mitten unter Oströmern und Deilemiten, Bulgharen und Slaven» (ibid 40). Предубѣжденный оріенталистъ не обратилъ вниманія на то, что Ал-Фергани говоритъ исключительно о Славянахъ дунайскихъ и адріатическихъ, тогда какъ позднѣйшіе арабскіе географы упоминаютъ именно о Славянахъ русскихъ, восточныхъ. Я привожу собственный текстъ Ал-Фергани:

«Clima sextum quoque ab oriente per Jagôges porrigitur: tum per *Cházaros*, et medium mare Caspium transit, usque Romanorum ditionem et secat Charasânam, Amasiam, Heracleam, Chalcedonem, Constantinopolim, *tractus Burgianae*, et tandem finitur ad mare Hesperium.

Septimum denique clima ab oriente itidem, sc. boreali Jagôgum regione exorsum, protenditur per Turcarum terras; borealia Caspii maris littora, tum per mare Euxinum, et paludem Maeotidem; porro *per regiones Burgiânae atque Sclavoniae.* Terminatur item mari Hesperio.

Reliquum vero habitati tractûs, quod quidem cognovimus ultra haec climata proferri, initium quoque capit ab oriente scil. Jagôgum regno. Dehinc Tagârgarum, Turcarum, Tatarorum et Alanorum regna secat. Deinde *per Burgiânam et Sclavoniam tendit.* tandemque a mari Hesperio [1]) finem habet» (Muhamm. Fil. Ket.

[1]) Not. Golii, p. 92: «Mare Hesperium. Hoc generali quidem nomine olim dicebatur orbis habitati terminus mare mediterraneum unà Oceano. hic tamen pe-

Ferganensis, qui vulgo Alfraganus dicitur, Elem. astronom. Op. J. Golii. Amstelod. 1669. Cap. IX. pp. 38, 39).

Что рѣчь идетъ не о волжскихъ, а о дунайскихъ Болгарахъ, не о днѣпровскихъ а объ иллирійскихъ Славянахъ, едвали требуетъ объясненія. Болгарія (Burgiâna) приводится послѣ Константинополя, какъ страна прилежащая къ западному океану [1]); вмѣстѣ съ нею, но еще далѣе къ западу, упоминается о Славянахъ (Sclavonia). Искать здѣсь Руси невозможно. Ал-Фергани черпалъ по всей вѣроятности изъ греческихъ источниковъ (Fraehn. Ibn-Foszl. XIX, XX Anm.) Они повѣдали ему о Руси не болѣе какъ о Печенѣгахъ, Уграхъ и т. д.

Еще разъ повторяю: никто не имѣетъ права требовать отъ греческихъ и арабскихъ писателей извѣстій о Руси, до второй половины IX вѣка, а еще менѣе—основывать свои требованія на невѣрно понятыхъ и въ превратномъ видѣ представленныхъ свидѣтельствахъ этихъ писателей. Argumentum a silentio здѣсь не у мѣста; о Хозарахъ, народѣ сильномъ, вступившемъ въ непосредственныя сношенія съ Греками уже въ началѣ VII вѣка, упоминаетъ *впервые* патріархъ Никифоръ въ началѣ IX. Или они тоже получили имя свое отъ Норманновъ?

X.

АХМЕДЪ-ЭЛЬ-КАТИБЪ. — ЛІУДПРАНДЪ.

О присутствіи въ древнерусской исторіи скандинавскаго элемента говорятъ, какъ наши лѣтописи (варяжскій путь, Варяги-союзники Олега, Игоря и Владиміра; договоры и пр.), такъ и скандинавскія Саги Олафа Тригвасона, Эймунда и т. д. О раннихъ сношеніяхъ Скандинавовъ съ востокомъ свидѣ-

---

culiariter intelligitur Oceani tantum pars, Europam, et inprimis Africam alluens; ut quod mare altero occidentalius.»

[1]) Бурджанами арабскіе писатели называютъ преимущественно дунайскихъ Болгаръ; у Албергенди *Burgjan* или *Borgjan;* у Абульфеды *Burgan* или *Borgan;* у Нубійскаго географа *Bergian* вмѣсто *Borgian* (см. Thunmann, Unters. 33). О Бурджанахъ (дунайскихъ Болгарахъ) знаетъ и Горрами (Muslim-ben-Muslim Horramy 845—846), писавшій по греческимъ источникамъ (Fraehn. Ibn-Foszl. XX).

тельствуютъ открытые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи многочисленные клады куфическихъ монетъ; съ Греціею, кромѣ сагъ и византійскихъ исторій, находимыя въ руническихъ (иногда до христіанскихъ) надгробныхъ надписяхъ, прозванія Girdski, Gerski, Gyrdskur, которыми отличали себя Норманны, ѣздившіе въ Константинополь (и въ Русь).

На Руси Норманны слыли подъ общимъ именемъ Варяговъ.

На востокѣ и въ Греціи они причислялись къ Руси и были называемы Русь. Почему, мы скоро увидимъ. Существованіе самаго факта неоспоримо; его ученое значеніе въ нашей исторіи опредѣляется слѣдующею, на положительныхъ данныхъ основанною оговоркою: *Норманны дѣйствительно являются въ иныхъ извѣстныхъ случаяхъ подъ именемъ Руси; но у писателей тѣхъ только народовъ, или имѣвшихъ дѣло съ тѣми только народами, къ которымъ они приходили черезъ Русь или вмѣстѣ съ Русью.* Таковы были Арабы и Греки; таковы, между западными лѣтописцами — Пруденцій и Ліудпрандъ. У себя дома и у тѣхъ лѣтописцевъ, которые знали ихъ не по арабскимъ или по византійскимъ извѣстіямъ, Норманны никогда не именуются Русью. Ясно, что этимъ наименованіемъ они обязаны своимъ отношеніямъ къ славянской Руси.

Недосмотръ этого основнаго историческаго явленія произвелъ не мало замѣшательства въ вопросѣ о началахъ русскаго народа.

Первымъ связующимъ началомъ между Норманнами и союзомъ восточныхъ Славянъ были сношенія (преимущественно торговыя) съ востокомъ и Греціею. Что торговыя сношенія Руси съ востокомъ предшествовали скандинавской торговлѣ, естественно; эти сношенія восходятъ исторически до послѣднихъ годовъ VII вѣка, «хотя, говоритъ Савельевъ (Мухамм. Нум. XLV), вѣроятно, они существовали (впрочемъ въ меньшемъ размѣрѣ) и въ шестомъ и въ пятомъ столѣтіи.» Норманны стали принимать въ нихъ участіе не прежде IX. Немногіе изъ нихъ, и сначала вѣроятно не часто, ходили сами въ Итиль и въ Болгаръ; основанная на взаимныхъ выгодахъ торговля производилась преимущественно по передачѣ отъ Норманновъ Славянамъ, отъ Славянъ Арабамъ и на оборотъ; о такой скан-

динавской торговлѣ *по передачѣ*, свидѣтельствуетъ и Iорнандъ въ VI вѣкѣ: «Hi (Suethans) quoque sunt, qui in usus Romanorum Saphirinas pelles, commercio interveniente, per alias innumeras gentes transmittunt» (de reb. Get. cap. 3). Здравый смыслъ, указывающій на торговлю Норманновъ съ востокомъ, какъ на одну изъ вѣтвей древнѣйшей русской торговли, убѣждаетъ насъ и въ ея невозможности безъ предварительныхъ, дружескихъ сношеній съ славянскими племенами—посредниками. Не тремя стами гривенъ платимыхъ Варягамъ *мира дѣля*, не мнимымъ родствомъ между Русью и Скандинавами объясняются ихъ болѣе пріязненныя отношенія къ восточнымъ Славянамъ со второй половины IX вѣка, а самою необходимостію мира, которымъ предоставлялось Норманнамъ несравненно болѣе выгодъ невѣрнаго по своимъ результатамъ нападенія на славянскія земли[1]). Тѣ изъ нихъ, которые ходили сами въ Болгаръ и Итиль, примыкали безъ сомнѣнія *къ русскимъ* караванамъ, пользуясь такимъ образомъ русскимъ знаніемъ мѣстностей и обычаевъ; въ Итилѣ жили на *русскомъ* подворіи; слыли подъ именемъ *Руси* и называли себя *Русью*, такъ точно какъ Нѣмецкій купецъ, ѣздящій для торговли въ Кяхту, долженъ называть себя и быть называемъ *русскимъ* у Китайцевъ. У тѣхъ изъ арабскихъ писателей, которымъ были извѣстны племенныя подраздѣленія Руси, Норманны, приходившіе въ Болгаръ и Итиль съ сѣверными, словенскими караванами, причислялись къ словенскому (новогородскому) племени. Такъ у Масуди: «Руссы состоятъ изъ многихъ, различныхъ народовъ. Одинъ изъ нихъ называется Лодагія (Ладожане) и есть многочисленнѣйшій. Сіи (Ладожане) производятъ торговлю *въ Испанію, въ Римъ*, Константинополь и Хозарію» (Fraehn, Ibn-Foszl. 71, 174). Это извѣстіе относится не къ однимъ Новогородцамъ; подъ именемъ Ладожанъ здѣсь должны быть сокрыты Норманны.

Сношенія Норманновъ съ Греками основаны на тѣхъ-же началахъ. Они или участвуютъ въ походахъ *Руси* противъ

---

[1]) И въ послѣдствіи Норманны умѣли многимъ жертвовать для сохраненія торговыхъ выгодъ. Новг. л. подъ 1201 г.; «а Варягы пустиша безъ мира за море.... а на осень придоша Варязи горою на миръ; и даша имъ миръ, на всеи волѣ своеи.

Грековъ, въ качествѣ наемниковъ, или торгуютъ *съ Русью*, или вмѣстѣ *съ Русью* вступаютъ на службу къ греческимъ императорамъ. Приходятъ они всегда *черезъ Русь* и до конца X вѣка не иначе какъ *съ Русью*; живутъ на *русскомъ* подворіи у св. Мамы («и приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы» догов. Игор.); вступаютъ въ *русское* отдѣленіе флота и т. д. Норманновъ (хоть и не однихъ) узнаемъ мы въ иноземцахъ *гостяхъ*, о которыхъ упоминается въ договорахъ: «да приходять Русь, хлѣбное емлють, елико хотять, и иже придуть *гостье*, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць» и т. д. (Дог. Олега Лавр. 13). «О томъ аще украденъ будеть челядинъ Рускый, или въскочить.... да имуть ѝ въ Русь; *но и гостье* погубиша челядинъ, и жалують, да ищуть ѝ» и т. д. (тамъ же, 15).[1] Эти *гости* отличаются отъ Руси не только оказанными Руси передъ ними явными преимуществами, но и *народностію; гость* противуполагается *Руси*; челядину *русскому*, т. е. принадлежащему *Руси*,— *гостиный*. По смыслу статьи «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси», наслѣдіе Русина передается въ Русь «отъ взимающихъ куплю Руси»; наслѣдіе иноземца «отъ *различныхъ* ходящихъ въ Грекы.» Безъ *русской* княжеской грамоты («аще ли безъ грамоты придуть» и т. д.) не допускался въ Царьградъ никто изъ приходившихъ въ Грецію *черезъ Русь*; мы видимъ, что и въ концѣ XV столѣтія, Новогородцы не дозволяли литовскимъ гостямъ торговать съ Нѣмцами помимо себя: «а гостю твоему торговати съ Нѣмци *нашею братьею*» (Догов. 1471 г. съ Казим. польск. изд. Тоб. 118). Греки не могли и не хотѣли обращать вниманія на случайности народныхъ отличій между варварами наемниками или купцами.—«Qui cupit in Farganos aut Chozaros recipi, solvit litras septem» говоритъ Константинъ (de Cerim. ed. Bonn. I. 693). Желающіе могли вступать въ отдѣленіе Фаргановъ или Хозаръ, не будучи ни Хозарами, ни Фарганами. Михаилъ Атталіота упоминаетъ о Македонцахъ, служившихъ

---

[1]) Отъ этихъ гостей отличны княжескіе гости или послы, носившіе серебрянныя печати и коихъ имена вносились въ договорныя грамоты (см. Догов. Игор.); къ такимъ гостямъ принадлежали и сопровождавшіе Ольгу въ Царьградъ Константиновы πραγματευταί (de Cerim. ed. Bonn. I. 595.—Reiske переводитъ negociatores; Шлецеръ (Нест. III. 404) невѣрно *купцами*).

въ русской дружинѣ при Ник. Вріенніи: Μακεδόνες παρὰ τῶν Ῥῶς (ed. Bonn. 254).

Не забудемъ, что у Норманновъ, какъ и у прочихъ народовъ среднихъ вѣковъ, было въ обычаѣ прилагать себѣ имя того народа, съ которымъ они вели торговыя или иныя сношенія. Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, назывались *Гречниками* и просто *Греками*[1]): «....Половци.... шедше въ пороги начаша пакостити *Гречникомъ*» (Ипат. 93). «Въ се же лѣто Давыдъ зая *Грькы* въ Олешьи» и пр. (Лавр. 88). *Поляками* назывались Чехи, торговавшіе съ Польшею: «in sola Praga 1200 divites mercatores erant, qui *Lechiaci* dicti assidue ibi commorabantur» (J. Hussii doctr. et res gestae a M. Zachar. Theob. jun. 6); *Рузаріями* — регенсбургскіе купцы, ѣздившіе въ Русь для торговли: «*Ruzarii* quocunque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Ruzia, dimidium talentum» (грам. Леоп. австр. 1190 г. у Погод. Изслѣд. III. 267. прим. 631). Норманны именовали своихъ гречниковъ *Греками* Gerski, Gerskir; Дальманнъ (Forch. I. 203) полагаетъ, что Gerski, Girski означаетъ не Грека а Русина (обитателя Гардарикіи) и есть ничто иное какъ измѣненное Gardski отъ Gardhr, Gardhar. Если такъ, то встрѣчаемое въ руническихъ надписяхъ Gerski (Gardski) оказывается туземнымъ, скандинавскимъ переводомъ того имени, которымъ Норманны отличали себя и были отличаемы на востокѣ и въ Греціи, т. е. имени *Русь*. Подъ этимъ именемъ должно искать ихъ у Грековъ, до учрежденія особаго варангскаго корпуса, въ послѣдніе года X вѣка.

Совокупностію этихъ обстоятельствъ объясняется, поразившее всѣхъ изслѣдователей древнерусской исторіи, перенесеніе русскаго имени на Норманновъ; но, повторяю, это явленіе ограничивается тѣми источниками, которымъ они извѣстны по своимъ сношеніямъ съ востокомъ и Греціею, *при посредничествѣ Руси*. Норманны, какъ особое германское племя, Скандинавія—какъ особая сѣверная земля, неизвѣстны Арабамъ и Грекамъ. Понимая скандинавскихъ пришельцевъ подъ общимъ именемъ Руси (если и допустить, что они умѣли отличать одинъ

---

[1]) И нынѣ сибирскіе промышленники именуются у насъ Сибиряками.

народъ отъ другаго), они слѣдовали принятому искони обыкновенію разумѣть подъ однимъ какимъ-нибудь общимъ названіемъ всѣ варварскія народности, состоявшія между собою въ географической, или торговой, или иной связи. Для Грековъ всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Чернаго моря были Скиѳами; по сношеніямъ южныхъ Славянъ съ Гуннами и Аварами, они причисляютъ ихъ къ Аварамъ и Гуннамъ: на востокѣ и до нынѣ всѣ западно-европейскіе народы — Франки. «Было время», говоритъ Шлецеръ (Нест. I. 202), «въ которое слово Угры, Унгары употреблялось лѣтописателями точно какъ слово Турки и Гунны; всякому, вновь пришедшему съ востока, дикому народу давали они это названіе, пока не узнавали его короче.»

Этого-то обычнаго историческаго явленія не хотѣли понять, въ жару своихъ полемическихъ увлеченій, тѣ самые изслѣдователи, которымъ, кажется, такъ естественно смѣшеніе волжскихъ Болгаръ съ Славянами у Якута (Fraehn, Ibn-Foszl. LV) и даже совершенное перенесеніе на Болгаръ славянскаго имени (Сенковск. Библ. д. ч. I. 40).

Только при одинаковомъ перенесеніи русскаго имени на Норманновъ, становятся понятны противорѣчія арабскихъ писателей въ ихъ извѣстіяхъ о языческой Руси. Муккадезіева Русь (Fraehn, Ibn-Foszl. XLIX. 3 ff.), живущая на островѣ Вабіи (Даніи?), не знающая земледѣлія, постоянно враждующая съ Славянами (Вендами),—Скандинавы; Русь Ибнъ-Фоцлана очевидно генетическая Славянская Русь [1]). «Иные изъ Руси»,

---

[1]) Уединенный, баснословный разсказъ Оддура Мунка († около 1210 г.) о томъ «quod lex in Svecia esset, uxorem, si marito superviveret, una cum illo condi tumulo oportere» (Hist. Ol. Tr. f. cap. 2), не имѣетъ историческаго значенія для Норманновъ X вѣка; въ немъ виденъ, если не чистый вымыселъ, то отголосокъ древнѣйшей эпохи; срвн. Прокоп. о герульскихъ женахъ (de b. Goth. II. 14. ed. Bonn. 200.) У Славянъ, добровольная смерть и сожженіе жены вмѣстѣ съ мужемъ, а за неимѣніемъ жены, одной изъ его наложницъ, исторически засвидѣтельствованный религіозный обрядъ. Bonifac. ep. ad. Ethibald. p. 77. «Et Winidi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, *ut in una strue pariter ardeat cum viro suo.*» Dithmari Chron. p. 248: «in tempore patris sui (sc. Boleslai I.), cum is gentilis esset, unaquaeque mulier post viri exequias sui *igne cremati, decollata subsequitur.*» Масуди (ap.

говоритъ Димешки (Fraehn, Ibn-Foszl. 73), «брѣютъ себѣ бороду, другіе красятъ ее желтою краскою.» Въ послѣднихъ мы угадываемъ Норманновъ; къ Норманнамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ 968—969 года Руси на Болгаръ, относится *отчасти* приводимое у Ибнъ-Гаукала извѣстіе, что тотчасъ по разореніи Итиля и Семендера, они (Руссы) пошли на Грецію

Fraehn, Ibn-F. 104, 105. Anm. 101.) о Руси и Славянахъ своего времени: «Hi defunctorum cadavera una cum jumentis, suppellectili et ornatu comburunt. *Uxores cum maritis defunctis cremantur*, non item viri cum uxoribus. Si quis coelebs moriatur, mortuo tamen feminam uxoris loco addunt. Hae autem omnes hoc mortis genus cumprimis expetunt; sic enim se aeternam felicitatem adepturos esse credunt. Hactenus autem illi populi ab Indis hac in re differunt, quod apud hos, nulla uxor, si noluerit, cum viro comburitur». Что Ибнъ-Фоцланъ о Руси, то Димешки знаетъ вообще о Славянахъ: «Diese verbrennen ihre Könige, wenn sie gestorben sind, und verbrennen mit ihnen deren Knechte *und Mägde und Weiber* und alle, die zu ihrer Könige nächsten Umgebung gehörten, als den Schreiber, den Wesir, den Gesellschafter beim Pokale und den Arzt» (Fraehn, l. c.)

Обручей на ногахъ («auch ihre beiden *Beinringe* zog sie ab» (ibid. 17) германо-скандинавскія женщины не носили. Френъ (125 Anm. 152 и 153) замѣчаетъ: «das knäbaand der Dänischen, so wie der garter der Engl. Uebersetzung, dürfte eine unrichtige Idee von dem letztern Weiberschmucke geben, der in Orient nicht bloss, wie das Armband, aus Gold, Silber oder Elfenbein besteht, sondern auch gerade über den Knöcheln, nicht an den Knien getragen wird.» Такихъ обручей на ногахъ найдено довольно въ древнихъ чешскихъ могилахъ; см. Wočel, Grundz. d. böhm. Alterthumsk. 43. Альберти у Вочеля ibid. 45: «das Weib war zart; die Arm-und *Fussringe*, welche sich an den weiblichen Gerippen befanden, können nur den Gliedern zarter Frauen angepasst werden» u. s. w.

Замѣчательны также: обрядъ *разсѣченія на части*, приносимой въ жертву собаки: «Hierauf brachten sie einen Hund, *schnitten ihn in zwei Theile* und warfen die ins Schiff» (Fraehn. J. F. 15). О Львѣ Армянинѣ (подъ 813 г.) и уже давно ославянившихся дунайскихъ Болгарахъ у продолжат. Θеоф. ed. Bonn, 31: «nam cum tricennales cum Hunnis, quos Bulgaros vocant, ineundae illi essent indutiae pacisque foedera iureiuranda firmanda, ...velut barbarus quidam omnisque religionis expers, *canes*, ác quibus gens improba immolat, iis gestorum testibus utens, et *dissecabat* (κύνας.... ἀπέτεμνεν), nec quibus illi libenter ingurgitantur, haec ipse ad firmandam fidem ore gustare exhorrebat.» Особый порядокъ закланія коней: «Sie führten zwei Pferde herbei, die sie so lange jagten, bis sie von Schweiss troffen, worauf sie sie mit ihren Schwertern zerhieben und das Fleisch derselben in's Schiff warfen» (J. F. 15). У Петра Дусбургскаго подъ 1326 г.: «Nunc autem Lethowini et alii illarum partium infideles dictam victimam in aliquo loco sacro secundum eorum ritum comburunt, *sed antequam equi comburantur, cursu fatigantur in tantum, quod vix possunt stare supra pedes suos*» (Chron. Pruss. 80). Литовскій обрядъ, вѣроятно общій Поморянамъ и тѣсно съ Литвою, по вѣрѣ, связаннымъ Кривичамъ.—О закланіи коней упоминается и въ житіи муромскаго кн. Константина (Карамз. I. прим. 236).

(Rum) и Испанію (Andalus.—Fraehn, I. F. 63, 64). На Грецію пошла славянская Русь съ Святославомъ; въ Испанію отправилась бо́льшая часть Норманновъ, которыхъ, собственно въ своемъ войскѣ, Святославъ, кажется, не терпѣлъ.

Итакъ Норманны являются подъ именемъ Руси у арабскихъ и византійскихъ писателей, какъ: Мадяры подъ именемъ Турковъ у тѣхъ-же византійскихъ писателей; Болгары—подъ именемъ Славянъ у Якута; Мордва — подъ именемъ Руси у Ибн-Гаукала; Авары — подъ именемъ Гунновъ у Грековъ; Славяне — подъ именемъ Аваровъ и Гунновъ; Русь — подъ именемъ Грековъ у Адама Бременскаго; а въ настоящее время, у европейскихъ народовъ всѣ кавказскія племена подъ общимъ названіемъ Черкесовъ.

Теперь становится понятно почему Норманны *никогда* не именующіе себя Русью въ своихъ туземныхъ историческихъ документахъ, неизвѣстные подъ этимъ именемъ и западнымъ лѣтописцамъ, знавшимъ ихъ по прямымъ съ ними сношеніямъ, являются подъ именемъ Руси у арабскихъ писателей, а до водворенія въ Греціи варангскаго имени, и у греческихъ (или у ихъ западныхъ передатчиковъ), т. е. у писателей такихъ народовъ, которые знали Норманновъ не иначе какъ по ихъ сношеніямъ съ славянскою Русью.

Этотъ фактъ даетъ намъ ключъ къ объясненію двухъ, многоизвѣстныхъ въ исторіи варяжскаго вопроса, письменныхъ иноземныхъ свидѣтельствъ.

Египетскій уроженецъ Ахмедъ-эль-Катибъ, писавшій свою *книгу земель* въ 889—891 году, говоритъ: «на западъ отъ города именуемаго Elg'esira (Algesiras) есть городъ именуемый Ischibilija (Sevilla), лежащій на большой рѣкѣ, которая есть рѣка Кордобы. Въ этотъ городъ ворвались въ 229 году (844 по Р. Х.) *невѣрные* (Mag'us), *именуемые Русью* (el-Rus), и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли» (Fraehn, Bullet. de l'Acad. 1838. T. IV. № 9, 10.—Kunik, Beruf. II. 285—320).

Мы узнаемъ изъ свидѣтельства христіянскихъ и арабскихъ историковъ, что эти невѣрные, грабившіе Севилью въ 844 году, были никто иные какъ Скандинавы, Норманны (см. Kunik, l. c.).

Отсюда Норманская школа заключаетъ: Норманны, грабившіе Севилью въ 844 году, именуются Русью у Ахмедъ-эль-Катиба; слѣдовательно Норманны и Русь одинъ и тотъ-же народъ; имя Руси есть племенное или общинное имя Норманновъ.

Прежде всего, откуда у Ахмедъ-эль-Катиба имя Руси для Норманновъ 844 года?

Ахмедъ-эль-Катибъ, говорятъ, *вѣроятно* былъ лично въ мухаммеданскихъ земляхъ западной Африки; здѣсь онъ узналъ имя Руси для Норманновъ 844 года отъ Арабовъ, которымъ оно было сообщено Шведами, взятыми въ плѣнъ послѣ неудачной осады Севильи и ихъ пораженія Абдеррамаиомъ (см. Kunik I. с. 288* и 316).

Но не говорили же эти шведскіе плѣнники своего *русскаго* имени только тѣмъ Арабамъ, которымъ было суждено передать его Ахмедъ-эль-Катибу! Подъ этимъ русскимъ именемъ должны были узнать ихъ и сражавшіеся съ ними испанскіе Мавры, и Рамировы Астурійцы. Почему же современная албаильдская хроника и другія христіянскія лѣтописи, знаютъ не Русь, а однихъ только *Норманновъ?* Почему арабскіе лѣтописцы, повѣствующіе о нашествіи 844 года, безъ сомнѣнія по современнымъ источникамъ, знаютъ не Русь, а однихъ только *Mag'us?*

Если въ 844 году Шведы назвались Русью въ Испаніи, отчего не назвались они Русью, и прежде и послѣ 844 года, въ Германіи, въ Англіи, во Франціи? Сначала г. Куникъ думалъ, что, исключительно занятые набѣгами на восточныя земли, они не участвовали въ походахъ Норвежцевъ и Датчанъ на западныя (Beruf. I. 152, 153); во второй части своей книги (313 ff.) онъ беретъ это положеніе назадъ и не безъ основанія; къ собраннымъ у него доказательствамъ можно прибавить свидѣтельство древней хроники (Chron. vet.) у Дюшена: Dani *Sueuique*, quos Theotisti Norman. Aquilonares appellant, a Turoni S. Martini precibus fugati sunt, tempore Caroli Stulti. Hi per XL annos nunc Ligerim, nunc Sequanam invehebantur, urbes vastantes.» Но если такъ, то непонятно, какимъ образомъ имя Руси, которымъ Шведы отличаютъ себя *постоянно* и *исключительно* въ

Россіи, въ Греціи и на востокѣ, является для нихъ на западѣ только одинъ разъ и только у одного писателя въ 844 году.

Ахмедъ-эль-Катибъ, путешествовавшій изъ одной страсти къ наукѣ по многимъ мухаммеданскимъ землямъ, бывшій, какъ полагаютъ, и въ западной Африкѣ, посѣтилъ, безъ сомнѣнія, и приволжскія мухаммеданскія владѣнія, о которыхъ, должно быть, говорилъ въ недошедшихъ до насъ главахъ объ Арменіи и кавказскихъ странахъ. Передъ нимъ были стало-быть двѣ категоріи источниковъ (западная и восточная) его свѣденій о Норманнахъ вообще,—о Норманнахъ 844 года въ особственности. На западѣ или по извѣстіямъ съ запада онъ узналъ, что Mag'us (арабское appellativum Норманновъ) разорили Севилью въ 844 году; на востокѣ, что эти Mag'us приходятъ для торговли въ Итиль и Болгаръ, и слывутъ у его единовѣрцевъ подъ общимъ именемъ *Русь.* Въ 889—891 годахъ это имя было уже извѣстно Арабамъ въ слѣдствіе воинскихъ предпріятій Аскольда и Олега; мы знаемъ, что въ нихъ участвовали и Норманны-Варяги. Ахмедъ-эль-Катибъ соединяетъ въ одно, полученныя имъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, свѣденія, и разорителей Севильи называетъ «невѣрными, которыхъ именуютъ Русью» el mag'us ellesine jukal lehum el-Rus [1]).

При повѣствованіи о походѣ Руси на Болгаръ въ 969 году, византійскій Грекъ сказалъ бы «οἱ Ῥῶς οἱ καὶ Ταυροσκύθαι λεγόμενοι ворвались въ Болгаръ и сожгли его.»

У арабскихъ писателей, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, Норманны, даже послѣ крещенья, именуются постоянно и исключительно Mag'us. Это имя для Скандинавовъ перешло едва ли не въ особое, этнографическое названіе (см. Kunik, Beruf. II. 310 ff.). О Mag'us 844 года знаютъ, изъ восточныхъ писателей, Масуди и Абульфеда: «Noch vor dem Jahre der H. 300 waren in Spanien Seeschiffe gelandet, mit Tausenden von Menschen angefüllt, die die Küsten mit Verheerung überzogen. Die Einwohner Spaniens hielten sie für ein *Magier-Volk*» (Mas'udy ap. Fraehn I. F. 137). «Im Jahre 230 (d. i. 844 od.

---

[1]) Френъ переводитъ: die Ungläubigen welche Russen *heissen*; римскій оріенталистъ Ланчи: gli infedeli i quali *sono chiamati* Russi, т. е. которыхъ называютъ.

845) landeten die Madschus an den aüssersten Küsten von Spanien und drangen — siegreich bis vor Sevilla» (Abu'l-feda ibid. 138). Но если Русь—Норманны, т. е. Mag'us, почему не именуются они Mag'us ни у Масуди, ни у Абульфеды, ни у Ибнъ-Фоцлана, ни у Муккадези, ни у кого изъ другихъ арабскихъ писателей? Отвѣтъ находимъ у г. Куника: Арабы не прилагали имени Mag'us славянскимъ народностямъ [1]) (Beruf. II. 306). Если же въ извѣстныхъ случаяхъ, или по невѣденію, или по принятому обыкновенію, они и понимали подъ именемъ Руси приходившихъ на востокъ, вмѣстѣ съ Русью, отдѣльныхъ Норманновъ, то все-же они знали, что Русь славянскій (или даже турецкій), но отнюдь не скандинавскій народъ.

«Habet quippe (Cplis) ab Aquilone Hungaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos alio nomine nos Nordmannos appellamus, atque Bulgaros nimium sibi vicinos» (Liudpr. hist. l. I. cap. 3).

«Gens quaedam est sub Aquilonis parte constituta, qnam a qualitate corporis Graeci vocant Russios, nos vero a positione loci vocamus Nordmannos. Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man autem mas, seu vir dicitur, unde et Nordmannos, Aquilonares homines dicere possumus. Hujus denique gentis Rex Inger vocabulo erat, qui collectis mille, et eo amplius navibus Constantinopolim venit» (ibid. l. V. cap. 6).

Желая по возможности возвысить цѣну этихъ свидѣтельствъ Ліудпранда о тождествѣ Руси и Норманновъ, Кругъ (Forsch. I. 193) представляетъ его однимъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, свѣдущимъ въ нѣмецкомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ. Скорѣе бы можно (вмѣстѣ съ Шлецеромъ, Нест III. 47, 48) назвать его полуученымъ педантомъ, охотникомъ до цитатъ изъ Виргилія и Цицерона, а пуще всего до классическихъ и не классическихъ словопроизводствъ. Лангобардъ по рожденію, Италіанецъ по воспитанію и образу мыслей, онъ мало заботится о точности своихъ этнографическихъ

[1]) По крайней-мѣрѣ весьма рѣдко. См. Charmoy, Mém. 326.

показаній и въ этомъ отношеніи далеко отстоитъ отъ писавшаго слишкомъ сто лѣтъ до него Эйнгарда. Въ 949 году онъ былъ въ Константинополѣ посломъ отъ короля Беренгара; въ 968 отъ императора Оттона II. По убѣжденію эльвирскаго епископа Ресемунда, онъ написалъ въ 958 году, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, исторію подъ заглавіемъ: Liudprandi Ticinensis Ecclesiae Levitae rerum ab Europae Imperatoribus et regibus gestarum lib. VII. Описаніе посольства 968 года помѣщено въ бонскомъ изданіи Льва Діякона p. 343 — 373.

О Норманнахъ, во второй половинѣ X вѣка, этотъ ученый мужъ выражается какъ о вновь открытомъ народѣ: Gens *quaedam* est, sub Aquilonis parte constituta; смѣшиваетъ своихъ русскихъ Норманновъ съ сѣверными, представляя себѣ только одинъ норманскій центръ, подъ управленіемъ нѣкоего князя Ингера: hujus denique gentis rex Inger vocabulo erat; списываетъ у Грековъ ихъ номенклатуру сѣверныхъ и скиѳскихъ племенъ, не смущаясь перенесеніемъ своего норманскаго центра въ сосѣдство Венгровъ, Печенѣговъ и Хозаръ; его свѣдѣнія о Руси и Норманнахъ напоминаютъ понятія о сѣверѣ другаго придворнаго компилатора, Гервазія Тильбюрійскаго: «Porro Ruthenia ad orientem versus Graeciam porrigitur, ...cuius ad mare Norveiae proxima civitas *Chyo* (т. е. Кіевъ).» (Leibn. Ss. Brunsvic. I. ap. Krug, Forsch. I. 18 *).

Эверсъ (Krit. Vorarb. 139) доказывалъ, что Ліудпрандъ причислялъ къ Норманнамъ всѣ народы, которые слыли у Грековъ подъ названіемъ сѣверныхъ, т. е. Венгровъ, Печенѣговъ Русь и т. д.; Кругъ замѣчаетъ справедливо (Forsch. I. 116. Anm. 3 и 194 ff.), что онъ слѣдовалъ не греческому, а франкскому словоупотребленію; но онъ, кажется, ошибается на счетъ значенія норманскаго имени у Франковъ и Ліудпранда.

Говоря вообще, нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ Норманновъ, германо-латинскіе писатели среднихъ вѣковъ понимаютъ обыкновенно или однихъ Норвежцевъ или только три скандинавскихъ народа. Между тѣмъ есть случаи, въ которыхъ это имя прилагается и не однимъ Скандинавамъ, и на такое распространенное значеніе норманскаго имени у франкскихъ лѣтописцевъ указываютъ слова Адама Бременскаго: «Dani vero et

Sueones, ceterique trans Daniam populi, ab historicis Francorum omnes Nordmanni vocantur, cum tamen Romani scriptores eiusmodi vocent hyperboreos, quos Marcianus Capella multis laudibus extulit» (cap. 220).

По мнѣнію Круга (I. 10 *), Адамъ Б. хотѣлъ сказать: имя Нордманновъ есть племенное названіе Норвержцевъ; франкскіе лѣтописцы прилагаютъ его ошибочно всѣмъ Скандинавамъ. («Auch bei Adam v. Bremen sind Nordmanni in der Regel Norweger; nur da, wo er Franken ausschreibt, wird der Ausdruck von allen drei Nordischen Völkern gebraucht, wie pag. 2, 5, 7, 18 u s. w.)

Уже Дальманъ замѣтилъ (Gesch. v. Dänem. I. 68 am. 1.), что Адамъ Б. зоветъ и Шведовъ Норманнами. Напр. въ слѣдующемъ, собственно ему принадлежащемъ мѣстѣ: «Quippe *Sueones* et *Gothi*, vel ita, *si melius dicuntur Nordmanni*, propter barbaricae excursionis tempora, qua paucis annis multi reges cruento dominati sunt imperio, Christianae religionis penitus obliti, haud facile poterant ad fidem persuaderi. *Accepimus* autem *a saepe dicto* rege Danorum Svein» etc. (cap. 49). Онъ не могъ возставать противъ употребленія франкскими лѣтописцами слова Nordmanni въ общемъ смыслѣ Скандинавовъ, когда самъ именуетъ Нордманнами Шведовъ и Готовъ и притомъ указываетъ на это словоупотребленіе какъ на лучшее: vel ita, si melius dicuntur Nordmanni [1]). Объ общности норманнскаго имени для Скандинавовъ у германскихъ лѣтописателей свидѣтельствуетъ и древне-франкская хроника у Дюшена: «Dani Suevique, quos *Theotisci* Norman, i. e. Aquilonares appellant» (Chron. a Pipino usque ad Ludov. VII).

Въ предположеніи Круга, выраженіе: «Ceterique trans Daniam populi» должно относиться къ Норвежцамъ. Но Норвежцы, Nordmanni по преимуществу, понимаются сами собою подъ названіемъ Нордманновъ. Такъ у Эйнгарда: «Dani et Sueones quos Nordmannos vocamus» (Annal. p. 6); въ приведенной выше

---

[1]) Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Quid loquar de barbaris Ungarorum sive Danorum, seu Slauorum, *aut certe Nordmannorum gentibus*, quas Imperator saepius consilio domuerat, quam bello?» (cap. 149.) Или рѣчь идетъ объ однихъ Норвежцахъ?

древней хроникѣ у Дюшена: «Dani Suevique quos Theotisci Normani. e. Aquilonares appellant». Не хотѣли же они сказать, что у Германцевъ и Франковъ Норманнами называются Датчане и Шведы, за исключеніемъ Норвежцевъ. Адаму Б. было извѣстно для Норвежцевъ, кромѣ племеннаго Nordmanni, и другое племенное Norwegi (cap. 238, 239, 240: Norwegia, Nordwegia). Онъ сказалъ бы: «Dani vero et Sueones, nec non Norwegi», еслибы словами «ceterique trans Daniam populi» онъ не означалъ и не Скандинавскія, за Даніею живущія племена. Приступая къ своему libellus de situ Daniae, онъ говоритъ: «Non incongruum videtur, simul etiam de situ Daniae, vel reliquarum, *quae trans Daniam sunt*, regionum natura scribere.» Подъ этими «остальными за Даніею находящимися краями» онъ понимаетъ, кромѣ Скандинавіи, земли Славянъ, Эстовъ и Финновъ.

Онъ сравниваетъ употребленіе слова Nordmanni у франкскихъ историковъ съ употребленіемъ слова Hyperborei у римскихъ. Но извѣстно, что у Римлянъ и Грековъ имя Гипербореевъ не прилагалось никакой опредѣленной народности, а поочередно всѣмъ, на отдаленномъ сѣверѣ обитавшимъ народамъ. Что именно Адамъ разумѣлъ подъ выраженіемъ Hyperborei, видно изъ его словъ: «Quamuis omnes Hyperborei hospitalitate sint insignes (срвн. его описаніе Пруси: homines humanissimi, qui obuiam tendunt ad auxiliandum hiis, qui in mari periclitantur (cap. 227), praecipui sunt nostri Sueones» etc. (cap. 229).

Какъ франкскій лѣтописецъ (Dani Suevique quos *Theotisci* norman appellant) свидѣтельствуетъ объ исключительности норманнскаго имени для Скандинавовъ у *германскихъ* этнографовъ, такъ Адамъ Бременскій (Dani vero et Sueones, ceterique trans Daniam populi, ab historicis *Francorum* omnes Nordmanni vocantur») о распространеніи норманскаго имени и на нескандинавскія народности, у *франкскихъ* историковъ.

Къ какимъ именно историкамъ относится упрекъ Адама, я не знаю; Эйнгардъ употребляетъ всегда слово Nordmanni въ смыслѣ Скандинавовъ; но въ приписываемой Эйнгарду лѣтописи Annales Regum Francorum, Pipini, Caroli Magni et Ludovici, читаемъ подъ 798 г.: «*Transalbiani* autem qui *Nordmanni*

vocantur, superbia elati, eò quod legatos regis impunè occidere potuerunt» etc. У Фолькуина († 990) de gestis abbatum Lobiensium § 16: «Gens quaedam Aquilonaris, de qua forte dictum est: ab Aquilone pandetur omne malum; quam plerique *Nortalbincos* (var: Northabbrincos), alii usitatius *Nortmannos* vocant, pyraticam agens, novo et inaudito retro ante temporibus modo, Franciam est aggressa» etc. (Pertz, VI. 61). У Рабана Мавра (ap. Goldast script. rer. alem. II. P. I. p. 67): «Litteras quippe, quas (sic) utuntur *Marcomanni*, quos nos *Nordmannos* vocamus, infra scriptas habemus; a quibus originem, qui Theodiscam loquuntur linguam, trahunt; cum quibus carmina sua incantationesque ac divinationes significare procurant, qui adhuc paganis ritibus involvuntur.» Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, гдѣ Нордманнами названы Transalbiani-Саксонцы, Кругъ предлагаетъ читать Nordliudi вмѣсто Nordmanni (Forsch. I. 66); о второмъ онъ доказываетъ что Nortalbinci—Nortmanni Фолькуина были дѣйствительно Скандинавы. Онъ правъ; но изъ сличенія обоихъ извѣстій, все-же видно, что названія Трансальбинговъ, Норделбинговъ и Нордманновъ употреблялись не рѣдко для обозначенія всего заэльбскаго сѣвера; при исключительно скандинавскомъ значеніи норманскаго имени, такое смѣшеніе именъ и понятій было бы невозможно. Маркоманновъ Рабана Мавра нельзя считать Скандинавами (Krug, ibid. I. 81), не доказавъ предварительно, что ихъ руническій алфавитъ былъ не саксонскаго, а сѣвернаго происхожденія; многозначительно въ этомъ отношеніи сужденіе В. Гримма: «Ihre, de runar. patria ist gleichfalls der Meinung, dass die Markomannen des Hrabanus die überelbischen Saxen seyen, stüzt aber darauf zum Theil seine seltsame Behauptung von dem Ursprung der Runen in Deutschland. Suhm crit. Historie af Danmark I. 158—65. 291—97, widerspricht ihm, und will die Markomannen durchaus in Dänemark suchen, mithin unser Alphabet zu einem nordischen machen; diese Ansicht widerlegt sich indessen schon durch die blose Bemerkung, dass diese Runen von den nordischen gar sehr verschieden sind; auch sind die Worte des Hrabanus klar» (W. Grimm, Ueb. d. Run. 152*). Самое выраженіе «qui *adhuc* paganis ritibus involvuntur» идетъ скорѣе къ крещеннымъ уже

при Карлѣ В. Саксонцамъ, нежели къ еще почти совершенно языческой въ эпоху Рабана (839—863) Скандинавіи.

Разумѣлись ли при случаѣ и поморскіе Славяне подъ названіемъ Норманновъ? Это слѣдуетъ уже изъ общности географическихъ наименованій Transalbiani, Nordalbingi, Marcomanni, Nordliudi. Anonym. Saxo (in Menken Script. rer. Germ. II. p. 65): «Carolus M. assumsit etiam populum *Transalbinum* ad 10,000 utriusque sexus et per omnes terras distribuit, unde hodie per Teutoniam *Slavicae* villae inveniuntur.» Adam brem. cap. 83: «Tunc Slaui à Christianis iudicibus plus iusto compressi, excusso tandem iugo seruitutis, libertatem suam armis defendere sunt coacti. Principes autem Winulorum erant Mizzidrog et Mistrowoi, quorum ductu seditio inflammata est. Hiis ergo ducibus Slaui rebellantes, *totam* primo *Nordalbingiam* ferro et igne depopulati sunt. Deinde *reliquam* peragrantes *Slauaniam*, omnes Ecclesias incenderunt, et ad solum usque diruerunt». Helmold I. cap. 58: «Vocantur autem usitato more *Marcomanni* gentes *undecunque collectae*, quae Marcam incolunt. Sunt autem in terra Slavorum Marcae quamplures, quarum non infima nostra Wagirensis est provincia, habens viros fortes et exercitatos praeliis *tam Danorum*, *quam Slavorum*» (cfr. ibid. cap. 87). Уже Эйнгардъ писалъ ad ann. 799: «Saxones de Nordluidis»; глоссаторъ XII вѣка (Archiv d. Gesellsch. f. teut. Gesch. III. 365) переводитъ: «Gothi, *Meranare;* Wandali, *Nortlute;* Amelungae, *Baier.*» Но въ XII ст. Вандалами назывались исключительно Венды [1]). О родствѣ, или лучше сказать о смѣшеніи Саксонцевъ и Вендовъ, есть и другія свидѣтельства; Chronic. Quedlinburg. ad ann. 804: Wagri Saxones; Ordericus Vitalis (IV p. 513) утверждаетъ, что около половины XI вѣка, въ землѣ Лутичей было племя, покланявшееся Водану, Тору и Фреѣ; Chron. Pulkawae p. 17 a. 1100—1156, что до XII столѣтія населеніе бранденбургской Марки состояло изъ смѣси Славянъ и Саксонцевъ.

---

[1]) Не о Вендахъ ли, уже господствовавшихъ въ южной Руси, упоминаетъ баварскій географъ (между 866—890 г.) подъ названіями: «Russi. Forsderen. Liudi»? Forsderen быть-можетъ описка вм. древнегерманскаго *Nordren*; срвн. у Эйнгарда de vita Car. M. «Septentrionem, *Nordren*». Forsderen liudi-nordren liudi.

Изъ прямыхъ свидѣтельствъ о приложеніи Славянамъ норманскаго имени, я знаю только два. Annal. Fuldens. ad. ann. 889 (Pertz I. 406) повѣствуютъ: «Advenientibus etiam ibidem (т. е. въ Forchheim) undique nationum legatis *Nortmannorum, scilicet ab aquilone Sclavanorum,* pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit». Въ тѣхъ-же Annal. Fuldenses ad ann. 880 упоминается о епископѣ Марквардѣ, убитомъ въ сраженіи противъ *Норманновъ*; а въ Chron. Hildesheim. (Pertz IX, 851): «Marcquardus dehinc quintus episcopus successit, qui etiam in Gandesheim trabes aecclesiae posuit, qui 4 ordinationis suae anno occisus est a *Sclavis*».

Впрочемъ, если эта неопредѣленность норманскаго имени и имѣла своего рода вліяніе на этнографическія понятія Ліудпранда, то не она могла довести его до положительнаго утвержденія за Русью мнимаго Норманства ея. Этимъ извѣстіемъ онъ обязанъ своему отчиму, бывшему въ Константинополѣ посломъ отъ короля Гугона и очевидцемъ пораженія Игоревой Руси. «Quoniam meus vitricus, vir grauitate ornatus, plenus sapientiae, regis Hugonis fuerat nuncius; pigrum non sit mihi inserere, quod eum de imperatoris sapientia et humanitate, et *qualiter Russios vicerit,* audiui saepius dicere» (L. V. cap. 5).

Отчимъ Ліудпранда присутствовалъ при казни русскихъ плѣнниковъ въ Царьградѣ: «Quos omnes Romanus in praesentia Hugonis nuncii, vitrici scilicet mei, decollari praecepit» (ibid. cap. 8). Что въ числѣ ихъ были Норманны, и Венды, и Печенѣги — намъ извѣстно по Нестору: «Игорь же совкупивъ вои многи, *Варяги*, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и *Печенѣги*» и т. д. (Лавр. 19). Это сборище напоминало обыкновенный составъ норманскихъ разбойничьихъ шаекъ на западѣ: «Piratae diversis admodum collecti ex familiis; latrones promiscuae gentis» (Paschas. Radbert. ap. Krug, Forsch. I. 25. **); «mixtae Danorum Slavorumque copiae» (Saxo Gramm. l. X. 490), и т. п. Распрашивалъ ли Гугоновъ посолъ плѣнниковъ, и именно скандинавскихъ? Быть можетъ; во всякомъ случаѣ онъ могъ узнать и Норманновъ въ числѣ привезенныхъ въ Константинополь пиратовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ для нихъ и общее греческое наименованіе

῾Ρῶς. Почему они такъ назывались у Грековъ, онъ не развѣдывалъ, а сообщилъ своему зятю простое (и отчасти справедливое) извѣстіе, что морскіе разбойники, слывущіе на западѣ подъ именемъ Норманновъ, называются у Грековъ ῾Ρῶς. Ліудпрандъ счелъ нужнымъ украсить это извѣстіе словопроизводствомъ русскаго имени отъ прилагательнаго ῥούσιος, русскій и красный: «gens.... quam a qualitate corporis graeci vocant Russos».

Ему было тѣмъ легче допустить для Руси названіе Нордманновъ, въ смыслѣ Aquilonares, что въ Италіи всѣ сѣверныя народности разумѣлись подъ общимъ географическимъ Septemtrionales, какъ напр. въ буллѣ папы Григорія IV: «ipsumque filium nostrum iam dictum Anscharium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Nortwehorum, Farriae, Gronlandan, Halsingolandan, Islandan, Scrideuindum, Slauorum, nec non omnium Septentrionalium et Orientalium nationum, quocunque modo nominatarum delegamus» (Privil. Archieccl. Hammaburg. 145)[1]. Въ Греціи онъ слышалъ для Руси названіе *сѣверныхъ Скиѳовъ* οἱ λεγόμενοι βορεῖοι Σκύθαι.

Извѣстіе Ліудпранда, такъ высоко цѣнимое Скандинавистами, доказываетъ только одно, а именно — что русское имя не было никогда генетическимъ, туземнымъ названіемъ Норманновъ.

Справедливость этого афоризма подтверждается сличеніемъ извѣстія Ліудпранда съ его выпискою у бельгійскаго монаха Сигберта, ученаго и начитаннаго лѣтописца жамблузскаго монастыря (род. 1030 †1112). Онъ передаетъ буквально текстъ Ліудпранда, но выбрасываетъ изъ него непонятное перенесеніе на Русь норманскаго имени и обратно: «ad ann. 936: Inger *rex Russorum*, sciens exercitus Grecorum esse ductos contra Saracenos et ad insularum custodias dispersos, ad expugnandam Cplim. cum mille et eo amplius navibus venit, adeo de victoria

[1]) И въ Германіи Русь причислялась къ сѣвернымъ племенамъ: «Et transmisit Dux nuncios ad civitates et regna Aquilonis, Daniam, Suediam, Norvegiam, Rugiam» etc. (Helmold. I. 86). «Et Dux exclamari fecit in Aquilone, scilicet Dania, Swedia, Norwegia, Rucia, ut omnes venirent in pace ad forum Lubicense» etc. (Inc. auct. Chron. Slav. 205).

iam securus, ut Grecos non occidi, sed capi preciperet. Quibus imperator Romanus cum paucis viriliter occurrens, circumcirca Greco igni iniecto pene omnes cum navibus exussit, paucis evadentibus, omnesque captivos decollari iussit» (Sigeb. Chron. ap. Pertz, VIII. p. 343, 347. Cfr. Annal. Saxo ad ann. 938, ibid. p. 602).

Этимъ опущеніемъ норманскаго имени для Руси, въ выпискѣ многоуважаемаго имъ Ліудпранда[1]), Сигбертъ явно свидѣтельствуетъ о степени удивленія, какое возбудила въ немъ невѣроятная этнографическая ересь его заальпійскато авторитета.

XI.

БЕРТИНСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

О состояніи южной Руси подъ властію *Кагановъ* въ 839—871 годахъ, дошло до насъ четыре свидѣтельства:

a) Помѣщенное въ бертинскихъ лѣтописяхъ подъ 839 г. извлеченіе письма императора Өеофила къ Людовику: «Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos *rex illorum, Chacanus vocabulo*, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat» (Annal. Bertin. ap. Pertz, I. 434).

b) Отвѣтъ Людовика II на письмо, въ которомъ Василій Македонянинъ упрекалъ его въ присвоеніи себѣ не слѣдующаго ему титула римскаго императора, imperator Romanorum. Письмо Василія до насъ не дошло; отвѣтъ Людовика напечатанъ у Баронія Annal. Ecclesiast. T. XV. Lucae, 1744, fol. ad ann. 871; у Muratori Scriptt. T. II. P. 2. ed. Mediol. 1726. p. 246; у Перца Chron. Salernitan. V. p. 523. Отстаивая свое право на титулъ римскаго императора, Людовикъ возражаетъ по пунктамъ на присланную ему отъ Василія роспись императорскимъ, королевскимъ, княжескимъ и инымъ, грече-

---

[1]) Sigb. Chron. ad. ann. 891: «ab hoc tempore Liutprandus diaconus Ticinensis aecclesiae hystoriam suam orditur.»

скою концеляріею утвержденнымъ титуламъ; онъ говоритъ между прочимъ: «Sed nec hoc admiratione caret, quod asseris, Principem Arabum Protosymbolum dici, cum in voluminibus nostris nihil tale reperiatur, et vestri codices modo architon, modo Regem, vel alio quolibet vocabulo nuncupent. Verum nos omnibus litteris Scripturas Sanctas praeferimus, quae per David non Protosymbolos, sed Reges Arabum et Saba perspicue confitentur; *Chaganum* vero non Praelatum Avarum, non Cazarorum, aut *Northmannorum* nuncupari reperimus, neque Principem Bulgarum, sed Regem vel Dominum Bulgarum: quae omnia idcirco dicimus, ut quam aliter se habeant quam scripsisti, legens in Graecis voluminibus, ipse cognoscas.» Отсюда видно, что по мнѣнію Василія, каганскій титулъ слѣдовалъ князьямъ (Praelati) Аваровъ, Хазаръ и *Норманновъ*. Подъ именемъ Норманновъ здѣсь явно разумѣется Русь; но чтобы въ греческомъ текстѣ стояло имя Руси Ῥῶς (см. Krug, Bullet. scient. IV, 145, Forsch. II. 206; Kunik, Beruf. II. 240—246) болѣе чѣмъ сомнительно; канцелярія Людовика не угадала бы Норманновъ подъ псевдонимомъ, никогда не имѣвшемъ для нихъ значенія туземнаго имени. Въ письмѣ Василія стояло вѣроятно то имя, которымъ императоръ Левъ (886—912) отличалъ Русь своего времени т. е. βορεῖοι Σκύθαι (Cl. Aelian. et Leon. Imp. Tactica, cap. XIX. § 70). У Константина Багрянороднаго: «εἴτε Χάζαροι εἴτε Τοῦρκοι εἴτε καὶ Ῥῶς ἢ ἕτερον τῶν βορείων καὶ Σκυθικῶν» (de adm. imp. ed. Bonn. 82). Гдѣ греческій императоръ думалъ о своихъ *русскихъ* сѣверянахъ (βορεῖοι), Людовикъ полагаетъ, что рѣчь идетъ о сѣверянахъ *германскихъ* (Northmanni). Ошибиться было тѣмъ легче, что у германскихъ писателей среднихъ вѣковъ Скандинавія не рѣдко именуется *Скиѳіею* (Skythiodh и Svithiodh. cfr. Schafar. Sl. alt. II. 92). Такъ у Равенскаго географа: «Magna insula antiqua *Scythia*.... quam et Iordanus sapientissimus cosmographus *Scanzam* appellat» (l. I. § XII. p. 26). «Nortmanni,... a Scitia inferiori.... egressi» (Annal. Saxo ap. Pertz, VIII. 689).

c) Похвальное слово митрополита Иларіона В. К. Владиміру:

1. «О законѣ Моисеомъ . . . . и похвала *Кагану* нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ».

2. «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великая и дивная сътворшаго нашего учителя и наставника, великаго *Кагана* нашеа земля, Владимера.»

3. «Сій славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ, *Каганъ* нашь Владимеръ.»

4. «Съвлечежеся убо *Каганъ* нашъ и, съ ризами ветхаго человѣка, сложи тлѣнныя, оттрясе прахъ невѣрствія.»

5. «Паче же помолися о сынѣ твоемъ, благовѣрномъ *Каганѣ* нашемъ Георгіи, въ мирѣ и въ сдравіи пучину житіа преплути.»

6. «Азъ, милостію.... Бога мнихъ и прозвитеръ Иларіонъ, изволеніемъ Его, отъ богочестивыихъ Епископъ священъ быхъ и настолованъ въ .... градѣ Кыевѣ, яко ми быти въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си въ лѣто ЅФNѲ (1051) владычествующу благовѣрному *Кагану* Ярославу сыну Владимирю» (Твор. св. Отц. Годъ второй. Кн. II. 223—255).

d) Слово о полку Игоревѣ: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова *Коганя* хоти; тяжко ти головы, кромѣ плечю» и т. д.

Съ этими свидѣтельствами согласенъ и смыслъ лѣтописи упоминающей о хозарской дани въ 859 году: «Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а *Козари* имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма» (Лавр. 8).

Ни одно изъ начальныхъ явленій нашей древней исторіи не утверждено на доказательствахъ болѣе положительныхъ, оффиціальныхъ, независящихъ другъ отъ друга. Русскій хаганатъ въ 839—871 годахъ вѣрнѣе призванія Варяговъ, договоровъ Олега, Игоря, Святослава, лѣтописи Нестора. Но существованіе *въ 839 году* народа Rhos, подъ управленіемъ хагановъ, уничтожаетъ систему норманскаго происхожденія Руси; Шведы хагановъ не знали.

Струбе и Шлецеръ (Нест. I. 322—324) думали о скандинавскомъ Håkan'ѣ. Кругъ (Forsch. I. 163—210) тратитъ

много времени и труда на опровержение догадки, схваченной съ воздуха. Удовлетворительнѣе ли его собственная? Изъ приведенныхъ выше четырехъ свидѣтельствъ, ему были извѣстны только два первыя; похвальнаго слова митрополита Иларіона и слова о полку Игоревѣ онъ не читалъ; не зналъ, стало быть, что русскіе документы подтверждаютъ *фактъ*, засвидѣтельствованный греческими. Онъ говоритъ о хаганскомъ титулѣ 871 года: «Konnte *dies* aber Basil noch im J. 871 thun (т. е. приложить *отъ себя* титулъ хагана русскому князю), wo die Russen doch gewiss in Konstantinopel ziemlich bekannt sein mussten: wie möchte es auffallen, wenn Theophilus 32 Jahre früher (im J. 839) ihren Herrscher, den er noch nicht genau kannte, mit dem der Avaren und Chazaren, die, wie sie wussten, den Russen benachbart waren, *auf eine gleiche Rangstufe stellt* und ihn so wie diese *Chagan* nennt.» Въ 839 году Ѳеофилъ могъ знать о сосѣдствѣ славянской Руси съ Аварами и Хозарами, но не скандинавской. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить этого произвольнаго, ничѣмъ не вынужденнаго и неоправданнаго, текстомъ лѣтописи опровергаемаго приложенія хаганскаго титула, неизвѣстному князю неизвѣстнаго народа Rhos. Или Ѳеофилъ не могъ просто писать: «quos rex illorum, ad se, amicitiae sicut asserebant, causa direxerat?» Своимъ «Chacanus vocabulo» онъ обманывалъ безъ нужды франкскаго императора. Ясно, что онъ прилагаетъ русскому князю титулъ хагана, потому что слышалъ этотъ титулъ отъ русскихъ пословъ. Но если въ 839 году русскіе князья титуловались хаганами, то должно принять, что и въ 871 этотъ титулъ не былъ изобрѣтенъ для нихъ Василіемъ Македоняниномъ [1]).

Автору призванія Родсовъ предстояла неблагодарная обязанность согласовать мнѣніе Круга съ разрушающими его окончательно *русскими* свидѣтельствами о доваряжскомъ хаганатѣ въ южной Руси. Онъ не измѣнилъ и не могъ измѣнить системы своего предшественника. И у него, вопреки положительному свидѣтельству лѣтописи, титуляція русскаго князя въ 839 году идетъ

---

[1]) Непонятно какъ Кругъ не замѣтилъ смѣшной стороны своей системы; въ 839 году Греки изобрѣтаютъ для Шведовъ имя Руси, а Ѳеофилъ для шведскаго конунга титулъ хагана!

отъ Грековъ. Сознавая, на основаніи русскихъ источниковъ, что Славяне перенесли на Аскольда и Рюриковичей почетный титулъългановъ (Ѳеофилъ *угадалъ* стало-быть въ 839 году тотъ титулъ, подъ которымъ русскіе князья будутъ извѣстны въ 864), онъ однако не допускаетъ оффиціальнаго подтвержденія этого титула греческою канцеляріею, и изъ словъ Людовика: «Chaganum vero non Praelatum Avarum, non Cazarorum, aut Northmannorum nuncupari reperimus»—заключаетъ: «Die Griechen hatten dem fränkischen Antwortschreiben nach geschrieben, dass den Chaganen (welche hier an der Stelle der principes der Araber stehen) dreier Völker, nämlich der Awaren, Gasanen und Nordmannen der Titel praelatus gegeben werde.» Но въ томъже самомъ письмѣ есть другое мѣсто, объясняющее значеніе слова Praelatus: «Et si Graecos et noviter editos revolvas codices, invenies procul dubio plurimos tali nomine vocitatos, et non solum Graecorum, sed et Persarum, Epirotarum.... Gothorum et aliarum gentium *Praelatos* Basileorum appellatione veneratos.» [1]) Да и что же ставится съ хаганомъ 839 года, въ этомъ новомъ предположеніи г. Куника? Въ этомъ году Ѳеофилъ изобрелъ для шведской Руси несуществующій у нея титулъ хагановъ; а въ 871, когда Славяне дѣйствительно перенесли этотъ титулъ на Родса Аскольда, Василій отказываетъ въ немъ ему? Онъ не хочетъ оказать хаганамъ Аваровъ, Газановъ [2]) и Руси чести принадлежащаго имъ хаганскаго титула, а Ѳеофилъ прилагаетъ его отъ себя и безо всякой нужды князю незнакомаго ему даже по имени народа Rhos?

Покуда о хаганатѣ 839 года было извѣстно одно свидѣтельство бертинскихъ лѣтописей, можно было допустить ошибку или произволъ греческой канцеляріи. Въ настоящемъ положеніи вопроса, отвергать безъ малѣйшаго повода прямую связь между показаніемъ 839 года и тремя остальными, между свидѣтельствами греческими и туземными, значитъ идти на перекоръ всѣмъ законамъ исторической критики и оцѣнки матеріаловъ.

Существованіе русскаго хаганата въ IX вѣкѣ (839—871 г.)

---

[1]) Praelatus, Magistratus, qui populis praeest (Du Cange).

[2]) Такъ въ изданіи Перца; но безъ сомнѣнія описка вмѣсто Cazarorum.

неопровержимый историческій фактъ, а вмѣстѣ съ нимъ и совершенно чуждое скандинавскому началу, существованіе въ сосѣдствѣ Хазаръ и Аваровъ народа Rhos.

Кромѣ верховнаго хагана, были у Аваровъ хаганы второстепененные, титулуемые однакожъ великими: «πρεσβεύεται ὁ Χαγᾶνος πρὸς ἑτέρους τρεῖς μεγάλους Χαγάνους» (Theophyl. ed. Bonn. 285). У Хозаръ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, при верховномъ или *Великомъ Хаканѣ* былъ намѣстникомъ или халифомъ *Хаканъ Бехъ;* а подъ нимъ *Кендеръ-хаканъ.*

Такимъ второстепеннымъ хаганомъ, кіевскимъ намѣстникомъ великаго хагана Хазаріи, былъ по всей вѣроятности тотъ династъ народа Rhos, о которомъ бертинскія лѣтописи упоминаютъ подъ 839 годомъ. Въ 864 году хаганомъ Руси является Аскольдъ, быть-можетъ уже самобытный вассалъ хазарскихъ хагановъ. Аскольдъ былъ Венгръ; а мы знаемъ по Константину Багрянородному (de adm. imp. ed. Bonn. 170), что въ IX вѣкѣ Угры состояли къ великому хагану Хозаріи въ полусоюзномъ, полу-подданничьемъ отношеніи. Безпристрастное изученіе русской лѣтописи привело Соловьева къ той мысли, что само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины рюриковой, могло явиться вслѣдствіе желанія дать рюрикову роду право на Кіевъ (Ист. Р. I. 102 и прим. 175); *о завоеваніи* Аскольдомъ Кіева не говоритъ и сама лѣтопись; а изъ списковъ упоминающихъ о ратяхъ его противъ Болгаръ, Полочанъ, Печенѣговъ (Ник. I. 16, 17), Древлянъ и Уличей (Пол. Воскр. Алат. у Шлец. Нест. II. 12), ни одинъ не знаетъ о войнахъ съ Хозарами или съ тѣми изъ славянскихъ племенъ которые признавали хозарскую власть. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи платятъ хозарскую дань при Олегѣ и Святославѣ, какъ платили въ 859 году. Подобныя отношенія къ Хозарамъ непонятны въ Аскольдѣ, мнимомъ избавителѣ Кіева отъ хозарскаго ига. Подъ 867 годомъ въ никоновскомъ спискѣ есть извѣстіе, что «избежаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много новогородцкихъ мужей»; перебѣги Варяговъ и Новогородцевъ начались вѣроятно уже въ 864 году, послѣ возстанія Вадима; въ соединеніи съ этими сѣверными дружинниками и отважными мореходцами предпринялъ Аскольдъ свой походъ про-

тивъ Грековъ [1]). Память угро-хозарскаго державства на югѣ сохранилась въ прозванiи Кiева венгерскимъ именемъ Szombat (крѣпость): «τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα, τὸ ἐπανομαζόμενον Σαμβατάς» (Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 75). Кругъ (Forsch. II. 254. Anm. X.) приводитъ мѣсто Пулкавы: «Construxit in Hungaria civitatem Trnaw, quae in vulgari ungarico *Sambath* Constantiae nuncupatur». Fejér ap. Boczek III. 43: «Bela, Ungariae rex, hospitibus de *Sumbothel* (Tyrnawia) «quae quondam fuit illustris reginae Constantiae» terram Parna confert. Dt. XVI. Kal. Decembris, 1244. «У Герберштейна: Rima-Sambat (Rima-Szombat) подъ 1551 г. (Selbstbiogr. in Font. rer. Austriac. I. 386, 388). Не къ Олегу и Игорю, а къ предшествовавшимъ имъ турецкимъ династамъ относится по всей вѣроятности характеристика русскаго князя у Ибнъ-Фоцлана: «Von seinem Hochsitz steigt er nicht herunter.... Will er ausreiten, so führt man ihm sein Pferd bis zum Hochsitze hin, von wo ab er es besteigt; und will er absteigen, so reitet er so nahe an denselben, dass er auf ihn wieder absitzen kann. Er hat einen Stellvertreter (Chalifa. Vice-König), der seine Heere anführt, mit den Feinden kriegt, und seine Stelle bei seinen Unterthanen vertritt» (Fraehn, I. Foszl. 22, 23). Это не по славянски и не по скандинавски.

Съ водворенiемъ въ Кiевѣ Варяга-Славянина Олега, титулъ хагана изчезаетъ для русскихъ князей; въ 871 году Василiй называлъ Аскольда хаганомъ сѣверныхъ Скиѳовъ; въ 920—946 Константинъ и Романъ титулуютъ Игоря *архонтомъ* Руси (C. P. de Cerim. ed. Bonn. I. 691), какъ сербскихъ, хорватскихъ, моравскихъ князей архонтами Сервiи, Хроватiи, Моравiи (ibid.). Въ договорахъ, Олегъ и Игорь названы великими князьями русскими.

Но въ памяти русскихъ людей, нѣкогда знаменитый и поэзiею прославленный титулъ хагана (отсюда и слово *коганъ* въ Сл. о п. Игоревѣ), живетъ еще долго по замѣненiи его княжескимъ. Митрополитъ Иларiонъ *(Русинъ)* воскрешаетъ для Владимiра и Ярослава поэтическую формулу древнѣйшихъ вре-

---

[1]) Любопытно, что съ 844 по 888 годъ сношенiя Грековъ съ Хозарами прерваны.

менъ. И въ наше время народъ и поэзія величаютъ русскихъ императоровъ царскимъ титуломъ.

. . . .

Изо всѣхъ изслѣдователей, трудившихся въ теченіи слишкомъ столѣтія, надъ объясненіемъ извѣстнаго мѣста бертинскихъ лѣтописей, одинъ только Шлецеръ, кажется, понялъ настоящее значеніе словъ лѣтописца: «Люди, называемые въ Германіи Шведами, Sueones», говоритъ онъ (Нест. I. 319), «въ Константинополѣ называютъ себя Руссами, Rhos. «Эверсъ полагаетъ, что Шведы въ 839 году выдали себя за Rhos, въ *Ингельгеймѣ*, а въ Константинополѣ явились подъ своимъ настоящимъ именемъ Шведовъ (Krit. Vorarb. 131, 134). Кругъ (Forsch. I. 165): «Die Fremden sagen, ihr Volk werde Rhos genannt.... Ob sie *in Konstantinopel* sich selbst *auch* Rhos genannt haben, oder nicht; gleichviel». Куникъ (Beruf. II. 201): «Das Ergebniss dieser Nachforschungen, dass nähmlich die Rhos ihrer Abkunft nach zum Schwedischen Volksstamme—gentis Sueonum—gehörten und dass sie sich selbst weniger als Schweden, *sondern vielmehr als Rhossen betrachteten*, wird *von den Franken* für ein ganz sicheres, also wahrscheinlich auf sichere nationale Merkmale begründetes, ausgegeben». Ошибочность этихъ толкованій, придуманныхъ подъ вліяніемъ полнаго убѣжденія въ существованіе генетической шведской Руси, происходитъ отъ основаннаго на этомъ убѣжденіи, вѣковомъ невниманіи къ фразеологіи бертинскихъ лѣтописей. Безпристрастный изслѣдователь видитъ съ перваго взгляда, что Пруденцій вноситъ въ свою лѣтопись не столько разсказъ о содержаніи письма Θеофила къ Людовику, сколько собственный, сокращенный текстъ этого письма:

«Misit cum eis quosdam «*qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, chacanus vocabulo*, AD SE, *amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat*»; petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera per quae AD ILLVM Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit».

Изъ различія въ употребленіи словъ *ad se* и *ad illum* видно, что при началѣ разсказа Пруденцій говоритъ *не отъ себя*, а отъ имени греческаго императора, *его собственными словами*; въ противномъ случаѣ и здѣсь слѣдовало бы *ad illum*. Въ этомъ первомъ періодѣ онъ употребляетъ весьма обыкновенную (преимущественно Тацитовскую) фразеологію, посредствомъ которой передается, въ сокращенномъ видѣ, самый текстъ письма или рѣчи дѣйствующаго лица, почему въ древне-латинскихъ изданіяхъ подобныя мѣста классиковъ не рѣдко отмѣчаются знакомъ « ». Этимъ объясненіемъ, основаннымъ, если не ошибаюсь, на положительномъ грамматическомъ правилѣ [1]), устраняются какъ предположенія Эверса, Круга и другихъ, будто бы Шведы именовали себя Русью *и въ Ингельгеймѣ*, такъ и замѣчаніе г. Куника (Beruf. II. 213), будто бы слова «id est gentem suam» принадлежатъ собственно лѣтописцу. Вся фраза, отъ словъ «qui se» до слова «direxerat» включительно, взята изъ настоящаго или лѣтописцемъ предполагаемаго письма Ѳеофила; объяснительному id est gentem suam отвѣчаетъ объяснительное sicut asserebant. Извѣстіе Пруденція подтверждаетъ еще разъ, что внѣ обстоятельствъ, приводившихъ Норманновъ въ прикосновеніе съ востокомъ и Греціею, при посредничествѣ славянской Руси, они себя *никогда* не называли и *никѣмъ* не были называемы Русью.

Это-же слѣдуетъ и изъ самой грамматической формы того имени, подъ которымъ Свеоны бертинскихъ лѣтописей значатся въ письмѣ Ѳеофила. Я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что какова бы ни была скандинавская форма мнимаго русскаго имени Шведовъ, этой формѣ не льзя было проявиться подъ несклоняемымъ греческимъ Ῥῶς, явно передающимъ несклоняемое славянское *Русь*. Въ Ингельгеймѣ еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ. Еслибы слова лѣтописи «qui se, id est gentem

---

[1]) Я знаю что въ хартіяхъ и даже у иныхъ писателей среднихъ вѣковъ, мѣстоимѣніе *se* иногда употребляется вмѣсто *eum* и *eos*; *sui* вм. *eius* или *illorum* и т. п.; но не здѣсь гдѣ выраженія *ad se* и *ad illum* явно противуполагаются одно другому и гдѣ весь оборотъ предложенія свидѣтельствуетъ о *намѣреніи* лѣтописца. Пруденцій, одинъ изъ близкихъ продолжателей Эйнгарда, принадлежитъ къ числу хорошихъ латинистовъ своего времени.

suam Rhos vocari dicebant» относились къ Шведамъ въ Германіи, еслибы эти Шведы назвались своимъ шведскимъ Rodhsin *у Франковъ*, Пруденцій передалъ бы это имя не подъ непонятнымъ для него Rhos, а подъ германо-латинскою формою: Rodsi, Rossi, Russi [1]). Въ ушахъ Пруденція, для котораго шведскій языкъ разнился отъ франкскаго только въ смыслѣ нарѣчія (Krug Forsch. I. 171), греческое Ῥῶς Rhos, передающее не множественное Rodhsin, а единственное Rodhs, звучало бы какъ единственныя Danus, Northmannus въ словахъ: «misit cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam *Danus (Nordmannus)* vocari dicebant.»

Наконецъ о невозможности допустить для Шведовъ неслыханное въ Швеціи и Германіи, туземное Русь, свидѣтельствуютъ и подозрѣнія, возбужденныя этимъ именемъ при дворѣ франкскаго императора: «quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sueonum» etc. Для Франковъ Швеція была не terra incognita; норманскія посольства являлись часто при франкскомъ дворѣ; въ 823 году Людовикъ посылалъ своихъ графовъ Теотарія и Родтмунда въ Скандинавію, для точнаго изслѣдованія этого края; они донесли императору все, что могли узнать объ этихъ земляхъ: «imperatori omnia, quae in illis regionibus comperire potuerunt, patefecerunt» (Ann. Einh. p. 48). При этихъ условіяхъ невозможно, чтобы Франкамъ оставалось неизвѣстно *то имя*, которымъ суждено было прозваться основанной Шведами обширной славянской державѣ, подъ которымъ Шведы разоряютъ Севилью въ 844 году, осаждаютъ Царьградъ въ 866 и 945, которое наконецъ до того народно въ Швеціи IX вѣка, что призванные Финнами и Славянами Родсы составляютъ только наималѣйшую часть поселенія коренной родской земли (Kunik Beruf. I. 144),—*имя Руси*. Между тѣмъ, слѣдствіе объ этихъ Свеонахъ-Rhos, состоящихъ подъ управленіемъ кагана, не приведено еще къ окончанію при отъѣздѣ пословъ: «idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit».

---

[1]) И Ліудпрандъ латинизируетъ подъ формою Russi невыносимое для него греческое Ῥῶς.

Кто же были эти загадочные Свеоны?

Шведы, на вѣрное; но почему подъ именемъ Rhos?

Посылать посольство въ Константинополь ради дружбы, въ самомъ же дѣлѣ для полученія подарковъ, было въ обычаѣ варварскихъ народностей того времени; о жадности къ подаркамъ Хазаръ, Турковъ, Руси свидѣтельствуютъ всѣ греческіе лѣтописцы (см. напр. Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 82.) Что и вице-каганы имѣли своихъ пословъ, знаемъ мы отъ Менандра: «Postquam fama ad finitimas Turciae gentes pervenerat, legatos Romanorum advenisse, eosque una cum Turcorum legatis Byzantium redire, eius regionis dux Disabulum supplex oravit, ut reipublicae Romanae visendae gratia sibi quoque legatos mittere liceret» (Exc. e Menandr. ed. Bonn. 300). Подобному кіевскому династу легко могло прійти въ голову отправить посольство въ Константинополь; величіе и богатство имперіи были извѣстны во всей черноморіи. Почему онъ послалъ именно Шведовъ, я не берусь угадать; всего вѣроятнѣе потому что они сами вызвались на опасный подвигъ, а кагану были извѣстны какъ мужи «смыслены и храбры», дружинники опытные въ бою и совѣтѣ. При Мстиславѣ Владимировичѣ были бы отправлены дружинники изъ Хазаръ и Касоговъ.[1]) Въ Царьградѣ Шведы сказались Русью, т. е. представителями русской народности: иначе и быть не могло; и въ настоящее время, австрійскіе послы изъ венгерскихъ и чешскихъ магнатовъ, объявляютъ объ австрійской, не о венгерской и чешской народности. Узнавъ объ отправленіи греческаго посольства въ Германію, они вздумали присоединиться къ нему, потому ли что дѣйствительно боялись возвратиться въ Русь по прежней дорогѣ, или потому что надѣялись на полученіе новыхъ подарковъ въ Германіи. Вернуться въ Кіевъ они могли какъ двинскимъ, такъ и сѣвернымъ варяжскимъ путемъ.

Быть можетъ, они были и обманщики, какъ наприм. мнимые послы отъ Ольги къ Оттону: «Legati Helenae, reginae Rugorum quae sub Romano, imperatore Constantinopolitano, Con-

---

[1]) Употреблять при посольствахъ иноземныхъ гостей, было, какъ намъ извѣстно, въ обычаяхъ того времени.

stantinopoli baptizata est, *ficte, ut post claruit*, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti ordinari petebant» (Pertz, I. Cont. Regin. ad ann. 959). Выдать себя за пословъ отъ кагана Руси, получить греческіе подарки и, обманувъ Θеофила, обмануть и Людовика, было совершенно въ характерѣ тѣхъ Норманновъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе (baptizati et rebaptizati, Bouquet IX, 209), для того только, чтобы пріобрѣсти новыя одежды и подарки.

Людовику показалось подозрительно, что люди, принадлежащіе къ неизвѣстному на западѣ народу *Rhos*, состоящему подъ властію *кагановъ*, явились на берега Рейна, чтобы оттуда возвратиться на родину. Императоръ велитъ навести справки; узнать причину ихъ прибытія въ Германію, adventus causam; оказывается, что эти Rhos-Шведы. Но шведскихъ Rhos и шведскихъ кагановъ отъ роду не бывало. На сдѣланный имъ запросъ, Шведы объявляютъ, что на востокѣ, въ сосѣдствѣ и подъ властію Хазаръ, есть дѣйствительно народъ *Русь*, управляемый *кaганомъ*; что они, Шведы, дружинники и гости кагана Руси, отправлены имъ послами въ греческому императору; что въ Кплѣ, они должны были сказать себя, т. е. народъ отъ котораго были посланы, *Русью*; что имъ удобнѣе возвратиться на Русь варяжскимъ, нежели черноморскимъ путемъ и т. д. Это объясненіе было естественно и правдоподобно; оставалось узнать, все ли дѣйствительно обстоитъ, какъ они говорили. Но получить извѣстіе о Руси 839 года, было дѣломъ времени и случая.

XIII.

КОНСТАНТИНЪ БАГРЯНОРОДНЫЙ.

Императоръ Костантинъ собиралъ для внесенія въ свою книгу объ управленіи государствомъ, по возможности точныя и подробныя свѣденія о варварскихъ народностяхъ, обитавшихъ на границахъ или въ сосѣдствѣ имперіи. Извѣстія о Руси обличаютъ славянскій источникъ; это явно и для допускающихъ Норманство русскихъ названій пороговъ. Славянскія имена понятны и сохранили чистоту славянскаго произношенія; рус-

скія—носятъ всѣ признаки искаженія и вразумительны только для вѣрующихъ. Выраженія ἡ ἔξω Ῥωσία, μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς чисто славянскіе идіотизмы.

Скажу болѣе: эти извѣстія сообщены Константину новогородскимъ купцомъ-воиномъ или *ословенившимся* поморскимъ Варягомъ. Только Новгородца трогало, что сынъ Игоря Святославъ сидѣлъ въ Новгородѣ. Новгородомъ и верхними землями начинаетъ разсказчикъ и свое описаніе торговаго русскаго пути. Въ Новгородѣ, бывшемъ еще до Рюрика въ тѣсной связи съ западнымъ славянскимъ міромъ, а послѣ призванія, средоточіемъ западнаго варяжства («ти суть людье Ноугородьци ото рода варяжьска»), господствовало, ощутительное и въ редакціи Константина, вліяніе поморскихъ нарѣчій: Σφενδοσθλάβος и Ἴγγωρ вмѣсто Святославъ, Игорь; prah вмѣсто порогъ; wlnný (Česk. wogig. Jungmann; Βουλνηπράχ.)—вмѣсто *волнистый*.

Внесенныя Константиномъ въ свою книгу извѣстія о Руси не современны составленію ея. По расчету Круга (Byz. Chronol. 265, 266), она писана въ 949—952 годахъ. Извѣстія сообщены, по всей вѣроятности, при жизни Игоря, когда Святославъ дѣйствительно еще сидѣлъ въ Новгородѣ. По этому слово καθέζεσθαι (Σφενδοσθλάβος.... ἐκαθέζετο) поставлено въ прошедшемъ времени, тогда какъ прочіе глаголы писаны въ настоящемъ. Есть и другія примѣты, что въ основу Константинову описанію легла уже нѣсколько устарѣвшая записка; онъ вноситъ въ свою книгу подробности, о которыхъ, за отсутствіемъ толковника, не всегда имѣетъ ясное, опредѣленное понятіе.

Подъ названіемъ Славянъ Σκλάβοι, Σκλαβίνιοι онъ разумѣетъ, по греческому обычаю, всѣ славянскія племена безразлично.

. . . .

При первомъ взглядѣ на эти извѣстія можно подумать, что рѣчь идетъ о двухъ народахъ, Руси и Славянахъ; о двухъ языкахъ — славянскомъ и русскомъ. Но мы уже встрѣтили это явленіе и въ Русской Правдѣ, и въ сказаніи о парусахъ. Имъ проникнута вся первобытная исторія Руси.

I. «οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγό-

μενοι καὶ οἱ Λενζανῆνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι....» «τὸ Βιτετζέβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥῶς» (de adm. imp. ed. Bonn. 75). ....«ἤγουν εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων, οἵτινές εἰσι πακτιῶται τῶν Ῥῶς» (ibid. 79). «τὸ δέ θέμα Ἰαβδιερτὶμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόραις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοῖς τε Οὐλτίνοις καὶ Δερβλενίνοις καὶ Λενζενίνοις και τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις» (ibid. 166).

Славянами, платящими дань Руси, здѣсь являются: Кривичи, Лучане, Тиверцы, Дреговичи, Сербы, Уличи и Древляне. Изъ русскихъ племенъ, въ числѣ данниковъ, поименованы только два: Древляне и Дреговичи.

Древляне, какъ не вошедшіе еще въ составъ новой варяго-русской державы, платятъ дѣйствительно дань Руси, т. е. Кіеву и династіи-представительницѣ русскихъ интересовъ и русскаго имени; а въ эпоху, къ которой относится сообщенное Константину извѣстіе, состоятъ еще подъ властію своихъ особыхъ князей.

Дреговичи, загадочная, вѣроятно, составная народность, отходятъ своею нерусскою частію къ Литвѣ или Кривичамъ. Какъ о послѣднихъ («и на *вьсѣхъ* Кривичѣхъ» Лавр. 8), такъ и о Дреговичахъ лѣтопись употребляетъ выраженіе: «и *вси* Дрегвичѣ» Ипат. 45). Въ древней географіи у Шлецера (Нест. II. 780, 781) *Могилевъ* причисленъ къ кіевскимъ (русскимъ) городамъ; *Минскъ* (Мѣнескъ) къ литовскимъ.

Не поименованы въ числѣ данниковъ Новогородцы, Полочане, Бужане, Сѣверяне. Но въ чемъ могли, для Норманновъ, эти племена разниться отъ остальныхъ? Какое отличіе могли полагать скандинавскіе Родсы между Сѣверянами и Тиверцами, между Бужанами и Кривичами? Что замѣчено въ другомъ мѣстѣ объ имени Русь, переходящемъ на одни славянскія, но отнюдь не на финскія племена, повторяется здѣсь въ отношеніи къ данникамъ; завоеванія совершаются не по этнографическимъ системамъ. Не два народа, Норманны и Славяне, противополагаются другъ другу въ извѣстіи Константина, а господствующее русское племя нерусскимъ народностямъ, *иже дань даютъ Руси*. Съ намѣреніемъ или безсознательно (скорѣе послѣднее)

свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ приводимое Константиномъ, должно-быть изъ печенѣжскаго источника, замѣчательное извѣстіе: «Charoboë thema *Russiae* adiacet, Jabdiertim vero thema conterminum est *tributariis pagis Russiae regionis*, Ultinis, Derbleninis, Lenzeninis reliquisque Sclavis» (de adm. imp. 166). И въ XII вѣкѣ есть еще данники изъ славянскихъ племенъ: «Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» (Лавр. 37). Заключить ли отсюда о существованіи въ XII вѣкѣ норманской Руси въ противуположность Славянамъ-Радимичамъ?

II. Пороги. Гдѣ нѣтъ двухъ народовъ, нѣтъ и двухъ языковъ. Мёрзіусъ пишетъ неправильно Russorum lingua, Sclavorum lingua; у Константина вездѣ Ῥωσιστὶ и Σκλαβινιστί; рѣчь идетъ о различіи не языковъ, а названій.

Для Кіева Русь сохранила венгерское прозвище Самбатъ; изъ Болгаріи вынесла названіе *угла* (Budjak) для треугольника, образуемаго впаденіемъ Орла въ Днѣпръ, и самую рѣку Орелъ прозвала *угломъ*: «и стояша на *мѣстѣ* нарѣцаемѣмъ Ерель, *его-же Русь зоветь Уголъ*» (Ипат. 128). «И перешедше *Уголъ рѣку*» (Лавр. 167)[1]). Отсюда еще не слѣдуетъ венгерское или болгарское происхожденіе Руси. Иноземныя названія пороговъ, если они венгерскія (см. безъимяннаго у Эверса Beitr. 401—434), обличаютъ, какъ прозвище Sambath, остатокъ венгерскаго вліянія на Русь; если норманскія, свидѣтельствуютъ объ участіи, какое Норманны принимали въ русской торговлѣ съ Греціею и походахъ Руси на Царьградъ. Вендо-русскіе князья, дорожившіе сообществомъ Норманновъ въ морскомъ и ратномъ дѣлѣ, употреблявшіе быть-можетъ и лоцмановъ изъ Норманновъ, переняли отъ нихъ (въ искаженномъ видѣ, какъ можно судить по Константину) и скандинавскія названія пороговъ[2]). Это явленіе

---

[1]) О мѣстѣ и рѣкѣ Уголъ (Ὄγλος, Ὄγκλος. Anast. Onglos) въ Болгаріи см. Niceph. Patr ed. Bonn, 39. Theophan. Chronogr. ed. Bonn. I. 547 и Schaffar. S. A. II. 163. Anm. 2.

[2]) Шафарикъ (Sl. A. I. 542) упрекаетъ всѣхъ Славянъ вообще въ любви къ иноземному, заставлявшей ихъ предпочитать чужое своему, чужой языкъ и чужой обычай своему.

не страннѣе и не безпримѣрнѣе нынѣшняго употребленія на Руси иноземныхъ названій и словъ: рейдъ, буксиръ, Нордкапъ и т. д. Новгородцы, сами отличные моряки, держались своихъ прежнихъ названій, уже по одному соперничеству съ Кіевомъ. Константиново Ῥωσιστὶ, Σκλαβινιστὶ есть ничто иное какъ переводъ новгородскаго идіотизма: *по-русски* т. е. по кіевски *по-славянски* т. е. по новгородски. Въ эпоху Петра Великаго, городъ называемый *по-московски* Орѣшекъ, быть-можетъ уже прозывался *по-новгордски* Шлисельбургъ; между тѣмъ ни Петръ Великій, ни Новгородцы не были Нѣмцами.

Какъ венгерское Sambath для Кіева, такъ венгерскія или норманскія названія днѣпровскихъ пороговъ—явленіе уединенное въ русской исторіи, слѣдовательно обличающее частный случай, а не основное историческое начало. Еслибы Норманны явились на Руси народомъ-завоевателемъ, основателями государства, скандинавскій языкъ оставилъ бы, кромѣ названій пороговъ, другіе неизгладимые слѣды въ русскомъ говорѣ; по крайней мѣрѣ Норманны, по обычаю своему въ другихъ земляхъ, прозвали бы своими названіями основанные, по всей вѣроятности, варяжскими князьями города: Ольжичи, Вышегородъ, Ракома, Берестово, Предславино, Туровъ.

III. «ἡνίκα ὁ Νοέμβριος μὴν εἰσέλθῃ, εὐθέως οἱ αὐτῶν ἄρχοντες ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς ἀπὸ τὸν Κίαβον» κ. τ. λ. (de adm. imp. ed. Bonn. 79).

Я указываю въ другомъ мѣстѣ (см. выше стр. 12) русскій идіотизмъ, переданный у Константина словами μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς; имъ означается весь дворъ русскихъ князей, какъ представителей русской земли

IV. «καὶ ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται Γύρα» (ibid. l. c.)

Πολύδιον слово несуществующее въ греческомъ языкѣ. Мёрзіусъ поправляетъ πολύδρια. Въ Etym. M. πολείδιον, parva urbs, ap. Strab. VIII: πολίδιον. Я не усомнился бы въ чтеніи πολύδιον (Константинъ позволяетъ себѣ и не такія грамматическія вольности), но исключительнымъ названіемъ русскихъ городовъ у него принято κάστρον. Πολύδια должно быть наше *полюдіе*; онъ передѣлываетъ на греческій ладъ и наше

слово *законъ:* «κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν» «κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον» (de adm. imp. 73, 170). Кругъ (Forsch. II. 437) объясняетъ слово γύρα изъ латинскаго средневѣковаго gyrones, girones=muri ducti circum interiores domos castellorum et arcium (Murat. Ant. H. II. 504 ap. Du Cange v. gyro.) Но γύρα не имѣло для Грековъ значенія крѣпостей. Приводимое Неволинымъ изъ Дюканжа: γύραι = circulationes, circuitiones (Финскій Вѣстн. 1847. № 8) не представляетъ грамматической связи съ средн. πολύδια. Γύρα здѣсь средн. множ. прилагательнаго γύρος (срвн. ὁ γύρος = circulus vel ambitus; γυρόω=circumdo, cindo; γυρόθεν=circumcirca) и передаетъ равносильное русское прилагательное *окольній* (отъ *коло* = кругъ, γύρος). Константиново: ἀπέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα буквальный переводъ русскаго: «уѣзжаютъ въ полюдіе, въ такъ называемыя *окольныя»* (подраз. *мѣста*). У Чеховъ okolí = округъ, okolní = окружный; okolnost = circumferentia (Jungm.) Okolina=vicinia, въ законникѣ Ц. Стефана Душана (Časop. Česk. mus. 1837 I. 76). Въ Ипат.. 126: «Околніи же городѣ Болгарьскіи» 127: «и посласта по околніѣ князи»

О жертвоприношеніяхъ Руси на островѣ св. Георгія (de adm. imp. 78) см. Срезневскаго Обр. и богослуж. 80 и 67. Куникъ (Beruf. II. 440) разсматриваетъ извѣстіе Константина съ точки зрѣнія скандинавской миѳологіи. Но покуда норманская школа не объяснитъ поклоненія своей норманской Руси Перуну и Волосу, она не въ правѣ разсуждать о русскихъ религіозныхъ обрядахъ.

Еще одно слово объ основанномъ на извѣстіи Константина мнѣніи Круга (Forsch. I. 200. II. 244. A.* 249 A *), будто бы русскіе князья посылали своихъ дѣтей въ Новгородъ, какъ норманскіе герцоги своихъ въ Байё, для изученія скандинавскаго языка. Вильгельмъ I, герцогъ норманскій († 943), говоритъ о своемъ сынѣ Рихардѣ: «Quoniam quidem Rotomagensis civitas Romana potius quam Dacisca utitur eloquentia, et Baiocacensis

fruitur frequentius Dacisca lingua quam Romana.... ibi volo ut.... enutriatur et educetur cum magna diligentia, feruens loquacitate Dacisca, tamque discens tenaci memoria, ut queat sermocinari profusius olim contra Dacigenas» (hist. Norm. Scrpt. ed. A. Duchesn. 112). О Святославѣ Константинъ Багрянородный: «Lintres ab ulteriore Russia Cpolim appellentes a Nemogarda proficiscuntur, ubi Sphendosthlabus Ingor Russiae principis filius habitabat» (ἐν ᾧ Σφενδοσϑλάβος ὁ υἱὸς Ἴγγωρ τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας ἐκαϑέζετο (de adm. imp. ed. Bonn. 74).

Латинскій переводъ Мёрзіуса передаетъ неправильно греческое ἐκαϑέζετο своимъ habitabat. καϑέζεσϑαι значитъ sedere, sedem habere, сидѣть. Aesch. Prom. 229: «τὸν πατρῷον ἐς ϑρόνον καϑέζετο». Въ томъ же смыслѣ употребляется у Византійцевъ глаголъ καϑίζω: «ἐπὶ τὸν βασίλειον ἐκάϑισεν ϑρόνον» (Theoph. Contin. ed. Bonn. 41. о Михаилѣ аморійскомъ).[1]) Какъ у германскихъ народовъ неразлучна съ идеею о княжеской власти идея о *возвышеніи* (elevatio), *поднятіи на щитъ* (Grimm DRA. I. 234—236), такъ у насъ и у прочихъ славянскихъ народовъ идея о *сажаніи, сидѣніи на столѣ*. Извѣстіе, внесенное Константиномъ въ свою книгу, относится къ эпохѣ, въ которую Святославъ, какъ единственный сынъ великаго князя, *сидѣлъ на княженіи* въ Новгородѣ. Мы знаемъ, что вслѣдствіе перенесенія Олегомъ великокняжескаго стола въ Кіевъ, Новгородъ сталъ послѣ Кіева старшимъ городомъ на Руси; туда обыкновенно посылался на княженіе старшій въ семьѣ великаго князя (см. Солов. Отнош. 54); прочіе князья *сидѣли* по старшинству (ἐκαϑέζοντο. срвн. Несторово: «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще») по другимъ городамъ. На это основное славянское учрежденіе возрастъ князей не имѣлъ никакого вліянія. Въ 970 году Святославъ посылаетъ своихъ трехъ сыновей на княженіе: «Въ лѣто 6478. Святославъ *посади* Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ се же время придоша людье Ноугородьстіи, *просяще князя собѣ*: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ.... и пояша Но-

---

[1]) У Геродота l. V. cap. XXV: «ἐν τῷ κατίζων ϑρόνῳ δικάζει» (κατίζω Jon. pro καϑίζω).

угородьци Володимера *къ собѣ*, и иде Володимиръ *съ Добрыною уемъ своимъ* Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю» (Лавр. 29). Если принять годомъ рожденія Ярополка 961 (см. Солов. Ист. Р. I. прим. 233), въ 970 году сыновьямъ Святослава было отъ 6 до 9 лѣтъ. Въ 980 шестнадцатилѣтній Владиміръ взялъ за себя первую жену Рогнѣдь (Лавр. 31); въ 988 у него было отъ разныхъ женъ двѣнадцать сыновей, которыхъ онъ *сажаетъ* по городамъ: «И *посади* Вышеслава въ Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ» и т. д. (Лавр. 52). Старшему изъ этихъ двѣнадцати князей было 7 лѣтъ. Тоже самое видимъ и въ послѣдствіи: «Присла великій князь Всеволодъ въ Новъгородъ, и рече тако: въ земли вашей ходитъ рать, а сынъ мой, а вашь князь Святославъ *малъ*, а вдаю вы сынъ мой старѣйшій князь Костянтинъ» (тамъ же, 179). Обряду сажанія на столъ малыхъ княжичей должно-быть предшествовали ихъ постриги. «Въ тоже лѣто князь Михаилъ *сотвори постригы* сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у святѣи Софіи; и уя власъ архепископъ Спиридонъ, и *посади его на столъ*, а самъ поиде въ Цьрниговъ» (Новг. 46). Дѣтей княжескихъ постригали 2, 3 и 4 лѣтъ; послѣ постригъ они переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (Карамз. III. прим. 132). Вѣроятно, новгородскіе послы спѣшили въ Кіевъ къ постригамъ Ярополка, Олега и Владиміра, какъ означавшимъ ихъ близкое распредѣленіе по волостямъ; *сидѣть безъ князя* было безчестно для города и для земли: «Новгородци не стерпяче безо князя сѣдити» (Лавр. 134). Они и въ послѣдствіи любили князей *вскормленныхъ* у себя: «И рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, прислани къ тобѣ, и ркли ны тако: нехочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли й; сего ны далъ Всеволодъ, *а въскормили есмы собѣ князь*, а ты еси шелъ отъ насъ» (тамъ же, 117). У каждаго изъ этихъ малыхъ княжичей былъ, разумѣется, свой кормилецъ, представитель его княжеской власти и правъ; не сами Ярополкъ и Олегъ, а ихъ пѣстуны «отпрѣся» за нихъ отъ Новогородцевъ; шестилѣтній Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ своимъ кормильцемъ — дядею Добрынею. Я заключаю: малолѣтный Святославъ, еще при жиз-

ни Игоря *сидѣлъ* (ἐκαθέζετο) въ Новѣгородѣ на столѣ, какъ русскій князь, а вовсе не для изученія шведской грамматики; иначе пришлось бы спросить, какимъ языкамъ и грамматикамъ обучались осьмилѣтній Олегъ Святославичъ у Древлянъ, двух-, трех- и пятилѣтніе Вышеславъ, Изяславъ, Святополкъ, Ярославъ, Станиславъ, Позвиздъ и т. д. въ Полоцкѣ, Ростовѣ, Туровѣ, Муромѣ, Тмутаракани?

ЗАМѢЧАНІЯ А. КУНИКА.

Я не думаю здѣсь вдаваться въ разсужденія обо всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, касательно которыхъ я болѣе или менѣе не соглашаюсь съ авторомъ, тѣмъ болѣе, что предполагаю печатать въ этомъ самомъ изданіи Академіи рядъ изслѣдованій о томъ-же предметѣ и о древне-славянской исторіи вообще. Только я желалъ бы, чтобы авторъ поскорѣе напечаталъ свою критику главы моего сочиненія 1845 года объ именахъ Рурика, Трувора, Синеуса, Олега, Аскольда, Дира и Рогволода, потому что я считаю эти имена рѣшительно норманскими, и въ этомъ обнаруживается самое рѣзкое разногласіе между нимъ и мною [1]). Кромѣ того для справедливой оцѣнки системы автора необходимо нужно, чтобы онъ сдѣлалъ извѣстнымъ свое воззрѣніе на «несомнѣнное участіе» Норманновъ въ древне-русской исторіи. Для меня все равно, высоко или низко цѣнятъ вліяніе Варяго-Руссовъ, какъ организаторовъ, на устройство нашего государства, но совершенно необходимо разложить древне-русскую государственную жизнь на ея разныя стихіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ распространился о варяжскомъ вопросѣ, наука сдѣлала много успѣховъ и я не упускалъ усвоивать себѣ эти успѣхи, откуда бы они ни происходили. Кромѣ того я старался соблюсти болѣе строгую методу лингвистическаго и историческаго изслѣдованія и достиг-

---

[1]) Выше я нарочно указываю на имена призванныхъ или пріѣзжихъ Норманновъ. Игорь, сынъ и внукъ Руриковы, Акунъ, внукъ Руриковъ, Ольга и Рогнѣдь, хотя имѣютъ норманскія имена, уже принадлежатъ къ 2 и 3 поколѣніямъ и, вѣроятно, говорили лучше по славянски, чѣмъ по шведски.

нуть при разборѣ историческихъ событій той степени умственнаго безпристрастія и спокойствія, къ которой долженъ неослабно стремиться каждый историкъ. Все это, вмѣстѣ съ открытіемъ новыхъ источниковъ, имѣло слѣдствіемъ то, что я во многомъ видоизмѣнилъ свой взглядъ, высказанный въ 1844 и 1845 годахъ. Именно, я долженъ теперь первую часть своего сочиненія объявить во многихъ мѣстахъ несоотвѣтствующею современному состоянію науки, да и вторую часть надобно, хотя въ меньшей мѣрѣ, исправить и дополнить. Да позволено будетъ мнѣ здѣсь совершенно кратко указать на немногія изъ тѣхъ положеній и свидѣтельствъ, которыя теперь представляются мнѣ въ иномъ видѣ, при чемъ впрочемъ предоставляю себѣ впослѣдствіи объясниться объ этомъ подробнѣе.

1. О РОСЛАГСКОЙ ОБЛАСТИ.

(см. выше, стр. 4—9 и 14—16).

Полемику г. Гедеонова въ опроверженіе связи исторіи шведской области *Рослага* (съ опредѣленнымъ членомъ Roslagen) съ русскою исторіей я признаю совершенно справедливою. Имя Roþr (съ придыхательнымъ t), Roðen (съ придых. d, вмѣсто чего нынѣ употребляется Roslagen = общество гребцовъ) въ первые принято за имя Роксолановъ (т. е. Русскихъ) самими Шведами XVII столѣтія, по недостаточному знанію ими своего древняго языка, и это ввело въ заблужденіе другихъ, какъ-то: Розенкампфа, Шафарика, Погодина и меня. Когда же я въ 1846 году занялся шведскими источниками для исторіи Рослага, то увидѣлъ необходимость отказаться отъ своего прежняго взгляда. Впрочемъ эти занятія доставили своего рода выгоду: они показали мнѣ, что имя «Русь» въ своей норманской формѣ испытало въ теченіе времени тѣже переходы, какъ имя Рослагъ. Итакъ генетической связи между *Рослагомъ и Русью* я, начиная съ 1846 г., не допускаю. См. мое Прибавл. къ Изслѣд. Круга (1848; II, 833), мою рецензію на сочиненія Крузе, Я. Гримма и Мунка (Bullet. hist.-phil. 1850. VII, 213, 339 или Mél. Russes I, 335, 424), и мою замѣтку въ сочин. Руссвурма (Eibofolke oder die Schweden.... Ehstlands. Reval 1855. I, 39).

2. О НАЧАЛѢ ИМЕНИ «РУСЬ» ПО НЕСТОРУ.

(См. выше, стр. 49).

Авторъ справедливо объявляетъ не совсѣмъ точнымъ переводъ Несторова мѣста о началѣ русской хронологіи, у Шлецера, Круга и у меня. Но онъ, проживая долго за границей по дѣламъ службы, не замѣтилъ, что въ 1849 году я вновь перевелъ и объяснилъ это мѣсто. Съ намѣреніемъ привожу здѣсь этотъ переводъ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ онъ напечатанъ былъ въ свое время (См. Bulletin historico-philologique, Tome VII, столб. 224 = Mélanges Russes tirés du Bulletin.... Tome I, стр. 349).

«*Nachdem* in der 15. Indiction i. J. 6360 (= 852) Michael zu regieren angefangen *hatte*, begann das russische Land genannt zu werden. *Denn* wir haben davon Kunde empfangen, dass *unter* diesem Zaren Russen gegen Konstantinopel *gezogen* sind, wie nämlich *in einem griechischen Jahrbuche* geschrieben wird: daher fangen wir auch von da an und setzen Zahlen.... Und vom ersten Jahre Michaels (6360 = 852) bis zum ersten Jahre des russischen Fürsten Oleg (6389 = 881) 29 Jahre....»

«I. J. 6374 (= 866) zog Askold und Dir gegen die Griechen, und sie kamen im 14 Jahre des Zaren Michael....» Что напечаталъ я тогда въ объясненіе этого мѣста, при томъ я остаюсь и теперь, такъ что мы въ главномъ согласны между собой. Только я не вывожу изъ того такихъ заключеній, какъ г. Гедеоновъ, касательно Нестора, какъ будетъ показано въ моемъ разсужденіи о (мнимомъ) годѣ основанія русскаго государства. Замѣчу еще, что походъ Аскольда и Дира принадлежитъ не къ 866, а ко второй половинѣ лѣта 865 года. Хронологическая система Нестора касательно годовъ царствованія императора Михаила не совсѣмъ вѣрна, но съ своей точки зрѣнія онъ какъ разъ вѣрно сказалъ, что Аскольдъ и Диръ ходили на Константинополь въ 14 годъ царствованія Михаила. Только этотъ 14 годъ (съ 21 янв. 865 по 20 янв. 866) не прошелъ тогда, а шелъ еще, чего Несторъ не сообразилъ и потому поставилъ Аскольдовъ походъ подъ 6374, вмѣсто 6373 (съ 1 марта 865 по 28 февр. 866).

3. О ЧЕРНОМОРСКИХЪ РУССАХЪ.

(см. выше, стр. 53 и слѣд.).

Г. Гедеоновъ обвиняетъ меня въ томъ, что я отрицалъ существованіе прочныхъ русскихъ поселеній на Черномъ морѣ до Владиміра. Признаюсь, что въ 1848 году (Krug's Forschungen. Anhang II, 828) я еще не изслѣдовалъ вполнѣ этого предмета, а судилъ по отдѣльнымъ свидѣтельствамъ, которыя я объяснялъ тогда. Впрочемъ географическія и этнографическія выраженія Масуди, котораго «Золотые Луга» изданы теперь во французскомъ переводѣ, стóитъ еще разсмотрѣть поближе.

Объ отрывкахъ, изданныхъ г-номъ Газе (см. выше стр. 66 и слѣд.), я до сихъ поръ не имѣлъ случая отзываться, но они мнѣ давно извѣстны, какъ видно изъ того, что я обратилъ на нихъ вниманіе г-на Кёне. Онъ относилъ ихъ также ко времени императора Іоанна Цимисхія (969—975) (см. Mém. de la Société d'Archéol. III, 66—68; Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса СПб. 1848, стр. 220—222). Объ этомъ указаніи въ то время не стоило упомянуть; но, сколько я помню, никто, кромѣ г. Кёне, не пользовался этими любопытными отрывками. Я не сомнѣваюсь, что въ нихъ говорится о Святославѣ; но прямыхъ указаній на черноморско-русскія колоніи въ нихъ не нахожу. —Касательно названія τὰ κλίματα см. также прим. 15 моей статьи: «О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 года съ первымъ пашествіемъ Татаръ на сѣверное Черноморье» (въ Уч. Зап. Акад. Н. по I и III Отдѣленіямъ. Томъ II, СПб. 1854, стр. 739) и Крымскій Сборникъ П. Кеппена, СПб. 1837, стр. 93.

Только теперь замѣчаю я, что два отрывка, сообщенные намъ изъ Парижа, давно уже существуютъ въ «вольномъ» русскомъ переводѣ. См. «Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей.... Переведенныя съ Греческаго на Россійскій языкъ Д. Поповымъ. Въ СПб. 1820», стр. 195—197.

Въ 1845 году (Rodsen, II, 343—355, 493—495, Bulletin historico-philologique, Tome III, № 3) я расположенъ былъ принимать крещеніе русскаго князя, упоминаемое въ легендѣ о св. Георгіи Амастрійскомъ, за одно и тоже съ крещеніемъ

русскаго князя, о которомъ говорится въ славянской легендѣ о св. Стефанѣ Сурожскомъ (ср. выше стр. 59 и слѣд.). Но позднѣе мнѣ стало ясно, что первое произошло съ 865 году, а второе относится къ Владиміру Святому. Повторяю здѣсь сказанное мной въ 1849 году (Bull. hist.-phil. Tome VI, col. 370 или Mélanges russes Tome I, p. 147):

«Quant au nom du prince prétendu Bra*v*li*n*, mentionné dans plusieurs versions de la *légende de St. Etienne de Souroje*, il n'y a plus de doute pour moi que ce ne soit simplement un adjectif, corrompu de бра*нливъ* (= martial) par les copistes de la légende de St. Etienne, et attribué primitivement à Vladimir le-Grand. On a rapporté à ce dernier une tradition sur le ἡγεμών de 866 (т. е. 865), en faisant de lui un prince Bravlin et en confondant deux événements différents en lieux et en temps, mais analogues par les conversions qui en sont l'accessoire. Pour s'en convaincre, il faut comparer en détail les légendes de St. George et de St. Etienne aves les relations de Nestor et d'autres écrits sur l'expédition de Vladimir vers Cherson.»

Тамъ, въ прим. 3, указаны вкратцѣ и причины, почему я не могу отнести крещенія, разсказаннаго въ житіи Георгія Амастрійскаго, къ 941 году, какъ относитъ преосв. Филаретъ (Исторія Русской церкви. Періодъ первый. Харьковъ. 1849, стр. 13). Крузе, взявшій въ свою Chronicon Nortmannorum (Dorp. 1851, p. 209) источники объ этомъ предметѣ изъ моего сочиненія, поступилъ совершенно произвольно.

4. О РУССАХЪ У ПАТРІАРХА ФОТІЯ.

(см. выше, стр. 70).

Когда я въ 1845 году разбиралъ для своей цѣли окружное посланіе патріарха Фотія (Rodsen, II, 335, 359—362, 372), изъ двухъ его бесѣдъ εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς 865 года извѣстны были только начальныя строчки. Теперь, имѣя въ рукахъ полный текстъ бесѣдъ (см. I томъ «Русскаго Архива»), я вижу, что въ 865 году Фотій не имѣлъ еще такихъ точныхъ свѣдѣній о Руссахъ, ихъ мѣстопребываніи и происхожденіи, какъ

спустя два года. Но то несомнѣнно, что въ 865 году онъ полагалъ жительство Руссовъ не на Черномъ морѣ (ср. выше, стр. 57), а представлялъ ихъ приплывшими «съ конца свѣта» и отдѣленными отъ Византіи «столь многими странами и областями (ἐθναρχίαις), столь многими рѣками судоходными и морями безпріютными [1]).»

5. О СЕВИЛЬСКИХЪ РУССАХЪ 844 Г.

(см. выше, стр. 90).

Въ 1838 году Френъ, нашедши извѣстіе о «Маджусъ, именуемыхъ Русъ», сообщилъ оное въ историческую литературу съ слѣдующимъ отзывомъ: «Я хочу только къ твердому «основанію, на которомъ стоитъ старое мнѣніе (о норманскомъ происхожденіи Варяго-Руси) прибавить еще одинъ хорошій «камень, который даетъ ему бо́льшую прочность.» Онъ тѣмъ болѣе радовался своей находкѣ, что сдѣлалъ ее въ своихъ любезныхъ Арабахъ. Френъ воображалъ, что эти Маджусъ или Норманны принадлежатъ къ тѣмъ, которые называли себя Русью, и многіе тотчасъ протрубили объ этомъ, какъ напр. Сенковскій, Савельевъ, Крузе и пр. Въ первый разъ этотъ набѣгъ Норманновъ обстоятельно, по многимъ источникамъ, разсмотрѣнъ былъ мною въ 1845 г. съ цѣлію—доказать, что эти грабители Севильи принадлежали къ шведскому народу. Доказательства вышли неудачны, но я не жалѣю о тратѣ времени на собираніе множества свидѣтельствъ, которыя теперь могу еще пріумножить, — не жалѣю потому, что тотъ походъ Норманновъ въ Испанію и Африку во многихъ отношеніяхъ представляетъ разительное подобіе похода Руссовъ на Константинополь въ 865 году.

Первый шагъ къ строгой оцѣнкѣ свидѣтельства Ахмедъ-эль-Катиба сдѣлалъ парижскій оріенталистъ Рено въ 1849 году, указавъ на мнѣніе Масуди, который, говоря о Маджусахъ 844 года, *предполагалъ*, что они были Руссы. Авторъ «Отрывковъ», совершенно независимо отъ другихъ изслѣдова-

[1]) См. I томъ «Русскаго Архива», строк. 48 и 161 (печатнаго) греческаго текста первой бесѣды.

телей также замѣтилъ, что свидѣтельство Ахмедъ-эль-Катиба не даетъ настоящей опоры норманской системѣ. Дѣйствительно, свидѣтельство этого Араба, писавшаго въ 891 году, не имѣетъ безусловнаго достоинства, а представляетъ только *личный* взглядъ арабскаго географа и этнографа. Въ этомъ я окончательно убѣдился послѣ того, какъ пересмотрѣлъ два другія, для насъ интересныя мѣста Ахмедъ-эль-Катиба о Хазарскомъ морѣ и о Славянахъ въ Азіи. Коротко сказать, Ахмедъ-эль-Катибъ, по моему мнѣнію, хотѣлъ только сказать, что Маджусъ 844 года суть тѣ-же самые, которыхъ другіе (Византійцы и Арабы на Средиземномъ морѣ?) называютъ «Русъ.» Подробнѣе объ этомъ я буду говорить при сравненіи похода 844 года съ походомъ 865 и съ морскими разъѣздами рюгенскихъ Славянъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ,

С. ГЕДЕОНОВА.

XIII — XV.

ПРИЛОЖЕНІЕ КО Iму ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1862.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Базунова, въ Москвѣ.
Н. Должикова, въ Кіевѣ.
Энфянджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 50 коп. сер.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ.
20 Декабря 1862 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ,

С. ГЕДЕОНОВА.

XIII.

ВАРЯГИ—ΒΆΡΑΓΓΟΙ—VAERINGIAR.

Байеръ (*de Varagis etc.*) производилъ Варяговъ Нестора отъ Снорроновыхъ *Vaeringiar*, византійскихъ Варанговъ; а имя *Vaering* отъ германскаго *waeria* защита, *warda* беречь, стеречь. Ире (*Peregrin., ap. Schloetz. A. N. G. 541—556*) привелъ скандинавскихъ Веринговъ въ связь съ готскими Федератами (Foederati, Φοιδεράτοι), о которыхъ упоминается въ царствованіе Константина Великаго; *Vaering*, по его мнѣнію, переводъ греколатинскаго Φοιδεράτος; *waere* на англо-саксонскомъ, *wara* на аллеманскомъ нарѣчіи, означаютъ союзъ, pactum, foedus; *wairthi, gawairthi* въ переводѣ Ульфилы — pax; *gawairtheigs* — pacificus. Въ его мысли Норманны, занявшіе въ IX столѣтіи, вмѣстѣ съ другими варварами, мѣсто готскихъ Федератовъ, приняли отъ сихъ послѣднихъ ихъ германское *Waering*, подъ скандинавскою формою *Vaeringiar;* у Византійцевъ это имя превратилось въ Варанговъ — Βάραγγοι [1]).

---

[1]) Ире не допускаетъ лингвистической связи между русскимъ *Варягъ* и норманно-греческимъ Vaering, Βάραγγος. Онъ производитъ наше *Варягъ* отъ шведскаго Svarige (Швеція), увѣряя притомъ, что, подобно Финнамъ, Русскіе не могутъ произносить слоговъ, начинающихся двумя согласными (*ibid. 550. Anm. 60*).

Несторъ знаетъ Варяговъ до основанія государства, стало-быть еще въ первой половинѣ IX-го столѣтія; между тѣмъ въ скандинавскихъ источникахъ имя *Vaeringiar* упоминается *въ первый разъ только въ 1040 году* (*Hist. Harald. Sev. cap. 3*); имя Βάραγγοι у византійскихъ историковъ *не прежде 1034 года* (*G. Cedren. ed. Bonn. II. 508. — M. Glycas ed. Bonn. 586*). При очевидной невозможности произвести русское имя IX-го вѣка отъ греческаго и скандинавскаго XI-го, Шлецеръ (*Нест. I, 347, 348*) изъявляетъ невольное сомнѣніе въ происхожденіи нашихъ Варяговъ отъ скандинавскихъ *Vaeringiar;* онъ говоритъ: «названіе той гвардіи (Βάραγγοι) дѣлается извѣстнымъ только послѣ 1000 года; слѣдовательно это не *непрерывное* продолженіе 40,000 Готовъ, которые служили Константину Великому около 300 г. подъ названіемъ Федератовъ (почему уничтожается и Ирево произвожденіе слова *Vaering* отъ англо-саксонскаго *war* — союзъ): названіе же Варяговъ извѣстно было въ Руси за долго до 1000 г. [1]). Ни Ире, ни Шлецеръ не знали, что имя Федератовъ упоминается у Грековъ еще въ IX вѣкѣ.

Само собою разумѣется, что безъ связи готскихъ Федератовъ съ позднѣйшими Варангами, происхожденіе русскихъ Варяговъ отъ скандинавскихъ *Vaeringiar* становится невозможно. Стриттеръ вывелъ норманскую школу изъ затруднительнаго положенія, указавъ на мнимое тождество Варанговъ съ Фарганами Константина Багрянороднаго (*Mem. pop. IV, 440 N. b.*). Пользуясь предположеніями Стриттера, Эверсъ (*Krit. Vorarb. 33*), Кругъ (*Forsch. I. 223*), Погодинъ (*Изслѣд. I, 168*) и другіе, выводятъ, тотчасъ по исчезновеніи имени Федератовъ въ Греціи, соотвѣтствующее ему названіе Фаргановъ-Варанговъ Vaeringiar. Вслѣдствіе этой системы, исчезающіе въ концѣ IX-го столѣтія Федераты превращаются въ Фаргановъ X-го; Фарганы X-го въ Варанговъ XI-го. Но между Фарганами и Варангами нѣтъ общей связи; Стриттеръ, имѣвшій подъ рукою изданіе Рейске Константиновой книги о церемоніяхъ (*C. Porphyrog. de Cerim. Aul. Byzant. Lips, 1751—1754, 2 vol. fol.*), про-

[1]) Языковъ переводитъ невѣрно выраженіе Шлецера «Ununterbrochene Fortsetzung» (*Schloetz. N. II. 196*) словомъ «потомки».

глядѣлъ въ ней первое мѣсто, въ которомъ говорится о Фарганахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣчаніе Рейске о народности Фаргановъ, какъ уроженцевъ азійской провинціи Fargana. «Infra autem illos gradus, stabant utraque hetaeria, magna et media, et *Fargani* et Chazari; omnes una manu spathas, altera scuta gerentes» (*ed. Lips. 333. ed. Bonn. I. 576*). Рейске замѣчаетъ: «Phargani sunt genus militiae seu protectorum corporis augusti aut ex Aegypto aut e provincia Transoxana, *Fargana*, oriundi.... principes orientales plerumque Turcas, quorum patria *Fergana* erat, in corporis protectoribus habebant.... Abulfeda ad ann. 255 (Chr. 869) de casu al Motazzi Chalifae narrans, tres diversos ordines protectorum seu militiae palatinae in aula Bagdadica hos recenset, al Magarebah seu Magrabinos, vel occidentales, Afros, Mauritanos et Turcas, *Farganenses* nempe et Transoxanos et Pharaones» (*Jo. Jac. Reiskii comm. ad Const. P. de Cerim. l. II, ed. Bonn. II. 674*). То-же объясненіе азіатскаго происхожденія Фаргановъ (впрочемъ совершенно независимо отъ Рейске) приводитъ г. Куникъ въ своихъ дополненіяхъ къ изысканіямъ Круга (*Forsch. II. 770—782*). Всего страннѣе, что Френъ, такъ много писавшій о Варягахъ, не упоминаетъ вовсе о свидѣтельствахъ восточныхъ писателей о Фарганахъ и фарганской землѣ; кромѣ приведеннаго у Рейске мѣста изъ Абулфеды онъ могъ бы найти отчизну Фаргановъ и у Нубійскаго географа: «Octava pars climatis tertii ...... continet ...... regiones Bochára, et Samarcand, terram Osrusanae et terram *Farghánae*, atque Tobbat, cum conterminis sibi regionibus Scias et Farab» (*Geogr. Nubiens. 135*). Такимъ образомъ, мнимая связь между Федератами и Варангами рушится снова; между исчезновеніемъ первыхъ и появленіемъ вторыхъ лежатъ тѣ-же 200 или 150 годовъ.

Вопросъ о Варягахъ является въ новой переработкѣ у г. Куника (*Beruf. I, 1—38*). Его система предполагаетъ, что «исчезающее у Византійцевъ въ IX вѣкѣ названіе Федератовъ, сохранялось въ греческомъ простонародіи подъ равнозначущею германскою формою *warang*, у Грековъ Βάραγγοι; всеизвѣстнымъ же стало въ этой формѣ только по ея воспріятіи въ греческій литературный языкъ. Норманны вступавшіе въ грече-

скую службу, задолго до основанія русскаго государства (wohl eine geraume Zeit vor der Stiftung des russischen Reich's I. 45) [1]), принимали для себя въ Греціи имя Варяговъ, Warang; на возвратномъ пути изъ Греціи черезъ Русь, они называли себя Варангами и на Руси и на востокѣ (I. 72); отсюда какъ Русь, такъ и восточные народы стали разумѣть Норманновъ подъ именами Варяговъ, Варенговъ» (I. 38—47).

Вопросъ о норманскомъ началѣ варяжскаго имени и Варяговъ подлежитъ разсмотрѣнію съ троякой точки зрѣнія: со стороны вѣроятностей исторической, логической и лингвистической.

I. Вѣроятность историческая. Имя Федератовъ является въ послѣдній разъ въ 900 году, подъ испорченною формою Φιβεράτοι, въ книгѣ о церемоніяхъ (*ed. Bonn. I. 734*). Отсюда еще не слѣдуетъ существованіе въ 900 году корпуса Федератовъ въ Греціи; какъ извѣстно, церемоніймейстеръ Филоөей черпалъ изъ древнѣйшихъ источниковъ ἐξ ἀρχαίων κλητωρολογίων (*de Cerim. I. 702*); 899—900 годъ относится только къ эпохѣ изданія. О Федератахъ не знаютъ ни императоръ Левъ (886—911), ни Константинъ Багрянородный, ни Левъ діаконъ, ни прочіе византійцы X-го вѣка. Послѣдній вѣрный поминъ о нихъ въ 821 году (см. ниже). Имя Варанговъ становится извѣстно у Грековъ около 1034 года. Слѣдовательно между Федератами и Варангами легло 213 или по крайней мѣрѣ 135 годовъ. Стриттеръ, Кругъ и другіе пополняли этотъ промежутокъ Фарганами; но мы узнали въ Фарганахъ не Скандинавовъ, а азіатскихъ уроженцевъ и войско. Какъ исправляетъ г. Куникъ существенный недостатокъ прежнихъ системъ? На какомъ основаніи считаетъ онъ учрежденіе Варанговъ продолженіемъ корпуса Федератовъ (*Beruf. I, 40, 41*)? «Изчезающее въ IX столѣтіи названіе Федератовъ, говоритъ онъ, *вскорѣ* замѣнено въ греческомъ литературномъ языкѣ, названіемъ Варанговъ»; и въ другомъ мѣстѣ: «простой народъ въ Византіи

---

[1]) Но въ другомъ мѣстѣ II. 100, 101: «Zuvörderst darf man nicht ausser Acht lassen, dass.... die schwedischen Rodsen oder Rooskarla erst seit dem 9ten Jahrhundert—*früher wahrscheinlich so gut wie gar nicht* — durch das Finnen- und Slavenland nach dem schwarzen Meere zu auszogen». Этотъ взглядъ, какъ увидимъ, несравненно вѣрнѣе.

замѣнилъ варварское названіе Федератовъ другимъ варварскимъ Варанговъ; послѣднее оставалось исключительною принадлежностію простонароднаго языка, до его воспріятія въ письменный» (I. 44). Какъ видно, положеніе дѣла не измѣнилось; промежутокъ существуетъ по прежнему, и, если въ предположеніи г. Куника, простой народъ пополнялъ его названіемъ *Варанговъ*, то какимъ названіемъ былъ онъ пополняемъ въ письменномъ языкѣ? *Кто были, какъ назывались* у византійскихъ историковъ, отъ 821—900 года по 1034-й, тѣ иноземныя войска, которыя были прежде понимаемы подъ названіемъ Федератовъ? Безъ сомнѣнія можно допустить, что названіе и учрежденіе Федератовъ продолжались до XI-го столѣтія, хотя греческіе писатели и не упоминаютъ о нихъ послѣ IX-го; но не значитъ ли это доказывать вымышленныхъ Варанговъ изобрѣтенными Федератами?

Къ тому же, увѣрена ли норманская школа, что Федераты IX-го столѣтія и воображаемые ею X-го и XI-го, ни чѣмъ не отличны отъ Федератовъ Готовъ IV вѣка; т. е. что въ IX—XI столѣтіи корпусъ Федератовъ состоялъ, какъ при началѣ, изъ германскихъ наемниковъ? Ибо только при этомъ условіи могло держаться у нихъ германское названіе *Warang*. Іорнандъ говоритъ о Готахъ-Федератахъ при имп. Филиппѣ Арабѣ († 229): «Philippo regnante Gothi — reipublicae Romanae *foederati* erant et annua munera percipiebant» (*de r. Get. cap. XVI*). При императорѣ Константинѣ Великомъ: «Nam et dum famosissimam et Romae aemulam in suo nomine conderet civitatem, Gothorum interfuit operatio, qui foedere inito cum Imperatore, XL suorum millia illi in solatia contra gentes varias obtulere. Quorum et numerus et militia usque ad praesens in Republica nominantur, i. e. *Foederati*» (*ibid. c. XXI*) и далѣе: «Militiaque illa dudum sub Constantino principe *foederatorum* renovata, et ipsi dicti sunt *Foederati*». Malchus ad ann. 477: «Insequenti anno Zenonem legati a Gothis adierunt, qui in Thracia consederant et foedere cum Romanis conjuncti erant: hos *foederatos* (φοιδεράτους) Romani vocant» (*Exc. e. Malchi hist. ed. Bonn. 237*). Здѣсь Федератами являются одни Готы; въ Новеллѣ Валентиніана († 375) de reddito jure armorum Федераты положительно от-

личаются отъ прочаго войска: «Magister militum Sigisvultus (Sigwald) tam militum quam Foederatorum tuitionem urbibus ac littoribus non desinet ordinare». Но около того-же времени (подъ 408 г.) Олимпіодоръ уже писалъ: «Bucellarii vocabulum Honorii Imperatoris temporibus tributum militibus, non Romanis solum, sed et Gothis quibusdam. Eodem modo et *foederatorum* nomen attributum inconditae et e diversis conflatae multitudini» (*Exc. ex Olympiod. ed. Bonn. 449, 450*). Прокопій подъ 533: «Olim in *foederatorum* ordine soli Barbari censebantur: qui cum a Romanis victi non fuissent, non inferiore, sed aequali conditione ad Remp. se adiunxerant. Et vero Romanum vocabulum *foedera* (φοίδερα) iunctam cum hoste amicitiam et societatem significat. Nunc licet omnibus nomen hoc sibi arrogare, ut fit temporis lapsu, quo appellationes a rebus suis interea abeunt, dum res ipsae mutantur, prout placet hominibus, nihil pensi habentibus, rectene an secus pristina nomina impleantur» (*de b. Vandal. ed. Bonn. I. 358, 359*). Начальниками Федератовъ при Юстиніанѣ являются Греки Киприянъ, Валеріянъ, Мартинъ и пр. (*ibid.*). Въ 549 году, Герулы являются не продолженіемъ Федератовъ, какъ они представлены у Круга (***Forsch. I. 220, 221***); только иные изъ нихъ служатъ въ греческомъ корпусѣ Федератовъ: «Τινὲς δὲ αὐτῶν καὶ Ῥωμαίων στρατιῶται γεγένηνται ἐν τοῖς φοιδεράτοις καλουμένοις ταττόμενοι» (***Procop. de b. g. ed. Bonn. II. 419***). Очевидно, первоначальный смыслъ учрежденія измѣнился [5]).

---

[5]) Тоже самое знаемъ мы и о прочихъ наемныхъ и союзныхъ греческихъ войскахъ. Мы видѣли что при Гоноріи въ числѣ Букелларіевъ были и Готы; при Константинѣ Багрянородномъ, Букелларіи состоятъ изъ уроженцевъ Виѳиніи, изъ такъ называемыхъ маріандинскихъ Галатовъ (*de adm. imp. ed. Bonn. 28, 29*, cfr. *284*). Оптиматами (Ὀπτιμάτοι), по свидѣтельству Олимпіодора, были знатнѣйшіе изъ Готовъ Родогайза, союзниковъ Стилихона (*ed. Bonn. 450*); у Константина Багрянороднаго они оказываются азіатскими уроженцами: «gentes vero quae adimplent vel potius ministrando servilia haec officia militibus atque ipsi imperatori praestant, sunt hae, Bithyni, Tharsiatae, Thyni; sed et Phryges attingunt»; ничтожнѣйшимъ изъ греческихъ войскъ: «porro appellatio ipsa tantum fere in se contumeliae habet atque vilium hominum, qui apud Romanos cortellini vocantur» (*de adm. imp. 26, 27*). Объ Обсеквіанахъ, являющихся впервые при императорѣ М. Антонинѣ Философѣ (***Jul. Capitol. in Scrpt. hist. Aug. I. 369***), Рейске говоритъ въ своихъ комментаріяхъ: «Videtur hoc militiae genus, Obsequentium dictum et e gladiatoribus ad bellum

Но если уже въ V и VI вѣкѣ, учрежденіе Федератовъ было такъ далеко отъ своего первобытнаго значенія, не должно ли полагать, что въ IX—XI оно преобразовалось совершенно, по примѣру другихъ ему подобныхъ у Грековъ?

Въ 821 году Федераты являются въ Азіи, подъ начальствомъ Льва Армянина, въ послѣдствіи императора (*Theophan. contin. ed. Bonn. 9, 10. — Genes. ed. Bonn. 12*); у Кедрина они названы Orientales (*ed. Bonn. II. 45*); въ 900 году Филоѳей упоминаетъ о нихъ уже подъ испорченною формою Φιβεράτοι. Были ли эти Федераты Германцы? Были ли между ними германскіе наемники? Существовало ли наконецъ у Грековъ постоянное обыкновеніе содержать наемное германское войско? Объ эпохѣ императора Маврикія, Ѳеофилактъ свидѣтельствуетъ противное: «die tertio etiam legati Celtiberorum, qui hodie Franci dicuntur, Bosus et Bettus in urbe adsunt. hujus gentis princeps Theodoricus tributum pro societate cum Romanis coeunda et pretium pro bello adversus Chaganum gerendo ab imperatore paciscebatur, qui legatos muneratus humaniter, *et barbaros a Romanis exigere pecuniam inique patiens*, hortatur Francos ut *citra stipendium seu vectigal*, quod postulabant, armorum societate secum devinciri vellent» (*ed. Bonn. 245, 246.* Cfr. *ibid. Photii summar. 13*). Франки при имп. Василіи въ 883 г. и сынѣ его Львѣ въ 904, получаютъ плату отъ Грековъ, не какъ наемники федераты, а какъ посланные отъ короля Франковъ и отъ папы союзники (*Theophan. Contin. ed. Bonn. 293, 135, 708*). Въ X вѣкѣ византійская исторія не знаетъ наемныхъ войскъ изъ германскихъ народностей; о нихъ не говорятъ ни императоръ Левъ, ни Левъ діаконъ, сопровождавшій императора Василія въ болгарскомъ походѣ; Константинъ Багрянородный, исчисляющій не однократно и съ величайшею точностію всѣ наемныя войска служившія у греческихъ императоровъ, знаетъ

---

armatis ortum, non ultra saeculum unum alterumve durasse, quamvis Bithyniae agris, in quos exacta militia deducebantur, Obsequii nomen deinceps manserit; quemadmodum de vicinis agris Ponticarum provinciarum factum, quamvis militum et Bucellariorum et Optimatum genus atque nomen desiisset» (*de Cerim. ed. Bonn. II. 498*). Мы застаемъ Обсеквіанъ еще въ 1041 году, сражающимися въ греческихъ войскахъ, вмѣстѣ съ Руссами, противъ Норманновъ (*Annal. Barens ap. Pertz VII. 54*).

между ними: Руссовъ, Далматовъ, Мардаитовъ, Фаргановъ, Хозаръ, Мослемовъ, Палермитанцевъ, Турковъ, Армянъ (*de Cerim. ed. Bonn. I. 576, 579, 654, 655, 661, 664, 673*); но о Германцахъ, Франкахъ, Федератахъ, Варангахъ—ни слова. Конечно Ліудпрандъ пишетъ о Никифорѣ Фокѣ: «residentibus nobis ad mensam — — ex Francis, quo nomine tam Latinos, quam Teutones comprehendit, ludum habuit» (*Legat. ad Niceph. Phoc. ed. Bonn. 357*); но уже Рейске замѣтилъ, что въ такъ называемой готской игрѣ, въ послѣдствіи времени, Готовъ представляли переодѣтые Готами, Франками и т. д. Греки и Римляне (*de Cerim. ed. Bonn. II. 355, 356*). Въ началѣ XI столѣтія находимъ Франковъ въ числѣ наемныхъ греческихъ войскъ; но какъ у Филоѳея отъ Федератовъ (*de Cerim. I. 734, 740, 749*), такъ у Кедрина и у Скилицы они постоянно отличаются отъ Варанговъ; въ сагѣ Гаральда Гардрада Веринги уединены не только отъ Франковъ-Латиновъ (*hist. Harald. Sev. c. 4, p. 129*), но и отъ Норвежцевъ, спутниковъ Гаральда (*ibid. c. 10, p. 149*). Ясно, что Федератовъ, въ смыслѣ германскихъ наемниковъ, давно уже не существовало; не превышавшіе числа 500 человѣкъ, греческіе Варанги не были продолженіемъ сорокатысячнаго корпуса готскихъ союзниковъ.

Впрочемъ и этой уступки было бы еще далеко недостаточно. Если герульская форма *Warang* явилась переводомъ греко-латинскаго Φοιδεράτοι въ VI столѣтіи (*Kunik, Beruf. I, 43*), должно принять, не только что названіе и учрежденіе Федератовъ продолжалось до XI-го столѣтія, не только что въ продолженіе пяти вѣковъ Федератами были постоянно и единственно наемники германскаго происхожденія, но еще, что въ теченіе этихъ пяти вѣковъ учрежденіе Федератовъ, въ его чисто-германскомъ смыслѣ, держалось въ греческой имперіи *безъ перерыва*[1]). Норманская школа должна сознать два промежутка: одинъ отъ 549-го по 821 или 899 годъ—272, 350 лѣтъ; другой отъ 899-го по 1034 годъ—135 лѣтъ. Но если допустить подобные промежутки, даже менѣе значительные, у кого держалось германское *warang*, переводъ латинскаго foederati? У

[1]) Такъ понималъ и Шлецеръ этотъ вопросъ (см. выше).

Грековъ имя Федератовъ хранилось въ книгахъ, въ государственныхъ документахъ и актахъ и могло быть возобновляемо по произволу; но какимъ образомъ передавали Герулы-Федераты, исчезающіе въ VI вѣкѣ, свое герульское *warang*, какимъ-нибудь Франкамъ или Лангобардамъ, отъ которыхъ были отдѣлены промежуткомъ 150 или 100 или даже 50 годовъ? Нельзя же принять, что по мѣрѣ своего вступленія въ корпусъ Федератовъ, германскіе наемники всѣхъ вѣковъ и всѣхъ концевъ Германіи, нападали случайнымъ образомъ на постоянный переводъ греческаго Φοιδεράτοι, *не существующимъ ни въ одномъ германскомъ діалектѣ, словомъ Warang.*

Наконецъ, гоняясь за воображаемымъ историко-лингвистическимъ тождествомъ Варанговъ и Федератовъ, норманская школа совершенно забываетъ объ имени, подъ которымъ, по ея же системѣ, Скандинавы служили у Грековъ, отъ второй половины IX-го вѣка до учрежденія варангской дружины и послѣ, объ имени Русь. Въ 902 году Руссы служатъ въ греческомъ флотѣ (*Const. P. de Cerim. ed. Bonn. I. 651*); въ 911 договоръ Олега упоминаетъ «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьяньского царя», а слова договора: «на удержаніе и на извѣщенье *отъ многихъ лѣтъ* межю христіаны и Русью бывшюю любовь», какъ очевидно, относящіяся къ договору, заключенному въ слѣдствіе похода 866-го года (*Const. Porphyr. Vita Basil. imp. cap. XCVI*), опредѣляютъ начальную эпоху этихъ сношеній. Отъ 902-го по 1076 г. и византійскіе и западные писатели знаютъ о Руссахъ-наемникахъ въ греческомъ войскѣ (*Stritter, Mem. pop. II. 972—975. — Annal. Barens. ad ann. 1027, 1041 ap. Pertz, VII. 53, 54. — Chron. Mont. Casin. ad ann. 1010, ibid. IX. 652. — Ademari histor. l. III, ad ann. 1017, ibid. VI. 140* и т. д.). Норманская школа признаетъ этихъ Руссовъ чистыми, генетическими Норманнами. Но если Норманны служатъ у Грековъ въ 866 — 902 году, подъ названіемъ Руси, Ῥῶς, что становится съ Федератами — Warang'ами?

II. Вѣроятность логическая. Если *первые* Норманны ходили въ Грецію черезъ Русь, т. е. черезъ земли восточныхъ Славянъ (въ чемъ норманская школа вѣроятно прекословить не будетъ), ясно, что эти Славяне узнали ихъ *прежде* Грековъ,

прежде ихъ возвращенія изъ Греціи, съ новопріобрѣтеннымъ именемъ Федератовъ-Варанговъ. Какимъ же именемъ называли восточные Славяне этихъ Норманновъ въ первую минуту знакомства? Нѣмцами, Свеями, Русью? Но въ такомъ случаѣ не было причины мѣнять этого имени на варяжское.

Если, по предположенію норманской школы, имя *Warang* было употребляемо Скандинавами *уже въ IX столѣтіи*, почему въ памятникахъ исландской письменности не упоминается оно до 1040 года, т. е. почти до самой эпохи *его перваго появленія* у византійскихъ историковъ, подъ формою Βάραγγοι? Въ предположеніи г. Куника, Норманны, служившіе у греческихъ императоровъ, еще до основанія русскаго государства, называли себя Варангами (Warang) и были называемы въ греческомъ простонародіи Варангами, уже въ IX столѣтіи; или они ожидали принятія варангскаго имени въ греческій литературный языкъ, чтобы перенести въ Скандинавію свое родное германское *warang?* Гдѣ, съ норманской точки зрѣнія, различіе между греко-норманскими Vaeringiar въ IX-мъ и въ XI-мъ столѣтіяхъ? Почему Норманъ Harald Hardrad является *Верингомъ* въ Скандинавскихъ сагахъ XI-го вѣка, а прадѣдъ его, и дѣдъ и отецъ, — такіе-же Воринги-Федераты, какъ и онъ, неизвѣстны подъ этимъ названіемъ въ сагахъ IX-го и X-го? Положимъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій варангское имя у Грековъ таилось въ простонародномъ языкѣ; Норманнамъ до этого не было дѣла. Но не у однихъ Норманновъ, варангское имя неизвѣстно до XI-го столѣтія и у тѣхъ германскихъ народовъ, отъ которыхъ, по мнѣнію норманской школы, Скандинавы узнали имя warang, въ началѣ IX-го вѣка или прежде; т. е. отъ III-го вѣка до XI-го, Готы, Герулы, Лангобарды, Франки, Скандинавы *постоянно* служатъ у греческихъ императоровъ, подъ названіемъ Варанговъ; а до XI-го столѣтія, ни германскія лѣтописи, ни скандинавскія саги, ни византійскіе историки не знаютъ о существованіи этихъ греко-германскихъ Варанговъ! И вдругъ, въ 1034 году, имя Βάραγγοι является у Кедрина; въ 1040 въ сагѣ Гаральда Гардрада; въ 1010 въ хроникѣ Льва остійскаго; въ 1019 въ лѣтописи Monte-Cassino; въ 1047 у Лупа протоспаѳарія; въ 1081 у Малатерры и пр.

и пр. Или все это дѣло случая? Одно изъ двухъ: или Германцы-Федераты именовали себя Warang'ами отъ III-го до XI столѣтія, а Скандинавы приняли отъ нихъ это имя до основанія русскаго государства, и въ такомъ случаѣ непонятно, какъ это имя не отозвалось въ памятникахъ германской и скандинавской письменности, до XI-го столѣтія; или (что было въ самомъ дѣлѣ) имя Βάραγγοι — Vaeringiar совпадаетъ съ учрежденіемъ особаго варангскаго корпуса въ Греціи, въ послѣднихъ годахъ X-го вѣка; и тогда Норманны не могли передать варяжскаго имени Славянамъ и Финнамъ еще до 859 года.

Вспомнимъ и то, что, по мнѣнію норманской школы, Норманны IX-го столѣтія именовали себя Варангами не въ одной Греціи, но и у русскихъ Славянъ и на востокѣ; отсюда русское названіе *Варяги*, арабское *Wareng*. Но почему же, спрошу я въ такомъ случаѣ, не отозвалось это имя въ тѣхъ по крайней мѣрѣ скандинавскихъ сагахъ, которыя упоминаютъ о службѣ Норманновъ-Варяговъ у русскихъ князей? «Если гдѣ-либо, говоритъ Сенковскій, то въ этой (Эймундовой) сагѣ, слово Варяги, Vaeringar или Vaeringiar долженствовало бы встрѣчаться на каждой страницѣ, потому что повѣствователи сами служили здѣсь въ званіи *Варяговъ*, сами исполняли ихъ должность; къ удивленію, оно нигдѣ не встрѣчается и кажется имъ неизвѣстнымъ» (*Библ. д. чт. 1834. II. 30. Прим. 4*). Уже Байеръ говорилъ съ тѣмъ-же выраженіемъ изумленія: «inauditum apud hos piratas nomen Varagorum». Г. Кунику кажется страннымъ требовать отъ исландскихъ историковъ имени Vaeringiar для Норманновъ, служившихъ при Владимірѣ и Ярославѣ, когда извѣстно, что этимъ именемъ отличались только служившіе у греческихъ императоровъ (*Beruf. I. 46, 41, 42*); требованіе дѣйствительно странное, если извѣстные у насъ подъ названіемъ Варяговъ Норманны прилагали себѣ варяжское имя (Vaeringiar) только въ Греціи, — по учрежденіи варангскаго корпуса, въ концѣ X-го вѣка; требованіе болѣе чѣмъ естественное, если допустить, что уже въ IX вѣкѣ, они именовали сами себя Варангами, не только въ Греціи, но и на Руси, и на востокѣ. Или Норманны, служившіе варангами въ Греціи, оставляли *варангское* имя при вступленіи *Варягами* на службу къ русскимъ князьямъ? Или

Норманнъ-варангъ удерживалъ варангское имя на Руси и на востокѣ только для передачи его Славянамъ и Арабамъ, а покидалъ его съ той минуты, какъ становился *Варягомъ* по преимуществу, *Варягомъ наемникомъ?* [1]).

III. Вѣроятность лингвистическая. Г. Куникъ замѣтилъ справедливо (ар. *Krug, Forsch. II. 749 ff.*), что русское *Варягъ* не принадлежитъ, по окончанію, къ кореннымъ формамъ славянскихъ языковъ и предполагаетъ первобытное (иноземное) warang, waring, warank и т. д. (см. *Beruf. I. 9 ff.*). Законы славянской лингвистики и словопроизводства не допускаютъ этимологіи отъ *варяю*, *ворогъ*, *воръ* и пр. Совершенно справедливо и другое замѣчаніе (*ibid. 42, anm. X*), что скандинавская форма *Vaering* не можетъ почесться основною; иначе ей слѣдовало бы отразиться у насъ подъ формами *вурягъ* или *ворягъ*. Ни русское *Варягъ*, ни греческое Βάραγγος не могли, стало быть, произойти отъ сѣвернаго Vaering. На этомъ основаніи г. Куникъ предполагаетъ первобытное, у Геруловъ-Федератовъ начавшееся *Warang;* и Норманны, думаетъ онъ, усвоили себѣ это слово *сначала* подъ его германскою формою *Warang*, чему доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, перешедшее къ намъ отъ Скандинавовъ германское Warang—Варягъ; съ другой, проявленіе той-же формы Warang (не Vaering) въ мѣстныхъ названіяхъ Warangerfiord, Warrango и Warang въ Эстляндіи (*ibid. 45, 156, 157*) и т. д. Какъ, когда и почему герульское Warang перешло у Скандинавовъ въ позднѣйшее (единственное исторически извѣстное) Vaering; имѣетъ ли форма Vaering смыслъ, и какой смыслъ въ Скандинавскихъ нарѣчіяхъ, оставлено нерѣшеннымъ.

Ире указывалъ, какъ мы видѣли, на происхожденіе Норманскаго Vaering отъ англо-саксонскаго (въ древне-скандинав-

---

[1]) Изъ поздней редакціи сагъ и лѣтописей нельзя выводить никакихъ заключеній (*Kunik, Beruf. I. 45*); Снорре Стурлесонъ черпалъ изъ древнѣйшихъ языческихъ памятниковъ; онъ выписалъ многое изъ пѣсенъ Тіодольфа, норвежскаго скальда IX столѣтія, современника Рюрикова, и сверхъ того пользовался лѣтописями Исландцевъ Семунда-Сигфуссона (1051—1133) и Ари-Фроде (1068—1148). Могло ли имя Варанговъ—Vaeringiar не быть въ нихъ упомянуто о Норманнахъ IX и X-го столѣтій, если бы оно дѣйствительно было у нихъ въ употребленіи?

скомъ языкѣ не существующаго, см. *Grimm D. R. A. II. 603. Ant. X.—Kunik, Beruf. I. 44*) vaere = foedus, pactum. Сѣверное Vaering является здѣсь скандинавскою формою, при одинаковомъ значеніи, первобытнаго (предполагаемаго) германскаго Warang; но какимъ образомъ могла держаться такъ долго на сѣверѣ (едва ли не до временъ самаго Гаральда) германская форма? Русинъ при усвоеніи себѣ чешскихъ словъ hrad, mydlo, sadlo не будетъ откладывать отъ одного столѣтія до другаго ихъ обращенія въ свои *городъ, мыло, сало.* Если Vaering слово безъ смысла, форма не вынужденная требованіями скандинавскаго словосочиненія (что и предполагается долговременнымъ употребленіемъ на сѣверѣ, первоначальнаго Warang), какъ объяснить введеніе и преобладаніе надъ понятнымъ, обще-германскимъ Warang, безсмысленнаго и грамматическими условіями не требуемаго vaering? По норманской системѣ, первые Скандинавы-Варяги служатъ въ Греціи подъ именемъ Warang; Warang'ами называютъ они себя у русскихъ Славянъ и на востокѣ; отсюда русское *Варягъ*, арабское *Wareng;* ту-же германскую форму *warang* переносятъ они и на сѣверъ; всѣ сѣверныя мѣстности, обличающія въ своихъ названіяхъ присутствіе варяжскаго начала, Warangerfiord, Warrango, Warrang, Warangala и т. д., получили эти названія до появленія въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ позднѣйшаго Vaering; совокупность этихъ явленій была дѣломъ, конечно, не одного, а многихъ десятилѣтій, вѣковъ. Вслѣдствіе какихъ же побужденій, прежнее, понятное, вѣковымъ употребленіемъ въ Греціи, на Руси, на востокѣ и на сѣверѣ освященное Warang изчезаетъ, а вмѣсто его является непонятное, новое, ни чѣмъ не оправдываемое Vaering! Дѣло въ томъ, что форма vaering была единственною извѣстною Скандинавамъ; ея составленіе восходитъ не далѣе учрежденія варангскаго корпуса въ Греціи. Мнимаго, обще-германскаго Warang не было; никакая исторія не знаетъ о существованіи германскихъ Warang'овъ отъ III-го до XI-го столѣтія [1]).

---

[1]) Окончательное *ang*, въ видѣ суффикса (какъ въ предполагаемомъ Warang), явленіе крайне рѣдкое въ германскихъ нарѣчіяхъ. Гриммъ возстаетъ справедливо противъ этимологіи Рогге, лангобардскаго gargangus, wargangus отъ varg; wargangus составное отъ ver и gang, какъ waldgang, skôk-gângr и

Какъ самая форма, такъ и переходъ ея, скандинавскимъ путемъ, въ названія сѣверныхъ мѣстностей, несбыточное предположеніе. Я конечно не отрицаю варяжскаго начала въ названіяхъ Warangerfiord, Warangala, Warrango, Warrang, Варенгъ, Varangida, Varangolimena, Wariagwodu и т. д. (см. *Kunik, Beruf.* — *Langebeck ap. Kruse, Urg. 466.* — *Sjögren, Bericht etc. 73, 74, Anm.*—*Карамз. X, прим. 56.*— *Schafar. Sl. Alt. II. 78, Anm.*); но не могу допустить съ г. Куникомъ (*I. 45, 156*), что эти мѣстности получили свои названія отъ Норманновъ, подъ первобытною формою Warang. Иначе должно бы принять, что Норманны прилагали свое *варангское* имя различнымъ мѣстностямъ, *только покуда у нихъ держалась форма warang*, т. е. именно только покуда ни скандинавскія саги, ни греческія лѣтописи не знаютъ о существованіи Варанговъ; со дня же появленія варяжскаго имени въ скандинавской исторіи, оно перестаетъ являться въ названіяхъ мѣстностей; не то, по крайней мѣрѣ, инымъ бы изъ нихъ слѣдовало проявить позднѣйшую форму Vaering. Да и существуютъ ли эти мѣстности въ Швеціи, Норвегіи, Даніи? Нѣтъ; мы ихъ находимъ въ финскихъ, эстскихъ, русскихъ земляхъ, т. е. у тѣхъ народовъ, которые знали Норманновъ-Варягами, Варангами; въ собственной Скандинавіи онѣ неизвѣстны. Гдѣ Русь знаетъ *варяжское* море, Скандинавы говорятъ Austersalt; гдѣ у Эстовъ Wrangoe, Warrango, у Скандинавовъ искаженные Wrangelsholm, Wrangelshof (*Kunik, Beruf. I. 156, 157*) [1]).

Исторія, выводы лингвистическіе, соображенія здраваго смысла убѣждаютъ насъ въ томъ, что варяжское имя родилось не у Норманновъ, что скандинавское vaering возникло по учрежденіи варангскаго корпуса въ концѣ X-го вѣка, что до этой эпохи и внѣ Греціи Норманны себя Верингами (Vaeringiar) не

т. п. (*D. R. A. I, 396. II. 733*). Въ своей грамматикѣ, онъ подкрѣпляетъ это лингвистическое правило новыми доказательствами и примѣрами (*D. Gram. 1826.—II. 348, 349*). И у Малатерры греческіе Варанги германизированы подъ формою *Waring* (см. слѣд. стр. 15).

[1]) Такимъ же искаженнымъ Nimtsch передаютъ Германцы славянское мѣстное Nemci (*Schafar. Sl. Alt. II. 405.* — Cfr. *Canon. Wissegrad. Contin. Cosmae ad ann. 1137, ap. Pertz, XI. 144*).

называли. Ни гдѣ и ни кѣмъ не сказано, чтобы это названіе употреблялось ими и по возвращеніи на сѣверъ. О противномъ свидѣтельствуютъ, кромѣ приведенныхъ выше доказательствъ, и самыя выраженія сѣверныхъ источниковъ. Такъ въ Гаральдовой сагѣ: «erat in classe (Cplitana) magnus Scandinavorum numerus, *quos Vaeringos nominant*» (*Scrpt. hist. Island. VI. 126, 127*). Имя Верінговъ стоитъ здѣсь въ смыслѣ иноземнаго прозвища; то-же объ Инглинахъ-Варангахъ въ Кплѣ у Малатерры: «Angli vero, *quos Waringos appellant*» (*Gaufr. Malat. l. III, c. 27, 584*). Оставляя Грецію и императорскую службу, Норманны, Инглины, Кельты оставляли и варангское, имъ чуждое имя; тоже самое знаетъ исторія и о другой греко-германской дружинѣ, о Нѣмицахъ (см. *Striller, Mem. pop. IV, 477—482*) [1]). И тѣ и другіе отличаются въ Греціи спеціальнымъ, отъ Славянъ Греками занятымъ именемъ; и тѣ и другіе знаютъ это имя только въ Греціи; ни Норманны-Варанги, ни Германцы-Нѣмицы не именуютъ себя Варангами и Нѣмицами, внѣ предѣловъ своей византійской дружины. Скандинавское имя для Норманновъ, возвращавшихся съ востока, т. е. изъ Руси и изъ Греціи, было не Vaeringiar, а Gerski, Gerskir, Gyrdskur; это имя встрѣчается въ Скандинавіи на сотняхъ надгробныхъ камней, съ руническими надписями (смотри *Schloezer, Allg. N. G. 503, 504, 551—556*); имя Vaering, Warang ни на одномъ. Не иначе (въ общемъ смыслѣ) понимаютъ вопросъ о Варягахъ и новѣйшіе изслѣдователи скандинавской исторіи. Извѣстный нѣмецкій историкъ Дальманъ не признаетъ ни одного изъ историко-лингвистическихъ выводовъ руссо-норманской школы о происхожденіи Варяговъ и варяжскаго имени. Онъ пишетъ о Гаральдѣ Гардрадѣ въ 1040 году: «здѣсь (т. е. въ Кплѣ) нашелъ онъ множество соотечественниковъ, ибо *съ послѣдней трети X-го столѣтія*, многіе Норвежцы, Исландцы, Датчане, Шведы ходили въ Константинополь черезъ Русь, для вступленія, за изрядную плату, въ греческую службу, какъ то дѣлывали *за нѣсколько вѣковъ до того*, ихъ готскіе единоплеменники.— — — Общимъ ихъ именемъ было варангское, явившееся *впервые въ*

---

[1]) О Нѣмицахъ см. также *Vita S. Clement. ed. Miklosich p. 49. Praef. XVI.*— Cfr. *Schafar. Sl. Alt. II. 476. Anm. 2.*

Россіи, гдѣ (*неизвѣстно по какому поводу*) называли *Варягами* Скандинавовъ, приходившихъ толпами на Русь *въ IX вѣкѣ»* и пр. (*Dahlmann*, *Gesch. v. Dänemark I. 124*). Что Дальманъ считаетъ Варяговъ основателей русской монархіи Скандинавами, разумѣется само собою; въ дѣлѣ русской исторіи онъ предубѣжденный и малосвѣдущій судія. Я привелъ его слова въ доказательство, что предположенія Байера, Ире, Шлецера и ихъ послѣдователей, о происхожденіи Норманскаго Vaeringiar отъ vaerja, vaere и пр., о тождествѣ этого имени съ греко-латинскимъ Φοιδεράτοι, о существованіи Норманновъ-Варанговъ въ Кплѣ, до конца X-го вѣка, какъ не основанныя на исторической дѣйствительности, не нашли отголоска въ строгомъ и безпристрастномъ изслѣдователѣ. Отъ связи норманскихъ vaeringiar съ Федератами, отказывается и Раскъ въ изданномъ имъ Lexicon Islandico-Latino-Danicum Björn Haldorson's [1]).

Но если не Норманнами, то кѣмъ и откуда занесено къ восточнымъ Славянамъ варяжское имя? Для рѣшенія этого вопроса должно, прежде всего, обратиться къ тѣмъ историческимъ источникамъ, въ которыхъ объ имени Варяговъ упоминается современно или почти современно ихъ появленію въ русской исторіи. Таковы, вмѣстѣ съ Несторомъ, сказанія арабскихъ писателей.

Въ отношеніи къ историческому значенію Варяговъ, извѣстія Нестора драгоцѣнны для насъ преимущественно потому, что въ нихъ Варяги являются подъ своимъ именемъ, съ самыхъ началъ его повѣсти. Это имя не ученое, не изобрѣтенное, не перенесенное въ раннія времена изъ позднѣйшихъ; оно жило въ русскомъ народѣ; о немъ свидѣтельствуютъ какъ названія мѣстъ и людей, такъ и достовѣрные историческіе документы. Въ Кіевѣ одна пещера называлась варяжскою, потому что въ ней было древнее варяжское хранилище (*Синод. Патер. л. 153*, см. *Карамз. II*, *прим. 192*). У Ярополка былъ слуга по имени Варяжко (*Лавр. 33*). Въ Русской Правдѣ упоминается о Варягахъ: «Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу Варяга, любо оу

1) Онъ производитъ слово Vaeringiar не отъ англо-саксонскаго vaere, foedus, pactum, а отъ исландскаго vaer, hilaris, въ смыслѣ удальцовъ, молодцовъ (см. *Sjoegren. Ber. etc. 73*, *Anm. 2*).

Кольбяга» и пр. (*Р. Пр. I. § 10*). Другой вопросъ значеніе варяжскаго имени; понимала ли Русь девятаго столѣтія имя Варяговъ въ его первобытномъ смыслѣ и какой былъ этотъ смыслъ? Понимала ли Русь одинадцатаго столѣтія это имя въ его смыслѣ девятаго? Изъ племенъ, именуемыхъ варяжскими у Нестора, четыре обыкновенно причисляются къ тѣмъ самымъ народностямъ, къ которымъ, въ XI вѣкѣ, принадлежали скандинавскіе выходцы, служившіе въ варангской дружинѣ греческихъ императоровъ, т. е. къ Шведамъ, Норвежцамъ, Датчанамъ и Англо-Норманнамъ [1]). Но въ девятомъ вѣкѣ Несторъ знаетъ еще другое, въ его время уже не существовавшее варяжское племя, то самое, которое онъ именуетъ Русью: «Сице бо *ся зваху* тьи Варязи Русь, яко се друзіи *зовуться* Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си» (*Лавр. 8*). Не смотря на положительное свидѣтельство лѣтописи объ отличіи Руси отъ прочихъ четырехъ народностей, не смотря на очевидную невозможность для Нестора не знать о мнимомъ тождествѣ Руси и Шведовъ, по имени и происхожденію, норманская школа причисляетъ Варяговъ-Русь къ Скандинавамъ, а имя Варяговъ считаетъ равнозначущимъ нынѣшнему Норманны. Но если считать доказаннымъ, что до XI-го столѣтія Норманны не употребляли для себя имени Верынговъ, Vaeringiar, откуда зашло это имя къ восточнымъ Славянамъ? Будь имя Варяговъ словено-русскаго происхожденія (какъ думали Тредьяковскій, Кругъ и другіе, см. *Погод. Изслѣд. II. 175. Krug. Forsch. I. 235*), его можно бы почесть новогородскимъ наименованіемъ скандинавскихъ племенъ; но если, по нашему

[1]) Впрочемъ мы еще не имѣемъ достаточной причины считать Несторовыхъ Готовъ (Гъте) Датчанами (*Нест. Шлец. I. 102, 103*). Вѣрнѣе будетъ, если не ошибаюсь, обратиться къ вендскому словоупотребленію, отличающему Прусь и Литву именемъ Готовъ—Гетовъ. Такъ на надписи Болеслава Великаго: «Tu possedisti velut athleta Christi-regnum Sclavorum, *Gothorum* seu Polonorum»; у Март. Галла: «Pollexiani *Getharum* seu Prussorum genus» (ap. *Schafar. Sl. Alt. II. 389.—cfr. I. 466*). И у Равенскаго географа: «Item ad frontem Roxolanorum regionis, sunt patriae, id est Scythotrogorum, item patria Campi-Campanidon, nec non *Geto Gitorum*, Sugdabon, Fanaguron, Paludis Maeotidon» (*Anonym. Ravennat. de Geogr. l. V. Par. 1688. p. 140, 141*). Въ Никоновской лѣт. подъ 1379 г.: «Князь Ягайло Литовскій ... совокупилъ Литвы много и *Варягъ* и Жемоти и прочая и поиде на помощь къ Мамаю царю».

мнѣнію, г. Куникъ и заблуждается на счетъ германо-скандинавскаго происхожденія варяжскаго имени, онъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что форма Варягъ обличаетъ начало чуждое словено-русскому нарѣчію и слѣдовательно не могла родиться на Руси. Очевидно, имя Варяговъ зашло къ намъ отъ носившей это загадочное имя, западной (по Нестору варягорусской) народности. О происхожденіи этой варяжской Руси Несторъ не даетъ никакихъ особыхъ извѣстій; о ея существованіи на берегахъ Балтійскаго моря онъ не только уже ничего не зналъ въ свое время, но и въ сказаніяхъ, относящихся къ IX-му столѣтію, молчитъ о ней, съ самой минуты призванія. Ея варяжское имя, какъ принадлежность призванныхъ князей и ихъ сподвижниковъ — вотъ первый, достовѣрный фактъ, дошедшій до насъ въ лѣтописи; другой фактъ — ея отличіе отъ Шведовъ, Норвежцевъ, Англо-Норманновъ. Положеніе, будто бы варяжскіе князья и ихъ племя именовались Русью, принадлежитъ собственно лѣтописцу; оно не основано ни на какомъ историческомъ доказательствѣ (См. *Отрывк. гл. IV*).

Мы узнаемъ болѣе отъ арабскихъ писателей. Г. Куникъ (*Beruf. I. 72*), на основаніи ринизма, господствующаго въ арабскихъ формахъ warang, warank, полагаетъ, что «арабы, или тѣ восточныя народности, отъ которыхъ они получали свои извѣстія, узнали имя Несторовыхъ Варяговъ, *не иначе какъ отъ германскихъ народовъ»*. Это замѣчаніе, кажется, слишкомъ исключительно; ринизмъ существуетъ въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ, наравнѣ съ германскими; Востоковъ указываетъ на первобытный, въ IX—X столѣтіи еще безъ сомнѣнія господствовавшій ринизмъ русскаго *я*. Встрѣчаемая у Касвини форма Waraïg, вмѣсто warank (*Fraehn, Ibn. Foszl. 181, 188*), относится, быть можетъ, къ смягченной уже позднѣйшимъ русскимъ выговоромъ формѣ *Варягъ*.

Несравненно положительнѣе историческіе факты, указывающіе на славянскій источникъ восточныхъ извѣстій о Варягахъ. Кромѣ уже сказаннаго о позднемъ водвореніи варяжскаго имени у Норманновъ, наши предположенія подтверждаются и слѣдующими доводами.

I. Во всѣхъ арабскихъ извѣстіяхъ упоминается о Варягахъ

какъ объ особомъ народѣ; Балтійское море называется Варяжскимъ. (*Fraehn. Ibn. Foszl.* о народѣ *Варенговъ* у арабскихъ писателей: 178, 186, 188, 190, 196, 200; о морѣ *Варенговъ:* 177, 178, 183, 185, 186, 187, 190, 193, 197, 198, 199). Но Варягами назывался *народъ*, Варяжскимъ *море*, только у русскихъ Славянъ; у Норманновъ Балтійское море Ostersalt; варяжскій путь Austurweg; Верингами (Vaeringiar) именовались исключительно только ѣздившіе на службу въ Царьградъ. Могли ли Норманны, вмѣсто своихъ собственныхъ, передавать восточнымъ народамъ славянскія понятія о Варягахъ?

II. Изъ представленныхъ Френомъ четырнадцати мѣстъ арабскихъ писателей о Варенгахъ, въ *восьми* ихъ имя приводится въ связи съ именемъ Славянъ (*ibid.* 182, 184, 186, 189, 193, 194, 195); *ни въ одномъ* не упоминается о Шведахъ, Норвежцахъ, Датчанахъ, Скандинавахъ. Я говорю *ни въ одномъ*, ибо приводимое въ подтвержденіе тождества Варенговъ и Шведовъ, мнѣніе турецкаго географа XVII-го столѣтія, Хаджи-Хальфы, имѣетъ, какъ ученое доказательство, не болѣе вѣса Герберштейнова мнѣнія о происхожденіи Варяговъ отъ славянскихъ Вагировъ и не можетъ быть причислено къ такъ называемымъ свидѣтельствамъ восточныхъ писателей о Варенгахъ. Вотъ впрочемъ это мѣсто изъ Dschihan-Numa: «Аламанское (нѣмецкое) море называется въ нашихъ астрономическихъ и географическихъ книгахъ, моремъ Варенговъ. Высокоученый Ширази говоритъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ Toh'fe: «*на берегахъ онаго живетъ племя рослыхъ, воинственныхъ людей*», и подъ этими Варенгами разумѣетъ шведскій народъ». (*Fraehn, Ibn. Foszl. 196*). Итакъ въ доказательство тождества Варенговъ и Шведовъ приводятся слова Ширази (XIII—XIV вѣкъ), что на берегахъ варенгскаго моря живутъ рослые и воинственные люди. Положеніе, что здѣсь Ширази разумѣетъ Шведовъ, принадлежитъ собственно Хаджи-Хальфѣ (род. 1600 † 1658). Понятно, что турецкій географъ XVII-го столѣтія не могъ думать о балтійскихъ Славянахъ; въ его время (а отчасти и въ эпоху Ширази) они были уже совершенно истреблены германскими войнами. Къ кому же могъ онъ отнести слова Ширази, если не къ дѣйствительно рослымъ и войнами Густава Адольфа про-

славленнымъ Шведамъ? Изрѣченія Хаджи-Хальфы нельзя даже назвать мнѣніемъ, а только предположеніемъ о мнѣніи Ширази.

Само собою разумѣется, что подъ именемъ Варенговъ у восточныхъ писателей не слѣдуетъ понимать однихъ только славянскихъ Варяговъ. Арабы, получавшіе свои извѣстія о сѣверѣ отъ западныхъ и русскихъ Славянъ, передавали славянскія понятія о варяжскомъ имени, какъ объ общей принадлежности племенъ, обитавшихъ на берегахъ варяжскаго моря и состоявшихъ, съ одной стороны, изъ Скандинавовъ, а съ другой, какъ увидимъ, изъ поморскихъ Славянъ. Только естественно, что въ извѣстіяхъ, шедшихъ отъ Славянъ, преобладаетъ славянскій образъ воззрѣнія.

Два арабскихъ извѣстія заслуживаютъ особенно наше вниманіе; оба принадлежатъ Шемс-ед-дину Димешки, писателю XIV-го столѣтія, черпавшему, какъ извѣстно, изъ древнѣйшихъ источниковъ.

а) «Здѣсь есть большой заливъ, который называется моремъ Варенговъ. А Варенги суть непонятно говорящій народъ, который не понимаетъ почти ни одного слова (изъ того, что имъ говорятъ). *Они Славяне Славянъ*» (т. е. знаменитѣйшіе изъ Славянъ. — *Fraehn, Ibn. Foszl. 190*).

Френъ сомнѣвается въ точности арабскаго текста, потому что имя Славянъ не одинаково орѳографировано въ обоихъ мѣстахъ. Онъ говоритъ: «я очень сомнѣваюсь въ точности чтенія سقلب. Конечно имя Славянъ пишется иногда съ س *s*, вмѣсто ص твердаго *s* или *z*; иногда также выпускается ا *a* передъ послѣднею буквою; но здѣсь это чтеніе سقلب, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ тоже имя, писанное съ ص, должно возбудить подозрѣніе. Не будь этого, можно бы перевести وهم سقلب الصقالبة: *они Славяне Славянъ*, что въ смыслѣ арабской рѣчи значило бы: они знаменитѣйшіе изъ Славянъ» (*ibid. 191. Anm.* †) [1]). Извѣстный римскій оріенталистъ и палеографъ Ланчи не видитъ въ приводимомъ Френомъ обстоятельствѣ достаточной причины къ отверженію самаго текста и перево-

---

[1]) Любопытно знать, вывелъ ли бы Френъ эти затрудненія, если бы у Димешки стояло: «они Норманны Нормановъ».

дитъ: «Questi sono i Slavi de Slavi, cioè i piu illustri de Slavi»[1]). Ни въ какомъ случаѣ Френъ не имѣлъ права измѣнять текста и вносить въ него свою догадку, и вмѣсто «они Славяне Славянъ» писать «они живутъ противъ Славянъ». Въ одномъ мѣстѣ Іорнандъ пишетъ Sclavi, а въ другомъ Sclavini; въ одной и той-же рукописи читаемъ Antes и Entes[2]). Въ западныхъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу подобные случаи: «dux autem Luitgerus in ipsa sua expeditione ad interiores *Slavos*, habens in auxilio marchionem Heinricum Stadensem, qui contraxerat Scyrcipensium *Sclavorum* 300 equites, id est centum de unaquaque urbe sua» etc. (*Annal. Corbeiens, ad. ann. 1114, ap. Pertz, V. 8*). И въ нашихъ лѣтописяхъ безпрерывныя измѣненія и отличія въ орѳографированіи именъ; Лаврентьевскій списокъ читаетъ на одной страницѣ два раза: *Словене* и четыре раза: *Словѣни* (*Лавр. 3*). Вмѣсто *Варяги*, другіе списки читаютъ *Варяги* и *Варегы* (*томъ же 4, прим. т.*). Заключить ли отсюда о негодности самаго текста? Впрочемъ, самъ Френъ сознаетъ причину, побудившую его къ этому измѣненію: «невозможно, говоритъ онъ, чтобы нашъ авторъ *хотѣлъ это сказать* и почиталъ варенговъ славянскимъ племенемъ» (*Ibn. Foszl. 192, анм. †*). Судить объ этой возможности скорѣе дѣло русскихъ историковъ[3]). Выраженіе, «они Славяне Славянъ» (срвн. въ титулѣ Хозроя γίγας γιγάντων. *Excerpt. e Menandr. ed. Bonn. 353*), принадлежитъ къ идіотизмамъ не одного арабскаго языка, но и вендскихъ нарѣчій. Eikstet (*ap. Barthold, Gesch. v. Rüg u. Pomm. III. 85*) приводитъ древнюю надгробную надпись поморскаго герцога Богуслава († 24 февр. 1309 г.): «Anno milleno trecentenoque noveno, sacra festa die populo celebrante Matthiae, *Slavorum Slavus* obiit dux Bugislavus».

---

[1]) Сообщено изустно.

[2]) Sclavani, *ed. princ. 1515. Cod. Vind.* — Sclaveni, *Forner in marg.*—Scaveni, *Cod. Ambros.*—Veneti, Antes, Sclavi.—Entes *Cod. Ambros.* — *Cfr. Schafar. Sl. Alt. II. 659, 660, 661.*

[3]) Замѣтимъ, что тоже самое чтеніе سقلب الصقالبة находится и въ Лейденскомъ кодексѣ (*Fraehn, Ibn-Foszl. 262*), чѣмъ едва ли не устраняется всякое сомнѣніе на счетъ его правильности. Шармуа (*Relat de Mas'oùdy etc. 375-376*) читаетъ: «Ce sont les plus blancs (ou les plus rouges) d'entre les Slaves», Очевидная и вовсе не нужная натяжка.

b). «Иные утверждаютъ что.... русское (черное) море имѣетъ сообщеніе съ моремъ Варенговъ-Славянъ» (*Fraehn*, *Ibn. Foszl.* *193*). Между этими именами Френъ ставитъ въ скобкахъ союзъ *и*, а въ примѣчаніи (*l. c. Anm. X*) говоритъ: «весьма вѣроятно, этотъ союзъ выпалъ въ арабскомъ текстѣ; и въ предидущемъ мѣстѣ написано у Димешки: море Варенговъ и Славянъ».

Въ предъидущемъ мѣстѣ написано: «море Варенговъ и Славянъ и Келябіевъ» (не Литвы ли? Спрашиваетъ Френъ) [1]). И здѣсь я не вижу причины измѣнять арабскаго текста; франкскій лѣтописецъ среднихъ вѣковъ могъ бы сказать о Балтійскомъ морѣ: «hoc est mare Nortmannorum-Sueonum» а въ другомъ мѣстѣ назвать его «mare Sclavorum sive Sueonum aut Nortmannorum». Такъ у Адама бременскаго *cap. 261:* «ferocissima Danorum, sive Nordmannorum, aut Sueonum natio», а *cap. 49:* «Sueones et Gothi, vel, ita si melius dicuntur Nordmanni» [2]). Причина разногласія у Димешки ясна; въ первомъ случаѣ, онъ (т. е. авторъ, которому онъ слѣдовалъ) исчисляетъ поименно всѣ ему извѣстныя береговыя народности описываемаго имъ Балтійскаго моря; во второмъ, онъ передаетъ славянскій разсказъ о двинскомъ варяжскомъ пути, соединявшемъ Русское море съ моремъ Варяговъ-Славянъ, т. е. Поморянъ. «Тѣмже и изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребій Симовъ; *а по Двинѣ въ Варяги»* (*Лавр. 3*). Древнѣйшимъ варяжскимъ путемъ былъ норманскій Austurweg, по Невѣ и Ладожскому озеру; но послѣ основанія государства и перенесенія столицы на югъ, въ собственную Русь, явилась потребность новаго, кратчайшаго пути изъ Руси т. е. Кіева въ Поморіе; таковымъ былъ двинскій варяжскій путь. Что въ этомъ мѣстѣ, подъ названіемъ Варяговъ, Несторъ разумѣетъ именно поморскихъ Славянъ, болѣе чѣмъ вѣроятно; при тогдашнемъ состояніи мореходства, нельзя предполагать, чтобы Норманны переплывали Балтійское море, въ

---

[1]) Я полагаю, что подъ названіемъ Келябіевъ скорѣе сокрыты Колбяги, видъ или подраздѣленія поморскихъ Варяговъ.

[2]) И Масуди называетъ Черное море *моремъ Руссовъ*, а въ другомъ мѣстѣ *моремъ Болгаръ* и *Руссовъ* (*Fraehn*, *Ibn-Foszl. 235*, *236*).

наибо́льшую его ширину, отъ устьевъ Двины до шведскаго берега; мы видимъ изъ Константинова описанія русскаго торговаго пути изъ Кіева въ Кпль, что еще въ X вѣкѣ Руссы не ходили въ открытое море, а плыли вдоль береговъ до Царьграда, совершая такимъ образо́мъ свое трудное путешествіе, «полное заботъ и опасности» (*Const. P. de adm. imp. ed. Bonn.* 79). Само собою разумѣется, что береговой путь изъ Рижскаго залива до Куришгафа, былъ кратчайшимъ для Руссовъ, ходившихъ изъ Кіева въ варяжское Поморіе. При исключительномъ скандинавизмѣ Варяговъ, Несторовъ Двинскій путь не имѣетъ смысла.

Очевидно, Френъ писалъ подъ вліяніемъ своихъ убѣжденій въ непогрѣшимость Шлецеровой теоріи о норманскомъ происхожденіи Руси.

Двукратное причисленіе Варенговъ къ Славянамъ у одного и того же писателя (Димешки) ручается уже само по себѣ въ правильности его текстовъ [1]).

III. Откуда у арабскихъ писателей это множество извѣстій о прибалтійскихъ Славянахъ? О нихъ, о подробностяхъ ихъ внутренняго, домашняго быта, знаютъ Масуди, Ибнъ-Фоцланъ, Эдризи, Димешки и пр. [2]). Напротивъ, о Скандинавахъ, Норманнахъ, нѣтъ даже и намёка. Понятно ли это при норманствѣ тѣхъ Варяговъ, которые были въ сношеніяхъ съ Арабами? Понятно ли это безъ особыхъ отношеній къ Руси, поморскихъ Варяговъ-Славянъ? [3])

---

[1]) Едва ли нужно напоминать, что какъ въ этихъ двухъ мѣстахъ, такъ и въ остальныхъ, гдѣ Варяги (Варенги) приводятся въ связи съ Славянами, подъ именемъ Славянъ всегда должно разумѣть балтійскихъ Вендовъ (см. *Fraehn, Ibn-Foszl. 197. Anm. XX*).

[2]) См. *Charmoy, Relat. de Mas'oûdy* etc.—*Geogr. Nubiens. 271.—Ibn-Foszl. ll. c.*—

[3]) Къ этимъ извѣстіямъ о Славянствѣ Варяговъ можно бы присоединить приводимое у Бартольда (*Gesch. v. Rüg. u. Pom. I. 199*) сказаніе Саксона Грамматика о славянскомъ князѣ Варизинѣ (Warisin), побѣжденномъ Омундомъ въ Ютландіи, вмѣстѣ съ шестью другими славянскими князьями. Форма *Варизинъ* относится къ формѣ *Варягъ*, какъ *Фрузинъ, Фругинъ* къ формѣ *Фрягъ* (*Schafar. Sl. Alt. II. 692. Ant.*). Но въ моихъ изданіяхъ Саксона грамматика: 1) *Parisiis 1514. Cura Jodoci Badii Ascensii* и 2) *Hauniae 1839. recens. et commentar. illustr. Dr. P. E. Müller*, я не нахожу имени Warisin. Бартольдъ (*ibid. I. 198. Anm. 1*) ссылается на изданіе *Stephan. Sorae. 1694 fol.* Stephanus Johannis.

Изъ русскихъ преданій замѣчательно, по указанію на связь варяжскаго имени съ Балтійскимъ поморіемъ и Новгородомъ, сохранившееся въ бумагахъ Ржевскаго, бывшаго посланникомъ Бориса Годунова къ датскому королю Христіану IV. «Доказывая, говоритъ Карамзинъ (*XI. 43, прим. 56*), что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову космографію; говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лапландію *мурманскою* или норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича новогородскій священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ: былъ въ Корелѣ и во всей Корельской земли большой Владѣтель именемъ ***Валитъ, Варентъ*** тожь, а послушна была Корела къ В. Новугороду съ Двинскою землею, и посаженикъ былъ тотъ ***Валитъ*** на Корельское владѣнье отъ Новогородскихъ Посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ войною приводити подъ свою власть, и Мурмане били челомъ Норвецкимъ Нѣмцомъ, чтобы они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (Нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной человѣкъ и къ рати необычайно охотникъ: то у него былъ большой промыслъ, что рать... и побивалъ Нѣмецъ, а въ ***Варенгѣ*** на побоищѣ Нѣмецкомъ, гдѣ ***Варенской*** лѣтней погостъ, на славу свою принесши съ берегу своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени; а около его подалѣ выкладено каменьемъ кабы городовой окладъ въ 12 стѣнъ; а званъ у него былъ тотъ окладъ ***Вавилономъ.*** А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него каменьемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; и тотъ камень, что въ Варенгѣ, и по сей часъ словетъ Валитовъ камень; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межь Печенги и Пазъ-рѣки, отъ Печенскіе губы

Stephanius, датскій королевскій исторіографъ, дѣйствительно издалъ исторію Саксона грамматика въ Soroe (Sora) въ 1644 году; было ли повтореніе соранскаго изданія въ 1694, не знаю. Во всякомъ случаѣ оставляю г. Бартольду отвѣтственность этого, впрочемъ любопытнаго, извѣстія.

по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, вышла въ берегъ круга, а середь ее островъ камень высокъ, кругомъ сверху ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя за города мѣсто было... А какъ Валита не стало, а въ крещеньѣ ему было имя Василей, и положенъ въ Корелѣ на посадѣ» и пр. Сочетаніе *Валитова* имени съ *варенгскимъ* («и тотъ камень что въ Варенгѣ, и по сей часъ словетъ Валитовъ камень»), отношеніе *Валита-Варента* къ новогородскимъ посадникамъ, его войны съ норвежскими Нѣмцами и т. д. наводятъ на мысль о связи лопьскаго преданія съ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ поселеніемъ, еще до Рюрика, западно-славянской колоніи въ новогородской области; какъ *Варентъ*[1]) и *Варенга* варяжскому имени, такъ *Валитово* отвѣчаетъ поморскому Welet, Wilt (см. *Schafar. Sl. Alt. II, 550—571*), прозванію Лутичей[2]). Валитъ-Варентъ, представитель западно-славянскаго начала въ сѣверномъ русскомъ мірѣ, тоже что Лутичь — Варягъ: Варяга (и безъ искаженнаго прозвища *Варентъ*), угадываемъ въ этомъ Валитѣ, которому промысломъ была рать. Его городовые оклады въ 12 стѣнъ явно славянскія городища: «валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильною дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе, и иногда обведенная кругомъ-ли или съ какой-нибудь стороны не рвомъ, а другою подобною насыпью или даже многими» (*Срезневск. Святил. и пр. 35, 36*). «Въ предѣлахъ Рюссаланда, говоритъ Бутковъ (*Сынъ Отеч. 1836, № 1*), находился врѣзывающійся изъ сѣвернаго океана въ материкъ, на 140 верстъ, заливъ, который мѣстные Лопари называютъ *Варьягъ-вуода*, заливомъ *Варяговъ*, меченосцевъ, и которому дано имя на картѣ Россійской Гессель-Герарда 1614 года, *Варангеръ*, у Шенинга *Варангуръ*, у Рудбека *Варанга*, съ страною *Варегіею*, показанною имъ на восточномъ берегу озера Енаре, тамъ, гдѣ по Большому чертежу Россіи, стояло Волитово, Волотово городище». *Волотъ*—русская форма

---

[1]) Форма Waręt (Варентъ) вмѣсто Warąg указываетъ на древанское происхожденіе; такъ tyün вмѣсто koň; työra вм. gora; tyisa вм. koža и т. д. *Dobrowsk. Slav. I. 1—26; II. 487—493*).

[2]) Сюда могутъ быть отнесены и Адамовы Wiltzi (cap. 222), которыхъ Шлецеръ своевольно обращаетъ въ Весь (*Нест. Шлец. I. 66*).

западнаго *Welet*[1]); *Волотово поле* близь Новагорода было мѣстомъ погребенія новогородскихъ витязей; здѣсь находилась такъ называемая могила Гостомысла, открытая Ходаковскимъ въ 1820 году (*Chodakowski, ap. Schafar. Sl. Alt. II. 556*). Названіе *Вавилономъ* Валитова городища напоминаетъ краковскій Wawel, горную пещеру, прославленную подвигомъ Крака (см. *Hanusch, Wiss. d. Sl. Myth. 324*).

Я отнюдь не вывожу изъ сказаннаго до сихъ поръ о Славянствѣ Варяговъ, мнѣніе о существованіи особаго славяно-варяжскаго племени, сокрытаго подъ именами какихъ-нибудь Вагировъ, Вариновъ и т. д.; напротивъ, я убѣжденъ, что ни когда и ни гдѣ не было особой *народности*, отличавшей себя варяжскимъ именемъ; но думаю, что еще задолго до девятаго вѣка, имя Варяговъ или ему соотвѣтствующее было у поморскихъ Славянъ общимъ наименованіемъ норманно-вендскихъ пиратовъ. «Неправильно разсуждаетъ, говоритъ Ломоносовъ (*Древн. Росс. ист. 41*), кто варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что они отъ различныхъ племенъ и языковъ состояли, и только однимъ соединялись обыкновеннымъ тогда по морямъ разбоемъ». При тогдашнемъ состояніи русской науки, Ломоносовъ конечно не могъ доказать своей мысли ученымъ образомъ; тѣмъ не

---

[1]) Risaland (земля великановъ Risar, финское Jotunheimr, отъ Jötnar великанъ, *Schafar. Sl. Alt. I. 140*) по всѣмъ вѣроятностямъ, переводъ славянскаго *Волоты* (Вильцы). Малорослые Финны себя великанами называть не могли. У Скандинавовъ Jotunheimr или Risaland почитались частію Гардарикіи, къ которой они состояли въ данничьемъ отношеніи (см. *Scrpt. hist. Isl. XII. v. Gigantes, Jotunheim, Risorum terra.* О Волотахъ въ новогородской области: «*Волоты.* Нѣкоторые лѣтописцы объявляютъ, что въ древнія времена около Вологды и Кубенскаго озера, съ коимъ рѣка Вологда посредствомъ Сухоны имѣетъ сообщеніе, также и около текущихъ въ оное озеро рѣкъ Кубены и прочихъ, прежде просвѣщенія крещеніемъ обитали народы, симъ именемъ называвшіеся, потому что почитали за боговъ Волотовъ, великановъ, тоже значащихъ что у Грековъ и Латинъ гиганты, коимъ и жертвы приносили (словарь Щекатова)».—У Болтина есть также о Волотахъ: «И мнѣніе сіе по днесь осталось между черни, что были нѣкогда люди, называемые Волотами, несравненно больше ростомъ нынѣшнихъ. Прибавляютъ къ сему еще, что по нѣсколькихъ вѣкахъ будутъ люди столько же меньше насъ, сколько мы меньше Волотовъ, и называться будутъ пыжиками» (*Погодинъ, Ж. М. Н. П. Май. Отд. VI. 277, 278. Прим. X*).

менѣе она остается, по выраженію г. Погодина (*Изслѣд. II. 179*) примѣчательнымъ явленіемъ русскаго здраваго смысла.

Противъ мнѣнія о славянствѣ варяжскихъ князей и въ доказательство ихъ норманскаго происхожденія обыкновенно приводятъ отважность походовъ Аскольда, Олега, Игоря (*Kunik, Beruf. II, 101, 264, 393. — Погод. Изслѣд. III, 187, примѣчаніе 384*), обращая мало или ни какого вниманія на предпріимчивость и морскіе разбои тѣхъ славянскихъ племенъ, которымъ исторія указала жилища на морскихъ берегахъ. Безъ сомнѣнія, походы пиратовъ-Славянъ не были какъ у норманновъ, единственнымъ и постояннымъ промысломъ всего населенія; но отсюда еще нельзя заключать о непремѣнно норманскомъ характерѣ нашихъ первыхъ князей и ихъ предпріятій противъ восточной имперіи. Имя Норманновъ еще не проникало въ европейскую исторію, когда русскіе и дунайскіе Славяне ходили моремъ на Византію, хорутанскіе или Хорваты опустошали своими набѣгами берега Адріатики. О первыхъ я уже сказалъ нѣсколько словъ въ *Отрывк. и пр. 53 — 57*. О Славянахъ адріатическихъ читаемъ у западныхъ лѣтописцевъ: «Ao, 612. Venerunt Sclavi in Apuliam et civitatem Sipontum hostili direptione et gladio vastaverunt» (*Romuald. Salern. Chron. ap. Muratori Scrpt rer. Ital. VII*). «Comprehendit Michael Sclabus Sipuntum mense Julii» (*Lup. Protosp. ibid. v. — Cfr. Annal. Benevent. ad. ann. 926, Pertz, V. 175*). По свидѣтельству Павла Діакона (IV. 46), эти Славяне, приставъ въ 662 г. къ Сипонту, на беневентскомъ берегу, съ многочисленнымъ флотомъ, разбили беневентскаго герцога Ajo; но претерпѣвъ пораженіе отъ брата его Родоальда, возвратились во свояси (cfr. *Schafar. Sl. Alt. II. 316*). При исчисленіи сухопутныхъ и морскихъ силъ хорватскихъ Славянъ въ 611—641 г., Константинъ Багрянородный говоритъ: «...exhibetque equitum sexaginta millia, peditum centum millia, et *sagenas octoginta, conduras centum;* et sagenae qnidem quadraginta viros habent, condurae vero viginti, nempe quae majores; nam minores decem viros tantum habent» (*de adm. imp. ed. Bonn. 151*). О набѣгахъ далматскихъ пиратовъ на Венеціанскія владѣнія у Dandolo ad ann. 829: «tertio sui Ducatus anno Petrus Dux cum navali exercitu contra Sclavos in

Dalmatiam navigavit, cupiens illos a nefanda arte piratica cohibere»; ad ann. 879: «Hic (sc. Carolus f. Ludovici Regis Germaniae) primo anno Regni sui Ravennae existens foedus inter Venetos, et subiectos suos Italici Regni per quinquennium renovavit, et instituit, ut contra Sclavos, qui utrosque maritimis latrociniis nitebantur invadere, debeant unanimiter et concorditer non solum resistere, sed etiam invadere» (*Andreae Danduli Chron. ap. Muratori rer. Italic. Scrpt. XII, 179*) [1]). Отъ этихъ Славянъ были, вѣроятно, тѣ отважные морскіе разбойники, о которыхъ упоминаютъ арабскіе писатели среднихъ вѣковъ; напр. Славянинъ Масъуди, который прибылъ изъ Африкѣ въ Сицилію и покорилъ крѣпость св. Агаты въ 312 году Гиджры или 924 — 925 отъ Р. Х. Четыре года спустя, другой Саклаби по имени Саребъ (Сербъ?) разбойничалъ въ Африки и Сициліи, предводительствуя тридцатью славянскими кораблями (*Ibn-Haukal въ Journ. Asiat. 1845, V. 104, у Савельева, Мухам. Нумизм. LXXXVII, прим. 150*). Въ арабской хроникѣ Сициліи упоминается о Саклабѣ, предводителѣ Сарацынъ, который въ 930 г. «excursione in Calabriam facta, cepit arcem, cui nomen Termulach, et abduxit captivorum duodecim millia» (*Chronic. Arabic. ap. Muratori Scrpt. rer. Italic. I, P. II*) [2]).

Какъ на берегахъ Адріатики и Средиземнаго моря Славяне адріатическіе, такъ на берегахъ Сѣвернаго и Балтійскаго отличались безпрерывными походами и морскими предпріятіями, Славяне вендскіе. О морскихъ войнахъ балтійскихъ Славянъ съ Норманнами находимъ безчисленныя свидѣтельствахъ въ скандинавскихъ сагахъ, у Адама Бременскаго, Гельмольда, біографовъ св Оттона, Саксона грамматика и т. д. Скальдъ Галфредъ поетъ о Вендахъ, участвовавшихъ въ битвѣ Ярла Эрика съ Олафомъ Тригвасономъ: «Late ferebantur ad pugnam naves Vendorum; et sphinges Othiniani tegminis, tenuae,

---

[1]) См. также *Joh. Luc. de regn. Dalm. 63, 71, 145, 159, 166, 179, 266.* О Нарентанахъ.

[2]) См. также *Charmoy, relat de Mas'oûdy* etc. 378, 379. Только онъ ошибается, относя къ Вандаламъ (Вендамъ?) названіе испанскаго города Scalabis (нынѣ Santarem), будто-бы тождественное съ арабскимъ Szaqlab. О городѣ Scalabis упоминаютъ уже Плиній (*lib. IV. cap. XXII*) и Itinerarium Antonini.

revinctae, aspiciebant rostris hiantibus viros» (*hist. Ol. Tr. f. c. 256*). Славянинъ Виртшахъ (Wirtschachus) ведетъ постоянную долголѣтнюю морскую борьбу съ Датчанами: «hic itaque civitatis Stettinensis gloria, ex divitiis suis opinatissimus, frequenter in provinciam Danorum navigare et praedam ex ea agere solebat; sicut et illi e contra in Pomeraniam crebras incursiones piraticas faciebant. Sed eo tempore... idem praepotens vir Wirtschachus, copioso sex navium apparatu, Danos sibi infensos petebat» etc. (*Vita S. Otton, l. III, c. 2. ed. Ludewig, I. 492*). Въ 1135 г. Вендскій князь Ратиборъ (Rettibur) присталъ къ Конунгагеллѣ съ 300 вендскихъ кораблей и разорилъ ее до основанія (*Hist. Harald. Gill. et Magni caec. cap. 11, 14*). Выраженія, въ какихъ германскіе лѣтописцы отзываются объ искусствѣ и неустрашимости вендскихъ пиратовъ, дѣлаютъ безполезнымъ дальнѣйшее указаніе на уединенные, отдѣльные примѣры: «Omne hoc hominum genus (sc. Winulorum) говоритъ Гельмольдъ, idolatriae cultui deditum, vagum semper et mobile, piraticas exercentes praedas, ex una parte Danis, ex altra Saxonibus infensum». (*Helmold. I, c. 2*). «Veruntamen praedas Slavorum necdum inhibere poterant, siquidem adhuc mare transfretabant, et vastabant terram Danorum, necdum recesserant a peccatis patrum suorum» (*ibid. c. 84*). «Slavi enim clandestinis insidiis maxime valent. Unde etiam recenti adhuc aetate, latrocinalis haec consuetudo, adeo apud eos invaluit, ut omissis penitus agriculturae commodis, ad navales excursus, expeditas semper intenderint manus, unicam spem et divitiarum summam in navibus habentes sitam... Danorum impugnationes pro nihilo ducunt, imò voluptuosum existimant manus cum eis conserere» (*ibid. II, c. 13*). Біографъ св. Оттона называетъ Поморянъ: «gens terra marique bellare perita, spoliis et raptu vivere consueta» (*Annon. de V. S. Otton. I, 648*). Не странно ли, при этихъ положительныхъ, неопровержимыхъ свидѣтельствахъ о воинственности Славянъ и ихъ опытности въ морскомъ дѣлѣ, отвергать возможность славянскаго начала въ походахъ Аскольда Олега и т. д.?

Но чаще (преимущественно въ первую, намъ извѣстную эпоху своей исторіи) союзились славянскія западныя племена

съ Норманнами, нежели вели съ ними войну; отнимать другъ у друга имъ было нечего. Во всѣхъ почти норманскихъ походахъ участвуютъ и Славяне. «Erant cum Godefrido (rege Danorum) in expeditione praedicta Sclavi, qui dicuntur Wiltzi, qui propter antiquas inimicitias quas cum Abotritis habere solebant, sponte se copiis ejus conjunxerant» (*Einhard. annal. ad ann. 808*). Sclaomir Abotritornm rex «statim missa trans mare legatione, junxit amicitiam cum filiis Godefridi, et ut exercitus trans Albim mitteretur, impetravit» (*id. ad ann. 817*). «Hoc tempore (ao 941) Normanni, Suebi, Dani et Slavi collecti, terra marique cunctos vexabant» (*Compil. Chronol. a temp. Carol. M. ap. Leibnitz Scrpt. rer. Brunsw. II*). «Dani quoque Slavos auxilio habentes... magno Saxoniam terrore quassabant» (*Ad. Brem. cap. 46*) «quem rursum pater mixtis Danorum Slavorumque copiis, apud Helgenes littus aggressus» etc. (*Saxo Gram. ed. Haun, X. 490*). Послѣ 836 года, говорятъ англійскія хроники: «Послалъ всемогущій Богъ толпы жестокихъ языческихъ народовъ, Датчанъ и Норвежцевъ, Готовъ и Шведовъ, Вендовъ и Фризовъ, опустошавшихъ около 200 лѣтъ грѣшную Англію, отъ одного берега до другаго» (Danos et Norvegenses, Gothos et Swathedos, Wandalos et Freses. *Math. Westm. Bromton Chronic. ap. Twysden*). Король Гаконъ истреблялъ соединенныхъ датскихъ и вендскихъ пиратовъ: «piratasque Danos et Vendos, ubicunque offenderet, interfecit» (*hist. Ol. Fr. f. c. 18*). Самая знаменитая Jomsburg является полу-норманскимъ, полу-вендскимъ учрежденіемъ; Пална Токе (срвн. *Тукы въ Лавр. 85*), послѣдній витязь языческой Даніи, былъ родомъ Славянинъ изъ Юмны «Jumnensi insula ortus» (*Saxo Gram. VIII. 144. — Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pom. I. 307. Anm. 3.* — У Шафарика: Пална Токовичь *Sl. Alt. II. 383*). Разбитый Магнусомъ король Свейнъ набираетъ новое войско у Вендовъ (*Epit. hist. reg. Norveg., c. 31*).

При этихъ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, при военномъ товариществѣ, нерѣдко соединявшемъ оба народа въ дѣлѣ разбоя по морямъ дальнимъ и ближнимъ, естественно предположить, что Венды имѣли одно общее имя для обозначенія какъ себя, такъ и прочихъ участниковъ въ совершаемыхъ

ими сообща предпріятіяхъ. У Норманновъ подобное имя было Vikingar, обыкновенно производимое отъ vik, морская бухта; другіе выводятъ его отъ vig, война; срвн. wigch, Mars, bellicosus (*Du Cange, gloss*). У Вендовъ имени Viking, кажется, соотвѣтствовало другое, то самое, которое является въ нашей исторіи подъ словено-русскою формою *Варягъ*, *Варяги*.

Мы видѣли историческую и лингвистическую невозможность искать начало варяжскаго имени у германо-скандинавскихъ народовъ; форма Vaering является не ранѣе XI столѣтія и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть передана греческимъ Βάραγγος, русскимъ *Варягъ;* форма Warang не существуетъ въ германо-скандинавскихъ нарѣчіяхъ. Эта форма чужда и славянскимъ языкамъ вообще. Есть между тѣмъ въ числѣ Славянскихъ племенъ, одно, — Славяне вендскіе, отличающееся отъ остальныхъ, какъ особенностями своего язычества и обычаевъ, такъ и странностію формъ своего говора; явленіе, относимое, по всей справедливости, къ вліянію начала литовскаго (см. *Safar. Slow. Narodop. 109. — Sl. Alt. II. 616*). У этихъ Вендовъ (если судить по дошедшимъ до насъ остаткамъ древанскаго языка), господствовало, при обычной наклонности западныхъ славянскихъ нарѣчій къ ринизму, особое влеченіе къ усвоенію себѣ литовскихъ окончаній и звуковъ на — ang, ank, ung и т. д. Они говорили: дитя — tetang; рамя — ramang; имя — geimang; ягня — gogenang; куря — tyaurang; вечеря — wützerang; щенокъ — stinang; паукъ — poyang и т. д. [1]). У нихъ могла существовать и форма warang. Но одной возможности недостаточно; историческая вѣроятность требуетъ болѣе. Открываемъ найденный графомъ Іо. Потоцкимъ въ ганноверскихъ владѣніяхъ и напечатанный въ Гамбургѣ въ 1795 г. древній балтійско-славянскій словарь, и тамъ, въ числѣ еще уцѣлѣвшихъ и собранныхъ въ концѣ XVIII-го столѣтія древанскихъ словъ, находимъ: warang — мечь [2]). Здѣсь уже передъ нами не вымышленная, никакими историческими документами недоказанная форма, а живое славянское слово, соотвѣтствующее

---

[1]) Выписку изъ Геннингова Vocabularium Venedicum см. у Добровскаго *Slavanka. I. 1—26. II. 187—193.*

[2]) См. *Руссова, воспом. на 1832 г. VI. 49.—Бутковъ, С. Отеч. 1836. № 1. 27.*

какъ по строенію, такъ и по смыслу словено-русскому *Варягъ;* едвали нужно доказывать однозначимость *мечника* и *меча;* такъ Spatha вмѣсто Spatharius: «Siphandus Imperialis *Spatha* et judex» (*Vet. Charta ap. Ugellum tom. 7. Ital. sacr. p. 977*); *кони* вмѣсто *конниковъ:* «Князь же Всеволодъ възвратися въ Володимерь, а *конѣ* пусти на Мордву» (*Лавр. 165*). Теперь, откуда полабское *варангъ?* Коренное ли это славянское слово или занесенное къ Вендамъ Германцами или Литвою, вопросъ для насъ посторонній; на Русь оно могло перейти только славяновендскимъ путемъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство новогородскихъ Славянъ съ морскими разбойниками-Варягами началось еще за долго до основанія государства. На это знакомство указываетъ (кромѣ сохранившихся древнихъ преданій у Саксона Грамматика и другихъ) и самое названіе Варяжскаго моря, которое могло образоваться только вслѣдствіе часто повторяемыхъ варяжскихъ набѣговъ на его берега. Мы уже говорили (и лингвистическія изслѣдованія подтверждаютъ это предположеніе, *см. ниже*) о вѣроятности древнѣйшаго вендскаго поселенія въ новогородской области и варяжскихъ завоеваніяхъ на дальнемъ сѣверѣ, въ чудскихъ земляхъ. Отъ этихъ первыхъ Варяговъ и отъ продолжавшихъ свои набѣги на восточные берега Балтики, ихъ поморскихъ собратій, узнали русскіе Славяне и Чюдь имя Warang'овъ, для вендо-норманскихъ викинговъ. Отсюда его проявленіе, подъ его западно-славянскою формою warąg, waręt, въ мѣстныхъ названіяхъ у Чюди, Эстовъ, Лопарей и т. д. Около половины IX-го вѣка, три княжескихъ брата выселяются изъ Поморія къ новогородскимъ Славянамъ, съ своими единоплеменниками (родами) и дружиною. Что въ числѣ ихъ спутниковъ было также много Норманновъ, Саксонцевъ и т. д. (mixtae Da-

---

[1]) На новошведскомъ värja, на древанскомъ (см. *Русс. восп. VI. 49*) варо — шпага. На лопарскомъ языкѣ warjo = оружіе, warjotum = вооруженный (*Бутковъ, С. Отеч. l. c*). Полабское warang отозвалось и въ польскомъ названіи мѣстечка Waręž въ Галиціи (см. *Москвит. 1841 г. ap. Kunik, Beruf I. 180. Ant. X*).

[2]) Каченовскій и Погодинъ (*Изслѣд. III. 413*) думали даже о колонизаціи Новагорода отъ балтійскихъ Славянъ.

norum Slavorumque copiae) несомнѣнно [1]); обычай набирать дружину изъ храбрыхъ промышленниковъ всѣхъ земель и народовъ, существовалъ одинаково у Германцевъ, Славянъ и Норманновъ; дружины Олафа Тригвасона, Свена, Кнута и пр. отличались разноплеменностію своего состава: «exercitus... ex variis collectus nationibus» (*Witherlag. 145*). Вендскіе князья естественно дорожили сообществомъ отважныхъ и предпріимчивыхъ Норманновъ [2]). Для Новогородцевъ какъ Рюрикъ, такъ и прибывшіе съ нимъ Славяне и норманскіе викинги были Варягами (пиратами, кондоттьерами) по преимуществу; само собою, разумѣется что при славянскомъ князѣ, вызванномъ Славянами, славянское варяжство и славянская мысль преобладали. Это новое, варяго-славянское поколѣніе разсѣлось подъ своимъ варяжскимъ именемъ по сѣвернымъ городамъ (норманскіе дружинники у насъ не селились) и, какъ первое, вскорѣ слилось съ туземнымъ населеніемъ: вотъ гдѣ настоящій смыслъ сохранившагося у лѣтописца преданія о варяжскомъ населеніи Новгорода, Полоцка, Ростова, Бѣлаозера: «и по тѣмъ городомъ суть находници Варязи» (*Лавр. 9*). Болѣе другихъ Новгородъ хвалился (и какъ увидимъ, имѣлъ право хвалиться) своимъ западнымъ происхожденіемъ отъ Варяговъ, знаменитѣйшихъ изъ Славянъ (см. выше стр. 149): «ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска» (*Лавр. 9*).

Съ перенесеніемъ княжескаго стола въ Кіевъ, варяжское имя, какъ уже менѣе соотвѣтствующее славянскимъ побужде-

---

[1]) О связи Норманновъ съ балтійскими Вендами сказано выше; эта связь поддерживалась безпрерывными браками между княжескими родами вендскими и норманскими (*см. слѣд. гл.*). О Саксахъ Прибикъ Пулкава разсказываетъ, что въ началѣ X-го стол. и до конца XII-го, народонаселеніе въ бранденбургской Маркѣ, состояло изъ смѣси Славянъ и Саксовъ (*Dobner. monum. III. 72 sq. ad ann. 1100, 1156*); съ этимъ преданіемъ согласно и любопытное извѣстіе Сентъ-Эврульскаго монаха Ordericus Vitalis (около 1126 г.), будто бы еще во второй половинѣ XI-го стол., было племя въ землѣ Лутичей, которое, при идолахъ другихъ боговъ, поклонялося Водану, Тору и Фреѣ (*Order. Vital. eccles. hist. IV. 513. in Andr. Duchesn. Normann. Scrpt.*).

[2]) Дружина Игорева говоритъ: «егда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, они ли? *ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обьча смерть всѣмъ*» (*Лавр. 19*). При всей своей воинственности и искусствѣ въ морскомъ дѣлѣ, осѣдлыя Славянскія племена не были, какъ Скандинавы, исключительно и постоянно заняты морскими разбоями.

ніямъ князей и Руси, начинаетъ мало по малу терять свое значеніе для представителей новаго династическаго начала, переходя преимущественно на призываемыхъ князьями наемниковъ. Вѣроятно, еще долго эти наемники были смѣсью поморскихъ Славянъ и Норманновъ; между Русью и Балтійскимъ поморіемъ не могла не поддерживаться родственная и религіозная связь; Рогволодъ и Туръ были поморскіе выходцы, вендскіе княжата, какъ въ послѣдствіи Воронцовы, Колычевы, Шереметевы. Не къ Шведамъ, а безъ сомнѣнія къ своимъ западнымъ однокровникамъ, быть можетъ, въ Юмну, бѣжалъ Владиміръ за море (*см. ниже*); безъ преобладанія въ его войскѣ вендо-варяжскаго элемента, смиреніе норманскихъ Варяговъ непонятно; должно думать, что Владиміръ переманилъ къ себѣ своихъ однородцевъ, избравъ отъ нихъ «мужи добры, смыслены и храбры и роздая имъ грады» (*Лавр. 33*); Норманны пошли въ Грецію. Со введеніемъ на Руси христіянской вѣры, сношенія съ языческимъ славянскимъ Поморіемъ становятся рѣже; при Ярославѣ, женатомъ на шведской княжнѣ, настаетъ блестящая эпоха Норманства на Руси; Варяги состоятъ исключительно изъ Норманновъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ доказательства, что еще въ первой четверти XI-го столѣтія, вендскіе Славяне, вмѣстѣ съ русскими, служили у греческихъ императоровъ; латинская хроника Лупа протоспаѳарія, упоминая подъ 1027 г., о походѣ Грековъ въ Италію, исчисляетъ Руссовъ и Вендовъ (Wandali, Guandali) между союзными греческими войсками: «Ao. 1027. Despotus Nicus in Italiam descendit cum ingentibus copiis *Russorum, Wandalorum*, Turcarum, Bulgarorum, Brunchorum, Polonorum, Macedonum, aliarumque nationum, ad Siciliam capiendam» (*Muratori rer. Ital. scrpt. V. 42. — Cfr. Annal. Barens. ad ann. 1027 ap. Pertz, VII. 53*) [1]).

---

[1]) При нарицательномъ, варяжское имя рано получало на Руси и географическое значеніе; Варягами стали называть уже не однихъ участниковъ въ морскихъ варяжскихъ разбояхъ, но и тѣ самыя народности, откуда выходили пираты-Варяги. Для Нестора Варягами, въ географическомъ смыслѣ, были преимущественно Скандинавы и, по преданію, его воображаемая варяжская *Русь*; въ XVI стол. и позднѣе, Варягами именуются исключительно Шведы (*см. Новгор. лѣт.*, *283, 288, 290, 303, 305*). Между тѣмъ, первобытное нарицательное значеніе варяжскаго имени никогда не изчезало совершенно въ русскихъ по-

Послѣ вышесказаннаго, мы можемъ приступить къ окончательному разбору вопроса о Варягахъ; опредѣлить, откуда явилось названіе *Варанговъ* у Грековъ для скандинавскихъ наемниковъ; откуда и когда началось у Скандинавовъ названіе Верингов, Vaeringiar.

Первые Норманны ходили въ Грецію черезъ Русь, для торговли и вступленія на службу къ греческимъ императорамъ. Въ эти отношенія къ Греціи они вступили не прежде 866 года, ибо съ этого времени, и только вслѣдствіе похода Руси на Царьградъ и слѣдовавшаго за нимъ крещенія части языческой Руси, положено начало знакомству Грековъ съ Русью, а посредствомъ Руси съ Скандинавами [1]). Толпами и въ качествѣ

нятіяхъ; въ Книгѣ о древностяхъ Рос. государства говорится о Варягахъ (разбойникахъ), жившихъ еще до основанія Кіева, на берегахъ *Теплаго* (Чернаго) моря (*Синод. библ. № 329 у Карамз. I. прим. 282*); преданіе, кажется, дошедшее и до арабскаго писателя Hamd-ullah; болѣе семидесяти рѣкъ, говоритъ онъ, вытекаютъ изъ Волги, изъ коихъ иныя впадаютъ въ Галатское море, также именуемое *варяжскимъ*; другія — въ восточное (*Fraehn Ibn-Foszl 188. Anm. XX*). Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, князь Дмитрій Ольгердовичъ говоритъ о собранной имъ (противъ Венгровъ?) дружинѣ: «Божіимъ промысломъ совокуплени быша иные люди, брани дѣля належащія отъ Дунайскихъ *Варягъ*» (*изд. Сахар. 52*). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1379 г., Варягами названы, кажется, литовскіе ратники (*см. выше стр. 145*). О варяжствѣ поморскихъ Славянъ (въ понятіяхъ русскихъ лѣтописателей) свидѣтельствуетъ извѣстное мѣсто Ипатьевской лѣтописи (с. 227) о Сербахъ «съ Кашубъ, отъ поморья Варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ».

[1]) Мнѣ кажется, что объясненіе г. Куника (*Beruf. II. 208—216*), будто бы Свеоны—Rhos 839 года были посланы отъ норманскаго конунга (Chacanus) въ Кпль, для переговоровъ о его поступленіи на службу къ греческому императору, не имѣетъ (даже съ точки зрѣнія норманской системы) прочнаго историческаго основанія. По словамъ Θеофилова письма «Amicitiae causa, sicut asserebant» (срвн. Константиново κατὰ φιλίαν, *de adm. imp. ed. Bonn. 144*), эти Свеоны - Rhos объявили ему, почти всѣмъ народамъ тогдашняго черноморскаго востока обычную формулу своего посольства. Въ 568 году, Турки отправляютъ посольство, *ради дружбы* къ императору Юстину (*Exc. e Menandr. ed. Bonn. 298*); другіе ищутъ въ посольствахъ только предлогъ къ удовлетворенію своего любопытства или алчности къ подаркамъ греческаго двора (*ibid. 300. C. Porph. de adm. imp. ed. Bonn. 82*). Ни Θеофилу не было нужды скрывать отъ Лудовика настоящей цѣли посѣщенія Свеоновъ-Rhos, и вмѣсто наемниковъ-варваровъ (явленія слишкомъ обычнаго въ Византіи) представлять ихъ искателями дружбы «amicitiae petitores»; ни норманскому конунгу (по г. Кунику простому шведскому ярлу *Beruf. II. 208*) вести черезъ пословъ особые дипломатическіе переговоры съ греческимъ дворомъ, о

союзниковъ, приходили Норманны только на Русь, да и то по рѣдкому зову князей; впрочемъ и здѣсь нельзя ихъ считать тысячами. Эймундъ проситъ у Ярослава, *одного дома*, для себя и своихъ товарищей: «ut nobis omnibusque militibus nostris domum prospicias» (*de Eymund. et reg. Olav. c. 4, p. 262*); въ Кплѣ всѣ Варяги помѣщались въ верхнемъ этажѣ *одного дома* (*hist. Harald. Sev. c. 7*). До конца X-го столѣтія, рѣдкіе норманскіе Гречники, ходившіе въ Кпль не иначе какъ съ Русью, вступали въ дружину русскихъ наемниковъ и были извѣстны Грекамъ только подъ общимъ именемъ Ῥῶς. Подъ этимъ именемъ, не подъ названіемъ *Варанговъ*, должно искать ихъ въ византійской исторіи до XI-го столѣтія. (*См. Отрывк. 83—90*).

Намъ извѣстны время и поводъ перехода варяжскаго имени въ Грецію, подъ формою Βάραγγοι и первое начало варангской дружины. До 971 года, т. е. до эпохи разрыва Святослава съ Греками, Руссы служатъ у греческихъ императоровъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторые Норманны подъ именемъ Ῥῶς. Въ 980 году Владиміръ, недовольный требованіями своихъ норманскихъ Варяговъ-союзниковъ, отправляетъ ихъ въ Грецію; его посольство къ императору доказываетъ, что дѣло идетъ уже о новомъ, до того времени небываломъ случаѣ т. е. о появленіи въ Кплѣ цѣлой массы Норманновъ, вмѣсто отдѣльныхъ, въ русской дружинѣ изчезавшихъ лицъ. «И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: се идуть къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого» (*Лавр. 34*). Здѣсь Скандинавы являются въ первый разъ отдѣльно отъ Руси, подъ новымъ для Грековъ названіемъ Варяговъ. Отношенія Руси и Владиміра къ этимъ Варягамъ не допускали прежняго порядка вещей; къ тому-же Руссы поступаютъ снова на службу къ греческимъ императорамъ, не прежде принятія Владиміромъ христіанской вѣры и вступленія его въ

поступленіи на императорскую службу, въ число цѣлыхъ тысячь подобныхъ ему наемниковъ. Исторія этихъ Rhos уединенный фактъ, случай не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ учрежденію Варанговъ. (*См. мои Отрывки 101—112.*)

бракъ съ греческою царевною. Съ этой поры начинаются въ Греціи два отдѣльныхъ вспомогательныхъ корпуса, Руссовъ (уже чистыхъ Славянъ) и Варанговъ-Норманновъ. О постоянномъ отличіи обоихъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели того времени. Такъ Левъ Остійскій: «Danis, Russis et Gualanis» (*ap. Pertz, IX. 652*); Михаилъ Аталіота: «Ῥωσικὰ πλοῖα——Βάραγγοι» (*ed. Bonn. 253, 254*) и т. д. Руссы, какъ греческіе союзники, сражаются не рѣдко противъ италійскихъ Норманновъ [1]).

Есть и другія доказательства, что имя Варяговъ перешло къ Грекамъ отъ Руси, а не наоборотъ. Сначала оно прилагалось тѣмъ только Норманнамъ, которые приходили въ Грецію черезъ Русь, т. е. изъ той земли, гдѣ ихъ называли Варягами, и откуда вышло впервые названіе Варанговъ. Первый извѣстный Норманнъ, прибывшій въ Кіль, по Средиземному морю, былъ Гаральдъ Гардрадъ въ 1010 г. (*Ире у Шлец. Allg. n. G. 547*). Онъ уже засталъ Варанговъ въ императорскомъ флотѣ (*hist. Har. Sev. c. 3*); но онъ самъ не Варангъ; его Норвежцы сначала отличны отъ Варанговъ (*ibid. c. 10, p. 149. — Ihre изъ Снорре, 564*); ясное доказательство, что варангское имя пріобрѣталось въ самой Греціи. Норманны передавали его формою Vaering, замѣняя греческое *ang* скандинавскимъ *ing*, а начальное *a* въ слогѣ Βαρ своимъ *ae;* такъ ἅγια Σοφία—Aegisif, palatia—Pólótur и т. д. Впрочемъ, на составленіе формы Vaering могло имѣть вліяніе еще и другое обстоятельство. Вездѣ гдѣ скандинавскія саги упоминаютъ о Варангахъ (Vaeringiar), онѣ выставляютъ ихъ наемниками по преимуществу. «Animosus princeps chalybes in praelio cruentavit et *merere stipendia* coepit» (*hist. Harald. Sev. c. 3, p. 127*). «Nosti autem, omni con-

[1]) *Ademari hist. l. III. Ad ann. 1017. ap. ann. 1017. ap. Pertz, VI. 140*: «Contra quos (sc. Normannos) exercitum Basilius intendit, et congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nichilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim, usque ad exitum vitae in carceribus tribulati sunt. Unde exivit proverbium: Graecus cum carruca leporem capit». Въ галицкой Руси сохранилась пословица: «Волом заяця не догонишь» (*Галицкія приповѣдки и загадки, зббраніи Гр. Ильκевичом. Ж. М. Н. Пр. 1842. Февр. VI. 110.*). Смыслъ Адемаровой: «Грекъ воломъ заяца догналъ», т. е. сдѣлалъ невозможное.

suetudini repugnare, tales homines hoc in imperio *merere stipendia»* (*ibid. c. 7, p. 136*). «Vaeringi autem, qui Cpli *stipendia meruerunt»* etc. (*ibit. c. 13, p. 153*). Эти примѣры можно умножить до безконечности; первою цѣлію, а вмѣстѣ и честью для Норманновъ, было пріобрѣтеніе великой платы за службу. Эти повторенія наводятъ на мысль, что слово Vaering должно содержать значеніе платы, stipendium, за службу. Въ самомъ дѣлѣ wëri на древне-германскомъ языкѣ означаетъ цѣну, pretium; wërt (Goth. vairþs) dignus и вмѣстѣ pretiosus=aestimatus; отсюда выводитъ Гриммъ и германское werigelt- aestimatio, pretium capitis (*D. R. A. II. 651, anm.*). Въ исландскомъ Grágás verđaurar = pecuniae pretii, pretium rei; на ново-шведскомъ värde = pretium, Werth. На основное wëri указываютъ множество производныхъ: Varia, veria, wara, waradia, warantia, wareaginm, waringa, wera, werlude и т. д., въ которыхъ коренное германское ё (mhd. wërn, gewërn) передается переводнымъ а или е, какъ напр. въ waranda, warandatio (*ibid. 602*). Передѣланное такимъ образомъ въ Vaeringiar словено-греческое Βάραγγοι получало для Скандинавовъ настоящій и понятный смыслъ.

Судьба и постепенныя измѣненія въ значеніи и цѣли греческой варангской дружины могутъ быть обозначены съ достаточною вѣрностію по византійскимъ, скандинавскимъ и западнымъ источникамъ. До конца X-го вѣка, рѣдкіе Норманны, нанимавшіеся на службу къ греческимъ императорамъ, вступали въ русское отдѣленіе греческаго флота и служили подъ именемъ Ῥῶς. Норманны-Варяги Владиміра образуютъ въ 980 г. новую по имени и народности дружину Варанговъ-наемниковъ, но состоятъ еще отчасти на прежнемъ основаніи и по прежнему служатъ въ греческомъ флотѣ; таковы были Варанги, которыхъ Гаральдъ Гардрадъ засталъ въ Кплѣ: «erat in classe magnus Scandinavorum numerus, quos Vaeringos nominant». Зимою они квартировали въ отдаленныхъ провинціяхъ, напр. во Ѳракіи (*Cedren. ed. Bonn. II. 508*). Но со второй половины XI-го столѣтія, значеніе этихъ наемниковъ измѣняется совершенно; при Михаилѣ Стратіотикѣ (въ 1056 г.) они уже являются императорскою лейбъ-гвардіею; ихъ отличи-

тельнымъ знакомъ становится скандинавская сѣкира, дорогое оружіе, опредѣляющее высокое значеніе каждаго Варанга, отдѣльно взятаго (*см. ниже*). Это новое оружіе одинаково поражаетъ всѣхъ византійскихъ историковъ; отсюда для Варанговъ названіе сѣкироносцевъ по преимуществу. Напрасно думаетъ Ире (*у Шлецера*, *Allg. N. G. 546*, *cfr Ewers*, *Vorarb. 31*, *N. 4 и 48*) что предполагаемые (но на дѣлѣ не существующіе) Варанги-Федераты отличались у древнихъ Римлянъ и Грековъ названіями δορυφόροι, σωματοφύλακες, πελεκυφόροι, μαχαιροφόροι, ὑπερασπισταὶ и т д.: его ссылка на Геродіана (*ibid. № 25. Herodian. histor. l. IV, p. 192 и. l. VIII, p. 8*) невѣрна. Слóва πελεκυφόροι, техническаго, спеціальнаго названія Варанговъ, у Геродіана не встрѣчается; разумѣть же Германцевъ или Скандинавовъ подъ общими наименованіями σωματοφύλακες, δορυφόροι, нѣтъ особаго повода. Геродіанъ говоритъ: «οἱ σωματοφύλακες καὶ δορυφόροι, οὓς δὲ πραιτωριανοὺς καλοῦσιν», а въ переводѣ Полиціана: «corporis custodes ac stipatores, quos Praetorianos vocant» (*ibid. l. v. c. IV, p. 147* — ριγ') и далѣе: «δορυφορήσαντας» (*ibid.* ριγ'). Преторіанцы были не германскою гвардіею, да и Ире не слѣдовало бы забывать, что и въ древнѣйшія времена слово δορυφόρος употреблялось чаще въ значеніи тѣлохранителя, нежели копьеносца; такъ у Гезихія: «Δορυφόρος, ὁπλοφόρος, ὑπασπιστής, ἢ φύλαξ τῶν τυράννων». Въ смыслѣ тѣлохранителей, satellites, является это слово у Продолжателя Ѳеофанова *ed. Bonn. 87*, у Ѳеофилакта *ed. Bonn. 14,31* (praetoriani); слово σωματοφύλακες самъ Ѳеофилактъ переводитъ латинскимъ *scribones* (*ib. 41, 275*, cfr. *Du Cange, v. scribones*). Никифоръ Григора отличаетъ положительно Варанговъ-сѣкироносцевъ (πελεκυφόροι) отъ обыкновенныхъ тѣлохранителей (δορυφόροι): «Non satellites (δορυφόρους), non *bipenniferos* (πελεκυφόρους) adducam» (*Nic. Gr. ed. Bonn. I. 398*). Сѣкирами, не копьями, были вооружены византійскіе Варанги; къ греческимъ перифразисамъ: πελεκυφόροι, ξιφηφόροι и т. д., отнюдь не къ небывалымъ Федератамъ-Варангамъ, относятся слова Скилицы: «Βαράγγους αὐτοὺς ἡ κοινὴ ὀνομάζει διάλεκτος» (*ed. Bonn. 644. — Kunik, Beruf. I. 41*). Какъ Руссовъ греческій литературный языкъ называлъ Скиѳами, Тавроскиѳами и пр., а простонародіе Ῥῶς

(οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἴωθεν ὀνομάζειν, *Leo Diacon. ed. Bonn. 63*), такъ Варанговъ онъ понималъ подъ названіями сѣкироносцевъ, варваровъ съ острова Туле и т. д.

Только этимъ измѣненіемъ въ значеніи Варанговъ, ихъ переходомъ отъ обыкновеннаго наемнаго войска въ императорскихъ тѣлохранителей, объясняются слова товарищей Скопте у Снорре: «immensas opes Constantinopoli adquirere posse Nordmannos, qui Caesaris militiae addicti stipendia ibi mereri vellent» (*Ihre ap. Schloetz, A. N. G. 547*); до конца XI столѣтія, Норманны дѣйствительно не знали, что имъ было возможно пріобрѣтать огромныя богатства въ Кплѣ. Покуда они служили въ русскомъ отдѣленіи греческаго флота, ихъ плата не слишкомъ разнилась отъ жалованія туземнаго греческаго войска (*см. Const. P. de Cerim. ed. Bonn. I. 654. Krug, z. Münzk. 47, 48, 52, 137*); Варанги имѣли участіе въ добычѣ уже при Гаральдѣ Гардрадѣ; Гаральдъ послалъ несмѣтныя сокровища къ Ярославу, на сохраненіе (*hist. Harald. Sev. c. 5*); безъ сомнѣнія и жалованіе Варанговъ, какъ тѣлохранителей, было гораздо значительнѣе обыкновенной войсковой платы. Привлеченные примѣромъ Скандинавовъ, и другіе западные промышленники поступаютъ въ дружину Варанговъ; Византійцы знаютъ между ними Инглиновъ, Кельтовъ (Галло-Франковъ) и т. д.; по этому и полагаетъ Ник. Григора Галатовъ-Кельтовъ въ сосѣдствѣ острова Туле (*ed. Bonn. III. 517*).

XIV.

О МНИМО-СКАНДИНАВСКИХЪ СЛОВАХЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

(**См. *Мысли объ ист. русск. языка И. Срезневскаго. СПБ. 1850, стр. 129—154***).

Изъ необъясненныхъ у г. Срезневскаго или допускающихъ новыя дополнительныя объясненія словъ, я привожу еще слѣдующія:

Броня.— «Наши брони не одно ли съ шведскимъ *brynior?*» спрашиваетъ г. Погодинъ (*Изслѣд. III. 233, прим. 556*).

Въ самомъ дѣлѣ въ средне-вѣковыхъ германскихъ документахъ встрѣчаемъ слова: «*Brunea, brunia, bronia*=lorica. *Gloss. Lat. Theotisc.* Thorax, militare ornamentum, Lorica, *Brunia*» (*Du Cange, Gloss. med. et inf. lat. ed. Didot*). Въ древнѣйшемъ Евангеліи Отфрида (нач. IX вѣка) *lib. V, c. I:* «Ist uns thas girüsti, *Brunia* alafesti: Joh ist uns helm ouch übar thaz, Joh wasan alawasaz» (*Frencel de diis Sorab. ap. Hofmann rer. Lusat. script. II. 141*). Но у Чеховъ břn — панцырь; broń по польски оружіе; bronić — защищать; у насъ *бронити* и *боронити*. Въ хроникѣ Далимиля: «Vlasta na koni s oščepem v *brniěch* stoieše» (*Dalim. Chron. 20*). Дитмаръ (*ed. Wecheli l. VI, p. 65*) о ретрскихъ божествахъ: Interius autem Dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque *loricis* terribiliter vestiti». О руйскихъ идолахъ Книтлинга сага: «hic idola magna pecunia, auro et argento, serico et bombyce, coccina et purpura, galeis et ensibus, *loricis* omnique armorum genere spoliarunt» (*Hist. Knutid. cap. 122*).

Весь.—*Wes* по чешски, *wieś* по польски, *vás* по краински деревня, село. «Въ оньже аще (колиждо) градъ или *весь* внидете, испытайте, кто в немъ достоинъ есть» (*Матѳ. X. 11*). Смерды — владѣльцы въ Богеміи назывались *wiesnicy, villani*»... temuž Adamovi *wes* nassi Bielowicze... prawy a przislussenstwjm k též *wsy* naležjczjmi naddawame, podawame, a dawamé (*Грам. кор. Венцесл. 1305 г. ap. Boczek, Cod. Dipl. Mor. V. № 184*). Въ переводѣ мазовецкаго права у Лелевеля *стр. 165: «Wieśnianie;* въ Польшѣ сельскій судъ: «sąd *wieyski*» (*Macieiowski, Slav. Rechts-Gesch. I. 131, III. 163, IV. 91*).

Волхвъ. — У Скандинавовъ *Alfve* (*Сенковск. у Погод. изслѣд. I. 316.* Срвн. *J. Grimm. D. Myth. 41 ff.*). — Слово *волхвъ* встрѣчаемъ уже въ переводѣ Евангелія: «Се *волсви* отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ» (*Матѳ. II. 1*). У Вацерада *Mat. Verb.:* «Phytones, sagapetae = *wlchwec, wlchwice*». Въ исторіи взятія Трои: «Класъ (калхасъ): низокъ, тонокъ, чистъ, сѣдъ главою и брадою кудрявою, и *вълховъ* и кобникъ хитръ» (*Экс. Болг. 182*). Черноризецъ Храбръ: «а Персомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочьтеніе *вльшвеніе*, врачеваніе, чарованиа и всѣ хытрость человѣча» (*Тамъ же, 190, 191*). Въ Супрасльской рукописи

XI вѣка: *«влъхвованїе* и *влъхвъ»* (О волхвахъ см. *Буслаева о вл. Христ. стр. 22, 23*).

Вѣно. — У г. Погодина (*Изслѣд. III. 418*) отъ скандинавскаго *Vingaef*. На древне-саксскомъ: *morgen gifa*, (*Glossarium Saxonic. Aelfrici* ap. *Du Cange v. Morganegiba*). Источники польскаго права употребляютъ выраженія: dos, donatio propter nuptias, parapherna (*St. K. 9*); въ Польскомъ переводѣ: *wiano*, danina, dziedzina wzelka, wyprawa. Чешское право знаетъ wěno и *dziedziny wienne*. У Андрея Дубскаго, t. LXI: «O *vienovánie* w milostive zástavie». (См. *Macieiowski Sl. Rg. II. 214, 217, 291*). «Téz každy muž jeji móž wěno dskami klásti beze wšeho powolenie králowského i panského» (Wšhrd, *knihy o praw. a sud. i o dskách země České*. V. *Kn. 16 hl.*). Въ силезскомъ правѣ: «Dothalicium propter nuptias, quod vulgariter *Wyeno* nuncupatur» (*Sommersb. Siles. rer. script. I. 885*). О происхожденіи слова *вѣно* отъ глагола *вѣнити* — vendere смотри *Солов. Ист. Росс. I, прим. 63, 64.*

Гривна.—«Что за слово *гривна?* (спрашиваетъ г. Погодинъ *изслѣд. III. 283*). Оно употребляется *въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ*, и встрѣчается въ Славянскомъ переводѣ библіи, но давно ли? есть ли оно въ древнихъ спискахъ?»—У Вацерада *Mater. Verb.* «*hriwna*, torques, ornamentum colli. Въ этомъ, его первобытномъ значеніи встрѣчаемъ слово *гривна* у Эксарха: «іакоже не соутъ видѣла кнеза въ срацѣ златами нищьми шьвена, и на вый *гривноу* златоу носеща» (*Шестодн. 156*). Вочель (*Grundz. d. böhm. Alterthumsk. 218, anm.* **) производитъ слово *гривна* отъ гривы, санскр. *griwa*. У Далимиля, *стр. 66:* «da jim sto hřiwen střiébra cistého». Въ древне-польскомъ правѣ *grzywna* означаетъ марку (*Macieiowski, Sl. Rg. IV. 133*). У Литовцевъ: «*Griwina*=marca, quae 20 grossos Bor. aequat» (*Mielcke* ap. *Pott de Bor. Lith. princ. I. 56*). — См. любопытное разсужденіе о гривнѣ въ *Труд. Общ. ист. и древн. Росс. Ч. IV, кн. I, стр. 223 слѣд.*

Гридь, гридинъ. — Г. Срезневскій объясняетъ это слово изъ хорутанскаго *грида, громада*. Мы находимъ у Круга (*Forsch. II. 443—462*) особую статью о *гридьбѣ* при первыхъ русскихъ князьяхъ: онъ производитъ русскія *гридинъ, гридьба*

отъ *Hirdmenn*'овъ, тѣлохранителей Скандинавскихъ конунговъ; но безъ доказательствъ.

Я полагаю что не *гридница* отъ *гриди*, а наоборотъ. *Гридница* (у Болтина и Татищева *грить* или *гридь*, Погод. *Изслѣд. III. 222*) происходитъ по всей вѣроятности отъ глагола *грѣть*, по малорусски *грить*, по чешски hřiti, hřitise (грѣться). Точно также *изба*, древнее *истопка*, *истьба* (*Лавр. лѣт. 93, 97, 111, 117*) отъ *истопа;* отсюда и вендо-германское *Stuba:* «quod *Stubam* vel *pyrale* vocant» (*Anonym. in Scrpt. rer. Bamberg, I. 670. II. 504*). *Гриднею* или *гридницею* называли по преимуществу княжескія палаты; *избою* или *истобкою* домъ смерда; князь *грѣется*; смердъ *топитъ*. Въ *Лавр. лѣт. 110:* «и пріѣха (Василько) въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ *истобку*, и приде Давыдъ, и сѣдоша». А въ примѣчаніи *л:* «*въ истобку*. Такъ было въ Ипат., потомъ поправлено: *въ гридьницю*».— Очевидно потому что рѣчь идетъ о княжескомъ домѣ. Отъ гридницы собирательное *гридь* (ед. *гридинъ*) для приближенныхъ князя. Взятыя въ этомъ смыслѣ слова *гридница*, *гридьба*, *гридь* соотвѣтствуютъ вполнѣ латинскому *aula*, а гридинъ латинскому *aulicus*, о которыхъ скандинавскія саги упоминаютъ при Владимірѣ и Ярославѣ (см. *hist. Olavi Tr. f. cap. 58, — hist. Magni Boni cap. 2*). Переходъ буквы *т* въ мягкое *д* (грѣть, hřiti — гридница, гридь) засвидѣтельствованъ многочисленными примѣрами; *истопка* и *изба*, *ябетникъ* и *ябеда* и т. д.

Коренное *грид* — является въ личныхъ именахъ у Чеховъ и на Руси. Въ грамотѣ 1088 г. *Grid* (*Boczek, I. № 198*); 1026 Gridon (*ibid. № 125*); 1055 — *Gridata* (*ibid. № 149*). У насъ: « — — искалъ богословской игуменъ Ѳеонасей съ братьею на Иванкѣ на *Гридинѣ* сынѣ Ботуринѣ» (*грам. 1533 г. въ Акт. Истор. I. № 134*). « — — у Олешки да у *Гриди* у Никитиныхъ дѣтей» (*тамъ же № 163*); деревня *Гридинское*, *Гридское* болото, деревня *Гридино* (*тамъ же №№ 163, 218, III. № 119*). *Гридя* Мельниковъ (*Дополн. къ акт. ист. I. № 25*). *Гридко* Возило (*Сборн. Мухан. 89*). Не относится ли личное *Гридь* къ нашему *гридинъ*, какъ личныя *Пристенъ* (*Догов. Игор.*), у Чеховъ *Priestan*, къ должностному *Priestannicy* (*Macieiowsk.*

Sl. Rg. I. 122); **Еврiе** (*Догов. Игор,*) къ должностному Словено-венгерскому *Ewrij* (*Wierbiec ap. Mac. ibid. 186*)?

Коляда.—Какъ слово *коляда*, такъ и обрядъ *колядованiя* существуютъ у всѣхъ славянскихъ племенъ; этого одного уже достаточно для полнаго опроверженiя предположенiя Круга (*Forsch. II. 553*) о норманскомъ происхожденiи коляды. Кругъ замѣчаетъ справедливо, что это слово не имѣетъ корня въ славянскихъ языкахъ; но заключать отсюда о его скандинавизмѣ невозможно, не доказавъ предварительно: 1) что слово *коляда* и обрядъ *колядованiя* не существуютъ на Руси, ни у прочихъ славянскихъ народовъ до второй половины девятаго вѣка, т. е. до призванiя Варяговъ; 2) что языческiй обрядъ колядованiя, вмѣстѣ съ словомъ *коляда*, перешелъ къ Чехамъ, Сербамъ, Ляхамъ, Краинцамъ, Хорватамъ и пр., или отъ Скандинавовъ или отъ онорманившейся Руси.— Слову коляда прiискивали различныя этимологiи (см. *Hanusch, Wiss. d. Slav. Myth. 192, 193*); его приводятъ обыкновенно въ связь съ латинскимъ *calendae*, французскимъ *chalendes* (*Grimm, D. Myth. 594*); и дѣйствительно, нельзя не признать сходства между обрядомъ русскихъ святокъ и языческими каландами древняго Рима и среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ, уже общность обряда колядованiя у всѣхъ славянскихъ народовъ указываетъ на источникъ древнѣе римскаго; выводы лингвистическiе подтверждаютъ предположенiе г. Буслаева (см. *Солов. Ист. Росс, II, стр. 31 слѣд.*) о слѣдахъ древнѣйшаго геродотовскаго преданiя въ обрядахъ и повѣрiяхъ, справляемыхъ на праздникѣ *коляды;* и слово, и отчасти самъ праздникъ отъ древне-греческаго источника. Существенная особенность колядованiя состоитъ въ хожденiи *славить*, святочныхъ пѣсенъ—въ припѣвѣ *слава*. Въ одной изъ древнѣйшихъ этихъ пѣсенъ, сохранился въ своей первобытной формѣ древне-греческiй припѣвъ, соотвѣтствующiй нашему переводному *слава*. Я выписываю эту пѣсню, представляющую поразительное описанiе древне-эллинскаго, вакхическаго жертвоприношенiя.

За рѣкою, за быстрою, *ой калiодка?*
Лѣса стоятъ дремучiе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, —
Огни горятъ великiе —

Вокругъ огней скамьи стоятъ —
Скамьи стоятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни *калiодушки.*
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ. —
Возлѣ его козелъ стоитъ [1]).

(Снегиревъ р. пр. празд. I. 130).

Теперь, что такое припѣвъ: *ой калiодка;* что такое: пѣсни *калiодушки?* Я думаю ничто иное какъ греческiй припѣвъ: ὦ καλὴ ᾠδή; греческое (до насъ не дошедшее) μέλη καλλιῳδικά; срвн. μελῳδικός, καλλιμελής. Извѣстно спецiальное значенiе слова καλός въ древне-греческомъ язычествѣ. Припѣвъ ὦ καλὴ ᾠδή отражается въ названiи празднества лаконской Артемиды: *καλαοιδία,* пѣснь славленiя. «Καλαοιδία· ἀγὼν ἐπιτελούμενος Ἀρτέμιδι, παρὰ Λάκωσιν·» (*Hesych*). Отъ греческихъ: ὦ καλὴ ᾠδή, μέλη καλλιῳδικά — наши *ой калiодка*, пѣсни *калiодушки:* отъ καλαοιδία — общеславянское *коляда*, пѣснь славленiя. (Срвн. *ко*лея и *ca*llis, *ол*тарь и *al*tarium, *с*оботки и *S*abazius). Предлагаемая этимологiя являетъ тѣмъ болѣе вѣроятности, что между лаконскою Артемидою и таврическою есть несомнѣнная, тѣсная связь (см. *Creuzer, Symbol. II. 128. Anm. 173. O. Müller, Dorier. I. 386*); но таврическая Артемида (у Страбона *l. VIII.* 356: παρθένος, cfr. *l. V. 262.* — У Аммiана Марцелл. *l. XXII. 315:* Orsiloche, русалка? у Вацерада *Mat. Verb.* Dewana) извѣстна во Θракiи подъ именемъ Βένδις, славянской (вендской) богини. «Βένδις· ἡ Ἄρτεμις, Θρᾳκιστί· παρὰ δὲ Ἀθηναίοις ἑορτὴ Βενδιδία» (*Hesych.*). Въ Виθинiи, близкой по родственнымъ отношенiямъ къ греческимъ черноморскимъ колонiямъ, одинъ изъ мѣсяцевъ года именовался Βενδιαῖος; у Грековъ Ἀρτεμίσιος (*Thes. Gr. l. V.* Βένδις).

Обелъ, (*Срезневск. 149:* «круглый, полный»), *Эксархъ Болг. 66:* »σφαῖρα = обло; сферическая форма (κατασκευή) = *обельство.* — *Obly* (Česk.) = овальный. Зажиточные крестьяне

[1]) Обрядъ совершенно, сходный съ описаннымъ въ этой пѣсни, встрѣчаемъ въ Литвѣ и на литовской Руси (см. *Hartknoch, Dissert. XI. p. 174—178. — Mone Gesch. d. Heidenth. I. 90 ff.*).

въ Моравѣ именовались *obilny;* въ Стиріи, у Краинцевъ и у Хорутанъ *obiln*—полный, *Vollbauer* (*Macieiowski*, *Slawische Rechtsgesch. IV. 439*).

Скотъ. — Это слово производятъ обыкновенно отъ шведскаго *skatt*, сокровище, подать, плата (*Погод. изслѣд. III. 284*). «Если это шведское слово, спрашиваетъ Каченовскій (*тамъ же 529*), то какъ оно попало и къ Полякамъ; *scotus* = *scojec* содержалъ въ себѣ 24 часть гривны, или 2 гроша»: Мы находимъ его и у Чеховъ, и въ Силезіи: «Census autem est talis: quilibet mansus soluit duas denariacas auri, que tales esse debent, quod decem pensent *scotum*» (*Boczek, III. 358, ad ann. 1263*). — «Nam mensura silliginis soluit XIII *scotis* argenti» (*Archid. Gnesn. ap. Sommersb. II. 83*). Какъ *pecunia* отъ *pecus*, *куна* отъ *куницы*, такъ *скотъ* отъ *скота*. «Das fries. *sket* scheint das ahd. *scaz*, Goth. *scatts* (numus, pecunia), bedeutet aber *vieh*, der vierfüssige Schatz ist das vieh, merkwürdig stimmt das slav. *skot* (*Ewers*, *269*, *273*); vgl. auch κτῆνος und altn. *gripr*, *naut*» (*J. Grimm*, *DRA. II. 565*). Въ томъ же смыслѣ употребляетъ слово *feoh* англо-саксонская поэма о рунахъ: «*Feoh* byth frofur fira gehwylcum» (Geld ist Trost für jeden Menschen). — «*Feoh* heisst ursprünglich *Vieh*, dann aber *pecunia*, gerade wie sich das lateinische Wort von *pecus* gebildet hat: wobei anzumerken ist, dass auch *fé* und *pe-cus* ursprünglich zusammen zu fallen scheinen» (*W. Grimm, üb. deutsche Run. 217—236*).

Смердъ. — Протоіерей Сабининъ (у *Погод. Изслѣд. III. 405*) объясняетъ слово *смердъ* изъ Скандинавскаго: «Smaerd, parvitas, res parvi momenti, homo pauci». У *Гримма DRA. I. 322:*» böhm. *smrdoch*, poln. *smierdziuch*. Eine ältere Urkunde von 1122 schreibt *zmurd* das ich nicht zu deuten wüsste: homines in quinque justitiis, ut edelsten, knechte, *zmurde*, lazze, heien. *Kreystig. 2, 694.*» Cfr. II. 944, и *Du Cange* v. *Smurdus*. У Генинга (*Vocab. Vened. ap. Dobrovsky Slov. II. 225*): «Bauerbör — Bauerschaft — *smardi*». — *Smurdalani*, названіе хорватской веси въ привилегіи Кресиміра подъ 1069 г. (*J. Luc. de regn. Dalm. 96*). *Въ Шестодневѣ Экс. Болг. 156:* «іако же бо и *смрдаа* чедь внѣщьнѣіа» и пр. Въ тынецкой привилегіи у Лелевеля с. 163: *smardones* въ смыслѣ рабовъ.

Щьлягъ и **стерлягъ**.—(См. *Погод. Изсл. III. 284–286. Krug, zur MK. R. 199*). Нѣтъ сомнѣнія что этимологическою основою нашимъ *щьлягъ* и *стерлягъ* служатъ германскіе: *schilling* и *sterling*. (См. *Du Cange* v. schillingus = skillingus; esterlingus = sterlingus). Но тоже германское *schilling* находимъ и у польскихъ Славянъ подъ формою szeląg; городскую пошлину подъ названіями szopowe и szelęzne (*Krug, l. c.—Macieiowsk. Sl. Rg. III. 308*); форма sterląg до насъ не дошла. Шиллинги были ходячею монетою и у Вендовъ; они слыли подъ названіемъ польской монеты: «duo denarii Poloniensis monetae» (*Dreger № 3*). Что къ намъ они зашли не норманскимъ, а *польскимъ* путемъ, видно ясно изъ лѣтописи. Щьлягами платятъ дань *только два ляшскія племена*, *Радимичи и Вятичи*. «И въдаша (Радимичи) Ольгови *по щьлягу*, якоже Козаромъ даху» (*Лавр. 10*). «Они же (Вятичи) рѣша: Козаромъ *по щьлягу отъ рала даемъ*» (*тамъ же 27*, radło, radlo у Поляковъ и Чеховъ—*плугъ*). Г. Погодинъ (*Изслѣд. III. 284*) пишетъ по недосмотру: «щлягъ Радимичей и *Древлянъ*», Древляне платили кунами. Въ Архангелогородскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи сказано о Вятичахъ: «Козаромъ *по стерлягу отчю* отъ плуга даемъ» (*Нест. Шлёц. III. 478*). Слово *отчю*, которое Шлецеръ считалъ необъяснимымъ (*тамъ же 485*), а Кругъ (*zur MK. R. 197*) производилъ отъ *очага*(!), взято здѣсь въ смыслѣ *отечественнаго, народнаго* и означаетъ національную польскую монету Вятичей-Ляховъ.

XV.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИМЕНАХЪ. — РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ, ТРУВОРЪ, ОЛЕГЪ, ОЛЬГА, ИГОРЬ, ВЛАДИМІРЪ.

Увлекаясь легкостію, съ которою всевозможныя въ мірѣ имена объясняются изъ богатой до невѣроятности германо-скандинавской ономатологіи [1]), норманская школа выводитъ изъ скандинавскаго источника всѣ варяжскія и всѣ русскія имена нашей исторіи, отъ Рюрика до Ярослава. (См. *Bayer, de Varagis 281 — 291. — Шлец. Нест. III. 100. — Kunik, Beruf. II.*

---

[1]) «Die zahllose menge altdeutscher eigennamen» (*Grimm. D. R. A. I. 341*).

116 ff.). Что нѣкоторыя изъ встрѣчающихся въ ней не-славянскихъ именъ, преимущественно въ договорахъ, дѣйствительно принадлежатъ германо-скандинавскому міру и личностямъ, (какъ другія, остальнымъ, въ ея развитіи участвовавшимъ народностямъ: Литвѣ, Угрѣ и т. д.), уже слѣдуетъ изъ сказаннаго прежде о тѣсной связи бывшей между вендскими Славянами и германскими племенами съ одной, норманскими съ другой стороны; о составѣ Рюриковой дружины; о сношеніяхъ варяжскихъ князей съ Норманнами; наконецъ, изъ географическаго положенія самой Руси. Но выводить всѣ варяго-русскія имена и личности или хотя большую часть изъ нихъ, изъ норманскаго начала; относить къ этому началу имена Святослава, Передславы, Володислава и пр. (*Байеръ у Шлец. Нест. III. 104, 105.—Kunik, Beruf. II. 177*); видѣть однихъ Норманновъ въ дружинникахъ и мужахъ князей *Святослава, Владиміра, Ярослава;* производить отъ Норманновъ, по имени, князей явно славянскаго происхожденія по своимъ дѣйствіямъ и историческому значенію, Рюрика, Олега, Игоря, Рогволода; это значитъ основывать русскую исторію не на фактахъ, не на исторической логикѣ, а на этимологическихъ случайностяхъ и созвучіяхъ. Ни здѣсь, ни при изслѣдованіи другихъ явленій народныхъ исторій, лингвистическій вопросъ не можетъ быть отдѣленъ отъ историческаго; изслѣдователь отъ историка. А въ состояніи ли кто уяснить себѣ начальный характеръ нашей исторіи, когда съ одной стороны, на основаніи однихъ ономастическихъ подобозвучій, норманская школа говоритъ: «Варяги не Славяне; варяжская династія совершенно чужда Славянамъ по языку (sprachfremd); въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, начальники дружинъ и высшіе сановники всё Норманны; норманское начало является исключительно дѣйствующимъ при основаніи государства и его дальнѣйшемъ развитіи, до XI-го столѣтія» (*Kunik, Beruf. II. 119*); а съ другой, эта-же школа не можетъ указать ни на одну норманскую особенность въ русскомъ правѣ, язычествѣ, образѣ правленія, обычаяхъ; ни на одно норманское слово въ русскомъ языкѣ; ни на одинъ намекъ самихъ Скандинавовъ на существованіе у нихъ подъ рукою, громадной свео-славянской колоніи? При

отсутствіи иныхъ, положительныхъ слѣдовъ норманскаго вліянія на внутренній бытъ Руси, Норманство, до XI-го столѣтія, историческихъ русскихъ именъ, уже само по себѣ, болѣе чѣмъ сомнительно.

Тѣмъ не менѣе, основанные на созвучіяхъ варяго-русскихъ именъ съ скандинавскими, этимологическіе выводы о мнимо-норманскомъ происхожденіи Варяговъ, не могутъ быть оставлены безъ возраженія. До сихъ поръ изслѣдователи славянской школы не обращали должнаго вниманія на эту сторону занимающаго насъ вопроса. Одни объясняли норманскій (по ихъ мнѣнію) складъ именъ варяжскихъ князей и ихъ спутниковъ, сношеніями Вендовъ съ Германцами, русскихъ Славянъ съ Скандинавами; но такое изъясненіе идетъ къ однимъ только исключеніямъ въ русской исторіи; распространенное на всю массу варяго-русскихъ именъ, оно теряетъ свое значеніе и силу. Другіе признавали исключительное славянство спорныхъ именъ; но, къ сожалѣнію, безъ доказательствъ: или эти доказательства невозможны?

Въ противность германо-скандинавской, славянская ономатологія, въ томъ видѣ, въ которомъ дошла до насъ, не отличается числительнымъ богатствомъ именъ. Съ одной стороны, по самому свойству внутренняго организма славянскихъ народовъ, отдѣльныя личности рѣдко являются двигателями народной жизни, въ славянскихъ племенахъ; славянскія исторіи знаютъ однихъ князей и народъ. Ни Нестору, ни Козьмѣ Пражскому, ни Мартину Галлу, неизвѣстна такъ называемая анекдотическая исторія; отсюда, соотвѣтствующая малочисленности историческихъ дѣятелей, малочисленность, въ ихъ сказаніяхъ, личныхъ славянскихъ именъ. Съ другой стороны, за немногими исключеніями, исторіи славянскихъ народовъ писаны иноземцами, на иноземномъ языкѣ; они не обращали и не могли обращать вниманія на частности (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 351*). Невыгодность этихъ условій, съ точки зрѣнія ономастическихъ розысканій, очевидна; что же, если принять въ соображеніе, что до сихъ поръ не только не было приступлено къ систематическому собранію и объясненію славянскихъ именъ, но что и нужнѣйшіе по этому предмету историческіе

документы еще сокрыты отъ большей части нашихъ историковъ! [1])

Напрасно требуютъ ревнители норманскаго мнѣнія отъ всѣхъ славянскихъ именъ, какъ опредѣленнаго смысла, такъ и непремѣнныхъ славянскихъ окончаній на *славъ, миръ, гость, владъ* и т. д. «Довольно есть древне-славянскихъ именъ, говоритъ г. Куникъ (*Beruf. II. 118. Anm. XX*), у Полабовъ, Ляховъ, Чеховъ и Сербовъ; у нихъ находимъ многочисленные примѣры древне-русскимъ Ярославъ, Яромиръ, Святославъ, Святополкъ, Владиміръ, Людмила и пр.; у нихъ-же должно указать и на соименниковъ князьямъ Рюрику, Трувору, Аскольду, Диру, Олегу, Рогволоду, Свенке, Игорю, Ивору и т. д.; на имена русскихъ княгинь Ольги, Рогнѣди и Малфреди; варяжскихъ воиновъ и сановниковъ, если кто и впредь еще вздумаетъ отыскивать родину Варяговъ-Руси внѣ Швеціи». На основаніи этихъ ономастическихъ правилъ, мы должны выключить изъ славянскихъ исторій болѣе половины ихъ дѣятелей, какъ представляющихъ всѣ требуемыя условія къ подозрѣнію въ германо-скандинавскомъ происхожденіи. Если бы изслѣдователи норманской школы не состояли подъ вліяніемъ извѣстныхъ предубѣжденій, они вѣроятно бы замѣтили, что, во 1-хъ: кромѣ составныхъ прозвищъ, съ окончаніемъ на *славъ, миръ, гость,* обыкновенно повторяющихся въ извѣстной мѣрѣ, у отдѣльныхъ славянскихъ родовъ [2]) (какъ у древнихъ Римлянъ ихъ praenomina), славянская ономатологія знаетъ не малое количество *простыхъ именъ* (nomina simplicia. *Varro ap. Valer. Max. de nom. rat.*), которыя, *по смыслу*, для насъ уже непонятны; *по формѣ*, нерѣдко удаляются отъ принятаго славянскаго первообраза; *по употребленію*,

---

[1]) Отдавая полную справедливость услугамъ, которыя Янъ Колларъ оказалъ славянской наукѣ, я однако не могу признать систематическимъ и дѣльнымъ трактатомъ объ ономатологіи, его книги Rozprawy o gmenách и проч. Гораздо болѣе сдѣлали, въ этомъ отношеніи, Шафарикъ и Палацкій, въ разбросанныхъ ими въ разныхъ мѣстахъ ихъ изслѣдованій, ономастическихъ замѣчаніяхъ.

[2]) Вопроса этого коснулся г. Погодинъ въ своемъ изслѣдованіи: *о наслѣдственности древнихъ сановъ въ періодъ времени отъ 1054 до 1240 года (Арх. ист. юрид. свѣд. Кн. I, отд. I, стр. 6. — стр. 73—96).*

являются и исчезаютъ въ славянскихъ исторіяхъ, безъ повторенія (за исключеніемъ переходящихъ въ родовыя). Таковы у Чеховъ: Čech, Klen, Bech, Heriman, Tetwa, Mun, Tepta, Weš, Chyna, Keien, Česta, Tyra, Porej, Bezprem, Tas, Prkoš, Olen, Čač, Tista, Preda, Chren, Ben, Čuch, Syndal, Nas и пр., у Сербовъ: Жунь, Жань, Бальде, Гальдъ, Браіенъ, Бунь, Микъ, Бучь, Мильцъ, Тольчь, Грдань, Плѣнь, Тусь, Грипонь, Гуня и пр. Или эти имена (я беру только чешскія и сербскія, засвидѣтельствованныя туземными документами, слѣдовательно не искаженныя) звучатъ по славянски болѣе нашихъ: Рюрикъ, Труворъ, Игорь, Олегъ, Диръ, Лютъ, Блудъ, Рогволодъ? Или норманская школа знаетъ многимъ изъ нихъ примѣры внѣ чешской и сербской письменности? — Во 2-хъ: какъ наша исторія не Святославами, Всеволодами, Ярополками [1]), такъ и прочія славянскія исторіи начинаются не Болеславами, Бранимирами, Спитигнѣвами, а являютъ имена: у Ляховъ: Popiel, Piast, Krak, Leško, Wanda; у Чеховъ: Čech, Samo, Krok, Kasi, Teta; у Хорутанъ: Валухъ, Борутъ, Каратъ; у Хорватовъ: Клюкасъ, Лобель, Козенецъ, Мухло, Хрватъ, Туга, Буга, Порга, Борна, Поринъ. Почему же и ихъ не считать Германо-Норманнами? [2]) И въ послѣдствіи, какъ у насъ, такъ и у прочихъ славянскихъ народовъ, имена составныя (praenomina, cognomina) рѣдко являются принадлежностію лич-

---

[1]) Изъ положительно не варяжскихъ именъ древне-русской исторіи, намъ извѣстны: Кій, Щекъ, Хоривъ, Лыбедь, Вадимъ, Малъ.

[2]) Подобно варяго-русскимъ и болѣе, эти имена безъ аналогій у прочихъ славянскихъ народовъ. И тѣ и другія объясняются съ равною легкостію изъ всеобъемлющей германо-скандинавской ономатологіи; ибо если принять норманское происхожденіе именъ: Рюрикъ — Hrärekr, Синеусъ — Signiutr. Труворъ — Thruwar, Олегъ — Hölgi, Игорь — Ingwar, Рогволодъ — Raguwaldr, я не вижу причины не допустить норманства въ именахъ: Popiel — Poppel (австрійскій посолъ въ Россіи въ 1493 г. *Карамз. VI. 198*); Piast — Fast (норманское имя въ игоревомъ договорѣ); Krok — Croc (Croc agrestis, *ap. Sax. Gram. 383*); Leško-Leso (*ibid. 386*); Teta—Tetta (*ap. Ditmar. III. 29*); Buga—Bugo (*Sax. Gram. 178*); Porga—Borcar (*ibid. 336*); Borna—Björn (*ibid. 260*); Detleb — Detlev (*Knytl. S. c., 114. p. 332*); Drag — Drogo (*ap. Pertz, XI, 303*,) и т. д. Упрекнутъ ли меня въ игрѣ пустыми созвучіями? Но славянская ли школа начала эту игру?

ностей не княжескаго происхожденія; особенность, какъ увидимъ, основанная на извѣстныхъ ономастическихъ требованіяхъ. — Въ 3-хъ: отозвавшаяся въ русской исторіи вендская ономатологія удаляется, болѣе прочихъ, отъ обычнаго склада обще-славянскихъ именъ; самое племя полабскихъ Славянъ состоитъ по языку, вѣрѣ, обычаямъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, литовскаго начала; съ другой, германскихъ (преимущественно сакской) народностей. При сравнительно маломъ количествѣ составныхъ именъ, обнаруживающихъ съ перваго взгляда славянское происхожденіе, каковы: Sclaomir, Meligastus, Gotzomuizl, Miseco, Praebislavus и т. п., вендская исторія знаетъ много простыхъ славянскихъ именъ, являющихъ отпечатокъ, иныя — по видимому, другія — дѣйствительно иноземный, преимущественно германскій. Таковы у Эйнгарда: Thrasico, Godolaibus, Ceadrag, Borna, Tunglo; у Дитмара: Naccon, Zolunta, Flopan, Connildis, Procui, Deiux; у Адама бременскаго: Estred, Gneus, Anatrog, Sederich; у Гельмольда: Billug, Grin, Race, Mike, Rochel. Въ колбяжскомъ (Colbacensis) монастырѣ хранилась слѣдующая надпись, съ именами шести Славянъ, гонителей св. Оттона: «Nomina eorum qui percusserunt D. Ottonem episcopum Bambergensem cum doceret et baptizaret in Wollino anno 1124: Cistemil, *Tredegras*, Boydan, *Knips*, *Iesse*, *Golias* — Hi sex dant plagas o Otto dive tibi» (*hist. episc. Cammin. in scrpt. rer. ep. Bamberg, II. 519*). У Саксона Грамматика славяно-вендскими и русскими именами являются: Dagus, Dal, Duc, Floccus, Tranno, Rötho, Regnaldus, Scalcus и пр. Если бы вмѣсто Рюрика, Синеуса и Трувора, варяжскіе князья назывались западно-славянскими именами: Grin, Borna и Skalk, безъ сомнѣнія норманская школа привела бы въ доказательство ихъ скандинавизма своихъ Grim'овъ, Björn'овъ и Skalk'овъ. И нашъ древлянскій Малъ попалъ бы вѣроятно въ Норманны (отъ сѣвернаго Amal), не будь его славянство положительно засвидѣтельствовано лѣтописью [1].

[1] Шафарикъ (*Sl. Alt. I. 53—57*) указываетъ на сходство славянской ономатологіи съ кельтскою и германскою, какъ на слѣдствіе доисторической связи бывшей между европейскими народами—аборигенами. Между вендскими племенами

Отсюда еще не слѣдуетъ ни сознаніе въ невозможности раціональнаго объясненія варяго-русскихъ именъ, ни право для славянской школы оставить ономастическій вопросъ безъ должнаго разсмотрѣнія. Разумѣется, это изслѣдованіе можетъ быть основано на законахъ только славянской, а не норманской ономатологіи. Извѣстно, и всѣми славянскими филологами принято за правило, что бо́льшая часть мѣстныхъ славянскихъ

и германо-скандинавскимъ міромъ эта связь возобновилась въ историческую эпоху. Находясь въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, то враждебныхъ, то дружескихъ, обѣ народности подлежали непосредственному вліянію одной на другую, во всѣхъ почти частностяхъ своего историческаго развитія; о язычникахъ Славянахъ, Саксахъ и Шведахъ Адамъ бременскій говоритъ: «haec tulimus excerpta ex scriptis Einhardi, de adventu, moribus et superstitione Saxonum, quam adhuc Slavi et Sueones ritu paganico servare videntur» (*Ad. Brem. c. 5*). О датскомъ архіепископѣ временъ св. Оттона, его неизвѣстный біографъ: «erat autem vir bonus et simplex.... in exterioribus tamen *Slavicae* rusticitatis» (*hist. Anon. in Scrpt. rer. ep. Bamberg. I. 721*). Это взаимнодѣйствіе одной народности на другую, преимущественно замѣтно въ подробностяхъ германо-славянской ономатологіи, какъ особенности болѣе другихъ подверженной иноземному вліянію. Германскія и скандинавскія имена переходятъ къ Славянамъ, славянскія и германскія къ Норманнамъ. Біографъ Випрехта графа гроичскаго относитъ къ древнѣйшимъ временамъ германской исторіи, слѣдующее любопытное преданіе: «Emelricus rex Teutoniae, Ditmarum Verdunensem et Herlibonem, qui Harlungi sunt nuncupati, genuit. Ex his Herlibo, *filia regis de Norvega* desponsata, sobolem suam duobus liberis propagavit, quarum unam *Svatibor*, alteram *Wolfum* nominavit. Suetibor *Scamborem* et ejus fratres habuit filios. Wolfus, Pomeranorum adeptus primatum, deinde provincia pulsus, ad regem fugit Danorum. — Wigpertus—frequenter Barbarorum provinciam et praecipue urbem quae *Posduwlc* id est urbs Wolfi barbarica lingua dicitur, incursu militari vexabat» (*V. Vip. ap. Barth. Gesch. v. Rug. u. Pomm. I. 362. Anm. 2*).—Откуда славянскія имена Святиборъ, Самборъ, Волкъ для потомства германскаго Herlibo и норвежской королевны? Около половины XII столѣтія, оботритскій князь Прибиславъ, былъ обращенъ въ христіанскую вѣру, своею супругою *Войславою* (Woizlawa; срвн. сербскаго князя Войслава въ 890 г.), дочерью *норвежскаго* короля Буревина (*см. Kollar, Rozpr. Giesebr. Wend. Gesch. III. 141*); Бориславъ (Burislef), имя датскаго короля въ 1167 г.; другой король Яромиръ—Jarmarus (*Chron. reg. Erici*). Въ числѣ древне-германскихъ именъ, выбранныхъ Бартомъ (*Urg. d. Teutsch. IV. 108—110*) изъ Ам. Марцеллина Іорнанда, Исидора и пр., встрѣчаемъ славянскія *Drogo* и *Mico*. — Drogo тоже что Драгъ, Дражко. *Mike* имя языческаго жреца въ Старгардѣ у Гельмольда (*I. 56*).—*Micus* чешск. имя (*Boczec. I. 285*). — *Mike* Kolazsch (*Scrpt. rer. Lusat. I. II. 249*).—*Мика* Угринъ (*Ипат. 158*).—Въ свою очередь Венды, Ляхи, Чехи принимали отъ Нѣмцевъ и Норманновъ германо-скандинавскія имена. Изъ пяти Леховъ, разбитыхъ на берегахъ Молдавы маинцкимъ архіепископомъ Ліутпрехтомъ въ 872 г., одинъ *Heriman* отличается отъ прочихъ

именъ происходитъ отъ личныхъ (*Palacky, Gesch. v. Böhm. I. 169. Anm. 143. — Jordan, Gramm. d. Wend. — Serb. Spr. 49, и пр.*); на этомъ основаніи указываетъ Шафарикъ на личныя: Krak, въ именахъ городовъ, Краковъ, Кракополь, Краковецъ; Witorad, въ имени города Witorazi (Витражъ), нынѣ Weitrach и т. п. (*Sl. Alt. II. 360, 426*). Мы не можемъ, въ угодность невозможнымъ требованіямъ, выключить изъ круга нашихъ

(Swatoslaw, Witislaw, Spytimir, Moislaw) чисто-германскихъ именемъ. (*Palacky, Gesch. v. B. I. 133*); Краледворская рукопись знаетъ о Бенешѣ *Германовичъ*, Beneš Hermanůw, чешскомъ воеводѣ или князѣ временъ языческихъ; Анна Комнина упоминаетъ о двухъ славянахъ: Борилѣ и *Германѣ* (*ed. Bon. II. 83, 84*). Дочери Мстислава (Борислава?) польскаго именовались, по свидѣтельству сканд. сагъ (*hist. Ol. Trgv. f. c. 58*), первая: *Geira* (у *Odd. M. c. 30:* Thyria; срвн. *Ипат. 126*: Глѣбъ *Тиріевичь*); срвн. германское *Gero;* вторая: *Astrida* (въ слав. формѣ *Эстрѣдь: «Estred* filia Slavorum (*ap. Ad. Brem. c. 81*), имя извѣстное у норманновъ (*Odd. m. hist. Trgv. f. c. 22*) и у Германцевъ: «*Fastrada* filia Radulphi comitis, natione Franca» (*Adelm. benedict. Franc. r. Annal. 395.—Cfr. Astradus ap. Sax. Gram. XIV. 758*); третья: *Gunhilda*, cfr. Connildis, дочь Доброміра, третья супруга Болеслава храбраго у Дитмара) *IV. 46*), крестившаяся вмѣстѣ съ (первымъ?) супругомъ, датскимъ Гаральдомъ: «ipse Haraldus cum uxore sua *Gunhild* et filio parvulo baptizatus est» [*Ad. Brem. c. 51. — Incerti auct. Chron. Sl. c. VII:* Ghunnyld); cfr. *Gunnilda* uxor Asmundi, conjux Erici Blodöxe, filia Canuti M. (*Sax. Gram. I. 46. X. 477, 512*). Въ скандинавскихъ сагахъ Эстрѣдина мать, Славянка, названа германскимъ именемъ *Эдла* (*Edla*, Vinlandiae dynastae filia. *Hist. de Olavo s. c. 84*); Эдла тоже имя что *Athele*, *Ethele* (*Ditmar, III. 29. IV. 41*), т. е. *Адель*; по свидѣтельству Іоакимовой лѣтописи, одна изъ женъ Владиміра, мать Станислава, именовалась *Аделью, Эдлою.* Къ такимъ же именамъ Славянъ язычниковъ, быть можетъ обнаруживающимъ германское начало, должно отнести и приведенныя выше, *Jesse*, cfr. *Jesse* Episc. Ambianensis (*Chron. Alb. Stad. 85*); *Scalcus*, cfr. *Skalk* Scanicus (*Sax. Gram. VIII. 377*). Skalks на готскомъ нарѣчіи означаетъ раба δοῦλος (*Grimm, D. R. A. I. 302*); *Grim* (Crito filius *Grimi* ap. *Abb. Stad. 132;* у Гельмольда *I. XXV*: *Grin*) cfr. *Grim* ex oppido Skierun (*Sax. Gram. VIII. 383*); *Knips, Röthо* и множество другихъ. Гизебрехтъ (*W. G. II. 298*) замѣчаетъ, что у Вендовъ господствовалъ обычай прилагать къ своимъ славянскимъ германскія имена; бранденбургскій графъ *Meinfrid* (*Chronogr. Saxo ad. ann. 1127*) былъ родомъ Славянинъ, вѣроятно *Моймиръ;* также и саксонскій маркграфъ *Такульфъ* («*Tacgolfus* de Bohemia comes» *Annal. Fuld. ad. ann. 845*) и т. п. Тоже самое должно сказать и о взаимно-вліяніи, въ ономастическомъ отношеніи, Литвы и Вендовъ; древне-прусскія и литовскія имена Tirsko, Dersko, Svisdeta, Svedeta, Mindota (см. *Chron. Dusb. 261, 302, 269, 381*), Ziwibund, Swintorog, Pojata (*Schafar. Sl. Alt. I. 55. Ant. 1*) и пр. являютъ чисто-славянскій складъ; мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ словенскія личности съ литовскими именами.

Основною причиною этихъ явленій (см. слѣд. главу) было языческое обыкновеніе прилагать инымъ изъ дѣтей имя по народности матери.

ономатологическихъ доказательствъ, утвержденныхъ славянскою наукою, аналогій, ни вѣрить чтобы между названіемъ города Reric и личнымъ Рюрикъ, не было лингвистической связи, существующей между именами городовъ Ярославль, Олжичи, Володимерь, и личными Ярославъ, Ольга, Владиміръ. Не менѣе странно и другое притязаніе норманской школы, не допускать къ объясненію простыхъ славянскихъ именъ, тѣхъ-же именъ въ ихъ составной формѣ (*Kunik, Beruf. II. 118. Anm.* **), т. е. славянскихъ Luto-mir, Kasi-mir, Wladi-slaw, къ объясненію славянскихъ Ljut, Kasi, Wlad и т. д. Дѣло въ томъ, чтобы ономастическія изслѣдованія были основаны не на произволѣ, не на однихъ созвучіяхъ, а на правилахъ благоразумной филологіи, въ связи съ историческимъ значеніемъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ подлежатъ нашимъ розысканіямъ. Что же до увѣренности, съ которою норманская школа полагается на безгрѣшность своихъ этимологическихъ выводовъ, я замѣчу, во 1-хъ: что до появленія въ свѣтъ изслѣдованій г. Куника, эта школа основывала свое мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи варяго-русскихъ именъ нашей исторіи, на этимологическихъ изысканіяхъ Байера (de Varagis 281—291), представляющихъ, по мнѣнію Шлецера, настоящій образецъ благоразумной и ученой этимологіи и сравненія именъ (*Нест. Шлец. III. 100*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 116*) не утверждаетъ Шлецерова сужденія, а выводы Байера признаетъ крайне-невѣрными и отчасти принужденными. Удерживая только немногіе изъ прежнихъ этимологій, онъ является съ новымъ, полнѣйшимъ (и должно сказать, несравненно болѣе раціональнымъ и ученымъ) запасомъ скандинавскихъ именъ; вмѣсто Байеро-Шлецеровыхъ Snio, Alak, Alogia, Askel, Tyr, Rotwigda, онъ читаетъ: Siniut, Hölgi, Hölga, Höskuldr, Dýri, Ragnheiðr и т. д.; тѣмъ не менѣе въ продолженіи ста двадцати слишкомъ годовъ, мы были обмануты, съ одной стороны, крайне невѣрными и принужденными словопроизводствами Байера; съ другой, положительными увѣреніями Шлецера въ ихъ непогрѣшность, ученость и благоразуміе; во 2-хъ: въ продолженіи тѣхъ-же ста двадцати годовъ, было принято въ число аксіомъ русской исторіи, что обще-славянскія слова: бояринъ, безмѣнъ, вервь, верста,

луда, огнищанинъ и пр., происходятъ отъ скандинавскихъ: boljarl, bismer, hvarf, rasta, lodha, eingandin и т. д. Въ своихъ *Мысляхъ объ исторіи русскаго языка* (129—154), г. Срезневскій положилъ конецъ этимъ воображеніямъ. Не могутъ ли наши Рюрикъ, Олегъ, Рогволодъ происходить точно также отъ скандинавскихъ Hraerekr, Hölgi, Ragnwaldr?

Рюрикъ. Въ германо-латинскихъ документахъ среднихъ вѣковъ, встрѣчаются формы: Roricus, Roric, Rorigo. «Abiectus est etiam ibi Hugo Remensis pervasor a Romana Synodo excommunicatus, et Odelricus inthronizatus a Widone Suessionensi, *Roricone* Laudunensi, Gibuino Catalaunensi, Wigfredo Virdunensi, Aistulfo Noviomensi» (*Hugonis Chron. I. ad ann. 961. ap. Pertz X. 364.*). «Karolus rex genuit — — — ex concubina Arnulfum, Drogonem, *Roriconem* et Alpaidim» (*Genealog. Comit. Flandr. id XI. 303.*)» — — — regnante — — piissimo Ludovico augusto — — — *Rorigo* venerabilis comes» etc. (*Fragm. hist. Fossatens. ib. 370.*) «*Roricus* procurator Frider. duc. Lothar. ad ann. 1065» (*Triumph. S. Remacli de Malmundar. Coenob. id. XIII. 441.*). Вѣроятно имя *Roric* есть сокращенное Roderich (*Байеръ у Шлец. Нест. III. 101. 237.*); оно перешло къ Датчанамъ и Норвежцамъ подъ формами Hrorecur[1]), Hraerekr (вар. Hraedrekr и Rodrekr); у Шведовъ оно неизвѣстно. «Въ древне-шведскихъ памятникахъ, говоритъ г. Куникъ (Beruf. II. 123.), Рерики — die Röriker — встрѣчаются, кажется, нечасто; я знаю только одного Стефана Рериксона и одного Анунда Рериксона, двухъ редакторовъ древняго сюдерманландскаго уложенія». Для шведскаго конунга имя Hraerekr также странно и необычайно, какъ для русскаго князя имена Казимира или Прибислава; между тѣмъ, норманская школа выводитъ варяжскихъ князей именно изъ Швеціи.

Колларъ (*Rozpr. o gmen. 358, слѣд.*) отыскивалъ этимологію имени *Рюрикъ*, въ чешскомъ raroh, польскомъ rarog = falco

---

[1]) Готскому *reiks* отвѣчаетъ древне-скандинавское *rukr, rekr*; у Снорро сынъ Гаральда пригожеволосаго Hrorekr; современный ему король въ Гейдемаркіи также Hrorekr (*I. 96, 113, 410. Байеръ и Шлец. Нест. III. 236, 237*); варіанты фульдскихъ лѣтописей читаютъ *Roruc* и *Horuc* вмѣсто германской формы *Rorih* и *Horih* (*Ruodolfi Fuldens. Ann. ad ann. 850, 832, ap. Pertz. I. 366, 367*).

cyanopus, соколъ; roŕyk = hirundo apus, стрижъ; въ имени вендскаго племени Рериковъ, Reregi и города Reric (Мекленбургъ). При отсутствіи указаній на историческую и лингвистическую связь между этими названіями и именемъ Рюрика, предположенія Яна Коллара безъ сомнѣнія много теряютъ изъ настоящаго своего значенія. Г. Куникъ отвергаетъ ихъ по двумъ причинамъ: 1) въ древне-польскихъ и древне-славянскихъ именахъ, нѣтъ живыхъ примѣровъ имени *Рюрикъ*; 2) rarog имя не личное, а названіе города или птицы; сходство имени Рюрика съ названіемъ города Reric и сокола raroh, явленіе случайное (*Beruf. II. 122. 123.*).

На первое изъ этихъ возраженій я могъ бы отвѣчать, что историкъ, не допускающій славянскаго происхожденія Рюрика потому что имя его не встрѣчается у прочихъ славянскихъ народовъ, долженъ, вмѣстѣ съ нимъ, производить отъ Норманновъ и князей Sederich'а, Пяста, Крока, Tunglo, Щека, Хорива и т. п., коихъ имена не только неизвѣстны у прочихъ Славянъ, но и въ своихъ собственныхъ исторіяхъ являются только по одному разу. Но мы встрѣчаемъ имя Рюрика подъ его основною формою Рерикъ, *Rerich*, въ числѣ именъ древне-чешскихъ родовъ (die Ritter-Standes Familien), засѣдавшихъ на богемскихъ снемахъ; см. любопытную книгу: *Das Sehenswürdige Prag, v. Redel. 1710. c. XIV. 103.* Оно сохранилось и въ горлицкомъ дипломатическомъ актѣ 1490 года: Peter *Rerig* der Stadschreiber» (*Script. rer. Lusatic. II. 1. 117.*).

Отвѣтъ на второе замѣчаніе требуетъ изслѣдованія болѣе подробнаго.

Имя Рериковъ (Reregi) не есть собственно племенное, а прозвище. «Deinde sequuntur Obotriti, qui altero nomine *Reregi* vocantur, et civitas eorum Magnopolis» (по славянски Reric. *Ad. brem. c. 64.*). «Obodriti vel Reregi» (*ibid. c. 138.*). «Abodriti vel Reregi» (*Annal. Saxo ad ann. 962.*). Такъ и о Лутичахъ: «Leutici, qui alio nomine *Wilzi* dicuntur» (*Ad. Brem. c. 66.*). «Igitur cum multi sint Winulorum populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis *Wilzi*, a nobis vero Leuticii dicuntur» etc. (*ibid. c. 140.*). «Luticii sive *Wilzi*» (*Helmold I. XXI.*). Какъ Лутичи *волками*, такъ Оботриты прозывались *соколами*, въ слѣд-

ствіе особаго уваженія къ религіозному и символическому значенію этихъ животныхъ, у той и у другой народности. «Должно замѣтить, говоритъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 692. Anm.*), что древніе Славяне и Литовцы сражались подъ стягами, на которыхъ были представлены изображенія животныхъ, служившихъ имъ религіозными символами; имена этихъ звѣрей могли весьма легко перейти на роды или племена, состоявшія подъ этими стягами. Примѣромъ служатъ Кршане т. е. Иллирійцы, обитающіе на островѣ Кркѣ (Veglia[1]) и получившіе отъ изображеннаго у нихъ на стягахъ коршуна, названіе Чучей (Čuči; čuc = bubo). Не есть ли это ключь къ объясненію многихъ родовыхъ и фамильныхъ именъ»? Орелъ (или соколъ) изображенъ у Маша на двухъ фигурахъ (11 и 44) оботритскихъ боговъ; на прозваніе Оботритовъ соколами намекаетъ и скальдъ Гуттормъ Синдри, прославляющій короля Гакона, за то что онъ покорилъ Зеландію и подчинилъ себѣ гнѣздо *вендскаго сокола*, Vinda vals (*hist. Ol. Tr. f. c. 18.*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 122, 123.*) читаетъ по Шафарику (*Sl. Alt. II. 588.*) Rarožane и Rarog, вмѣсто Reregi и Reric; но Шафарикъ употребляетъ эти формы только въ переводномъ значеніи; онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Мы замѣтимъ (о древанскомъ нарѣчіи), что многія явленія, по видимому происходящія отъ позднѣйшихъ искаженій языка, встрѣчаются уже въ наидревнѣйшихъ источникахъ и безъ сомнѣнія берутъ свое начало, не столько въ иноземномъ вліяніи, сколько въ организмѣ и самобытномъ развитіи славянскаго языка, напр. переходъ а въ е; по древански: breda, bredawejcja, wilereiz (weleraz, slowak: weloraz, pluries), grenca (граница), ritis (rákos); у древнихъ: Redigast, Ridegast, Redari, Redara, Retra, Kemnitz, *Reregi*, *Reric*, Brennaborg, Jesne, Riedawice, Gersleff, Jereslaw и т. д.» (*Sl. Alt. II. 623.*). Я прибавлю, что обще-славянское *рокъ*, *рогъ* является у древанскаго племени подъ формою *rik*; такъ wotrok (отрокъ) = woatrik; rog (рогъ) = *rik* (*Henning ap. Dobrowsk. Slow. I. 13, 19.*[2]). Форма **Рерики**, **Рерикъ**

---

[1]) ***Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 163:*** «νῆσος μεγάλη ἡ Κούρκρα ἤτοι τὸ Κίκερ».—***Joh. Luc. de reg. Dalm. 48:*** Lat. Corcira, Slave ***Karkar***».

[2]) И у насъ германское herzog переходитъ въ *герцикъ*: «въ то время нашелъ бяше Фридрихъ царь на *герцика* войною (***Ипат. 175, 187***).

принадлежитъ стало-быть не германскому искаженію, не невѣденію Эйнарда, Адама бременскаго и т. д., а грамматическимъ свойствамъ славянскаго племени, произносившаго *Рерикъ* (соколъ) вмѣсто raroh, rarog. На форму Reric указываетъ и постоянно одинаковое чтеніе имени города *Reric*, *Rerich* у Эйнарда ad ann. 808, 809; *Reric* въ Annal. Fuldens. et Met. подъ тѣми-же годами. Ту-же форму находимъ и въ названіяхъ впадающей въ Одеръ, подъ Кенигсбергомъ, рѣки Рерикъ (die Rörike) и принявшаго отъ нея имя Рерикъ, коммандорства Іоаннитеровъ, около половины XIII-го столѣтія (*Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pom. I. 33, II. 416, 417.* [1]).

Теперь, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ личное имя Рюрикъ, къ нарицательному *reric* (соколъ); къ племенному *Рерики*; къ названіямъ города и рѣки *Рерикъ?*

a) Братъ Рогволода именуется *Туръ*; въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1208 г. Петръ Туровичь. Другіе славянскіе вожди и князья называются *волками*. Имя *Соколъ* встрѣчается между чешскими дворянскими родами. «Thaboritarum Orphanorumque *Socol* et Czapecus» (*Zachar. Theob. jun. bell. Hussitic. 158.*) «der alde von Coldice und her *Socol*» (*Scultet. Annal. in script. rer. Lusatic. I. 2. 242.*) «Johannes I. Primus hic ex natione et nobilitate Polonica, *Accipitri* nempe Familia, Pontificalem promeruit in Silesia dignitatem .·. ao. 1072 vivere desiit» — «Johannes I, ein edler Pohl aus dem *habichten* geschlechte» (*Henel. ser. ep. Wratislaw. ap. Sommersb. II. 5.*). «*Dietel* de Schalitz» (*Boczek, Cod. dipl. Morav. III. № 223.*). Рюрикъ (reric — соколъ) можетъ быть личнымъ именемъ, какъ туръ, волкъ, соколъ, дятелъ.

b) Племенному названію *Драговитовъ* (*Schafar. Sl. Alt. II. 613, 629.*), отвѣчаетъ личное имя вендскаго князя *Драговита* (*Einhard. Annal. ad ann. 789:* Dragawit; *Annal. Lauresh. ad ann. 789:* Tragwit). Племенному названію *Вильцевъ*, личное княжеское *Wiltzan* (*Einhard. Annal. ad ann. 789.* — *cfr. Schafar. Sl. Alt. II. 558:* Wlčkowe, племя; *559:* Wlk, Wlčan, имя). — Племенному *Древане* (*ibid: 953, 594;* срвн. у Нестора: *Древяня, Лавр. 5.*),

---

[1]) Cfr. villa Roreke in *Cronica de duc. Stettin. et Pomeran.* (*Balt. Stud. XVI Jahrg. II. 119*). — Въ хронографѣ Рум. муз. № 456: *Ререкъ.*

личное княжеское *Древанъ* или *Дерванъ*. «*Deruanus* dux, qui urbibus praerat Sclavorum» (*Aimoin de gest. Francor. 369. Fredeg. c. 68.*). — Племенному *Рерики* (Reregi) отвѣчаетъ личное княжеское Рюрикъ

c) Имени города *Оногощь* («Podgoria... zupaniae *Onogoste*, Moratia» etc. *Diocl. ap. Luc. p. 293.*) отвѣчаетъ личное *Оногость*, имя Славянина патриція у Грековъ, въ 470 г. (Ἀναγάστος *ap. Prisc. ed. Bonn. 162.*). Имени города *Радогощь* (*Царств. кн. 39. Сказ. Курбск. 182. — Anonym. Archidiac. Gnesn. ap. Sommersb. II. 91:* Ridgostia), личное *Радгость*, *Radohost*[1]) (Ἀρδαγάστος. *Theophyl. Simocatt. ed. Bonn. 253.*); *Radhost* (*Boczek II. 16.*). Имени города *Olstin* (*Archid. Gnesn. ap. Sommersb. II. 104.* Holstin *ibid. 144.*) личное *Ольстинъ* (*Лавр. 162.*). Имени крѣпости *Соколъ* (въ сербскомъ Дубровникѣ, *Schafar. Sl. Alt. II. 272*, и у насъ на рѣкѣ Дрысѣ, *Карамз. IX. 117. прим. 223.*), личное *Соколъ*. — Имени города *Bezprem* («Urbs quae vulgo *Besprem* nuncupatur» *Stephani reg. Ung. vita min. ap. Pertz, XIII. 227.*), личное *Bezprem* и т. д. — Имени города *Reric*, личное Рюрикъ[2]).

d) Названію рѣки *Radogost* (*Kollar. Sl. Boh. 74.*) отвѣчаетъ личное *Радогость*.—Названію рѣки *Дунай*, личное *Дунай* (*ипат. 209.* — *Dunag*, Čas. Česk. m. VI. 62.) — Рѣки *Днѣпръ* личное *Dnepr* (*Boczek, II. 67, 176.*). — Названію рѣки *Рерикъ* (Rörike) личное Рюрикъ.

Шлецеръ упоминаетъ въ слѣдующихъ, краткихъ словахъ о мнимо-фризскомъ герцогѣРерекѣ: «Въ Фрисландіи былъ около 810 года герцогъРерекъ» (*Нест. III. 102. прим.*). Этотъ Реpекъ былъ не фрисландскій герцогъ, а вендскій князь.

---

[1]) И у Грековъ города носили имена боговъ; такъ Τορώνη богиня и городъ. См. *Welcker, Aesch. Trilog. 10. Anm. 11*).

[2]) Едва ли не было у славянскихъ князей постояннаго обычая прилагать свое имя основаннымъ или любимымъ ими городамъ; при возможности имя города получало прилагательную форму; напр. Оногощь, Радогощь, Ярославль, Ярополчь, Перемышль, Олжичи, Витражъ («civitas Wiztrachi» *Ruodolf. Fuldens. ann. ap. Pertz. I. 370. cfr. Palacky, Gesch. v. Böhm. 115. Anm. 75*). Гдѣ прилагательная форма оказывалась неудобною, имя города не отличалось отъ личнаго; такъ *Соколъ*, *Самборъ* и пр. Можно впрочемъ указать и на формы: *Пжославъ* (*геогр. отр. у Шлец. Нест. II. 781*) и *Богуславъ* (*Карамз. I. прим. 423*), вмѣсто *Пжославль*, *Богуславль*.

Мы читаемъ въ Сагѣ Олафа Тригвасона I. cap. 60: «Quo tempore Karlamagnus regnavit, Jotiae praefuit rex, Godefridus dictus; hic *Hroerekum*, principem Frisonum, interfecit, et Frisonibus tributum imposuit. Postea rex Karlamagnus ingentem exercitum contra Godefridum duxit; tum Godefridus a suis interfectus est, Hemingus vero, fratruelis ejus, rex creatus est». Почти также *Fragm. prim. ad res Danic. pertin:* «Quo tempore Carolus Magnus imperavit, fuit rex, nomine Godefridus; is *Raerekum*, Frisonum principem, interfecit, et Frisonibus tributum imposuit». Мы знаемъ дѣйствительно что Годефридъ (у *Саксона Грамм.* VIII. 433: Gotricus. *Chronic. Erici reg.* LXIX: Godriae hin gyafmilde) дѣлалъ нападеніе на Фрисландію въ 810 году: «Imperator vero Aquisgrani adhuc agens, et contra Godefridum regem expeditionem meditans, nuncium accepit, classem ducentarum navium de Nordmannia Frisiam appulisse, cunctasque Frisiaco littori adiacentes insulas esse vastatas, iamque exercitum illum in continente esse, terrenaque proelia cum Frisonibus commisisse, Danosque victores tributum victis imposuisse, ac vectigalis nomine centum libras argenti a Frisonibus jam esse solutis, *regem vero domi esse, quod et revera ita erat.* — — Sed dum imperator in memorato loco statiua haberet, diversarum rerum nuncii ad eum perferuntur. Nam et classem quae Frisiam vastabat, domum regressam; et Godefridum regem a quodam suo satellite interfectum — — nunciatur» (*Einhard. Annal. ad ann. 810.* Cfr. *Annal. Loiselian. ap. du Chesne scrpt. hist. Franc. II. 47.*). Но ни въ одной изъ германскихъ лѣтописей не упоминается объ убіеніи Готрикомъ, фрисландскаго герцога Ререка; всѣ напротивъ утверждаютъ, что Годефридъ не принималъ личнаго участія въ фрисландскомъ походѣ: «regem vero domi esse, quod et revera ita erat» (Cfr. *Dahlmann, Gesch. v. Dänem. 1. 25.*). О герцогѣ Ререкѣ не знаетъ и Саксонъ Грамматикъ (*l. VIII. p. 437, 438*). Молчаніе германскихъ лѣтописей тѣмъ значительнѣе, что въ 810 году, собственно фризскихъ князей уже не было; послѣдній изъ древняго рода ихъ, Radbod, бѣжалъ въ Данію, послѣ убіенія майнцкаго архіепископа Бонифація въ 754 году (*Einhard. annal. ad ann. 754.*), и съ тѣхъ поръ Фризіею управляли германскіе герцоги, отъ имени императора, «duces qui Fresiam

providebant» (Regin. Chron. ad ann. 809. [1]). Но возможно ли допустить, чтобы германскія лѣтописи, описывающія съ такою подробностію походъ Годефрида на Фризовъ въ 810 году, не знали объ убіеніи имъ германскаго намѣстника императора?

Съ другой стороны, скандинавскія саги, знающія о датскомъ походѣ на Фрисландію въ 810 году, не упоминаютъ вовсе о предшествовавшихъ ему походахъ Готрика, противъ Оботритовъ, въ 808 и 809 годахъ. Отъ германскихъ лѣтописцевъ узнаемъ мы, что датскій король, съ согласія нарочитыхъ оботритскихъ мужей, недовольныхъ своимъ княземъ *Дражкомъ* (Thrasico, Drasco, Thrasco, Drosocus, сокр. Драговитъ или Драгомыслъ), вступилъ, вмѣстѣ съ враждебными Лутичами, въ землю Оботритовъ, прогналъ старшаго князя Дражка, а младшаго (въ лѣтоп. Godelaibus, Godolaibus) повѣсилъ, разорилъ торговый городъ Рерикъ, подчинилъ себѣ двѣ трети оботритской земли и возвратился во свояси съ огромною добычею, но при утратѣ лучшаго цвѣта своего войска. Въ слѣдующемъ 809 году, Готрикъ велѣлъ предательски умертвить князя Дражка, въ его городѣ Рерикѣ: «Thrasico dux Abotritorum in emporio Rerich ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est» (*Einhard. Annal. ad ann. 808, 809. — Chron. Moissac. ad ann. 810, ap. Pertz, I. 309. — Reginon. Chronic. ad ann. 809, ibid. 565*).

Если не ошибаюсь, скандинавскія саги соединили въ одно два различныхъ происшествія и похода и отнесли къ Фризамъ убіеніе славянскаго князя, извѣстнаго имъ подъ именемъ Река; у Саксона Грамматика вмѣсто Славянъ являются не Фризы, а Саксы: «Gotricus, speciosam ex Saxonibus victoriam referens» (l. VIII. 436). Исландскіе писатели безпрестанно смѣшиваютъ Саксонію (Saxland), Фризію (Frisland) и Вендію (Vindland); см. *Scrpt. hist. Islandor. XII. 280, v. Holsatia.* Между народами этихъ земель существовала дѣйствительно тѣсная связь [2]). Въ 789 г. Фризы являются союзниками Оботритовъ

---

[1]) Такъ и *Annal. Fuldens. ad. ann. 844:* «Hludowicus — — populum sibi divinitus subjugatum, *per duces* ordinavit».

[2]) У продолжателя Фредегарія подъ 747 г: «Eodem anno Saxones more consueto fidem, quam germano suo promiserant, mentiri conati sunt. Qua de causa

противъ Лутичей, союзниковъ Датчанъ (*Ann. Lauriss. ad ann. 789*). Какъ Датчане съ Норвежцами, Шведы со Готами, такъ Фризы приводятся у сѣверныхъ лѣтописцевъ въ связи съ Вендами (*см. выше*). Этому сближенію было причиною, кромѣ сосѣдства обоихъ народовъ, славянское поселеніе въ фризской землѣ, еще вполнѣ ощутительное въ первые годы IX-го вѣка (см. *Van Kampen, Gesch. d. Niederl. I. 58. — Schafar. Sl. Alt. II. 570. Anm. 4*). Подобныя ошибки не рѣдки у лѣтописателей среднихъ вѣковъ; какъ скандинавскія саги выдаютъ славянскаго Рерика за фризскаго князя, такъ одни только англійскіе лѣтописцы (первый Флоренцій подъ 1029 г.) знаютъ о небываломъ вендскомъ князѣ Виртгорнѣ (*Wirtgeorn, rex Winidorum*), смѣшивая Вендовъ съ датскою землею Wendile (*Dahlmann, Gesch. v. Dänem. I. 179, № 1*) [1]).

Теперь, почему убитый Готрикомъ славянскій князь Дражко (Драговитъ, Драгомыслъ), названъ Рерикомъ въ скандинавскихъ источникахъ? По всей вѣроятности, имя Рерикъ (соколъ) было прозвищемъ вендскаго Дражка, а городъ его Рерикъ былъ civitas Rerici, какъ Dragawit — civitas Dragawiti, Wiztrach — civitas Wiztrachi и т. д. Прозвище Рерикъ могло быть родовымъ въ семействѣ оботритскихъ князей, родичей нашего Рюрика [2]). Гдѣ Краледворская рукопись знаетъ Честмира (Čmir), воеводу Неклана, Козьма пражскій и Далимилъ именуютъ *Тира* или *Стира* (Tyro, Styr), конечно не по ошибкѣ; подобно Дражку — Рерику, воевода Неклановъ носитъ два имени: Čestmir Styr (см. *Вочель, B. Alt. 72*). Туроцъ знаетъ имя *Безенъ* (срвн. Besenez и Wezen *ap. Boczek, I. 126,*

---

adunato exercitu ad eos pervenire compulsus est; cui etiam *reges Winidorum seu Frisionum* ad auxiliandum uno animo convenerunt» (*Chron. Fredegar. Schol. 160*). Извѣстно, что германскіе лѣтописцы не знаютъ Вендовъ-Славянъ *до 789 года*; здѣсь стало быть нарѣчіе seu не можетъ быть принято въ смыслѣ et; Фредегаріевъ продолжатель смѣшиваетъ Фризовъ съ Вендами.

[1]) Мы указали въ другомъ мѣстѣ (*Отр. гл. X. 98*), на общность географическихъ наименованій Transalbiani, Nordalbingi, Morcomanni, Nordliudi для Саксонцевъ и Вендовъ.

[2]) Изображенная на Игоревой гривнѣ (*Sjögren, Bericht etc. fig. 4*), птица съ поднятыми къ верху когтями, можетъ быть соколъ-рерикъ. Въ Польшѣ роды назывались обыкновенно по гербамъ; см. *Balt. Stud. II. 1858. p. 58. № 194.*

II. 273) для Ярослава Святополковича (*Scrpt. rer. Hungaric. Schwandtner, I. 173.—Карамз. II, прим. 226*) [1]). Какъ прозвище (praenomen) безъ имени, такъ имя употребляется не рѣдко безъ прозвища; напр. *Водовикъ* (*Карамз. III, прим. 331*), *Русалка* (*Соф. врем.*) и т. д. Замѣчательно, что съ убіеніемъ Дражка, названіе Reric исчезаетъ для Мекленбурга.

Синеусъ. — «Snio, Sinnuitr, Signiauter, Siniam, Sune» (*Шест. Шлец. I. 337, прим 6*).—Г. Куникъ (*Beruf, II. 133—138*) предполагаетъ древне-скандинавскую форму Siniut, будто-бы передѣланную въ *Синеусъ*, чюдскими (бѣлозерскими) племенами, бывшими, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей норманской школы, главными участниками въ дѣлѣ призванія.

Длугошь писалъ Scyniew, Sciniew; Стрыйковскій Sinaus albo Syniew. Они думали безъ сомнѣнія о польскомъ имени Сигнѣвъ, Сигнавъ (см. *Ипат. 185, 203*) [2]).

Корень имени Синеусъ должно искать въ прилагательномъ *синій*, польск. siny; въ Игоревомъ договорѣ одинъ изъ пословъ именуется *Синко* (*Лавр. 20*); въ грамотѣ сербскаго короля Стефана (1222 — 1228) встрѣчаются имена: *Сина*, Чьрнота, Бѣлота (Šafař. Pam. drevn. pisemn. Jihosl. č. VII. 7); у Чеховъ *Сина* и *Синогоръ:* «Besenez *Sina*, qui dedit in loco sui *Sinogorum* Velpridek cum sex filiis» (*Boczek, I, 126*); *Синичь:* «Sdeslaus de *Synich*» (*ibid. II. 294*): *Sinaz* (*Kollar, Rozpr. 72*) и т. д. Окончаніе на *усъ* объясняется сравненіемъ съ именами: *Бѣлоусъ* (старый Бѣлоусъ, село въ 6 верстахъ отъ Чернигова; *Бѣлоусъ*, рѣка у *Карамз. II. 256*; въ *Ипат. 76: Бѣловѣсъ*), *Сивоусъ*, *Прудыусъ* и т. д. (см. *Маякъ, 1844. Іюль. Матеріалы 61*).

---

[1]) Мнѣ кажется вообще, что Славяне язычники имѣли два имени; одно родовое или простое (Рюрикъ, Игорь, Безенъ), получаемое при рожденіи; другое прозвище (Святославъ, Владиміръ, Ярополкъ), при постригахъ. О двухъ именахъ свидѣтельствуетъ и сказаніе о Семовитѣ и Мечиславѣ. И въ послѣдствіи наши князья носятъ два имени; одно княжее (языческое), другое христіанское. Простцы отличались преимущественно родовымъ; отсюда такъ мало Святополковъ, Ярославовъ, Славомировъ въ славянскихъ исторіяхъ внѣ княжескихъ родовъ.

[2]) У Адама брем. встрѣчаемъ имя Gneus, Латинизированная ли это, или вендская форма общеславянскаго *Гнѣвъ?* Въ послѣднемъ случаѣ наше Синеусъ передаетъ буквально западное Signeus (Сигнѣвъ).

Быть можетъ *Синеусъ* тоже что западное *Sinaz*, *Sinucz* (срвн. Драгашь и Драгушь у Šafar. *Изб. хрисов. č. VII. 7, и лѣтоп. госп. Срьбск. 74*) т. е. сокращенное *Sineslaw*, *Sinoslaw* (срвн. *Бѣловолодъ* и *Синеволодьско* въ *Ипат. 132, 178;* въ Анатоліи славянскій городъ *Синеславль*, *Sinescla* ap. *Kollar, Rozpr. 119*), какъ Нѣгушь, Драгушь, Длугошь — сокращенные Нѣгославъ, Драгославъ, Длугославъ. Примѣръ перехода западнаго окончанія на *usz* въ русское *усъ*, представляетъ названіе понизовскаго города *Kaluscz*; въ лѣтописи *Каліусъ* (*Ипат. 180.* — *Карамз. III. 248.* — *IV, прим. 20*).

Труворъ, Триворъ. «Thruwar, Truere, Truve, Trygge, Trygr» (*Нест. Шлец. I. 337, прим. 6*). — *Bayer ap. Schloetz. ibid. III. 237:* «Rurici fratri *Trewur*, *Trubar*, *Trowur*, nomen fuit, ut ruthenicae habent historiae». Откуда взялъ онъ эти варіанты? Г. Куникъ (*Beruf. II. 131 ff.*) приводитъ древне-скандинавское *thruwar* — вѣрный; такъ прозывался нѣкто Иваръ: «Ywarusque cognominatus Thruwar» (*Saxo Gram. VIII. 383*). Другаго примѣра прозвища *thruwar* въ древне-скандинавскихъ памятникахъ не встрѣчается; а отсюда, при неисчерпаемомъ богатствѣ сѣверной ономатологіи, мы въ правѣ заключить, что въ приводимомъ мѣстѣ, прозвище *thruwar* есть ни что иное, какъ случайность (въ родѣ другихъ скандинавскихъ прозвищъ, напр. Lodbrok, Blatand, Blodyxa, Harfagr и т. д.), но отнюдь не обычное у Норманновъ личное имя.

Имя третьяго варяжскаго князя является у насъ подъ двойною формою *Труворъ*, *Триворъ;* послѣднюю встрѣчаемъ въ Полетиковскомъ, Патріаршемъ (*Нест. Шлец. I, 333, 334*) и Никоновскомъ (*I. 15*) спискахъ лѣтописи; въ древнемъ хронографѣ Эрмитажной библіотеки у Круга (*Forsch, I. 95*) и т. д. Колларъ (*Rozpr. 360*) указывалъ на чешское *Striebor* (*Rukop. Kralodv. 37*), прибавляя, что у Чеховъ буква *s* часто становится передъ словами, начинающимися на *t;* такъ у Козьмѣ Пражскаго: *Tur*, *Tyro*, а у Далимиля Štir, у Hagek'a *Styr*; *stjn* вмѣсто *тѣнь* и т. д. [1]). О переходѣ *у* въ *и* и наоборотъ, свидѣтельствуютъ двойныя формы: Tur, Tyr; Труворъ, Три-

---

[1]) *Стѣнь* вм. *тѣнь* и у *Экс. Болг. 148, 157.*

воръ. На вендо-лужицкомъ нарѣчіи славянское *Striebor* превращалось въ *Triebor*, въ слѣдствіе не особаго исключенія, а *непремѣннаго* лингвистическаго закона сербо-лужицкаго языка, въ силу котораго буква *s* всегда выбрасывается въ словахъ начинающихся на str' или str; такъ: struna, *truna;* strojic, *trojic;* strasliwy, *trasliwy;* struk, *truk;* sestra, *sotra* и т. д. (*Jordan, Gram. d. Wend.-Serb. Spr. 9*). Ни Венды не могли произносить иначе какъ *Triebor*, ни мы принять отъ нихъ этого имени подъ другою формою. Г. Куникъ (*Beruf. II. 131, 132*) возстаетъ противъ чтеній Длугоша «Trubor» и Стрыйковскаго «Truwor albo Trubor» и противъ приводимаго у Коллара (*Rozpr. 361*) Славянскаго имени XV столѣтія: *Truber* [1]) (Primus Truber *ap. Dobrovsk. Slavin 294. — Грамм. Копитара 397*), преимущественно потому что переходъ русскаго *в* въ польское *б* не доказанъ другими примѣрами. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о переходѣ русскаго *в* въ польское *б*, а напротивъ о переходѣ западнаго, вендскаго *б* въ русское *в*, какъ доказывающемъ возможность усвоенія русскими Славянами западныхъ: Triebor, Trubor, подъ формами Триворъ, Труворъ. Примѣровъ подобнаго перехода, во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, собрано довольно у Шафарика (*Abk. d. Sl. 103*). Чешское kolébka (колыбель) у Сербовъ koljewka; чешское modlitba у Сербовъ и на Руси *молитва;* сербское Bitwa (рѣка) на Руси *Витва* (въ геогр. отр. у *Шлец. Нест. II. 781: Видба*); чешское Borës (личное имя у Палацкаго *Gesch. v. B. I. 289*) у насъ *Воршъ* (*Ипат. 183*) и т. д. Гдѣ Чехи говорятъ *Lutobor* (*Boczek, I. 192*), мы произносимъ *Лютаворъ* (*Акт. истор. I. 182*) и *Литаворъ* (*Сборн. Мухан. 70*). Не только при переходѣ изъ одного нарѣчія въ другое, перестановка буквъ *в* и *б* замѣтна и въ каждомъ отдѣльномъ нарѣчіи; такъ у Чеховъ: Wladiboi (*Dobn. Annal. Hayec. IV. 484, 505*), вмѣсто Владивой (у Дитмара Wlodouuei); Budibog (*Boczek, III. 374, IV. 256*) вмѣсто Будивой; Kotiwors (*ibid. V. 168*) вмѣсто Chotěboř; gawor и gabor безразлично (*Jungm.*) Новгородская лѣтопись читаетъ *Раковоръ* и *Ракоборъ*,

---

[1]) Въ изданномъ кн. Оболенскимъ *Лѣтописцѣ Русскихъ царей* (*Супрасльск. рук. 172*) вмѣсто Труворъ, дважды поставлено Труберъ (Трѹберъ).

Граворъ и *Граборъ* (*59, 154, 163 см. вар. i*). Послѣ этихъ примѣровъ, кажется трудно сомнѣваться въ тождествѣ западныхъ: Striebor, Triebor, Truber [1]) съ словено-русскими *Триворъ*, *Труворъ*. Окончаніе на *воръ* существуетъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ; срвн. Chiwor, (*ap. Hagek ad ann. 791*) и т. д.

Олегъ, Ольга. У Байера: Alak; у Шлецера: Олофъ, Олафъ (*Нест. Шлец. III. 105*, срвн. чешское Holak, Olek, *ap. Boczek, I. 125, 136, 233;* лужицкое Olaw *ap. Sommersb. I. 935, 936*). Ольга — Alogia (*Нест. Шлец, l. c. — Погод. изслѣдов. III. 91*).—Г. Куникъ (*Beruf. II. 142 ff.*) приводитъ скандинавскія формы Helgo, Hölgi, Helga, Hölga, ссылаясь преимущественно на греческое Ἔλγα (Ольга) у Конст. Багрянороднаго (*de Cerim. ed. Bonn. I. 594*) и у Кедрина (*ed Bonn. II. 329*). Нѣтъ сомнѣнія, что скандинавскія Helgo, Helga могли-бы проявиться у насъ подъ формами Ольгъ, Ольга, какъ западные jedin, jelen подъ формами *одинъ, олень* и т. д. Но въ предположеніи норманской системы, Греки слышали Ольгино имя не подъ его славянскою, а подъ его скандинавскою формою Helga; а въ этомъ случаѣ греческое Ἔλγα безъ придыханія [῾] обойтись не могло. Естественнѣе объясняется переходъ русскаго Ольга въ греческое Ἔλγα изъ природной греческому и славянскимъ языкамъ равнозначимости звуковъ *о* и *е*; такъ: ὁλκή — tractio, tractus и ἕλκω, ἑλκύω — traho; ὁλκάζω traho ἕλκω, χαλιναγωγῶ. *Hesych.* — ὁλκός ἄνθρωπος· ὁ ἑλκυστικὸς καὶ ἐπαγωγός. *Suid.* v. ὁλκὸς (срвн. *влеку* и *волоку*). Такъ и сербскій городъ *Ольгунъ* (нынѣ Dulcigno см. *Schafar. Abk. d. Sl. 171.—Sl. Alt. II. 272*), у Плинія Olchinium (*Hist. nat. III. 26*), у Тита, Ливія и Птолемея Olcinium, Ὀλκίνιον (*Cellar. Notit. Orb. Ant. II. 617*), переходитъ у Конст. Багрянороднаго въ форму Ἑλκύνιον, относящуюся къ Olcinium, Olchinium, какъ греческое Ἔλγα къ русскому Ольга (*de adm. imp. ed. Bonn. 145*).

Начальный слогъ *ол* — входитъ въ составъ множества мѣстныхъ и личныхъ именъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. У Моравы городъ и погостъ Olomutiči въ 864—882 г., нынѣшній Олмюцъ: рѣка Ольцава (*Schafar. Sl. Alt. II. 501*); у

---

[1]) Срвн. мѣстное Triebersderf у Бочка (Index).

Чеховъ личныя: Olata, Olbram, Olek, Olen, Olota (*Boczek, I. 115, 233, 226, 176, II. 56*) и т. д.; у полабскихъ Славянъ городъ Ольгощь (*Andr. V. S. Otton. ap. Ludew. I. 500:* Hologost; *Inc. Auct. chron. Slav. 209:* Wolgost; *Vita Otton e passion. monast S. Crucis 352:* Ologast; *alit:* Hologasta, Wolgast, Wolegast); на Руси, рѣки: Олто (Алта), Олычь (Олицъ), Олшаница (*Ипат. 43, 46, 51*); *Ольстинъ* Олексичь (тамъ же, 129); Olimarus rex Orientalium sc. Ruthenorum (*Saxo Gram. V. 231*) и т. д. Что этотъ слогъ ол—ol есть ни что иное какъ вел—wel (велій, великій), уже видно изъ того, что почти каждое изъ приведенныхъ именъ имѣетъ соотвѣтствующее на *вел;* напр. Olek—Welek, Olen-Welen, Olhost-Welehost, Olimarus-Welemir, Wolin-Welin, Olstin-Welestin, волотъ — welet, Волосъ — Veles и т. д. [1]). Теперь въ какомъ значеніи проявляется коренное славянское *ол* въ имени Ольгъ, Олегъ?

Непремѣннымъ правиломъ сокращенія славянскихъ именъ, кончающихся на *миръ, мыслъ, славъ, гость* и т. д., должно принять удержаніе, въ концѣ сокращенія, основныхъ звуковъ *м, с, г.* — *Радимъ* (*Лавр. 5* — *Radim* братъ св. мученика Адальберта, *Cosm. II. 40; Radim* Castellanus de Preroue, *ap. Boczek, I. 115*) сокращенное *Radimir*, древне-славянское имя (*Boczek, II. 136*); отсюда и Длугошевы Radzymierżane—Радимирцы (*Нест. Шлец. II. 787*); *Branim* (сынъ Лешка у *Kadlub. I, ep. 16. — Boguchw. 22—23,*—cfr. *Barnim*, Stettini, Pomeraniae, Schlauiae et Cassubiae dux ao. 1343. *Scrpt. rer. ep. Bamberg. Append. Diplom. I. 555*), сокращенное *Branimir*, имя хорватскаго князя около 879 года (*Schafar. Sl. Alt. II. 287*); *Вадимъ*, быть можетъ сокращенное Владиміръ (срвн. сербскія *Добросавъ, Владисавъ, Иносавъ* и пр.). — *Гостимъ* (*Gestimus*, Annal. Xantens. *ap. Pertz, II. 228*) сокращенное Гостомыслъ (*Gotzomiuzli, Goztomwil, annal. Trecens. 445.—Gestimulus*, Lamberti annal. *ap. Pertz, V. 47*). *Нѣгушь, Драгушь, Мирошь, Радишь,* Jaröš, Braniš, Mstiš, сокращенныя: Нѣгославъ, Драгославъ, Мирославъ, Радославъ, Ярославъ, Браниславъ, Мстиславъ (см. Šafar.

---

[1]) Наше сравнительное *больший*, не существующее у другихъ славянскихъ народовъ, ничто иное какъ *вельший*.

Изб. Хрисов. с. VII, с. 7). — *Anatrog* (Ондрогъ), имя вендскаго князя у Адама бременскаго (*cap. 105*), сокращенное *Ондрогость* (Ἀνδραγάστος, ap. *Theophyl. Simocatt. ed. Bonn. 47*, у Шафарика ошибочно *Onodrag, Sl. Alt. II. 535*); *Billug* (regulus Obotritorum *ap. Helmold. I. XIII*) сокращенное Бѣлогость (срвн. личныя: Бѣловолодъ, Бѣлота и пр.); *Mileg* или *Miley* сокращенное *Milgost* (*Boczek, I. 114, 115*); *Radeg* или *Radey* (*ibid. 125*) сокращенное *Radhost* (*ibid. II. 16 и дал.*) и т. д. *Jareh, Jareg, Spitieh* сокращенныя: Jarohnew, Spitihnew (*ibid. I. 115, 233, II. 65 58*). *Ольгъ, Олегъ* сокращенное *Ольгость*[1]). Но имѣемъ-ли мы основаніе полагать личное *Ольгость* въ числѣ славянскихъ именъ?

Мы уже видѣли, что бо́льшая часть мѣстныхъ славянскихъ именъ образуется изъ личныхъ. Таковы, безъ исключенія, *всѣ* мѣстныя имена съ окончаніемъ на *гощь, славль, мирь, мышль* и т. п. Изъ происходящихъ отъ личныхъ съ окончаніемъ на *гость*, намъ извѣстны города и села: *Оногощь, Радогощь, Оргощь* (*Ипат. 84*, — личное *Орогость, Лавр. 116*), *Пирогощь* (Пирогощая богоматерь въ *Сл. о П. Игор. изд. Сахар. п. 12. — Лавр. 132, 148*, — срвн. Πειράγαστος *ap. Theophyl. Simocatt. VII. 4*), *Домагощь* (*Ипат. 30.*—Domagost личное имя *ap. Boczek, I. 181*) и т. д. — Очевидно, что форма поморскаго *Ольгощь* (Hologost, Wolgost, Ologast) предполагаетъ личное вендо-славянское *Ольгощь;* въ самомъ дѣлѣ, между личными именами, приводимыми у Шафарика (*Sl. Alt. I. 55*), мы встрѣчаемъ форму *Wolhost*. Какъ *Ольгощь* и *Вольгощь* (Hologost, Wolgost), какъ *Олимиръ* (Olimarus *ap. Sax Gramm.*) и *Wolimir* (*ap. Sommersb. II. 67, 74*), какъ *Ольга* и *Вольга*, такъ *Ольгость* и *Wolgost;* Ипат. л. (148) читаетъ *Волговичь* вмѣсто *Ольговичь*.

Существованіе личнаго *Ольгость* несомнѣнно; его сокращеніе подъ формою *Ольгъ, Олегъ*, непремѣнная потребность лингвистическихъ аналогій. И дѣйствительно мы находимъ у Чеховъ личное *Oleg* подъ 1088 г. (*ap. Boczek, I. 184.* — Срвн. личныя: Mileg, Muteg, Radeg, Nadeg и т. д.).

---

[1]) Новгор. лѣт. читаетъ (30) *Ольгъ*. Въ формѣ *Олегъ* (сокр. Олегость, Велегость) удареніе падаетъ на начальное о, *Олегъ*. Герберштейнъ, хорошо владѣвшій славянскими языками и произношеніемъ пишетъ Olech (*Comm. 3*).

Какъ отъ сокращеннаго *Тугъ* (Tungo, Tugost) [1]) женское *Туга* (*Const. P. de adm. imp. ed. Bonn. 143*), такъ отъ сокращеннаго *Ольгъ* женское *Ольга.*

Г. Куникъ производитъ это имя отъ скандинавскаго Helga. Но Скандинавы знали русскую Ольгу подъ другимъ именемъ; они называли ее Аллогіею, *Allogia*.

Уже нѣкоторые изслѣдователи (между прочими и протоіерей Сабининъ) догадывались, что подъ именемъ Аллогіи, супруги Владиміра (*Hist. Olavi Tr. f. cap. 46*), сокрыта бабка его Ольга. Г. Куникъ (*Beruf. II. 148*) отвергаетъ это предположеніе; но кажется безъ основанія. Сага Олафа Тригвасона знаетъ объ Ольгѣ, съ одной стороны, по преданіямъ, вывезеннымъ изъ Руси, Норманнами - дружинниками; какъ у Нестора Ольга, такъ въ сагѣ Аллогія именуется «мудрѣйшею всѣхъ человѣкъ», omnium feminarum sapientissima» (*Лавр. 46.— Hist. Ol. Tr. f. c. 57*); и въ сагѣ и въ лѣтописи она является первою христіянкою на Руси. Другимъ источникомъ саги (объясняющимъ почему Ольга-Allogia представлена не бабкою, а женою Владиміра) была древняя германская хроника Imago mundi, о которой сага отзывается слѣдующимъ образомъ: «Haec, quae de annuntiata in Gardarikia ab Olavo Tryggvii filio fide Christiana jam relata sunt, fidem non excedunt (по свидѣтельству саги, Аллогія, Владиміръ и вся Русь крестились по совѣту Олафа), nam liber praestans, et ad rerum cognitionem frugifer, qui inscribitur *Imago Mundi*, clare testatur, has nationes, quae appellantur Rusci, Polavi, Ungarii, ad christianismum conversas esse diebus Ottonis imperatoris hoc nomine tertii» (*ibid. cap. 76*). Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ въ *Honorii Summa tot. et imag. Mundi ad ann. 1002:* «Ruzi, Polani et Ungarii facti sunt Christiani» (*Pertz, XII. 130*). У Дитмара находимъ тоже извѣстіе, но при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Amplius progrediar disputando, regisque Russorum, Vlodomiri, actionem iniquam prostringendo. Hic a Graecia ducens uxorem *Helenam*

[1]) *Tungo* (имя сербскаго князя у Эйнгарта подъ 826 г.) югозападная форма славянскаго *Тугъ*, сокращеннаго *Тугость*. Это имя проявляется въ мѣстномъ *Тугощь* (Tugast *ap. Boczek, I. 173;* у Палацкаго I. 227: *Tugocz*), нынѣ Domažlice, нѣмецкое *Taus*. См. *Schafar. Sl. Alt. II. 419. Anm. 4.*

nomine, *tertio Ottoni* desponsatam, sed ei fraudulenta calliditate substractam, Christianitatis sanctae fidem eius hortatu suscepit, quam iustis operibus non ornavit» (*l. VII. 103, 104*). Какъ въ сагѣ, такъ и у Дитмара поставлена Ольга (Allogia-Helena) супругою Владиміра, вмѣсто греческой царевны *Анны*. Ошибка естественная; преданіе соединяло въ одно двѣ эпохи христіянства и двухъ великихъ просвѣтителей Руси [1]). Скандинавы знали, подъ именемъ Аллогіи, ту самую Ольгу, которая была извѣстна Дитмару подъ именемъ Елены.

И теперь, норманское-ли это имя Allogia, Arlogia (*Codd. B. C. Scrpt. hist. Island. I. XXII. 93, 161*)? Оно извѣстно въ скандинавскихъ сагахъ (см. выше и *hist. Ol. Tr. f. ab Oddo mon. cap. 5*) только о мнимой супругѣ Владиміра. Г. Куникъ (*Beruf. II. 148*) называетъ ее Норманкою и утверждаетъ, на свидѣтельствѣ Снорре, что она имѣла собственныхъ норманскихъ тѣлохранителей—Верингов. Но саги не знаютъ ни о норманскомъ происхожденіи Аллогіи, ни о норманскихъ тѣлохранителяхъ, ни о Верингахъ, а только о тѣлохранителяхъ (satellites), дружинѣ (cohors militum) и придворныхъ (aulici) въ общемъ значеніи [2]). Сознавая отсутствіе у Норманновъ имени Allogia, авторъ призванія Родсовъ однако же говоритъ: «Быть можетъ она (т. е. какая-то миѳическая Glöd) называлась также и Halôgia; по крайней мѣрѣ должно принять, что норманскія жены но-

[1]) Точно также смѣшиваютъ времена Ростислава, Аскольда и Владиміра, неизвѣстный Грекъ у Бандури и хронографъ Румянц. музеума (см. *Бодянс. о врем. пр. слав. письм. 166, 96*).

[2]) О дружинахъ скандинавскихъ королевъ не находимъ слѣдовъ въ сѣверныхъ сагахъ. Напротивъ совершенно сходное съ настоящимъ извѣстіемъ преданіе занесено въ сагу Олафа Тригвасона, о вендской Астридѣ, дочери Борислава и супругѣ Сигвальда: «Satrapa (Sigvaldius) decem duxit naves, quas Olavo regi subsidio promiserat, si opus esset; undecima autem erat navis *Vindica*, qua vecti dicuntur *milites Astridae*, regis filiae, quae navis longiore flexu haud procul a navi satrapae ferebatur» (*Hist. Ol.Tr. f. cap. 247.* Cfr. «satellites Astridae» *ibid. cap. p. 8*). И наши старинныя пѣсни знаютъ о дружинѣ княгининой:

Гой еси, Иванъ Годиновичь,
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто».

(*Солов. Ист. Р. I. 217*).

сили это имя въ самодревнѣйшія времена, ибо иначе его присутствіе на Руси необъяснимо».

Имя Аллогіи неизвѣстно какъ на Руси, такъ и у Норманновъ. Этимъ именемъ, занятымъ, ради его подобозвучія съ именемъ Ольги, отъ скандинавскаго названія части Норвегіи (Hallogia, у Сакс. Грамм.), сѣверныя саги передаютъ имя русской княгини, которую очевидно смѣшиваютъ съ извѣстною *Ольгою*. Называютъ-ли они эту княгиню Норманкою? нисколько. Гдѣ же причины приписывать ей скандинавское происхожденіе [1])?

Въ числѣ древне-чешскихъ именъ у Палацкаго встрѣчается Olha (Čas. Česk. m. VI. 64). Ольгою (Alga oder Ottilia) названа и дочь силезскаго герцога Болеслава (Boleslaus altus † 1201) и русской Венцеславы (*Sommersb. I. 140, 39*). Но эта быть можетъ по родственнымъ отношеніямъ къ Руси [2]).

Игорь. «Ингваръ, Иваръ, Иѳваръ, Иѳаръ, Ингверъ» (*Байеръ у Шлец. Нест. III. 103*). — У г. Куника (*Beruf. II. 156 — 165*): Ingwar.

Княжеское имя *Игорь* является въ русской исторіи подъ двоякою формою; 1) въ договорѣ 944-го года, у Нестора и въ лѣтописи вообще, подъ формою *Игорь;* 2) у Конст. Багрянороднаго (*de adm. imp. ed. Bonn. 74*), Льва Дьякона (*ed. Bonn.*

---

[1]) Г. Погодинъ заключаетъ о норманствѣ Ольги изъ принятія ею христіянской вѣры и удержанія власти послѣ смерти Игоря (*Изслѣд. III. 92, 93*). Но и въ другихъ славянскихъ земляхъ христіянство начинается съ княжескихъ женъ; у Чеховъ Людмила; у Поляковъ Дубравка. О правѣ верховной власти, должно замѣтить, что у Норманновъ оно предоставлялось исключительно мужскому полу; женщина ни въ какомъ случаѣ (а того менѣе женщина не знатнаго рода) не могла владѣть престоломъ (см. *Dahlmann, Gesch. v. Dän. I. 167.* На какомъ основаніи могъ Гриммъ писать: Auch in dem alten Schweden herschten Königinnen» (D. R. A. I. 408), я не знаю). Напротивъ, у Славянъ верховная власть не выходила изъ княжескаго рода; Ванда княжила у Ляховъ; Любуша у Чеховъ; вдова Доброслава правила сербскою землею по смерти мужа; Драгоміра Богеміею, отъ имени осемьнадцатилѣтняго сына Вячеслава. Въ отвѣтъ на доказательства, почерпнутыя изъ общихъ мѣстъ о гражданской дѣятельности, воинственности, мстительности, гордости Ольги, я отсылаю къ исторіямъ Власты, Любуши и т. д.

[2]) Дальнѣйшее о варяжскомъ происхожденіи Ольги см. ниже, гл. XVIII.— Любопытна характеристика славянской княгини у Дитмара VII. 106: «Uxor autem ejus (sc. princip. Deiux) Beleknegini, id est, pulchra domina Slauonice dicta, supramodum bibebat et in equo, more militis, iter agens, quendam virum racundiae nimio feruore occidit».

106, *144*), Ліудпранда (*V*, *cap. VI*) и въ лѣтописи, при поминѣ о двухъ князьяхъ Рюрикова дома, подъ формою Ἴγγωρ, Ἴγγορ, Inger, Ингорь. Въ первобытномъ тождествѣ обѣихъ формъ сомнѣваться нельзя; варяжскіе князья и ихъ единоплеменники, Славяне поморскіе, произносили *Ингорь* (Įgor) [1]); отъ нихъ эта форма перешла къ византійцамъ и Ліудпранду; русскіе Славяне говорили *Игорь;* подъ формою *Игорь* является имя перваго Рюриковича и на золотомъ брактеатѣ, описанномъ у Финнъ-Магнусена и у Шегрена (*Runamo og Runerne*, *Bericht etc.*). Одновременное проявленіе обѣихъ формъ представляютъ въ Ипат. лѣтописи *Игоревъ* бродъ и *Инжиръ* бродъ (*Ипат. 87, 127*). Въ послѣдствіи времени обѣ формы отдѣлились совершенно и образовали каждая особое имя: Игорь, Ингорь.

Исторія хорутанскихъ Славянъ знаетъ подъ 803 годомъ, славянскаго князя именемъ *Ingo:* «Arnon Episcopus sedis Juvaviensis curam gessit, mittens in Slavoniam, in partes videlicet Charantanas, atque inferioris Pannoniae illis Ducibus atque Comitibus, quorum unus *Ingo* vocabatur, multum carus populis» (*Convers Bagoarior. et Carantanor. ap. Pertz*, *XIII. 9*). Hansitz (*Germ. sacr. II. 103*, *109*) считаетъ его тождественнымъ съ виндскимъ герцогомъ св. Домиціаномъ [2]). У Чеховъ находимъ коренное *инг* — въ составномъ *Hynchwog* (Инговой), о которомъ Hagek упоминаетъ подъ 736 г.: «Prēmysl a *Hynchwog*, málo odstaupiwše na to se poradili; въ мѣстныхъ: *Ingrowitz* (Инговичи) у Коллара (*Rozpr. 254*); *Ingmerovicz* (Ингомировичи) у Бочка (*I. 314*) и т. д. — Мы сами не имѣемъ недостатка въ свидѣтельствахъ о существованіи на Руси, языческаго славянскаго *инго*, *инг*. Въ числѣ игоревыхъ пословъ, въ договорѣ 944 года, встрѣчается *Ингивладъ*. Между литовскими городами географическаго отрывка у Шлецера (*Нест. II. 781*): *Ижо-*

---

[1]) Въ отрывкѣ русской лѣтописи на польскомъ языкѣ, напечатанномъ въ Варшавѣ въ 1825 году, вмѣстѣ съ польскою хроникою Прокоша: *Ингорь*, объ Игорѣ Рюриковичѣ.

[2]) Форма *Ingo* встрѣчается и у германскихъ народовъ, хотя очень рѣдко: *Ingo* abba ordinatur in Masciaco monasterio» (*Annal. Masciac. ad ann. 1002*, *ap. Pertz*, *V. 170.—Cfr. Richeri hist. l. I. ibid. 571*). Grimm (*D. M. 320*) знаетъ только составные: Ingiomêrus, Inguram, Ingimunt, Ingiburc, Ingigolt.

славъ; въ числѣ рязанскихъ XIII столѣтія; *Ижеславецъ* (*Сказ. о наш. Бат. 33*). Какъ формы *Ижора, Ижера* передаютъ финское *Ingeri* (*Sjögren, Gesam. Schriften I. 570*), такъ формы *Ижославъ, Ижеславецъ* западныя *Инголавъ*, или *Ингиславъ.* Тоже начальное *Ingoslaw* переходитъ, черезъ среднее *Ижеславъ* (въ *краткой Новгор. лѣт. изд. кн. Обол. подъ 1113 г.*: «преставися Святополкъ *Ижеславичь*»), въ княжее русское *Изъяславъ* [1]).

Ingo форма юго-западная; срвн. *Иво, Шварно, Tungo* («unus de Soraborum primoribus» *Adelm. Benedict. ad ann. 826*) и т. д. Окончаніе на *орь, оръ* отличительная принадлежность восточныхъ нарѣчій; на Руси: *Тудорь, Лазорь* (*Ипат. 179*), *Лихорь* (*Карамз. V, прим. 145*) и т. д.; у Сербовъ: *Тудорь, Букорь* (см. Šafař., *Pam. Pisemn. Jihosl. I.* 7) и пр. Проявленіе вендскаго имени (*Ingo*) подъ русскою формою (*Игорь*), совершенно естественно.

Тоже имя подъ его формою *Ингорь* встрѣчаемъ у Грековъ въ IX вѣкѣ. Байеръ у Шлецера (*Нест. III. 103, 104*) и г. Куникъ (*Beruf. II. 162, 163*) полагаютъ, что прадѣдъ Константина Багрянороднаго, *Ингеръ* или *Инкиръ* (*Leo Gramm. ed. Bonn. 230:* Ἴγγερ; *Glycas ed. Bonn. 552:* Ἴγκηρ) изъ рода Мартинаковъ, былъ норманскаго или германскаго происхожденія. О знаменитыхъ готскихъ или норманскихъ родахъ въ византійской исторіи той эпохи, ничего неизвѣстно; о славянскихъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописцы. Византійская исторія знаетъ о греческихъ сановникахъ и воеводахъ изъ Славянъ, Добрегостѣ, Всеградѣ, Татимирѣ; о патриціи Оногостѣ; о константинопольскомъ патріархѣ Никитѣ (см. *Schafar. Sl. Alt. II. 196*) и т. д. *Нестонги* Андроникъ и Исакъ, двоюродные братья Іоанна Дуки (*Georg. Acropol. ed. Bonn. 39, 40, 151, 161*), носятъ славянское прозвище; Нестонгомъ (Νεστόγγος) именовался братъ хорватскаго князя *Срема* или *Сермона*, убитаго Греками въ 1019 году (*Cedren. ed. Bonn. II. 476*). Изъ греческихъ императоровъ славянскаго происхожденія намъ извѣстны Юстиніянъ и Василій Македонянинъ; за послѣд-

---

[1]) *Переяславль* такъ названъ, по Нестору (*Лавр. 53*), въ честь Яна Усмошвеца «зане перея славу отрокъ отъ».—Это очевидно западное Prěslawl; срвн. Prěmysl, Przcslaw (*ap. Sommersb. II. 106*) и т. д.

нягo выдалъ императоръ Михаилъ Евдокію *Ингоревну* (τὴν Ἰγγιρίναν, *Leo Gramm. ed. Bonn. 242, cfr. Genesius ed. Bonn. 111*), безъ сомнѣнія, какъ онъ самъ, славянскаго рода.

Если-бы не это сочетаніе историко-лингвистическихъ доказательствъ въ пользу славянскаго происхожденія имени Игорь, Ингорь, я допустилъ бы его скандинавское происхожденіе (мы видѣли у Норманновъ славянскія имена: Бориславъ, Яромиръ, Войслава и т. д.), на основаніи приводимаго Татищевымъ изъ Іоакима, норманства Игоревой матери: «имѣлъ Рюрикъ нѣсколико женъ, но паче всѣхъ любляше *Ефанду*, дочерь князя *Урмянскаго*; и егда та роди сына Ингоря, даде ей обѣщанный градъ съ Ижорою въ вено» (*I. 34*). Но по всему видно, что это извѣстіе принадлежитъ къ числу Татищевскихъ изобрѣтеній; убѣжденный въ непреложность Байеровыхъ увѣреній въ скандинавизмѣ личныхъ именъ нашей исторіи, онъ искалъ для Игоря скандинавской матери и напалъ на варіантъ договора: «*Ефандръ* жены Улѣбовы»; (быть можетъ, у Татищева и въ самомъ дѣлѣ было «Ефанды»). Но *Ефанда* не скандинавское и не славянское имя, а ошибка, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ [1]).

---

[1]) Къ формамъ Игорь—Ингорь, г. Куникъ подводитъ первородную *Ингварь*. Но онъ приводитъ напрасно въ доказательство (*Beruf. II. 158*) тождества на Руси обѣихъ формъ *Ингорь* и *Ингварь*, будтобы относящіяся къ одному лицу имена князей *Ингваря Ингваревича* (*Воскрес. лѣтоп. I. 26*) и *Ингора Ингоревича*, нарѣченнаго въ св. крещеніи Козьмою (*Русск. Времянн. 101—106*), возстановителя въ 1237 году, опустошенной татарами Рязани. Воскресенская лѣтопись (*I. 26*) знаетъ не объ Ингварѣ *Ингваревичѣ*, а объ Ингварѣ *Игоревичѣ*, сынѣ *Игоря* Глѣбовича, подъ 1207 и 1219 годами (*см. Карамз. III. 174 прим. 185* и сылку на *Воскр. л. I. 26. — Срвн. Солов. Ист. Росс. II. генеалог. табл. № 3*). Ингорь Ингоревичь, нареченный Козьмою, былъ сыномъ *Ингоря* Святославича (*Сказан. о наш. Батыя, изд. Сахар. 36*). Карамзинъ (*III. прим. 360*) пишетъ, кажется, по ошибкѣ: «Поиде Игорь (сынъ *Ингваревъ*) ко граду Пронску и собра раздробленныя уды брата своего, Олега и принесе въ Рязань, и положи съ княземъ Георгіемъ во единой рацѣ» (*Русск. врем.*). Въ сказаніи о нашествіи Батыя читаемъ, какъ слѣдуетъ: «Потомъ же поиде князь *Ингорь Ингоревичь* ко граду Пронску и собра раздробленныя уды брата своего, благовѣрнаго князя Ольга *Ингоревича* краснаго» и т. д. (*изд. Сарах. 36*).

Ингварь быть можетъ ничто иное какъ искаженное *Инговоръ*. Въ Новог. лѣт. подъ 1238 г. Олегъ названъ *Инговоровичемъ*. Инговоръ (срвн. Труворъ,

Владиміръ. Шлецеръ (*Нест. III. 105*) считаетъ имя Владиміра совершенно отличнымъ отъ Валдемара; «первое, говоритъ онъ, есть славянское, а послѣднее скандинавское, и кажется имѣетъ совсѣмъ особенное начало и значеніе». Г. Куникъ (*Beruf. II. 112*) полагаетъ, что оба имени испоконная принадлежность германскихъ и славянскихъ племенъ, хотя съ одной стороны окончаніе на *миръ* занято Славянами отъ гото-германскаго: merjan = verkündigen; vaila-mêrs = wohllautend; mâri=kund, ruchbar, berühmt; а съ другой, имя Владиміра, подъ этою формою, извѣстно только сербскимъ и болгарскимъ Славянамъ.

Искусственнаго нѣтъ, кажется, ничего въ этимологіи славянскаго *Владиміръ* отъ *владѣти* и *міръ;* окончаніе на *миръ* (Friede) соотвѣтствуетъ германскимъ Siegfried, Meinfried, Warnefried и т. д. Форма *Владиміръ*, кромѣ Болгаръ и Сербовъ, извѣстна у Чеховъ: «*Wladimir* dux de Holomucz cum fratre suo Brecizlao» (*Boczek, I. 309, ad. ann. 1183*); о городѣ или мѣстечкѣ *Wladimierz* въ Моравіи упоминается подъ 1204 г. (*ibid. II. 23*); одинъ изъ девяти аманатовъ, врученныхъ польскимъ Премысломъ поморскому Святополку въ 1256 году, именовался Владиміромъ: «*Wladimirus*, filius Prandothe» (*Archid. Gnezn. ap. Sommersb. II. 88*); Владиміромъ (Woldemarus) назывался также одинъ изъ сыновей оботритскаго герцога Прибислава-Генриха (*Helmold, I, cap. XXIX*).

Имя Waldemar или Woldimar неизвѣстно германскому міру; что оно и не скандинавское, а зашедшее къ Скандинавамъ отъ Руси, доказано его норманскою исторіею. Первымъ Waldemar'омъ былъ великій (род. 1131 г.), сынъ Канута св. и Ингибіарги, дочери Мстислава-Гаральда; имя Woldemar'a (по славяно-скандинавскому обычаю того времени) дано ему въ честь Владиміра Мономаха, его прадѣда по матери, обстоя-

---

Лютаборъ и т. д.) подходитъ по аналогіи, къ приведеннымъ выше *Ингивладъ Ингославъ*. Впрочемъ можно допустить и перешедшее въ родъ варяжскихъ князей, въ слѣдствіе начавшихся со временъ Ярослава брачныхъ союзовъ, между княжескимъ домомъ и сѣверными государями, скандинавское *Ingwar*. Въ послѣднемъ случаѣ отличіе сѣвернаго Ingwar отъ древне-русскихъ Игорь, Ингорь, еще очевиднѣе.

тельство засвидѣтельствованное съ возможною точностію, Саксономъ грамматикомъ: «Nam octava post haec luce Ingiburga Canuti conceptum ex eo marem enixa proditur; *cui et materni avi nomen inditur* (*l. XIII, p. 641*). Дальманнъ замѣчаетъ по этому случаю: Das Kind erhielt den Namen ihres verstorbenen Grossvaters Wladimir, der sich bei den Dänen in Waldemar oder Woldemar verwandelt. Seitdem war der Name hier eingebürgert» (*Gesch. v. Dänem. I. 229*). Сумъ (*V, 372*) вѣрилъ сомнительному извѣстію Книтлинга саги (*cap. 93*) о рожденіи и воспитаніи на Руси датскаго Вальдемара, единственно потому что русское имя онъ могъ получить только въ Россіи; вѣроятно и самъ составитель саги не имѣлъ инаго побужденія къ обнародованію своего извѣстія. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что сынъ Кнута Лаварда названъ русскимъ именемъ совершенно правильно и сообразно съ обычаями эпохи; сказаннаго до сихъ поръ, кажется, довольно для утвержденія за славянскимъ міромъ исключительной принадлежности спорнаго имени.

Въ древне-русской письменности преобладаетъ почти исключительно форма Володимеръ, вмѣсто Володиміръ; между тѣмъ, остальныя имена съ окончаніемъ на *миръ* (за исключеніемъ имени Ратмѣръ, *Лавр. 206*) пишутся всегда: Творимиръ, Станимиръ, Судомиръ и т. д. Это явленіе имѣетъ свою причину. «У Славянъ, говоритъ г. Буслаевъ (*о вл. христ. 191*), *миръ* сближается своею формою съ *мѣра*, напр. у *Лужичанъ:* mèr—pax, mèra—modus, соединяющіяся или смѣшивающіяся въ прилаг. mèrny». Въ вендо-нѣмецкомъ словарѣ Бозе: mjer—der Friede; mjera—das Maas. Варяжскіе (вендскіе) князья сохраняли на Руси вендскую форму пан-славянскаго имени Владиміръ [1]).

---

[1]) Владиміръ Мономахъ пишетъ въ своей духовной: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовольныиъ славнымъ нареченемъ въ крещеніи Василій, ***Русьскымъ именемъ Володимеръ***, отцемъ взлюбленнымъ и матерью своею Мономахы» (***Пушкинск. сп. у Карамз, II. прим. 230.***—Лавр. сп. 100, читаетъ по новѣйшему: Володимиръ). Выраженіе «русскимъ именемъ» поставлено здѣсь вмѣсто языческаго или княжаго. Но все это же имя означено по народности; оно языческое не скандинавское, не германское, а словено-русское. Имени Гаральдъ или Эймундъ Мономахъ русскимъ бы не назвалъ.

Г. Куникъ (*Beruf. II. 124, 159*) замѣчаетъ справедливо, что имена Рюрика, Олега и Игоря составляютъ у насъ исключительную принадлежность князей варяжской династіи; но приводя это явленіе въ доказательство ихъ скандинавскаго происхожденія, онъ забываетъ, что тоже самое должно сказать и о прочихъ княжескихъ именахъ, каковы Святославъ, Святополкъ, Ярославъ, Ярополкъ, Всеволодъ и т. д. Эти имена, не исключая и святыхъ Владиміра, Бориса, Глѣба и Ольги, мало извѣстны въ древней исторіи Руси, внѣ княжескаго рода; изъ простыхъ людей я знаю только Глѣба Тиріевича (*Ипат. 126*) и Вячеслава Малышева внука (*Новг. 42*); Святополкъ Одовичь, о которомъ Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ подъ 1229 г., былъ родомъ Поморянинъ «Suantopulus, capitaneus Pomeraniae» (*Guagn. I 92*). Какъ у древнихъ Римлянъ извѣстные роды (gentes) имѣли каждый свои особыя прозвища (у Сципіоновъ: Cneius, Lucius, Publius, Marcus; у Клавдіевъ: Appius, Publius, Caius, Marcus, Quintus, Tiberius и т. д.), такъ и княжескіе роды у Славянъ отличались особыми княжескими именами. У Поляковъ господствуютъ: Leško, Bolesław, Mečisław или Meško, Casimir, Wladisław; у Хорватовъ: Branimir, Krjesimir, Trpimir; у Чеховъ: Wratislaw, Wenčeslaw, Spitihnew, Pribislaw. На Руси, съ одной стороны, древне-русскія княжія имена: Святославъ, Ярославъ, Ярополкъ, Святополкъ, Всеволодъ и т. д.; съ другой, перешедшія къ намъ отъ Варяговъ: Рюрикъ, Олегъ, Ольга, Игорь. Эти варяжскія имена были вѣроятно принадлежностію какой-нибудь особой отрасли одного изъ княжескихъ поморскихъ родовъ, какъ у насъ имена Рогволода, Брячислава и Рогнѣди, въ отрасли князей полоцкихъ. Они должны были исчезнуть у Вендовъ, съ выселеніемъ въ Русь того княжескаго рода, которому принадлежали.

ЗАМѢЧАНІЯ А. КУНИКА.

6. ЛИНГВИСТИЧЕСКІЕ ДОВОДЫ АВТОРА „ОТРЫВКОВЪ.“

> Wenn Erd- und Völkerkunde als ein Augenpaar der Geschichte gelten dürfen: dann ist für die Völkerkunde leitender Augenstern (S. nêtra) die Linguistik.
>
> Pott.

Такою припиской въ воспоминаніе о себѣ почтилъ меня недавно одинъ изъ основателей новой науки — лингвистики въ отвѣтъ на поздравленіе его 12-ю петербургскими учеными съ шестидесятымъ днемъ рожденія, съ пожеланіемъ силы и свѣжести для новыхъ твореній. При этомъ профес. Поттъ имѣлъ въ виду мои разысканія въ области исторической этнографіи, въ томъ числѣ и о варяжскомъ вопросѣ. Дѣйствительно, лингвистику я искони считалъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для преобрѣтенія твердаго основанія въ воззрѣніяхъ на взаимныя историческія отношенія, средне-вѣковыхъ народовъ отъ Балтійскаго до Воспорскаго Зунда. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, для котораго должно совмѣщать въ себѣ знаніе историческаго развитія разныхъ языковъ и критическое изслѣдованіе разнороднѣйшихъ историческихъ источниковъ, промахи и ошибки пока неизбѣжны, и я могу только радоваться, если мои попытки пролить свѣтъ на этотъ хаосъ могутъ быть предметомъ строгой критики, которая болѣе всего приноситъ пользы самому дѣлу.

Никто не можетъ отказать г. Гедеонову въ томъ, что для опроверженія моихъ положеній онъ произвелъ обширныя разысканія. Въ его полемикѣ главною заботой всегда остается са-

мое дѣло. Могу пожалѣть только о томъ, что иногда, безъ сомнѣнія, не умышленно, онъ выводитъ изъ моихъ положеній заключенія, какихъ я самъ никогда не выводилъ. Здѣсь было бы впрочемъ излишнимъ выставлять такія недоразумѣнія по одиначкѣ, послѣ того какъ я уже («Отрывки» стр. 121) опредѣлительно высказалъ свой взглядъ на варяжскій вопросъ. Тамъ изъ краткой замѣтки читатель можетъ усмотрѣть, что я не принадлежу къ крайнимъ норманнистамъ.

Если-бы на языкѣ, которымъ говорилъ Рюрикъ и его дружина дошла до насъ хоть какая-нибудь связная рѣчь, какая-нибудь пѣсня или надпись, то споръ былъ бы рѣшенъ по крайней мѣрѣ о происхожденіи, хотя этимъ еще не былъ бы покончекъ вопросъ о значеніи норманнизма въ древней русской исторіи. Но мы можемъ указать только 50 съ небольшимъ не-славянскихъ именъ въ династіи Рюриковичей, въ числѣ военныхъ людей и гостей, нѣсколько народныхъ и мѣстныхъ именъ, «россій» переводъ славянскихъ названій шести днѣпровскихъ пороговъ и десятокъ словъ въ древнихъ источникахъ изъ военнаго или морскаго быта, изъ юридическихъ или правительственныхъ отношеній, — словъ, теперь почти вытѣсненныхъ другими выраженіями. Г. Гедеоновъ очень хорошо зналъ, что сюда именно и должно было направить главное нападеніе на меня, и выступилъ противъ меня съ большимъ запасомъ остроумія и съ обширною начитанностью. Свидѣтельствую ему искреннюю благодарность за то, что онъ производилъ судъ надо мной съ тѣмъ неумолимымъ ригоризмомъ, послѣ котораго только и можно ожидать рѣшенія, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ.

Будущее покажетъ, найдетъ ли себѣ дальнѣйшее подтвержденіе въ сравнительной грамматикѣ и лексикологіи большая часть представленныхъ авторомъ, разборовъ именъ и словъ, признанныхъ мною и другими за норманскія, или напротивъ они будутъ опровергнуты даже съ *исключительно* славянской точки зрѣнія. Можно надѣяться, что теперь, когда варяжскій вопросъ такъ значительно запутанъ, въ немъ примутъ участіе и другіе изслѣдователи. Литературный органъ, въ которомъ вновь поднятъ былъ этотъ вопросъ, открытъ каждому просвѣщенному любителю славянской исторіи, для большихъ и мелкихъ статей, безъ

различія школы, къ какой бы кто ни принадлежалъ. Что до меня касается, то я въ настоящее время могу принять лишь немного участія въ спорѣ, такъ что ограничусь только объясненіемъ нѣсколькихъ историческихъ терминовъ.

II-ой главой (*Славянское происхожденіе Руси*, стр. 17—31) уничтожена ли *внутренняя* связь, между именами «Сумь» и «Suomi», «Русь» и «Ruossi», рѣшить это дѣло строгой историко-лингвистической критики. Скажемъ только, что нефинское происхожденіе эстонскаго Roots (Рôтсь) обнаруживается уже въ его выговорѣ.

Въ XII гл. (стр. 115) г. Гедеоновъ лишь слегка касается (норманскихъ) названій днѣпровскихъ пороговъ. Доказательствъ, что они звучатъ не по нормански (ῥωσιστί) и не объясняются всего естественнѣе изъ др.-сѣвернаго языка, вовсе нѣтъ.

Снова пересмотрѣвъ мое объясненіе «россикихъ» названій днѣпровскихъ пороговъ (Rodsen, II, стр. 425—438), я не нахожу ни малѣйшаго основанія признать объясненіе № 2—6 неудачнымъ. И г. Гедеоновъ готовъ допустить, что эти названія произошли отъ норманскихъ моряковъ. Именно эта догадка его укрѣпила меня въ томъ убѣжденіи, что тотъ «россикій» переводъ славянскихъ названій не принадлежитъ ни датскому, ни норвежскому нарѣчіямъ, а принадлежитъ шведскому, можетъ быть наиболѣе древне-готландскому нарѣчію шведскаго языка.

Мое объясненіе одобрено однимъ изъ первыхъ знатоковъ древне-сѣверныхъ языковъ, г. Мункомъ: см. его сочиненіе о норвежской исторіи (Det norske Folks Historie. 1852) I, 40. Объясненіе Рафна было напечатано въ 1853 г. (см. Журналъ Мин. Нар. Просв. Ч. LXXX, Отд. II, стр. 34), но тогда онъ, кажется, не принялъ въ соображеніе моего объясненія, что сдѣлалъ онъ послѣ (см. Antiquités de l'Orient. Monuments runographiques, interprétés par C. C. Rafn. Copenhague 1856, in-8°, стр. VII и VIII). Онъ не нашелъ ничего прибавить значительнаго.

Долго было бы излагать мелкія дополненія, какія могу сдѣлать къ моимъ объясненіямъ 1845 года. Замѣчу только, что шведское названіе порога именемъ пеликана (см. Rodsen, II. 431—433) замѣчательнымъ образомъ снова вдругъ является въ 1705 году, когда Петръ Великій заимствовалъ изъ ни-

дерландскихъ нарѣчій то или другое выраженіе. Въ Воронежѣ были тогда названы два корабля именами: Айфаръ и Аистъ. Причина, почему Шведы называли пеликана аистомъ (ἀειφάρ = аифáръ), очевидна.

Хотя славянскихъ и скандинавскихъ именъ и словъ, начинающихся слогомъ *сам*, много, однако я никакъ не могъ поладить съ тѣмъ, что упоминаемое Константиномъ Багрянороднымъ названіе «града» Кіева (τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς) есть славянское или шведское. Г. Гедеонова одно мѣсто у Круга (см. Отрывки стр. 107) навело на мысль сблизить это названіе съ венгерскимъ именемъ извѣстныхъ крѣпостей Szombat (чит. Сомбатъ). Въ такомъ случаѣ это названіе едва ли было бы финско-венгерскимъ, а скорѣе можетъ быть объясняемо изъ языка хазаро-тюркской династіи финскихъ Венгровъ. Но какъ узнать, вмѣсто *б* или *в* стоитъ въ этомъ названіи греческое β? Возможно то и другое.

А любопытно бы видѣть лингвистическое и историческое доказательства того, что Аскольдъ и Диръ были—Угры!

7. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА ОБЪ ИМЕНИ РЮРИКА.

Съ удовольствіемъ готовъ отдать справедливость строгости и осмотрительности, съ какою г. Гедеоновъ въ гл. XV (стр. 175—206) приступилъ къ разбору именъ: Рюрика, Синеуса, Трувора, Олега, Ольги, Игоря, Владиміра. Такъ какъ эта глава направлена по преимуществу противъ меня, то я желалъ бы предоставить другимъ судить о ея достоинствѣ. Въ пользу дѣла нужно было желать, чтобы явилась обширная и серьёзная попытка объяснить эти имена съ *исключительно*-славянской точки зрѣнія. Что же касается моего прежняго объясненія этихъ именъ, то я готовъ сдѣлать уступки только въ подробностяхъ. Дозволяю себѣ только сказать одно слово объ имени Рюрика. Средне-шведское имя Rörik въ одной древне-шведской надписи рунами читается Hrurikr (*r* соотвѣтствуетъ старинному знаку имен. пад. *s* въ литовскомъ, готскомъ, латинскомъ и т. д.): эта форма произошла еще изъ древнѣйшей *Hrôsrekr и *Hrôðrekr и значитъ просто «сильный славою, могучій славою». Ср. готское

Hrôþareiks, откуда произошли средне-латинское Hrodericus и испанское Rodrigo и Rodriguez (=Рюриковичь); а по значенію соотвѣтствуетъ имени извѣстной нижне-сакской монахини и писательницы Hrôtsvitha, Rôsvitha (svîtha изъ svintha съ опущеніемъ носовой), имени Свѧтославъ, польск. Świętosław (въ нихъ *славъ* значитъ тоже что др.-сѣв. hroð и свѧтъ имѣетъ еще первоначальное значеніе, въ которомъ оно сходно съ готскимъ svinþs=ἰσχυρός, ἰσχύων, δυνατός), и греческимъ именамъ *Κλεοσθένης = Κλεισθένης. *Постараюсь когда-нибудь доказать эти положенія до очевидности.*

Надобно рѣшить еще вопросъ: сохранилось ли въ первомъ слогѣ имени Рюрика (Hroðrekr) имя его рода (ед. ч. Hroði; Ῥῶς), какъ въ другихъ династіяхъ въ личныхъ именахъ князей повторяется имя княжескаго рода? Готское, англо-сакское и норманское þ имѣло придыхательный звукъ и въ рукописяхъ часто предавалось сложною буквой th, иногда просто латинскимъ z или s. И такъ по выговору оно соотвѣтствовало, должно быть, одному изъ англійскихъ выговоровъ th. Ср. древне-греческое θ, которое и теперь еще выговаривается не совсѣмъ такъ, какъ простое φ. Сѣверное ð (въ рукописяхъ также передаваемое буквами dh) выговаривалось сходно съ th, и предъ *s* часто выбрасывалось, подобно t. Такъ учатъ грамматики: можетъ быть, правильнѣе сказать, что ð и t, встрѣчаясь съ *s*, сливались съ нимъ въ *одинъ* звукъ. Касательно скандинавской первобытной формы Рюрика надо еще замѣтить, что слабый придыхательный звукъ *h* предъ плавными *l* и *r* въ германскихъ языкахъ чрезвычайно часто пропадалъ. Но германское *h* произошло изъ болѣе твердаго звука *ch*, который, по давно доказаннымъ переходамъ звуковъ, въ извѣстныхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ греческому κ, латинскому *c*, литовскому *к* и славянскому *с*. На основаніи всего этого уже нельзя допустить никакого сомнѣнія въ томъ, что санскритское çravas, греческое κλέος (изъ κλεϜο-ς), славянское *«слава» и по формѣ и по значенію* тождественны съ древне-франкскимъ chrô-d и chlô-d (напр. Chrôdovic-Chlôdovic, откуда Louis), съ древне-сѣвернымъ hrô-ð (ср. готское hroþeigs=θριαμβεύων съ древне-сѣверн. прилаг. hrôðigr=gloriosus, exsultans, др.-сѣв. глаг. hrôsa=laudare, extollere и

ново-шведское ros = хвала, хвальба, прославленіе). Кто не можетъ повѣрить этому, тотъ пусть прежде возьмется за азбуку сравнительнаго языкоученія.

8. НѢЧТО О ВАРЯГАХЪ-ФЕДЕРАТАХЪ.

Глава XIII «Отрывковъ» (стр. 129—168) навсегда останется достопамятною въ исторіи варяжскаго вопроса по мѣткости, съ какою авторъ раскрываетъ слабыя стороны и пробѣлы во взглядѣ норманской школы на отношенія византійскихъ Варанговъ къ русскимъ Варягамъ и къ сѣвернымъ Варингамъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нападенія, какъ читатель видитъ, направлены отчасти на меня, и потому да позволено будетъ мнѣ вкратцѣ изложить ходъ моихъ изслѣдованій о происхожденіи тѣхъ трехъ именъ и о значеніи ихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Изъ этого окажется, что мой послѣдній отзывъ о Варягахъ остался автору неизвѣстнымъ.

Въ 1844 году въ особой главѣ я старался изслѣдовать «*неславянскую форму имени: Варягъ*». Результатомъ изслѣдованія было то, что предъ самымъ призваніемъ Рюрика и послѣ того въ языкъ сѣверо-восточныхъ Славянъ вторгнулось нѣсколько существительныхъ съ окончаніемъ на — *ягъ*, которыя самымъ этимъ окончаніемъ указываютъ на свое иноземное, по преимуществу норманское происхожденіе. Это положеніе, допускаемое и самимъ г. Гедеоновымъ (стр. 140 и 146), нынѣ, при успѣхахъ науки, должнобъ было доказать строже и обстоятельнѣе, чѣмъ сдѣлано мною прежде: именно слѣдовало бы при этомъ больше принять въ соображеніе нѣкоторыя формы другихъ славянскихъ парѣчій и нарѣчія литовскія.

Въ другой главѣ я развилъ свой взглядъ *о происхожденіи и значеніи имени Варягъ*. Я предполагалъ, что имя (византійскихъ) Варанговъ было *названіемъ* рода *службы*, произошло въ византійской имперіи въ то время, когда Готы были признаваемы у Византійцевъ Федератами, что «Варангъ» есть только готско-германскій переводъ латино-византійскаго Foederatus, потомъ перешло въ греческій литературный языкъ въ значеніи происшедшей изъ Федератовъ лейбъ-гвардіи византійскихъ императоровъ,

что за тѣмъ имя «Варангъ» отъ Норманновъ, ѣздившихъ въ Византію, перешло къ самимъ Скандинавамъ, и у восточныхъ Славянъ получило чисто-этнографическое значеніе.

Обстоятельныя доказательства на это должны были послѣдовать въ подробномъ историческомъ изслѣдованіи, въ которомъ я собралъ всѣ мѣста изъ византійскихъ, русскихъ — послѣднія, за исключеніемъ немногихъ, были уже собраны и болѣе или менѣе объяснены г. Погодинымъ — изъ латинскихъ, норвежскихъ, исландскихъ и восточныхъ источниковъ. Но тутъ оказалась несостоятельность положеній, принятыхъ мною и моими предшественниками, въ разныхъ отношеніяхъ. Мое историческое изслѣдованіе осталось неизданнымъ, и съ того времени я только дважды имѣлъ случай отозваться о Варягахъ, по особымъ поводамъ. Къ сочиненіямъ Круга присовокупилъ я изслѣдованіе *о дружинѣ* (ἑταιρεία) *Фаргановъ и Хазаръ съ Византіи въ IX и X столѣтіяхъ* [1]), имѣя въ виду показать, что Фарганы, которыхъ Кругъ считалъ именно за одно и тоже съ Варягами, были не Норманны, а Тюрки, носившіе вѣроятно иранское имя. Я оставлялъ нерѣшеннымъ, *готскаго или норманскаго происхожденія* имя «Варангъ», но прибавилъ: «Въ пользу «норманскаго происхожденія говорятъ дѣльныя историческія «основанія... Указывающіе на готское vara(= foedus) оши«баются, утверждая, что соотвѣтствующей формы нѣтъ въ «древне-сѣверномъ». — Дѣйствительно, древне-сѣверная форма, ближайшимъ образомъ соотвѣтствующая англо-сакской vaere, сохранилась въ имени одной изъ женскихъ Азъ или Ансъ, которая, какъ служительница Фреи (= Прія, Venus) была богиней брачнаго союза и потому обозначается и просто богиней союза — dea foederis. Въ именительномъ имя это имѣло троякую форму: Vara, Var, Vör (род. Vara). Искони въ родствѣ съ германскимъ словомъ старослав. *вѣра* (*ѣ* = слитное *еа*), пол. wiara, въ ихъ первоначальномъ значеніи. Ср. прилаг. *вѣрный* (= verus, fidelis) и ниже на стр. 217 выраженіе vara vargr = вѣроломный человѣкъ.

---

[1] Forschungen. Von Ph. Krug. Ueber die Hetairie der Farganen und Chasaren in Byzanz während des 9ten und 10ten Jahrhunderts (1848) II, стр. 776—782 Ср. выше, стр. 131.

Въ 1850 году я, для опроверженія гипотезы Я. Гримма, напечаталъ статью «о древности различныхъ именъ Датчанъ въ русскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ съ XII до XVIII вѣка» [1]).

Такъ какъ эта статья не дошла до свѣдѣнія г. Гедеонова, который жилъ тогда въ Римѣ, а въ ней мой взглядъ на исторію имени Варанговъ выраженъ опредѣлительнѣе, то я сообщаю здѣсь сказанное тогда мною, указывая вкратцѣ въ примѣчаніяхъ то, что требуетъ объясненій или видоизмѣненій. Если бы г. Гедеоновъ зналъ эту статью, то его полемика въ иныхъ мѣстахъ получила бы вѣроятно иной видъ.

Mél. R. I, стр. 354—356. «Когда появилось у восточныхъ «Славянъ общее названіе «Варяги» для Скандинавовъ? Прежде «полагали, и я тоже, что греческое имя Βάραγγος готскаго про- «исхожденія и что его придавали себѣ тѣ Норманны, которые «вступали въ военную службу у Грековъ. Какъ ни достовѣрно то, «что въ Византіи до 9-го вѣка [2]) продолжалъ существовать кор- «пусъ Федератовъ подъ этимъ самымъ и подъ другимъ име- «немъ [3]), все-же сомнительно, чтобы имя «Варангъ» было древ- «не, т. е. готскаго происхожденія.»

«Мы знаемъ, что это имя въ исландскихъ, византійскихъ, «латинскихъ и грузинскихъ источникахъ не народное, а *служеб- «ное* (Dienstname), и что этимъ именемъ у Исландцевъ и Нор- «вежцевъ назывались лейбъ-гвардія и наемные корпуса только «*византійскихъ*, а не англійскихъ, скандинавскихъ и русскихъ [4]) «государей. Только Арабы въ источникахъ, сколько они доселѣ «извѣстны, употребляютъ имя «Варанкъ» исключительно въ смы- «слѣ народнаго имени. У Нестора и въ *письменныхъ* источни- «кахъ его лѣтописи имя «Варягъ» имѣетъ разное, то тѣсное, то «обширное значеніе. Варагами называются у него

---

[1]) Bullet. hist.-phil., T. VII, № 18 (Mélanges Russes T. I, стр. 351—357).

[2]) Искать позднѣйшихъ слѣдовъ этого имени я не имѣлъ тогда никакого повода.

[3]) Я имѣлъ въ виду ἑταιρεῖαι (= дружины).

[4]) Мы всѣ (ср. выше стр. 139) говорили это въ слѣдъ за Кругомъ, который высказалъ это положеніе въ 1831 г. Но Кругъ зналъ только часть сѣверныхъ извѣстій о Väringjar. Русскіе Väringjar упоминаются и при Ярославѣ, около 1020 г. Въ сагахъ они встрѣчаются и подъ другими подобными именами, которыми Норвежцы и Исландцы описательно передаютъ названіе Väringi.

«1) Норманны въ Скандинавіи, во французской Нормандіи «и въ Англіи, тѣ въ IX и въ исходѣ XI вѣка, эти только въ «XI вѣкѣ.

«2) Призванные (изъ Швеціи) въ IX вѣкѣ Родсы или Росы «и ихъ, почти повсюду [1]) ославянившіеся, потомки.

«3) Норманскіе наемники въ Византіи.

«4) Норманскіе наемники Аскольда и Рюриковичей.

«Такъ какъ мы должны начинать съ того, что имя Варангъ [2]) «по византійскому и древне-сѣверному словоупотребленію *перво-«начально* было только названіемъ службы, то имя это у во-«сточныхъ Славянъ могло войти въ употребленіе только съ «того времени, когда Норманны — и притомъ прежде всего «Шведы — начали ѣздить въ Византію для найма въ службу [3]). «Объ этомъ Несторъ сообщаетъ только, что до призванія Рю-«рика бывали уже плаванія изъ заморской земли. Другія, по-«ложительныя и отрицательныя свидѣтельства Византійцевъ и «скандинавскихъ источниковъ даютъ намъ право заключать, что «эти плаванія получили начало только въ IX столѣтіи, именно «— какъ это выходитъ изъ свидѣтельства Пруденція — вѣро-«ятно, только въ 838 году, когда шведскіе «Росы» были не «очень знакомы съ водянымъ путемъ чрезъ Россію, тогда еще «опаснымъ. Два десятилѣтія спустя — это знаемъ отъ Не-«стора и отъ Фотія — такія плаванія не были уже необыкно-«венны.

«Не много раньше начались плаванія Норманновъ къ бри-«танскимъ островамъ и къ франкскимъ берегамъ. Въ Англію «Норманны явились — всего прежде изъ Норвегіи — только къ «концу VIII столѣтія... Лѣтописцы, современные Карлу Вели-«кому, прямо говорятъ, что въ царствованіе этого государя «Норманны явились въ видѣ пиратовъ сначала въ сѣверномъ «(Нѣмецкомъ) морѣ и не вдругъ отважились на высадки. Досто-«вѣрно, что тогда они еще не проникали до испанскихъ бере-«говъ, хотя уже въ 811 г. Карлъ видѣлъ изъ Булони (Bolonia, «Bononia) въ морѣ корабли норманскихъ пиратовъ и даже при-

[1]) т. е. во времена Нестора.
[2]) Ср. съ этимъ выставляемое въ § 9.
[3]) Ср. теперь объ этомъ § 9.

«велъ аквитанскіе берега въ оборонительное состояніе. Напротивъ при Людовикѣ Благочестивомъ высадки пиратовъ были «уже такъ часты, что лѣтописцы не считали нужнымъ даже «упоминать о каждой особенно. Пиринейскаго полуострова и «африканскихъ береговъ Норманны достигли — какъ говорятъ «христіанскіе и магометанскіе писатели — *впервые* въ 843 и «844 годахъ.

«Съ открытіемъ Гибральтарскаго пролива Норманны нашли «для себя новый водяной путь въ Византію, по которому и хо«дили впослѣдствіи [1]). Около времени основанія русскаго госу«дарства одинъ Норвежецъ пробрался даже вокругъ Нордкапа «къ финскому племени Біармійцевъ (Зырянъ). Плаванія къ Ис«ландіи во время основанія русскаго государства едва начались; «первый Норвежецъ доѣхалъ туда съ ферейскихъ острововъ».

«Итакъ надобно принять, что Норманны только съ конца «VIII вѣка и именно въ первой половинѣ IX-го пускались въ «дальнія плаванія. До тѣхъ же поръ мѣстомъ ихъ подвиговъ «были бухты сѣвернаго полуострова и Балтійское море [2]). Оби«татели балтійскихъ береговъ — Финны, Литовцы, полабскіе и «и польскіе Славяне — задолго до IX вѣка подвергались ихъ «нападеніямъ; только очень сомнительно, чтобы Шведы или «Датчане до IX вѣка глубоко заходили въ страны восточныхъ «Славянъ, отдаленныя отъ моря».

Съ 1850 года я не позволялъ себѣ пускаться въ обработку *собственно варяжскаго вопроса*. Но мнѣ становилось все яснѣе, что рѣшенія загадки объ отношеніи формъ имени Βάραγγος, Warank (= Warang) у арабскихъ, армянскихъ и грузинскихъ писателей, Warang на италіянскихъ картахъ среднихъ вѣковъ, Varangi, Varingi, Veringae у латинскихъ писателей, Väringjar въ норвежскихъ и исландскихъ сагахъ и «Варягъ» надобно искать въ исторіи *лейбъ-гвардіи* византійскихъ императоровъ (σωματοφύλακες = тѣлохранители, τὸ τῶν ἐξκουβίτων τάγμα) и,

[1]) 859 г. одна шайка добралась этимъ путемъ даже до береговъ византійской имперіи. На каспійскомъ морѣ и на персидскихъ берегахъ русскіе пираты въ первый разъ появились около 870 года, вѣроятно вскорѣ послѣ водворенія Аскольда въ Кіевѣ.

[2]) Уже Тацитъ сообщаетъ, что Шведы сильны были своимъ флотомъ (Suionum civitates praeter viros armaque classibus valent).

кромѣ того, въ исторіи дружинъ сѣверныхъ князей. Я все-таки не могъ вполнѣ отказаться отъ мысли о какой-то связи Βάραγγ-овъ съ Foederati, называемыми у Византійцевъ ὑπόσπονδοι, и съ гетеріями византійскихъ писателей. До этого не допускало меня то, что сѣверныя саги, говоря о вступленіи Варинговъ въ византійскую и русскую службу, нерѣдко употребляютъ существительныя, близко подходящія, по значенію, къ латинскому foedus, и даже въ древнемъ исландскомъ встрѣчается существительное женскаго рода во множественномъ числѣ varar (род. vara) въ значеніи pactum, fides, а вѣроломный человѣкъ поэтически называется vara vargr = datae fidei violator, буквально стало быть «врагъ вѣры». Отчасти еще долго держалъ меня въ заблужденіи Эверсъ, утверждая по Византійцамъ, что Славянинъ Θома, взбунтовавшійся 822 года, былъ вмѣстѣ предводителемъ федератовъ и членомъ лейбъ-гвардіи; но Эверсъ не былъ достаточно знакомъ съ разными чинами византійскаго двора, и ни онъ, ни другіе, слѣдовавшіе ему, не замѣчали, что Византійцы сами не довольно были свѣдущи насчетъ этого Θомы. Изслѣдовать весь предметъ по источникамъ недоставало охоты. Внимательное чтеніе XIII главы «Отрывковъ» окончательно потрясло мою вѣру въ происхожденіе Варанговъ отъ Федератовъ. Пусть другіе опровергаютъ г. Гедеонова, если найдутъ это возможнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта глава такъ запутала весь вопросъ о Варягахъ, что эту запутанность можетъ разобрать только строгое изслѣдованіе всѣхъ мѣстъ въ источникахъ, гдѣ упоминаются Βάραγγοι и Väringjar. Предоставляя это другимъ, я сдѣлаю однако нѣсколько указаній, которыя послужатъ, можетъ быть, путеводною нитью въ этомъ лабиринтѣ.

9. ФОРМА «ВАРАНГЪ» СТАРѢЕ ЛИ ФОРМЫ «ВАРИНГЪ»?

Прежде всего я долженъ защитить положеніе, которое, какъ кажется, тревожитъ г. Гедеонова (см. выше стр. 140, прим.). Источники древне-шведской исторіи чрезвычайно скудны. Изъ дошедшихъ до насъ сѣверныхъ сагъ, которыя касаются Руси и Византіи, сколько я знаю, ни одна не писана въ самой Швеціи.

Гдѣ въ сагахъ говорится о Варягахъ (Väringjar) въ Византіи и Россіи, мы всегда имѣемъ дѣло только съ *норвежскимъ* или *исландскимъ* разсказщикомъ; потому форму Väringjar (отъ единст. Väringi) должно считать *древне-норвежскою* (древне-исландское и древне-норвежское нельзя считать даже различными нарѣчіями одного языка); а она передается на латинскомъ писавшими на этомъ языкѣ Норвежцами среднихъ вѣковъ въ формахъ: Varingus и Veringa. Древне-шведскій языкъ хотя и близкій сродникъ древне-норвежскаго, но уже въ теченіе многихъ столѣтій имѣлъ свое особенное развитіе. Очень сомнительно, чтобы древне-шведская форма имени Варягъ звучала: Väringi: скорѣе она была Varing или даже Varang. Такая именно форма, какъ послѣдняя, должна была послужить основаніемъ греческой Βάραγγος.

У греческихъ лѣтописцевъ, въ одномъ юридическомъ схоліастѣ, въ одной цвѣтной тріоди, въ двухъ греческихъ грамотахъ, у астрологическаго писателя — всюду встрѣчаемъ мы у Грековъ форму на a-ng (αγγος), а не на i-ng (ιγγος). Армянскій и грузинскій лѣтописцы называютъ Варанговъ, сражающихся въ войскѣ императора, также *Варанками*. У сирійскихъ Арабовъ буква элифъ до сихъ поръ выговаривается какъ англійское *a* въ словѣ have; кромѣ того, есть мѣста гдѣ Арабы прямо пишутъ *Варанкъ*. На итальянскихъ картахъ, изображающихъ Черноморье, равно и на такъ называемой каталанской картѣ, Акмечетская гавань, находящаяся между Сарыбулатскою косой и мысомъ Карамрумомъ [1]), называется Varango, Varangolimen, Varangico и пр., только на Пициганской читается — можетъ быть, по ошибкѣ — Varagolime. У латинскихъ писателей западной и южной Европы Варанги, находящіеся въ греческой службѣ, называются обыкновенно Varingi; впрочемъ нѣкоторые удерживаютъ форму Varangi и Guarangi. Мѣсто равеннскаго географа: «Quae Dania modo Nordomanorum dicitur patria», у его сократителя, Гвидона, читается такъ: Quae Dania modo Nordomannorum

---

[1]) Это доказалъ особенно знатокъ средневѣковой географіи Черноморья, проф. Ф. К. Брунъ въ статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи (На франц. въ Bulletin de l'Académie Imp. des sciences 1860. Tome I).

seu Warangorum dicitur patria, хотя впрочемъ проф. Ширренъ, осмотрѣвшій, по моей просьбѣ, рукопись Гвидона, замѣтилъ мнѣ, что слова seu Warangorum внесены въ рукопись, по видимому, позднѣйшею рукою, чего берлинскіе издатели этихъ двухъ географовъ, кажется, не замѣтили [1]). Ревельскій ученый, Нейсъ, высказалъ себя противъ древности приведенныхъ мной эстляндскихъ мѣстныхъ названій (см. выше, стр. 140); впрочемъ теперь можно еще замѣтить, что уже въ книгѣ Liber census Daniae, составленной около 1240 года, встрѣчается въ Эстляндіи деревня Варангала (Uvarangalae, нынѣ Wrangelshof; la и въ финскомъ есть обыкновенное мѣстное окончаніе), если только она не названа по имени Датчанина Tuki Wrang [2]). Передъ Стокгольмомъ, говорятъ, есть островъ, *нынѣ* называемый Väringsö (ö = островъ).

Не только византійскіе источники; но и сравнительная грамматика германскихъ языковъ показываетъ, что форма «Варангъ» должна быть древнѣе, чѣмъ «Варингъ». Готская она по первоначальному происхожденію, или скандинавская, хотя и можно рѣшить, но съ нѣкоторымъ усиліемъ. Если она скандинавская, то спрашивается, въ IX ли только вѣкѣ возникла она? Едва ли; скорѣе раньше, такъ какъ существительныя на — ang съ значеніемъ личности, давно стали теряться у германскихъ племенъ. Нерѣшительность легко устраняется, если захотимъ искать объясненія въ Норвегіи. Въ пѣсни Норвежца Эгиля, сочиненной имъ въ 934 году, онъ называетъ себя foldvärîngi, т. е. буквально, защитникомъ наслѣдственной земли (противъ неправеднаго приговора суда), ruris defensor, vindex. (Въ другихъ поэтическихъ сочиненіяхъ *сынъ* описательно называется arfvörðr и erfivörðr, что значитъ буквально: custos haereditatis, haeres). Подобнымъ образомъ *князь* называется въ древне-сѣверныхъ поэтическихъ сочиненіяхъ: foldvörðr, т. е. custos terrae, le garde du pays. Нарицательное värîngi, предполагая, что чтеніе вполнѣ вѣрно, происходитъ отъ древне-сѣв. глагола: verja (наст. verr,

---

[1]) Ravennatis Anonymi cosmographia et Guidonis geographia. Ex libris manu scriptis ediderunt. M. Pinder et G. Parthey. Berolini 1860, стр. 202 и 554.

[2]) Studien zur Geschichte Liv—Esth—und Kurlands. Von Georg von Brewern. 1. Band. Dorpat 1858, стр. 51. Ср. Beitrag zum Verständniss des Liber Census Daniae. Von C. Schirren. Pet. 1859. (Изъ Mémoires de l'Académie).

прош. varðа, прич. varit) и въ точности соотвѣтствуетъ готскому varjan, которымъ переводится греческое κωλύειν, др.-верхне-нѣмецкому warjan (= защищать, wehren), ново-шведскому värja. Отъ готскаго varjan конечно можетъ произойти существ. Varîng, отъ сѣвернаго verja древне-сѣв. Värîngi (которое въ рукописяхъ пишется и Verîngi); но отъ нихъ невозможна существительная форма Varang, Βάραγγος. Эта можетъ происходить отъ глагола, не сохранившагося въ готскомъ, но, по аналогіи родственныхъ языковъ, долженствовавшаго быть въ формѣ varan отъ корня, сохранившагося въ готскомъ прилагательномъ vars (I Посл. къ Сол. 5, 6: καὶ νήφωμεν=jah varai sijaima = да трезвимся въ слав. переводѣ). Ср. др.-сѣв. var-r, въ которомъ s, знакъ именит. падежа, перешелъ въ r, (= осторожный, осмотрительный), нов.-шведск. var (= осмотрительный), др.-сѣв. vara (= cavere), др. верхне-нѣм. warôn (= блюсти), и шведское несклоняемое существ. жен. рода vara, напр. въ фразахъ: taga vara på något = наблюдать, примѣчать за чѣмъ-нибудь; taga något till vara = взять что на сохраненіе, на сбереженіе. Крымско-готская пѣснь, записанная въ 1562 году Фламландцемъ Бузбекомъ, (которому мы обязаны также сохраненіемъ многихъ грамотъ цареградскихъ патріарховъ), начинается слѣдующимъ образомъ: Wara, wara, Ingdolu. Не извѣстно, какимъ путемъ перешло въ польской языкъ восклицаніе: wara! (= берегись), встрѣчающееся въ сочиненіяхъ немногихъ писателей. Двумъ существительнымъ (поэтическимъ) именамъ древн.-сѣв. языка, vari и varr, исландскіе лексикографы приписываютъ значеніе custos, но, можетъ быть, безъ основательнаго довода.

Пусть послужатъ эти немногія указанія нѣкоторымъ пособіемъ для тѣхъ, которые захотятъ повести дѣло дальше и доказывать, что Византійцы справедливо передавали слово Βάραγγοι сложнымъ σωματοφύλακες (= тѣлохранители, gardes du corps) и словами τὸ τάγμα τῶν ἐξκουβίτων. Сѣверные и латинскіе источники своими извѣстіями подтверждаютъ и поясняютъ это. (Ср. напр. Väringjar hèldu vörð ok vöktu yfir konûngi = Варанги стояли на часахъ и были на караулѣ у царя). Особенно разительную аналогію представляетъ происхожденіе гвардіи въ западно-европейскихъ земляхъ. Давно уже разыскано, что жен-

скія существительныя итал. и испан. guardia, прованс. guarda, равно и франц. le и la garde, перешли въ романскіе языки отъ Готовъ и другихъ германскихъ племенъ, и что они имѣютъ основною формой готск. *vards* (Еванг. отъ Іоан. 10, 3, ὁ θυρωρός—dauravards=дверьникъ) и *varda* (Ев. Іоан. 18, 16, ἡ θυρωρός=dauravarda=дверьница; ср. въ Ев. отъ Матѳ. 27, 65. вин. п. множ. ч.: vardjans отъ vardja; ἔχετε κουστωδίαν, т. е. караулъ, =habaith vardjans=имате кустодію), др. верхне-нѣм. *warto* (муж. р.=сторожъ; ср. Burg*wart*, Thurm*wart*), *warta* (жен. р.), др.-сѣв. *vörðr* (какъ на стр. 219 въ foldvörðr; род. п. мн. ч. varðar) и т. д. Принадлежащій сюда глаголъ: нововерхне-нѣм. warten, древне-сѣв. varða, швед. vårda, съ почти одинаковымъ значеніемъ (ср. итал. guardare, франц. garder, старин. франц. сложныя: esgarder, eswarder и итал. sguardare) есть ничто иное, какъ распространенная форма вышеприведеннаго прагерманскаго varan. Первоначальный смыслъ послѣдняго значитъ *видѣть*, ὁρᾶν, отъ Fορ [1]), а потомъ *смотрѣть за чѣмъ.* Ср. еще франц. «garer и égarer», а касательно значенія ср. лат. «servare» и «observare» «зрѣть» и «надзирать», ὁρᾶν и οὖρος.

Нельзя не упомянуть еще о др.-сѣв. глаголѣ *varna*=запретить и защищать. Ср. нѣм. warnen (=предостерегать) и касательно формы слова «вѣра» и «вѣрный». Др.-сѣв. существительное vörn, множ. ч. varnir (женск. рода) собственно значитъ defensio. Vörn Hâkonar=praesidium Hakonis (dynastae contra piratas Jomenses); firr konûngs vörnum=procul a regiis praesidiis; landvörn=defensio regni. Теперь всѣмъ ясно будетъ, почему Норвежцы, вступавшіе въ службу русскихъ великихъ князей, назывались то Värîngjar, то land*varnar*menn = земская стража, ратники (отъ landvarnarmaðr). Норвежскій принцъ Гаральдъ Сигурдссонъ в. кн. Ярославомъ назначенъ былъ воеводою земской стражи (höfðîngi yfir landvarnarmönnum), а въ Византіи былъ произведенъ въ командиры всѣхъ Варанговъ (höfðîngi yfir Värîngjum öllum), т. е. ἄρχων Βαραγγίας. Прибавимъ къ тому, что готское и сѣверное *v* слѣдуетъ вездѣ выговаривать какъ русское *в* и что не только герм. *v* (или w), но и лат. *v* переходило у романскихъ народовъ въ *gu* и *g*.

---

[1]) См. Grundzüge der griechischen Etymologie. Von Georg Curtius. I № 501.

Коренной слогъ (le mot radical, Stammwort) четырехъ прагерманскихъ глаголовъ *var*an (видѣть и блюсти), *varj*an (блюсти, защищать), *vard*an (смотрѣть за чѣмъ, надзирать) и *varn*an (предостерегать, защищать и караулить)—*var* не чуждъ и литовско-славянскимъ языкамъ. Пусть изслѣдуютъ это лингвисты по профессіи, свѣдущіе въ литовскихъ и скандинавскихъ говорахъ.

Гдѣ въ первый разъ явилось слово *Варангъ* въ значеніи тѣлохранителей, въ Византіи ли съ готскими тѣлохранителями императоровъ или въ Скандинавіи въ военной свитѣ языческихъ князей, рѣшить это есть дѣло историческаго изслѣдованія. Въ слѣдующемъ § кратко указываются касательно этого нѣкоторые источники, доселѣ мало или вовсе еще не замѣченные.

10. О ГВАРДЕЙСКИХЪ СѢКИРОНОСЦАХЪ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

Уже въ 1844 году я замѣтилъ, что русское Варягъ не могло произойти отъ формы Väringi. Г. Гедеоновъ связалъ съ этимъ положеніемъ заключенія, которыя разбирать здѣсь не кстати (см. выше, стр. 140). Но я держусь этого положенія и нынѣ: *Варягъ* могло произойти только изъ *Варангъ* или *Варингъ*. Въ послѣднія 20 лѣтъ и скандинавская лингвистика сдѣлала успѣхи, при чемъ оказалось, что съ именемъ сѣвернаго языка—Norraena прежде соединяли слишкомъ неопредѣленно-обширное значеніе. Въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ подъ этимъ именемъ надо разумѣть только древній языкъ Норвежцевъ и Исландцевъ, но отнюдь не Шведовъ, у которыхъ языкъ издавна получилъ свое особенное развитіе. Потому и нѣтъ настоятельной причины предполагать, что др.-сѣв. форма Väringi точно также произносилась и въ Швеціи. Какъ Норвежцамъ вздумалось изъ Varang сдѣлать Väringi, это остается изслѣдовать на будущее время. Можетъ быть, тутъ дѣйствовала квасная этимологія (etymologia vulgaris), какая въ среднія времена бывала часто. Впрочемъ не должно упускать изъ виду, что по исландскимъ сагамъ Норманны вступаютъ въ греческую и русскую службу: at *verja* landet, riki = для защищенія земли, государства. Такихъ мѣстъ встрѣчается нѣсколько. Ср. выше на стр. 221 сказанное о названіи land*varnar*maðr.

Да и относительно поѣздокъ въ Византію надобно различать Шведовъ и Норвежцевъ строже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ. Первое извѣстіе о Шведахъ, явившихся въ Византіи, относится къ 838 году и даже г. Гедеоновъ это допускаетъ (стр. 111, 163), хотя и старается этотъ неудобный для него фактъ всячески перевернуть и перетолковать. А когда въ первый разъ прибыли въ Византію Норвежцы? Едвали раньше 934 года, когда Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя предикатомъ foldväringi (см. выше, стр. 219), а вѣрнѣе 40 или 50 лѣтъ спустя. Сѣверныя саги, которыя, по ихъ содержанію, конечно, должно раздѣлить на миѳическія, романическія и болѣе или менѣе историческія, толкуютъ объ этомъ довольно опредѣленно. Какъ извѣстно, онѣ почти никогда не показываютъ годовъ, а представляютъ только непрямыя хронологическія данныя. За то въ нихъ — мы имѣемъ здѣсь въ виду только саги историческія — называется по имени множество Норвежцевъ и Исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древніе Исландцы собрали огромную массу. Иной разъ установить хронологію извѣстій помогаютъ также введенныя въ саги событія нескандинавскихъ странъ. Такимъ путемъ можно дойти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились въ Византію для поступленія въ военную службу, *по всей исторической вѣроятности*, лишь по смерти Святослава († 972). Первый императоръ, упоминаемый въ сагахъ, есть Jan (т. е. Іоаннъ Цимискій, † 10 января 976), побѣдитель Святослава. Чаще же стали такія поѣздки лишь съ начала XI столѣтія, какъ прямо даетъ понять одна сага. Этимъ подрывается положеніе г. Гедеонова (см. выше, стр. 138, 159, 130, 132, 142, 139) о вступленіи (норвежскихъ) Väringjar въ лейбгвардію императоровъ.

Тѣмъ, которые захотятъ прослѣдить исторію лейбъ-гвардіи византійскихъ императоровъ — а она любопытна и поучительна во многихъ другихъ отношеніяхъ — я далъ бы совѣтъ не ограничиваться изученіемъ византійскихъ и латинскихъ лѣтописцевъ, а присовокупить къ дѣлу и другіе источники, именно юридическіе и т. д. Согласно съ цѣлью настоящей нашей статьи мы укажемъ здѣсь лишь немногія свидѣтельства, по которымъ увидимъ, что правильное воззрѣніе на дворцовую роту Βαράγγων

едвали зависитъ отъ того, что ихъ имя упоминается не раньше 1034 года, не говоря уже о томъ, что молчаніе лѣтописцевъ о Варангахъ до этого года могло быть слѣдствіемъ совершенно случайныхъ причинъ. Мы знаемъ, *во-первыхъ*, что Греки не охотно употребляли новыя народныя имена, потому что они не классическія, а варварскія. Лѣтопись Никиты хонійскаго мы имѣемъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ напечатана только одна, писанная на литературномъ языкѣ. Въ ней названіе тѣлохранителей иногда перефразируется словами: ὑπασπιστής (буквально = защитникъ) и πελεκυφόρος (= сѣкироносецъ). Въ старинномъ переложеніи этой лѣтописи на простонародный языкъ, т. е. на новогреческій, на мѣсто этихъ словъ поставлено просто Βάραγγος. За то, конечно, филологи называютъ это переложеніе варварскимъ (codex barbarus). *Во-вторыхъ*, говорили ли Византійцы о тѣхъ Норвежцахъ, которые пріѣзжали въ Византію около начала XI столѣтія, прежде и послѣ его наступленія, и которые, по сказаніямъ сагъ, поступали либо въ (норманскую) дружину императоровъ, либо въ выдѣленную изъ нея лейбъ-гвардію (Βαραγγία)? И однако у Норвежцевъ они тогда уже назывались Väringjar. *Въ-третьихъ*, тѣлохранители византійскихъ императоровъ обозначаются разными нарицательными именами, какъ чисто греческой формы, такъ и римско-византійскаго происхожденія.

Г. Гедеоновъ выставляетъ (стр. 167), что обоюдуострая сѣкира, и въ сагахъ называемая taparöxi, была любимымъ оружіемъ Варанговъ, почему они и назывались πελεκυφόροι (= сѣкироносцы, рынды). Только не надо вдаваться въ односторонность, объясняя тѣ мѣста, гдѣ говорится о сѣкироносцахъ. Уже въ древности, на востокѣ и въ другихъ краяхъ любили двойчатые топоры. (Ср. ѳракійское ῥομφαία, которое также носилось на плечѣ, и персидскіе топоры, отъ которыхъ прикаспійская провинція Табаристанъ имѣетъ свое имя). Норманны не изобрѣли ихъ, но такъ цѣнили ихъ, что иные, хорошей работы и съ отличнымъ лезвеемъ, имѣли у нихъ родословныя и передавались отъ одного владѣтеля къ другому. Аскольдовы вои—«много Варяги скуписта», говорится въ лѣтописи объ Аскольдѣ и Дирѣ—въ 865 году изрубили своими топорами (ἀξίναις) 22

изъ людей изгнаннаго патріарха Игнатія. Но уже въ 565 году императоръ Юстиніанъ имѣлъ лейбъ-гвардію изъ людей, носившихъ на плечѣ обоюдуострыя сѣкиры (ancipites bipennes, saevae secures). Это разсказываетъ латинскій стихотворецъ Кориппъ, по случаю аудіенціи, на которую допущенъ былъ аварскій посолъ Таргитъ (Targites), который своимъ именемъ, можетъ быть, лишь случайно напоминаетъ извѣстное скиѳское имя Ταργίταος у Геродота. Не состояла ли гвардія 565 года изъ Готовъ, пусть разыщутъ другіе. Въ 715 и 716 годахъ у Ѳеофана упоминаются въ греческомъ войскѣ Готогреки (Γοτϑογραῖκοι), которые принимали большое участіе въ государственномъ переворотѣ. Чтобы не распространяться, скажу коротко, что подъ этими Готогреками никого нельзя разумѣть кромѣ Готовъ, которые жили на югозападномъ и южномъ берегу Крыма (τὰ κλίματα Γοτϑίας; ср. Отрывки стр. 124), еще въ XVI вѣкѣ говорили готскимъ нарѣчіемъ, слыли за лучшихъ воиновъ у крымскихъ хановъ и только въ XVI совершенно слились съ крымскими Греками и вѣроятно также съ Татарами. Если я хорошо понимаю это мѣсто Ѳеофана, то Готы въ 715 году составляли гвардейскій экипажъ (οἰκεῖος στόλος) императора Артемія. Какъ бы то ни было, есть историческія основанія полагать, что крымскіе Готы 715 года были не первые и не послѣдніе изъ бывшихъ на службѣ въ Византіи.

Ліудпрандъ разсказываетъ анекдотъ объ императорѣ Львѣ Мудромъ (цар. 886—912), какъ онъ однажды наградилъ золотою монетой 12 тѣлохранителей. Кто были эти тѣлохранители, не сказано. *Если* число 12 не случайно, то оно могло бы быть для насъ важно. Императоръ Левъ, сколько мнѣ извѣстно, уничтожилъ чинъ римско-византійскихъ ликторовъ, которые являются иногда въ числѣ двѣнадцати и носили топоръ на плечѣ и пр. Братъ Льва, Константинъ Багрянородный (913-959) 27 января 945 года низложилъ своихъ двухъ шурьевъ Стефана и Константина, сыновей императора Романа Лакапена, царствовавшихъ съ нимъ вмѣстѣ: одинъ изъ нихъ, Стефанъ, подписалъ Игоревъ договоръ. Византійцы хотя сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ чисто-восточномъ придворномъ переворотѣ, но ни однимъ словомъ не упоминаютъ о

роли, какую играли при этомъ императорскіе тѣлохранители. Это узнаемъ мы только отъ двухъ латинскихъ лѣтописцевъ, которые и въ другихъ отношеніяхъ очень важны для нашего вопроса.

Венеціанскій лѣтописецъ Іоаннъ Діаконъ (Ioannes diaconus) не только сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о далматинскихъ Славянахъ, но имѣетъ хорошія свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ византійскихъ событіяхъ. Онъ былъ посланникомъ дожа въ Константинополѣ, а въ 1000 году былъ отправленъ посломъ къ императору Оттону III. Онъ упоминаетъ о походѣ Аскольда 865 года и приписываетъ его норманскимъ народамъ — Normannorum gentes. (Въ 1845 году я напрасно искалъ этого первобытнаго источника, сокращеннаго дожемъ Андреемъ Дандуло). Іоаннъ Діаконъ обстоятельно разсказываетъ, какъ Стефанъ и Константинъ Романовичи задумали, въ началѣ 945 г., убить своего зятя Константина Багрянороднаго посредствомъ своихъ тѣлохранителей. При этомъ онъ пишетъ:

Antiqua etenim consuetudo in constantinopolitano palacio fuisse fertur, quo quisque imperator milites illic haberet qui palatinas excubias sorte peragerent, quos eolica lingua littorias nominant. Cumque tres simul illo tempore imperium gubernarent, unusquisque illorum in palacio huius conditionis proprios milites habebat. Quibus omnibus quidam eunuchus Gallus nomine preerat.

Это важное свидѣтельство стоило бы обстоятельнаго объясненія; но по недостатку времени и излагая эту статью почти вовсе на память, сообщаю только самое необходимое для истолкованія этого мѣста. Подъ названіемъ Aeolica lingua разумѣется греческій простонародный языкъ, который мы называемъ ново-греческимъ. Автографъ этой лѣтописи, сколько мнѣ извѣстно, до насъ не дошелъ. Потому надобно полагать, что littorias есть ошибка писцовъ, которые можетъ быть относили это слово какъ прилагательное къ excubias. Для исправленія, можетъ быть, довольно будетъ вычеркнуть второе *i*. Тогда останется греческій винительный падежъ λίττορας. C и T въ латинскихъ рукописяхъ, какъ извѣстно, нерѣдко замѣняются

одно другимъ; но, можетъ быть, и этого предполагать не нужно, потому что уже въ древ.-греческомъ κ предъ τ, по закону благозвучія, превращается въ ττ (ср. три названія аѳинской области: Ἀκτή, Ἀκταῖα и Ἀττική=приморье, и итальянское littore, образовавшееся изъ lictor). По этому довольно вѣроятно, что въ разсматриваемомъ словѣ мы имѣемъ народное названіе римско-византійскихъ ликторовъ, какъ бы ни говорилось въ именительномъ, λίκτωρ ли, или (по аналогіи новогреческаго ῥήτορας = др.-гр. ῥήτωρ и т. д.) λίκτορας. Съ перваго взгляда что естественнѣе какъ допустить, что греческое простонародье называло тѣлохранителей *ликторами*? Послѣдніе носили также топоръ на плечѣ, выступали при выходахъ царей и консуловъ (какъ послѣ Варанги), стояли на часахъ и т. д. Но покуда роль, которую ликторы играли въ Византіи до Льва Мудраго, не разъяснена основательно по источникамъ, надо остерегаться безъ дальнѣйшихъ сомнѣній принимать λίκτορες и πελεκυφόροι (сѣкироносцы) за одно и тоже. Ликторы имѣли еще нѣкоторыя полицейскія обязанности, и пусть другіе разсмотрятъ, не стоятъ ли они у венеціанскаго лѣтописца вмѣсто мангклавитовъ (μαγκλαβίτης).

А къ какой націи принадлежали тѣлохранители тѣхъ трехъ императоровъ? Едва ли они были Руссы или прибывшіе изъ Швеціи Норманны. Вспомнимъ только о походахъ Игоря въ 941 и 944 годахъ, далѣе о томъ, что между 941 и 944 годами онъ занятъ былъ приготовленіями къ походу въ отплату за неудачу и призывалъ заморскихъ Варяговъ, «вабя е на Греки», какъ говоритъ Несторъ. Послѣ мирнаго договора въ срединѣ лѣта 944 Игорь возвратился съ своей дружиной съ устьевъ Дуная въ Кіевъ, а Печенѣговъ послалъ грабить Болгарію въ ихъ собственную пользу. Куда же дѣвались заморскіе Варяги, которые заманены были надеждой на добычу? Они отправились частію на Каспійское море и высадились въ Бердаа въ Дагестанѣ [1]). Но мы имѣемъ опредѣлительное свидѣтельство, что по крайней мѣрѣ императоръ Константинъ Багрянородный 27 января 945 года низвергнулъ своихъ шурьевъ съ

[1]) Все это объяснено мною въ особомъ хронологическомъ разсужденіи, которое до сихъ поръ осталось неизданнымъ.

помощью не русскихъ или скандинавскихъ тѣлохранителей. Уже давно казалось мнѣ, что мы имѣемъ слишкомъ мало извѣстій о военной службѣ, какую южные Славяне отправляли у византійскихъ императоровъ. Съ императоромъ Василіемъ I въ 866 году на греческій престолъ взошелъ Славянинъ, родомъ изъ *Македоніи.* За нимъ престолъ наслѣдовали два сына его, Левъ и Константинъ Багрянородный, бывшій, въ 957 году, крестнымъ отцемъ великой княгини Ольги.

Отъ Ліудпранда, который въ 949 (а по Кругу въ 946?) и въ 968 годахъ ѣздилъ посломъ въ Византію, мы получаемъ ближайшія извѣстія о лейбъ-гвардіи Константина. Для меня истинное удовольствіе сослаться именно въ этомъ мѣстѣ на Ліудпранда, котораго авторъ «Отрывковъ», сочувствуя на этотъ разъ Шлецеру, заклеймилъ полуученымъ педантомъ (см. выше стр. 93 и ср. слѣд. стр. 229). Ліудпрандъ называетъ эвнуха — Gallus уже въ древности значило тоже что кастратъ — Diavolinus и влагаетъ въ уста его слѣдующія слова къ императору Константину Багрянородному:

Non clam te est, *Macedones* cum tibi devotos, tum bello duros existere; mittitoque itaque, ac cubicula propria, Stephano et Constantino ignorantibus, eis suffarcinato.

Трагикомедія кончилась тѣмъ, что когда три императора сидѣли за столомъ, македонская лейбъ-гвардія двоихъ изъ нихъ отправила на какой-то островъ философствовать (....Percusso scuto, *Macedones* insperato proruunt, duosque.... ad vicinam insulam, philosophandum ad quam patrem direxerant, mittunt).

Носили ль македонскіе тѣлохранители Константина также топоръ на плечѣ, предоставляю разыскать другимъ. У какого-то византійскаго лѣтописца есть нѣчто о вооруженіи такъ называемыхъ ѳракійскихъ и македонскихъ воиновъ.

946 года 31 мая при аудіенціи арабскаго посла парадировали крещеные Руссы съ (византійскими) хоругвями, но они были *моряки.* См. мое прибавленіе къ Круговымъ сочиненіямъ. (Forschungen, II, 774). Это мѣсто подтверждаетъ слова Нестора, когда онъ подъ 944 годомъ, по случаю присяги надъ договоромъ съ Греками, въ Кіевѣ, говоритъ:

«И ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а

«хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи... се бо «бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша *Варязи хрестеяни».*

Кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что *Варяги* здѣсь разумѣются еще въ генетическомъ, этнологическомъ смыслѣ (ср. мое прим. выше на стр. 121), въ смыслѣ Ліудпрандовыхъ *Норманновъ* и стало быть и οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς 946, если они не были случайно крещены лишь 945, въ 944 году находились въ числѣ «Варягъ хрестеяныхъ». Ломбардецъ Ліудпрандъ, записавшій, около 960 года (по Кругу въ 958), въ свою лѣтопись, разсказъ объ Игоревыхъ «Руссахъ-Норманнахъ», конечно, и въ 968 году узнавалъ въ «Russi», бывшихъ въ греческой службѣ, еще Норманновъ. Онъ видѣлъ тогда—19 іюля 968—*изъ оконъ своей квартиры* отправленіе греческаго флота въ Италію, въ которомъ было и два *русскихъ* корабля.

Fuerunt chelandia viginti quatuor, Russorum naves duae, Gallicae duae; si plus miserit, quas non viderim, nescio.... Quarto decimo Kalendas Augusti (Nicephorus) collectitium ipsum navalem exercitum, me ab invisa domo (на берегахъ залива, Несторова Суда = Sund?) spectante, dimisit.

Г. Гедеоновъ (стр. 100) хочетъ принимать Ліудпрандовыхъ *Nordmanni*-Russi за переводъ греческаго βόρειοι Σκύθαι, «но безъ доказательствъ». Если кто изъ писателей того времени принималъ Нордманновъ *исключительно* за Скандинавовъ, такъ это именно Ліудпрандъ. Его такъ часто цитовали, нерѣдко насиловали; но ни Шлёцеръ, ни Эверсъ, ни Кругъ, ни г. Погодинъ, ни г. Гедеоновъ не нашли достойнымъ труда отдать себѣ строгій отчетъ касательно его этнографическаго міросозерцанія. А оно такъ ясно высказывается въ его трехъ сочиненіяхъ.

Въ 968 году византійскій императоръ Никифоръ взялъ себѣ, на походъ въ Азію, въ тѣлохранители плѣнныхъ Угровъ, а императоръ Іоаннъ Цимисхій въ войнѣ со Святославомъ въ 970 году составилъ себѣ лейбъ-гвардію (такъ называемыхъ безсмертныхъ) изъ людей знатныхъ фамилій, предводителемъ которыхъ былъ какой-то Критянинъ, убившій русскаго воеводу Икмора. По смерти Святослава Норвежцы и Исландцы вступали въ греческую службу. Датчане тогда еще находили

интересъ плавать въ Англію и другія страны. По завоеваніи Англіи офранцузившимися Норманнами бѣжавшіе Датчане отправились въ Византію, и съ сихъ поръ они чаще тамъ являются, вмѣстѣ съ Англонорманнами и другими. Гдѣ же были тогда, отъ 870 до 970, Шведы, столь рѣдко, говоря относительно, являвшіеся въ то время на западѣ Европы, если не разумѣлись они въ Россіи подъ именемъ Варяговъ въ смыслѣ *Ландварнарманновъ*, въ Византіи подъ именемъ Ῥῶς (см. мнѣніе г. Гедеонова стр. 137, 163, 164, 166) и у Ліудпранда подъ именемъ Нордманновъ? Со времени смерти Святослава отношеніе новопріѣзжихъ шведскихъ воиновъ къ русскимъ туземцамъ должно было совершенно измѣниться. Почти всѣ взрослые потомки перваго и втораго поколѣній Варяго-Руссовъ положили свои головы вмѣстѣ въ Святославомъ, а молодое поколѣніе ужь окончательно ославянилось. Всенародное крещеніе, установленное в. кн. Владиміромъ, еще болѣе отдѣлило древнюю Русь отъ заморскихъ Шведовъ, хотя дружескія сношенія между княжескими домами продолжались.

Я собралъ здѣсь свидѣтельства, которыя, бывъ взяты *по одиначкѣ*, говорятъ противъ норманской школы. Я имѣлъ въ виду только историческую истину и думаю, что достаточно доказалъ г. Гедеонову свою готовность пользоваться его вразумленіями, какъ скоро по его указанію усматривалъ у себя ошибку. Теперь пусть судитъ онъ и другіе, заслуживаютъ ли вниманія выставленныя мною положенія.

11. ЧТО ТАКОЕ ДРЕВАНСКОЕ «WARANG»?

Въ одномъ шведскомъ простонародномъ нарѣчіи «*waring*» значитъ «поросенокъ». Не тутъ ли искать этимологіи служебнаго званія пресловутыхъ Варяговъ? Нѣтъ: та форма съ уменьшительнымъ ок. - ing принадлежитъ ко множеству словъ, изобрѣтенныхъ для названія «свиньи». — Въ Норвегіи нынѣ словомъ *Väring* называютъ еще городскихъ жителей, хотя только въ сложеніи съ другимъ словомъ. Оно имѣетъ совсѣмъ иное происхожденіе и встрѣчается также въ формѣ vär, мн. ч. väre. — Имя одного великана въ древне-сѣверной миѳологіи *Sva-*

rangr довольно хорошо подходитъ къ *Warangerfjord* (см. Отр., стр. 153) въ Лапландіи. Но то и другое — не болѣе, какъ соблазнительныя случайныя созвучія къ византійскому Βάραγγος. — Нынѣшній англійскій городъ «Warrik» построенъ англосакскимъ королемъ въ 915 году въ эпоху нападеній сѣверныхъ пиратовъ и названъ былъ имъ *Väringvic*. Но это названіе означаетъ не то, что понтійское Warangolimen и находитъ себѣ непринужденное объясненіе въ англосакскомъ языкѣ. — Выраженія, относящіяся къ кораблестроенію: *varangue* (франц.), *varenga* (испан.) происходятъ либо отъ скандинавскаго, либо отъ языковъ племенъ на Нѣмецкомъ морѣ, но также представляютъ лишь внѣшнее созвучіе съ служебнымъ именемъ Варинговъ. Тоже надобно сказать о растеніи съ красною краской: *waranche* въ Пикардіи, франц. garance: оно происходитъ отъ средне-лат. garantia и warentia. — Французскіе историки по временамъ также отпускали свою долю въ объясненіе словъ Варангъ и Варингъ, не заботясь о свойствѣ грамматической формы предлагаемыхъ ими первообразовъ. Такъ они указываютъ, начиная съ Дюканжа, на средне-латинское названіе должности *Gravaringus*, или *Grauaringus;* но gravaring есть латинское слово съ германскимъ личнымъ окончаніемъ — *ing* и есть одно и тоже съ gravator = сборщикъ податей, отъ средне-латинскаго gravaria, которое значитъ всякую тяжелую повинность, потомъ подать. — Французамъ и Англичанамъ особенно нравится сближать Warang съ англійскимъ *war* (война) и *warrior* (воинъ). Но давно доказано, что эти два слова не англо-сакскаго происхожденія, а занесены въ Англію лишь французскими Норманнами XI столѣтія. А эти заимствовали его въ Нормандіи отъ Романцевъ, которые въ свою очередь приняли его отъ разныхъ германскихъ завоевателей. Итал., испан., португ. и прованс. guerra, франц., guerre, (стар.-англ. werre = ссора, раздоръ) нерѣдко встрѣчается въ латинскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ, въ формѣ werra, въ значеніи dissensio (w переходитъ въ романскихъ языкахъ въ gu, g; ср. Warangi и Guarangi, vastare и итал. guastare), и всѣ объясненія Warang изъ war оказываются этимологическими враками или Wirrwarr. (Послѣднее слово не что иное какъ удвоеніе, geminatio, старин-

наго warra = werra). — Г. Гедеоновъ придаетъ (стр. 151) нѣкоторый вѣсъ проблематической формѣ *Warizin*. Развѣ Датчане или померанскіе Славяне уничтожили въ имени Warang или Waring носовой звукъ по звуковымъ законамъ *русскаго* языка? Навѣрное нѣтъ. Скорѣе можно бы было полагать, что лапонское переложеніе слова *Warangerfjord* на *Wariag*-wuodn (см. выше стр. 153) произошло подъ вліяніемъ русскаго «Варягъ»; только имя *Warang*erfjord навѣрное древнѣе Рюрика. — Въ древне-сакской поэтической обработкѣ евангелій, извѣстной подъ именемъ Hêliand (= Спаситель) встрѣчается существительное *warag*. Но это только діалектическая форма во многихъ германскихъ языкахъ употреблявшагося существительнаго *varg* (= «волкъ» и «врагъ», гот. vargs, др.-сѣв. vargr; ср. выше, стр. 205), точь въ точь соотвѣтствующаго слав. *врагъ* (польск. wróg; ср. gards и «градъ»). Отсюда можетъ происходить въ финскихъ сказкахъ разбойникъ *Warrak* скорѣе, чѣмъ изъ русскаго «Варягъ», если имя это не финскаго происхожденія.—Въ древне-нѣмецкомъ именословѣ (Förstemann I, 1259, 1267, 1268; II, 1484—1487, 1554), встрѣчается много личныхъ и мѣстныхъ именъ (Warinc, Weringa, Warengar, Guarenger, Waringis, Weringis, Warinza, Waringouwa, Weringewi, Werangewe, Weringozesleho, Waringa, Waringer, Wiringi), которыя по видимому имѣютъ связь съ «Варангъ» или «Варингъ». Но одни изъ нихъ суть названія рѣкъ, въ которыхъ буква *r*, какъ это часто бываетъ въ древне-нѣмецкомъ, произошла изъ древнѣйшаго *s*; другія относятся ко временамъ до появленія Норманновъ или встрѣчаются въ странахъ, куда Норманны никогда не проникали.—Соблазнительно названіе *Waringisi villa*, т. е. *Varengeville* въ Нормандіи; но эта латинская форма встрѣчается въ источникахъ уже VIII вѣка, когда Норвержцы не вступали еще въ Нормандію.—Многіе ученые и полуученые указывали на нѣмецкихъ *Вариновъ* (Varini, Verini, Varni), какъ праотцевъ Варанговъ. А почему Варины не могли имѣть свое имя отъ какой-либо рѣки (напр. Warne), подобно британскимъ Вильтамъ (см. у Лаппенберга), которыхъ иные славянисты до сихъ поръ выдаютъ за братья поморскихъ Вильтовъ, т. е. Лютичей?—И въ *Варискахъ* (Varisci, Οὐαρισ-

ται, у Тацита и др.), жившихъ въ сосѣдствѣ богемскихъ Маркоманновъ (отъ marca = граница), съ радостью узнавали какой-то родъ Варанговъ, въ смыслѣ защитниковъ границъ. Осторожнѣе судитъ Гриммъ о *Варaскахъ* (Warasci, Wirasci, Waresci, потомки тацитовыхъ Варисковъ), явившихся въ 7-й вѣкѣ около горы Юры. Отказываясь отъ толкованія слога *варъ* въ этомъ имени, онъ ограничился замѣчаніемъ, что окончаніе asc и isc (ср. оконч. ang и ing) обыкновенно соединилось съ словами, означающими лица или мѣстности.

Лучше ли вышеприведенныхъ созвучій выдержитъ критику древанское слово *warang* (мечъ), отъ котораго г. Гедеоновъ (стр. 159) производитъ имя византійскихъ Варанговъ и вмѣстѣ русское имя «Варягъ» и древне-норвежское Väring? Инаго, можетъ быть, съ перваго раза оттолкнетъ то, что имя Warang совершенно сходно, по формѣ, съ (предполагаемымъ) названіемъ оружія (warang), которое Варяги носили. Приводимые г. Гедеоновымъ примѣры (см. стр. 160), конечно, не такъ поразительны; но они есть. Довольно упомянуть, что нижне-нѣмецкіе Саксы получили свое имя (Sâhso въ имен.) отъ sâhs (= ножъ), какъ свидѣтельствуютъ языкъ и исторія.

Совсѣмъ иное разсужденіе наводитъ взглядъ на «балтійскихъ Славянъ». Г. Гедеоновъ нашелъ слово «warang» въ языкѣ Древанъ, которые жили не на берегу Балтійскаго моря, а на южномъ берегу нижней Эльбы: послѣдніе остатки ихъ (въ Люнебургскомъ округѣ) вымерли только лѣтъ 50 назадъ и потомки ихъ приняли нижне-нѣмецкое нарѣчіе, называемое въ простонародіи plattdeutsch. Древане были безъ сомнѣнія въ близкомъ родствѣ съ Бодрычами въ Мекленбургѣ и Лютичами въ Помераніи, но вовсе нѣтъ достаточнаго основанія полагать, что Древане, переселясь, въ IX вѣкѣ, на лѣвый берегъ Эльбы, отдѣлились именно отъ померанскихъ Лютичей. Собственно померанскіе Славяне, за исключеніемъ остатка подъ именемъ «Словинцевъ», открытыхъ г. Гильфердингомъ, вымерли. Имѣются ли у поморскихъ Словинцевъ и Кашубовъ такія формы, какъ древанское «варо», не извѣстно.

Говорятъ, что въ послѣдній разъ сказываны были проповѣди на славянскомъ языкѣ въ древанскомъ Вустровѣ въ 1751

году, что впрочемъ сомнительно. И не сохранилось въ письмѣ ни одной проповѣди, а сохранилась только одна пѣсня, словари, нѣсколько разговорныхъ фразъ и краткихъ молитвъ [1]). Изъ словарей самый богатый вустровскаго пастора Геннинга, оконченный въ 1705 г., котораго три редакціи имѣются въ спискѣ у г. Гильфердинга. Въ этомъ словарѣ мы читаемъ:

«SCHWERDT, WARANG, WARÓ»

а въ собраніи словъ, изданномъ гр. Потоцкимъ и основанномъ отчасти на Геннинговомъ значится: épée *waro.* — glaive *warang.* Правильно ли записаны слова и что за окончаніе—ang?

Уже давно я догадывался и высказалъ это печатно, что составители древанскихъ словарей, какъ Нѣмцы, писали славянскія слова оканчивающія на—ang, нѣмецкимъ правописаніемъ [2]): теперь надо остановиться на этомъ внимательнѣе. Именно Геннингъ и другіе не только не различили строго двѣ славянскія носовыя ѫ и ѧ, (польскія ą, ę), но и почти вездѣ передавали ихъ, по *нѣмецкому* обычаю, слогомъ *ang.* Это показываетъ уже сравненіе съ другими славянскими нарѣчіями. Мы беремъ для этого слово imang, которое пишется также jeimang, geymy. Должно ли предполагать древанскую форму imą или imią?

Коренной слогъ этого индо-европейскаго существительнаго средняго рода есть *gnâ*, какъ показываетъ лат. cogno-men вмѣстѣ съ nomen (ср. noscere и cognoscere, γι-γνώσκειν, знать). Во всѣхъ прочихъ языкахъ (санск. nâ-ma(n), арм. anûn, греч. ὄ-νο-μα, гот. na-mo) *g* по эвфоническимъ причинамъ отброшено. Литовско-славянскіе языки отчасти затеряли это выраженіе (ср. лит. vârdas, лат. wârds=*имя* съ прусск. wirds=*слово* и гот. vaurd, нѣм. Wort), отчасти урѣзали въ началѣ и въ концѣ. Старо-сл. имѧ, пол. imię, чеш. jmeno и т. д., прусское emnes (вм. emen?) свидѣтельствуютъ, что начальное *н* было отброшено уже въ то время, когда литовско-славянское племя еще не было раздѣлено на двѣ половины. Но когда это перво-

---

[1]) Литература этого предмета всего полнѣе исчислена г. Ганушемъ во 2-мъ томѣ Славянской библіотеки Миклошича (Wien 1858, p. 109—140).

[2]) «Vielleicht rührt die Schreibart ram*ang* von Niederdeutschen her, welche den slawischen Nasalton germanisch auffassten». 1844.

бытное племя существовало нераздѣльно, у него начальное *н* хранилось еще въ продолженіе нѣкотораго времени, потому что въ финскомъ племени, какъ указалъ мнѣ одинъ лингвистъ, ливское nim, эст. и фин. nimi (=имя), по всей вѣроятности, есть слово заимствованное. (Есть и другія финскія слова, заимствованныя изъ первобытнаго языка литовско-славянскаго племени). Слав. зна мѧ, (пол. znamię и пр.) по звукамъ хотя подходитъ къ основному индо-европейскому gna-man, но не идетъ по первобытному значенію (=знакъ, nota). Это объясняется тѣмъ, что зна-мѧ образовалось у литовско-славянскаго племени въ то время, когда въ немъ уже забылось бывшее у него «нимѧ» и глагольный корень gnâ превратился во «зна» (зна-ти, знать— формы, произшедшія изъ болѣе первобытной зна-твли).

Изъ представленнаго сравненія и изъ многихъ другихъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что древанскіе глоссаторы не умѣли строго различать двухъ славянскихъ носовыхъ, именно ѧ, ę отъ ѫ, ą, и вмѣсто польскаго ę нерѣдко ставили болѣе имъ привычное, нѣмецкое ang, хотя это еще менѣе соотвѣтствуетъ пол. ę, чѣмъ французское in. Такимъ образомъ и слова, приведенныя выше (на стр. 159): tetang, ramang, gogenang, tyaurang, stinang, poyang, надо возводить касательно окончанія, къ пол. формамъ: dziecię, р. пад. dzie-cięcia; (dzieciątko; ср. церк.-сл. дѣтѧ), ramię (-enia, имен. множ. ramiona), jagnię, kurczę, szczenię, pająk. Но при этомъ не должно упускать изъ виду, что у поморскихъ Кашубовъ до сихъ поръ употребляются уменьшительныя формы съ суффиксомъ ią: kurzą (множ. ч. kurząta=цыплята), zrêbią (жеребенокъ; у Древанъ, по Геннингу: sribang). Не менѣе замѣчательны формы поморскихъ Словинцовъ: zdrêbią и zdrzêbio (жеребенокъ), pârsą (= пол. prosię = русск. поросенокъ = древ. pôrsang).

А какъ понимать приводимое выше (на стр. 159) wützerang=вечеря? Ни въ цер.-сл. вечерꙗ, ни въ пол. wieczerza, (чеш. wečere и т. д.) нѣтъ носовой на концѣ и не могло быть его. Можно конечно указать на одинаковое по значенію латышское wakkarinsch (по объясненію одного природнаго Лотыша собственно уменьшительное, отъ wakkar) и прусско-литовское wakarẽnè, но суффикы, встрѣчающіеся въ этихъ двухъ формахъ,

принадлежать, должно быть, собственно только грамматикѣ литовскаго племени. Послушаемъ, что говоритъ самъ Геннингъ о разсматриваемой нами древанской формѣ.

«Abendmahlzeit, *witzerang*. Буква *g* на концѣ какъ-бы поглащается какъ-то въ горлѣ и не совсѣмъ выговаривается [1])».

Такое-же примѣчаніе дѣлаетъ онъ, приводя 3-е лицо множ. ч.: *gaygròjang*=пол. igrają=играютъ [2]).

Г. Гедеоновъ не считаетъ важнымъ (стр. 160), еслибы слово waró на древанскомъ было заимствовано. Въ самомъ дѣлѣ названія оружій искони легко переходили отъ одного народа къ другому. Германскіе народы заимствовали отъ кельтскихъ навѣрное больше, чѣмъ можно полагать при нынѣшнемъ состояніи кельтологіи. Перешли-же въ нѣмецкій языкъ лишь нѣсколько столѣтій назадъ слова: Degen (шпага), Dolch (кинжалъ) и Pfeil (стрѣла). Касательно waro и г. Гедеоновъ (стр. 160 прим.) указалъ на подобныя германскія и скандинавско-лапонскія формы, къ чему можно присовокупить еще залабское «варіова..,» (у Руссова. 1832 VI, 49) = защищаться. Руссовъ заимствовалъ это чтеніе изъ сочиненія графа Потоцкаго. Но его изданіе Платова списка древанскаго словаря очень не удовлетворительно [3]). Лучшее изданіе Платова списка напечатано было Гемпелемъ въ 1832 г. (См. Neues vaterländisches Archiv... Jahrgang 1832 I. Band. Lüneburg). У него мы читаемъ: «Schwerdt, *Warang*, *waró*. — Wehren, sich wehren *Warrjóissa*».

---

[1]) Abendmahlzeit, *witzerang* (Das *g* am Ende wird in der Kehlen gleichsam verschlungen und nicht ganz ausgesprochen).

[2]) Wenn die Kinder spielen, *gaygrójang* (das *g* wird hinten gleichsam verschlungen, dass mans kaum hören kann)—*Сообщено* А. Ѳ. Гильфердингомъ.

[3]) Г. Гильфердингъ (Памятники нарѣчія залабскихъ Древлянъ и Глинянъ. А. Гильфердинга. Спб. 1856. (Изъ V-го тома Извѣстій II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ) справедливо сожалѣетъ о томъ, что изъ рукописнаго сочиненія Древанина Паромъ-Шульца были вырваны, около 1794 г., 11 полулистовъ, указывая при этомъ на того, который такъ варварски поступилъ съ рукописью. Очень вѣроятно, что эти 11 полулистовъ потеряны на всегда. Но могло быть, что графъ Янъ Потоцкій имѣлъ у себя полную копію записокъ Паромъ-Шульца. См. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe. Fait en 1794. Hamb. 1795, стр. 42: «J'ai fait faire une copie de cet ouvrage». Уцѣлѣла ли эта копія?

Окончиваю на этотъ разъ свое розысканіе замѣчаніемъ, что Геннингъ не вѣрно передалъ древанское названіе «waró». *Именительный* падежъ безъ сомнѣнія звучалъ warjó- вмѣсто болѣе первобытнаго warjá (варя). А возмется ли кто доказывать, что и въ древанскомъ нарѣчіи были *уменьшительныя* формы warią и wieczerią (warang, witzerang), подобно формамъ, встрѣчающимся въ нарѣчіяхъ померанскихъ Кашубовъ и Словинцовъ, zrêbią и pârsą (по древ. sribang и pôrsang = жеребенокъ, поросенокъ)?

12. О НОРМАНСКИХЪ СЛОВАХЪ ВЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

«Эта-же школа (т. е. норманская) не можетъ указать ни на «одну норманскую особенность въ русскомъ правѣ, язычествѣ, «образѣ правленія, обычаяхъ; ни на одно норманское слово въ «русскомъ языкѣ; ни на одинъ намекъ самихъ Скандинавовъ на «существованіе у нихъ подъ рукою, громадной свео-славянской «колоніи». (Отрывки, стр. 176).

Приговоръ строгъ, но меня не пугаетъ. Справедливъ ли онъ? Предоставляя г. Погодину и другимъ объясниться съ г. Гедеоновымъ, я съ своей стороны объявляю, что вовсе не думаю норманнизировать древнюю Русь, какъ онъ обо мнѣ полагаетъ (ср. выше стр. 121 прим.). Но того, что я призналъ исторически вѣрнымъ или, при недостаткѣ прямыхъ источниковъ, въ высшей степени вѣроятнымъ по историческимъ соображеніямъ, того я не отдамъ безпрекословно.

Многіе изъ историческихъ терминовъ, разсматриваемыхъ на стр. 168—175, издавно занимали меня, но я ничего объ нихъ не печаталъ. (Только этимологію и постепенное развитіе значенія древне-славянской *гривны* въ 1860 г. я старался поставить на твердое основаніе; см. *О Ярославлѣ серебрѣ*, стр. 8—13). Изъ разобранныхъ г. Гедеоновымъ словъ только четыре я постоянно ставилъ, на основаніи лингвистическихъ законовъ и историческихъ фактовъ, въ связь съ Норманнами, именно: *гридь, скотъ, щьлягъ* и *стерлягъ*. Ограничиваюсь покуда лишь слѣдующими замѣчаніями.

ГРИДЬ (стр. 170).

Производство слова *гридь* отъ *грѣть* не возможно уже по законамъ языка. Коренной слогъ слова *грѣть* есть *gar*, а не gart. *Ть* есть окончаніе неопредѣленнаго накл. отъ корня tu (=дѣяти), встрѣчающагося и въ другихъ глагольныхъ формаціяхъ. Болѣе полныя формы неопр. накл., которое современными лингвистами признается не наклоненіемъ, а существительнымъ именемъ, въ литовскославянскомъ племени (прус. tvei изъ tvai, латышск. tee, лит. të и ti, старо-слав. ти) указаны Шлейхеромъ. Производство Круга, какъ я уже давно (въ 1848 г.) печатно отозвался, противно положительному фонетическому закону. Но Кругово сближеніе hirdman-овъ съ гридью *по званію* не произвольно, хотя есть нѣкоторое различіе между норманскими griđman'ами и hirđman'ами. Карамзинъ ошибся только въ томъ, что не отличалъ двухъ древне-сѣв. словъ другъ отъ друга, именно grîđ и griđ. Русское *гридь* есть тоже самое, чѣмъ, были судя по всему, ***Варяги*** по своему ***первобытному*** званію и Гардинги (отъ gards, градъ) у готскихъ племенъ.

СКОТЪ (стр. 175).

Это слово существовало уже въ томъ періодѣ, когда славянскія племена составляли еще нераздѣльное цѣлое. Германцамъ принадлежитъ, въ формѣ skatt (вм. skat), также съ того времени, когда они еще не были раздроблены на отдѣльныя племена. Но съ лингвистической точки зрѣнія, если не допускать какого-то фонетическаго исключенія или каприза, у того или у другаго изъ этихъ двухъ племенъ оно должно быть заимствованное. Если приводимыя другими кельтскія формы достовѣрны—въ литовскомъ, сколько я знаю, этого слова нѣтъ, за исключеніемъ одного производнаго, заимствованнаго изъ польскаго,—то вопросъ, можетъ быть, было бы легко рѣшить. Но то достовѣрно, что русское *скотъ* получило значеніе *денегъ* (на прим. скотолюбіе=сребролюбіе) только отъ Норманновъ, какъ бы ни казалось это парадоксальнымъ.

ЩЬЛЯГЪ И СТЕРЛЯГЪ (стр. 175).

Слова «щьлягъ» по фонетическимъ причинамъ нельзя производить отъ польскаго szeląg, которое вообще лишь много

спустя послѣ Рюрика вошло въ самый польскій языкъ. Норманны не изобрѣли skilling, въ значеніи *чеканенной* монеты, а сами узнали только отъ Англо-саксовъ, у которыхъ надо искать и происхожденія *стерляга*. Но впредь остается еще рѣшить, не *скиллингъ* ли, въ смыслѣ знака денежной цѣнности, подалъ поводъ къ происхожденію *рубля* въ его первоначальномъ денежномъ смыслѣ.

6 декабря 1862 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ,

С. ГЕДЕОНОВА.

По случайнымъ обстоятельствамъ, продолженіе «Отрывковъ» откладывается до одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Записокъ».

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

О ВАРЯЖСКОМЪ ВОПРОСѢ.

С. ГЕДЕОНОВА.

XVI.

ИМЕНА ПРОЧИХЪ КНЯЗЕЙ, КНЯГИНЬ, ВОЕВОДЪ, МУЖЕЙ И Т. Д.

(Продолженіе.)

Авторъ «Изслѣдованій» говоритъ: «Варяжскими воями на войнѣ и по городамъ, разумѣется, начальствовали Варяги. Этого мало, князья были окружены ими; намѣстники, посланники, кормильцы ихъ, даже ближайшіе слуги были Норманны, домашніе и наѣзжіе. Всѣ важныя мѣста предоставлялись имъ. Такъ было и во всѣхъ странахъ, гдѣ поселялись Норманны.... Туземцы совершенно неупотреблялись, обреченные на свое любезное земледѣліе.» (*Погод Изслѣдов. III. 125.*) Г. Куникъ (*Beruf. II. 119.*) отвергая совершенно славянское начало въ проявленіяхъ политическаго быта Руси до XI вѣка, относитъ къ Норманнамъ по имени и происхожденію (кромѣ князей, бояръ, пословъ и гостей, о которыхъ упоминается въ договорахъ Олега и Игоря): Аскольда, Дира, Бравалина, Рогволода, Тура, Рогнѣдь, Малфрѣдь, Глѣба, Сфенга, Хрисохира, Голтія, Якуна, Шварна; Ольму, Асмуда, Свѣнальда, Прѣтича, Икмора, Сфенкеля, Люта, Блуда, Варяжка, Ждьберна, Волчій Хвостъ, Рогдая, Рагуйла, Улѣба. Изъ непричисленныхъ здѣсь къ Норманнамъ русскихъ историческихъ личностей до

Ярослава, кажется остаются только Малуша, Малкъ и Добрыня (впрочемъ и они выведены Норманнами у г. Погодина, *(Изслѣд. III, Прим. 159. 160)* и пять убійцъ Глѣбовыхъ: Путьша, Талецъ, Еловитъ, Ляшко, Горясѣръ, «коихъ имена, говоритъ онъ *(Тамъ же, Прим. 227.)*, звучатъ, кажется, болѣе по славянски.»

Съ перваго взгляда на это норманизированіе древней Руси, раждается вопросъ: какимъ образомъ Норманны-Варяги, родственники или слуги нормано-варяжскихъ князей, сохраняютъ до XI столѣтія, свои норманскіе имена, когда сами князья, уже во второмъ поколѣніи династіи, принимаютъ словено-русскія: Святославъ, Передслава, Володиславъ, Ярополкъ, Владиміръ, Святополкъ и т. д. Или потомство Норманновъ, пришедшихъ на Русь вмѣстѣ съ Рюрикомъ и Олегомъ, воспитанное на Руси вмѣстѣ съ князьями, отличалось отъ нихъ особымъ норманствомъ обычаевъ и образа мыслей? Или въ лицахъ, окружавшихъ варяжскихъ князей, въ ихъ намѣстникахъ, кормильцахъ, воеводахъ, служителяхъ, должно видѣть не домашнихъ, а только наѣзжихъ Норманновъ? На какомъ основаніи предполагать норманское Gliph или Glibr въ имени Глѣба, сына Владиміра и болгарской Славянки, когда сыновья Владиміра и Норманки Рогнѣды именуются: Изяславъ, Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ? Г. Куникъ *(Beruf. II. 155.)* думаетъ, что Святославъ носилъ норманское имя при славянскомъ. Но почему-же онъ и у Грековъ извѣстенъ подъ именемъ Σφενδοσθλάβος? Почему въ договорѣ Игоря, актѣ оффиціальномъ и государственномъ, Святославъ, Передслава и Володиславъ не являются подъ своими норманскими именами? Я уже не говорю о невозможности исключить изъ русской исторіи не только славяно-русскій, но и прочіе, въ ея развитіи участвовавшіе элементы. Вообще воззрѣніе норманской школы на русскую исторію имѣетъ нѣчто отвлеченное, мертвое: до призванія норманскихъ князей, какіе-нибудь двадцать или тридцать славянскихъ народцевъ, не соединенныхъ между собою живою, внутреннею связью, живутъ, разбросанные по огромному пространству Россіи, дикарями въ родѣ Ирокойцевъ и Альгонкинцевъ, безъ имени, безъ князей, безъ городовъ; является горсть

Норманновъ и вдругъ все преобразовалось; есть народъ, есть имя, города, торговля, государство; Финны, преобладающая въ дѣлѣ призванія народность, изчезли; Козары пропадаютъ въ волжскихъ степяхъ: Печенѣги и Венгры, ближайшіе сосѣди Руси на юго-востокѣ, Литва на западѣ, едва извѣстны по имени; вездѣ Норманны и одни Норманны. Справедливо-ли?

При Рюрикѣ. **Аскольдъ** и **Диръ** (*Лавр. с.* Аскольдъ, Оскольдъ, Аколъдо; *другіе:* Аоскольдъ и Сколдъ; см. *Нест. Шлец. II. 15.* Диръ, поправлено въ Ипат. Дирдъ; см. *Лавр. 10. прим. ж.*). У Байера: Оскель, Ашкель, Аскель (*Нест. Шлец. III. 105.*); у г. Куника (*Beruf. II. 138.*); Höskuldr и Dýri.

Что Аскольдъ и Диръ, если допустить Норманство варяжскихъ князей, были не скандинавскаго происхожденія, должно заключить изъ словъ лѣтописца: «не *племени* его, но боярина» (*Лавр. 9.*). Кругъ (*Forsch. II. 332.*) переводитъ *племя* — Stamm и прибавляетъ: «Askold und Dir konnten also nicht, wie Rurik, unter ihre Vorfahren Könige zählen, welches ihnen nachher Oleg auch vorwirft.» Г. Соловьевъ (*Отнош. 40.*) говоритъ яснѣе: «если у Рюрика было 2 мужа, *не племени его*, то могли быть мужи племени его — *родичи.*» Нѣтъ сомнѣнія что въ извѣстныхъ случаяхъ *позднѣйшіе* лѣтописцы принимаютъ выраженія: *племя*, *племенники* въ смыслѣ рода и родичей. *Въ Лавр. подъ 1216:* «мы есьмы *племеньници* себѣ.» *Стр. 215:* «Князи же милостиви *племя* Ростиславле.» *Ипат. подъ 1195 г.*: «А ты, брате, въ Володимери *племени* старѣй еси насъ» и пр. Но у Нестора *племя* почти всегда означаетъ совокупность одноплеменныхъ родовъ, γένος, gens, въ смыслѣ народа, языка: «и съсѣдятся съ *племенемъ* Хамовымъ.» «Языкъ Словѣнескъ отъ *племени* Афетова.» «Погибоша аки Обри, ихъ же нѣсть *племени*, ни наслѣдка.» «Хананейское *племя* (*Лавр. 2, 3, 5, 41, 78.*). Откровеніе Св. Іоанна 10, 11 передаетъ греческое ἔθνος словомъ *племя.* Отсюда выраженіе *иноплеменники* для иноземцевъ: «и разъгнѣвася Богъ, предаяшеть я *иноплеменьникомъ* на расхищенье» (*Лавр. 41.*). «Архіерѣи обладаху ими до Ирода *иноплеменьника*» (*Тамъ же, 43.*). «Се бо Ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на *иноплеменникы*,

Русскіи князи» *(Ипат. 2, 3).* «Придоша *иноплеменьници* на Рускую землю, безбожніи Измалтяне, оканьніи Агаряне» и пр. *(Тамъ же, 121.).* Лѣтописецъ обозначаетъ родство словомъ *родъ;* такъ объ Олегѣ: «*отъ рода* ему суща» *(Лавр. 9.).* Что Аскольдъ и Диръ были въ убѣжденіяхъ народа иноплеменники Рюрику и Олегу, что вся ихъ исторія есть ничто иное, какъ развитіе первыхъ словъ лѣтописи: «не племени его», въ смыслѣ инородцевъ, истина ясная, но конечно не совмѣстная съ системою норманскаго происхожденія Руси; ибо если Аскольдъ и Диръ Норманны, Олегъ и призванные Варяги не скандинавскаго происхожденія; если Аскольдъ и Диръ инаго, не скандинавскаго рода, откуда имя Руси (῾Ρῶς) для пиратовъ 866-го года у Нестора и у византійскихъ писателей?

Эверсъ *(Krit. Vorarb. 237.)* первый вывелъ ученымъ образомъ мнѣніе о венгерской народности Аскольда и Дира, основываясь на чтеніи Воскресенскаго списка лѣтописи: «яко гость есмь *подугорской....* да придѣте къ намъ *к родомъ своимъ*» *(ibid. 243, прим. 10.).* Шлецеръ *(Нест. II. 237.)* находитъ смѣшными слова: «*подугорскіе гости*»; Кругъ укоряетъ Воскресенскій списокъ вставкою переписчика; но эти слова стоятъ, кромѣ Воскресенскаго, и въ Полетиковскомъ, Архангельскомъ, Никоновскомъ спискахъ *(Нест. Шлец. II. 212.):* Всего болѣе повредилъ своему предположенію самъ Эверсъ, утверждая, что «гость подугорской» безсмыслица, ибо никто не знаетъ подугорской земли; почему и предлагаетъ чтеніе «родоу оугорьска» *(Krit. Vorarb. 238.).* Названіе «Подугоріе» могло и должно было существовать у славянскихъ народовъ, какъ равносильные ему Подрусіе, Подляшіе, Подлитовіе, Podczachy и пр. (см. *Schafar. Sl. Alt. I. 345. Anm. 3.).* Здѣсь не къ чему приводить иноземныя выраженія «inferiores Hungariae partes» *(Krug, Forsch. II.* 383 *Anm. x.)* или «Pannonia inferior» *(Anonym. de convers. Boioar. ap. Boczek. I. 21.),* о которыхъ не знали ни Несторъ, ни пѣсня или слово, изъ которыхъ онъ черпалъ свое преданіе объ Аскольдѣ. Подчехами, Подугоріемъ, Подлитовіемъ назывались ближайшія къ тому или другому славянскому племени; части этихъ земель, какъ пограничные Латыши (украинскіе) Летгаллами (Летгола), отъ латышскаго gall, граница *(Kruse, Urg. d. Esthn.*

Vs. 137,). Основательнѣе-ли другія возраженія Круга? Онъ думаетъ *(Forsch. II. 387, 388)* что Олегу было естественнѣе назвать себя русскимъ т. е. скандинавскимъ купцомъ, чѣмъ венгерскимъ. Если Аскольдъ и Диръ были Венгры, конечно нѣтъ; ибо Норманнъ не скажетъ Угрину: «да придѣте къ намъ *к родомъ своимъ*.» Если они были Норманны, еще менѣе. Преданіе гласило о убіеніи кіевскихъ династовъ посредствомъ хитрости и обмана; оно признавало между Кіевомъ и варяжскими князьями отношенія враждебныя, недовѣрчивость; въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что, вскорѣ послѣ призванія, Кіевъ сталъ притономъ недовольныхъ Рюрикомъ Новгородцевъ и Варяговъ *(Ник. I. 16, 17.)*. Олегъ таится отъ своихъ враговъ, Аскольда и Дира; но предупредитъ-ли онъ ихъ подозрѣнія на счетъ выходцевъ съ сѣвера, если скажетъ: «я норманскій купецъ; иду отъ враждебныхъ вамъ Олега и Игоря въ Грецію; приходите ко мнѣ, вашему (но и Олегову) единоплеменнику, Норманну»? Недовѣрчивость Аскольда и Дира изчезала только передъ вымысломъ Олега, выдающаго себя за венгерскаго гостя, единоплеменника Венграмъ Аскольду и Диру, измѣняющаго варяжскимъ князьямъ (Норманнамъ или Вендамъ, все равно), въ пользу своихъ соотечественниковъ. Весь разсказъ лѣтописи о походѣ Олега на Кіевъ, о его хитрости, о убіеніи Аскольда и Дира и ихъ погребеніи, безъ сомнѣнія взятъ изъ народныхъ пѣсенъ; а народный смыслъ рѣдко обманывается въ затѣйливости своихъ вымысловъ и соображеній.

Другое, изъ Саги взятое доказательство венгерскаго происхожденія Аскольда и Дира находимъ въ названіи «угорскимъ», мѣста ихъ погребенія: «И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь (*Пол.* еже *и нынѣ* нарицается) Угорское, кдѣ нынѣ Олминъ дворъ» *(Лавр. 10)*. О происхожденіи этого названія «Угорское» было довольно прѣній; г. Погодинъ *(Изслѣд. II. 266, прим. 422.)* и Кругъ *(Forsch. II. 365—378)* думаютъ, что угорскимъ прозвано то мѣсто, на которомъ Угры, при Олегѣ (или еще до него), шедъ мимо Кіева, останавливались вежами: «въ лѣто 898. идоша Оугри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Оугорское, пришедше къ Днѣпру и сташа вежами» *(Лавр. 10.)*. Будь это мѣсто гора

(Погод. l. c.), или берегъ (*Krug. l. c.*) ясно, что Угры становились вежами не на немъ, а прошедъ мимо него. Откуда же для этого берега или горы названіе угорскаго? Г. Погодинъ говоритъ: «мѣсто объ Аскольдѣ и Дирѣ въ Архангельскомъ спискѣ, испорченное переписчиками, удовлетворительно поправляется Лаврентьевскимъ спискомъ: «придоста Олегъ.... и приплу подъ Оугорьское, похоронивъ воя своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича, да придѣта к намъ к родомъ своимъ.» Но какъ г. Погодинъ самое продолженіе, такъ Кругъ забываетъ объясненіе продолженія этого мѣста: «и убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, *еже ся нынѣ зоветь Угорьское*, кдѣ нынѣ Олминъ дворъ.» Эти слова очевидно содержатъ этимологическое объясненіе слова *Угорское*, отъ погребенія на мѣстѣ, носившемъ это названіе, Венгровъ Аскольда и Дира. Относить эту этимологію не къ первому, а ко второму помину объ этомъ мѣстѣ и его названіи, натяжка тѣмъ менѣе дозволительная, что повторенія въ родѣ приводимаго г. Погодинымъ, не рѣдки въ лѣтописи; напр. подъ 915 г.: «Пріидоша Печенѣзи первое на Рускую землю»; а подъ 968: «придоша Печенѣзи на Русску землю первое.» Слова Полетиковскаго списка; «еже *и нынѣ* нарицается Угорское» *(Нест. Шлец. II. 219.)*, какъ относящіяся прямо и исключительно къ мѣстоположенію могилъ Аскольда и Дира, окончательно разрѣшаютъ наши сомнѣнія.

Взятая съ этой точки зрѣнія сага или пѣсня объ Аскольдѣ и Дирѣ является вполнѣ и логически довершенною. Основные пункты ея: инородность Венгровъ Аскольда и Дира, и Варяговъ Олега и Игоря; хитрость Олега, основанная на присвоеніи себѣ угорской народности; названіе Угорскимъ мѣста погребенія угорскихъ династовъ. Въ понятіяхъ норманской школы, слова «не племени его» безполезны; «придѣте к намъ к родомъ своимъ» безсмыслица; «гость подугорской» вставка; «еже ся нынѣ зоветь Угорьское» (о мѣстѣ погребенія Аскольда) случайность необъяснимая.

Къ доказательствамъ, взятымъ изъ лѣтописи, я присовокупляю сказанное въ другомъ мѣстѣ *(стр. XI. 106.)*, о существо-

ваніи русскаго хаганата въ 839—871 годахъ; о названіи Кіева венгерскимъ именемъ Sambath; о вассальскихъ отношеніяхъ русскихъ династовъ къ хазарскимъ хаганамъ, до водворенія въ Кіевѣ Варяга-Славянина Олега и т. д. Азіатское происхожденіе Аскольда падетъ не иначе какъ съ опроверженіемъ (непослѣдовавшимъ до сихъ поръ) приведенныхъ историческихъ документовъ и фактовъ.

Я перехожу къ ономастическому вопросу.

Подъ 6055 (=555) г. Θеофанъ упоминаетъ о посольствѣ, отправленномъ къ греческому императору, *Аскеломъ* (Ἀσκὴλ), княземъ Гермехіоновъ, народа, живущаго на берегахъ океана: «Τῷ δ᾽αὐτῷ μηνὶ ἦλθον πρέσβεις Ἀσκὴλ τοῦ ῥηγὸς Ἑρμηχιόνων τοῦ ἔσωθεν κειμένου τῶν βαρβάρων ἔθνους πλησίον τοῦ ὀκεανοῦ» *(Theoph. Chronogr. ed. Bonn. I.* 370, *371.).* Анастасій переводитъ: «eodem anno venerunt legati Ascelti regis Ermechionorum, qui positus est intra barbarorum gentem iuxta oceanum, Constantinopolim» *(Hist. eccles. ed. Bonn. 108.).* Кругъ *(Forsch. I. 222.)* относитъ безъ дальнихъ изслѣдованій, это извѣстіе къ германской народности, а имя *Аскеля* считаетъ тождественнымъ съ русскимъ *Аскольдъ.* Но кому извѣстны германскіе Гермехіоны? Думалъ ли онъ о Тацитовыхъ Герміонахъ: «Proximi Oceano Ingaevones, medii Hermiones, ceteri Istaevones» *(Germ. 2.)*? Но въ VI вѣкѣ имя Герміоновъ уже давно изчезло, уступивъ мѣсто названію Свевовъ. О настоящей народности Гермехіоновъ свидѣтельствуетъ Θеофанъ византійскій, современникъ имп. Юстина, 567—577 г. (см. *Fabricii bibl. Graeca, VI. 239.):* «ὅτι τὰ πρὸς εὖρον ἄνεμον τοῦ Ταναΐδος Τοῦρκοι νέμονται οἱ πάλαι Μασσαγέται καλούμενοι, οὓς Πέρσαι οἰκείᾳ γλώσσῃ Κερμιχίονας φάσι» *(Exc. e. Theoph. hist. ed. Bonn. 484.).* Гермихіоны или Кермихіоны (срвн. ἔρα и ἥρη, ἀστήρ и κάστωρ, Αὐλωνία и Καυλωνία, Ἀλύβη и Χαλύβη, Ἄλαισος и Γάλαισος [1]) были слѣдова-

---

[1]) Jede Sprache, говоритъ Велькеръ (*Aesch. Tril. 130, Anm. 171.*), enthält die gleiche Erscheinung.» Такъ Ingo и Chynko, Ingwog и Hynchwog (см. Гл. XV); такъ и у Конст. Багр. Salmutzes вмѣсто Almutzes, Singul и Chingulus вмѣсто Ингулъ (*de adm. imp. ed. Bonn. 170 179, 168.*). Тунманнъ отыскавъ разъ, что у Конст. Багр. вмѣсто ἐπονομαζόμενον Νεσσουπῆ, было поставлено по ошибкѣ ἐπονομαζόμενον Ἐσσουπῆ (*ibid. 75.*), сталъ примѣнять свое открытіе ко

тельно *турецкимъ* племенемъ, обитавшимъ на востокъ отъ Дона, безъ сомнѣнія на берегахъ Каспійскаго моря, слывшаго у Грековъ подъ именемъ Океана, отъ Страбона до Приска, Прокопія и позднѣйшихъ временъ [1]). Сходства турецкаго Askel съ рус. *Аскольдъ* норманская школа вѣроятно отрицать не будетъ; Кругъ почиталъ оба имени тождественными, а Байеръ производилъ русское *Аскольдъ* отъ скандинавскаго *Askel.* Прибавка конечнаго *д*, кажется, особенность южныхъ русскихъ племенъ; такъ Диръ и Дирдъ, Свенгелъ и Свенгелдъ (*см. ниже стр. 251).* Тоже имя Аскольдъ сокрыто, можетъ быть, и подъ именемъ венгерскаго короля Malescoldus, къ которому бѣжалъ сынъ англійскаго Эдмунда *(Roger Hoveden* § *4, ap. Kunik, Beruf II. 35, Anm. x.).* Основное *olt, old* встрѣчается въ венгерскихъ именахъ Zoltan, Solt, Caroldu, Sarolt, Mykolth, Hadolth и т. д. [2]).

Я не знаю о Дирѣ, имѣетъ ли онъ соименниковъ у Мадяровъ; еслибы не слишкомъ произвольная смѣлость предположенія, я счелъ бы его за словено-русскаго князя, вассала и данника хазарскихъ хагановъ. Диръ чисто славянское имя; срвн. у Козьмы Пражскаго *Tyr, Tyro (I. 9.) Tyra* мужское имя у Палацкаго *(Gesch. v. Boehm. I. 208.)*; *Dirslaus, Dirislaus, Dirsco* у Бочка *(II. 342, III. 277, IV. 239.).* У Массуди является славянскій князь именемъ Ad-dîr или Aldîr *(Charmoy, relat. de*

всѣмъ личнымъ и мѣстнымъ именамъ и даже къ годовымъ числамъ его книги. Онъ читаетъ вмѣсто λεγόμενος Σαλμούτζης, λεγόμενος ’Αλμούτζης; вмѣсто λεγόμενος Συγγούλ, λεγόμενος ’Υγγούλ, Но правильность дошедшихъ до насъ чтеній подтверждается тѣми мѣстами, въ которыхъ передъ именами Σαλμούτζης, Συγγούλ, нѣтъ слова, оканчивающагося на σ. Такъ: «μάλλον οἱ Τοῦρκοι τὸν ’Αρπαδῆ γενέσθαι προέκριναν ἄρχοντα ἤπερ Σαλμούτζη τὸν αὐτὸν πατέρα» (*de adm, imp. 170.*). «Ποταμὸς Χιδμάς, ὃ καὶ Χιγγυλοὺς ἐπονομαζόμενος» (*ibid. 168.*).

[1]) »Sinus est mare illud (Caspium), ab Oceano versus meridiem editus» (*Strabo. XI. 385.*) «Hae gentes (Saraguri, Urogi et Onoguri) propriis sedibus ejectae, commissa pugna cum Sabiris, quos expulerant Abares, et ipsi quoque extorres facti a gentibus, *quae Oceani littus accolebant* (τὴν παρωκεανίτην ἀκτήν) — — — in finitimorum sedes irruperunt» (*Exc. e Prisci hist. ed. Bonn. 158.*). Очевидно, здѣсь подъ словомъ *океанъ*, должно разумѣть восточное, Каспійское море (срвн. *Thunmann,, Oestl. V. 30.*). Не иначе понялъ мѣсто о Кермихіонахъ и Стриттеръ; онъ также принимаетъ Океанъ за Каспійское море (*Mem. pop. III. 5.*)

[2]) Я указываю только ради любопытства на личныя Colda у Чеховъ (*Boczek, II. 121. Sommersb. I. 86, 1008*), Sclodo, Skölde у Дюсбурга (*Chron. Pruss. 186, 188, 199, 379.*).

Mas'oudi 314, 331.); д'Оссонъ *(des peup. du Cauc. 88.)* читаетъ *Dir*[1]).

При Олегѣ: **Ольмъ, Олъма, Олма**; въ Архангельск. сп. *Алма* и *Алминъ* дворъ *(Нест. Шлец. II. 221.)*. Г. Куникъ *(Beruf. II. 180.)*: Holma.

Татищевъ заключаетъ справедливо о крещеніи Аскольда, какъ изъ свидѣтельства Фотія, такъ и изъ того обстоятельства, что христіанская церковь Св. Николы была построена надъ его могилою. Шлецеръ *(II. 248)*, въ слѣдствіе своего изобрѣтенія понтійскихъ Ῥῶς'совъ, отличныхъ по происхожденію отъ настоящей Руси, не допускаетъ этого факта; послѣ Эверса *(Krit. Vorarb. 264 — 271)* его опровергать не стоитъ. Удивительно сомнѣніе Карамзина о построеніи Ольмою или Альмою церкви Св. Николая: «Шлецеръ, говоритъ онъ, называетъ его строителемъ церкви Св. Николая; почему? лѣтописецъ не говоритъ этого» *(Карамз. I. 295.)*. Имя *Ольмы* стоитъ именно въ тѣхъ четырехъ спискахъ (Пол. Воскр. Арх. и Ник.), которые сохранили намъ чтеніе «гость подугорской» *(Нест. Шлец. II. 219—221.)*. Пропускъ того и другаго въ Лаврентьевскомъ и иныхъ спискахъ одинаково безсмысленъ; ибо что значатъ, безъ имени Ольма, слова: «на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу» *(Лавр. 10. См. прим. п.)*? Кто поставилъ? Надъ могилою крестившагося Венгра Аскольда, поставилъ церковь Св. Николая христіанинъ Венгръ Ольма, Альма; это имя есть ничто иное какъ венгерское (латинизированное) Almus.. Туроцъ читаетъ Alm и Alom *(Schwandtn. Scrpt. rer. Hungar. I. 99. № 2.)*; у Ранцана: «Alom, quia vero Hunnorum lingua, somnus vocabatur Alom» *(ibid. 440.)*[2]). Какъ у насъ, такъ и у Венгровъ *а* переходитъ нерѣдко въ *о*; Ондрѣй вмѣсто Андрѣй, Ольма вмѣсто Альма *(см. Horvat, Urgesch. d. Slaw. 151.)*. Окончанія на *а* обычны въ венгерскихъ именахъ; напр. Tulma, Oluptulma, Boyta, Zulta *(Anon. ap. Schwandtn. I. 15, 8, 39.)*. Венгерское происхожденіе имени

---

1) «En considérant la syllabe ال al de الدير Al-Dîr comme l'article arabe, il restera Dîr دير, qui est le nom du frère (?) d'Ascold.» (*Charmoy l. c. 593*).

2) Сонъ — alma (*Mone, Nord. Heid. V. 104, Anm. 71.*).

Альма служитъ новымъ доказательствомъ венгерскаго происхожденія самаго Аскольда.

При Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ. **Свенгелдъ** (Свѣналдъ, Свѣнтелдъ, Свенделдъ; *проч. вар.:* Свингелдъ, Свѣнелдъ, Свинделдъ, Свендилдъ, Свенделъ, Свинделъ, Сведеладъ, Свендъ, Спентелдъ, Свентолдъ, Свентеадъ, Свелдъ. См. *Лавр, 23, 24, 31, 32; Нест. Шлец. III, 5, 288, 582, 583, 631.)*, воевода Игоря, Святослава и Ярополка, отецъ Мьстишинъ (Мистишинъ, Мстислашинъ, *Лавр. 23. Нест. Шлец. III, 288)* и Лютовъ (Лютъ, Лотъ, *Лавр. 31*, Свентолдичь лютый, въ Эрмитажн. Хроногр. у Круга, *Forsch. I. 99.*).

Списки Пол. Воскр. Арх. и Ник. знаютъ Свенгелда воеводою Игоря уже въ 915 году *(Нест. Шлец. III. 5, 6.)*; о немъ упоминается въ послѣдній разъ подъ 975 *(Лавр. 32.)*. На основаніи этихъ хронологическихъ данныхъ, Шлецеръ полагаетъ, что отецъ Мстишинъ отличенъ отъ Свенгелда, отца Лютова въ 975 г. *(Нест. III. 293.)*; но, кажется, безъ основанія. Изъ свидѣтельства лѣтописи видно, что Свенгелдъ отецъ Мстишинъ, Свенгелдъ воевода Святослава и Свенгелдъ отецъ Лютовъ и воевода Ярополка, одно и тоже лице. Подъ 971 г.: «Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему *воевода отенъ Свѣнделъ:* поиди княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣги въ порозѣхъ» *(Лавр. 31)*. Слова «воевода отень» опредѣляютъ тождество Свенгелда, воеводы Святослава въ 971 году, съ Свенгелдомъ (отцомъ Мстишинымъ), воеводою Игоря въ 945. Далѣе, подъ 972 г.: «поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Кура, князь Печенѣжскій, и убиша Святослава. — — — — *Свѣналдъ* же приде Кіеву *къ Ярополку» (Тамъ же)*. Очевидно, этотъ Свенгелдъ, пришедшій къ Ярополку въ 972 году, не отличенъ отъ Свенгелда, воеводы Ярополка (отца Лютова) въ 975. Сомнѣніе могло бы пасть только на Свенгелда, воеводу Игорева въ 915; въ 975 ему было бы около 80 лѣтъ. Но здѣсь должно замѣтить: 1) что «саны или достоинства, высшія должности, принадлежали у насъ въ древности извѣстнымъ родамъ, и передавались какъ-бы по наслѣдству отъ отца къ сыну, по-

добно сану княжескому» *(Погод. о наслѣдств. др. сановъ въ Арх. ист.-юрид. свѣд. отд. I. 75,).* Вышата былъ воеводою Ярослава въ 1043 году; Янъ, сынъ Вышатинъ, ходилъ воеводою на Половцевъ еще въ 1106. Между воеводствомъ отца и сына легло, по крайней мѣрѣ, 63 года. Свенгелдъ могъ быть сыномъ воеводы Олегова и наслѣдовать двадцати лѣтъ должности отца своего; 2) что русскіе князья всегда чтили и держали *отнихъ мужей;* такъ *Лавр. подъ 1096 г.:* «Святополкъ и Володимеръ послаша къ Олгови, глаголюще сице: поиде Кыеву, да порядъ положимъ о Рустѣй земли, предъ Епископы и предъ игумены, *и предъ мужи отець нашихъ»* и пр. *Ипат. подъ 1182:* «Оставиже (Володимеръ) у нихъ воеводу Ѳому Назаковича, а другого Дорожая, *то бо бяшеть ему отнь слуга»* и пр. (Срвн. *Лавр. 140; Ипат. 47.*). Свенгелдъ переходитъ отъ Игоря къ Святославу, отъ Святослава къ Ярополку.

При множествѣ варіантовъ Свенгелдова имени, проявляющихся въ трехъ главныхъ формахъ: Свенгелдъ, Свѣналдъ и Свентелдъ, этимологическія изслѣдованія теряютъ необходимую для нихъ прочность лингвистическаго основанія. «Имя Свенделда или Свинделда, говоритъ Байеръ *(Нест. Шлец. III. 105, 289)*, находившагося между варяжскими воеводами князей Ингоря и Святослава, есть настоящее скандинавское, и такъ, что мнѣ совѣстно приводить примѣръ изъ такого множества.» Г. Куникъ *(Beruf. II. 184.)* избираетъ форму Свѣналдъ (у Скандинавовъ: Svenald), относя всѣ остальныя къ невѣденію переписчиковъ. Но какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ форма Свѣналдъ, такъ въ Ипатьевскомъ преобладаетъ форма Свенгелдъ. Я читаю Свенгелдъ, потому что: 1) гораздо естественнѣе предположить у переписчиковъ выпускъ, нежели прибавку одной лишней буквы; tywun переходитъ у насъ въ тіунъ, Mestiwoi въ Мьстіуй, но не на оборотъ; такъ и Свенгелдъ въ Свѣналдъ; 2) нѣтъ сомнѣнія (по крайней мѣрѣ нѣтъ причины къ сомнѣнію), что Несторовъ Свенгелдъ и Σφέγκελος у Льва Діакона *(ed. Bonn. 135, 144)*, [1]), Σφάγελλος) у Кедрина *(ed. Bonn. II. 395, 402)*, одно и тоже лице.

---

[1]) Газе указываетъ еще на форму Σφάγγελος (*Not. in L. Diac. 476.*).

Обыкновенно принимаютъ, что Свенкелъ (Σφένκελος) убитъ подъ Дористоломъ; но этого не говорятъ ни Левъ Діаконъ, ни Кедринъ. Первый повѣствуетъ, что нѣкто изъ Грековъ *поразилъ* его копіемъ, κατηκόντισεν; такъ у Михаила Атталіоты: «καὶ πετροβόλοις ὀργάνοις καὶ τόξοις ὡς νιφάσι κατακοντίσας. «et catapultis et jaculis ut nivis multitudine *jaculans*» *(Mich. Attal. ed. Bonn. 110)*; второй, что онъ *палъ* сражаясь, «ὡς γὰρ συνέβη πεσεῖν τὸν Σφάγελλον»; и то и другое можетъ быть отнесено къ раненому въ сраженіи. Какъ Вышата при Ярославѣ (см. *Солов. Ист. Росс. I. 223.)*, такъ вѣроятно и Свенгелдъ при Святославѣ былъ воеводою надъ земскими полками; онъ начальствуетъ Переславскимъ войскомъ *(Cedren. ed. Bonn. II. 395.)*; Святославъ стоитъ съ дружиною подъ Дористоломъ *(ibid. 397)*. Кедринъ *(395)* считаетъ Свенкела первымъ по Святославѣ[1]); первымъ по Святославѣ является Свенгелдъ и въ договорѣ съ Греками: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ *и при Свѣналдѣ» (Лавр. 31.)*. При всемъ богатствѣ германо-скандинавской ономатологіи, она не знаетъ или еще не отыскала соименника Свенкелу; г. Куникъ *(Beruf. II. 188.)* указываетъ или на скандинавское Svenke (уже употребленное для объясненія имени Σφέγγος, *ibid. 168)*, или на составное, предполагаемое Sven-kel, или на миѳическое Fen-go, или на женское Fen-ja. Свенкелъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, литовское Свинкели, Свелкеній (такъ назывался братъ литовскаго Тройдена, въ 1270 году; см. *Ипат. 204. Прим. у.*), искаженное Svengiel; срвн. Jagiel, Skirgiel и русскія Іевнутей, Кейстутей вмѣсто литовскихъ Javnut, Keystut *(Родосл. кн. у Шлец. Gesch. v. Litth. 89.)*. Окончаніе на *д* (Свенгелдъ вмѣсто Свенкелъ (Svengiel), какъ уже сказано, особенность древне-русской ономатологіи; такъ Askel и Аскольдъ, Диръ и Дирдъ и т. д.[2]).

---

[1]) У Льва Діакона онъ является третьимъ (*ed. Bonn. 135, 144.*); второе мѣсто принадлежитъ Икмору, непосредственному начальнику дружины (*ibid. 149.*).

[2]) На варіантъ Свендъ (сокр. Свенгелдъ?) указываетъ извѣстіе Chukr-Ullah у Шармуа. *relat. de Mas. 366, 395.* Онъ говоритъ о Славянахъ язычникахъ, что они называютъ своихъ князей *Святъ*, а княжескихъ намѣстни-

Былъ ли Свенгелдъ родомъ Литвинъ или поморскій Вендъ съ литовскимъ именемъ? При тѣсной связи поморія съ Литвою, оба предположенія равно возможны. На послѣднее указываютъ славянскія (западныя) имена его сыновей, Мстишъ и Лютъ. Мстишъ, сокращенное Мстиславъ, является именемъ чешскаго вельможи, подъ 1061 годомъ: «Mztis comes *(Cosm. II. 33.)*; Лютъ, по чешски Luta, именемъ пустимирскаго Жупана въ 1034 году *(Bockek I, 116, cfr. ibid. III. 130)*; отсюда уменьшительные и составныя: Lutco, Lutek, Lutik, Luten, Luthomissel, Lutmir, Lutobran, Lutohnew, Lutbor, Boleilut и т. д. *(см. Boczek и Дитмара IV. 40.)*. Г. Погодинъ *(Изслѣд. I. 169.)* видитъ въ словахъ лѣтописи: «тоже отецъ Мистишинъ» примѣту что они писаны тогда, «когда, жилъ сей неизвѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI-го вѣка; сынъ современника Свѣнельдова не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, прибавляетъ онъ, чтобы эти слова принадлежали Нестору; къ чему бы ему означать неизвѣстнаго боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ послѣ онъ не говоритъ ни слова.» Г. Куникъ *(Beruf, II. 183.)* полагаетъ, что слова «тоже отецъ Мьстишинъ» позднѣйшая вставка переписчиковъ. Но изъ лѣтописи не возможно заключить о существованіи двухъ воеводъ Святослава, перваго Свенгелда, другаго неизвѣстнаго боярина, отца Мстишина. Арх. списокъ читаетъ: «тоже (т. е. онъ же) отецъ Мстислашинъ и Лютовъ» *(Нест. Шлец. III. 288.)*, а Шлецеръ переводитъ правильно: «дядькою былъ у него Ясмундъ, а воеводою Свѣнелдъ, отецъ Мстиславовъ» *(Тамъ же 290.)*. Обычай обозначать извѣстныи лица напоминаніемъ о родствѣ существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. У насъ Вышата отецъ Яневъ; Тюкы Чудинъ братъ; Мирославъ Хиличь внукъ; Ольстинъ внукъ Прохоровъ; Вячеславъ Малышевъ внукъ, Божинъ внукъ и т. д. *(Лавр. 66, 85; Ипат. 23, 129; Нові. 42, 107)*; у Чеховъ: Jaroslaus frater Galli; Wezmil filius uxoris Martini; Jenik frater Mathei и т. д. *(Boczek, III, 143; I, 344, 311.)*. Мы читаемъ и у Менандра:

ковъ (воеводъ) *Свенеди* или *Свенди* سونع. Арабскій авторитетъ Chukr-Ullah намекалъ на Святослава и его воеводу Свенгелда..

Μεζάμηρον τὸν Ἰδαριζίον, Κελαγαστοῦ ἀδελφὸν» *(Exc. de legat. ed. Bonn. 284.).*

Ἴκμορ *(Leo Diac. ed. Bonn. 149.)*, воевода Святослава въ 972 году; по г. Кунику *(Beruf. II. 185.)* славянская форма скандинавскаго *Ingimar*.

Мы уже заключили изъ мѣстнаго Ingmerouitz о существованіи личнаго, славянскаго Ingmer или Ingmir (въ русской формѣ *Игомиръ*). У Саксона Грамматика *(VIII. 408, 409.)*: «*Ismarus* rex Slavorum.» Формѣ Ἴκμορ вмѣсто Ἴκμηρ, соотвѣтствуетъ русское Ратморъ (*въ Кн. больш. черт. 210:* Ратморовъ) вмѣсто Ратмиръ.

Ясмудъ *(Арх. сп. у Шлец. Нест. III, 288, 321.* Асмудъ, Асмолдъ, *Лавр. 23, 24.* У Татищева: Асмундъ), кормилецъ Святослава въ 945 году. У г. Куника *(Beruf. II. 183.* Asmund и Asmodr.

Jasmund (*у Сакс. Грамм. XIV. 803.*: Asmoda и Jasmonda; въ скандинавскихъ сагахъ: 'Asund *Scrpt. hist. Islandor. XII. 57.)* названіе восточной части острова Рюгена, нѣкогда вмѣстилища Ранограда и Арконы *(см. Schafar. Sl. Alt. II. 574. Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. I. 121, 499.)*. Личное Ясмудъ или Асмудъ относится къ волостному Ясмудь (Jasmund, Asmoda), какъ личное Stodor (Stodorchowicz, *ap. Barthold, ibid. 5 2.)*, къ волостному Stodor (*Cosm. I, 11; Dalimil, 44.)*; какъ личное Žirmunt, Žirmut къ волостному Žirmunti *(Schafar. Sl. Alt. II. 601.)* и т. д. Впрочемъ до сихъ поръ еще не рѣшено не было ли города Jasmund (Ясмудь) въ землѣ этого имени; Миллеръ *(ed. Sax. gramm.* 843. *№ 2.)* принимаетъ существованіе города Asund (скандин. форма славянскаго Jasmund), на основаніи словъ Книтлинга саги гл. 122: «Quinto idolo nomen fuit Pizamar, in *Asunda* (id huic *loco* nomen) culto, quod etiam flammis abolitum est.» Буде *locus* означаетъ здѣсь *городъ*, то мѣстное Ясмудь отвѣчаетъ личному Ясмудъ, какъ мѣстныя Радогощь, Домагощь, Володимерь, личнымъ Радогость, Домагость, Володимеръ.

Личное Ясмудъ составлено изъ кореннаго *яс* (срвн. поморское Jesse; у Чеховъ Jasco и Jaslo *ap. Boczek II, 239, 241. V.*

76, II. 206.) и конечнаго славянскаго *мунтъ* или *мутъ;* срвн. Olomut, Dymud и т. д.[1]).

Малуша *(Лавр. 29.* Въ иныхъ спискахъ Малка; *Нест. Шлец. III. 525.)*, Ольгина ключница, мать Владимірова; *Малко* Любчанинъ (въ одномъ Лавр. Малкъ) ея отецъ; *Добрыня*, братъ.

Г. Погодинъ *(Изслѣд. III. 95.)* считаетъ Малушу Норманкою, полагая, что Малуша, быть можетъ, тоже, что и Малфрѣдь, съ перемѣною норманскаго окончанія на славянское. «Малкъ, говоритъ онъ, *(Тамъ же, Прим. 159.)*, могъ быть мужемъ, посаженнымъ отъ Олега въ Любечѣ»; но Малушѣ рабѣ не доводилось быть дочерью княжаго мужа. *Малъ* чисто славянское имя; *Малко* относится къ нему, какъ уменьшительное *Радъко (Новг. 18.)* къ имени *Радь*, *Михалко* къ имени Михаилъ и т. д. У Чеховъ подъ 1230 г. *Malko (ap. Boczek, II. 219.);* въ грамотѣ 1519 г. Иванъ *Малка (Акт. Ист. I. 186.).* Что женское *Малка* или *Малуша* происходитъ отъ мужскаго Малко, не требуетъ доказательствъ.

Монахъ Оддуръ *(Hist. Ol. Trgr. f. c. 3.)* зоветъ Владимірову мать (Малушу) ворожеею; pythonissa, spakona. «Id temporis rex Valdemar regno Gardorum magna cum gloria imperabat. Hujus mater fatidica fuisse dicebatur, quae ethnicorum divinatio in libris (въ книгахъ Св. Писанія) spiritus pythonicus dicitur. Quae praedixerat, eventu fere probata sunt; tunc autem temporis aetate erat decrepita. Eorum consuetudo erat, ut eam primo festi jolensis vespere ante solium regis sella deferri oporteret. Et priusquam potari coeptum esset, rex a matre quaerit, an periculum aliquod aut damnum regno suo impendere, aut cum tumulto quodam et metu adpropinquare, aliosve possessionem ejus concupiscere provideat aut praesciat. Cui illa: (здѣсь слѣдуетъ предсказаніе о прибытіи въ Русь и будущей судьбѣ Олафа Тригвасона) — — — — Jam me deportate hinc, nam, cum satis jam superque dicta sint, plura non eloquar.» Это древнѣйшее свидѣтельство о колядскомъ гаданіи на Руси. Кругъ *(Forsch. II. 552.)* основываетъ

---

[1]) У Литвы: Algimund, Germund, Narimund и т. д.

на словахъ Оддура: «primo festi jolensis vespere» мнѣніе будто бы языческая Русь справляла скандинавскій Іулскій праздникъ, Jol- или Julfest. Но скандинавское Jolfest праздновалось какъ обще-славянская Коляда и римскія Brumalia, 24-го Декабря; Оддуръ Мункъ не могъ передать *К*оляды иначе, какъ своимъ festum jolense. Такъ и въ Харатейной Кормчей XIII-го вѣка, о врумаліяхъ: «сице глаголемыя К*оляды» (Снегир. р. Пр. II. 3.)*. У Скандинавовъ самъ праздникъ Рождества Христова сохранялъ языческое наименованіе Іулскаго: «Legibus sanciri fecit (rex Hakon), ut festum jolense ethnici auspicarentur eodem, quo Christiani tempore; — — — olim vero a nocte, Hökunott dicta, id est a nocte mediae hiemis, festum jolense auspicabantur, quod per triduum mansit» *(Hist. Ol. Trgv. f. c. 21.)*. «Die S. Thomae sacro ante festum Jolense» etc. *(Hist. Ol. Sanct. c. 177. cfr. Scrpt. hist. Island. VII. 158, 181.)*. Если въ выраженіи festum jolense о русской Колядѣ видѣть доказательство ея скандинавскаго происхожденія, то нѣтъ причины не допускать поклоненія Юпитеру германскихъ язычниковъ, на основаніи выраженій «a presbytero Jovi mactante» *(Bonifac. ep. 25.)* или «robur Jovis» *(Wilibald. ap. Pertz. II, 343.)*, а изваянія греко-римскаго язычества не принимать за изображенія Вольсунговъ и Азовъ *(Hist. Sigurdi Hsp. c. 13.)*. О волхвахъ, гаданіяхъ и женщинахъ-ворожеяхъ у всѣхъ славянскихъ народовъ сохранились безчисленныя преданія въ пѣсняхъ и лѣтописяхъ; любопытно, что какъ у Скандинавовъ ворожеи — Spåkonur, такъ у Литовцевъ волхвы именовались Swakones *(Hartknoch, Diss. IX. 154. У Нарбутта I. 264*: Žwakones-wróżbici).

Доказывать славянство имени Добрыня, считаю излишнимъ; мы находимъ его у Менандра *(ed. Bonn. 406.)*, подъ двоякою формою: Δαυρέντιος (Добрыня) и Δαυρίτος (Dobrata, Dobreta, Dobrota, см. *Bockek, I. 126, 233, 181);* парижское изданіе исказило ихъ въ Λαυρέντιος и Λαυρίτας. Знаменитый славянскій вождь перешелъ къ потомству подъ чужимъ, вымышленнымъ именемъ; авторъ Slawy Dcera поетъ: «Stiny Lawritasů! Swatopluků!»

Прѣтичь, воевода Святослава въ 968 г. *(Лавр. 28.)*.

Г. Куникъ *(Beruf. II. 185.)*, считаетъ это имя скандинавскимъ Fretr, съ славянскимъ окончанiемъ на *ичь*.

Какъ Владимiръ и Владь, Станимиръ и Стань, Радимиръ и Радь (см. Šafař. *Pam. изб. хрисов. 7.)*, такъ Pretimir (личное имя у *Schafar. Sl. Alt. I. 54.)* и Прѣтъ, отъ древне-славянскаго *прѣтися:* «Изяславу же сѣдящу на сѣнѣхъ съ дружиною своею, начаша *прѣтися* со княземъ» *(Лавр. 73.)*. Личное *Прѣтъ* сохранилось въ названiи мѣстечка Prietz (Прѣть) въ Моравiи *(ap. Boczek, III. 372.*. Срвн. *Wladimir* и *Wladimierz ibid. II. 23.)*. У Вендовъ составныя: Pretslaw, Prethslaw, Pretbor *(Sommersb. II. 113, 167, 105.)* и т. д.

При Владимiрѣ: **Рогволодъ, Рогнѣдь** *(Лавр. 23.)*. Байеръ (у *Шлец. Нест. III. 106, 107.)* приводитъ германо-скандинавскiя: Раггвалтръ, Рагнвалдъ, Рогнволодъ сынъ Эйстейновъ («notus Rognvolodus Eysteini filius.» Не Rognvolodus a Ragnvaldus), Ротвигда, Рагнгилда и пр. Г. Куникъ *(Beruf. II. 148—153.)* указываетъ на формы: Rögnwaldr, Ragnheidr. Противъ славянскаго происхожденiя имени Рогволодъ онъ возстаетъ потому, что славянское *рогъ* (Horn) не объясняетъ ономастическаго значенiя ни Рогволода, ни Рогнѣди, и что имена Рогволодъ, Рогнѣдь неизвѣстны у западныхъ и южныхъ Славянъ.

Рогъ, *Roh* древнее обще-славянское имя; «Roh, nomen viri» (*Čas. Česk. M.* VI. 65.); подъ 1096 г. лѣтопись знаетъ Новгородца Гуряту *Роговича (Лавр. 107.);* у Сербовъ встрѣчаемъ древнее *Роугь* (Šafař. *Pam. изб. хрисов. 7.);* у Чеховъ подъ 685 г. Rohoslaw (*Kollar, Rozpr. 96.);* подъ 1425: « Vir doctus Girciccus *Rohovvladius*» (*Bell. Hussit. a Zaharia Theobaldo juniore, Francof. 1621, p. 117.)*. Rohowlad и въ Čas. Č. Mus VI. 65.

Рогволдъ — славянское имя, какъ Всеволодъ, Володимiръ, Бѣловолодъ, Володарь и т. п. Основательнѣе другихъ замѣчанiе г. Куника *(Beruf. II. 151.)*, что удержанiе звука *н* въ имени Рогнѣдь указываетъ на первобытное существованiе этого звука въ производномъ имени. Въ самомъ дѣлѣ Рогнѣдь не непосредственно отъ Рогволодъ, а отъ кореннаго Рогъ, Roh, черезъ прилагательное rožni; срвн. Рожне поле въ

Лавр. 135 [1]). Отсюда чешскія Rozněta и Roznět (Čas. Č. m. VI. 65.), относящіяся къ формамъ Rohneda, Rohned, какъ Božen, Božena къ формамъ Bohan, Bohuna *(ibid. 60, 61.)*. У насъ первобытное западное Rožned сохранилось въ новгородскихъ лѣтописяхъ: «Въ лѣто 6643. заложи той же князь Всеволодъ Святую Богородицу на Торгу, а *Рожнѣть* Святаго Николу на Яковлевой улици» *(Нові. II. 124.* вар. Рожнидъ, Аложнидъ). «Въ тоже лѣто заложи церковь камяну Святыя Богородиця на търговищи Всеволодъ, Новѣгородѣ, съ архепископъмъ Нифонтомъ. Томъ же лѣтѣ и рожнетъ (вар. Ирожнетъ) [2]), заложи церковь Святого Николы, на Яколи улици» *(Новг. I. 7.)*. Г. Куникъ принимаетъ это имя за мужское *(Beruf. II. 152.*: ein Rožnid); но по окончанію (срвн. Лыбѣдь, Эстрѣдь, Малфрѣдь, Димудь) оно принадлежитъ къ женскому роду. Вѣроятно, эта Рожнѣть или Рогнѣдь была сестрою или женою Всеволода Мстиславича.

Рогволодъ пришелъ изъ за-моря и является въ лѣтописи владѣтельнымъ полоцкимъ княземъ. Татищевъ писалъ, что Рогволодъ былъ изъ варяжскихъ князей, пришедшихъ съ Рюрикомъ, т. е. произошелъ изъ ихъ рода *(Карамз. I. Прим. 420.)* Игорь могъ имѣть сестру, которую отдалъ за поморскаго князя, отца или родственника Рогволодова, а Полоцкъ въ вѣно; слова лѣтописца: «бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, *имяше власть* (*вар.* волость) *свою въ Полотьскѣ*, а Туръ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася» *(Лавр. 32.)* доказываютъ, что, подобно Олегу, Рогволодъ и братъ его Туръ *(Арх. сп. у Шлец. III. 654.)* вели свое старшинство изъ Поморія, общей отчизны вендо-варяжскихъ князей; они не получили, но имѣли отъ прежнихъ временъ, по наслѣдству, свою отчину въ Полоцкѣ и Туровѣ, состоявшихъ до окончательнаго ихъ присоединенія къ варяго-русской державѣ при Владимірѣ, въ волостномъ отношеніи къ Поморію.

---

[1]) Лужицкія названія для Января и Февраля, wulki rožh и maly rožh, великій и малый рожокъ или рогъ (*Буслаевъ. Арх. И. Ю. IV. 34.*)

[2]) Въ прим. *д* стр. 7. изданія Арх. Комм. сказано: «ирожнетъ. Издатели Новг. лѣт. неправильно сдѣлали изъ буквы *и* предлогъ.» Совершенно правильн о. Всеволодъ и Рожнѣть поставили 2 церкви въ томъ же году.

«Не хочю розути робичича» говоритъ Рогнѣдь о Владимірѣ. У германскихъ народовъ женихъ обувалъ невѣсту или дарилъ ее обувью. «Нашъ германскій обычай, говоритъ Яковъ Гриммъ (*D. R. A. I. 156.*), особенно налегаетъ на *обутіе* невѣсты; русское преданіе на *розутіе* жениха.» Ломоносовъ и Татищевъ знали о существованіи обряда розутія жениха невѣстою у русскихъ крестьянъ *(Нест. Шлец. III. 652. Прим. 2.)*; Олеарій упоминаетъ объ этомъ обыкновеніи въ своемъ Описаніи Россіи XVII-го столѣтія *(Карамз. I. Прим. 421.)*[1]); г. Соловьевъ (*Ист. Росс. I. 244.*) указываетъ на тотъ же обрядъ у литовскихъ племенъ. Но если допустить скандинавское происхожденіе варяжскихъ князей, какимъ образомъ могла Норманка Ragnheiðr ожидать отъ Норманна Waldemar'а, никогда у Норманновъ не существовавшаго унизительнаго обычая?

Позднѣйшая лѣтопись сохранила намъ о Рогнѣди и другое преданіе, безъ сомнѣнія заимствованное изъ народныхъ пѣсенъ временъ Владиміра. «О сихъ Всеславичихъ сице есть, яко сказаша *вѣдущіи* преже» *(Лавр. 131)*[2]). Г. Соловьевъ *(Ист. Росс. I. 47.)* замѣчаетъ, что Владиміръ имѣетъ *право* казнить жену, замышлявшую преступленіе; здѣсь болѣе нежели *право*, здѣсь *долгъ* (сопряженный съ религіознымъ обрядомъ), по неисполненіи котораго Владиміръ обязанъ созвать бояръ и просить совѣта. «И повергъ мечъ свой, и созва боляры, и повѣда имъ.» «Древне-чешскіе законы, опредѣлявшіе смерть женѣ, за нарушеніе супружеской вѣрности, требовали отъ самаго мужа исполненія смертнаго приговора. Такъ въ древнѣйшемъ житіи Св. Адальберта читаемъ, что женѣ одного изъ Врзовичей, уличенной въ измѣнѣ, надлежало по древне-чешскому обычаю (more barbarico) принять смерть отъ руки мужа. Quam cum more barbarico parentes dedecorati conjugis decapitare quaererent, fugit illa — — sub manu conjugis capitalem jussa est subire sententiam *(Vita S. Adalb. c. XIV.)*; обычай, говоритъ Палацкій (*Gesch. v. Boehm.* I. *185. Anm. 172.)*, существовавшій у

---

[1]) Въ переводномъ французскомъ изданіи Олеарія, *Wicquefort, Leyde. 1719.* я этого извѣстія не нашелъ.

[2]) *Вѣдущіи* т. е. *вѣщіи*, пѣснотворцы; срвн. *вѣщій* Боянъ въ словѣ о полку Игоревѣ; такъ у Грековъ ἀοιδός, ἀείδω, οἶδα, εἴδω.

Чеховъ еще въ XIV вѣкѣ.» *(Cfr. Maciejowski Sl. Ra. II. 28..)*. На религіозное значеніе смертнаго обряда намекаютъ торжественныя приготовленія Владимира: «И повелѣ ею устроитися во всю тварь царьскую, якоже въ день посяга ее, и сѣсти на постелѣ свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнѣть ю» *(Лавр. 131.)*

О сношеніяхъ и въ позднѣйшее время, потомковъ Рогволода съ Поморіемъ, свидѣтельствуетъ Татищевъ, по лѣтописи Еропкина; Борисъ Давидовичъ, князь Полоцкій (1217 г.), былъ женатъ вторымъ бракомъ на Святохнѣ (срвн. Svatohna, *ap. Boczek, I. 139.)*, дочери поморскаго князя Казимира (*см. Карамз. III. Прим. 208.*); она замышляла о новомъ подчиненіи Полоцкаго княжества Поморію.

Туръ. «Какъ Туровъ и Турецъ, говоритъ Шафарикъ (*Sl. Alt. II. 115.)*, такъ Туръ, Туры древнѣйшія славянскія именованія мѣстъ и людей.» Въ Ипат. л. подъ 1208 г. является Петръ *Туровичь*.

Блудъ, воевода Ярополка въ 980 г. *(Лавр. 32.)*. У г. Куника *(Beruf.. II. 188.)*: Blótmar, Blótsvéinn, Blodlin, Blundkettil, Hrisablundr.

Blud, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ западно-славянскихъ именъ: «*Blud* filius Onsonis, ao. 1247; *Bludo*, Olomucensis castellanus, ao. 1251; comes *Blud*, dictus de Hycin, ao. 1297» и т. д. (см. *Boczek. III. 70, 138; V. 76.)*. Въ Новг. л. подъ 1230 г. упоминается о Волосѣ Блуткиничѣ. О Блудкинѣ городкѣ см. *Карамз. V. прим. 137, стр. 461.*

Борисъ, сынъ Владиміра отъ Болгарыни (*Лавр. 34.*). Г. Куникъ (*Beruf. II. 168.*) ссылается на Шафарика, приводящаго имя *Борисъ* въ числѣ гунно-болгарскихъ, по славянски звучащихъ именъ *(Schafar. Sl. Alt. II. 167.)*. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было преимущественно въ употребленіи у болгарскихъ Славянъ, но какъ славянское, а отнюдь не финно-уральское имя. Мы встрѣчаемъ его во всей Славянщинѣ, и подъ его полною формою *Бориславъ (Burislaus* Sarmatarum princeps, *ap. Frodoard. ad ann. 955. Burizlavus* Vindlandiae rex, *in Hist. Ol. Trgv. f. c. 58. Бориславъ* Некрутиницъ *въ Новг. л. 36.* Петръ *Бориславичь, въ Ипат. 71.)*, и подъ сокращенною *Борисъ*. «Mztis Comes urbis Belinae, filius *Boris*» *(Cosm. II. 33.)*. Дитмаръ

знаетъ въ 1005 году двухъ поморскихъ бояръ, *Бориса* и Незамысла: «e Slavis optimos *Borisen* et Nesemuschlen» *(VI. 66.)*. У Чеховъ подъ 1174 г.: «*Boris* cum duobus filiis» *(Boczek. I. 287.)*. Въ Силезіи подъ 1234 г. мѣстечко *Borissow (Sommersb. I. 922.)*. Отъ Славянъ перешло имя Бориса и къ Венграмъ; Борисомъ (Βορίσης) назывался воевода императора Ман. Комнина; онъ былъ отъ рода Гейзы *(Joann. Cinnam ed. Bonn. 117.)*.

Глѣбъ, братъ Борисовъ, отъ одной матери *(Лавр. 34.)*. Г. Куникъ *(Beruf. II. 168.)* приводитъ сѣверныя Gliph, Gliber, Glibor.

Польскія лѣтописи пишутъ Hleb, Oleh, Olha, передавая своимъ *h* южное произношеніе словено-русскаго *г*. Въ самомъ дѣлѣ Глѣбъ и Хлѣбъ одно имя; въ сербскомъ прологѣ XIII. вѣка, у Калайдовича: «въ тъжде день светою мученику, Рушьскою царю, Борыса и *Хлѣба*» *(Экс. болг. 91, Прим. 10.)*. У Чеховъ подъ 840 г. *Chleboslaw (Kollar, Rozpr. 97.)*; *Chlebek* nomen viri (Čas. Česk. M. VI. 61.); *Litochleb (ibid. 63.)*. Мѣстныя: *Chlepardorf, Chlebeschawe (Boczek, I. 99; IV. 43.)*; у Анны Комниной подъ 1078 г.: Хлѣбина.

Σφέγγος, братъ Владиміра по Кедрину, воевавшій вмѣстѣ съ Греками противъ Хозаръ: «Καὶ τῇ συνεργίᾳ Σφέγγου τοῦ ἀδελφοῦ Βλαδιμηροῦ, τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Βασιλέως, ὑπέταξε τὴν χώραν» и пр. *(Cedren. ed. Bonn. II. 464.)*. Г. Куникъ *(Beruf. II. 169.)* на основаніи приводимаго Стриттеромъ *(Mem. pop. II. 2. 1010.)* варіанта: «γαμβροῦ τοῦ Βασιλέως», пишетъ: ein Bruder oder Schwiegersohn Wladimir's. Но какъ слова: τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Βασιλέως, такъ и варіантъ *cod. Coislin*: «γαμβροῦ» относятся не къ Сфенгу (которому въ противномъ случаѣ, пришлось бы въ одно время быть и братомъ и зятемъ Владиміра), а къ Владиміру, *шурину* имп. Василія[1]); парижское изданіе даже читаетъ: Βασιλείου вмѣсто βασιλέως. Что Владиміръ не могъ быть названъ императоромъ (βασιλεὺς) очевидно. Ἀδελφὸς (братъ), въ общемъ смыслѣ: cognatus, proximus, consanguineus *(Thes. gr. l.)*; γαμβρὸς, gener, item frater uxoris: nec non *maritus sororis* secundum quosdam *(Budd.)*. Латинскій пере-

[1]) Варіантъ γαμβροῦ поставленъ какъ слѣдуетъ: онъ опредѣляетъ яснѣе слово ἀδελφὸς, родство Владиміра къ императору.

водъ объясняетъ правильно: «is adjuvante Sphengo fratre Bladimeri, *ejus qui Basilii imperatoris sororem in matrimonio habebat,* regionem eam subegit» etc. Теперь, былъ ли этотъ Σφέγγος роднымъ братомъ или только родственникомъ Владиміра, все равно; онъ носитъ чисто славянское имя.

Норманская школа *(Kunik, Beruf. II.169, 170.)* указываетъ на скандинавское *Svenki*; я съ своей стороны на славянское Zwenko; такъ назывался (по чтенію Шафарика *Sl. Alt. II. 539.)* упоминаемый около 1128 г. у Гельмольда *(I. Cap. XLIX.)* вендскій князь Zuinike; правильность шафариковскаго чтенія подтверждается одинаковымъ названіемъ полабскаго города Zwencka (нынѣ Zwickau) у Дитмара II. 24; мѣстечка Свенкевичи (Suenchieci *ap. Boczek II. 151.)* въ Моравіи и т. д. Сверхъ того должно замѣтить, что германскіе лѣтописцы обыкновенно передаютъ славянское *с* нѣмецкимъ *z;* такъ у Дитмара Zuentipolcus, Zobislaus; у Ад. бременскаго Zuentifeld, Zuentina и пр. Но Свенъ (уменьшительное *Свенко;* срвн. Jacobus Swinka *ap. Sommersb. I. 325*; Якубъ Свинка *въ Густ. лѣт. подъ 1292 г.)* древнерусское имя; Новг. л. упоминаетъ подъ 1186 г. объ Ивачѣ *Свеневичѣ.* «*Sveno* superne tonsus» у Сакс. Грамм. (VIII. 381.), какъ увидимъ, славянскаго происхожденія. Оба чтенія передаютъ одинаково вѣрно Кедриново Σφέγγος.

Χρυσόχειρ, имя другаго родственника Владимірова у Кедрина: «Χρυσόχειρ συγγενής τις ὢν τοῦ τελευτήσαντος» (Βλαδιμήρου *ed. Bonn. II.* 478.). Г. Куникъ *(Beruf. II. 170.)* считаетъ это имя переводомъ норманскаго Gullhand; съ бо́льшимъ правомъ можно бы указать на русское: *золотая рука.* У Норманновъ прозвища безъ имени не употребляются, напр. Ywar Thruwar, Harald Harfagr, Harald Blatand, Harald Hildetand, Sigurd Ullstreng, Svein Bryggjufot и т. д.; напротивъ у Славянъ: Волчій Хвостъ, Положи Шило *(Ипат. 194.)* и т. п. Впрочемъ Кедринъ *(II. 206, 209. 212.)* знаетъ еще другаго, *армянскаго* Хрисохира (Χρυσόχειρ) при имп. Василіи Македонянинѣ (срвн. *Theophan. Cont. ed. Bonn. 266, 271, 274.).*

Ждьбернъ. Въ словѣ: *Успеніе В. К. Владиміра* читаемъ: «шедъ взя Корсунь градъ; князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за *Ждьберномъ.* Не роспустивъ полковъ, и посла Олга

воеводу своего съ *Ждьберномъ* въ Царьградъ къ царямъ, просити за себя сестры ихъ» *(Восток. Катал. Рум. Муз. № 435.)*. Г. Куникъ *(Beruf. II. 188.)* думаетъ о норманскомъ Sigbern; но этому имени, по законамъ лингвистическихъ аналогій, приходилось скорѣе проявиться подъ формою *Жигобернъ;* срвн. Сигисмундъ и Жигимонтъ. Начальное *ждь, жди* чисто славянскаго свойства и происхожденія; такъ напр. *Жданъ (Карамз. III. 472)*, *Жидимиръ (Лавр. 229.)*, *Жидиславъ (тамъ же 155.); Zderad*, *Zdebor*, *Zdislaw*, *Zdik* въ собраніи чехо-моравскихъ грамотъ у Бочка. *Бернъ* (какъ увидимъ) равно принадлежитъ славянской и скандинавской ономатологіи.

Рахдай, одинъ изъ сказочныхъ богатырей временъ Владиміра. «Того же лѣта (1000 г.) преставися *Рахдай* удалой, яко наеждяше сей на триста воинъ» *(Ник. I. 111.)*. Г. Куникъ *(Beruf. II. 190, 191.)* производитъ имя Рахдай отъ предполагаемаго норманскаго *Rögn-dagr*, германскаго *Regintac*. Имя Рахдай, быть можетъ, монголо-уральскаго происхожденія; срвн. въ сказаніи о нашествіи Батыя, татарскія *Себѣдяй*, *Бурундай* и т. д. Съ другой стороны, *Рахъ* обще-славянское имя. «Сынъ боярскій, Михаиловичь, именемъ *Рахъ*» *(Ипат. подъ 1281 г.)*. «Quidem *Race* de semine Cruconis» *(Helmold. I. LVI.)*, *Rac*, *Racek*, *Raci (ap. Boczek, II. 56, 58. I. 340, 75.)* и т. д. Форма *Рах-дай* могла составиться по образцу славянскихъ: Доброжай, Буслай, Дунай, Волдай и т. п.

При Святополкѣ. **Путьша**, **Талецъ**, **Еловитъ** вар. *Еловичь)*, **Ляшко**, **Горясѣръ**, **Торчинъ** *(Лавр. 57, 58, 59)*, убійцы Бориса и Глѣба. Изъ нихъ славянскими кажутся: *Путьша*, срвн. чешское Pouta подъ 1052 г. *(Boczek, I. 125.)*, *Ляшко* и *Горяспѣръ*. Шафарикъ (*Sl. Alt. I, 55.*) сравниваетъ послѣднее съ западными Neužir, Radžir, Wratižir; но окончаніе на *жиръ* существуетъ у насъ подъ обычною формою; срвн. *Нажиръ*, въ Правдѣ Мономаха *(изд. Калач. II. § 48.);* Жирославъ *Нажировичь* въ 1160; *Нажиръ* Переяславичь въ 1161; Данилъ *Нажировичь* въ 1235 году. *Талецъ* имя вѣроятно половецкое; срвн. гунно-болгарское Τελέσιος у патр. Никифора (*ed. Bonn. 77.* у Ѳеофана: Τελέτζις; у Зонары: Τελέτζης). *Еловитъ*, *Еловичь*, кажется, тоже, что половецкое *Елчичь (Ипат.*

подъ 1160 г.). Торчинъ (какъ Ляшко, Варяжко, Ятвягъ и т. д.) личное имя, взятое изъ народнаго; срвн. *Торчинъ*, именемъ *Беренди*, овчюхъ Святополчь *(Лавр. 111.).*

При Ярославѣ. **Будый**, кормилецъ и воевода Ярослава *(Лавр. 62.).* Западно-славянское имя, тождественное съ ободритскимъ Buthue (*Helmold. I. XXIV.*). Срвн. чешскія: Buda, Budata, Budik, Budka и пр.

Якунъ *(Акунъ)*, имя варяго-норманскаго воеводы въ 1024 году *(Лавр. 64.);* здѣсь, вѣроятно, тождественное съ скандинавскимъ Hakun, Hakon (см. *Kunik, Beruf. II. 172.).* Но слѣдуетъ ли отсюда норманское происхожденіе самаго имени и норманство его для всѣхъ Якуновъ нашей исторіи? Скандинавы передаютъ славянское *Prislaw* своимъ *Fridlevus* (*Knytl. S. c. 119.);* славянскія *Рогволодъ* и *Ратиборъ,* — своими *Regnaldus* и *Rathbarthus* («Regnaldus Ruthenus, Rathbarthi nepos» (*Sax. Gramm. VIII. 385, 386.*) и т. д.; Русь должна была передать норманское Hakon славянскимъ Якунъ, Акунъ. Ѳеофилактъ упоминаетъ о Славянинѣ *Якунѣ*, иллирійскомъ воеводѣ въ 531 г.: «ὁ στρατηλάτης Ἰλλυρικοῦ Ἀκούμ, ὁ Οὖννος, ὃν ἐδέξατο βασιλεὺς ἀπὸ τοῦ βαπτίσματος» *(ed. Bonn. I. 338.)* У Анаст. 101: «Hoccum». У Кедрина *(ed. Bonn. I. 651.)*: «ὁ τοῦ Ἰλλυρικοῦ βασιλεύς Ἀκοὺμ ὁ Οὖννος». Ἀκοὺμ вмѣсто Ἀκοὺν, какъ Μεξάμηρος вмѣсто Nezamir, Μέστος и Νέστος *(Schafar. Sl. Alt. II. 58. Anm. 1. Abk. d. Sl. 170.)* и т. д.; нынѣшняя крѣпость Петервардейнъ, извѣстная Птоломею подъ названіемъ Ἀκούμιγκον, является въ Пеутингеровой таблицѣ подъ формою *Acunum (ibid. 158.)*[1]). Что подъ именемъ Гунновъ въ VI вѣкѣ, у Ѳеофана и Кедрина разумѣются Славяне, не подлежитъ сомнѣнію; такъ у Кедрина: «οἱ Οὖννοι οἱ καὶ Σϑλαβῖνοι» *(ed. Bonn. I. 675.).* Юстиніанъ (Uprawda), крестившій нашего Якуна, былъ самъ Славянинъ; вмѣстѣ съ Якуномъ является у Ѳеофана и другой славянскій вождь *Годило* (Γόδηλος, Γοδίλλος). Тоже имя, думаю, подъ формою Naccon, встрѣчается у Дитмара *(I. 18.)* и Адама бременскаго: «Mizizza, *Naccon* et Sederich» *(cap. 69.).* Въ славянскихъ нарѣчіяхъ буква *н* часто ставится передъ гласными; напр. у Бол-

---

[1]) *Якунь* отъ личнаго *Якунъ*, какъ Оргощь отъ личнаго Орогость.

гаръ *nezero* вмѣсто *jezero*, *небонъ* вмѣсто *ибо;* Νατίσωνα вмѣсто Ἀτισῶνα *(Schafar. Abk. d. Sl. 170.)*; у насъ *нятство* вмѣсто *ятство (Сборн. Мухан. 72.); Нянко* вмѣсто обще-славянскаго *Янно (Лавр. 191.)* [1]); иногда и на оборотъ; такъ у Сербовъ Ἀρεντάνοι вмѣсто Ναρεντάνοι *(Schafar. Sl. Alt. II. 268.)* и т. д.

Улѣбъ, новгородскій посадникъ *(Калайдов. о посадн. 68.);* кіевскій тысяцкій въ 1147 г. *(Ипат. 23.).* Имя *Улѣбъ* встрѣчается также въ числѣ пословъ Игоревыхъ. Г. Куникъ *(Beruf. II. 192.)* приводитъ скандинавское *Ulifr*; Шегренъ отыскалъ даже никоновскаго Улѣба въ *Ульфѣ*, сынъ Ярла Рагнвальда *(Mem. I. VI. 513.).* Я думаю, что *Улебъ* русская форма вендскаго Godleb или Hodleb, дошедшаго до насъ въ германизированной формѣ Godelaibus у Эйнгарда *(Annal. ad. ann. 808.).*

Мы увидимъ форму **Гуды** (срвн. Тукы, Будый и т. д.) въ договорахъ Олега и Игоря; у Чеховъ *Hodko* и *Hodka* (*Dalimil. 21.* срвн. Hodica, дочь Биллуга у Гельмольда I. XIII.) указывающіе на основное *Hod*, какъ *Радько (Новг. л. 18, 4).)* и *Radka (Dalimil. l. c.)* на основное *Радь;* кромѣ Эйнгардова Godelaibus, коренное God, Hod является въ именахъ *Godemir (Joh. Luc. de regn. Dalm. 77, 269), Godin (Sommersb. I. 328, 891.), Hodslaw* (Č. Č. *M. VI. 62.*), *Hodislaw, Hodiso, Godata, Godeg* и т. д. (см. *Boczek, III. 194, IV. 238, II. 36,* 50.*).* Конечное *Лѣбъ* (само по себѣ личное имя: *Leb*, nomen viri, *Jungmann* [2]), проявляется въ племенномъ *Дулѣбы (*Česk. *Dudlebi: Dudleb*, villa *ap. Boczek, I. 276.*), въ личныхъ: *Detleb* (имя чешскаго Премыслида въ 1172—1182 г.; *Dethleb* castellanus de Bechin ad ann. 1166. *ap. Boczek I. 278.)*; *Hartleb (ibid.), Rotleb* civis Olumucensis *(ibid. IV. 210.)* и т. д. Его германизированная форма *laib;* срвн. chleb и hlaib, Lipa и Leipa, Styr и Steyer, Wisla и Weichsel (*Schafar. Abk. d. Sl. 175*). Напрасно передаетъ Шафарикъ *(Sl. Alt. II. 519.)* Эйнгардова Godelaibus славянскимъ Godeliub; у Эйнгарда славянское *Ljub* является подъ своею формою; такъ подъ 823 г.: «erant (Meli- gastus et Celeadragus) filii *Liubi* regis Wiltzorum.»

---

[1]) Г. Погодинъ (*Арх. И. Ю. Свѣд. Отд. I. 93.*) пишетъ: «Филиппъ *Нянька.*» Въ Лавр. л. «воеводу убиша Филипа *Нянка*» безъ варіантовъ.

[2]) Срвн. названіе рѣкъ и озеръ Laba, Lebsko, Leba (*Schafar. Abk. d. Sl. 168.*

Переходъ западнаго Hodleb или Hudleb (срвн. bůh и богъ, nůž и ножъ) въ словено-русское Улѣбъ (вар. Олѣбъ *Лавр. 20.)*, совершается по всѣмъ правиламъ славянской лингвистики. Русское нарѣчіе не знаетъ придыханій; западное gméno по русски *имя;* Holgost — *Ольгость;* греческія Ἑλένη — Олена; Ἡράκλειος — Ираклій. Съ другой стороны буква *д* выпадаетъ передъ *л*, какъ въ словахъ: mydlo — мыло, sadlo — сало; Dudlebi — Дулѣбы и т. д. Эйнгардово Godelaibus (Hodleb или Hudleb) не могло быть усвоено русскими Славянами иначе какъ подъ формами: Олѣбъ, Улѣбъ[1]).

Быть можетъ, славянское Godleb, Hudleb, сокрыто и въ имени Gudleivus (al. Gudleikus) *Gardicus*, о которомъ упоминаетъ сага Олафа святаго *(cap. 65.)*.

Другую родственную форму имени *Улѣбъ* являетъ чешское личное Weleba (přjgmj Česke, *Jungm.*), *величество.* У насъ *велебный* — вельможный *(Сборн. Мухам. 87.)*. Улѣбъ и Велебъ какъ Olen и Welen.

Изъ встрѣчающихся послѣ временъ Ярослава русскихъ именъ, г. Куникъ относитъ еще два, *Рагуйла* и *Шварна*, къ скандинавскому началу; онъ видитъ въ первомъ предполагаемое норманское *Rögnvill (Beruf. II. 191.);* во второмъ, Саксонова Swarinus или Оссіанова Swaran *(ibid. 175, 176.)*.

Рагуйло имя новгородскаго посадника въ 1132 г.:«Мирославу даша посадницати Пльсковѣ, *Рагуйлови* въ городѣ» *(Карамз. II. Прим. 258.). Въ Ипат. подъ 1147 и 1162 г.* «кіевскій тысяцкій *Рагуйло* Добрыничь.» Имя, кажется, не славянское; форма его напоминаетъ литовскія: Свидригайло, Ягайло и т. д. Впрочемъ, поморское Rochel *(Helmold. I. LXX.)* могло относиться къ нашему или литовскому *Рагуйло*, какъ Дитмарово Henil къ славянскому Honiło, Honidlo (см. *Hanusch, W. d. S. M. 369, 370.)*.

Шварно, кіевскій воевода въ 1146 г.; сынъ Даніила Галицкаго въ 1213 *(Ипат. 27, 160.);* у Длугоша «Swarno»; у Стрыйковскаго «Swarno albo Swarmir.» Карамзинъ упо-

---

[1]) Что смотря по различію мѣстныхъ нарѣчій, западные Славяне говорили Godleb (отъ польскаго God) или Hodleb, Hudleb (отъ чешскаго hod), разумѣется само собою (см. *Schafar. Sl. Alt. II. S48, 549. Anm. 1.)*

минаетъ о супругѣ Всеволода Георгіевича, Маріи, дочери чешскаго князя *Шварна (Лѣт. Синод. б. № 349, у Карамз. III. Прим. 62.)*. Тѣло ея лежитъ во Владимирѣ, въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія княгиня именована Мареою *Шварновною*. Имя Мареы ей дано въ монашествѣ.

Шварно имѣетъ опредѣленный смыслъ въ славянскихъ языкахъ; по чешки šwarny опрятный; въ одной изъ чешскихъ пѣсенъ изданныхъ Шафарикомъ въ 1823 году:

«Chodila, zuzaňka okolo Dunaja,
Nosila na rukah švarniho šuhaja.»

Подъ 556 г. Агаеій упоминаетъ о Славянинѣ *Шварнѣ* (Σουαρούνας τις ὄνομα, Σκλάβος ἀνήρ), служившемъ въ римскихъ войскахъ *(ed. Bonn. 249.)*.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о *дѣйствительно* норманскихъ именахъ въ династіи варяго-русскихъ князей. Таковы: *Holti*, сынъ Ярослава Владиміровича *(Sn. Sturles. ed. Perinsk. I. 517. Cfr. Holty, ap. Sax. Gramm. VIII. 385.)*; *Harald* (Мстиславъ) сынъ Владиміра Мономаха; *Malmfrida* и *Ingibiarga*, дочери Мстислава *(Knytl. S. c. 11, 88.)*. Въ этомъ обстоятельствѣ норманская школа видитъ торжество своей системы; она основываетъ на немъ мысль, что при своихъ славянскихъ именахъ, князья имѣли норманскія *(Kunik, Beruf. II. 155.)*, прилагая впрочемъ это правило только къ нѣкоторымъ, отдѣльнымъ князьямъ Рюрикова дома *(ibid. 166.)*; оговорка въ сущности справедливая; не вѣрная, какъ увидимъ, по выводимымъ изъ нея заключеніямъ.

Какъ у славянскихъ (преимущественно вендскихъ племенъ), такъ и у германо-скандинавскихъ народностей было въ обычаѣ прилагать къ туземнымъ именамъ дѣтей (по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ) иноземныя имена, по народности матерей. Что прозваніемъ дѣтей распоряжались преимущественно матери, узна-

емъ мы изъ саги Олафа святаго: «Olavus Svionum rex primo pellicem habuit nominem Edlam, Vindlandiae dynastae filiam: horum liberi erant Emundus, Astrida [1]) et Holmfrida. Edla in Vindlandia capta fuerat, et regis ancilla apellata est. Praeterea filium procrearunt, festo Jacobi natum; qui cum aqua lustraretur, *mater ei nomen dedit Jacobi*, quod nomen Svionibus minus bene placuit, dictitantibus, nullum ex Svionum regibus unquam fuisse Jacobum apellatum» *(Hist. de Ol. S. cap. 84.)*. Отсюда, т. е. въ слѣдствіе брачныхъ союзовъ съ Славянками, происходятъ по бо́льшей части славянскія имена въ скандинавской исторіи; напр. *Яромиръ (у Сакс. Грамм. VIII. 409:* Jarmericus; *въ Хроникѣ кор. Эрика LXI:*«Jarmarus Rek filius Sywardi»); *Войслава* (Woizlawa; срвн. сербскаго князя Войслава, въ 890 г.), дочь норвежскаго короля и супруга оботритскаго княза Прибислава, около половины XII столѣтія; *Бориславъ* (Burislef; въ хрон. кор. Эрика Buricius, Борисъ) датскій принцъ въ 1167 году. Это обыкновеніе встрѣчаемъ и у Вендовъ, и на Руси. «Hanc enim (sc. filiam regis Danorum) ut supra diximus, Godeschalcus Princeps habuit uxorem, a qua et filium suscepit *Henricum*. Ex alia vero *Buthue* natus fuit, magno uterque Slavis excidio» *(Helmold. I. XXIV. cfr. Ad. Berm. c. 137.)*. Сынъ оботритскаго князя [2]) и датской королевны прозванъ германскимъ именемъ *Генрихъ:* сынъ (безъ сомнѣнія) славянской супруги—славянскимъ именемъ Будый, Buthue. «Filii enim Henrici (оботритскаго Прибислава) *Zwentopolch*, nec non *Kanutus*, qui dominio successere» etc. *(Helmold. I. XLVII.* cfr. «Kanutus Prizlai filius *ap. Sax. Gramm. XIV. 869.)*. Изъ двухъ сыновей Прибислава и Катарины, сестры *датскаго* Вальдемара, одинъноcитъ славянское имя Святополкъ; другой прозванъ матерью скандинавскимъ именемъ *Канутъ.* Датскій король *Эрикъ*, мнимый составитель приведенной выше хроники, былъ сыномъ Вратислава VII, *поморскаго* герцога и *датской* принцессы Маріи. Сыновья русскаго Владимира именуются по народности матерей; одинъ изъ сыновей вендской *Эдлы* (у Іоакима *Адель*) носитъ западное,

---

[1]) Astrida — Эстрѣдь (см. выше) славяно-вендское имя.

[2]) *Готшалкъ* Славяникъ при германо-скандинавскомъ имени.

нерусское имя *Станислава*; сынъ Чехини-Варягини (у Іоакима *Оловы*, жены варяжской, срвн. личное *Olaw*, мѣстное *Ohlaw*, *Wohlaw*, ар. *Sommersb. I. 935, 936, 455, 898.)* — чешское имя *Вышеслава*, Waceslaw, Wencel; сыновья Болгарыни—болгаро-славянскія *Бориса* и *Глѣба*. Какъ у Норманновъ сынъ Астриды извѣстенъ подъ именемъ Svein Astridson, такъ у насъ Василько, сынъ Маріи Владимировны, дочери Мономаха, подъ именемъ *Маричичь (Ипат. 13. Карамз. II. 430.)*; сынъ Анастасіи — подъ именемъ Олегъ *Настасьичь (Ипат. 136.)*. Всего яснѣе выказывается это обыкновеніе въ отношеніяхъ Руси къ языческимъ Половцамъ; мы встрѣчаемъ у нихъ князей съ славянскими именами; у насъ бояръ и мужей съ Половецкими; безъ сомнѣнія въ слѣдствіе взаимныхъ браковъ. Подъ 1095 г. упоминается объ *Ольбегѣ* (Елбехѣ) Ратиборовичѣ, сынѣ кіевскаго тысяцкаго при Мономахѣ *(Лавр. 97.)*; подъ 1147 о *Судимірѣ* Кучебичѣ *(Ипат. 30.)*; подъ 1159 о *Тудорѣ* Елчичѣ *(тамъ же 86)*; подъ 1162 о Торчинѣ *Войборѣ* Негечевичѣ *(тамъ же, 90.)* и т. д. Въ Синопсисѣ сказано, что Андрей Боголюбскій до крещенія своего именовался *Китаемъ (Карамз. III. Прим. 26. с. 399.)*. Отецъ Андреевъ, Юрій Долгорукій женился въ 1107 году на *Половчанкѣ*, дочери Аэпиной, внукѣ Осеневой *(Лавр. 120.)*; по этому Андрей не носитъ княжаго русскаго имени, а половецкое *Китай* (срвн. *Китанопа* [1]), *Лавр. 119* и *Карамз. II. прим. 200. стр. 415*; *Kitan*, *Güldenstaedt*, *Reisen*, *I. 470.)*.

Примѣняя это правило къ норманскимъ именамъ въ династіи руссо-варяжскихъ князей, мы видимъ, что таковыми отличаются *только тѣ члены ея*, которые были норманскаго происхожденія *по матери*. Holty сынъ Ярослава и *Шведки* Ингигерды. Harald (Мстиславъ) сынъ Владиміра Мономаха и *Англо-норманки* Гиды; Malmfrida и Ingibiarga дочери Мстислава и *Шведки* Христины. Имена давались обыкновенно въ честь *дѣда по матери;* дѣдомъ Мстислава — *Гаральда* былъ *Harald* Gudinason, король англійскій;

[1]) Окончаніе на *п* или *па* особенность половецкая; такъ: Урусобъ, Ярославопъ, Ченегрѣпъ, Аэпа, Китанопа. Ярослановъ безъ сомнѣнія половецкій князь отъ русской матери.

дѣдомъ *Ингибіарги*, *Inge* Stenkilsson, король шведскій; о датскомъ *Waldemar*'ѣ Саксонъ Грамматикъ говоритъ положительно: «cui et *materni avi* nomen inditur» т. е. Владиміра Мономаха[1]). Еслибы, въ слѣдствіе не браковъ, а норманскаго происхожденія варяжской династіи, нашимъ князьямъ прилагались норманскія имена и при славянскихъ, безъ сомнѣнія скандинавскія саги, упоминающія такъ часто о Владимірѣ и Ярославѣ, знали бы ихъ какъ, Голтія и Гаралда Мстислава подъ ихъ норманскими именами. Но Владиміръ былъ сынъ Русинки Малуши; Ярославъ варяго-поморской Рогнѣди. Основанная на извѣстномъ ономастическомъ законѣ, случайность приводимаго историческаго явленія свидѣтельствуетъ безспорно противъ мнѣнія о скандинавскомъ происхожденіи Руси.

Я ожидаю два возраженія. Мнѣ скажутъ: неужели сходство варяго-русскихъ именъ съ скандинавскими только одна случайность? Неужели въ числѣ дѣйствующихъ лицъ нашей исторіи были Венгры, Литвины, Половцы и т. д., а не одной скандинавской личности, кромѣ Норманна Якуна при Ярославѣ? Я отвѣчаю:

Первое возраженіе идетъ одинаково къ обѣимъ школамъ. Если Варяги-Русь были Норманны, откуда же сходство варяго-русскихъ именъ съ славянскими и иными? Или норманская школа отвергнетъ однозвучіе именъ: Рюрикъ — Rerich; Триворъ — Triebor; Олегъ, Вольгъ — Oleg, Wolhost; Володиміръ — Wladimir; Аскольдъ — Askel; Диръ — Dir; Алма — Alm; Σφέγγελ — Свинкели; Мстишь — Mstiš; Лютъ — Luta; Малко — Malko; Рогволодъ — Rohowlad; Рогнѣдь, Рожнѣть — Rožneta; Туръ — Tur; Блудъ — Blud; Борисъ — Boris; Σφέγγος — Zwenko; Будый — Buthue; Шварно —

---

[1]) «Casimirus uxorem duxit Dobronegam (Mariam) filiam Romani, filii *Odonis* — — ex qua genuit 4 filios — — *Odonem* primum« etc. (*Sommersb. II. 26.*). И здѣсь перворожденный сынъ названъ Одономъ въ честь *дѣда по матери.*

Šwarno; не говоря уже о несомнѣнно-славянскихъ именахъ, каковы Ольга, Малуша, Прѣтичь, Глѣбъ, Улѣбъ и т.д., которымъ однако не находимъ живыхъ или неискаженныхъ примѣровъ въ прочихъ славянскихъ исторіяхъ? Или между варяго-русскими именами и скандинавскими есть болѣе сходства, чѣмъ между славянскими: бояринъ, безмѣнъ, вервь, вира, вѣно, гридь, дума, луда, людъ, мечь, мыто, навье, рядъ, скотъ, столъ, смердъ — и германо-скандинавскими: boljarl, besman, hvarf, wirigelt, vingaef, hird, doms, lodha, liud, mêche, muta, navis, radha, skatts, stoll, smaerd? А между тѣмъ, мы уже не вѣримъ въ скандинавское происхожденіе приведенныхъ славянскихъ словъ. Впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, я нисколько не отношу всѣхъ лингвистическихъ и ономастическихъ сходствъ скандинавскаго міра съ славянскимъ къ одной игрѣ случая. Иныя слова и имена искони общая принадлежность обѣихъ народностей; другія перешли отъ одной въ другую въ слѣдствіе непосредственныхъ сообщеній; имена преимущественно въ слѣдствіе взаимныхъ браковъ. Коренное *инг* въ вендо-русскомъ *Ингорь*, *Игорь* не отлично отъ германо-скандинавскаго *ing*; но встрѣчая его въ хорутанскомъ *Ingo*, въ составныхъ *Инговладъ*, *Ингославъ*, *Hynchwog*, *Ingmerowitz*, я не могу признать его скандинавскаго происхожденія въ имени *Игоря* Рюриковича. Волостное *Ясмудь* (Jasmond), быть можетъ, въ связи съ сѣвернымъ Asmund; теперь откуда словено-русское *Ясмудъ*, я рѣшить не берусь; кормилецъ Святослава могъ носить скандинавское имя по матери Норманкѣ, и не быть Норманномъ, какъ Норманка Woizlawa, Норманны Burislef, Waldemar и т. д. носятъ славянскія имена, не будучи сами Славянами. Тоже самое, пожалуй, можно сказать объ именахъ Икмора или Якуна. Какъ русское *Володимеръ* переходитъ въ скандинавское *Waldemar*, такъ скандинакское *Ingwar* могло перейдти на Руси въ народное *Ингварь* въ слѣдствіе брака. Наконецъ, между личностями, окружавшими нашихъ князей, могли быть и Норманны; только едва ли найдется болѣе одного или двухъ природныхъ Норманновъ въ числѣ поименованныхъ у *Нестора* историческихъ дѣятелей.

Балтійскіе Венды, союзники и враги Германцевъ и Скан-

динавовъ, состояли къ нимъ въ отношеніи не равенства, а второстепенномъ. Вендскіе князья являются данниками Карла Великаго; они ѣздятъ въ Компьень на судъ императора и для рѣшенія семейныхъ усобицъ; въ норманскихъ походахъ на западныя европейскія земли Венды принимаютъ участіе подъ управленіемъ и предводительствомъ Норманновъ; вездѣ начало германское и скандинавское являются преобладающими. На Руси было иначе. Призванные словено-русскими племенами, удаленныя отъ тяготѣвшаго на нихъ въ Поморіи германо-скандинавскаго вліянія и губительныхъ родовыхъ и религіозныхъ усобицъ, вендскіе князья дѣйствуютъ у насъ на первомъ планѣ, дѣйствуютъ на просторѣ, въ чисто-славянскомъ духѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣдавъ съ давнихъ поръ отличительныя свойства норманскаго воина, необузданное мужество, предпріимчивость въ ратномъ дѣлѣ, неизмѣнную вѣрность дружинника и тѣлохранителя, хитрость посла и т. д., они дорожили товариществомъ Норманновъ по войнѣ и торговлѣ; нанимали варяжское войско; искали и любили Норманновъ-дружинниковъ; довѣряли имъ порученія, требовавшія какъ слѣпой вѣрности въ исполненіи, такъ и совершеннаго отчужденія отъ русскихъ династическихъ интересовъ. Но постояннаго, основнаго участія въ политической жизни Руси, Норманны у насъ не имѣли; такого участія не допускаетъ и самый характеръ норманскаго викинга. Конечно, скандинавскія саги разсказываютъ съ своимъ обычнымъ преувеличеніемъ и хвастовствомъ о норманскихъ витязахъ и конунгахъ, надѣленныхъ наслѣдственными русскими областямъ, при извѣстномъ, по лѣтописи, въ нихъ княженіи русскихъ династовъ; таковы напр. кондоттьеры Эймундъ и Рагнаръ, являющіеся полоцкими конунгами при Брячиславѣ, котораго сага, Богъ вѣсть почему, зоветъ Варнлавомъ *(de Eym. et rege Ol. c. 11.)*[1]); но кто не видитъ какъ изъ хода самой исторіи, такъ и изъ совершеенаго молчанія русской лѣто-

[1]) Любопытный примѣръ подобнаго хвастовства представляетъ сага Олафа Тригвасона. Мы узнаемъ изъ нее, что какой-то Торвальдъ, сынъ Кодрана «maxime honoratus est in terris orientalibus, eo ab imperatore (Graecorum) missus, ut dux aut magistratus, omnibus regibus Russiae et totius Gardarikiae praefectus (*Hist. Ol. Trgv. f. c. 138.*)

писи о фактахъ ей почти современныхъ, что дѣло идетъ о Варягахъ-наемникахъ, временныхъ оберегателяхъ границъ, приходившихъ на Русь и уходившихъ снова, не оставивъ слѣда ни въ русской жизни, ни въ русской исторіи? Ни въ чемъ основное отличіе русскаго отъ скандинавскаго міра не проявляется такъ рѣзко, какъ въ сравненіи извѣстій Несторовой лѣтописи съ извѣстіями скандинавскихъ сагъ. Сигурдъ, братъ Астриды, Олафъ Тригвасонъ, Ингигерда, Рагнвальдъ, Эймундъ, Рагнаръ, Олафъ святой, Магнусъ, Гаральдъ Гардрадъ, Эйлифъ, Ульфъ не существуютъ для русскаго лѣтописца, какъ не существуютъ для него имена и исторіи тѣхъ печенѣжскихъ, венгерскихъ и литовскихъ князей, которые принимали только случайное участіе въ русской жизни. Одинъ только Якунъ, варяжскій князь, побѣжденный Мстиславомъ, перешелъ изъ народнаго преданія въ лѣтопись: «и бѣ Якунъ слѣпъ, луда бѣ у него золотомъ исткана.... Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжьскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ» *(Лавр. 64.)*. Причина молчанія лѣтописи одна: Норманны у насъ не селились. Съ своей стороны, скандинавскія саги (не знающія ни о Рюрикѣ, ни объ Олегѣ, ни объ Игорѣ, ни о Святославѣ, ни объ основаніи государства Норманнами), не упоминаютъ ни объ одной изъ мнимо-скандинавскихъ личностей нашей исторіи, за исключеніемъ Гольтія, Висивальдра, Гаральда, Малмфриды и Ингибіарги, русскихъ князей и княгинь, рожденныхъ отъ Норманокъ. Еслибы Варяги, основатели русскаго государства, были дѣйствительно скандинавскаго происхожденія, не должно ли бы ожидать въ исландскихъ сагахъ разсказовъ какъ о первыхъ русскихъ князьяхъ: Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, такъ и о личностяхъ, каковы: Свенгелдъ, Лютъ, Рогволодъ, Рогнѣдь, Икморъ, Прѣтичь, Блудъ и т. д.?

---

13. ЗАМѢЧАНІЯ А. КУНИКА О ЛИЧНЫХЪ ИМЕНАХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Должно согласиться, что глава XVI «Отрывковъ» содержитъ въ себѣ много доводовъ, заслуживающихъ серьёзнаго вниманія. Только мнѣ кажется, что изслѣдованіе о томъ, къ норманской ли формѣ, или вѣрнѣе къ славянской возводится то или другое имя, зависитъ отъ опредѣлительнаго рѣшенія слѣдующаго вопроса: ***Не было ли въ славяно-германскомъ племени уже до раздѣленія его на двѣ вѣтви: славяно-литовскую и германскую, тѣхъ личныхъ именъ, которыя сохранились у нихъ впослѣдствіи?*** Къ числу такихъ общихъ именъ я издавна отношу имя *Владиміра* (первоначально ***Владимаръ;*** ср. Казимаръ и Казиміръ и пр.). Мои противники безъ всякой надобности взводили на меня crimen laesae majestatis populi slavici за то, что я въ 1845 г. выдавалъ имя Влади*слава* за позднѣйшій переводъ имени Влади*міра.* Сравнительное изслѣдованіе личныхъ именъ когда-нибудь освободитъ меня отъ этого мнимаго преступленія: теперь пока довольно указать: Яромаръ = Ярославъ, Мойміръ = Мойславъ и другія подобныя. Германская форма, соотвѣтствующая имени «Владиміръ» стала выходить изъ употребленія съ давнихъ временъ; все же впрочемъ еще изъ VII и VIII столѣтій у ***Ферстемана*** (I, 1246; ср. выше стр. 204) приводятся формы: Waldomar, Waldemar, Waldomeris etc. Въ кельтскихъ собственныхъ именахъ mar значитъ eximius, insignis, magnus.

О другихъ упрекахъ, сдѣланныхъ мнѣ за собственныя имена, я здѣсь не распространюсь, а скажу только, что считаю себя въ правѣ требовать, чтобы впредь поточнѣе наблюдалось различіе между именами, которыя я признавалъ за чисто русско-норманскія, и тѣми, которыя я самъ выдалъ за норманскія только предположительно.

Имя Рагуилъ я такъ мало считалъ за норманское (Rodsen II, 191 ср. выше стр. 266), что и не поставилъ его подъ особеннымъ нумеромъ; Это имя библейское—Ῥαγουήλ (Товит. III, 7).

И объ имени ***Глѣбъ*** я отзывался (Rodsen, II, 167) осторожно, а вовсе не аподиктически. Какъ ни много приведено выше (стр. 261, 269) въ пользу его славянскаго происхожденія, все-таки это далеко не доказано. Древне-болгарская буква *ѣ*, какъ извѣстно, выговаривалась какъ слитный звукъ *еа* и соотвѣтствуетъ обыкновенно польскому *іа.* Имя ***Глѣбъ*** по всей вѣроятности произошло изъ гунно-болгарскаго Глеабъ или Гліабъ, а неразлучное отъ Глѣба имя: ***Борисъ***, произошло чрезъ сокращеніе изъ ***Богорисъ***, которое едвали имѣетъ прямую связь со слав. ***Богъ.*** Прибавлю еще, что супруга Владиміра *Анна* отнюдь не была *болгаро*-византійскою княжною, а была чисто византійскою, по положительнымъ источникамъ.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ПО СПИСКУ,

НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

АДЪЮНКТА П. ПЕКАРСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ V^му^ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1864.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфіанджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. 29 февраля 1864 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

ПО СПИСКУ,

НАЙДЕННОМУ МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

АДЪЮНКТА П. ПЕКАРСКАГО.

Въ Государственномъ Архивѣ, между рукописями, исключительно почти писанными императрицею Екатериною II, хранятся шесть фоліантовъ собственноручныхъ черновыхъ бумагъ Государыни. Онѣ заключаютъ въ себѣ ея «Записки касательно россійской исторіи», которыя, по волѣ ея, печатались въ журналѣ Собесѣдникъ, издававшемся при княгинѣ Дашковой отъ Академіи Наукъ*). Шестой изъ этихъ фоліантовъ содержитъ въ себѣ собраніе различныхъ отрывковъ, хронологическихъ и родословныхъ замѣтокъ, также выписокъ, или дѣланныхъ самою Императрицею, или представленныхъ другими лицами для соображеній ея при составленіи названныхъ Записокъ.

Такимъ образомъ, здѣсь на л. л. 6—24 встрѣчается составленная Государынею и вся ею написанная «О преподобномъ Сергіѣ историческая выпись», гдѣ изложены, на основа-

*) Въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. №№ 21, 22, стр. 83, 85 гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ говоритъ, что Екатерина черновыя свои записки касательно россійской исторіи подарила ему, и что онѣ погибли вмѣстѣ съ другими рукописями его въ Москвѣ при нашествіи Французовъ 1812 г. Быть можетъ, Императрица отдала гр. Мусину-Пушкину другой экземпляръ помянутыхъ черновыхъ записокъ, потому что она писала и переписывала, какъ видно по оставшимся черновымъ ея рукописямъ, свои сочиненія по нѣскольку разъ.

нiи извѣстнаго житiя этого лица и съ замѣтнымъ желанiемъ удержать обороты церковно-славянскаго языка, главнѣйшiя событiя изъ жизни радонежскаго чудотворца. Въ концѣ выписи Екатерина говоритъ: «О прочемъ житiи и чудесѣхъ преподобнаго игумена Сергiя смотри Минеи-Четьи и иныя многiя книги печатныя и рукописныя, (кои) за множествомъ же здѣ неудобовозможно вмѣщаемы быти *)».

Въ нѣкоторыхъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ императрицы на отдѣльныхъ листкахъ высказаны взгляды и мысли ея о русскомъ народѣ и языкѣ, такъ напр.

«Области русскiя изстари наполнены были народами храбрыми.

«Области свои обороняли храбро.

«Непрерывно всякое иго чуждое опровергали при каждомъ удобномъ случаѣ.

«Немалое число обитателей войнами истреблено, другiе попадались въ плѣнъ». (л. 174).

Святослава I свойства похожи на Карла XII, короля шведскаго (л. 186)».

«Въ концѣ (вѣроятно записокъ касательно россiйской исторiи) исполнить долгъ благодарнаго сердца.

«Собиратель сихъ Записокъ касательно россiйской исторiи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухою: онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благодарнаго сердца.

Похвальное не оставлять безъ хвалы,
Нехвальное безъ пороченья;
Но то дѣло не мое
Добраго умалить доброты,
Порочнаго умножить дурноты.

«Сiе наипаче непростительно врачу или дѣтскому учителю (л. л. 204 и 230)».

---

*) Въ этой выпискѣ, а также и другихъ, помѣщенныхъ въ настоящей статьѣ, не сохранено ошибокъ Екатерины противъ языка и правописанiя: свѣдѣнiя о томъ, какъ писала по русски государыня и примѣры тому уже приведены въ статьѣ «Матерiалы для исторiи журн. и литер. дѣятельности Екатерины II», Записки Ак. Н., 1863 г., томъ III книжка 2, приложенiе VI.

«Славянскому языку главнѣйшіе непріятели были римскіе, латинскіе монахи: они старались славянскаго языка не токмо истребить вездѣ, гдѣ онаго нашли, но бывъ (предъ) убѣжденіями наполнены, старались все выводить и приводить къ латинскому основанію, затмѣвая славянскія начала».

«Однако колико ученый, кто (какъ) ни есть ученъ, буде не прилежитъ крѣпко ко знанію славянскаго языка, весьма много начальнаго знанія не токмо не будетъ знать, но сверхъ того на каждомъ шагу подверженъ ежечасно ошибкамъ, предъубѣжденіямъ и вертопрашеству, наипаче во знаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальнаго основанія всякаго народа».

«Всякой опытъ несумнѣнно подтвердитъ вышеписанное, а не ослабитъ онаго (л. 267)».

«Народъ славянскій былъ народъ вольный: одни плѣнные были у нихъ въ неволѣ (л. 275)».

«Слово челобитье чаятельно словечко татарское: славяне били, но не били челомъ (л. 288)».

Императрица признала также для себя нужнымъ сдѣлать выписку (л. 282) изъ извѣстнаго разсужденія Ломоносова, гдѣ между прочимъ говорится: «Карлъ V римскій императоръ говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ — говорить прилично; но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно и т. д.».

Между подобными собственноручными замѣтками и выписками Екатерины въ описываемый фоліантъ переплетены нѣкоторые матеріалы, относящіеся до русской исторіи. Всѣ они переписаны на бѣло разборчивымъ почеркомъ писцовъ прошедшаго столѣтія и содержатъ въ себѣ или списки съ разныхъ письменныхъ памятниковъ, или историческія справки и извле-

ченія. Въ числѣ первыхъ есть (л. л. 54—132) довольно обширное собраніе актовъ, объясняющихъ отношенія Новгорода къ Москвѣ при великихъ князьяхъ Иванѣ Даниловичѣ, Андреѣ, Дмитріѣ Ивановичѣ, Васильѣ Дмитріевичѣ, Васильѣ Васильевичѣ, Иванѣ Васильевичѣ съ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ. Далѣе есть «Выписка изъ лѣтописца Никонова подъ лѣтомъ 1395» (л. л. 133—140) и «изъ пролога изъ слова на 26 день августа, о принесеніи изъ Владиміра чудотворныя иконы пресвятыя Богородицы» (л. л. 141—144).

Между выписками и извлеченіями находится никѣмъ не подписанная справка (л. л. 147 — 148) о соборѣ, бывшемъ въ Переяславлѣ въ 1313 году. (См. въ концѣ настоящей статьи приложен. III.) Здѣсь объясняется невѣрность извѣстія, сообщеннаго Татищевымъ о причинѣ этого собора и доказывается, на основаніи житія митрополита Петра въ Четьи Минеяхъ и Никоновской лѣтописи, что соборъ былъ созванъ вслѣдствіе доноса тверскаго епископа Андрея на сейчасъ названнаго митрополита. Должно предполагать, что Екатерина, сдѣлавъ на это свое замѣчаніе, высказала догадку о причинѣ ссоры между помянутыми духовными и о происхожденіи епископа Андрея «отъ роду князей литовскихъ», потому что авторъ первой справки въ другой запискѣ своей о томъ же предметѣ (л. 145) упоминаетъ о справедливости какого-то замѣчанія императрицы и потомъ прибавляетъ: «признаюсь со благоговѣніемъ, сіи обстоятельства мнѣ совершенно были неизвѣстны, почему за вразумлѣніе меня оными пріемлю смѣлость принесть вѣрноподданническую благодарность». (См. прил. IV.)

Далѣе встрѣчаемъ «Выписку изъ лѣтописей о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ» (л. л. 151—156) гдѣ въ началѣ сдѣланы по лѣтописямъ сличенія годовъ рожденія и вступленія на престолъ этого князя, а потомъ сообщено: «въ лѣтописяхъ изчислены войска (собранныя Донскимъ противъ Мамая), показаны, какіе пришли князи, но о новгородскихъ силахъ въ иныхъ совсѣмъ не упомянуто, въ другихъ сказано только, что и новгородцы послали свое войско къ Коломнѣ на помощь великому князю; впрочемъ не означено ни числа посланнаго войска, ни что было къ тому поводомъ. Въ одной же, *имѣющейся*

у меня весьма древней рукописи все то описано въ подробности и съ малѣйшими обстоятельствами, которое описаніе приводится здѣсь подлинникомъ»... За тѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о прибытіи вспомогательнаго войска изъ Новгорода, которое дѣйствительно до нынѣ не упоминается ни въ одномъ описаніи нашествія и пораженія Мамая. (См. прил. V.)

Кромѣ того есть еще записка о мѣстѣ погребенія иноковъ сергіевской лавры Пересвѣта и Ослабя (л. 146), бившихся на Куликовскомъ полѣ въ войскѣ Донскаго. Авторъ записки говоритъ при томъ: «для лучшаго удостовѣренія о семъ, писалъ я къ викарному московскому Серапіону». (См. прил. VI.)

Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ, разсказывая въ своей автобіографіи *) о началѣ и умноженіи своего собранія старинныхъ рукописей и вообще древностей, сохранилъ при томъ слѣдующее извѣстіе: «Великая Екатерина, узнавъ о семъ, удостоила его (т. е. графа) личнаго съ собою обращенія. Ей угодно было видѣть собранныя имъ нѣкоторыя лѣтописи и Крекшину принадлежавшія бумаги, которыя съ крайнимъ любопытствомъ разсмотрѣвъ, благоволила нѣкоторыя оставить у себя, а вмѣсто того пожаловала ему нѣсколько харатейныхъ книгъ и древнихъ лѣтописей и бумагъ, въ кабинетѣ ея находившихся, кои самой ей читать было трудно, и поручила ему изъ оныхъ и изъ другихъ древнихъ книгъ обо всемъ, что до россійской исторіи касается, дѣлать выписки, дозволивъ искать всюду и требовать, что найдетъ для сего нужнымъ»... Это извѣстіе заставляетъ предполагать, что вышеназванные матеріалы, справки и записки, писанные рукою одного переписчика, были доставляемы Императрицѣ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, тогдашнимъ оберъ-прокуромъ синода. Еще болѣе въ томъ убѣждаетъ сохранившійся между тѣми же бумагами списокъ «Слова о полку Игоревѣ, Игоря сына Святославля, внука Ольгова» (л. л. 25 — 33), переводъ его на русскій языкъ съ примѣчанія-

*) Вѣстникъ Европы 1813 г. №№ 21, 22, стр. 82. Что помѣщенныя здѣсь «Записки для біографіи графа А. И. Мусина-Пушкина» писаны имъ самимъ, о томъ подробно указано въ Словарѣ достопамятныхъ людей Бантышъ-Каменскаго, (изд. 1847 г.) II, 468.

ми (л. л. 34 — 50) и краткое изложеніе содержанія всей поэмы (л. л. 157 — 158).

Извѣстно, что этотъ памятникъ нашей древней словесности найденъ былъ помянутымъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, въ 1795 году. Въ 1800 г., онъ изданъ въ Москвѣ (подъ заглавіемъ «Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новограда-Сѣверскаго Игоря Святославича»); потомъ подлинникъ успѣли видѣть только шесть человѣкъ изъ ученыхъ и знатоковъ старины, а въ 1812 году, при нашествіи французовъ, подлинная рукопись Слова о полку Игоря погибла въ Москвѣ вмѣстѣ съ библіотекою графа Мусина-Пушкина. Изданіе Слова 1800 г. сдѣлано безъ подробнаго описанія внѣшности рукописи и безъ объясненія, точно ли издатели слѣдовали при томъ буквѣ подлинника и, если сдѣлали измѣненія въ правописаніи или же отступленія, то какія именно?

Списокъ Слова о полку Игоря, сохранившійся въ бумагахъ Екатерины II, можетъ въ томъ отношеніи имѣть значеніе, что это есть единственная до нынѣ извѣстная и неподлежащая сомнѣнію копія съ вышепомянутаго утраченнаго подлинника. Дубенскій во «Взглядѣ на исторію литературы Слова о полку Игоря» (Русскія достопамятности, III. 1844 г., стр. IV) говоритъ: «подлинная рукопись, съ которой печатано первое изданіе Слова о полку Игоревомъ погибло невозвратно, другаго списка нѣтъ.... Носятся по библіотекамъ любителей нѣкоторые призраки списковъ Слова о полку Игоревомъ и морочатъ умы. Къ числу ихъ принадлежитъ рукопись г. Актова, о которой и московскому историческому обществу далъ первое извѣстіе г. дѣйств. членъ Діевъ. Вѣроятно она изъ числа тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Москвитянинъ (1841 г. № 3, стр. 245), работы А. Бардина; но извѣстно, что онъ списывалъ съ печатнаго текста, почему рукописи его не стоятъ вниманія любителей».

Екатерининскій списокъ Слова переписанъ рукою того же писца, который писалъ нѣкоторыя изъ справокъ и записокъ, обращенныхъ къ императрицѣ. Что списокъ этотъ былъ читанъ и при томъ со вниманіемъ, то доказываютъ сдѣланныя въ немъ карандашемъ отмѣтки противъ нѣкоторыхъ выраженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что въ фоліантѣ, въ кото-

ромъ переплетенъ списокъ, встрѣчается очень много великокняжескихъ родословій, черченныхъ и писанныхъ самою Екатериною: видно, что она, занимаясь этимъ, желала уяснить себѣ родственныя отношенія разныхъ княжескихъ родовъ: самая бо̀льшая часть такихъ родословныхъ замѣтокъ Императрицы касаются именно той эпохи и именно тѣхъ князей, о которыхъ идетъ рѣчь въ Словѣ о полку Игоря, въ чемъ не трудно убѣдиться, когда просмотрѣть листы: 184, 188, 189, 190, 191, 193, и мн. др. На листѣ 269 императрицею же написано слѣдующее распоряженіе:

«Требовать *изъ Чернигова*, *Переяславля*, *Новогородка-Сѣверскаго*, чтобъ прислали реестры рода Рюрикова князей поименно, какъ въ тѣхъ городахъ сохранены. Также и супругъ тѣхъ князей и, буде отъищутся супруги, отъ какого рода. Также просить митрополита кіевскаго и архіереевъ вышеписанныхъ городовъ, чтобъ изъ монастырей тѣхъ епархій такіе же реестры присланы были.»

«Симъ чаять можно, что исторія россійская выправится. Изъ Новограда, Ростова и Суздаля не худо бы тоже требовать. Изъ московскаго архангельскаго собора и изъ Владиміра то же потребовать. Также изъ Рязани.

«Всего бы лучше, буде бы о семъ синодъ требовалъ порядочные реестры.»

Въ Словѣ о полку Игоря встрѣчается слово *Уримъ*, противъ котораго въ переводѣ, приложенномъ къ Екатерининскому списку, сказано: «кого подъ именемъ Урима сочинитель здѣсь разумѣется, неизвѣстно» *). Быть можетъ, Екатерина имѣла въ виду это слово, когда записала на одномъ листкѣ (171) въ томъ же фоліантѣ: «урманъ по турецки значитъ лѣсъ.»

Краткое содержаніе Слова, находящееся въ екатерининскихъ бумагахъ, въ общемъ изложеніи сходно съ тѣмъ, что̀ помѣщено въ началѣ печатнаго изданія 1800 г.; первое только короче и при томъ Ярославна, плакавшая въ Путивлѣ о мужѣ, названа «супругою младаго Владиміра, князя путимльскаго», тогда какъ въ печатномъ объ этой княгинѣ говорится,

*) Въ изданіи Слова 1800 г. объяснено, что Уримъ будто бы былъ воевода или одинъ изъ союзниковъ князя Игоря.

какъ о женѣ Игоря, дочери Ярослава Владиміровича Галичскаго. Краткаго описанія рукописи, въ которой найдено Слово о полку Игоря, (въ изд. 1800 г., стр. VII, VIII), въ Екатерининскомъ спискѣ вовсе нѣтъ. (См. въ концѣ настоящей ст. прил. I.)

Гр. Мусинъ-Пушкинъ въ предисловіи къ изданію 1800 г. упомянулъ, что онъ «чрезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно россійской языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ переводъ (Слова) до желанной ясности и нынѣ, по убѣжденію пріятелей, рѣшился оный издать на свѣтъ». Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей говоритъ, что «въ переводѣ Слова о полку Игоря трудились, вмѣстѣ съ гр. Мусинымъ Пушкинымъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій*).» При Екатерининскомъ спискѣ Слова есть также переводъ и примѣчанія (см. прил. II). По сличеніи ихъ съ тѣми, которые приложены къ изданію 1800 г., не трудно убѣдиться, что печатные переводъ и примѣчанія одной и той же редакціи съ находящимися въ екатерининскихъ бумагахъ, но съ нѣкоторыми дополненіями и поправками того, что въ послѣднихъ осталось вовсе безъ объясненія. Такъ напр. въ рукописномъ переводѣ иногда вовсе пропущены выраженія, оставшіяся не понятными для переводчиковъ. Въ изданіи 1800 года болѣе примѣчаній; нѣкоторыя изъ нихъ противъ рукописныхъ сокращены, потому что въ послѣднихъ приведены справки изъ лѣтописей о разныхъ удѣльныхъ князьяхъ, довольно обширныя, но нисколько не разъяснявшія текста Слова о полку Игоря.

Для избѣжанія недоразумѣній, обязанностью считаю предупредить, что я помѣстилъ здѣсь екатерининскій списокъ Слова о полку Игоря буква въ букву, съ сохраненіемъ всѣхъ знаковъ препинанія и даже тѣхъ сокращеній, которые переписчикъ дѣлалъ только для избѣжанія переноса окончанія слова въ другую строку. Въ скобкахъ [ ] напечатаны съ разрядкою тѣ отмѣны, противъ екатерининскаго списка, которыя встрѣчаются въ печатномъ изданіи Слова 1800 г. И въ этомъ случаѣ также отмѣчены всѣ, даже самыя ничтожныя разности.

*) Словарь достопамятныхъ людей, (изд. 1847 г.), II, 458.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начати [начяти] старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку [пълку] Игоревѣ, Игоря Святъслав[л]ича? Начатижесятъ [начати же ся тъй] пѣсни по былинамъ [былинамь] сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснѣ [пѣснь] творити, то расте[ѣ]кашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ [вълкомъ] по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ [Помняшеть] бо речь первыхъ [първыхъ] временъ усобі[і]цѣ; тогда пущашеть 10-ть соколовъ [ї соколовь] на стадо лебеде[ѣ]й. Который дотечаше, та преди пѣснѣ [пѣсь] пояше, старому Ярославу [Ярослову], храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы [пълкы] Ко[а]сожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10ть соколовъ [ї соколовь] на стадо лебеде[ѣ]й пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря. Иже истягну умъ [умь] крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наполнився [наплънився] ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы [плъкы] на землю Полове[ѣ]цькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою

вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ братіе на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умъ [умь] похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, кópie [копіе] приломити конець поля Половецкого [Половецкаго] съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити Ш[ш]еломомь Дону. О Бояне, соловію старого [стараго] времени! абы ты сіа полкы [плъкы] ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умо[м] [умомъ] подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы? Пѣти было пѣснѣ [пѣсь] Игореви, того Ольга*) [Олга] внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; Галици [галици] стады бѣжать къ Дону [дону] великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ [Велесовь] внуче: к[К]омони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И речь [рече] ему б[Б]уй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, оди[н] [одинъ] свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславлича; сѣдлай брате свои бръзыи комони, а мои ти готови осѣдлани у Курьска напереди [на переди]; а мои ти к[К]уряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни [възлелѣяны], конець копія въскръмлени, пути имъ [имь] вѣдоми, яругы имь [имъ] знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачютъ [скачють] акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда вступи [въступи] Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою [тъмою] путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; [свистъ звѣринъ въ стазби**)]; дивъ кличеть [кличетъ] връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсу-

---

*) Слово *Ольга* въ екатерининскомъ спискѣ, также какъ и въ печатномъ изд. Слова 1800 г., стоитъ въ скобкахъ ( ).

**) Выраженіе «свистъ звѣринъ въ стазби» въ екатерининскомъ спискѣ вовсе пропущено; но въ приложенномъ при немъ переводѣ оно есть и передано такъ: «поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ».

ню *), и тебѣ Тъ[ь]мутораканьскый блъванъ; а Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ те[ѣ]лѣгы полунощы; рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасеть [пасетъ] птиць; подобію волци [влъци] грозу въсрожать [въ срожатъ] по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрленыя [чрълены я] щиты. О руская земле! уже за Шоломянемъ еси долго: ночь мрькнетъ [за Шеломянемъ еси. Длъго. Ночь мркнетъ], заря свѣтъ запала, мьгла [мъгла] поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ Г[г]аличь убуди. Русичи великая поля чрълеными [чрьлеными] щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы; с' [Съ] заранія въ пякъ [пяткъ] потопташа поганыя полкы [плъкы] Половецкыя; и рассушась [рассушясь] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орътмами [орьтъмами], и япончицами, и кожухы начаша [начашя] мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Полове[ѣ]цкыми. Чрълень [Чрьленъ] стягъ, бѣла хорюговь, чръвлена [чрьлена] чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю [Святьславличю]. Дремлеть [Дремлетъ] въ полѣ Олгово [Ольгово] хороброе гнѣздо далече залѣ[е]тѣло; не было нъ [небылонъ] обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный [чръный] воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжить [бѣжитъ] сѣрымъ волкомъ [влъкомъ]; Кончакъ, ему слѣдъ править къ Дону В[в]еликому.

---

*) Въ рукописномъ переводѣ, приложенномъ къ екатерининскому списку, это мѣсто передано такъ: «кричитъ дивъ (филинъ) вверху древа; раздается его гласъ въ землѣ незнаемой, по *Ворсклѣ, по Хоролю*, по Сулѣ, *по Суугли* и пр., и при томъ примѣчаніе: «*Ворскла, Хороль*, Сула, *Суугли* суть рѣки пограничныя къ половцамъ, которые близь ихъ кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у русскихъ съ половцами. На Хороли съѣзжались россіане не рѣдко для договоровъ съ половцами; по Сулѣ великій Владиміръ построилъ многіе города и населилъ ихъ славянами, кривичами, чудью, вятичами, дабы печенегамъ, приходящимъ часто въ предѣлы кіевскіе, положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичъ и Владиміръ Игоревичъ перешедъ, одержали въ первый разъ надъ половцами верхи». Въ переводѣ, при изданіи Слова 1800 г., нѣтъ рѣкъ Ворсклы, Хороля, Суугли; о послѣдней упоминается тамъ въ предисловіи, стр. IV, при чемъ ссылка на Ист. Татищева, кн. III, стр. 262.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаю[т] [повѣдаютъ]; черныя туча съ моря идуть, хотять [чръныя туча съморя идутъ, хотятъ] прикрыти 4 [д҃] солнца: а въ нихъ трепещуть синіи молніи [млъніи], быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого [великаго]: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати [потручяти] о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великого [великаго]. О Руская земле [ѣ]! уже не ш[Ш]еломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стре[ѣ]лами на храбрыя полки [плъкы] Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ [текуть]; пороси поля прикрываюнь [прикрываютъ]; стязи глаголютъ; Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя полки [плъкы] отступиша. Дѣти Б[б]ѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чръвлеными [чрълеными] щиты. Яръ туре Всеволоде [Всеволодѣ]! стоиши на борони, прыщеши на вои стре[ѣ]лами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо туръ поскочаше [поскочяше], своимъ златымъ шеломо[м] [шеломомъ] посвѣчивая, тамо лежать [лежатъ] поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе яръ [Яръ] Туре Всеволоде. Кая раны дорога братіе, забывь [забывъ] чти и живота, и града Чернигова [Чрънигова], отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были Полцы [плъци] Олговы, Олга [Ольга] Святъславлича [Святьславличя]. Той [Тъй] бо Олегъ мечемь [мечемъ] крамолу коваше, и стре[ѣ]лы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутороканѣ [Тьмутороканѣ]. То же [Тоже] звонъ слыша давный великый Ярославь сынъ Всеволожъ[ь]: а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святополкъ [Святоплъкь] повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходцы [иноходьцы] ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ к[К]няжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ [человѣкомь] скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко рата-

евѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а Г[г]алици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣ[е]тѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ[съ] ты полкы [плъкы]; а сице и рати не слышано, съзараніа [съ зараніа] до вечера, съ вечера до свѣта летять [летятъ] стре[ѣ]лы каленыя; гримлють [гримлютъ] сабли о шеломы: трещать [трещатъ] копіа харалужныя: въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи, [.] черна [Чръна] земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна. Тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча [давечя] рано предъ зорями? Игорь полкы [плъкы] заворочаеть [заворочаетъ]; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишась [бишася] другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо братіе не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла, въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы [крылы] на синемь морѣ [синѣмъ море] у Дону плещучи, убуди жирня времена, усобица Княземь [Княземъ] на поганыя погыбе. Рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начаша [начяша] Князи про малое, се великое, молвити [млъвити], а сами на себе [себѣ] крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храброго полку не кресити [храбраго плъку не крѣсити]. За нимь [нимъ] кликну Карнаижля [Карна и Жля] по скочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи [смагу мычючи *)] въ пламянѣ розѣ. Жены руския [Рускія] въсплакашась аркучи: уже намь [намъ] своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни о очима [ни очима] съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо братіе Кіевъ тугою, а Черниговь [ъ] напастьми: тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна

*) Въ изданіи 1800 г. слово *людемъ* пропущено, но въ приложенномъ тамъ переводѣ именно сказано «стали томить *людей* огнемъ и мечемъ».

утече средѣ земли Рускыи [тече средь земли Рускый]; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславличя [Святъславлича], Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отець [отецъ] ихъ Святъславь гроздный выликый Кіевьскый [грозный Великый Кіевскый]. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими силными полкы [сильнымиплъкы] и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; в'змути рѣкы [взмути рѣки] и озеры; иссуши потокы [потоки] и болота, а поганого [поганаго] Кобяка изъ луку моря отъ желѣзны[х] великыхъ полковъ половецкыхъ [желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ], яко вихръ выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ [кають] Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя [Половецкія], Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣде [высѣдѣ] изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево; уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ [Святъславь] мутенъ со[н] виде [сонъ видѣ]: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною [чръною] паполомою, на кровати [кроваты] тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудо[м] [трудомь] смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ [тльковинъ] великый женчюгь на лоно, и нѣгують [нѣгуютъ] мя; ужедъ скы [уже дьскы] безъ кнѣса въ моемъ [вмоемъ] теремѣ златовръсе [ѣ]мъ. Всю нощь съ вечера бо-суви [босуви], врани възграяху. У Плѣньска [Плѣсньска] на болони, бѣша дебрь к[К]исаню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола сле[ѣ]тѣста съ отня стола злата, поискати града Тмутороканя [Тьмутороканя], а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крилца [крильца] припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа [самаю опустоша] въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3-й [г҃] день: два солнца поме[ѣ]ркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и сь[съ] нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тмою [тъмою] ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской

земли прострошася Половци, акы [аки] пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивъ [дивь] на землю. Се бо Готьскыя [Готскія] красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поють [поютъ] время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселіа [веселія.] Тогда великый [Великій] Святъславъ [Святславъ] изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: О моя сыновча [сыновчя] Игорю, и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую прольясте [проліясте]. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣ[е]мъ Х[х]аралузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и много вои [многовои] брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шелъбиры [Шельбиры], и съ Топчакы, исъ Ревугы, и съ Олбѣры [Ольберы]. Тіи бо бесъ щитовъ [бес щитовь] съ засапожникы кликомъ полкы побѣждають [плъкы побѣждаютъ], звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте мужа [му жа] имѣся сами, преднюю славу сами похытимь [похитимъ], а заднюю ся сами подѣлимь [подѣлимъ]. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываеть [въ мытехъ бываетъ], высоко птиць възбиваеть [высоко птицъ възбиваетъ]; не дасть [не дастъ] гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; наниче [на ниче] ся годины обратиша. Се уриᵐ [Уримъ] кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимі[и]ръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага [Чага] по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху [посуху живыми] шереширы стре[ѣ]ляти. Удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки [рыкаютъ акы] тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступи та г҃на [Господина] въ злата стремень за обиду сего времени, зане землю [за землю] Рускую,

[Русскую], за раны Игоревы, буего Святъславлича [Святславлича]! Галичкы Осмомысле [Осмомыслѣ] Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованне[ѣ]мъ столѣ. Подперъ горы Угорьскыи [Угорскыи] своими желѣзными полки [плъки], заступивъ Королеви путь, затворивъ [затвори въ] Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы [облаки], суды рядя до Дуная: Грозы твоя по землямъ текуть [текутъ]; оттворяеши Кіеву врата; стре[ѣ]ляеши съ отня злата стола Салътани [Салтани] за землями. Стре[ѣ]ляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславича [Святславлича]. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умь [носитъ васъ умъ] на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣ[е]хъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзніи [желѣзныи] папорзи подъ шеломы латиньскыми [латинскими.] Тѣми тресну земля, и многы [многи] страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела; и Половци сулици своя повръгоша [повръгоща], а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утръпѣ [утрпѣ] солнцю свѣтъ, а древо небологомь [не бологомъ] листвіе срони: по Роси [по Рсіи], по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго полку некресити [плъку не крѣсити]. Донъ ти Княже кличеть и зоветъ [кличетъ, и зоветь] Князи на побѣду. Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань. Ингварь [Инъгварь] и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи [Мстиславличи], нехудà [не худа] гнѣзда шестокрильци [шестокрилци], не побѣдными [непобѣдными] жребіи собѣ власти расхытисте, кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи [Ляцкіи] и щиты. Загородите полю ворота своими острыми стре[ѣ]лами за землю Рус[с]кую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Ужебо [уже бо] Сула не течеть [течетъ] сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь [болотомъ] течетъ онымъ грознымъ Полочянамъ [Полочаномъ] подъ кликомъ поганыхъ: Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя [Литовскія]; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: Д[д]ружину твою Княже птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь

полизаша. Небы ту [Не бысь ту] брата Брячаслава, [Брячяслава], ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчужну [жемчюжну] душу изъ храбра тѣла, чрезъ [чресъ] злато ожереліе. Уныли [Уныли] голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣднейславѣ: Вы бо своими крамолами начасте [начясте] наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Зояни [На седьмомъ вѣцѣ Трояни]. Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъ [Тъй] клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьскаго [Кіевскаго]. Скочи отныхъ [отъ нихъ] лютымъ зверем въ полночи [звѣремъ въ плъночи], изъ б[Б]ѣла-града, обѣси ся [обѣсися] синѣ мьглѣ, утръже вознистри кусы [утръ же воззни стрикусы] оттвори врата Новуграду. Разшибѣ [разшибе] славу Ярославу, скочи волкомъ [влъкомъ] до Немиги съ дудутокъ [Дудутокъ]. На Немизѣ снопы стелють [стелютъ] головами, молотятъ чепи халужными [харалужными], на тоцѣ животь кладуть [животъ кладутъ], вѣютъ душу отъ тѣла; Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновь [сыновъ]. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады радяше [рядяше], а самъ въ ночь волкомь [влъкомъ] рыскаше; исъ [изъ] Кыева дорискаше до Куръ, Тмутороканя; великому Х[х]ръсови волкомь [влъкомъ] путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ [Полотскѣ] позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа в'[въ] друзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и первое [првъвое] припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа неминути [не минути]. О! стонати Руской земли, помянувше первую [првъвую] годину, и первыхъ [првъвыхъ] Князей. Того стараго Владиміра нелзѣ [не льзѣ] бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ [Кіевскимъ]: С[с]его бо нынѣ сташа стязи Рюриковы а друзіи Давидови [Давидовы]. Н[н]ъ рози нося имъ хоботы пашуть [пашутъ], копіа поютъ на Дунаи. Ярославнымъ гласъ слышить [Ярославнынъ гласъ слышитъ]: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече,

зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему г҃не [Господине] насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть [бяшетъ] горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ аркучи: о днепресловутицю [о Днепре словутицю]! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до полку [плъку] Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на морѣ [на море] рано. Ярославна на морѣ плачеть [Ярославна рано плачетъ] *) къ Путивлѣ на забралѣ аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое Солнце [слънце]! всѣмъ тепло и красно еси: чему г҃не [господине] простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче. Прысну море полунощи; идуть [идутъ] сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спить [спитъ], Игорь бдить [бдитъ], Игорь мыслію поля мѣрить отъ великого [мѣритъ отъ великаго] Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю небыть [не быть]: кликну стукну земля; въ шумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскачи [поскочи] горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвержеся на борзъ [въвръжеся на бръзъ] комонь, и скочи съ него босы^м волкомъ [босымъ влъкомъ], и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами [мьглами] избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколо^м [соколомъ] полетѣ, тогда Влуръ волкомъ [влъкомъ] потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя борзая [бръзая] комоня. Донець [Донецъ] рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа.

---

*) Въ рукописномъ переводѣ, приложенномъ при екатерининскомъ спискѣ, также читается: «Ярославна *на морѣ* плачетъ къ Путивлю». Почему сначала въ спискѣ прочтено *на морѣ*, а потомъ *рано*—рѣшить трудно.

Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на волнахъ [влънахъ], стлавшу ему зеле[ѣ]ну траву на свои[х] [своихъ] сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами, [мъглами] подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, ч[Ч]рьнядьми на вѣ[е]трѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля [Ростиславя] по уноши Князи Ростиславѣ Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли пре[ѣ]клонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздить [ѣздитъ] Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, Г[г]алици помолкоша [помлъкоша], сорокы не троскоташа, по лозію ползоша толко [только], дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть [кажутъ], соловіи веселыми пѣсньми [пѣсьми] свѣтъ повѣдають. Молвить [Млъвитъ] Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду лети[т] [летитъ], соколича рострѣля-евѣ [ростръляевѣ] своими злачеными стре[ѣ]лами. Речь [рече] Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить [летитъ], а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею [дивицею]. И рекъ [рече] Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ на ю [наю] птици бити въ полѣ Половецкомъ Рекъ Боянъ, и ходы на Святъславля пѣснотворца [пѣстворца] стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти. Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ г[Г]оловы Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесе [небесѣ], Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чресъ [чрезъ] море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву къ с[С]вятѣй Богородици, п[П]ирогощей[.] страны ради. Гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Князем[ь] [Княземъ], а по томъ молоды[м] [молодымъ]. Пѣти слава Игорю Святъславличь [Святъславлича]. Буй туру Всеволоде Владиміру Игоревичь [Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу] здрави Князи и дружина, побарая за христьаны, [христьяны], на поганыя полки [плъки] Княземъ слава, а дружинѣ аминь.

---

*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Содержаніе Слова о полку Игоревѣ.

Въ семъ словѣ, на подобіе героической поэмы, описывается князей Игоря и Всеволода Святославичевъ, дѣтей князя новгородско-сѣверскаго Святослава Ольговича, сына Ольга Святославича тмутороканскаго, походъ на половцевъ и бывшее съ ними въ 1185 году кровопролитное сраженіе при рѣкѣ Калкѣ близь Дону. Князь Игорь, завидуя славѣ князя Святослава Всеволодовича, который за два года предъ тѣмъ одержалъ славную надъ половцами побѣду, вздумалъ также испытать своего счастія надъ ними. И хотя имѣлъ при себѣ войско не многолюдное, но надѣясь, что половцы, претерпѣвъ предъ недавнымъ временемъ великое пораженіе, не будутъ въ силахъ ему противиться, вступилъ въ походъ не объявя о томъ ни князю великому, ни прочимъ князьямъ. При первомъ сраженіи одержали верхъ россіяне, и разбивъ половцевъ, захватили весь ихъ обозъ со многимъ богатствомъ. Но вскорѣ послѣ того половцы, собравшись въ превосходнѣйшихъ силахъ, вступили вновь въ сраженіе, которое продолжалось два дня съ половиною. На ономъ побѣждены россіяне совершенно. Князья Игорь и Всеволодъ Святославичи, племянникъ ихъ князь Святославъ Ольговичь Рыльскій, сынъ Игоревъ Владиміръ князь путимльскій и пять тысячъ войска взяты въ плѣнъ и полученная прежде добыча отнята. Войсками половецкими предводительствовали князья ихъ Кончакъ и Гзакъ.

Сочинитель, сравнивая сіе несчастное сраженіе съ прежними, надъ половцами одержанными побѣдами, воспоминаетъ по поводу сего славныя дѣла нѣкоторыхъ россійскихъ князей, какъ то: 1) Великаго Владиміра, который, не будучи доволенъ престоломъ кіевскимъ, простеръ далеко свои завоеванія. 2) Изяслава Васильковича, который одинъ безъ

братьевъ своихъ Брячислава и Всеволода одержалъ славную надъ литовцами побѣду. 3) Князя Всеслава, который въ весьма короткое время сдѣлалъ многія завоеванія. 4) Князя Ярослава, который полками угорскими простеръ свои завоеванія до Дуная. 5) Князя Святослава Ольговича, который несравненно удачнѣе воевалъ съ тѣми же половцами, ибо онъ столько ихъ утѣснилъ, что они и помыслить не смѣли нападать на Россію.

Таковое россіянъ пораженіе привело землю россійскую въ великій страхъ и половцы, пользуясь побѣдою, разсѣялись всюду, начали дѣлать разоренія. Великій князь скорбитъ крайне о несчастіи своихъ родственниковъ. Онъ въ горести призываетъ на помощь брата своего черниговскаго князя Ярослава, князей Рюрика и Давида, Романа и Мстислава, храбрыхъ Ольговичевъ и Мстиславичей. Жены русскія оплакиваютъ смерть мужей своихъ. Княгиня Ярославна, супруга младаго Владиміра князя путимльскаго, въ печали своей приходитъ до отчаянія. Она, сидя на градской стѣнѣ, возноситъ жалостный гласъ свой то къ солнцу, то къ вѣтру, то къ рѣкѣ Днѣпру. Вся вина толикаго отъ половцевъ разоренія относится на междоусобіе князей россійскихъ, которые, не будучи удѣлами своими довольны, другъ на друга воевали и призывая часто себѣ въ помощь половцевъ, подали чрезъ то имъ способъ набѣгать на землю русскую.

Заключается сія пѣснь возвращеніемъ Игоря въ свое отечество. Онъ изъ плѣну счастливо успѣлъ уйти къ общей подданныхъ и всего государства радости. Тщетно Гзакъ и Кончакъ старались его догнать.

II.

Переводъ Слова о полку Игоревѣ.

Коль прилично намъ, братцы, представить древнимъ слогомъ жалостную повѣсть о сраженіи Игоря Святославича [1])? Мы составимъ оную изъ самыхъ дѣяній тогдашняго времени, не употребляя вымысловъ Бояновыхъ [2]). Ибо Боянъ стихотворецъ когда хотѣлъ воспѣть кому похвалу,

---

1) Игорь Святославичь былъ сынъ князя Святослава Ольговича новгородско-сѣверскаго, внукъ Ольга Святаславича тмутараканскаго, вступившій на княженіе новгородско-сѣверское послѣ Ольга Святославича внука Ольгова въ 1180 году. Онъ былъ отлично храбрый князь, ревностный отечества защитникъ и имѣлъ съ половцами непримиримую вражду. Сраженіе сіе по лѣтописямъ послѣдовало въ 1185 г.

2) Боянъ древній стихотворецъ русской: въ которыя лѣта жилъ? по лѣтописямъ не видно. Но изъ послѣдствія сей повѣсти видно, что онъ воспѣвалъ подвиги князя Всеслава. Сіе имя Боянъ происходитъ, какъ думать надобно отъ древняго глагола баю, говорю: по сему Боянъ не что другое какъ разскащикъ, словесникъ, витія. Онъ же называется и вѣщій, по латинѣ Vates, имя

то мысль его летала тогда по древамъ, онъ бѣгалъ; какъ сѣрый волкъ по земли, и поднимался, яко орелъ подъ облаки. Мы помнимъ, что въ древности когда хотѣли какое сраженіе описать, то изображали оное пусканіемъ десяти соколовъ на стадо лебедей: и такъ который изъ нихъ скорѣе долеталъ, тотъ прежде и запѣвалъ въ честь, или стараго Ярослава [3]), или храбраго Мстислава [4]), который убилъ Редедю предъ полками Косожскими, или въ честь краснаго Романа Святославича [5]). Боянъ же

свойственное всѣмъ древнимъ стихотворцамъ, которые какъ бы въ восторгѣ нѣкоемъ или во изступленіи стихи свои писали. Называется также и внукомъ Велесовымъ можетъ быть по древнему обычаю: ибо стихотворцевъ почитали вдохновенными отъ Бога и потому какъ бы дѣтьми божіими.

[3]) Старый Ярославъ не другой кто здѣсь разумѣется, какъ Ярославъ I, сынъ князя великаго Владиміра I Святославича, рожденный отъ княжны полоцкой Рогнѣды. Сей князь сдѣлалъ многія славныя дѣла. Имѣлъ войну съ братомъ своимъ Мстиславомъ I, княземъ тмутараканскимъ и черниговскимъ; послѣ чего въ 1026 году земля русская раздѣлена по Днѣпръ. Ярославу досталась западная, а Мстиславу восточная страна. Онъ въ 1029 г. побѣдивъ Ясовъ поселилъ ихъ въ Россіи; въ 1030 г. ходилъ на поляковъ, отобралъ отъ нихъ многіе, завоеванные Болеславомъ червенскіе города, и побивъ войско польское, взялъ многихъ въ плѣнъ и разселилъ по рѣкѣ Росѣ и около Чернигова; воевалъ двоекратно Литву и возложилъ на оную дань; въ 1041 году разорилъ землю Мазовецкую по Бугу и возвратился со многимъ плѣномъ. Онъ прилежалъ о распространеніи христіанской вѣры и о заведеніи повсюду училищъ.

[4]) Мстиславъ былъ сынъ великаго князя Владиміра I Святославича, княжившій въ Тмуторoканѣ. Онъ въ 1022 г. ходилъ войною на Косоговъ, обитавшихъ около Дона. Услышавъ о семъ князь косожскій Редедя выступилъ съ великими противу его силами и, не начиная сраженія, послалъ ко Мстиславу сказать «для чего намъ войско губить, яко невинныхъ, хочешь ли скорѣе войну пресѣчь и вѣчно покой имѣть, борися со мною на единѣ, и если ты меня поборешь, то возми имѣніе мое, жену и дѣтей и землю мою; если же я осилѣю, то да возму твое все». Мстиславъ, яко не былъ легкомысленъ, взялъ себѣ на разсужденіе до утра и хотѣлъ къ нему отповѣдь прислать, и хотя вѣдалъ Редедю сильна, но самъ вельми надѣялся на умѣніе и силу, зане его измлада побороть никто не могъ. Поутру рано послалъ къ Редедѣ, чтобъ вышелъ въ назначенное мѣсто и самъ пошелъ, яко положено, безъ оружія; и сошедшися снялися бороться крѣпко, но долго борющимся имъ, нача Мстиславъ изнемогать, бѣ бо Редедя великъ и силенъ вельми, и рече Мстиславъ: «о пресвятая Богородица! помози ми, аще одолѣю сего, созижду церковь во имя твое.» И се умысля, удари его о землю и вынявъ ножъ, зарѣзалъ Редедю. По семъ Мстиславъ, вшедъ въ землю его, взялъ все имѣніе его, жену и дѣтей его, и дань возложилъ на Косоги.

[5]) Романъ былъ сынъ князя Святослава Ярославича, братъ Ольга Святославича тмутараканскаго, котораго Казары отдали въ Царьградъ въ заточеніе, а внукъ Ярослава I Владиміровича, первый князь въ Курскѣ удѣлѣ чер-

братцы не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ, но своими стихотворческими перстами по живымъ струнамъ ударялъ, а они уже сами славу князей возвѣщали. Начнемъ же нашу пѣснь отъ стараго Владиміра [6]) до нынѣшняго Игоря, который возвышаемъ твердостію ума, разжигаемъ мужествомъ сердца, и исполненъ духа ратнаго, вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ на землю Половецкую за землю Русскую. Въ то время воззрѣвъ Игорь съ своимъ воинствомъ на свѣтлое солнце, увидѣлъ его въ затмѣніи. Тогда сказалъ онъ дружинѣ своей: братіе и дружино! лучше быть убитымъ, нежели быть плѣннымъ. Сядемъ, братцы, на борзыхъ своихъ коней и поѣдемъ на синій Донъ. Ему пришло на мысль желаніе, несмотря на затмѣніе солнечное, извѣдать счастія на Дону. Я хочу, сказалъ онъ, преломить копье съ вами, россіане, конецъ поля половецкаго: я хочу или голову мою положить, или испить шеломомъ воды изъ Дону. О, Бояне, соловей древнихъ лѣтъ! Когда бъ ты могъ воспѣть подвиги воевъ сихъ, скача соловьемъ мысленно по древу, летая умомъ подъ облаки, сравняя славу древнюю съ симъ временемъ, стремясь въ путь Трояновъ чрезъ поля на горы, славя Игоря, внука Ольгова. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, галки стадомъ летятъ къ Дону великому: вотъ бы пѣть тебѣ, Бояне, внуче Велесовъ! Ржутъ кони за Сулою; гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи (знамена) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. Буй туръ [7]) Всеволодъ вѣщаетъ къ ему: ты одинъ мнѣ братъ о Игорю! ты одинъ мнѣ ясный свѣтъ; и мы оба Святославичи. Ты сѣдлай, брате, своихъ борзыхъ коней; а мои для тебя готовы еще прежде у Курска осѣд-

---

ниговскомъ по 1079 годъ. Онъ въ семъ 1079 пожелавъ у великаго князя Всеволода I Ярославича отнять Переяславль, пришелъ со множествомъ половцовъ къ Переяславлю. Всеволодъ, пришедъ съ войскомъ туда же, учинилъ съ половцами миръ. Романъ, видя, что князья половецкіе ему солгали, поссорился съ ними, въ которой ссорѣ половцы его убили.

[6]) Старый или первый Владиміръ есть великій князь Владиміръ Святославичь. Онъ въ 981 году ходилъ войною на Польшу и взялъ города ихъ Перемышль, Червень и другіе. Въ 982 побѣдилъ вятичей, возложивъ на нихъ дань; въ 983 побѣдилъ ятвягъ; въ 984 ходилъ войною на радимичей, происходящихъ отъ роду поляковъ; во 985 г. воевалъ земли болгарскую и сербскую; въ 988 взялъ приступомъ городъ греческой Корсунь; въ 993 ходилъ на семиградскую и хорватскую земли, и одержавъ тамъ многія побѣды, возвратился со множествомъ плѣна и богатства; и въ томъ же году воевалъ съ печенѣгами. Онъ просвятилъ Россію святымъ крещеніемъ и истребилъ идоловъ.

[7]) Буй означаетъ дикаго, а туръ вола. И такъ буйтуромъ или буйволомъ называетъ здѣсь Всеволода въ смыслѣ метафорическомъ въ разсужденіи, какъ думать надобно, его отважности, дерзости и силы.

ланы: а мои куряне въ цѣль стрѣлять довольно свѣдомы; подъ звукомъ трубъ они повиты; подъ шлемами взлелѣяны; по конецъ копья вскормлены; всѣ пути имъ извѣстны; всѣ яруги (опасныя мѣста) знаемы; у ихъ луки напряжены; тулы (колчаны) отворены; сабли изострены: они скачутъ въ полѣ, какъ волки сѣрые, себѣ чести ищучи, а князю славы. Тогда вступивъ Игорь въ златъ стремень, поскакалъ по полю чистому. Затмѣніе солнечное въ пути его остановляетъ [8]). Возставшая ночью гроза разбудила птицъ; поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логовищахъ; кричитъ дивъ (филинъ) вверху древа; раздается его гласъ въ землѣ незнаемой, по *Ворсклѣ, по Хоролю*, по Сулѣ, *по Суугли* [9]), въ Корсунѣ и у тебя болванъ тмутороканскій. А половцы путями неготовыми бѣгутъ къ Дону великому. Скрыпятъ телѣги въ полунощи; говоруны лебеди распущены. Игорь вои ведетъ къ Дону, который несчастіе ему готовитъ. Волки, на подобіе птицъ своимъ воемъ [10]) по яругамъ предвѣщаютъ неудачу: орлы клектомъ созываютъ звѣрей на трупы мертвые: лисицы лаютъ на щиты червленые. О, русская земля! уже ты далеко за Шеломенью [11]). Мракъ

---

[8]) Игорь Святославичь, выступая въ походъ изъ Новагорода-Сѣверскаго апрѣля 13 дня, продолжалъ путь къ Донцу весьма тихо, ожидая прочихъ войскъ. Ввечеру 1 числа мая увидѣли затмѣніе солнечное. Тогда сказалъ Игорь вельможамъ своимъ: видете ли сіе? Они, пришедъ въ страхъ, опустили головы и сказали ему: сіе знаменіе не на добро есть. На что имъ Игорь отвѣчалъ: тайны Божія неисповѣдимы, и никто знать опредѣленія его не можетъ. Онъ бо Творецъ есть міра и знаменія сего, я ко же и насъ всѣхъ: что хочетъ и творитъ, добро или зло. Мы опредѣленія его перемѣнить не можемъ. Не вѣсте ли, яко безъ знаменія, кого хочетъ наказуетъ? И знаменія такія многократно никакого зла не приносятъ. И кто вѣдаетъ для насъ или для другихъ кого сіе? понеже оно видимо есть во всѣхъ земляхъ и народахъ. Тако сказавъ перешелъ Донецъ, пошелъ къ рѣкѣ Осколу и тутъ ожидалъ брата Всеволода два дни, который шелъ изъ Курска другимъ путемъ, и совокупясь пришли къ рѣкѣ Сальницѣ. Тат. истор. кн. III, стр. « ».

[9]) Воркла, Хороль, Сула, Суугли суть рѣки пограничныя къ половцамъ, которые близь ихъ кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у русскихъ съ половцами. На Хороли съѣзжались россіяне не рѣдко для договоровъ съ половцами. По Сулѣ великій Владиміръ построилъ многіе города и населилъ ихъ славянами, кривичами, чудью и вятичами, дабы печенѣгамъ, приходящимъ часто въ предѣлы кіевскіе, положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичь и Владиміръ Игоревичь перешедъ, одержали въ первый разъ надъ половцами верхъ.

[10]) Древніе по летанію птицъ дѣлали свои заключенія о счастіи или несчастіи. Если въ которую сторону летятъ стадами птицы во множествѣ, во той странѣ заключали быть какой нибудь гибели народу или скоту. Волчій вой означалъ неудачную войну.

[11]) Шеломая была пограничная волость русская къ половцамъ.

ночный продолжается; свѣтъ зари не видѣнъ; мгла поля покрыла; престалъ щекотъ соловьевъ; замолкъ говоръ галокъ. Россіане по широкимъ полямъ разставили червленые щиты, ища себѣ чести, а князю славы. Поутру въ пятокъ потоптали они поганые полки половецкіе и разсыпавшись съ стрѣлами по полю, захватили красныхъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними злато и поволоки и драгія оксамиты. Ортмами, япончицами (плащами) и кожухами (шубами) начали мостить мосты по болотамъ и другимъ грязнымъ мѣстамъ. Всѣ узорочья (уборы) половецкіе, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребреное стружіе достались храброму Святославичу. Дремлютъ въ полѣ. Ольгово храброе гнѣздо далеко залетѣло. Оно не рождено терпѣть обидъ ни отъ сокола, ни отъ кречета, ни отъ тебя черный воронъ, поганый половчанинъ. Гзакъ бѣжитъ, какъ сѣрый волкъ, Кончакъ за нимъ во слѣдъ спѣшитъ [12]) къ Дону великому. На другой день весьма рано заря багряная свѣтъ открыла; идутъ съ моря тучи черныя; хотятъ прикрыть четыре солнца: сверкая синіи молніи, предвѣщаютъ быть грому страшному, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тутъ будетъ около чего копьямъ преломитися, тутъ будетъ саблямъ притупитися о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ [13]) у Дону великаго. О земля русская! уже предѣлы твои открыты. Се вѣтри, внуки Стрибога [14]) вѣютъ съ моря, яко стрѣлы на храбрые полки Игоревы! Земля стонетъ; вода въ рѣкахъ смутилась; прахомъ поля покрыты; заговорили знамена; половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Войско россійское отступило. Дѣти бѣсовы оградили станъ свой крикомъ, а храбрые россіане щитами червлеными. Храбрый туръ Всеволодъ, стоя въ рукѣ правой [15]), мещетъ на противныхъ стрѣлы яко градъ, гремитъ мечемъ булатнымъ о шлемы ихъ. Гдѣ ни появится туръ шлемомъ своимъ златымъ блистаяся, тамо лежатъ поганыя головы половецкія. Раз-

---

[12]) Гзакъ и Кончакъ были половецкіе князи, которые предводительствовали въ сіе сраженіе половецкими войсками.

[13]) Рѣки Каялы ни по лѣтописямъ, ни по ландкартамъ не видно, а упоминается въ лѣтописяхъ рѣка Калка, гдѣ россіяне имѣли съ татарами самое несчастное сраженіе.

[14]) Стрибогъ былъ кумиръ въ Кіевѣ, поставленный Владиміромъ со многими другими идолами. Ему приписывали власть надъ вѣтрами.

[15]) Полки русскіе устроены были такимъ образомъ: Игоревъ полкъ въ срединѣ, на правой сторонѣ братъ его Всеволодъ, на лѣвой племянникъ ихъ Святославъ Ольговичь, на переди сынъ Игоревъ Владиміръ съ двумя полками, а присланный отъ князя Ярослава черниговскаго полкъ назади. Когда Игорь множествомъ половцевъ былъ захваченъ, то Всеволодъ, стараясь помощь ему подать, бился столь долго, какъ уже ни одной стрѣлы у него не осталось, и копіе переломилось.

рублены булатными саблями шлемы поганыхъ отъ тебе, храбрый Всеволоде. Къ чему было, братцы, такъ безвременно ополчитися и забывать честь и жизнь, отеческій златый престолъ, и нѣжныя ласки своей любезной супруги, прекрасной Глѣбовны. Прошло то время, какъ бывали вечи (съѣзды) Трояновы; протекли лѣта Ярославли [16]); миновали сраженія Ольга Святославича [17]). Той бо Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы

[16]) При самомъ вступленіи сего князя изъ княженія луцкаго на княженіе кіевское требовалъ отъ него князь черниговскій Святославъ Всеволодовичь нѣкоторыхъ городовъ: въ чемъ, когда Ярославъ ему отказалъ, то Святославъ, пришедъ къ Кіеву съ войсками, захватилъ его жену, сына, бояръ и все имѣніе, а Ярославъ, между тѣмъ убѣжавъ въ Луцкъ, собралъ тамъ войско и пошелъ на Святослава, который, будучи занятъ тогда войною съ Ольгомъ Святославичемъ сѣверскимъ, не въ состояніи былъ ему противиться, и для того сдѣлалъ съ нимъ миръ и все захваченное возвратилъ. Но князь Ярославъ не долго послѣ того въ Кіевѣ княжилъ, ибо князь смоленскій Ростиславъ Ростиславовичь увѣдалъ, что онъ кіевлянами не навидимъ, пришелъ съ войсками къ Кіеву и принудилъ его престолъ оставить, а итти въ Луцкъ, что онъ безъ сопротивленія и исполнилъ. И хотя Романъ, усовѣстясь послѣ въ толь наглой обидѣ, и призывалъ его по прежнему въ Кіевъ, но онъ не пошелъ, сказавъ, что желаетъ владѣть лучше малымъ, но въ покоѣ, нежели великимъ, но въ безпокойствѣ.

[17]) Олегъ Святославичь, правнукъ Владиміра I Святославича былъ нрава безпокойнаго и склонный къ возмущеніямъ. Отецъ его Святославъ Ярославовичь князь черниговскій получа въ 1054 году отъ отца Ярослава Владиміровича во владѣніе область Черниговскую съ Тмутараканью и не будучи оною доволенъ согналъ въ 1073 съ простола кіевскаго старшаго брата своего Изъяслава, а на свое мѣсто въ Черниговѣ посадилъ брата своего Всеволода князя переяславскаго. Когда же по смерти Святославовой, Изъяславъ паки принялъ престолъ кіевскій и Всеволодъ оставался въ Черниговѣ, то Олегъ Святославичь и братъ его Борисъ, не хотя быть довольны областями тмутараканскою и муромскою, вооружились на Всеволода, и призвавъ въ помощь половцевъ, Всеволода разбили и изгнавъ изъ Чернигова, учинили съ половцами въ земли русской великое разореніе. Когда же за таковую наглость князь Изъяславъ, чтобъ отмстить обиду брата своего Всеволода, пошелъ на Ольга войною, то онъ, собравъ паки половцевъ, со Изъяславомъ сразился, и хотя былъ побѣжденъ, но вскорѣ съ братомъ своимъ Романомъ, собравъ вновь половцевъ, приходилъ къ Переславлю, чтобъ оный у князя Всеволода отнять; но не получивъ здѣсь удачи, въ 1094 г. нанялъ множество половцевъ, приходилъ войною къ Чернигову на князя Владиміра Всеволодова сына, который не будучи въ силахъ съ нимъ воевать, уступилъ ему Черниговъ. Половцы же, видя, что имъ въ разсужденіи учиненнаго между Олегомъ и Всеволодомъ замиренія разорять черниговской земли не позволено, начали сами дѣлать разореніе и Олегъ удержать ихъ отъ того не могъ. При чемъ много христіанъ побито и въ плѣнъ взято. Въ 1095 г. когда учиненъ былъ между князьями россійскими союзъ, чтобъ итти на половцевъ, которые толь много русскую землю разоряли; то Олегъ къ сему со-

по земли сѣялъ: ступаетъ въ златъ стремень во градѣ Тмутораками. Таковой же звукъ побѣды слышалъ старый великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ [18]). Но Владиміръ никогда не внималъ ему въ Черниговѣ [19]). Бо-

юзу не приступилъ, и находящагося при немъ сына князя половецкаго Итляра, по требованію, князьямъ россійскимъ не отдалъ. Въ 1096 г. звали его князья россійскіе въ Кіевъ на съѣздъ, что въ общемъ собраніи разсмотрѣть распри его о владѣніяхъ: но онъ съ гордостію отъ сего призыву отрекся. И такъ пошли на него войною. Онъ изъ Чернигова убѣжалъ въ Стародубъ: но тамъ будучи осажденъ, просилъ у князей прощенія, обѣщаясь во всемъ князю великому кіевскому быть послушенъ и пріѣхать на съѣздъ. Но вскорѣ клятву свою преступилъ, вмѣсто того, чтобъ на съѣздѣ о владѣніи разобраться, онъ пошелъ съ войскомъ къ Мурому на князя Изъяслава, сына Владимірова и онаго на сраженіи убивъ, захватилъ его вельможъ и имѣніе: оттуда ходилъ въ Суздаль и Ростовъ и оные города покоривъ, наложилъ на нихъ дань, а лучшихъ жителей перевелъ въ Тмуторокань. О чемъ извѣстясь князь новгородскій Мстиславъ, братъ муромскаго Изъяслава, сынъ Владиміровъ, увѣщевалъ его чужія владѣнія оставить и просить мира; но онъ, не послушавъ его, предпринялъ отнять даже и новгородскія области. Мстиславъ пошелъ на него съ войскомъ, преслѣдовалъ его до Ростова и Суздаля. Олегъ сжегъ Суздаль и ушелъ къ Мурому. Мстиславъ послалъ къ нему сказать, чтобъ переставъ производить мятежъ, просилъ неотмѣнно прощенія. Олегъ послалъ съ радостію о мирѣ договариваться, а между тѣмъ умышлялъ нечаянно на Мстислава напасть. Мстиславъ противъ него выступилъ съ войскомъ и, получивъ помощь отъ отца, съ нимъ сразился. На семъ сраженіи Олегъ, будучи побѣжденъ, ушелъ въ Рязань. Мстиславъ преслѣдовалъ его до Рязани, принудилъ покориться. Послѣ чего въ 1097 г. на съѣздѣ въ Кіевѣ сему князю Ольгу съ братьями положено дать предѣлы отца ихъ Черниговъ, съ Сѣверою, вятичи, Муромъ и Тмуторакань.

[18]) Ярославъ Всеволодовичь, сынъ князя Всеволода Ольговича отъ 1174 по 1200 годъ на княженіи черниговскомъ. О семъ князѣ упоминается въ лѣтописи подъ лѣтомъ 1181, что она съ Игоремъ Святославичемъ и съ половцами ходили въ землю полоцкую на князей Брячислава и Святослава Васильковичевъ, но дальнихъ успѣховъ не получили, а только сожли острогъ около города Урутеска. Подъ лѣтомъ 1183, что онъ ходилъ съ войсками черниговскими на помощь князю Всеволоду Юрьевичу противъ болгаръ.

[19]) Соображая время владѣнія княза Ольга Святославича тмутораканскаго, который по безпокойному своему нраву причинилъ государству чрезъ половцевъ великія разоренія, не другой кто долженъ тогда въ Черниговѣ быть на княженіи какъ Владиміръ Всеволодовичь Мономахъ. О семъ князѣ лѣтописи россійскія повѣствуютъ: подъ лѣтомъ 1094, что Олегъ тмутораканскій съ половцами выгналъ его изъ Чернигова и онъ сѣлъ на княженіи въ Переяславлѣ. Подъ лѣтомъ 1095, что князи половецкіе Итляръ и Китанъ приходили съ войскомъ къ Переяславлю требовать отъ Владиміра даровъ, дабы земли его не воевать. Владиміръ съ ними договорился отдать въ залогъ своего сына, пока не переговоритъ о томъ съ Святополкомъ. Но посредствомъ вельможи Святополкова Словаты, который нарочно ко Владиміру былъ присланъ, оные полов-

риса же Вячеславича [20]) слава привела на судъ. Онъ положенъ на зеленую конскую попону за обиду Ольга, младаго храбраго князя. Съ той же Каялы велъ Святополкъ [21]) войска отца своего между угорскою конницею ко святой Софіи къ Кіеву. Во время Ольга Гориславича сѣялись и возрастали междоусобія: была гибель внуку Дажбожеву; сокращались людямъ вѣки въ крамолахъ (въ ссорахъ) княжескихъ. Тогда по земли рус-

---

цы въ то время, какъ ожидали себѣ подарковъ, были на голову побиты. Подъ лѣтомъ 1096: что онъ со Святополкомъ побѣдили половцевъ близъ Переяславля за рѣкою Трубежемъ, гдѣ князь половецкій Тугорканъ съ сыномъ и другіе многіе побиты. Подъ лѣтомъ 1103: что онъ же ходилъ съ Святополкомъ на половцевъ. Сраженіе происходило на Сутенѣ, гдѣ побито 20 князей половецкихъ, а Веледузъ князь, взятый въ плѣнъ, разсѣченъ на части; въ плѣнъ достался весь обозъ съ великимъ богатствомъ и людьми. Подъ лѣтомъ 1107: что онъ же съ Святополкомъ ходили еще на половцевъ и ихъ за рѣчкою Сулою побили. Подъ лѣтомъ 1111, что онъ же со Святополкомъ паки ходили на половцевъ и ихъ побѣдивъ сперва при рѣкѣ Донцѣ, взяли городъ ихъ Шарукань и разорили городъ Сугровъ; потомъ напали на нихъ же при рѣкѣ Сальницѣ, гдѣ побито половцевъ болѣе десяти тысячъ и нѣсколько тысячъ приведено въ плѣнъ, изъ коихъ многіе разосланы въ подарокъ царю греческому, королямъ: венгерскому, богемскому, чешскому и другимъ. Потомъ Владиміръ въ 1113 г. вступилъна престолъ кіевскій, и, будучи на семъ княженіи, воевалъ двоекратно съ половцами. Сему князю императоръ греческій Алексѣй прислалъ великое посольство со многими дарами, между которыми знатнѣйшіе были вѣнецъ царскій, хламида, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чаша сердоликовая съ драгоцѣнными камнями.

[20]) Бориса Вячеславича по родословнику не находится, а упоминается о Борисѣ Всеславичѣ, сынѣ князя Всеслава Брячиславича, который былъ на княженіи полоцкомъ отъ 1073 по 1128 годъ. И хотя онъ съ прочими удѣльными князьями полоцкими въ 1128 г. и былъ призванъ великимъ княземъ Мстиславомъ на судъ въ Кіевъ, но не за обиду Ольга младаго князя, а за то, что оные князья полоцкіе по призыву великаго князя на войну противъ половцевъ не только не пошли, но сдѣлали ему постыдный отказъ, Тат. Ист. кн. II стр. 240. Былъ еще Борисъ Святославичь, братъ князя Ольга тмутораканскаго, о которомъ подъ лѣтомъ 1078 пишется, что онъ съ братомъ Ольгомъ, не будучи доволенъ, тмутараканскою и муромскою областями, ходили къ Чернигову на князя Всеволода, коего побѣдивъ, изъ Чернигова выгналъ. Но когда Всеволодъ при помощи князя кіевскаго Изъяслава, приступилъ къ Чернигову, а Борисъ съ Ольгомъ шелъ для освобожденія города, то на бывшемъ сраженіи у села Нежатины Нивы отъ войскъ всеволодовыхъ убитъ.

[21]) Родословникъ изчисляетъ пять Святополковъ: 1-й сынъ князя великаго Изъяслава Ярославича; 2-й сынъ князя великаго Мстислава Владиміровича; 3-й сынъ князя великаго Ярополка Святославича; 4-й сынъ князя Юрія Ярославича; 5 сынъ князя Ольга Святославича отъ 1127 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ. Но чтобъ который изъ нихъ велъ войска отца своего къ Кіеву, сего по лѣтописямъ не видно.

ской рѣдко былъ слышанъ разговоръ двухъ земледѣльцовъ: но часто граяли вороны, дѣля между собою трупія, и галки говорили своимъ голосомъ, отлетая на мѣсто, гдѣ имъ была покормка. Вотъ такъ то бывало во время прежнихъ браней! А такого сраженія еще не слыхано: съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булатныя въ полѣ незнаемомъ; среди земли половецкія черна земля подъ копытами костми была посѣяна, а кровію полита. Разсыпалась печаль по земли русской. Что слышу за шумъ, что за звукъ толь рано предъ зарею? Игорь полки свои обращаетъ: ибо жаль ему мила брата Всеволода. Бились день, бились другой: на третій день предъ полуднемъ пали знамены Игоревы. Тутъ братья между собою разлучились на берегу быстрой Каялы. Тутъ не достало вина кроваваго: тутъ храбрые россіяне докончали пиръ: сватовъ попоили, а сами полегли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости и древо отъ печали къ земли преклонилось. Уже, братцы, плачевныя времена настали. Уже пала въ пустынѣ сила и осталась побѣда въ силахъ Дажбожева [22]) внука; вступили дѣвы на землю Трояню; всплескали лебедиными крылами на синемъ морѣ у Дона плещучи; возвратились къ нимъ времена богатыя; престали князи воевать на поганыхъ. Прежде одинъ братъ говорилъ другому: это мое, а это мое же. И такъ, начавъ между собою о маломъ, какъ бы о великомъ ссориться, навели отъ всѣхъ странъ поганыхъ воевать и раззорять землю русскую. О! далеко залетѣлъ соколъ къ морю, птицъ бія: а Игорева храбраго воинства уже не воскресить. Въ слѣдъ за нимъ крикнулъ Карна, и Жля [23]) разсѣялся по русской землѣ, претя людямъ мечемъ и огнемъ. Жены русскія возрыдали, глаголюще: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію взмыслити, ни думою вздумати, ни очима узрѣти, а злата и сребра отнюдъ не возвратити. Возстоналъ, братіе, Кіевъ отъ горести, а Черниговъ отъ напастей: сильная тоска разлилась среди земли русской. Князи вели войну междуусобную; а поганые, дѣлая на землю русскую набѣги, брали дань по бѣлкѣ съ двора. Сіи два храбрые Святославичи Игорь и Всеволодъ подняли паки ссору, которую было укротилъ отецъ ихъ Святославъ грозный, великій, кіевскій. Онъ былъ грозою всѣмъ. Его сильнымъ полкамъ и булатнымъ мечамъ все покорилось. Онъ, наступивъ на землю половецкую, притопталъ холмы и буера-

---

[22]) Дажбогъ былъ кумиръ княземъ Владиміромъ, въ Кіевѣ съ прочими идолами поставленный. Но почему сочинитель половцевъ именуетъ внуками Дажбожевыми, точно сказать сего не можно.

[23]) Карна и Жля изъ числа князей половецкихъ, кои имѣли набѣги на Россію.

ки, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ источники и болоты; а поганаго Кобяка [24]) при заливѣ морскомъ отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, яко вихрь, исторгнулъ. И падеся Кобякъ во градѣ Кіевѣ во дворцѣ Святослава. Тогда нѣмцы и венедици, тогда Морава и греки воспѣли славу Святославлю [25]); а кленутъ Игоря, потерявшаго силу во днѣ Каялы рѣки половецкія и погрузившаго тамъ злато русское. Тогда Игорь сѣлъ изъ сѣдла злата въ сѣдло Кащеево [26]). Уныли забрала во градахъ и веселіе престало. Святославъ [27]) смутенъ сонъ видѣлъ. Въ сію ночь, сказалъ онъ боярамъ, на кіевскихъ горахъ одѣвали вы меня съ вечера черным одѣяломъ на тесовой кроватѣ; подносили мнѣ синее вино, съ трутомъ смѣшанное; сыпали на лоно мое изъ пустыхъ тулъ крупной жемчугъ изъ поганыхъ раковинъ и тѣмъ меня нѣжили. Уже дски безъ кнѣса (столы не убраны) въ моемъ теремѣ златоверхомъ. Всю ночь съ вечера до свѣта вороны граяли. Они, утоптавъ плоскость дерби Кисанской, не отлетѣли къ синему морю. Отвѣтствовали князю бояре: уже господине печаль умъ сразила. Се бо два сокола съ златаго отеческаго престола слетѣли поискать града Тмутораканя [28]), или испить шеломомъ Дону. Уже соколамъ обрублены крылья непріятельскими саблями, а сами заключены въ желѣзныя оковы. Тьма наступила въ третій день: два солнца померкли, два багряные столпа погасли, и съ ними молодые мѣсяцы Олегъ и Святославъ мракомъ покрылись. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ во тму премѣнился: по русской землѣ разсѣялись половцы, аки изъ гнѣзда Пардова [29]).

---

[24]) Кобякъ, князь половецкій, съ которымъ у великаго князя Святослава III была въ 1184 году война, недалеко отъ р. Орла. Татищева Ист. кн. III, стр. 256.

[25]) По совершенномъ разбитіи великимъ княземъ Святославомъ войскъ половецкихъ взятъ въ плѣнъ самъ князь Кобякъ съ двумя сыновьями, съ зятемъ, съ племянниками, съ братомъ, и съ многими другими князьями до 7000 войска.

[26]) О Кощеѣ упоминаетъ Татищевъ Исторіи своей въ кн. III, на стр. 159, что когда князь великій Мстиславъ II пошелъ въ 1168 войною на половцовъ, оный Кощей, ушедъ къ половцамъ, подалъ имъ предварительную о томъ вѣсть.

[27]) Святославъ Всеволодовичь, князь кіевскій.

[28]) Княженіе тмутораканское оставалось въ полной власти Россіи до тѣхъ поръ, пока существовало въ ней единоначаліе: но по раздѣленіи на удѣлы междоусобія князей и неповиновеніе ихъ къ великому князю подали причину къ нашествію иноплеменныхъ, и по мѣрѣ усиленія ихъ, власть князей въ Тмутораканѣ начала оскудѣвать такъ, что подъ лѣтомъ 1127 въ послѣдній уже разъ лѣтописи о семъ княженіи упоминаютъ.

[29]) Парды или пардусъ по латинѣ леопардъ. Татищевъ Исторіи своей въ томѣ III, на стр. 120 пишетъ, что Святославъ Ольговичь подарилъ великому

Они погрузили русскихъ въ море и великую хану подали отвагу. Уже превозмогла хула хвалу; возстало насиліе на вольность; уже повергся дивъ на землю. Се бо готскія красныя дѣвы [30]) воспѣли на брегахъ синяго моря, звоня русскимъ золотомъ. Поютъ времена Бусовы, прославляютъ мщеніе Шаруканово [31]), а мы, братіе, лишены уже веселія. Тогда великій Святославъ произнесъ златое слово, смѣшанное съ слезами, и рекъ: о мои дѣти, Игорю и Всеволоде! рано вы начали воевать землю половецкую и себѣ искать славы. Не похвально ваше сраженіе, ибо несправедливо кровь половецкую пролили. Ваши жестокія сердца изъ крѣпкаго харалуза скованы и въ буйствѣ закалены. Се ли сотвористе моей серебряной сѣдинѣ. Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго и милаго моего брата Ярослава [32]) съ черниговскими боярами, съ богатырями, и съ татранами, и съ шелбирами, и съ топчанами, и съ ревугами, и съ олберами. Ибо они безъ щитовъ съ кинжалами крикомъ полки побѣждаютъ, гремя прадѣднею славою. Онѣ не говорятъ, что мы сами прежде одержимъ надъ непріятелемъ славу, а потомъ оную раздѣлимъ съ другими. А вотъ дивно братіе, ежели старикъ по молодѣетъ, когда сокола на охотѣ спускаютъ, онъ высоко птицъ загоняетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду, но то бѣда, что сія моя отвага князьямъ не пособитъ. Пришла на насъ несчастная година. Се Уримъ [33]) кричитъ подъ саблями половецкими, а Владиміръ израненъ. Скорбь и печаль сыну Глѣбову [34]). Великій княже

князю Ростиславу пардуса. Таковый же подарокъ сдѣлалъ и князь Юрій Владиміровичь князю Ольгу Святославичу при отправленіи брака сына своего Андрея. Изъ чего примѣчательно, что кожи сихъ звѣрей почитались въ древности дорогими.

30) По смыслу рѣчи должно разумѣть здѣсь дѣвъ половецкихъ, но почему называются онѣ готскія, сего утвердительно сказать не можно.

31) Шаруканъ городъ половецкій былъ близь рѣки Донца; онъ въ 1111 г. сдался безъ сопротивленія войскамъ великаго князя Святополка. Татищ. Ист. кн. II, стр. 207.

32) Ярославъ Всеволодовичь князь черниговскій.

33) Кого подъ именемъ Урима сочинитель здѣсь разумѣетъ, неизвѣстно.

34) Кого разумѣетъ сочинитель Глѣбовымъ сыномъ и котораго именно Глѣба, точно сказать нельзя, ибо по таблицамъ родословнымъ въ XII столѣтіи упоминаются четыре Глѣба: 1) сынъ князя великаго Владиміра Всеволодовича Мономаха отъ 1119 по 1135 въ Переяславлѣ на Днѣпрѣ; отъ 1135 по 1156 въ Переяславлѣ на Клешкинѣ озерѣ; 2) сынъ Ярослава Святославича отъ 1143 по 1178 въ Рязани; 3) сынъ Ростислава Изъяславича отъ 1158 по 1173 въ Минскѣ; 4) сынъ Юрія Владиміровича Долгорукаго отъ 1156 по 1170 г. въ Переяславлѣ. Сыновья у Глѣбовъ были: Владиміръ у Глѣба Юрьевича, княжившій отъ 1171 по 1187 въ Переяславлѣ. Ростиславъ у Глѣба Всеславича, княжившій отъ 1158 въ Полоцкѣ. Романъ у Глѣба Ростиславича, княжившій отъ 1167 въ Тмутораканѣ и Рязанѣ.

Всеволоде [35])! ни мыслію тебѣ не перелетѣть издалека, чтобъ сохранить отеческій златый престолъ. Ты можешь Волгу веслами разбросать, а Донъ шлемами вылить. Когда бы ты былъ, была бы чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты можешь по суку шереширы стрѣляти пособіемъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ. Вы отважные Руричи и Давиде [36])! не ваши ли златые шлемы въ крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкаетъ, яко тигры изранены саблями булатными на полѣ незнаемомъ? Вступите, господіе, въ златъ стремень за обиду сего времени, за землю русскую за раны Игоря буяго Святославича. Галицкій Гостомысле Ярославе [37]), высоко сѣдяй на своемъ златокованномъ престолѣ! Ты заперъ горы своими угорскими желѣзными полками, ты воспятилъ королю путь, затворилъ врата Дунаю, бросая времена чрезъ облаки, простирая власть свою до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отеческаго златаго престола султановъ въ чужихъ земляхъ. Стрѣляй, господине, Кончака и поганаго Кощея за землю русскую, за раны Игоря, отважнаго Святославича. А вы отважные Романе и Мстиславе [38])! храбрая ваша мысль возводитъ васъ къ подвигамъ великимъ.

---

[35]) По родословнику изчисляется Всеволодовъ 13-ть. Но изъ нихъ, судя потому времени какъ сіе сраженіе происходило, нельзя разумѣть какъ Всеволода Ольговича, который былъ сынъ князя Ольга Святославича тмутараканскаго. Онъ княжилъ отъ 1114 по 1125 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ отъ 1127 по 1139 въ Черниговѣ, отъ 1139 по 1146 въ Кіевѣ.

[36]) Въ родословникѣ упоминается о трехъ Рурикахъ и о семи Давидахъ; но изъ нихъ ближайшіе ко времени сего сраженія были дѣти князя великаго Ростислава I Мстиславича. Кн. Рурикъ отъ 1177 по « » въ Бѣлградѣ въ Бѣлградѣ и Триполѣ удѣлѣ Кіевскомъ. Князь Давидъ отъ 1161 по 1163; отъ 1165 по « » въ Витебскѣ; отъ 1180 по 1198 въ Смоленскѣ. А можетъ быть не разумѣетъ ли здѣсь сочинитель князя Давида сына князя Святослава Ярославича который отъ 1076 по 1120 г. княжилъ въ Новѣградѣ-Сѣверскомъ; отъ 1114 по 1120 въ Черниговѣ; отъ 1146 по 1147 въ Тмутараканѣ и Рязанѣ?

[37]) По родословнику современный сему сраженію въ княженіи Галицкомъ на Волынѣ былъ князь Ярославъ I сынъ князя Владиміра Володарича отъ 1153 по 1188 годъ.

[38]) Въ родословникѣ изчисляется 8-мъ Романовъ: но изъ нихъ ближайшіе къ сему сраженію были только два. Первый сынъ князя великаго Мстислава II Изъяславича отъ 1170 по 1172 въ Новѣгородѣ, отъ 1171 по 1189 и отъ 1189 по 1198 во Владимірѣ на Волыни. Вторый князь великій, сынъ князя великаго Ростислава I Мстиславовича отъ 1159 по 1173 въ Смоленскѣ; отъ 1176 по 1177 въ Кіевѣ. Сей князь въ 1173 ходилъ на Литву, гдѣ великое разореніе учинилъ, жилища ихъ пожегъ и множество народа плѣнилъ, которые не смѣя противу его биться, бѣгали, по лѣсамъ и болотамъ укрываяся. Онъ же возратясь отдалъ плѣнниковъ въ работы по селамъ, повелѣвъ на нихъ пахать. Отчего произошла въ Литвѣ пословица: злѣ Романе робишъ, что литвиномъ

высоко возлетаете на подвигъ съ отвагою, яко соколъ на вѣтрелъ ширяяся, хотя птицъ въ своемъ стремленіи одолѣти. Вы имѣете желѣзныя латы подъ шлемами латинскими. Отъ нихъ потряслась земля и многія страны Хинова, Литва, Ятвяги, Деремила; и половцы свои метальныя копья повергли, а главы подклонили подъ тѣ мечи булатные. Но уже княже Игорю скрылся солнечный свѣтъ, и древо не отъ добра листвіе сронило: по Росѣ и по Сулѣ грады подѣлены, а Игореву храброму полку не воскреснуть. Донъ тебя, княже, кличетъ, и созываетъ князи на побѣду. Ольговичи [39]) храбрые князи поспѣшили на брань. Ингварь и Всеволодъ [40]) и всѣ трое Мстиславичи [41]) не худаго гнѣзда шестокрилицы не побѣда-

---

орешь. Чрезъ Мстислава здѣсь разумѣется князь Мстиславъ Ростиславичь братъ меньшій великому князю Роману Ростиславичу, княжившій въ Вышеградѣ. О семъ князѣ въ лѣтописи подъ лѣтомъ 1174 упоминается, что когда по смерти великаго князя Владиміра Мстиславича, Рурикъ Ростиславичь принялъ кіевскій престолъ и князь Андрей Юрьевичь, сынъ Юрія Владиміровича, будучи весьма недоволенъ, что Кіевъ изъ племени Владимірова вышелъ и достался Ростиславичамъ, послалъ съ гордостію сказать Рурику, чтобъ онъ Кіевъ непремѣнно оставилъ, то Мстиславъ, не стерпя такого гордаго приказанія, велѣлъ послу Андрееву остричь голову и бороду и отослалъ его къ Андрею съ презрѣніемъ. И когда Андрей, за сіе крайне разгнѣвавшись, собралъ великое войско и, призвавъ въ союзъ многихъ князей, пошелъ къ Кіеву, то Мстиславъ затворился съ немногими силами въ Вышеградѣ. И хотя сей градъ, будучи окруженъ многочисленнымъ войскомъ, находился въ крайней опасности, но Мстиславъ, выступивъ изъ онаго, все войско противныхъ, въ коемъ находилось 20 князей, разбилъ и прогналъ.

39) Ольговичи суть отъ племени Ольга Святославича тмутороканскаго, правнука великому Владиміру. У сего князя Ольга было пять сыновъ: Всеволодъ, Святополкъ, Игорь, Святославъ и Глѣбъ курскій. Изъ коихъ Всеволодъ княжилъ отъ 1114 по 1127 въ Тмуторокане; отъ 1127 по 1139 въ Черниговѣ. Святополкъ отъ 1127 по 1156 въ Тмутораканѣ. Святославъ отъ 1127 по 1136 въ Рязанѣ; отъ 1132 по 1147 въ Курскѣ; въ 1127 (sic) въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ (Глѣбъ)? отъ 1127 по 1157 въ Полтескѣ; отъ 1157 по 1164 въ Черниговѣ; Игорь Ольговичь имѣлъ удѣлъ въ Путимлѣ. У Всеволода Ольговича были дѣти Святославъ и Ярославъ: Святославъ отъ 1157 по 1164 въ Новгородѣ-Сѣверскомъ; отъ 1164 по 1177 въ Черниговѣ; отъ 1177 по « » въ Кіевѣ. Ярославъ отъ 1164 по 1178 въ Карачевѣ. У Святослава Ольговича было три сына: Олегъ, Игорь и Всеволодъ. Изъ нихъ Олегъ княжилъ въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ отъ 1164 по 1180; Игорь отъ 1164 по 1180 въ Курскѣ; отъ 1180 по 1201 въ Новѣгородѣ-Сѣверскомъ; Всеволодъ отъ 1164 по « » въ Трубчевскѣ.

40) По родословнику упоминается только Ингварь сынъ Игоря Глѣбовича, правнукъ Ростислава Ярославича, который былъ родной братъ Ольгу Святославичу.

41) Мстиславичи здѣсь разумѣются князи, происшедшіе отъ племени Мстислава великаго сына Владиміра Мономаха. Мстиславъ, скончавшись въ 1132

ми счастливыми вы власть себѣ получили, но вашими златыми шлемами, и копьями, и щитами ляцкими. Заградите полю врата своими острыми стрѣлами за землю русскую, за раны Игоря отважнаго Святославича. Уже Сула не течетъ струями серебреными къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочанамъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ Изяславъ [42]), сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами о шлемы литовскіе; затмили славу дѣду своему Всеславу [43]), а самъ подъ червлеными щитами на кровавой травѣ посѣченъ мечами литовскими. Не было тутъ брата Брячисла, ни другаго Всеволода [44]); единъ же изрони жемчужну душу изъ храбраго тѣла чрезъ златое ожерелье. Уныли голоса; поникло веселіе; трубятъ трубы городенскія: Ярославе и вси внуки Всеславли [45])! Уже понизите свои знамена, вложите въ ножны поврежденные мечи свои: вы далеко отстали отъ славы вашего дѣда, ибо вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславлю. Какое было насиліе отъ земли половецкой? На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ метнулъ Всеславъ жребій о дѣвицѣ, которая ему была люба. Онъ, подпершись клюками о коней, скочилъ къ граду Кіеву, доткнулся стружіемъ до златаго престола кіевскаго: вскочилъ оттуда лю-

---

году оставилъ послѣ себя пять сыновъ: Всеволода на княженіи переяславскомъ, Изъяслава на княженіи полоцкомъ, Ростислава на смоленскомъ, Святополка въ Новѣгородѣ, а Владиміра, яко младенца, при матери. У Изъяслава Мстиславича былъ сынъ Мстиславъ, который за свою храбрость, по смерти Ростислава Мстиславича, общимъ князей совѣтомъ избранъ на кіевскій престолъ.

[42]) Изъяслава сына Василькова по родословнику не значитъ, а упоминается о девяти Изъяславахъ; изъ нихъ однако, чтобы одинъ кто съ Литвою воевалъ, сего лѣтописи не показываютъ.

[43]) По родословнику упоминаются три Всеслава: 1) сынъ князя Брячеслава Изъяславича отъ 1044 по 1069 въ Полоцкѣ; 2) сынъ князя Давида Всеславича витебскаго отъ 1152 по «   » также въ Полоцкѣ; 3) сынъ князя Василья Рогвольдовича отъ 1161 по 1167 въ Полоцкѣ, а съ 1167 въ Витебскѣ. Но который здѣсь разумѣется Всеславъ? и былъ ли у его внукъ Изъяславъ Васильковичъ? сего ни по родословнику, ни по лѣтописямъ не видно.

[44]) Родословникъ упоминаетъ о трехъ Брячиславахъ. Одинъ былъ сынъ Изъяслава Владиміровича; другой сынъ князя Василья Рогвольдовича. Но чтобъ они были братья Изъяславу Васильковичу, сего нигдѣ не видно.

[45]) По родословнику внуки у Всеслава были: 1) Рогвольдъ III сынъ князя Бориса Всеславича отъ 1128 по 1129 въ Полоцкѣ. 2) Володарь сынъ князя Глѣба Всеславича въ 1161 въ Полоцкѣ же. 3) Ростиславъ также сынъ Глѣба Всеславича отъ 1153 по «   » въ Минскѣ удѣлѣ полоцкомъ. 4) Брячиславъ сынъ князя Мстислава Всеславича. 5) Всеславъ сынъ князя Давида Всеславича отъ «   » по «   » въ Логожскѣ удѣлѣ полоцкомъ. Но о дѣлахъ сихъ князей лѣтописи ничего не пишутъ.

тымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлаграда, покрытъ синею мглою; поутру же вонзивъ стрикусы, отворилъ врата Новуграду; попралъ славу Ярослава; скочилъ, какъ волкъ до Немиги. Съ Дуду-токъ на Немигѣ; снопы стелютъ головами; молотятъ цѣпями харалужными; на тоцѣ животъ кладутъ; вѣютъ душу отъ тѣла. Немиги брега кровавые не добромъ были посѣяны, посѣяны костьми русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людямъ судилъ, князьямъ грады раздавалъ, а самъ ночью, какъ волкъ рыскалъ. Изъ Кіева добѣгалъ до Курска и Тмутораканя: къ великому Херсоню путь по волчью пересѣкалъ. Для его во Полотскѣ позвонили рано въ колокола утрени, а онъ во Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣща была душа въ добромъ тѣлѣ, но онъ часто бѣды терпѣлъ. Тому вѣщій Боянъ и справедливо разумную припѣвку сдѣлалъ: ни хитрому, ни умному, ни птицѣ умной суда Божія не миновать. Ахъ! стонать пришло русской землѣ поминая первую годину и первыхъ князей.

Того стараго Владиміра нельзя было привязать къ горамъ кіевскимъ.... Ярославнинъ гласъ слышится: она зегзицею незнаемою рано кличетъ: полечу, рече, зегзицею по Дунаю; омочу бебрянъ [46]) рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ; утру князю кровавыя его раны на мужественномъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ во Путивлѣ на забралѣ [47]), говоря: О вѣтре, вѣтре! къ чему, господине, насильно вѣешь? къ чему мычешь на легкихъ своихъ крыльяхъ стрѣлковъ хиновскихъ на моихъ любезныхъ воеводъ. Мало ли тебѣ горъ подъ облаками, чтобъ вѣя носить корабли по синему морю? Къ чему, господине, развѣялъ ты веселіе мое по ковылію [48])? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забралѣ, приговаривая: о Днѣпре, славный! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую. Ты носилъ на себѣ Святославли насады до полку Кобякова; принеси, господине, моего любезнаго ко мнѣ, чтобъ не слала я къ нему слезъ на море рано. Ярославна на морѣ плачетъ къ Путивлю, на забралѣ приговаривая: свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси: къ чему, господине, простерло еси горячіе свои лучи на милые вои? Къ чему въ полѣ безводномъ, при жаждѣ ихъ, устремляешь на нихъ свои лучи, творишь при горести неспособными тулы ихъ? Пошелъ въ полночь дождь съ моря; идутъ сморцы мглами. Игорю князю Богъ путь кажетъ изъ зем-

---

[46]) *Бебрянъ* думать надобно бобровый, ибо мѣхи сихъ звѣрей употреблялись въ древности на шубахъ.

[47]) *Забрало* рѣченіе древнее: означаетъ городовую стѣну; отъ сего происходитъ слово заборъ.

[48]) Ковыль трава, въ степныхъ мѣстахъ растущая, имѣющая на колосьяхъ остія, обсаженныя на подобіе перяной опушки.

ли половецкой на землю русскую къ отеческому злату престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь приготовленъ конь: Овлуръ [49]) свиснулъ за рѣкою: велитъ князю разумѣть. Кликнулъ князю Игорю не быть. Стукнула земля, зашумѣла трава. Заставы половецкія подвиглись, а Игорь князь скочилъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду: бросился на борзаго коня и, скочивъ съ него, какъ волкъ, побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ, какъ соколъ, избивая подъ облаками гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ. Игорь соколомъ полетѣлъ, а Овлуръ волкомъ побѣжалъ, тряся своимъ бѣгомъ студеную Росу. Замучили своихъ борзыхъ коней. Донецъ къ князю рече: княже Игорю! довольно тебѣ славы, Кончаку неудовольствія, а русской земли веселія. Игорь къ Донцу вѣщаетъ: о Донче! не мало тебѣ славы, когда лелѣялъ ты князя на волнахъ, постилая ему зеленую траву на своихъ сребреныхъ берегахъ, одѣвая его теплыми мглами подъ сѣнію зеленаго древа, имѣя его, какъ гоголя, на водѣ, какъ чаекъ на струяхъ, какъ чернядей на вѣтрѣхъ. Не такова рѣка Стугна: она, имѣя худое теченіе, пожираетъ чужія воды и разбиваетъ струги на кустахъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темные берега [50]). Плачетъ мать Ростиславля по юношѣ князѣ Ростиславѣ [51]). Увяли цвѣты отъ жалости и древа отъ печали къ земли преклонились. Не стрекочутъ сороки. По слѣдамъ Игоревымъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Вороны тогда не граяли, галки замолкли, сороки не стрекотали, а только ползали по вѣтвямъ. Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ. Соловьи веселымъ пѣніемъ наступающій свѣтъ предвѣщаютъ. Сказалъ Гзакъ Кончаку: когда соколъ къ гнѣзду полетѣлъ, то разстрѣляемъ его соколицу своими злачеными стрѣлами. Отвѣтствовалъ Кончакъ Гзаку: когда соколъ къ гнѣзду полетѣлъ,

---

[49]) У Татищева въ лѣтописи именуется Лаверъ чиновникъ половецкій, котораго мать была русская изъ области Игоревой. Сей Лаверъ сдѣлалъ Игорю предложеніе, что если хочетъ въ домъ свой благополучно возвратиться, то онъ преподастъ ему къ тому способъ. Игорь прежде опасался ему ввѣриться, но послѣ отъ конюшаго своего и отъ тысяцкаго извѣстясь, что Лаверъ есть человѣкъ надежный, согласился на его предложеніе. И такъ въ назначенный день Игорь приставленную къ ему стражу напоивъ до пьяна, когда оная погружена была сномъ и кони за рѣкою Донцомъ отъ Лавра были пріуготовлены, онъ, прошедъ тихо половецкія заставы и переплывъ за рѣку, уѣхалъ.

[50]) Ростиславъ Всеволодовичь былъ братъ князя Владиміра Всеволодовича Мономаха. Онъ утонулъ въ 1033 году въ рѣкѣ Стугнѣ во время разбитія войскъ россійскихъ отъ половцовъ.

[51]) Мать Ростиславля, вдовствующая княгиня князя кіевскаго Всеволода Ярославича.

то опутаемъ его красною дѣвицею. Напротивъ сего сказалъ Гзакъ Кончаку: когда опутаемъ его красною дѣвицею, то не достанется намъ ни сокола, ни красной дѣвицы, и станутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ... Худо быть головѣ безъ плечь: худо быть тѣлу безъ головы, а земли русской безъ Игоря [52]). Возсіяло на небеси солнце: Игорь князь во землѣ русской. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ: раздаются голоса ихъ чрезъ море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву [53]) ко святѣй Богородицѣ пирогощей [54]). Страны обрадованы, грады веселы, поя пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Слава Игорю Святославичу, буй туръ Всеволоду и Владиміру Игоревичу. Будьте здравы князи и дружина, поборая за христіаны на поганые полки! слава князьямъ и дружинѣ, аминь.

III.

О соборѣ въ Переяславлѣ 1313 г.

О соборѣ, бывшемъ въ 1313 г. въ Переяславлѣ, о которомъ г. Татищевъ Исторіи россійской въ книгѣ четвертой на 93 стр. упоминаетъ,

---

[52]) Игорь разумѣется здѣсь тотъ самый князь новгородско-сѣверскій, о которомъ сочинена сія пѣснь; онъ поелику весьма былъ храбръ, то половцы требовали за его выкупу 2000 гривенъ серебра, т. е. вдвое противъ прочихъ князей.

[53]) Боричевъ урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ, которое не индѣ быть, по описанію лѣтописей, является, какъ на горѣ къ Подолу, на самомъ томъ мѣстѣ, или близь онаго, гдѣ нынѣ церковь ап. Андрея первозваннаго находится. Сіе мѣсто въ первобытности было внѣ града и тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перуна, яко на мѣстѣ возвышеннѣйшемъ и красивѣйшемъ прочіихъ; а притомъ что и площадь между кумира и города довольная была для умѣщенія народа, стекающагося на торжественныя жертвоприношенія. На сей же площади былъ дворецъ великокняжескій, называемый теремнымъ, въ которомъ Ярополкъ убитъ отъ брата своего Владиміра. На самомъ томъ холмѣ, гдѣ стоялъ перуновъ кумиръ поставлена, по крещеніи Владиміровомъ, церковь св. Василія. Подъ самою сею горою имѣлъ прежде Днѣпръ теченіе; но по времени занесло пескомъ и сдѣлалось довольнаго пространства площадь, на которой нынѣ находится предмѣстье, названное Подолъ, попричинѣ низкаго ея положенія. Что мѣсто, гдѣ нынѣ Подолъ, было покрыто водою, и что Боричевъ подлинно надъ нимъ обрѣтался, свидѣтельствуютъ то нижеписанныя слова изъ Нестора: «древляне, прибывъ къ Кіеву, пристали подъ Боричевымъ; тогда бо Днѣпръ теченіе имѣлъ подлѣ горы кіевскія, а на Подоліи не было жилища, но на горѣ. Кн. II, стр. 36.

[54]) Богородица Пирогощая есть образъ владимірской Богоматери, писанный Лукою евангелистомъ, который изъ Царяграда принесенъ въ Кіевъ купцомъ Пирогощею. Князь Андрей Юрьевичь Боголюбской въ 1160 г., взявъ сію святую икону отъ отца своего кн. Юрья Владиміровича, принесъ въ новопостроенный градъ Владиміръ.

въ Кормчей книгѣ никакого извѣстія нѣтъ. Да и быть не можетъ, потому что въ ней изображены постановленія и правила одних греческихъ вселенскихъ и нѣкоторыхъ помѣстныхъ соборовъ. Въ началѣ же оной приложено одно историческое извѣстіе о установленіи въ Россіи патріаршаго престола при Ѳедорѣ Іоанновичѣ.

А въ житіи святителя Петра митрополита, изображенномъ Четій Минеей московскаго изданія во 2-й части декабря 21 дня и въ лѣтописи по Никонову списку въ 3-й книгѣ на стр. 132 и слѣдующихъ, согласно съ Минеею Четьею, показано: что по случаю оклеветанія и доноса отъ Андрея епископа тверскаго на святителя митрополита Петра патріарху цареградскому Аѳанасію собрался соборъ въ Переяславлѣ, на которомъ находилися и посланный клирикъ, со стороны Константинопольскаго патріарха, также Симеонъ епископъ ростовскій, Прохоръ игуменъ печерскій и множество князей, вельможъ, священниковъ и черноризцовъ.

На семъ соборѣ разсматриваемы были доносы на святителя Петра отъ епископа тверскаго Андрея, который лично въ оный былъ призванъ. И какъ всѣ оные найдены ложными и клеветническими, то святитель оправданъ, а клеветникъ посрамленъ. Въ заключеніи же дѣянія сего собора во Четьихъ Минеяхъ упоминается такъ: «въ то же время явился нѣкій еретикъ Сеитъ не покоряющся ученію святаго, того проклятію святитель Божій предаде и погибе злѣ злонравный».

А въ лѣтописи по Никонову списку тако: «въ то же время Исеинъ (и Сеитъ) еретикъ явися тужъ дая (чуждая) церкви Христовой и православной вѣрѣ мудрствуя, его же святый припрѣ и непокоряющся того проклятію предаде иже и изгибѣ».

Примѣчается, что г. Татищевъ учинилъ погрѣшность, приписавъ причину собора проявившемуся тогда еретику, который вѣрятно въ Четьихъ Минеяхъ и Никоновой лѣтописи называется Сеитомъ. Для сего не было нужды вызывать изъ Греціи посланника отъ патріарха. Петръ митрополитъ собственною своею властью безъ собора, или по крайней мѣрѣ соборно съ россійскимъ духовенствомъ могъ и изобличить еретика и предать проклятію.

Но истинная причина сего собора была возникшая важная ссора между Петромъ митрополитомъ и Андреемъ епископомъ тверскимъ, который злорѣчіями и оклеветаніями, взнесенными на святителя, поколебалъ тишину церкви россійской и привелъ въ возсмятеніе совѣсти, чрезъ то, по силѣ древнихъ святыхъ отецъ правилъ, и могъ и долженъ былъ патріархъ для оправданія одного, а другаго для осужденія созвать соборъ, дабы чрезъ то усмирить россійскую церковь.

И сіе видно и изъ того, что не Петръ митрополитъ и не вообще рос-

сійское духовенство созвали соборъ, но цареградскій патріархъ, не въ Москвѣ или Владимірѣ, но въ Переяславлѣ, яко ближайшемъ мѣстѣ къ Царюграду. Да и на соборѣ находился съ его стороны клирикъ, яко повѣренная особа, который безъ сомнѣнія занималъ на соборѣ первое мѣсто по силѣ древнихъ церковныхъ правилъ, и который о всемъ на немъ происходившемъ обстоятельное донесеніе учинить долженъ былъ патріарху.

IV.

О причинахъ собора въ Переяславлѣ.

Примѣчаніе, которое соизволили Ваше Императорское Величество сдѣлать о Переславлѣ, есть всесовершенно справедливо. Бывшія въ тогдашнее время безпокойства въ Малой Россіи, ради которыхъ митрополитъ Максимъ, оставивъ городъ Кіевъ, переселился во Владиміръ на Клязьмѣ, есть такое доказательство, которое ни малѣйшему не подлежитъ сомнѣнію. Ибо хотя Кіевъ взятъ Литовцами и семь лѣтъ спустя послѣ бывшаго собора, а именно въ 1320 году, но нельзя думать, чтобъ въ немъ или въ Переяславлѣ было тогда уже спокойно. Положить же соборъ сей въ Переяславлѣ на Днѣпрѣ подалъ мнѣ мысль присланный отъ патріарха клирикъ, яко довѣренная особа, который по правиламъ церковнымъ, занимая въ лицѣ патріарха первое на соборѣ мѣсто, могъ на оный созвать въ Переяславль, яко въ городъ къ Царюграду ближайшій, въ каковой ошибкѣ моей я испрашиваю всенижайше милостиваго прощенія.

Касательно же до изъясненной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ причины, отчего между Петромъ митрополитомъ и епископомъ Андреемъ произошла ссора и что сей епископъ былъ отъ роду князей литовскихъ, то признаюсь со благоговѣніемъ, сіи обстоятельства мнѣ совершенно были неизвѣстны, почему за вразумлѣніе меня оными пріемлю смѣлость принесть вѣрноподданническую благодарность.

О причинѣ же собора сего въ Никоновской лѣтописи на стр. 133 и 134 обстоятельно описано и точно сказано, что по прибытіи присланнаго отъ патріарха клирика, собранъ соборъ, на коемъ онъ и объявилъ предъ всѣми патріаршее писаніе къ митрополиту Петру по оклеветаніямъ тверскаго епископа. Объ еритикѣ же сказано только то, что онъ въ то же время явился и за непокорствіе свое преданъ святителемъ проклятію.

V.

О вспомогательномъ новгородскомъ войскѣ, пришедшемъ къ Дмитрію Донскому противъ Мамая.

Быша на Москвѣ гости новгородскіе съ торгомъ, именемъ Николай, Иванъ Васильевъ Усатый, Дмитрій Клюсковъ и иные многіе гости, слы-

шавше яко пріидоша вѣстницы изъ поля къ великому князю Дмитрію Іоанновичу, яко поганый царь Мамай идетъ плѣнити Русскую землю съ великою силою, да и се услышано бысть великому князю, Ольгердъ Литовскій и Ольгъ Рязанскій совокупишась съ Мамаемъ. Князь же великій бысть въ печали велицѣй, и вся земля московская смятеся о напрасномъ нахожденіи безбожнаго царя. Князь же великій отложи печаль, повелѣ воинству своему сбиратися вскорѣ, хотя изыти въ стрѣтеніе безбожному и пострадати за вѣру христіанскую. Прежде же реченные купцы, слышавше сіе на Москвѣ, возвратишася скоро въ Новградъ, и пришедше возвѣстиша посадникомъ своимъ вся. Слышавше же новгородцы о великомъ князѣ Дмитріѣ, прискорбни быша зѣло; притекше скоро ко архіепископу Евфимію, падше предъ нимъ и рече: вѣси ли, господине отче, каково случися великому князю Дмитрію Іоанновичу московскому и всему православному христіанству, яко царь Мамай идетъ плѣнити землю ихъ и вѣру нашу осквернити и церкви Божія разорити, а безумный Ольгердъ Литовскій и Ольгъ Рязанскій совокупишася съ Мамаемъ гонити вѣру Христову. Мы жъ, господине, слышахомъ, яко князь великій силою Божіею и своимъ высокимъ смиреніемъ ополчися противу ихъ, хощетъ за вѣру Христову умрети. Слышавъ же сіе Евфимій архіепископъ новгородскій, яко идетъ Мамай на христіаны, возмутися сердцемъ и пойде въ церковь, паде на лицѣ своемъ предъ образомъ пречистыя Богородицы и плачася горько, рече: всемірная царица, владычице чудная, Богородице милостивая и премилостивая владычице, чистая дѣва, нескверная мати Христа Бога нашего! умоли его, да смиритъ льва сего свирѣпаго поганаго Мамая, хотящаго осквернити пресвятое и великолѣпное имя твое и святые храмы разорити, и родъ христіанскій искоренити, пособи Господи великому князю Дмитрію надъ поганымъ Мамаемъ и возвыси Господи десницу христіанскую. Воставъ отъ молитвы, рече къ посадникомъ: коея ради вины пріидосте ко мнѣ? Они же рекоша ему: господине отче святый пріидохомъ къ тебѣ, аще благословиши насъ побѣдный вѣнецъ пріяти съ вѣрными русскими людьми Московскія земли, и хотимъ, господине, пострадати во единомъ мѣстѣ Христова ради имени. Архіепископъ же слышавъ отъ нихъ такія рѣчи прослезился и рече: благословенъ Богъ, иже таковая давшему въ сердца ваша, идите жъ и велите сбиратися народу, которую рѣчь принесетъ народъ, хотятъ ли совокупится противъ поганыхъ или ни?

Посадницы жъ новгородскіе на степени вшедше, повелѣша въ вѣстный колоколъ звонити и по всѣмъ улицамъ на конѣхъ ѣздити и кликати яко земная (sic) дума думати. И снидеся народъ многъ зѣло къ вѣсному звону. Посадницы жъ возвѣстиша святителю, что снидеся народъ многъ,

яко да умолчатъ отъ молвы. Архіепископъ же новгородскій Евфимій ста на степени высоцѣ и рече велегласно: мужіе великаго Новаграда отъ мала и до велика, слышите каково гоненіе приспѣ на вѣру Христову, яко поганый Мамай идетъ на Русскую землю на великаго князя Дмитрія московскаго и хощетъ вѣру христіанскую потребити и святыя церкви осквернити и родъ христіанскій до конца искоренити и сами, яко еще отъ безбожнаго Батыя въ разореніе страху сущу во земли нашей; великій же князь Дмитрій помощію Господа Бога и молитвами пресвятыя Богородицы вооружився противу поганыхъ и хощетъ желанное по христовѣ вѣрѣ пострадати. Молю же васъ, сыновъ своихъ, подвигнетеся и вы вѣры ради Христовы и да получите вѣчную жизнь. Слышавше же сіе новгородцы и возопиша вси единогласно: святый, честный отче нашъ, ты еси учитель нашъ, ты еси глава всѣмъ намъ, ты пастырь словеснымъ овцамъ, ты насъ благослови, яко готови есмы днесь кончати животъ свой вѣры ради Христовы и главы своя положити по Христѣ, а не мочно намъ, господине отче, отстати великаго князя Дмитрія Іоанновича Московскаго. Аще ли, господине, князь великій Дмитрій Іоанновичь спасенъ будетъ, дай же намъ, господине, собратись, твоимъ благословеніемъ вси пойдемъ на путь спасенія.

Епископъ же отъ нихъ пойде къ себѣ въ хоромы, мужіе жъ новгородстіи начаша выбирати отъ вельможъ своихъ воеводъ крѣпкихъ и мудрыхъ зѣло: 1-го Ивана Васильевича посадника, 2-го Ивана Васильевича Лутоху, 3-го Ѳому Михайловича Краснаго, 4-го Дмитрія Даниловича Заверожскаго, 5-го Михаила пана (sic) Львовича, 6-го Юрья Захарьевича Хромаго и съ ними отрядили избраннаго войска 40.000, и заповѣда имъ, яко заутро услышите колоколъ вѣстный, то вси готови будете на дворищѣ святаго Николы. Архіепископъ же Евфимій, заутро воставъ, повелѣ на заутрени воду святить со многихъ святыхъ мощей. И бысть первый часъ дни повелѣ въ вѣстный колоколъ звонити и снидеся множество. Архіепископъ же повелѣ многимъ попомъ и діякономъ кропити святою водою все воинство, самъ же архіепископъ возшедъ на высоко мѣсто, имѣя въ деснѣй своей руцѣ крестъ животворящій и возгласи веліимъ гласомъ: послушайте мене, чада, и приклоните уши сердецъ вашихъ: нынѣ, чада, хощете идти на путь спасенія и не утолите, чада, лица своего ни единъ отъ васъ отъ поганыхъ и не дайте плечь своихъ предъ ними въ бѣгъ, но вси единою смертію вкупѣ умрете, да животъ вѣчный постигнетъ васъ отъ Христа Бога. И рече ему все воинство едиными усты: о честный отче! единъ есть Богъ свидѣтель, яко должны есмы умрети за вѣру православную. Архіепископъ же, оградивъ ихъ крестомъ и отпусти и рече: грядите и не умедлите, да не останетеся жизни вѣчныя. Они же всѣдши

на кони своя и наполнишася духа ратнаго и начаша ѣздити, яко златопарніи орли по воздуху паряще, ищуще восточныя свѣтлости. И вси скоро идуще глаголюще, дай Господи намъ вскорѣ видѣти любезнаго великаго князя Дмитрія Іоанновича. И яко приближитись имъ близь Москвы и возвѣстиша имъ иніи, яко на Коломну пошелъ. Они жъ отпустиша вѣстницы впредь себя къ великому князю Дмитрію Іоанновичу возвѣстити свой приходъ, а сами скоро за ними пойде къ Коломнѣ. Бысть же тогда день воскресеніе Христово, а князь великій тогда къ заутрени пріидоша и возвѣстиша великому князю, яко пріиде новгородстіи вѣстницы, а сказываютъ идутъ шесть воеводъ новгородскихъ, а съ ними избраннаго воинства 40000. Князь же великій повелѣ вѣстники предъ себя поставити, яко хощетъ отъ нихъ вѣдати истину и поставиша предъ нимъ. Они жъ сказаша ему все по ряду. Князь же великій вопроси ихъ, коль далече отсюду? Они жъ рекоша ему: пять поприщь. Онъ же слыша отъ нихъ прослезился и рече: Боже хвальный, Боже милостивый, Боже чудный, хвалю тя Господи, яко не отъ чаемыхъ даеши намъ помощь и радъ бысть вельми и посла много витязей въ срѣтеніе имъ. Они жъ пришедше сташа близь града Коломны, чудно жъ бяше воинство ихъ, паче мѣры уряженно, каменіемъ драгимъ и жемчугомъ порты жъ ихъ, и доспѣхи и сѣдла. Великій же князь повелѣ воеводамъ ихъ и витяземъ большимъ предъ себя быти. Они жъ пришедше поклонишась ему. Князь же великій пріимъ ихъ любезно и зва ихъ къ себѣ хлѣба ясти и сотвори великъ пиръ честенъ и радостенъ. И по семъ посла вѣстника къ преосвященному митрополиту Кипреяну и къ великой княгинѣ Евдокѣѣ. Они жъ, слышавше радостію, прославиша Бога.

VI.

О мѣстѣ погребенія иноковъ Пересвѣта и Ослабя.

Въ рукописной книгѣ, называемой Описаніе въ Москвѣ церквей, упоминается: «за Симоновымъ монастыремъ въ слободѣ Рождества Пресвятыя Богородицы, при которой придѣлъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго чудотворца, подъ колокольнею въ палаткѣ почиваютъ два монаха, которые отъ Сергія чудотворца посланы были съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ противъ Мамая *Пресвѣтъ* да *Ослабя* въ лѣто отъ сотворенія міра 6888-е, а отъ Рождества Христова 1380».

Для лучшаго удостовѣренія о семъ, писалъ я къ викарному московскому епископу Серапіону, прося его, чтобъ онъ приказалъ знающему человѣку обстоятельно о семъ справиться, и мѣсто то осмотрѣть, нѣтъ ли тутъ какой надписи, или особаго какого преданія? И получилъ отъ

него въ отвѣтъ слѣдующее: «во исполненіе требованія вашего достовѣрнѣйшая о семъ справка и со всякимъ прилежаніемъ на самомъ мѣстѣ осмотръ чинены; но не только какой нибудь надписи, или какихъ словъ, но ниже поминаемой подъ колокольнею полатки нынѣ на мѣстѣ томъ уже нѣтъ, ибо лѣтъ тому назадъ десять колокольня при помянутой церкви, по разобраніи старой, вновь сдѣлана. Но старожилы и прихожане, яко еще самовидцы сего, показываютъ, что надъ старою колокольнею полатка и въ ней два гроба и на нихъ камни были точно; но въ 1785 г. при помянутой церкви подъ строющуюся новую трапезу употреблены. Преданіе же о семъ и до днесь есть, какъ тѣ жъ старожильцы и церковники утверждаютъ, таковое: что тутъ погребены два монаха, посланные отъ преподобнаго Сергія чудотворца противъ Мамая, и какъ прежде многіе, такъ еще и нынѣ нѣкоторые по нихъ панихиды поютъ, поминая тако: преподобныхъ храбрыхъ воиновъ, на брани убіенныхъ Александра и Андріана, а иные де называютъ ихъ *Пересвѣтомъ* и *Ослябя.*

Г. ГЕДЕОНОВЪ И ЕГО СИСТЕМА

о

ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАРЯГОВЪ И РУСИ.

М. ПОГОДИНА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIму ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1864.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

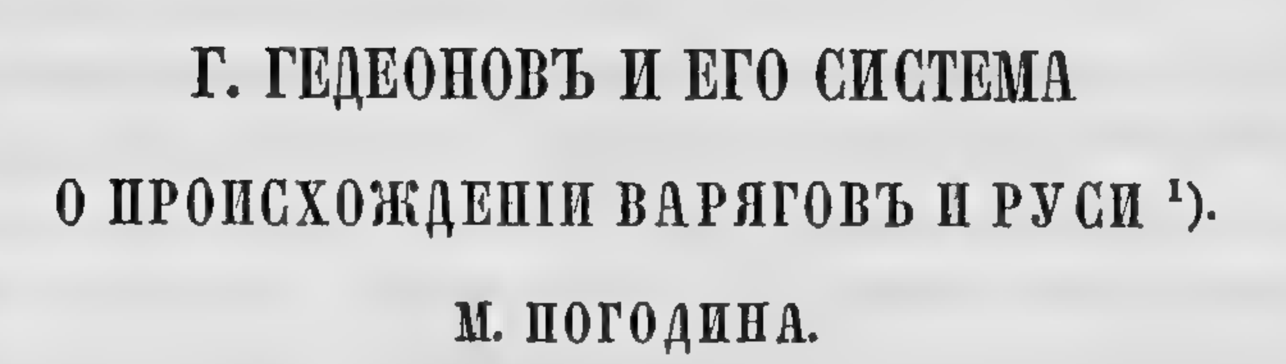
А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
И. Базунова, въ Москвѣ.
Энфіанджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цѣна 40 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 28 ноября 1864 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.



Г. ГЕДЕОНОВЪ И ЕГО СИСТЕМА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВАРЯГОВЪ И РУСИ [1].

М. ПОГОДИНА.

Должно сознаться, что норманская система, со временъ Эверса, не имѣла такого сильнаго и опаснаго противника, какъ г. Гедеоновъ. Самъ Эверсъ, ловкій, остроумный, послѣдовательный, долженъ уступить ему не только соотвѣтственно времени и количеству матеріаловъ, но и вообще въ обширности ученаго горизонта.

Изслѣдованія г. Гедеонова служатъ не только достойнымъ дополненіемъ, но и отличнымъ украшеніемъ нашей историко-критической богатой литературы по вопросу о происхожденіи Варяговъ и Руси. Онъ осмотрѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, переслушалъ всѣхъ свидѣтелей, сравнилъ и провѣрилъ всѣ показанія, много думалъ о своихъ заключеніяхъ. Пріятно слѣдить за его экскурсіями, подмѣчать его уклоненія, ловить съ поличнымъ, припирать къ стѣнѣ; пріятно даже уступать ему, потому что онъ дѣйствительно ослабляетъ силу нѣкоторыхъ нашихъ доказательствъ, исправляетъ нѣсколько данныхъ, указываетъ пропуски, представляетъ дѣльныя замѣчанія и дополненія.

Мы искали и указывали на норманство между нашими Славянами; г. Гедеоновъ находитъ славянство въ Норманнахъ. Читая внимательно его изслѣдованія, не соглашаясь со многими утвержденіями, чувствуешь однакожь невольно присутствіе славянскаго

---

[1]) См. Прилож. къ I тому Записокъ Академіи. № 3 (1862), къ II тому Зап. № 3 (1862) и къ III тому (1863).

участія, короткое знакомство и тѣсную связь между племенами Славянскими и Готскими, по близкому ихъ сосѣдству между собою.

Въ 1859 году въ «Русской Бесѣдѣ» приводя замѣчанія копенгагенскаго профессора Ширна о двойственномъ населеніи Даніи, я вспомнилъ о мѣстѣ изъ Гельмольда и привелъ старое мое къ нему примѣчаніе:

«Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, *какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ*».

«Чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, сказалъ я еще въ 1846 году, чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря, заключается ключъ въ тайнѣ происхожденія Варяговъ и Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне и Норманны, и Вагры и Датчане, и Варяги и Ріустри, и Росенгау. Еслибъ, кажется, одно слово сорвалось еще съ языка у Гельмольда, то все-бъ намъ стало ясно, но вѣроятно этого слова онъ не зналъ».

Вотъ это слово, если не нашелъ, то, кажется, съ успѣхомъ ищетъ г. Гедеоновъ, и ловитъ нѣкоторые звуки. Найди онъ это слово, и послѣдуетъ всеобщее примиреніе живыхъ и мертвыхъ, покойныхъ и не покойныхъ изслѣдователей происхожденія Руси, норманнистовъ и славистовъ.

А пока я стою еще твердо на своемъ: уступаю г. Гедеонову кое-что изъ прежнихъ норманнскихъ доказательствъ, беру кое-что даже у него въ подтвержденіе своего мнѣнія, и заключаю: Варяги-Русь было норманнское племя, смѣшанное, или коротко знакомое въ IX вѣкѣ съ Славянами, какъ Нѣмцы съ Французами въ Лотарингіи и Альзасѣ.

Педагоги утверждаютъ, что изученіе древнихъ классическихъ языковъ содѣйствуетъ своею гимнастикою развитію умственныхъ способностей, и полагаетъ основаніе настоящаго прочнаго образованія. Точно также смѣло утверждать могу, что изученіе литературы вопроса о происхожденіи Руси можетъ у насъ всего лучше содѣйствовать развитію критической способности, и положить основаніе для успѣшной разработки историческихъ вопросовъ. Напомню совѣтъ старшаго Шлегеля, въ предисловіи къ его курсу Новой

Исторіи, что вообще всестороннее подробное изученіе какого бы то ни было частнаго вопроса приноситъ величайшую пользу, и оказываетъ благодѣтельное вліяніе на всѣ послѣдующія занятія, даетъ мѣрку, указываетъ пріемы, пріучаетъ къ взыскательности, расширяетъ кругозоръ.

Съ этою цѣлію, рѣшаюсь я на подробное разсмотрѣніе книги г. Гедеонова, посвящая свою работу молодому поколѣнію, преимущественно въ университетахъ.

Я началъ было подстрочный разборъ и дошелъ до иностранныхъ свидѣтельствъ, кои хотѣлъ предоставить г. Кунику, какъ наиболѣе знакомому съ ними; но мнѣ показалось, что частныя, отрывочныя, отдѣльныя замѣчанія, въ такомъ порядкѣ, развлекутъ вниманіе читателя, произведутъ нѣкоторую сбивчивость въ понятіяхъ, и затруднятъ его сдѣлать общее обозрѣніе, такъ что изъ-за деревьевъ скроется лѣсъ. Я рѣшился выбрать изъ изслѣдованій г. Гедеонова главныя положенія, относительно нашихъ лѣтописей, и показать ихъ несостоятельность. Такимъ образомъ иностранныя свидѣтельства, освѣтясь сѣвернымъ сіяніемъ, получатъ другую точку зрѣнія, а не ту, съ какой показываетъ ихъ авторъ, и вообще читатели увидятъ яснѣе, полагалъ я, что новое мнѣніе имѣетъ много сторонъ, несравненно слабѣйшихъ, и подвержено нападеніямъ гораздо болѣе, чѣмъ старое. Нѣсколько разъ перемѣнялъ я и это расположеніе, а въ заключеніе рѣшился слѣдовать порядку автора, чтобъ нарушеніемъ его не подать ему повода къ нареканію, къ обвиненію въ намѣреніи ослабить силу его доказательствъ насильственнымъ или произвольнымъ ихъ размѣщеніемъ. Пусть авторъ приметъ мои колебанія новымъ знакомъ уваженія къ его труду, который разсмотрѣть желаю съ совершеннымъ безпристрастіемъ.

Предпошлю впрочемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о Несторѣ, какъ главномъ, по моему мнѣнію, свидѣтелѣ, и извинюсь предъ читателями въ необходимости прибѣгать иногда къ повтореніямъ, къ повтореніямъ въ родѣ Несторовыхъ, о коихъ см. ниже.

---

*

Г. Гедеоновъ, какъ ни является вездѣ предубѣжденнымъ относительно свидѣтельствъ, его системѣ противныхъ, однако сознается, или чувствуетъ себя принужденнымъ сознаться, что Несторъ считаетъ Варяговъ-Русь Норманнами: мы, разумѣется, переводимъ здѣсь понятія Нестора на свой, нынѣ употребляемый языкъ; т. е. Несторъ говоритъ, что Русь были Варяги, а Варяговъ онъ считаетъ по нашему Норманнами, слѣдовательно Русь — по Нестору Норманны.

Свидѣтельство Нестора очень важно и значительно: онъ окруженъ былъ Варягами и ихъ памятниками; онъ видѣлъ Варяговъ, онъ знаетъ и не можетъ не знать Варяговъ; онъ долженъ былъ наслушаться объ нихъ всякой всячины въ продолженіе жизни, и имѣлъ всѣ данныя, чтобъ судить о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Это первый и самый благонадежный свидѣтель, современникъ, очевидецъ. За кого онъ принимаетъ Варяговъ-Русь, это имѣетъ тяжелый вѣсъ для всякаго мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси. Для Нестора, говоритъ г. Гедеоновъ, стр. 162, Варягами, въ географическомъ смыслѣ, были преимущественно Скандинавы, и, по преданію, его воображаемая Варяжская Русь.

Соглашаясь, что Несторъ именно такъ думалъ, г. Гедеоновъ отвергаетъ совершенно его мнѣніе, и старается доказать, что онъ ошибался.

Припомнимъ правило Шлецера (котораго забываетъ наша молодежь, увлекаемая незваными учителями): Шлецеръ училъ, что въ работахъ надъ Несторомъ надо изслѣдовать: 1) что́ сказалъ Несторъ (исправленіе или возстановленіе текста), 2) что онъ разумѣлъ подъ своими словами, и 3) вѣрны ли его показанія.

По первой операціи оказывается, что Несторъ приписываетъ основаніе нашего государства Варягамъ-Руси.

По второй операціи оказывается, съ чѣмъ соглашается и г. Гедеоновъ, что подъ Варягами-Русью Несторъ разумѣлъ племя Норманское.

По третьей операціи г. Гедеоновъ утверждаетъ, что Несторъ въ этомъ мнѣніи ошибался, а мы утверждаемъ напротивъ.

Г. Гедеоновъ смотритъ на Нестора невѣрно. Несторъ представляется ему сочинителемъ, воспитанникомъ Византійцевъ, съ полуучеными затѣями, который не только имѣетъ, но и составляетъ себѣ систему, соображаетъ, очищаетъ дошедшія до него свѣдѣнія, связываетъ разнородныя показанія, изобрѣтаетъ средніе

члены и т. д. Подобные отзывы повторяются имъ очень часто: стр. 43, 44, 47, 50, 52 и проч. и проч.

Совсѣмъ не такъ! Несторъ есть простой русской человѣкъ, съ здравымъ смысломъ, какіе и теперь встрѣчаются часто въ простонародьѣ, толковый человѣкъ, грамотный, но не грамотѣй, не краснобай. Онъ описываетъ, по выраженію Пушкина:

Не мудрствуя лукаво,
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны;

передаетъ, что̀ знаетъ и что̀ слышалъ, попросту, не безъ толку, ибо явную неправду опровергаетъ; какъ монахъ, все языческое или осуждаетъ, или обходитъ; выписываетъ, что̀ ему кажется значительнымъ, изъ греческихъ лѣтописей, — и только. Приписывать Кіевскому монаху XI столѣтія, поступившему въ монастырь 17 лѣтъ отъ роду, какое-нибудь желаніе провести свою любимую мысль — ни съ чѣмъ не сообразно. Онъ не могъ имѣть въ виду даже никакихъ читателей, а записывая онъ исполнялъ только свой долгъ, какъ умѣлъ; не кого и не въ чемъ ему было увѣрять. Его простота, вѣрность самому себѣ и согласіе, во всѣхъ главныхъ чертахъ, съ иностранными свидѣтельствами, съ естественнымъ порядкомъ вещей, обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ, вотъ что составляетъ его достоинства, возвышаетъ его цѣну, вотъ за что мы обязаны ему вѣчною благодарностію. Вотъ только съ какихъ сторонъ «*норманская школа не допускаетъ сомнѣній въ непреложности Несторовыхъ извѣстій о началахъ Руси*».

Г. Гедеоновъ говоритъ, что «*странная бы вышла исторія народовъ, основанная на сказаніяхъ о ихъ происхожденіи первыхъ лѣтописцевъ!*» стр. 43. Въ томъ-то и дѣло, что у Нестора нѣтъ ничего въ томъ родѣ, что называется *сказаніемъ* у лѣтописцевъ; онъ говоритъ просто: «Словене пошли за море къ Варягамъ-Руси. Эти Варяги назывались Русью, какъ другіе называются Свеями, Готами, Англами» и проч. «Избрались три брата, взяли съ собою всю Русь и пришли». Такія ли *сказанія* встрѣчаемъ мы у прочихъ лѣтописцевъ? А г. Гедеоновъ ставитъ Нестору въ вину то, что не находитъ у него противорѣчій въ извѣстіяхъ о происхожденіи Руси, обвиняетъ въ систематизированіи, съ больной головы на здоровую, и въ угоду собственной своей системѣ насилуетъ его слова, придаетъ имъ особый, другой смыслъ.

Способность къ системѣ Несторову г. Гедеоновъ основываетъ

на томъ, что Несторъ опровергаетъ Кіево перевозничество тѣмъ, что Кій ходилъ къ Царюгороду. Такое простое возраженіе могло представиться всякому толковому человѣку, какимъ дѣйствительно и былъ Несторъ, но до системы отсюда еще далеко. Такъ онъ и о Корсунѣ говоритъ: «се же не свѣдуще право, глаголютъ, яко крестился есть (Володимеръ) въ Кіевѣ, и иніи же рѣша: Васплеви; друзіи же инако скажутъ». Прочіе его пріемы, напримѣръ, сокращеніе имъ нѣкоторыхъ извѣстій, также не доказываютъ ничего въ пользу его систематизированія. Забывчивость и неумѣнье, кои ставитъ критикъ въ укоризну Нестору, стр. 47 и слѣд., не совсѣмъ справедливо (ибо памятованіе и умѣнье принадлежатъ сочинителямъ другихъ временъ), должны бъ по крайней мѣрѣ защищать его отъ систематической напраслины; но г. Гедеоновъ не хочетъ ничего слышать противъ составленнаго имъ понятія.

Неправильный взглядъ на Нестора повредилъ автору очень много въ его почтенныхъ изслѣдованіяхъ.

Предпославъ эти замѣчанія о нашемъ достойномъ лѣтописателѣ, приступимъ къ разбору разсужденій г. Гедеонова.

Въ § 1 авторъ, раздѣливъ писателей, принимающихъ норманство Варяговъ-Руси, на двѣ системы, доказываетъ, и, охотно сознаюсь, съ большимъ успѣхомъ, что посредствомъ финскаго названія для Швеціи Руотси и шведскаго Рослагена, объяснять имени Русь нельзя, нельзя и доказывать ими скандинавскаго ея происхожденія. Авторъ судитъ очень основательно, доводы его убѣдительны, и по большой части съ нимъ не соглашаться нельзя. Ruotsi, Rodhsin, есть случайное созвучіе съ Русью; Руотси можетъ происходить не отъ Rodhsin.

Но напрасно придаетъ авторъ великую важность ослабленію этого доказательства норманскаго происхожденія Руси.

«*Оставить вопросъ въ этомъ положеніи* (послѣ возраженія на Руотси и проч.), говоритъ онъ, *было невозможно. Единственнымъ средствомъ, если не къ спасенію самой системы, то по крайней мѣрѣ къ болѣе раціональному объясненію извѣстія бертинскихъ лѣтописей и Ахмедъ-эль-Катиба, было открытіе генетическихъ шведскихъ Россовъ, нашихъ Варяговъ-Руси. Ихъ открыли*» и проч.

Спасать системы было не нужно, потому что она не подвергалась большой опасности. Бертинскія лѣтописи сами по себѣ доказывали существованіе особаго племени Руси, и точно тоже доказывалъ впослѣдствіи Ахмедъ-эль-Катибъ.

Здѣсь я долженъ защититься отъ несправедливо приписаннаго

мнѣ образа мыслей, напримѣръ: «*Сначала г. Погодинъ просто предполагалъ существованіе въ IX вѣкѣ шведскаго племени Россовъ, будто бы давшихъ свое названіе Рослагену, но вслѣдствіе замѣчаній о Рослагенѣ и о Rodhsin (гребцахъ) барона Розенкампфа, принялъ, что нарицательное Rodhsin перешло современемъ въ собственное или племенное*».

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я не утверждалъ ничего положительно, рѣшительно, а говорилъ въ высшей степени условно, и излагая разныя мнѣнія о Рослагенѣ, Рюсаландѣ, Росенгау, Рустрингіи, указывалъ на вѣроятности каждаго изъ нихъ, и даже заключилъ (II, стр. 165), что всѣ эти вѣроятности мѣшаютъ одна другой, оспоривая одна у другой честь быть родиною знаменитыхъ Варяговъ-Руси, показывая для недовѣрчиваго изслѣдователя случайность созвучій. Напомню еще мои слова:

«*Кто были именно Варяги-Русь, и гдѣ они жили, не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію, и едва ли когда нибудь будетъ рѣшено за недостаткомъ свѣдѣній. Я не считаю даже этого вопроса важнымъ*.:.. (Изслѣд. II, стр. 166.) *Откуда происходитъ имя Варяговъ-Руси, это вопросъ также любопытный, но не болѣе. Изслѣдователи, не смотря на всѣ свои труды при рѣшеніи этого вопроса, не достигли достовѣрности,... и представили только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя*» (ib. стр. 267).

Для ясности я изложу здѣсь вкратцѣ, что я думалъ и думаю:

Варяги-Русь — племя норманское.

Имя Руси принадлежало этому племени.

Откуда происходитъ имя Руси — открытое поле для догадокъ.

Гдѣ жила первоначально Русь? открытое поле для догадокъ.

(Точно такое же открытое поле для догадокъ о происхожденіи имени Варяговъ).

Догадки эти излагалъ я исторически, не принимая *ни одной* положительно, и соглашаясь съ тою или другою вѣроятностію.

Авторъ напираетъ какъ въ этомъ параграфѣ, такъ и во всей своей книгѣ, на доказательства, что Варяги не Шведы, но это былъ первый мой тезисъ въ магистерской дисертаціи 1825 года о происхожденіи Руси: Варяги Русь — не Шведы. Нѣсколько страницъ посвящено было подобнымъ доказательствамъ въ моей книгѣ, но эти доказательства противъ Шведовъ нисколько не уничтожаютъ норманской системы.

«*Впрочемъ та и другая система*, сознается авторъ, *одинаково старается умалить важность точнаго указанія на происхожденіе рус-*

скаго имени» [2]), и спрашиваетъ: *«но на чемъ же основана вся система норманская, если не на доказательствахъ (конечно не совсѣмъ убѣдительныхъ) скандинавскаго начала имени Русь?».*

На дѣйствіяхъ, занятіяхъ, пріемахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, именахъ, свидѣтельствахъ, языкѣ. Имя Русь съ своимъ происхожденіемъ есть вопросъ только любопытный, а не основной. Больше ему приписать ничего нельзя. Такъ точно и финское прозваніе Шведовъ Руотси съ шведскимъ Рослагеномъ, съ котораго авторъ начинаетъ свой походъ, было однимъ изъ примѣровъ, образчиковъ, средствъ объясненія, — и только!

Можно бы сказать еще кое-что и въ частности противъ возраженій и объясненій автора, но предоставимъ молодымъ изслѣдователямъ изощрять свои критическія способности на нихъ и вообще на нашемъ спорѣ.

Въ § 11 авторъ соединяетъ имя Русь съ кореннымъ *рс*, которое во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ означаетъ воду или теченіе воды.

Хотя въ пріемахъ вашихъ, скажу я автору, много и критики, и остроумія, и учености, коими я услаждаюсь, но я не могу не вспомнить, для противоположности, что Морошкинъ вмѣсто воды видѣлъ въ Руси вездѣ по Европѣ и Азіи ростъ, растеніе, дерево. Такъ соблазнительны и обманчивы звуки! Но это мимоходомъ.

Имя Русь вы находите у разныхъ Славянскихъ племенъ и въ разныхъ свидѣтельствахъ, и приписываете ему Славянское происхожденіе; но вѣдь это же самое имя встрѣчается во множествѣ во всѣхъ европейскихъ странахъ: слѣдовательно изъ этого имени ни pro, ни contra положительно извлечь ничего нельзя касательно происхожденія нашей Руси.

Какъ силенъ былъ г. Гедеоновъ въ первыхъ двухъ своихъ параграфахъ критико-полемическихъ, такъ онъ слабъ въ третьемъ параграфѣ, догматическомъ: ему здѣсь можно сдѣлать возраженій больше, нежели онъ дѣлалъ тамъ, и возраженій положительныхъ, между тѣмъ какъ его возраженія основывались преимущественно на соображеніяхъ и гаданіяхъ.

---

[2]) Авторъ, стр. 2, неправильно принимаетъ мои слова (Изсл. II, 219): *принесено ль было имя Русь Норманнами, или только усвоено, основателями государства въ томъ и другомъ случаѣ остаются Норманны».* Я сказалъ эти слова, въ смыслѣ условномъ, Нейману, толкуя его мнѣніе о норманствѣ Рюрика, и туземствѣ имени Русь, которое не измѣняетъ, де, сущности вопроса, а самъ, отъ себя, я утверждалъ вездѣ, что Русь есть имя принесенное.

«*Отъ самаго Нестора*», говоритъ онъ, стр. 32, «*узнаёмъ мы два начальныхъ положенія нашей исторіи:*

1) *Имя Руси, какъ народное, принадлежитъ всѣмъ племенамъ союза восточныхъ Славянъ; какъ племенное, одному только югу.*

2) *Имя Словенъ, исключительно племенное, принадлежитъ только Новугороду и его области; на Руси оно никогда не имѣетъ общаго значенія народнаго: Славяне*».

Нѣтъ, отвѣчаемъ мы автору, не узнаёмъ мы этого отъ самого Нестора, потому что этого онъ не говоритъ, и изъ словъ его мы не можемъ вывести такихъ заключеній.

Имя Руси, какъ народное, не принадлежитъ всѣмъ племенамъ союза восточныхъ Славянъ, а *стало* ихъ принадлежностію со времени водворенія Варяговъ-Руси.

«*Принадлежитъ*» и «*стало*» — два понятія совершенно различныя, что̀ и должно имѣть въ виду при разсужденіяхъ объ этомъ времени.

Покажите мнѣ его гдѣ-нибудь не только въ этомъ смыслѣ (общемъ для союза всѣхъ Славянъ), но даже и въ какомъ-нибудь, *до* ихъ прибытія.

«Имаху дань Варяги изъ-за моря на Чюди, на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ, а Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверехъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй веверицѣ отъ дыма».

Вотъ какія имена были на сѣверѣ и югѣ: гдѣ же Русь?

Эти имена повторяются нѣсколько разъ въ лѣтописяхъ, напримѣръ: «живяху въ мирѣ Поляне, и Древляне, Сѣверъ и Радимичь, и Вятичи, и Хрвате», и проч. Гдѣ же Русь?

«Да то ся зваху отъ Грекъ великая Скуѳь». О Руси нѣтъ нигдѣ ни единаго подобнаго замѣчанія, а сколько бы представилось къ тому случаевъ!

Имя Руси, какъ племенное, не принадлежитъ югу, а принадлежитъ одному пришлому племени, которое утвердило впослѣдствіи власть надъ всѣми туземными племенами, и эти племена, Руси подвластныя, получили отъ нея, по ней, имя, такъ сказать, государственное.

«Отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля Ноугородци. Отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣни, аще и Поляне звахуся», вотъ что говоритъ Несторъ! Такъ получили свое имя и Францiя, и Нормандія, и Англія!

«Отъ Варягъ бо прозвашася Русью», сказалъ именно и Несторъ, а прежде были Словѣни: какъ же вы утверждаете, что по Нестору

имя Руси принадлежало югу? Оно стало принадлежностью юга, но впослѣдствіи, по водвореніи Варяговъ-Руси.

Не югъ назывался Русью, а имя Руси стало обнимать иногда югъ, Русью покоренный, какъ прежде сѣверъ, какъ послѣ сѣверъ, югъ и востокъ.

Се бо токмо словенескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверя, Бужане.

А се суть иніи языци, дающія дань Руси: Чюдь, Меря, Мурома и проч.

Ясно ли, что Русью назвались впослѣдствіи, по основаніи государства, и восточныя и сѣверныя племена наравнѣ съ южными? Поляне, Древляне, равно какъ и Новгородцы, Полочане.... всѣхъ ихъ явно обнимаетъ въ этомъ мѣстѣ имя Русь. Въ Руси, говоритъ Несторъ, живутъ теперь, при мнѣ, такія-то племена славянскія.

Долго имя Руси не было общимъ. Напримѣръ, объ Олегѣ сказано: и бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи. Не сказано, чтобъ онъ обладалъ Русью. Такъ и нельзя было сказать, потому что самъ Олегъ былъ Русь, и его имя перешло послѣ на его владѣнія: «Бѣша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью» отъ него, а не отъ страны, въ коей онъ водворился.

Ясно ли также, что имя Славянъ имѣетъ общее значеніе на Руси, вопреки автору, ибо Славянскимъ языкомъ называется вообще языкъ всѣхъ племенъ. Языкъ собственно и есть народъ въ устахъ Нестора: Словеньску языку, живущю на Дунаи, говоритъ онъ, и проч. Сѣли суть Словѣни по Дунаеви, отъ тѣхъ Словѣнъ розыдошася по землѣ, и прозвашася имены своими.... Морава, Чеси.... а се тіи же Словѣни и проч.

Словѣни же... пришедши на Вислѣ... прозвашеся Ляхове... Лутичи... Мазовшане... Поморяне. Такоже и ти Словѣни пришедши сѣдоша на Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне... Дреговичи... Сѣверъ.

Поляномъ же... суще отъ рода Словѣньска, а Древяня отъ Словенъ же, и проч. «аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ».

Приписать важность варіанту одного молодого неважнаго списка изъ 50, влагающаго въ уста Аскольда и Дира: мы варяжскіе князья, (*а не Русскіе*, прибавляетъ г. Гедеоновъ), есть такая натянутость, которую извинить нельзя. Всѣ списки свидѣтельству-

ютъ, что Аскольдъ и Диръ не были ни князья, ни бояре (ни племени княжа, ни боярина). Всѣ списки приводятъ слова Олега при умерщвленіи Аскольда и Дира: вы нѣста князя, а вотъ сынъ Рюриковъ. Если бы рѣчь здѣсь шла о происхожденіи, то было бы иначе сказано. Ясно, что они все-таки единоплеменники Рюриковы и Олеговы: къ чему бы для Венгерцевъ разбирать, сравнивать и противополагать права княжескія и боярскія.

Напрасно авторъ говоритъ, что они вышли изъ Новагорода Варягами, а изъ Кіева, въ походъ на Царьградъ, Русью. Нѣтъ, они вышли и изъ Новагорода Русью, т. е. частію той всей Руси, которую привелъ Рюрикъ, а въ Кіевѣ негдѣ имъ было получить это имя, дотолѣ тамъ неизвѣстное.

Напрасно заключаетъ авторъ, что это имя является уже по водвореніи Олега въ Кіевѣ, переходя не отъ Олега на Кіевъ, а отъ Кіева на Олега и Варяговъ его — и рече Олегъ: се буди мати градомъ русскимъ. Это значитъ: мы останемся здѣсь жить, пусть *будетъ* Кіевъ матерью городовъ нашихъ, русскихъ, принадлежащихъ Руси. Слѣдовательно въ этихъ словахъ ясно перехожденіе имени Русь отъ Олега на Кіевъ, а не отъ Кіева на Олега, какъ хочетъ авторъ.

Приводя мѣста изъ Нестора о походѣ первыхъ нашихъ князей, въ коихъ не значится Руси изъ Новагорода, а только изъ Кіева, авторъ спрашиваетъ торжественно, стр. 33: имѣютъ ли эти факты особое историческое значеніе?

Нѣтъ, не имѣютъ, отвѣчаю ему смѣло, потому что отъ подобныхъ исчисленій нельзя ожидать и требовать строгой точности: въ войскѣ Олеговомъ и изъ Кіева точно такъ нѣтъ Руси, какъ и изъ Новагорода, а въ договорѣ, равно какъ и въ описаніи возвращенія изъ Царяграда говорится объ одной Руси, а не о Варягахъ, разумѣющихся подъ нею.

Авторъ видитъ здѣсь противорѣчія у Нестора. Я вижу противорѣчія у него, а не у Нестора, и потому онъ напрасно благодаритъ за нихъ Нестора, утверждая, что «Словенами зоветъ онъ исключительно сѣверныя, Русью южныя племена; о небывалой Варяжской Руси нѣтъ болѣе и помину». Нѣтъ помину потому, что до нея, если и осталось ея сколько нибудь на родинѣ, не было лѣтописателю никакого дѣла.

Авторъ видитъ въ сказкѣ о парусахъ умышленное униженіе Олегомъ Словенскаго племени предъ новогосподствующимъ Русскимъ.

При всемъ моемъ почтеніи и уваженіи къ автору, я не могу спросить его, не смѣясь: передъ какимъ же Русскимъ? Кто же здѣсь Русь, кромѣ Олега? А онъ-то кто? Вѣдь онъ не Полянинъ, не Древлянинъ, вѣдь онъ пришлецъ? Какой же пришлецъ? Угринъ что ли? Опять-таки придется вспомнить и признать Варяговъ-Русь!

Касательно права требовать нѣкоторой точности отъ юридическаго документа, стр. 34, спорить нельзя, но точность точности рознь; притомъ все-таки Русская Правда не была кодексомъ, а справочною запискою. Законодатель говоритъ о томъ, что у него подъ глазами, не думая сначала, какъ далеко будетъ простираться область его юрисдикціи.

Сыновья Ярославовы удержали словоупотребленіе отцево, въ новое доказательство, что отъ того времени нельзя требовать такой точности, какой желаетъ авторъ.

Что бы ни говорилъ авторъ, а все-таки не можетъ онъ не сознаться, что Правду далъ Ярославъ, и что его сыновья, оставляя первую статью въ первоначальномъ ея видѣ, предполагали, допускали молча, смыслъ болѣе обширный, не тотъ, какой статья имѣла первоначально. Автору не только не можетъ принести никакой пользы словоупотребленіе Русской Правды, но, напротивъ, служитъ опроверженіемъ его системы, показывая Русина въ Новѣгородѣ, въ противоположности съ Словениномъ. Мы спросимъ его: рѣшится ли онъ утверждать, что Словенинъ и Русинъ Русской Правды употреблялся Ярославомъ въ общемъ значеніи, что подъ Словениномъ непремѣнно разумѣлся и Кривичъ, а передъ Русиномъ и Радимичъ? Толкованія, объясненія, предоставлялись сыновьями Ярослава судьямъ, прилагавшимъ законъ къ жизни.

«*Ни лѣтопись, ни исторія, не знаютъ двухъ другъ другу противоположныхъ народностей, скандинавской и славянской*», утверждаетъ авторъ, стр. 37.

Нѣтъ, знаютъ, и авторъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ, говоря выше объ умышленномъ униженіи Олегомъ *словенскаго* племени передъ новогосподствующимъ *русскимъ*, Новагорода передъ Кіевомъ.

Дѣленія Руси на Словенъ и Русь — заключаемъ повтореніемъ — нѣтъ нигдѣ. О Новѣгородѣ Несторъ не могъ бы сказать: отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля Новугородьци, еслибъ имя Руси принадлежало югу, и проч. (см. выше).

Да когда же, почему, имя Руси сдѣлалось принадлежностію какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ племенъ? Въ томъ-то и дѣло! Тогда, какъ пришли Варяги-Русь, Рюрикъ, Олегъ и проч. До нихъ этого

имени не было. Греки не знали никакой Руси въ этихъ странахъ до Аскольда и Дира, и Олега. Словенами назывались Новогородцы, и только одни, а не Кривичи, не Полочане, хотя они и были словенами. Русью называлось пришлое племя, а не Поляне, не Древляне и проч. и по нихъ стала называться и вся страна, ей подчинившаяся, что̀ ясно сказано, и пересказано, и перетолковано. Не смотря ни на какія усилія, напряженія и утонченія, ясныхъ словъ Нестора объяснить иначе никакъ нельзя.

Въ IV своемъ параграфѣ авторъ изрекаетъ грозный приговоръ Нестору, выше разобранный нами вообще.

«*Несторъ писалъ около двухъ съ половиною столѣтій по основаніи государства; откуда могъ онъ узнать что достовѣрное о началахъ Русской земли? Положимъ, что до него были монастырскія записки, даже краткіе хронографы, но эти записки начались не прежде XI столѣтія, не прежде введенія на Русь христіанской вѣры*» стр. 43.

Нѣтъ, записки могли быть гораздо древнѣе, то есть относиться къ началу государства, къ эпохѣ прибытія Норманновъ, ко второй половинѣ IX столѣтія, когда началось христіанство въ Кіевѣ, съ возвратившеюся изъ подъ Царьграда Русью.

«*Что извѣстіе о варяжскомъ происхожденіи Руси взято Несторомъ не изъ письменныхъ, достовѣрныхъ источниковъ, видно уже изъ совершеннаго отсутствія подробностей, какъ о предшествовавшихъ призванію Варяговъ, сѣверныхъ происшествіяхъ, такъ и о семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика*», стр. 44.

Краткость извѣстій говоритъ болѣе въ пользу, чѣмъ въ предъосужденіе свидѣтельствъ. И въ позднѣйшее время встрѣчаются въ лѣтописяхъ годы безъ всякаго описанія.

Имѣлъ ли онъ матеріальныя доказательства основанія государства Варяжскою Русью? продолжаетъ далѣе авторъ.

Да основаніе какого же государства имѣетъ такія матеріальныя доказательства? Существованіе такихъ памятниковъ дѣло совершенно случайное.

«*Но если Несторъ не взялъ своихъ извѣстій о Варяжской Руси ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ* (?), *ни изъ живыхъ историческихъ памятниковъ, ясно, что они или заняты изъ народныхъ преданій, изъ сагъ и изъ пѣсенъ, какъ напр. сказанія о Славянахъ; или основаны на исторической системѣ, имъ самимъ выведенной, вслѣдствіе соображенія извѣстныхъ историческихъ фактовъ*».

Авторъ, приводя мои слова о возможныхъ Варяжскихъ разска-

захъ Нестору, замѣчаетъ съ ироніей, что Норманны разсказали Нестору все, кромѣ касающагося до своего Скандинавскаго міра.

Нестору не нужно было знать лишняго, а онъ слушалъ только нужное по его мнѣнію для его предмета, относящееся до его лѣтописи.

«*Они разсказали ему о призваніи Руси, но не сказали, что Русь и Шведы одинъ и тотъ же народъ*».

Извините, они напротивъ сказали это Нестору, и пояснили, что Русь со Шведами составляли одинъ народъ и разныя племена, что одно племя этого народа такъ называлось Русью, какъ другое Шведами, третье Англами, четвертое Готами. Чего же вамъ болѣе?

Вслѣдствіе чего Несторъ и не знаетъ, что дѣлать съ заморскою Русью послѣ призванія? Нестору нѣтъ дѣла, осталась ли Русь за моремъ, и сколько: онъ знаетъ только о той Руси, чтò пришла къ намъ, и разсказываетъ, что она пришла сперва въ Новгородъ, и сообщила свое имя Новугороду, а потомъ перешла въ Кіевъ и перенесла свое имя, которое тамъ и осталось, и распространилось далѣе и далѣе.

«*Они разсказали о Рюрикѣ, но скрыли отъ Нестора его шведское происхожденіе, и кто были его родственники, и гдѣ княжили до призванія трехъ братьевъ*».

Нѣтъ, не скрыли его происхожденія, а указали его отечество за моремъ, тамъ гдѣ живутъ Шведы, Англичане (англійскіе Норманны), Готы, Норвежцы; назвали и его родственника Олега, отъ рода ему суща, которому передалъ онъ на руки сына Игоря, а объ Аскольдѣ и Дирѣ сказали, что они ни рода княжаго, ни боярскаго. Еслибъ болѣе и точнѣе все было разсказано, то вы могли бы увидѣть тутъ не только систему, но злостный обманъ. Помилуйте: Каченовскій съ его школою сомнѣвался въ лѣтописи потому только, что въ ней слишкомъ много было разсказано, а вы теперь жалуетесь, что слишкомъ мало. Какъ угодить? Будемъ довольны тѣмъ, что есть, и не станемъ ни уменьшать, ни увеличивать, а выразумѣвать безпристрастно и безкорыстно.

«*Они (Норманны) разсказали и о колесахъ, и о змѣѣ, и о воробьяхъ, по поводу юго-русскихъ событій; а о Новгородѣ и семнадцатилѣтнемъ княженіи Рюрика не сказали ни слова; ни слова о Норманскихъ предпріятіяхъ и подвигахъ въ Германіи, въ Англіи, во Франціи, въ Испаніи*».

Они разсказали, что пришедшіе Норманны получили отъ Рюрика города себѣ въ управленіе (и по тѣмъ городомъ суть находници

Варязи, а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣни, Полотскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Муромъ). Норманны рубили и новые города, кромѣ этихъ старыхъ, и межевали земли, прибавимъ мы, для опредѣленія даней: ну вотъ вамъ и всѣ ихъ занятія! Больше нечего и разсказывать. Примѣчательный, громкій случился походъ Аскольда и Дира: они разсказали Нестору про походъ, да еще съ остановками предъ Смоленскомъ и Любечемъ.

«*Взялъ ли Несторъ свои извѣстія о началѣ Руси изъ туземныхъ преданій? Но въ преданіяхъ Славянъ, Русь всегда отдѣляется отъ Варяговъ; народъ производилъ имя Руси*», говоритъ авторъ «*отъ рѣки Рось, отъ Русса сына Лехова, отъ разсѣянія; грамотѣй, отъ Езекіилева* Ῥῶς *или отъ русыхъ* (ῥούσιος) *волосъ*» стр. 45.

Всѣ эти преданія позднѣйшія, а при Несторѣ было извѣстно одно вѣрное, положительное, которое онъ и сообщилъ: отъ Варягъ бо прозвашася Русью. Вольно же намъ теперь затыкать уши и восклицать: хоть вижу, да не вѣрю! Позднѣйшія нелѣпыя преданія мы принимаемъ въ соображеніе, а древнѣйшее, ясное, прямое, опровергаемъ!

Нѣкоторыя среднія лѣтописи, напримѣръ такъ называемая Тверская, называетъ Варяговъ прямо Нѣмцами.

Матеріальныхъ свидѣтельствъ нѣтъ, заключаетъ авторъ, норманскихъ нѣтъ, славянскихъ нѣтъ, — *остается допустить вѣроятность существованія системы, по которой Несторъ могъ производить имя Руси отъ Варяговъ*, стр. 46.

Да почему же всѣ эти согласныя между собою извѣстія хотите вы называть искусственною, преднамѣренною системою, а не чистыми положительными свѣдѣніями, полученными или изъ записокъ, или изъ преданій пришлыхъ и туземныхъ? Это совершенный произволъ и насильственная натяжка!

(Сопоставлять два отзыва Шлецера о Несторѣ, какъ то дѣлаетъ здѣсь авторъ, скажемъ мимоходомъ, совершенно разнородные, о добросовѣстности и невѣжествѣ, несправедливо. Пишучи комментаріи отрывками, Шлецеръ могъ такъ отозваться, разумѣя даже не Нестора, а вставщика, переписчика, исправителя. Къ чему эти ссылки или выдержки? Станемъ разбирать лѣтопись сами и судить по собственнымъ своимъ убѣжденіямъ. Вотъ вы видите примѣръ, замѣчу кстати, какъ у величайшаго критика своего времени, у самаго отчетливаго и строгаго писателя, въ потокѣ рѣчи, въ разборѣ сказаній могутъ срываться мнимыя противорѣчія, а

вы требуете у Нестора, чтобъ онъ сказалъ въ данномъ мѣстѣ: «нынѣ» или т. п.)

Его добросовѣстность подчинена, говоритъ авторъ, вліянію какъ національнаго, такъ и христіанскаго чувства.

Мы должны радоваться этимъ доказательствамъ развитія и образованности: чувства національности и религіозности суть чувства высокія, и присутствіе ихъ въ лѣтописателѣ XI вѣка говоритъ много въ пользу его среды и его общества. Вредъ для исторіи — не безусловный, лишь бы лѣтописатель не лгалъ, не выдумывалъ, вслѣдствіе такого вліянія, чего мы не замѣчаемъ.

«*Несторъ молчалъ о христіанствѣ до 988 года; молчитъ, безъ сомнѣнія, изъ ложно понятаго рвенія къ Варяжской династіи и памяти святаго Владиміра*» стр. 47.

Что за странныя предположенія! Какое рвеніе могъ имѣть Несторъ къ Варяжской династіи? Такого и понятія не бывало. Онъ никого не хвалитъ даромъ, и осуждаетъ дурное безъ малѣйшаго смущенія, или лучше, онъ передаетъ все какъ было, какъ Олегъ убилъ обманомъ Аскольда и Дира, какъ Игорь оказался волкомъ, расхищающимъ стадо; о самой Ольгѣ и о самомъ Володимирѣ онъ разсказываетъ безпристрастно: мщеніе Ольги, звѣрскій поступокъ съ Рогнѣдою, вѣроломное убійство старшаго брата (попріяй мнѣ, а я тебя награжу), и необузданное сладострастіе описаны у Нестора безъ малѣйшей пощады. Володимеръ сдѣлался христіаниномъ — ну Несторъ и хвалитъ за его ревность, точно какъ и бабку его Ольгу. Все это такъ просто, вѣрно, естественно, — и напрасно будемъ мы искать и сочинять затрудненія.

Авторъ говоритъ, что Несторъ молчалъ о христіанствѣ до Володимера изъ ложно понятаго рвенія къ его памяти.

Нѣтъ, не молчалъ. Онъ говоритъ очень ясно все, что знаетъ. Онъ говоритъ и о христіанствѣ при Игорѣ [3]), и при Ольгѣ [4]), и при Святославѣ [5]), и при Владимірѣ [6]), а больше ему и говорить было нечего.

Всѣ соображенія автора отличаются здѣсь совершенною предубѣдительностію.

---

[3]) А крещеную Русь водиша ротѣ церкви св. Иліи: мнози бо бѣша Варязи христіане.

[4]) Вспомните подробное описаніе путешествія въ Константинополь.

[5]) Вспомните отвѣтъ его бабкѣ на убѣжденіе принять христіанскую вѣру.

[6]) Принесеніе въ жертву двухъ Варяговъ и проч.

«Его правдолюбіе сообразно съ идеями вѣка и не рѣдко проистекаетъ отъ недостатка послѣдовательности въ понятіяхъ; оно проявляется особенно во внесеніи въ лѣтопись и тѣхъ фактовъ, которые явно противорѣчатъ предшествующимъ имъ положеніямъ».

Нѣтъ, не отъ недостатка послѣдовательности происходитъ такое явленіе. О послѣдовательности онъ и не думалъ, и понятія не имѣлъ. Послѣдовательность принадлежитъ систематикамъ, какихъ тогда и не бывало, и быть не могло. Онъ искрененъ по пословицѣ: за что купилъ, за то и продаетъ, безъ прибавки и убавки. Вотъ въ чемъ его достоинство: онъ слышалъ баснословный разсказъ о побѣдахъ Святослава — и вноситъ его въ лѣтопись; онъ получилъ въ руки договоръ Святослава съ Цимискіемъ — и переписываетъ его вѣрно.

«Онъ знаетъ Варяжскую Русь за моремъ, только въ той мѣрѣ, которая ему необходима для поддержанія системы о происхожденіи русскаго имени отъ Варяговъ».

Необходимости у него нѣтъ, а знаетъ онъ въ той мѣрѣ, какъ она передана ему: жили гдѣ-то за моремъ Русь, далеко, откуда къ намъ пришли, вотъ и все.

*«Онъ не выводитъ ни разу Руси изъ Новагорода, чѣмъ и опровергаетъ прежде-сказанное о варяго-*р у с с к о м ъ* населеніи сѣверныхъ городовъ. Точно также поступаетъ онъ и въ разсказѣ о взятіи Кіева Олегомъ; отъ Кіева переноситъ онъ имя Руси на Олега и его Варяговъ, а не на оборотъ»*, стр. 47.

Признаюсь, что этотъ вашъ оптико-логическій обманъ и заколдованный кругъ удивляетъ меня крайне. Несторъ говоритъ именно, что Словене пошли за море къ Варягамъ-Руси, сказали имъ то-то, что выбрались три брата и взяли съ собою всю Русь, что они пришли въ Ладогу и Новгородъ, и отъ тѣхъ прозвася русскою землею Новгородцы, ти суть людье Ноугородци отъ рода варяжска, преже бѣша Словени. Ясно ли тожество Варяговъ и Руси? И вотъ эти Русь, эти Варяги, были разосланы Рюрикомъ по городамъ: и по тѣмъ городамъ находницы Варяги. А вы говорите, что изъ Новагорода Несторъ не выводитъ Русь, да кто же эти находники? А что въ Олеговомъ войскѣ изъ Новагорода не значится Русь, то, повторяю, она не значится и изъ Кіева. Онъ самъ былъ такъ сказать Русь, слѣд. объ немъ и говорить нечего, а надо говорить о тѣхъ, кого онъ *взялъ* съ собою. Ну вотъ и сказано: «Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ вои многи—Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи», и «въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки,

поя же множьство Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и Сѣверо, и Деревляне, и Радимичи, и Хорваты и Дулебы, и Тиверци».

Аскольдъ и Диръ принадлежатъ къ числу спутниковъ Рюрика, пришедшаго съ родомъ своимъ и со всею Русью. Аскольдъ и Диръ — та же Русь, которая вышла изъ Новагорода, и вышла потомъ изъ Кіева, а не новая, мнимая ваша Кіевская.

Итакъ вольно же вамъ утверждать, что Несторъ молчитъ о Руси изъ Новагорода; вы зажимаете ему ротъ, но я вамъ за него кричу: будьте справедливы къ намъ, такъ какъ мы къ вамъ справедливы; ею же мѣрою мѣрите, тою же и возмѣрится вамъ.

По связи событій, для ясности спора, я разберу здѣсь эпизодъ Аскольда и Дира, разсмотрѣнный авторомъ въ другомъ мѣстѣ.

Аскольдъ и Диръ разрушаютъ совершенно систему г. Гедеонова, даже одни, безъ содѣйствія всѣхъ вышеупомянутыхъ разсужденій. Они пришли вмѣстѣ съ Рюрикомъ изъ-за моря, и принадлежали къ его роду, къ Варягамъ-Руси. Они выпросились у него идти въ Царьградъ (доказательство ихъ зависимости и принадлежности). Дорогою овладѣли Кіевомъ, совокупили тамъ многихъ Варяговъ, и пошли войною на Царьградъ. Греки называютъ ихъ Русью, приписываютъ походъ Руси, чтó заносятъ въ свои лѣтописи, передающія то Нестору.

Олегъ, желая отнять у нихъ Кіевъ, выноситъ къ нимъ на рукахъ младенца Игоря, и говоритъ: вы не князья, и не княжескаго рода, а я князь, и вотъ сынъ Игоревъ.

Тожество Варяговъ и Руси, родство, явствуетъ отсюда очевидно, и вмѣстѣ новость Русскаго имени на югѣ, въ Кіевѣ.

Г. Гедеонову необходимо слѣдовательно отдѣлаться отъ этого досаднаго эпизода, во чтобы то ни стало, и онъ съ отчаянія бросается въ объятія Эверса, принимая его давно опроверженное мнѣніе, что Аскольдъ и Диръ были Венгерцы!

Стр. 244, «*Что Аскольдъ и Диръ были въ убѣжденіяхъ народа* (?!) *иноплеменники Рюрику и Олегу, что вся ихъ исторія есть ничто иное, какъ развитіе первыхъ словъ лѣтописи: «не племени его»* (?!), *въ смыслѣ инородцевъ, истина ясная, но конечно несовмѣстная съ системою норманскаго происхожденія Руси; ибо если Аскольдъ и Диръ Норманны, Олегъ и призванные Варяги не скандинавскаго происхожденія; если Аскольдъ и Диръ инаго, не скандинавскаго рода, откуда имя Руси* (Ῥῶς) *для пиратовъ 866 года у Нестора и у византійскихъ писателей*».

Мнѣ казалось, что я сорокъ лѣтъ тому назадъ такъ ясно дока-

залъ нелѣпость Эверсовой выходки, хоть и ученой, о венгерствѣ Аскольда и Дира, что никто объ ней и не заикнется. И дѣйствительно въ продолженіе сорока лѣтъ никому не приходили въ голову Эверсовы Венгерцы Аскольдъ и Диръ, но вотъ теперь мертвецы встаютъ изъ могилъ, выводимые г. Гедеоновымъ:

«*Эверсъ первый вывелъ ученымъ образомъ мнѣніе о венгерской народности Аскольда и Дира, основываясь на чтеніи Воскресенскаго списка лѣтописи: «яко гость есмь подугорской.... да придѣте къ намъ к родомъ своимъ». Шлецеръ находитъ смѣшными слова: «подугорскіе гости»; Кругъ укоряетъ Воскресенскій списокъ вставкою переписчика; но эти слова стоятъ, кромѣ Воскресенскаго, и въ Полетиковскомъ, Архангельскомъ, Никоновскомъ спискахъ*», стр. 244.

Нѣсколько разъ имѣлъ уже я случай доказывать, что въ подобныхъ случаяхъ нельзя считать свидѣтельства по числу списковъ, въ коихъ они находятся, ибо всѣ эти списки списаны одинъ съ другаго, слѣдовательно всѣ равняются одному, въ настоящемъ мѣстѣ Воскресенскому.

Гость подъугорской казался всѣмъ изслѣдователямъ смѣшнымъ варіантомъ, и самъ Эверсъ, изобрѣтши Венгерца, предлагалъ исправить это мѣсто словами: гость отъ роду угорска.

А г. Гедеоновъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что была особая страна Подугорье, какъ Подрусье, Подляшье, Подлитовье.

Но гдѣ же, спросимъ мы г. Гедеонова, находилась страна Подугорье, о коей не знаетъ ни одинъ историкъ, ни одинъ географъ, ни одинъ лѣтописатель? По какому же праву будемъ мы сочинять цѣлыя страны?

Въ Аскольдово время Угры, не проходили еще вежами изъ страны Лебедіи, — не говоря уже о Подугоріи.

Какимъ образомъ Подугорчане попались въ дружину Рюрика, пришли съ ними изъ-за моря въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ?

И въ Подляшьѣ развѣ живутъ Ляхи, въ Подрусьѣ развѣ живетъ Русь?

«*Основательнѣе-ли другія возраженія Круга?* продолжаетъ г. Гедеоновъ. *Онъ думаетъ, что Олегу было естественнѣе назвать себя русскимъ, т. е. скандинавскимъ купцомъ, чѣмъ венгерскимъ. Если Аскольдъ и Диръ были Венгры, конечно нѣтъ; ибо Норманнъ не скажетъ Угрину: «да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ*», стр. 245.

Да кто же ихъ считаетъ Венгерцами? Придѣта къ намъ къ родомъ своимъ, говоритъ Олегъ, а какъ Олегъ былъ Варягъ-Русинъ,

то и Аскольдъ и Диръ были, по положительному извѣстію Нестора, Варяги-Русь.

«*Если они были Норманны*», продолжаетъ авторъ, «*еще меньe. Преданіе гласило о убіеніи кіевскихъ династовъ посредствомъ хитрости и обмана; оно признавало между Кіевомъ и варяжскими князьями отношенія враждебныя, недовѣрчивость.*»

Откуда же вы знаете о враждебныхъ отношеніяхъ между Кіевомъ и варяжскими князьями? Объ нихъ нигдѣ нѣтъ ни единаго слова въ лѣтописяхъ.

«*Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что, вскорѣ послѣ призванія, Кіевъ сталъ притономъ недовольныхъ Рюрикомъ Новгородцевъ и Варяговъ* (Ник. лѣт. I, 16, 17). *Олегъ таится отъ своихъ враговъ, Аскольда и Дира*», стр. 245.

Вовсе нѣтъ: Олегъ таится отъ Аскольда и Дира, только имѣя намѣреніе ихъ убить, а подозрѣній никакихъ Аскольдъ и Диръ, чрезъ 17 лѣтъ послѣ водворенія, имѣть не могли.

«*Недовѣрчивость Аскольда и Дира исчезала только передъ вымысломъ Олега, выдающаго себя за венгерскаго гостя, единоплеменника Венграмъ Аскольду и Диру, измѣняющаго варяжскимъ князьямъ (Норманнамъ или Вендамъ, все равно), въ пользу своихъ соотечественниковъ.*»

Можно ли предположить столько Угровъ и Подугорчанъ, что отправленіе подугорскихъ купцевъ изъ Новагорода могло мнимымъ Вергерцамъ Аскольду и Диру не показаться страннымъ, несбыточнымъ, и какъ легко Аскольдъ и Диръ поддались обману, не умѣя отличить Норманновъ (или Славянъ) отъ Венгерцевъ, повѣря Норманнамъ быти Венгерцами! Сколько надо здѣсь предположеній, одно другаго мудренѣе и невозможнѣе!

«*Другое, изъ Саги взятое доказательство венгерскаго происхожденія Аскольда и Дира находимъ въ названіи «угорскимъ» мѣста ихъ погребенія: «И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорское, кдѣ нынѣ Олминъ дворъ». О происхожденіи этого названія «Угорское» было довольно преній; г. Погодинъ и Кругъ думаютъ, что Угорскимъ прозвано то мѣсто, на которомъ Угры, при Олегѣ (или еще до него), шедъ мимо Кіева, останавливались вежами: «въ лѣто 898. Идоша Оугри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Оугорское, пришедше къ Днѣпру и сташа вежами.»*

Да какое же объясненіе можно сдѣлать болѣе? Мѣсто такъ положительно ясно, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Но г. Гедеоновъ натягиваетъ: *Будь это мѣсто гора, или берегъ, ясно, что*

Угры становились вежами не на немъ, а прошедъ мимо него. Откуда же для этого берега или горы названіе Угорскаго?

Натяжка слишкомъ очевидна, и распространяться объ ней не нужно.

«*Но какъ г. Погодинъ самое продолженіе, такъ Кругъ забываетъ объясненіе продолженія этого мѣста: «и убиша Аскольда и Дира, несоша на гору и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угоръское, кдѣ нынѣ Олминъ дворъ.» Эти слова очевидно содержатъ этимологическое объясненіе слова Угорское, отъ погребенія на мѣстѣ, носившемъ это названіе, Венгровъ Аскольда и Дира*», стр. 246.

Помилуйте! Если бы гора названа была угорскою отъ погребенія Угровъ Аскольда и Дира, то въ слѣдующемъ сказаніи: идоша Угри мимо Кіевъ городъ, никакъ не нужно бы прибавлять: еже ся зоветъ нынѣ Угорское. Тогда Несторъ сказалъ бы: горою угорскою. Ясно, что ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ гора не имѣла этого имени, а получила послѣ, а именно вслѣдствіе странствія Угровъ. О перемѣнѣ подугорской въ угорской разсчитываться нечего.

«*Безпристрастное изученіе русской лѣтописи привело Соловьева къ той мысли, что само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, могло явиться вслѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ*», стр. 106.

Можно ли основывать хитрѣе происхожденіе преданія о правахъ Рюрикова рода на Кіевъ, на принадлежности Аскольда и Дира къ его дружинѣ, между тѣмъ какъ они были Венгерцы. Надо, видите, доказать право династіи на Кіевъ. Да кому же? Для кого? Когда образовалось преданіе, тогда вѣдь и кости Аскольда и Дира должны были сгнить, и претендентовъ отъ нихъ не осталось!

Г. Гедеоновъ удивляется, стр. 106, что «*о завоеваніи Аскольдомъ Кіева не говоритъ и сама лѣтопись; а изъ списковъ, упоминающихъ о ратяхъ его противъ Болгаръ, Полочанъ, Печенѣговъ* (Ник. I, 16, 17), *Древлянъ и Уличей* (Пол. Воскр. Алат. у Шлец. Нест. II, 12), *ни одинъ не знаетъ о войнахъ съ Хозарами, или съ тѣми изъ славянскихъ племенъ, которые признавали хозарскую власть. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи платятъ хозарскую дань при Олегѣ и Святославѣ, какъ платили въ 859 году. Подобныя отношенія къ Хозарамъ непонятны въ Аскольдѣ, мнимомъ избавителѣ Кіева отъ хозарскаго ига*».

Здѣсь нечего удивляться: Аскольдъ и Диръ водворились въ Кіевѣ, и тотчасъ пошли на Царьградъ, тамъ приняли христіанскую

вѣру, и могли утихнуть, или, если принять извѣстія новыхъ списковъ, должны были воевать въ другихъ странахъ.

Война съ одними племенами и миръ съ другими зависѣли отъ обстоятельствъ.

И откуда же явился бы Аскольдъ и Диръ въ Кіевъ? Какъ пришелъ бы онъ одинъ изъ Венгріи, не приведя съ собою Угровъ, а напротивъ принявъ изъ Новагорода, видно знакомаго, все-таки Варяговъ, по знакомству пришедшихъ къ нему, вѣроятно, также изъ-за моря въ Кіевъ? Какъ все ясно, и какъ туманятъ нашу исторію изслѣдователи!

Самватасъ, по Добровскому и Кругу, собраніе лодокъ, авторъ считаетъ венгерскимъ словомъ szombat, крѣпость, и принимаетъ памятью угро-хазарскаго державства на югѣ. Наконецъ находитъ въ описаніи Ибн-Фоцлана характеристику турецкихъ династовъ, предшественниковъ Олега и Игоря, въ Кіевѣ, стр. 107: Von seinem Hochsitz steigt er nicht herunter... Will er ausreiten, so führt man ihm sein Pferd bis zum Hochsitze hin, von wo ab er es besteigt; und will er absteigen, so reitet er so nahe an denselben, dass er auf ihn wieder absitzen kann. Er hat einen Stellvertreter (Chalifa. Vice-König), der seine Heere anführt, mit den Feinden kriegt, und seine Stelle bei seinen Unterthanen vertritt» (Fraehn, I. Foszl., 22, 23). «*Это не по славянски и не по скандинавски*».

Отъ чего же не по скандинавски? Свѣнельдъ велъ полки Игоря и Святослава, Блудъ Ярополка, Волчій Хвостъ Владиміра!

Г. Гедеоновъ, послѣ всѣхъ разсужденій своихъ, стр. 47, разобранныхъ нами выше, съ дополненіемъ разбора объ Аскольдовомъ эпизодѣ, приходитъ къ заключенію о существованіи системы у Нестора, греческаго происхожденія, вслѣдствіе недостаточности прочихъ его источниковъ.

«*Греческіе хронографы были для ученаго святынею*, говоритъ г. Гедеоновъ, *и онъ отыскиваетъ у нихъ начало русскаго имени, пренебрегая народными сказаніями, тѣсно связанными съ языческими*». Въ томъ-то и дѣло, что не отыскиваетъ, а имѣя передъ собою лѣтопись, попавшуюся ему въ руки, выписываетъ первое извѣстіе о Руси.

Передадимъ мѣсто Несторова, которое кажется г. Гедеонову столько страшнымъ для норманнистовъ, что «*никто изъ послѣдователей норманской системы не смѣлъ* (будто) *предать въ его положительномъ, до очевидности ясномъ значеніи*», стр. 49.

«Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царь городъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ; тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ.»

Переводы или парафразисы этого мѣста могутъ быть удачными и неудачными, но чтобъ для вѣрнаго и близкаго перевода нужна была смѣлость, и чтобъ этотъ вѣрный переводъ былъ опасенъ для норманнистовъ, это уже черезъ-чуръ смѣлое утвержденіе г. Гедеонова.

Нача ся прозывати, нача прозыватися, значитъ, какъ я понималъ и переводилъ это мѣсто прежде: начала прозываться, слыть, началъ слухъ идти. Пожалуй — я сдѣлаю нынѣ уступку, и скажу, что нача ся прозывати Руска земля, вѣроятнѣе значитъ, по сравненію съ другими подобными выраженіями, приводимыми г. Гедеоновымъ: получила свое имя Русская земля, нежели: начала слыть, пошелъ слухъ объ ней.

Осуждая разные переводы изслѣдователей, авторъ предпочитаетъ мой и говоритъ: «*во всѣхъ этихъ переводахъ и передѣлкахъ опущена бездѣлица, а именно выраженіе: «о семъ» (о семъ бо увѣдахомъ), содержащее сознаніе причины, по которой Несторъ предполагаетъ начало русскаго имени при Михаилѣ*».

Напрасно! «*о семъ*» сохранилось у Круга въ словѣ: davon. Denn wir sind *davon* berichtet. «О семъ» отнюдь не важно, ибо смыслъ его повторяется въ «бо», что́ перевелъ также и Шлецеръ, и Кругъ, и Куникъ: *denn* wir sind *davon* berichtet, *denn* es ist uns kund geworden.

«*У г. Погодина оно сохранилось; но вмѣсто положительнаго факта о началѣ русскаго имени, является первый слухъ о русской землѣ; измѣненіе, переносящее къ Грекамъ (къ тому же и въ искаженномъ видѣ: русская земля вмѣсто русскаго имени) извѣстіе Нестора о Руси*», стр. 49.

На обвиненіе г. Гедеонова я могу отвѣчать только то, что собственно я не думалъ переводить Несторова мѣста, а только излагалъ его смыслъ по своему понятію. Г. же Гедеоновъ переводитъ это мѣсто совершенно неправильно: о происхожденіи здѣсь нѣтъ рѣчи. Происхожденіе выражено было бы иначе, говорить о происхожденіи не было и повода. На какую бы дыбу г. Гедеоновъ ни посадилъ это мѣсто, оно никакъ не издастъ желаемаго ему смысла. Ссылаюсь на всѣхъ знатоковъ церковнаго и народнаго языка.

Вопросъ здѣсь объ имени, названіи земли русской, и Несторъ

говоритъ tout au plus, — даже принимая гедеоновскій смыслъ, что имя Русской земли началось въ царствованіе И. Михаила, и что онъ Несторъ узналъ о томъ,—объ имени, объ извѣстности Русской земли, по поводу русскаго нашествія на Константинополь, описаннаго въ лѣтописи греческой, ему попавшейся въ руки.

Заключеніе наше о смыслѣ этого мѣста отъ этого толкованія ни мало не перемѣнится: имя Русской земли, откуда бы это имя ни происходило, прозваніе, начало извѣстности, относится точно ко времени Михаилову.

Г. Гедеоновъ это простое, и дѣйствительно ясное до положительности мѣсто у Нестора кладетъ въ основаніе своей системы о системѣ Нестора. Вотъ что значитъ предубѣжденіе ученыхъ.

«*Я заключаю*», говоритъ онъ: 1) *при самомъ вступленіи въ исторію Руси, Несторъ чистосердечно объявляетъ о системѣ ея происхожденія, основанной не на фактахъ, а на предположеніи*».

Гдѣ тутъ объявленіе о системѣ, какое здѣсь предположеніе? спрашиваю я торжественно всѣхъ изслѣдователей и читателей.

Авторъ продолжаетъ: «*предположеніе Нестора о началѣ русскаго имени въ девятомъ столѣтіи основано, по собственному его сознанію, на первомъ помянѣ о Руси у византійскаго лѣтописателя, не знавшаго и не говорящаго ни слова о ея происхожденіи*», стр. 50.

Ни византійскій писатель, ни Несторъ, ничего не говорятъ о происхожденіи, а г. Гедеоновъ приписываетъ имъ это намѣреніе, да и осуждаетъ того и другаго!

Несторъ говоритъ только: Русь нападала на Царьградъ, нападеніе записано въ греческихъ лѣтописяхъ. Мы узнали изъ нихъ о нападеніи, Русь стала извѣстною, при Михаилѣ, который началъ царствовать въ 852 году, отсюда можно положить числа, кои онъ и полагаетъ, представляя свою хронологическую таблицу.

А прежде Руси не было, по его сознанію, говоритъ г. Гедеоновъ.

Была ли, не была ли, объ этомъ здѣсь ничего не сказано, и заключенія никакого отсюда вывести нельзя. Несторъ не касается ея, не говоритъ ни да, ни нѣтъ, а говоритъ только, что началося, прослышалось имя ея на свѣтѣ.

Мы отвѣтимъ, пожалуй, сами, за Нестора, что имя было и принадлежало, судя по прямымъ свидѣтельствамъ, пришлому изъ-за моря племени въ Новгородъ, а потомъ въ Кіевъ, откуда стало распространяться концентрическими кругами, и обняло наконецъ все нынѣшнее пространство.

Дѣло ясно какъ день, но критику хочется его помрачить; дѣло просто, а критикъ предполагаетъ цѣлую генеалогію понятій и соображеній, тонкихъ, мудреныхъ, и такихъ, которыя никакъ не могли возникнуть въ головѣ печерскаго монаха.

«*Принимая точкою отправленія русской исторіи первый* п о м и н ъ *о Руси въ византійскихъ хронографахъ, онъ дѣйствовалъ какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ тѣ европейскіе ученые, которые не допускали присутствія въ Европѣ славянскаго племени до VI вѣка, потому что имя Славянъ встрѣчается впервые у Прокопія и у Іорнанда. Эти ученые разсуждали: еслибы Славяне жили въ Европѣ до V или VI столѣтія, о нихъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто у греческихъ и латинскихъ писателей. Несторъ, для котораго вся классическая литература сосредоточивалась въ Георгіѣ Амартолѣ, говоритъ: еслибы имя Руси для Славянъ существовало до половины девятаго вѣка, Георгій Амартолъ непремѣнно упомянулъ бы о немъ до 866 года. Не то ли самое и съ одинакою силою логики повторяютъ и тѣ изслѣдователи, которые, не находя имени Русь у Ѳеофана и Ал-Феріани, заключаютъ отсюда о невозможности существованія славянской Руси до эпохи призванія Варяговъ?*» стр. 50.

Нѣтъ: это сравненіе совершенно несправедливо и невѣрно, потому что существованіе Славянъ до VI вѣка предполагать можно, по неимѣнію противныхъ оному свидѣтельствъ, а о Руси Несторъ имѣлъ положительныя свидѣтельства, откуда, когда и куда она пришла, что́ и передалъ въ своей лѣтописи, повторяя нѣсколько разъ.

Имени Славянъ до VI вѣка не было упомянуто, такъ сказать, ни pro, ни contra: мы и можемъ допускать ихъ существованіе по уважительнымъ соображеніямъ, а о Руси Несторъ именно говоритъ, и мы не имѣемъ права отвергать его показаній и замѣнять придуманными своими предположеніями. Точно также славянской Руси нигдѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, потому изслѣдователи и заключаютъ о невозможности ея существованія, а есть прямое свидѣтельство о началѣ Руси Варяжской, съ него и начинаютъ изслѣдователи свои разсужденія, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается и Греками, и всѣми прочими свидѣтельствами.

«*Но если до 852 — 866 года, имя Руси у насъ не существовало, откуда, по соображеніямъ Нестора, явилось оно? Кѣмъ занесено?*

Нестору достовѣрно извѣстно, около тѣхъ же 852—866 годовъ, призваніе и водвореніе на Руси варяжскихъ князей.... Онъ естественно приводитъ фактъ призванія въ соединеніе съ началомъ русскаго

имени, опредѣленнымъ, по его мнѣнію, первымъ поминомъ о Руси въ греческомъ хронографѣ. Въ самомъ дѣлѣ имя Руси является у византійцевъ впервые въ царствованіе Михаила; къ тому-же времени относится начало варяжской династіи. Не должна ли прійти ему въ голову мысль объ исторической связи этихъ двухъ, современныхъ фактовъ? Историкъ нашей эпохи не разсудилъ бы иначе», стр. 51.

Совершенно произвольныя и ненужныя соображенія для дѣла, безъ нихъ яснаго, и нужныя только г. Гедеонову для развязки узловъ, имъ самимъ навязанныхъ. Извѣстіе Несторово: «нача ся прозывати Руска земля», есть совершенно отдѣльное, предварительное извѣстіе, которымъ онъ начинаетъ свою хронологическую таблицу.

Такое же отдѣльное извѣстіе поставилъ онъ и въ заглавіи своей лѣтописи: откуда есть пошла Руская земля, и кто въ ней поча княжити.

Несторъ почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, и передаетъ ихъ, каждое отдѣльно, какъ случится. Онъ узналъ изъ греческихъ лѣтописей о нападеніи Руси на Константинополь при И. Михаилѣ, и начинаетъ съ него свою таблицу. Нѣсколько лѣтъ послѣ перваго Михаилова года онъ выставляетъ только счетомъ, за неимѣніемъ свѣдѣній. Потомъ разсказываетъ о крещеніи Болгаръ, и наконецъ о нападеніи Варяговъ и призваніи Варяговъ-Руси по другимъ источникамъ, а въ заключеніе о походѣ Аскольда и Дира, подавшемъ поводъ къ извѣстію греческихъ лѣтописей. Какое право приписывать ему сложную и мудреную операцію, возможную *«для историка нашей эпохи?»*

«Не естественно ли въ лѣтописцѣ XI столѣтія побужденіе отнести честь прозванія Руси къ первому князю владѣющаго рода?» продолжаетъ авторъ.

О Рюрикѣ Несторъ написалъ что̀ зналъ, и очень мало, но никакой цѣны своему сказанію не придаетъ, Рюрика никакъ не славитъ и не сознаетъ и начала государства, а напротивъ начинаетъ съ Кіева: повѣсть временныхъ лѣтъ, кто въ Кіевѣ нача сидѣти, и проч.

Вліяніе другихъ обстоятельствъ на происхожденіе Несторовой системы у критика отличается такою же хитростію: *«Языческая Русь покланялась святымъ рѣкамъ: преданіе о рѣкѣ глаголемой «Рось», какъ прародительницѣ народа, уцѣлѣло еще въ XVI вѣкѣ; при Несторѣ оно, вѣроятно, еще жило въ обрядахъ и пѣсняхъ повсюду празднуемыхъ русалій. Благочестивый монахъ не могъ терпѣть для имени*

сво его народа производства, пригвождавшаго его на вѣки къ языческому идолу; онъ искалъ ему объясненія на пути историческихъ соображеній», стр. 52.

Ни чести, ни безчестья Несторъ не видитъ ни въ какихъ современныхъ обстоятельствахъ. Это понятія не его времени.

«*Система Нестора вертится единственно на придуманномъ имъ объясненіи имени Русь отъ Варяговъ.*»

Утвержденіе, какъ мы видѣли, совершенно произвольное: Несторъ не придумываетъ объясненія, а придумываетъ критикъ, въ угоду своему мнѣнію. Несторъ часто повторяетъ свои вѣрованія, и убѣждаетъ такъ, что во всякомъ безпристрастномъ изслѣдователѣ не остается никакого сомнѣнія, а г. Гедеоновъ называетъ эту драгоцѣнную положительность словокруженіемъ и объясняетъ по своему его показанія:

1) «А словѣнескъ языкъ и русскый одинъ, отъ Варягъ бо *прозвашася Русью*, а первѣе бѣша Словѣне». *Словенскій языкъ и русскій языкъ; словенскій народъ и русскій народъ — одинъ языкъ и одинъ народъ; различіе только въ названіяхъ.*

Нѣтъ — совсѣмъ не то значатъ слова Несторовы. Очевидно, онъ хочетъ сказать: теперь, при мнѣ (какъ и при насъ) безъ различія употребляется названіе русскаго и славянскаго языка. Дѣло идетъ объ одномъ и томъ же нашемъ языкѣ. Мы прозвались Русью, получили имя Руси отъ Варягъ, а прежде назывались Славянами, слѣдовательно теперь Русскимъ языкомъ называется Славянскій языкъ, какъ и мы, Словене, называемся теперь Русью отъ Варяговъ. Вотъ что хотѣлъ сказать Несторъ.

2) «Сице бо ся *зваху* тьи Варязи Русь, яко се друзіи *зовутся* Свое, друзіи же Урмяне, Анъгляне, друзіи Гъте; такъ и сп.» *Русь не Шведы, не Норвежцы, не Англы, не Датчане; сходство только въ общемъ названіи Варягами.*

Нѣтъ, сходство не въ общемъ только названіи Варягами, а сходство въ единоплеменности. Потому и въ исчисленіи племенъ, живущихъ въ удѣлѣ Афетовѣ, Несторъ ставитъ Русь между Аглянами и Готами, что г. Гедеоновъ пропускаетъ. Это сильнѣйшее мѣсто опровергаетъ всю искусственную систему г. Гедеонова.

«*Еслибы между своими Варягами-Русью и Словенами, при отличіи въ названіяхъ, лѣтописецъ предполагалъ отличіе германской народности отъ славянской, шведскаго языка отъ словенскаго, онъ сказалъ бы: «а словенескъ языкъ и русскый нынѣ одинъ», какъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ только объ имени, онъ говоритъ: «По-*

ляне, яже нынѣ зовомая Русь.» Но онъ заботится объ одномъ только прозванiи; его система далѣе не идетъ.»

Требовать отъ Нестора нарѣчія «нынѣ» слишкомъ строго. Такая отчетливость не въ характерѣ первыхъ лѣтописцевъ.

«*Въ лѣто 6360 нача ся прозывати Руска земля, Новгородци.*» «*Поляне, яже нынѣ зовомая Русь*». «*Отъ Варягъ бо прозвашася Русью*». *И Шлецеръ замѣтилъ, что лѣтопись повторяетъ эти положенія, какъ будто бы боясь, что ее не поймутъ.* (Нест. Шлец. 1, 342). *Несторъ этого въ самомъ дѣлѣ боялся*», стр. 53.

Авторъ хочетъ видѣть во всѣхъ этихъ мѣстахъ толкъ о названіи, но названіе здѣсь имѣетъ обширнѣйшій смыслъ. Да еслибъ дадать ему и тѣснѣйшій, то все-таки оно опровергаетъ всю систему автора, все-таки оказывается, что имя Руси на югѣ, какъ и на сѣверѣ, между Славянами, было имя новое, принесенное чуждымъ племенемъ: отъ Варягъ бо прозвашася Русью; Поляне, еже нынѣ зовомая Русь; отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новгородци.

Дѣйствительно, святый отшельникъ видно предчувствовалъ напраслину, взводимую на него критикомъ, и старался изъ всѣхъ силъ отстранить ее, и все-таки не достигъ своей цѣли!

Помилуйте, да изъ какихъ благъ Нестору нужно составлять, да еще и поддерживать систему о происхожденіи Русскаго имени отъ Варяговъ. Вѣдь эта система служила ему, какъ и намъ служитъ, по общему мнѣнію или предразсудку, какъ будто въ укоризну. Наши изслѣдователи стараются отдѣлаться отъ нея, а Нестора вы заставляете любить и лелѣять ее преимущественно.

Касательно слѣдующихъ параграфовъ я ограничусь немногими замѣчаніями.

Въ § V г. Гедеоновъ присоединяетъ нѣсколько доказательствъ или по крайней мѣрѣ изъясненій въ нашу пользу, о принадлежности имени Тавро-Скиѳовъ у нѣкоторыхъ греческихъ лѣтописателей—Руси, и наконецъ, основательное предположеніе о принадлежности сообщеннаго Газе о нападеніи на одинъ черноморскій городъ извѣстія — Святославу, и объ его тмутораканскомъ завоеваніи. Норманисты должны благодарить автора за это содѣйствіе, также какъ и за указаніе (стр. 61) на человѣческія жертвоприношенія и на поклоненіе водамъ и рощамъ въ Амастрійской легендѣ. Мы не понимаемъ только, почему авторъ, приводя примѣръ жертвоприношенія во время Владимира, и извѣстіе Льва дьякона, утверждаетъ между тѣмъ (стр. 62), что «*о Руси и вообще о Славянахъ извѣстно противное.*»

Замѣчаніе, стр. 66, «*могъ ли кіевскій князь, коего владѣнія доходили на югъ только до днѣпровскихъ пороговъ, препятствовать вторженію въ таврическій полуостровъ черноморскаго народа, если въ самомъ Крыму не было подчиненной ему древне-русской колоніи?*» — остроумно и вѣроятно, вслѣдствіе чего основаніе тмутораканской колоніи слѣдуетъ отодвинуть гораздо дальше Святослава, который утвердилъ только, можетъ быть, свою власть надъ нею.

Въ § VI прикладываніе къ славянскимъ и прочимъ сосѣднимъ племенамъ эпитетовъ Фотіевой грамоты, разумѣется, вѣроятнѣе (стр. 73), но противъ норманскаго происхожденія оно, по бо̀льшей мѣрѣ, ничего не говоритъ, если и не подтверждаетъ его. Фотіево мѣсто впрочемъ никѣмъ не употреблялось въ доказательство, а только въ поясненіе.

§ VII также очень остроуменъ, стр. 76, но неубѣдителенъ: до X вѣка Варяги могли быть извѣстны у Грековъ, см. ниже.

Въ § VIII (стр. 77 — 79) объясняется извѣстіе Симеона Логоѳеты о происхожденіи Русскаго имени отъ нѣкоего храбраго Роса.

Въ § IX г. Гедеоновъ объясняетъ argumentum a silentio, почему о славянской Руси нѣтъ извѣстій ни у греческихъ, ни у восточныхъ писателей.

Я съ своей стороны никогда не требовалъ этихъ извѣстій, понимая, вмѣстѣ съ г. Гедеоновымъ, что ихъ и не могло быть ни въ какомъ случаѣ; но вотъ на что не обратилъ онъ вниманія: тѣ, кои есть, тѣ извѣстія всѣ идутъ въ пользу норманства, и ни одного ему во вредъ.

§ X. Свидѣтельства Ахмеда-эль-Катиба о нападеніи Руси=Норманновъ на Севиллу въ 844 году, и свидѣтельства Ліудпранда о тождествѣ Руси съ Норманнами г. Гедеоновъ никакъ отвергнуть не можетъ (точно какъ выше Несторово свидѣтельство), — но старается ослабить силу ихъ своимъ ученымъ толкованіемъ ихъ происхожденія.

«*Норманны дѣйствительно являются*, говоритъ онъ, стр. 84, *въ иныхъ извѣстныхъ случаяхъ подъ именемъ Руси; но у писателей тѣхъ только народовъ, или имѣвшихъ дѣло съ тѣми только народами, къ которымъ они приходили черезъ Русь или вмѣстѣ съ Русью.* Таковы были Арабы и Греки; таковы, между западными лѣтописцами—Пруденцій и Ліудпрандъ».

Читая ученое изслѣдованіе автора о Руссахъ Ахмедъ-эль-Катиба (стр. 90 — 93), по неволѣ воскликнешь: чесо ради гибель сія быть? На что потрачено столько ума, труда, учености?

Для меня очень просто и ясно: было племя норманское Русь, которое въ 838 году посылало пословъ въ Царьградъ (бертинскія лѣтописи), въ 844 г. нападало на Севилью (Ахмедъ-эль-Катибъ), въ 862 году призвано Словенами въ Новгородъ (Несторъ).

А какія операціи дѣлаетъ г. Гедеоновъ, чтобъ уразумѣть досадныхъ ему Rus арабскихъ!

Доказать ухищренный смыслъ гораздо труднѣе, чѣмъ простой.

Касательно Ліудпранда, котораго отчимъ присутствовалъ при казни русскихъ плѣнниковъ въ Царѣградѣ, авторъ замѣчаетъ: «*что въ числѣ ихъ были Норманны, и Венды, и Печенѣги — намъ извѣстно по Нестору.... Это сборище напоминало обыкновенный составъ норманскихъ разбойничьихъ шаекъ на западѣ: «Piratae diversis admodum collecti ex familiis; latrones promiscuae gentis» (Paschas. Radbert. ap. Krug, Forsch. 1. 25); «mixtae Danorum Slavorumque copiae» (Saxo Gram. l. X, 490). Разспрашивалъ ли Гугоновъ посолъ плѣнниковъ, и именно скандинавскихъ? Быть можетъ; во всякомъ случаѣ онъ могъ узнать и Норманновъ въ числѣ привезенныхъ въ Константинополь пиратовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ для нихъ и общее греческое наименованіе* Ῥῶς. *Почему они такъ назывались у Грековъ, онъ не развѣдывалъ, а сообщилъ своему зятю простое (и отчасти справедливое) извѣстіе, что морскіе разбойники, слывущіе на западѣ подъ именемъ Норманновъ, называются у Грековъ* Ῥῶς», стр. 99.

Да чего же больше?

Стр. 100. «*Извѣстіе Ліудпранда, такъ высоко цѣнимое скандинавистами, доказываетъ только одно, а именно — что русское имя не было никогда генетическимъ, туземнымъ названіемъ Норманновъ*».

О генетическомъ имени здѣсь нѣтъ рѣчи, но Русью назывались подданные Игоря, и Ліудпрандъ называлъ ихъ Норманнами. Вотъ что важно.

Сигбертъ дѣлалъ *выписки* изъ Ліудпранда и пропустилъ происхожденіе. Авторъ съ торжествомъ восклицаетъ:

«*Этимъ опущеніемъ норманскаго имени для Руси, въ выпискѣ многоуважаемаго имъ Ліудпранда, Сигбертъ явно свидѣтельствуетъ о степени удивленія, какое возбудила въ немъ невѣроятная этнографическая ересь его заальпійскаго авторитета*».

Сравненіе Ибн-Фоцлановыхъ извѣстій съ славянскими обрядами, стр. 88, ослабляетъ нѣсколько доказательную ихъ силу въ пользу норманства, но отнюдь не доказываетъ исключительнаго славянства. Tout au plus можно сказать, что авторъ неутрализировалъ это норманское подкрѣпленіе.

Съ такимъ же насиліемъ авторъ относится и къ несчастнымъ бертинскимъ лѣтописямъ, которыя никогда еще не выносили подобнаго истязанія. Онъ видитъ въ нихъ, равно какъ въ отвѣтѣ императора Лудовика, въ похвалѣ кіевскаго митрополита Иларіона и въ Словѣ о полку Игоревѣ — одно козарство, и восклицаетъ: «*Ни одно изъ начальныхъ явленій нашей древней исторіи не утверждено на доказательствахъ болѣе положительныхъ, оффиціальныхъ, независящихъ другъ отъ друга*».

«*Русскій хаганатъ въ 839—871 годахъ вѣрнѣе призванія Варяговъ, договоровъ Олега, Игоря, Святослава, лѣтописи Нестора*», стр. 103.

Ай, ай, ай! И это утверждаетъ г. Гедеоновъ, изъ одного имени Кагана, встрѣчаемаго въ нѣкоторыхъ памятникахъ!

Козары долго владѣли Кіевомъ и всею окрестною страною. Кіевъ платилъ дань кагану — это имя и осталось тамъ надолго, распространилось и сдѣлалось своимъ. Такъ распространилось у насъ названіе царь. Такъ у западныхъ народовъ сдѣлалось общимъ имя король или императоръ. Что было бы съ исторіей, еслибъ изъ имени императора или короля судить о происхожденіи народовъ, у коихъ оно употребляется? Между тѣмъ, авторъ торжественно восклицаетъ:

«*Но существованіе въ 839 году народа Rhos, подъ управленіемъ хагановъ, уничтожаетъ систему норманскаго происхожденія Руси; Шведы хагановъ не знали*».

Мнѣ кажется, онъ восторжествовалъ рановременно: не съ бо́льшимъ ли правомъ я могу сказать: существованіе въ 839 году народа Rhos, соплеменнаго Шведамъ, уничтожаетъ систему Гедеоновскаго происхожденія Руси?

Норманны, изъ племени Русь, пришли къ и. Θеофилу для заключенія союза, а воротиться не хотѣли домой прежнею дорогою чрезъ страну дикихъ и варварскихъ народовъ: они просили проводить ихъ другою дорогою, и императоръ отправилъ ихъ при посольствѣ къ Лудовику Благочестивому. Въ Ингельгеймѣ они подверглись слѣдствію и оказались принадлежащими къ роду Свеоновъ.

Ясно, что Rhos сѣверное племя, и такому племени естественно искать дороги западной, европейской, послѣ совершеннаго труднаго и опаснаго пути. Какъ все это просто и естественно — нѣтъ, ученое предубѣжденіе ничего слышать не хочетъ, видяще не видитъ, и сочиняетъ себѣ затрудненія!

Разберемъ изслѣдованіе автора по составамъ.

Препровожденные изъ Константинополя люди были Шведы навѣрное: такъ нашъ авторъ находится принужденнымъ согласиться.

Обращаю вниманіе читателей на эту вынужденную уступку, въ дополненіе къ уступкамъ о норманствѣ Несторовомъ, Ліудпрандовомъ, Ахмедъ-эль-Катибовомъ. И точно такъ же долженъ бы согласиться онъ, что Chacanus vocabulo значитъ по имени Гаконъ, а не козарскій хаганъ.

Съ мнѣніемъ Круга и Куника о хаганѣ я не соглашаюсь, и думаю, что въ бертинскихъ лѣтописяхъ говорится не о каганѣ, а о Гаконѣ. Доказательства противныя у автора слабы. Chacanus vocabulo, по имени Гаконъ, иначе и перевести нельзя. Приводимъ паралельныя мѣста: Chron. Cass. 1, 25, с. 156. Horum rex fuit vocabulo Calphon; Ἄρχοντος τῶν Ῥῶς γαμέτη, Ἔλγα τοὔνομα.

И потому сказать, что «*существованіе русскаго хаганства въ IX вѣкѣ (839 — 871) неопровержимый историческій фактъ, а вмѣстѣ съ нимъ и совершенно чуждое скандинавскому началу существованіе въ сосѣдствѣ Хозаровъ и Аваровъ народа Rhos*», стр. 106, нѣтъ достаточнаго права, и существованіе Rhos, Русь, родное скандинавскому началу, въ сосѣдствѣ Хозаръ и Аваровъ, въ 871 году быть могло.

Почему же являются Шведы, спрашиваетъ авторъ, «*подъ именемъ Rhos?*»

Вотъ здѣсь-то его остроуміе и является во всемъ блескѣ своей тонкости, точно также, какъ и въ объясненіи Ліудпранда и Ахмедъ-эль-Катиба. Но гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Кіевскій династъ послалъ, слышите, въ Константинополь Шведовъ. А что это за лицо кіевскій династъ? Его надо сочинить, и авторъ сочиняетъ его вотъ какъ:

«*Кромѣ верховнаго хагана, были у Аваровъ хаганы второстепенные, титулуемые однакожъ великими... У Хозаръ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, при верховномъ или великомъ хаканѣ былъ намѣстникомъ или халифомъ Хаканъ-Бехъ; а подъ нимъ Кендеръ-Хаканъ*».

«*Такимъ второстепеннымъ хаганомъ, кіевскимъ намѣстникомъ великаго хагана Хазаріи, былъ по всей вѣроятности*, думаетъ авторъ, *тотъ династъ народа Rhos, о которомъ бертинскія лѣтописи упоминаютъ подъ 839 г.*» стр. 106.

Читатели видятъ, что все-таки это не настоящій хаганъ, а только его помощникъ, ну да это куда не шло!

«*Подобному кіевскому династу*, говоритъ г. Гедеоновъ, *легко могло*

придти въ голову отправить посольство въ Константинополь; величіе и богатство имперіи были извѣстны во всей Черноморіи», стр. 111.

А почему же кіевскій династъ послалъ послами въ Константинополь Шведовъ? Вопросъ очень естественный. Какъ отвѣчаетъ на него г. Гедеоновъ?

А вотъ какъ:

«*Почему онъ послалъ Шведовъ, я не берусь угадать*».

А кто же возмется? Вѣдь это нужно!

«*Всего вѣроятнѣе, потому что они сами вызвались на опасный подвигъ, а кагану были извѣстны какъ мужи «смыслены и храбры», дружинники опытные въ бою и совѣтѣ*».

А какъ они попали въ Кіевъ? зачѣмъ? Какъ могъ козарскій династъ сдѣлать важное порученіе неизвѣстнымъ пришельцамъ? Изъ чего, когда могъ удостовѣриться въ ихъ смышлености и храбрости?

«*Въ Царьградѣ Шведы сказались Русью*, продолжаетъ г. Гедеоновъ, *т. е. представителями русской народности: иначе и быть не могло; и въ настоящее время австрійскіе послы изъ венгерскихъ и чешскихъ магнатовъ, объявляютъ объ австрійской, не о венгерской и чешской народности*», стр. 111.

Соглашаюсь, что Rhos сказалось прежде въ Константинополѣ, и послѣ отозвалось въ бертинскихъ лѣтописяхъ, передавшихъ посланіе и. Өеофила, но что же изъ этого?

Зачѣмъ же этимъ посламъ козарскимъ вздумалось возвратиться въ Кіевъ по другой дорогѣ? Чрезъ какія же пустынныя и дикія страны слѣдовало проходить имъ въ Константинополь? Здѣсь жили одни Печенѣги, которыхъ нельзя никакъ разумѣть подъ многими дикими и варварскими, неизвѣстными племенами. Печенѣги были извѣстны и Славянамъ и Козарамъ. Козары жили тогда и въ Крыму и въ низовьяхъ Волги, и извѣстны были хорошо въ Константинополѣ. Такъ имъ и возвращаться слѣдовало въ Кіевъ по прежнему кратчайшему пути. Зачѣмъ козарскихъ пословъ Богъ занесъ на Рейнъ, для возвращенія въ мѣсто своего отправленія, въ Кіевъ, съ отчетомъ о порученіи, о которомъ уже и помину нѣтъ? Что за путаница?

И каковъ кругъ они хотѣли сдѣлать? Это было имъ легче, хочетъ доказать авторъ, чѣмъ воротиться по Днѣпру изъ Чернаго моря до Кіева.

А можетъ быть «*они были обманщики*», желавшіе получить по-

дарки и отъ западнаго императора, и отъ восточнаго? Сколько предположеній, одно другого мудренѣе!

Съ какой бы стати, для какой цѣли этимъ Россамъ, этимъ Шведамъ прилагать филологическое извѣстіе о переводѣ нарицательнаго имени rex на чужой языкъ въ Ингельгеймѣ (Rex illorum, chacanus vocabulo)?

И какую выгоду извлекаетъ авторъ изъ этихъ Шведовъ—Rhos въ Константинополѣ и Ингельгеймѣ, для своего мнѣнія о славянствѣ Руси? Рѣшительно невидно никакой.

Въ § XII, слова Константина Багрянороднаго, противорѣчащія раздѣленію на Словенъ и Русь автора, онъ кладетъ на дыбу, о коей я говорилъ прежде, — ну онѣ и издаютъ глухіе звуки. А для насъ онѣ издаютъ звуки ясные, совершенно соотвѣтственные сказанію Нестора о племенахъ славянскихъ, платящихъ дань Руси.

«*Не два народа*», *Норманны и Славяне*, говоритъ авторъ, стр. 114, «*противополагаются другъ другу въ извѣстіи Константина, а господствующее русское племя не русскимъ народностямъ, иже дань даютъ Руси*». А мы понимаемъ совершенно на оборотъ! Здѣсь именно противополагаются Славяне и Русь, подъ которою рѣшительно нельзя разумѣть юга. Константинъ точно въ томъ же смыслѣ говоритъ о дани Кривичей, Лучанъ, Тиверцевъ, Древлянъ и проч. Руси, какъ Несторъ говоритъ о дани Олегу Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и Радимичей.

Гдѣ же здѣсь общее имя для юга, въ противоположность сѣверу — Славянамъ? Всѣ поименованныя южныя племена суть Славяне, платящіе дань Руси.

Ῥωσιστὶ и Σκλαβινιστὶ авторъ переводитъ по-кіевски и по-новгородски, или по-русски и по-словенски!!

Для него нужды впрочемъ нѣтъ, еслибъ даже русскія названія доказались и норманскими. Норманскія названія могли быть названы отъ Грека русскими, какъ, въ свою очередь, Норманны назвали себя при дворѣ западнаго императора также Русью.

Что за эластическое имя эта Русь: Олегъ и Рюрикъ и Игорь были Славяне, Аскольдъ и Диръ Венгерцы, Поляне были Русь, а сами себя такъ никогда они не называли. Откуда, отъ кого же пришло къ нимъ имя Русь, спросимъ мы въ десятый разъ.

Вотъ за полюдье такъ нельзя не поблагодарить г. Гедеонова: «Πολύδια (у Константина) *должно быть наше полюдіе; онъ пере-*

дѣлываетъ на греческій ладъ и наше слово законъ: «κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν», «κατὰ τὸ τῶν Χαζάρων ἔθος καὶ ζάκανον», стр. 117.

Объясненіе γύρα округи, по смыслу выходитъ хорошо, но въ лексическомъ отношеніи такъ ли, не могу рѣшить.

§ XIII посвященъ Варягамъ, Βάραγγοι, Waeringiar.

Мнѣніе Ире и Шлецера было таково: Норманны получили первоначально имя Варанговъ въ Константинополѣ, въ наслѣдство отъ Федератовъ — Waeringiar (wara союзъ, foedus и проч.), и подъ этимъ именемъ проѣзжали чрезъ славянскія страны домой и изъ дому. Наши Славяне перенесли это имя на всѣхъ ихъ соотечественниковъ.

Авторъ отвергаетъ, во-первыхъ, тожественную связь между федератами, исчезающими въ концѣ IX столѣтія, и Варангами, встрѣчающимися не прежде 1034 г., Waeringiar въ 1040 г. «*Между сими названіями*», говоритъ онъ, «*легло 213, по крайней мѣрѣ 135 годовъ. Стриттеръ, Кругъ и другіе пополняли этотъ промежутокъ Фарганами, но мы узнали въ Фарганахъ не Скандинавовъ, а азіатскихъ уроженцевъ и войско*», стр. 132.

Отдаемъ справедливость автору за указаніе мѣста объ азіатскомъ происхожденіи Фаргановъ, ibid., которыхъ надо исключить теперь изъ изслѣдованій о Варягахъ.

Но и безъ Фаргановъ можемъ мы замѣтить автору, что столѣтніе промежутки бываютъ часто при подобныхъ случаяхъ во всѣхъ исторіяхъ, и также часто встрѣчаются случайно мѣста, коими сокращаются пробѣлы. Самъ авторъ указываетъ употребленіе имени федератовъ, котораго не знали ни Ире, ни Шлецеръ, въ IX столѣтіи, стр. 130.

«*Безъ сомнѣнія можно*», говоритъ онъ, насмѣхаясь, «*допустить, что названіе и учрежденіе Федератовъ продолжались до XI столѣтія, хотя греческіе писатели и не упоминаютъ о нихъ послѣ IX-го; но не значитъ ли это доказывать вымышленныхъ Варанговъ изобрѣтенными Федератами*», стр. 133.

Это очень остро, но неубѣдительно.

Я представлю здѣсь ваши собственныя слова о Руси и Хозарахъ, которыя вы здѣсь позабываете, и которыя побѣдоносно защищаютъ возможность связи между федератами и Варангами, не смотря на промежутокъ молчанія 213 — 135 лѣтъ. Вотъ что вы говорили:

Стр. 83. «*Еще разъ повторяю: никто не имѣетъ права требовать*

отъ греческихъ и арабскихъ писателей извѣстій о Руси, до второй половины IX вѣка, а еще менѣе—основывать свои требованія на невѣрно понятыхъ и въ превратномъ видѣ представленныхъ свидѣтельствахъ этихъ писателей. Argumentum a silentio здѣсь не у мѣста; о Хозарахъ, народѣ сильномъ, вступившемъ въ непосредственныя сношенія съ Греками уже въ началѣ VII вѣка, упоминаетъ впервые патріархъ Никифоръ въ началѣ IX».

Точно также г. Гедеоновъ смѣется надъ тѣмъ, что Русь оставила за собою финское имя, а самъ развѣ иначе разсуждаетъ объ имени Варяговъ, котораго Норманны не знали, а оставили за собою по употребленію поморскому! Точно также и Шведы, по его мнѣнію, называли себя въ Ингельгеймѣ Росами, по употребленію кіевскому. На стр. 149, онъ допускаетъ измѣненія и отличія въ ороографированіи именъ, а на стр. 141 требуетъ строгого единства отъ Верринговъ и не хочетъ изъ-за одной буквы допускать ихъ родства съ Варангами.

Федератами могли быть и не Готы, а имя остаться прежнее: приводитъ же авторъ свидѣтельство, что въ готской игрѣ Готовъ представляли впослѣдствіи переряженные Греки и Римляне!

«*Наконецъ, гоняясь за воображаемымъ историко-лингвистическимъ тождествомъ Варанговъ и Федератовъ*», говоритъ авторъ, «*норманская школа совершенно забываетъ объ имени, подъ которымъ, по ся же системѣ, Скандинавы служили у Грековъ, отъ второй половины IX вѣка до учрежденія варангской дружины и послѣ, объ имени Русь. Въ 902 году Руссы служатъ въ греческомъ флотѣ* (Const. P. de cerim. ed. Bonn. I, 651)», стр. 137. «*Если Норманы служатъ у Грековъ въ 866—902 году, подъ названіемъ Руси*, ʽΡῶς, *что становится съ Федератами*-Warang'*ами?*»

Отвѣчаю: это совершенно отдѣльныя обстоятельства: Варанговъ было 500 человѣкъ, они составляли особенную гвардію, внѣ которой Грекамъ служили тысячи другихъ иноплеменниковъ, съ Русью включительно, не имѣвшихъ никакихъ отношеній къ придворной Варангіи. Варанги сами по себѣ, другіе наемники — Русь и прочіе — сами по себѣ.

Но отвергнемъ, пожалуй, связь федератовъ съ Верингами, примемъ, что позднѣйшіе федераты не походили на первыхъ, положимъ, что въ X вѣкѣ византійская исторія не знаетъ наемныхъ войскъ изъ германскихъ народностей. Согласимся, что вторая часть вышеизложеннаго мнѣнія очень натянута. Авторъ удачно пред-

ставляетъ ея слабыя стороны: мудрено, точно, полагать, чтобъ Славяне могли распространить имя проѣзжихъ путешественниковъ, очень малочисленныхъ, на все народонаселеніе береговъ Балтійскаго моря. Что же далѣе говоритъ авторъ?

Стр. 142. «*Исторія, выводы лингвистическіе, соображенія здраваго смысла убѣждаютъ насъ въ томъ*» замѣчаетъ авторъ, «*что варяжское имя родилось не у Норманновъ, что скандинавское vaering возникло по учрежденіи варангскаго корпуса въ концѣ X-го вѣка, что до этой эпохи и внѣ Греціи Норманны себя Верингами (Vaeringiar) не называли. Нигдѣ и никѣмъ не сказано, чтобы это названіе употреблялось ими и по возвращеніи на Сѣверъ. О противномъ свидѣтельствуютъ, кромѣ приведенныхъ выше доказательствъ, и самыя выраженія сѣверныхъ источниковъ*».

Происхожденіе имени Варяговъ, также какъ и Руси, имѣло всегда и имѣетъ теперь въ глазахъ моихъ важность второстепенную. Мнѣній можетъ быть множество, мнѣнія могутъ смѣнять одно другое, но ими сущность дѣла, тождество Варанговъ, Веринговъ и Варяговъ, впрочемъ, не измѣняется.

Какъ бы то ни было, Греческіе Варанги — Норманны.

Сѣверные Веринги — Норманны.

Несторовы Варяги — Норманны.

Это все допускаетъ и принимаетъ авторъ, и это все подкрѣпляется взаимно, говорю я; норманство Варанговъ подтверждаетъ норманство Веринговъ и Несторовыхъ Варяговъ, и на оборотъ.

А откуда происходитъ имя Варанговъ, имя Верииговъ, имя Варяговъ? Одно и то же ли происхожденіе имѣютъ всѣ эти три слова, или различное? Въ послѣднемъ случаѣ сходство должно признать случайнымъ. Если сходство случайное, замѣтимъ мимоходомъ, то надо признаться, что оно очень странное и удивительное. Впрочемъ исторія, историко-критическая наука представляетъ много примѣровъ, которыми жизнь какъ бы насмѣхается надъ изслѣдователемъ.

Въ чемъ же состоитъ мнѣніе самаго г. Гедеонова о происхожденіи имени Варягъ?

Стр. 154. «*Я отнюдь*, говоритъ онъ, *не вывожу изъ сказаннаго до сихъ поръ о славянствѣ Варяговъ, мнѣніе о существованіи особаго славяно-варяжскаго племени, сокрытаго подъ именами какихъ-нибудь Вагировъ, Вариновъ и т. д.; напротивъ, я убѣжденъ, что никогда и нигдѣ не было особой народности, отличавшей себя варяж-*

скимъ именемъ; но думаю, что еще задолго до девятаго вѣка, имя Варяговъ, или ему соотвѣтствующее, было у поморскихъ Славянъ общимъ наименованіемъ норманно-вендскихъ пиратовъ». (Такъ думалъ и Ломоносовъ).

Какимъ образомъ доходитъ авторъ до этого заключенія?

Доводятъ его къ оному преимущественно Арабы. По изслѣдованіямъ его, оказывается, что всѣ свѣдѣнія о Вазенгахъ и Варенгахъ получили Арабы отъ Славянъ поморскихъ, слѣдовательно у нихъ только могло встрѣчаться это имя, слѣдов. это имя славянское.

Положимъ такъ, но не странно ли, возражаю я автору, не входя въ подробности его разсужденій, что Арабы имѣли сношенія только съ славянскими обитателями береговъ Балтійскаго моря, а отнюдь не съ Норманнами? стр. 151. Находятъ же арабскія монеты во всей Скандинавіи! Онѣ доказываютъ, что Норманны имѣли съ Арабами прямыя сношенія. Норманновъ знали Арабы вѣдь лицемъ къ лицу въ Итилѣ, при нападеніи ихъ на берега Каспійскаго моря. Или—и эти нападеніи принадлежали славянскимъ Варягамъ? Почему же Арабы получали свѣдѣнія только славянскія, а не норманскія?

Вездѣ видно одно и то же предубѣжденіе!

Стр. 147. «*Изъ представленныхъ Френомъ четырнадцати мѣстъ арабскихъ писателей о Варенгахъ*, говоритъ авторъ, *въ восьми ихъ имя приводится въ связи съ именемъ Славянъ; ни въ одномъ не упоминается о Шведахъ, Норвежцахъ, Датчанахъ, Скандинавахъ. Я говорю ни въ одномъ, ибо приводимое въ подтвержденіе тождества Варенговъ и Шведовъ, мнѣніе турецкаго географа XVII-го столѣтія, Хаджи-Хальфы, имѣетъ, какъ ученое доказательство, не болѣе вѣса Герберштейнова мнѣнія о происхожденіи Варяговъ отъ славянскихъ Вагировъ и не можетъ быть причислено къ такъ называемымъ свидѣтельствамъ восточныхъ писателей о Варенгахъ».*

Авторъ считаетъ важнымъ здѣсь, что Арабы не называютъ нигдѣ Варянговъ вмѣстѣ со Шведами, Норвежцами, Датчанами и проч. А что Несторъ называетъ Русь вмѣстѣ съ ними, это не значитъ для него ничего!

Стр. 151. «*Откуда у арабскихъ писателей*, говоритъ онъ, *это множество извѣстій о прибалтійскихъ Славянахъ? О нихъ, о подробностяхъ ихъ внутренняго, домашняго быта, знаютъ Масуди, Ибн-Фоцланъ, Эдризи, Димешки и проч. Напротивъ о Скандинавахъ, Норманнахъ, нѣтъ даже и намёка. Понятно ли это при норманствѣ*

тѣхъ Варяговъ, которые были въ сношеніи съ Арабами? Понятно ли это безъ особенныхъ отношеній къ Руси поморскихъ Варяговъ-Славянъ?»

Въ удивительно волшебномъ кругѣ заключилъ себя г. Гедеоновъ! Онъ не хочетъ подъ Варягами Арабовъ разумѣть Норманновъ и удивляется, что Арабы ничего не говорятъ о Норманнахъ! А мы говоримъ: вотъ сколько извѣстій о Норманнахъ у Арабовъ, и видимъ въ этихъ извѣстіяхъ доказательства норманскаго происхожденія Варяговъ.

Авторъ думаетъ, что имя Варяговъ принадлежитъ первоначально сѣвернымъ славянскимъ поморцамъ, и на ихъ нарѣчіи значитъ мечники. Сѣверные поморцы называли такъ вообще морскихъ витязей, норманскихъ викинговъ, т. е. не народъ, а промыслъ, занятіе, образъ жизни.

Занятіе! Свое собственное? Вѣдь поморцы занимались тою же войною. Не странно-ли, не мудрено ли предположить, что они себѣ давали другое имя, что прочіе приняли ихъ прозваніе!

А Варяговъ въ ихъ собственныхъ лѣтописяхъ и памятникахъ мы не находимъ (возраженіе въ этомъ родѣ г. Гедеоновъ часто дѣлаетъ своимъ противникамъ).

Если они называли Варягами и себя и Норманновъ, то почему же г. Гедеоновъ хочетъ разумѣть подъ Варягами, у насъ извѣстными, именно ихъ, Поморцевъ вендскихъ, а не Норманновъ? Вагры и Вагиры представились бы въ этомъ отношеніи гораздо вѣроятнѣе Варанговъ — мечниковъ. А Вагровъ мы имѣемъ причины отвергать, да и г. Гедеоновъ не считаетъ ихъ принадлежащими къ нашему вопросу, даже и не упоминая почти ихъ имени во всемъ своемъ изслѣдованіи.

Г. Гедеоновъ забываетъ совершенно, что Несторъ именно называетъ всѣхъ обитателей береговъ Балтійскаго моря по именамъ, и рѣшительно отдѣляетъ Варяговъ отъ другихъ: Ляхове, Пруси и Чюдь присѣдять морю Варяжскому... По тому же морю живутъ Варяги.

А Ляховъ было много племенъ: иніи Поляни... Лутичи... Мазовшани, Поморяне. Варяговъ отъ нихъ всѣхъ Несторъ, повторяю, отличаетъ!

Казалось бы всего естественнѣе почесть Варяговъ Вагирами, Ваграми: нѣтъ, авторъ отвергаетъ Вагровъ, а считаетъ Варяговъ

Поморцами, между тѣмъ какъ истинные Поморцы имѣютъ у Нестора свое особое имя Поморянъ и отличаются отъ Варяговъ!

Варяговъ средніе лѣтописцы называютъ *Нѣмцами:* авторъ, принимающій въ соображеніе и Руса и Мосоха, объ этихъ Нѣмцахъ ни гугу!

Перенесеніе имени отъ занятія, промысла, образа жизни, на народъ также не безъ затрудненій и предполагаетъ множество среднихъ терминовъ. Словѣни Новогородцы должны узнать прежде Поморцевъ, и отъ нихъ перенять имя Варяговъ, а потомъ распространить его значеніе! По какому поводу? На какомъ основаніи? Все это очень мудрено по системѣ г. Гедеонова, а по нашей системѣ все гораздо простѣе и легче: такъ назывались Варяги Русью, какъ другіе Варяги называются Свеями, другіе Англами, другіе Готами, Мурманами, тако и си.

Въ Аѳетовѣ части сѣдятъ: Варязи: Свеи, Урмяне, Готѣ, Русь, Агляне, Галичане, Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и проч.

Вотъ между какими народами показывается Русь!

Вотъ два капитальныя мѣста, на коихъ зиждется мнѣніе о норманскомъ происхожденіи Руси.

Съ поморскими Славянами не примѣчается никакой связи у насъ въ продолженіе всего перваго періода. Какъ бы это могло случиться, если бъ первые Варяги были Поморцы? Непремѣнно нашелся бы случай, поводъ къ упоминовенію. Дони, Готи, Свеи — вотъ съ кѣмъ связь была и продолжалась и послѣ X столѣтія! А въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ по случаю войны Шведовъ (въ 1240 г.) сказано:

«Король части римскія отъ полунощныя страны, иже первѣе *Варяги* и *Готы*, нынѣ *Свіи* именовахуся».

Г. Гедеоновъ взыскиваетъ, зачѣмъ нѣтъ упоминовенія объ основаніи нашего государства у Норманновъ; а что его нѣтъ въ славянскихъ его источникахъ, объ этомъ онъ умалчиваетъ. Всѣ возраженія его норманистамъ, въ этомъ отношеніи и смыслѣ, можно оборотить, съ одинакимъ основаніемъ, его мнѣнію о славянскомъ происхожденіи Варяговъ.

Варяговъ и Русь раздѣлять нельзя.

Варяги живутъ до Англіи и Франціи, говоритъ Несторъ, неужели это Поморцы — Славяне?

Нѣтъ, производство г. Гедеонова не выдерживаетъ критики!

Оно подвержено возраженіямъ еще болѣе мнѣнія Ирева и Шлецерова.

Въ § XIV г. Гедеоновъ доказываетъ славянское происхожденіе многихъ словъ (броня, волхвъ, гридь, гридинъ, коляда, обелъ, скотъ, смердъ), кои мы считали норманскими. Онъ представляетъ нѣсколько филологическихъ соображеній, очень вѣрныхъ и удачныхъ (наприм. о колядѣ), и однакожъ соглашается, напримѣръ, стр. 175, что «*этимологическою основою щьлягъ и стерлягъ служатъ германскіе: schilling и sterling*».

Точно то же можно сказать и о другихъ словахъ, имъ пререкаемыхъ. Онѣ принесены къ намъ Норманнами, Норманны получили ихъ изъ общаго источника.

Въ § XV г. Гедеоновъ разсуждаетъ объ именахъ, въ которыхъ норманская школа видѣла, правда, одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ. Соглашаюсь, что онъ колеблетъ успѣшно силу этого доказательства и убѣждаетъ повѣрить Шафарику, который «*указываетъ на сходство славянской ономатологіи съ кельтскою и германскою, какъ на слѣдствіе доисторической связи, бывшей между европейскими народами—аборигенами. Между вендскими племенами и германо-скандинавскимъ міромъ эта связь возобновилась въ историческую эпоху. Находясь въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ, то враждебныхъ, то дружескихъ, обѣ народности подлежали непосредственному вліянію одной на другую, во всѣхъ почти частностяхъ своего историческаго развитія; о язычникахъ Славянахъ, Саксахъ и Шведахъ Адамъ Бременскій говоритъ: «haec tulimus excerpta ex scriptis Einhardi, de adventu, moribus et superstitione Saxonum, quam adhuc Slavi et Sueones ritu paganico servare videntur» (Ad. Brem. стр. 5). О датскомъ архіепископѣ временъ св. Оттона, его неизвѣстный біографъ: «erat autem vir bonus et simplex... in exterioribus tamen Slavicae rusticitatis» (Hist. Anon. in Script. rer. ep. Bamberg. I. 721). Это взаимнодѣйствіе одной народности на другую, преимущественно замѣтно въ подробностяхъ германо-славянской ономатологіи, какъ особенности болѣе другихъ подверженной иноземному вліянію. Германскія и скандинавскія имена переходятъ къ Славянамъ, славянскія и германскія къ Норманнамъ*», стр. 180.

Согласимся, что впослѣдствіи имена употреблялись смѣшанно, какъ у Норманномъ, такъ и у Славянъ, точно какъ теперь мы употребляемъ имена еврейскія, греческія и русскія. Слѣдовательно и древніе поморскіе Славяне могли вѣдь употреблять у себя нор-

манскія имена, которыя мы теперь, находя у нихъ, считаемъ славянскими, а не норманскими! Предоставляю разсуждать объ именахъ г. Кунику.

Точно тоже могло случиться и съ нѣкоторыми обычаями, даже вѣрованіями, а что касается до дикарей въ родѣ Ирокопцевъ и Альгонкинцевъ (стр. 242), будто бы жившихъ въ нашихъ странахъ, по мнѣнію норманистовъ, то это напраслина! никто изъ нихъ, кажется, не писалъ подобной картины.

Я кончилъ обстоятельное разсмотрѣніе почтеннаго труда г. Гедеонова. Я старался отдать ему полную заслуженную имъ справедливость. Въ заключеніе предложу на безпристрастный его судъ сравненіе нашихъ мнѣній въ ихъ составныхъ частяхъ по наличнымъ свидѣтельствамъ, съ указаніемъ, въ какомъ смыслѣ онѣ принимаются имъ и нами.

Намъ представляется дѣло вотъ какъ: приведемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ событія.—

Въ 839 году одно норманское племя присылало отъ себя пословъ въ Константинополь, заключать договоръ, которые пришли туда чрезъ многія дикія и варварскія стороны. Чтобъ не возвращаться имъ тѣмъ же опаснымъ путемъ, императоръ Ѳеофилъ препроводилъ ихъ при своемъ посольствѣ къ Лудовику Благочестивому, прося его дать имъ лучшія средства возвратиться домой.

При дворѣ Лудовика въ Ингельгеймѣ сочли ихъ соглядатаями. Они называли себя *Rhos*, и показались слѣдователямъ принадлежащими къ роду *Свеоновъ*, что и записано въ *Бертинскихъ лѣтописяхъ*.

Въ 844 году являются Норманны подъ Севиллою въ Испаніи, и *современный арабскій лѣтописатель* называетъ ихъ Русью и безбожниками, именемъ, прилагаемымъ по преимуществу Норманнамъ.

Въ 862 году, по свидѣтельству *Нестора*, Словене Новогородскіе съ сосѣдними племенами отправляются за Варяжское море къ Варягамъ-Руси.

Это племя Варяговъ такъ называлось Русью, какъ другіе племена назывались Шведами, другіе Англянами, Готами и проч.

Избравшіеся братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ взяли съ собою всю Русь и пришли (862), заняли города Ладогу и потомъ (у Словенъ) Новгородъ, Изборскъ (у Кривичей) и Бѣлозерскъ (у Веси). Меньшіе братья умерли, и старшій, оставшись одинъ владѣте-

лемъ, разослалъ мужей по городамъ, и по тѣмъ городамъ Варяги находники, а прежніе жители въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома.

Отъ Варяговъ прозвались Русью Новогородцы, а прежде были Словене.

Рюрикъ велѣлъ рубить города и въ другихъ мѣстахъ.

Двое изъ спутниковъ Рюрика отпросились у него въ Грецію (слѣдовательно страну достаточно имъ уже, то есть издавна, знакомую). По дорогѣ они остановились въ Кіевѣ, совокупили тамъ многихъ Варяговъ, и года чрезъ два (866) предприняли походъ на Константинополь.

Греки приписываютъ этотъ походъ Руси, народу, до тѣхъ поръ имъ неизвѣстному. Подъ этимъ именемъ записаны они въ *греческихъ* лѣтописяхъ. Нестору попалось это извѣстіе, и онъ записалъ у себя въ своей лѣтописи о началѣ имени Русской земли.

По смерти Рюрика въ 879 году, Олегъ, собравъ вои, перешелъ самъ на югъ, и овладѣлъ Кіевомъ, велѣвъ убить Аскольда и Дира, выманенныхъ имъ къ себѣ въ ладью. Вы не князья и не княжескаго роду, а я князь, а вотъ сынъ Рюриковъ, сказалъ онъ имъ, предъ умерщвленіемъ.

Олегъ самъ пошелъ на Константинополь, и заключилъ договоръ выгодный для Руси. И Игорь ходилъ туда. Ходила Русь и на берега Каспійскаго моря.

По поводу Греческаго похода есть извѣстія *западныя, у Ліудпранда*, который говоритъ о родѣ Руси Франкамъ, и называетъ ихъ Норманнами.

Арабы описываютъ ихъ нашествія на берега Каспійскаго моря и сообщаютъ подробности о ихъ бытѣ, приличныя Норманнамъ.

Кіевскіе князья имѣютъ безпрерывное сообщеніе съ Норманнами, получаютъ оттуда помощь, вступаютъ въ брачные союзы.

Варяги и Русь изъ Кіева ходятъ на службу и въ Константинополь, и вступаютъ тамъ въ должность тѣлохранителей, которые называются Варангами, и у всѣхъ лѣтописателей объявляются пришедшими съ сѣвера, Датчанами, Англами и т. п.

Монеты арабскія, англосакскія, греческія, находимыя по всему пространству Россіи, точно какъ и въ Скандинавіи, за все это время, подтверждаютъ извѣстія писателей, греческихъ, арабскихъ, сѣверныхъ, нашихъ, о знакомствѣ, о торговлѣ, о путяхъ сообщеній

между Норманнами, Славянскими племенами, Греками, Арабами, Финнами.

Я представилъ перечень разнородныхъ извѣстій, не опасаясь упрека въ повтореніи, дабы показать въ связи, какъ все это ясно, просто, естественно, вѣроятно, какъ всѣ извѣстія взаимно подтверждаются и вмѣстѣ соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ историческимъ объ этомъ времени и объ этихъ народахъ.

Совершенную противоположность этой простоты, ясности, естественности, представляетъ мнѣніе г. Гедеонова. Покажемъ теперь вкратцѣ, изъ какихъ затруднительныхъ невѣроятностей, произвольныхъ предположеній оно состоитъ, какимъ возраженіямъ подвергается, сколько противорѣчій заключаетъ и сколько возбуждаетъ вопросовъ и сомнѣній!

Rhos 839 года были Шведы, посланные хазарскимъ хаганомъ кіевскимъ (?!) къ императору (зачѣмъ?). Они не хотѣли воротиться изъ Константинополя въ Кіевъ въ виду перетерпѣнныхъ трудностей и опасностей (!!), предпочли объѣхать кругомъ Европу, и препровождены были къ западному императору на Рейнъ въ Ингельгеймъ. Эти Шведы называли себя въ Константинополѣ Rhos, потому что они посланы были Русью изъ Кіева, такъ названы они были и въ императорскомъ посланіи, а Нѣмцы нашли этихъ Русь Шведами и сочли лазутчиками.

Арабскіе писатели говорятъ только о Варенгахъ по Балтійскому морю, доказывая тѣмъ (?), что эти извѣстія они получили отъ Славянъ, а Норманновъ — Варяговъ они никакихъ не знаютъ.

На берегу Балтійскаго моря жили Славяне Поморцы.

Эти Поморцы воевали и союзились съ Норманнами.

Они назвали вообще варягами, т. е. мечниками, морскихъ воителей, своихъ и чужихъ, которыхъ Норманны называли у себя обыкновенно викингами.

Это имя перешло, сдѣлалось извѣстнымъ у Новгородцевъ посредствомъ поморскихъ поселеній, кои *вѣроятно* въ сосѣдствѣ находились.

Новогородцы перенесли это имя на всѣхъ обитателей Балтійскаго моря, и такимъ образомъ изъ нарицательнаго сдѣлали собственнымъ, стали называть такъ не только морскихъ витязей, но и Славянъ и Норманновъ безъ различія.

Они обратились къ одному изъ этихъ племенъ просить себѣ

князей. И это племя пришло къ нимъ, неся не свое имя, а имя, данное имъ морскому промыслу, Варяговъ.

Рюрикъ былъ Славянинъ, и пришелъ онъ въ Новгородъ съ Славянами же, а два его спутника Аскольдъ и Диръ были Венгерцы, которые отпросились у него въ Грецію.

По дорогѣ они овладѣли Кіевымъ и остались тамъ владѣть, какъ хозарскіе династы или намѣстники.

Кіевъ со всею своею областью, равно какъ и прочія сопредѣльныя страны, населенныя славянскими племенами, имѣли одно общее имя Руси, которое приняли и пришельцы, Венгерцы и Варяги-Поморцы.

Аскольдъ и Диръ пошли на Константинополь подъ этимъ принятымъ ими вновь именемъ, которое и записано въ греческихъ лѣтописяхъ.

Олегъ, пришедъ въ Кіевъ, объявилъ себя купцемъ подугорскимъ, изъ страны Подугорья, велѣлъ убить ихъ и овладѣлъ Кіевымъ.

Князья кіевскіе Славяне приняли также имя туземной Руси, они имѣли сношеніе съ Поморцами, къ которымъ нѣкоторые и ѣздили, напримѣръ, Володимиръ.

Володимиръ выпроводилъ полученную оттуда помощь, состоявшую изъ Норманновъ, въ Константинополь, а Славянъ поморскихъ оставилъ у себя, распредѣляя имъ города.

Вотъ эти-то Норманны, выпровоженные Володимиромъ, и были родоначальниками византійской, норманской варангіи, Варанговъ, кои въ сѣверныхъ памятникахъ переводятся Waeringiar. Со временъ Володимира связь съ поморскими Варягами уменьшается, а увеличивается съ Норманнами, у которыхъ Ярославъ беретъ здѣсь Ингигерду, дочь шведскаго Олофа, себѣ въ супружество.

Спрашиваю всякаго безпристрастнаго читателя и судью: которое мнѣніе съ толкованіями простѣе, яснѣе и вѣроятнѣе?

Сколько предположеній совершенно произвольныхъ и невѣроятныхъ должно дѣлать съ мнѣніемъ г. Гедеонова: козарскій династъ изъ Кіева посылаетъ послами въ Константинополь Шведовъ!

Шведы называютъ себя въ Константинополѣ Русью! Шведы изъ Константинополя считаютъ для себя удобнѣе, для возвращенія въ Кіевъ, ѣхать на Рейнъ, а оттуда по Нѣмецкому и Балтійскому морю въ Austrväg и наконецъ въ Кіевъ!

Предполагаются два общія имени для нашихъ странъ: Словене для сѣвера, Русь для юга!

Предполагается колонія Поморцевъ около Новагорода.

Предполагается прозваніе варяговъ у Поморцевъ, соотвѣтственное викингамъ.

Предполагается перенесеніе имени отъ занятія къ племенамъ, и прозваніе этимъ именемъ всѣхъ прибрежныхъ жителей безъ различія.

Это же имя узнаютъ и Арабы и употребляютъ его только для Славянъ, а другихъ никого не знаютъ.

Это же имя узнаютъ и Новогородцы.

Варяжскую Русь Несторъ если не выдумалъ, то придумалъ, желая воздать честь кіевской династіи.

У Варяго-славянина Рюрика находятся Венгерцы Аскольдъ и Диръ, которые у него просятся въ Грецію.

Предполагается страна особая Подугорье.

Предполагается, что и въ Константинополѣ служили Русь-Славяне, а Норманны только со временъ Владимира.

Предполагаются у Володимира Славяно-Варяги и Норманны, изъ которыхъ одни остаются, а другіе отправляются въ Константинополь.

Предполагается учрежденіе варангіи только съ этого случая!

Не говорю уже о рѣзкихъ противорѣчіяхъ свидѣтельствамъ, напримѣръ: Несторъ называетъ пришлое племя Варягами-Русью, а г. Гедеоновъ называетъ только Варягами.

Несторъ называетъ Варягами одну часть обитателей Балтійскаго моря, а г. Гедеоновъ всѣхъ.

Поморянъ Несторъ знаетъ и отдѣляетъ отъ Варяговъ, а г. Гедеоновъ соединяетъ, и проч. и проч.

Г. Гедеоновъ употребляетъ часто микроскопъ (вслѣдъ за многими изъ современныхъ натуралистовъ). Его наблюденія увѣнчиваются часто успѣхомъ, но нельзя не сознаться, что изъ-за частностей у него скрывается часто общее. Надо различать въ вопросѣ важное, существенное, отъ неважнаго, случайнаго. Вы разсуждаете прекрасно — чуть-чуть не выходитъ, что Норманновъ вовсе не существовало на бѣломъ свѣтѣ!

Въ томъ-то и дѣло! Посмотрите на вопросъ со всѣми свидѣтельствами съ этой точки, и вы увидите его въ другомъ свѣтѣ, а

ученіе о безконечно малыхъ въ критикѣ, при всемъ остроуміи и благовидности, оказывается часто несостоятельнымъ въ исторіи.

Вспомните, что это самое горячее время для Норманновъ — вѣки 8, 9, 10, 11. Они были хозяевами на всѣхъ моряхъ. На Нѣмецкомъ, на Атлантическомъ, на Средиземномъ, на Океанѣ, они нападали (и селились) на Германію, Голландію, Британію, Францію, Италію, Грецію, — и вы хотите, чтобъ они оставили въ покоѣ только ближайшее, Балтійское? Вы хотите, чтобъ они оставили въ покоѣ нашу страну, самую для нихъ удобную, подлежащую и подходящую. Да они съ нея-то и начать должны были! Они очень рано узнали дорогу къ ней и чрезъ нее въ Грецію, къ Каспійскимъ Козарамъ, въ Біармію, къ людямъ заклепаннымъ Александромъ Македонскимъ въ горахъ. Всѣ лѣтописи, греческія, русскія, восточныя, полны описаніемъ ихъ набѣговъ.

Вы находите возраженія противъ всѣхъ доказательствъ, но противъ чего же нельзя найдти ихъ. Умъ человѣческій неистощимъ, и если на брань, по пословицѣ, слово купится, то для спора оно всегда готово, а съ усиліемъ и напряженіемъ — такъ и не оберешься! Эверсъ представилъ образчики подобныхъ возраженій, вы представляете другіе, г. Костомаровъ въ промежуткѣ выступалъ еще съ иными варіантами. Противъ всѣхъ сихъ положеній также можно наговорить многое. А что же выходитъ въ итогѣ?

Г. Гедеоновъ все-таки долженъ сознаться:

Что Rhos бертинскихъ лѣтописей суть Шведы,

Что Норманны начали ходить въ Константинополь очень рано,

Что въ дружинѣ Рюриковой были Норманны,

Что Несторъ считаетъ Варяговъ Норманнами,

Что Варанги константинопольскіе были Норманны,

Что въ XI столѣтіи было у насъ больше сношеній съ Норманнами, чѣмъ съ Варягами-Поморцами;

Наконецъ, что самые его Славяне-Варяги были тѣ же Норманны, съ тѣмъ же образомъ дѣйствій, съ тѣми же пріемами и съ тѣми же именами. Итакъ разница только въ нѣсколькихъ капляхъ крови готской или славянской, которыя впрочемъ съ незапамятныхъ временъ перемѣшались и постоянно перемѣшивались.

Но читая изслѣдованія г. Гедеонова удостовѣряешься, что между нашими Норманнами могло быть много Славянъ, что между всѣми балтійскими племенами была искони живая, многосторонняя связь, что Норманны и Славяне, на разныхъ пунктахъ могли понимать другъ друга, — о, это другое дѣло, это прекрасно, и это при-

носитъ пользу мнѣнію о норманскомъ происхожденіи, помогаетъ уравнять кой-какія неровности, выразумѣть кой-какія затруднявшія обстоятельства. Мы благодаримъ за это г. Гедеонова искренно, мы благодаримъ его за очищеніе нѣкоторыхъ доказательствъ, за точнѣйшее опредѣленіе нѣкоторыхъ положеній. Здѣсь главная заслуга г. Гедеонова, въ которомъ Русская Исторія и критика получаетъ новаго, сильнаго, ученаго дѣятеля. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія его изслѣдованій *).

---

*) Выше, на стр. 13, строк. 13 снизу слѣдуетъ читать: *Ни лѣтопись, ни исторія не знаютъ на Руси* и проч.

ЗАМѢЧАНІЕ С. ГЕДЕОНОВА.

По желанію М. П. Погодина, мнѣ сообщена, до ея появленія въ печати и съ намѣреніемъ дать мнѣ возможность къ оборонительнымъ объясненіямъ, его рецензія на вышедшіе въ 1862—1863 годахъ, мои отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. Отлагая до болѣе удобнаго времени подробный отвѣтъ на вызванныя моею книгою возраженія, я пользуюсь покуда позволеніемъ многоуважаемаго Михаила Петровича, для оправданія себя въ преднамѣренномъ будто бы умолчаніи о *варягахъ-Нѣмцахъ* позднѣйшихъ лѣтописей (см. выше, стр. 40).

Въ главѣ (еще не напечатанной) о словено-русскихъ преданіяхъ о Рюрикѣ, Гостомыслѣ и пр., я относился къ этимъ *варягамъ-Нѣмцамъ*, съ слѣдующей точки зрѣнія:

Гдѣ Несторъ говоритъ о Варягахъ, позднѣйшіе списки лѣтописи именуютъ *Нѣмцевъ* и *Нѣмецкую землю. Пол.:* «и избрашась *отъ Варягъ отъ Нѣмецъ* три братіа сроды своими». *IНик.:* «Влѣто 6370 поидоша *изъ Немецъ* три браты со всѣмъ родомъ своимъ». *Арх.:* «Въ лѣто 6371, пріидоша князи *Нѣмскія* на Русь княжити три браты». *ВАлат.:* «Влѣто 6370. И приидоша отъ *Нѣмецъ* три браты сроды своими». *Пол. 2:* «и избрашася отъ *Немецъ* три браты сроды своими» *(Нест. Шлец. I. 333, 334).*

Норманская школа видитъ здѣсь ясное доказательство скандинавскаго происхожденія варяговъ; «ибо, говоритъ г. Куникъ *(Beruf. I. 114. Anm.)*, нельзя доказать, чтобы въ древнѣйшія времена славянское названіе Германцевъ *(Нѣмцы)* было употребляемо и о не германскихъ народахъ». Уже Эверсъ *(Vorarb. 79, 80)* приводилъ примѣры противнаго. *Нѣмьци отъ Рима посланіи отъ Папежа* къ Владиміру *(Лавр. 36. вар. р.)*, не германскіе *Нѣмцы;* въ Ипат. л. подъ 1254 г. (стр. 190), *Чехи* названы *Нѣмцами;* въ опи-

саніи путешествія митрополита Пимена въ Грецію, въ 1398 году, читаемъ: «Бяху же ту и Римляне отъ Рима, *и ото Испаніи Нѣмцы*, и Фрязове отъ Галаты» и пр. *(Карамз. V, прим. 133, стр. 449)* [1]. Но не въ этомъ дѣло.

Не сохранилось ли (независимо отъ значенія, какое слово *Нѣмцы* могло имѣть на Руси въ древнѣйшія времена) опредѣленныхъ свѣдѣній о той народности и землѣ, которыя, *въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ*, слывутъ подъ названіями варяговъ-*Нѣмцевъ*, *нѣмецкой* земли?

Въ одномъ мѣстѣ, списки Воскресенскій и Алатырскій читаютъ: «Влѣто 6370. И приидоша *отъ Нѣмецъ* три брата сроды своими» (*Нест. Шлец. I, 334)*, а въ другомъ: «Обладающу Августу всею вселенною, и нача ряди покладати на вселенную. Постави брата своего Патрекія Египту... А брата своего *Пруса* въ березѣхъ *Вислы рѣкы*, во градѣ *Мадборокъ* и *Торунь* и *Хвоиница* и преславы *Гданескъ*, и иныхъ многыхъ градовъ по рѣку глаголемую *Нѣмонъ*, впадшую вморе.-И до сего часа по имени его зовется *Прусская земля*. А *отъ Пруса* четвертое на десять колѣно *Рюрикъ» (тамъ же, 277, 278)*. То же самое и Степенная Книга *(стр. 78, гл. 2)*. Покуда кажется ясно, что, для позднѣйшихъ лѣтописцевъ, эти варяги-Нѣмцы были не изъ Скандинавіи, а изъ *Пруссіи*, не съ береговъ Рослагена, а съ береговъ *Вислы* и *Нѣмана*.

Кто же они наконецъ? Литвины, Германцы, Венды? Здѣсь мы разстаемся съ народными преданіями и вступаемъ въ область исторіи.

Не одинъ Рюрикъ съ братьями, не одни Рогволодъ и Туръ вышли къ намъ изъ поморія; мы знаемъ и о другихъ выходцахъ. Вмѣстѣ съ Рюрикомъ, по свидѣтельству Курбскаго, вышли къ намъ и *Морозовы:* «тогда же, або мало предъ тѣмъ, убіенъ отъ него мужъ благовѣрный, Андрей, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрія, глаголемаго Шейна, *съ роду Морозовыхъ*, иже еще вышли *отъ Нѣмецъ, вкупѣ съ Рюрикомъ*, прародителемъ Русскихъ княжатъ, седмъ мужей храбрыхъ и благородныхъ» *(Сказ. Курбск. 111)* [2]. «И вкупѣ побіени съ нимъ предреченные мужіе, Өеодоръ и Василій *Воронцовы*, родомъ отъ *Нѣмецка* языка, а племени княжатъ

---

[1]) Въ глоссахъ Вацерада *(Mat. verbor. Glossae Psalterii III) nemec*—barbarus, mutus.

[2]) Шейны выѣхали *изъ Пруссіи* и были одного поколѣнія съ Морозовыми и Салтыковыми. *(Прим. издат. 167, стр. 361)*. *Mrozici* древне-вендскій родъ, *см. Jordan, Grammatik. 49.*

Решскихъ» (т. е. Имперскихъ, Reichsfürsten. *Тамъ же, 7)* [1]). Потомъ погубилъ родъ *Колычевыхъ*, также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ *Шереметевымъ;* бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, *отъ Нѣмецкія земли* выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ; глаголютъ его быти *съ роду княжатъ Решскихъ» (тамъ же, 108. Прим. 162, стр. 360).*

И такъ, варяги-Нѣмцы, выходцы изъ Пруссіи, товарищи Рюрика, решскіе княжата, одно и тоже для Курбскаго и его современниковъ. Въ достовѣрности иныхъ, Курбскимъ приводимыхъ генеалогическихъ подробностей, сомнѣваться можно; общая основа неоспоримо вѣрна. Прародители Морозовыхъ, Колычевыхъ, Шереметевыхъ, Воронцовыхъ вышли *отъ Нѣмцевъ, изъ Пруссіи, изъ родины Рюрика.* Происхожденіе Воронцовыхъ и Колычевыхъ отъ решскихъ (имперскихъ) князей, объясняетъ окончательно, что должно разумѣть подъ названіями: *Прусская земля, Нѣмцы, варяги.*

О германскихъ имперскихъ князьяхъ думать нельзя. Выселеніе въ Русь германскихъ княжатъ (Reichsfürsten) не могло пройти незамѣтно; въ историческихъ отношеніяхъ Руси къ германскому западу не находимъ повода къ подобнымъ явленіямъ; къ тому же, у Курбскаго, германскіе выходцы были бы означены родомъ *изъ Цесаріи (Срвн. Сказ. 421. прим. 73);* а мы видѣли, что для него и для его современниковъ, выраженія «*отъ Нѣмецъ*», «*отъ Нѣмецкія земли*», указываютъ *на Пруссію.* Но решскими князьями, со второй половины XII столѣтія, являются поморскіе герцоги; Богуславъ возведенъ въ 1180 году, императоромъ Фридрихомъ I, въ достоинство герцога Славіи (Slaviae dux) и имперскаго князя (см. *Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pom. II. 258. Dahlmann, Gesch. v. Dänem. I. 306);* въ 1184 году онъ уже является на имперскомъ праздникѣ (Reichsfest) въ Маинцѣ: «Ad hanc curiam *totius imperii principes*, utpote Francorum, Teutonicorum, *Sclavorum* cet. congregantur» *(Otto de S. Blasio Append. ap. Urstis. p. 210).* Отъ этихъ поморскихъ решскихъ князей вели, безъ сомнѣнія, свой родъ наши варяго-прусскіе выходцы, Воронцовы, Шереметевы и т. д. Для составителей родословныхъ и лѣтописей они были *отъ Нѣмецъ* и *отъ Нѣмецкія земли*, какъ для Эйнгарда Славяне VIII столѣтія: «Natio quaedam *Sclavorum* est *in Germania*, sedens super littus Oceani» *(Annal. ad ann.*

---

[1]) Воронцовы, какъ сказано въ родословной росписи ихъ, выѣхали *изъ Варягъ;* фамилію получили отъ одного изъ предковъ своихъ; Ѳеодора Васильевича Воронца, жившаго въ 14 столѣтіи» *(прим. издат. 16, стр. 317).*

*

787) [1]). Ни Эйнгардъ, ни Русскіе лѣтописцы не думали о *германскомъ* происхожденіи поморскихъ варяговъ или Славянъ; но въ XVI вѣкѣ, земли, нѣкогда населенныя полабскими племенами, были уже землями чисто германскими. Отсюда, за невозможностію согласовать историческія преданія Руси съ географіею эпохи, названіе Пруссіи для бывшей вендо-славянской земли; славянскіе Висла и Нѣманъ на мѣсто онѣмеченной Лабы.

Средніе лѣтописцы, князь Курбскій, Степенная книга выражаютъ по своему общенародное на Руси убѣжденіе о выходѣ Рюрика изъ земель балтійскаго поморія или Пруссіи [2]). Напрасно ищетъ здѣсь норманская школа *(Нест. Шлец. I. 277 слѣд. Kunik, Beruf. I. 115)* плодовъ подражанія и проникшей въ Русь XVI столѣтія польской учености; ни одинъ польскій историкъ не производитъ и не могъ производить русскихъ князей отъ Августа Кесаря; какъ Поляки *(Стеф. Баторій въ edicto Svirensi 1579)*, такъ и Нѣмцы *(Magni Moscov. duc. Geneal. in rer. Mosc. scrpt.)* смѣются, не безъ тайной досады, надъ генеалогическими притязаніями русскихъ царей. Плодомъ польской учености было извѣстіе о занесенныхъ бурею въ балтійское море Римлянахъ, о ромовской колоніи, Палемонѣ и т. д.; плодомъ русской учености—сказка объ Августѣ Кесарѣ, Прусѣ и пр. [3]). Но *поводомъ* къ этой сказкѣ служило все-таки *убѣжденіе*, (основанное на дѣйствительномъ историческомъ фактѣ), что *варяги*, у которыхъ поселился братъ Августовъ, Прусъ, и отъ которыхъ въ 862 году вышли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, жили не въ Швеціи, не въ упландскомъ Роденѣ, а на берегахъ Вислы рѣки, т. е. были западно-славянскаго происхожденія. Не отъ сказки объ Августѣ и Прусѣ родилось преданіе о поморской отчизнѣ варяжскихъ князей, а на оборотъ. Въ эпоху, когда никто еще и не думалъ объ этой сказкѣ, лѣтопись упоминаетъ о сербскихъ князьяхъ «съ Кашубъ *отъ поморія Варязскаго*, отъ *Стараго града* за Кгданскомъ» *(Ипат. 227)*.

---

[1]) «*Germania*... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior... gens *Leuticorum* barbara, omni crudelitate ferocior» *(Rodulfi Glabri hist. ap. Pertz IX p. 68. a. 1034)*.

[2]) Сравн. свидѣтельства Даніила Принца фонъ Бухау, Петрея и пр. у *Шлец. Нест. I. 283, 285)*.

[3]) И сербскіе цари выводили свой родъ отъ Августа *(Šafar. Pamatky. Лѣтоп. госп. Сербскихъ 68)*.

ЗАМѢЧАНІЯ А. КУНИКА.

М. П. Погодинъ приглашаетъ меня принять участіе въ послѣднемъ спорѣ о варяжскомъ вопросѣ: принимая это приглашеніе, я вхожу здѣсь въ нѣкоторыя стороны предмета, которыхъ я не могъ коснуться въ 1862 году [1]). Всего нужнѣе мнѣ кажется разобрать вопросъ, точно ли у Нестора проглядываетъ, какъ полагаетъ г. Гедеоновъ, на мѣсто «легенды *система*»? Г. Погодинъ при характеристикѣ Нестора (см. выше, стр. 5), мнѣ кажется, не во всей полнотѣ принялъ замѣчаніе г. Гедеонова, о его взглядѣ на Нестора (стр. 43 — 53). Я съ своей стороны не могу не заподозрить почтеннаго составителя лѣтописнаго сборника въ нѣкоторой наклонности къ произвольной систематикѣ; но покуда не могу и вполнѣ согласиться съ г. Гедеоновымъ, будто бы Несторъ, или тотъ, кому должно приписывать послѣднюю редакцію древнѣйшей Кіевской лѣтописи, искусственно проводитъ въ сказаніи о происхожденіи Варяго-Руссовъ ученую систему. Чтобы проложить путь къ сближенію и примиренію противоположныхъ взглядовъ, я во II-й статьѣ моихъ Замѣчаній указываю на источникъ, который, если не ошибаюсь, долженъ пролить новый свѣтъ на Несторово преданіе о происхожденіи Варяговъ-Руси. IV-я статья, въ которой я разбираю по преимуществу свое сочиненіе 1845 года (Rodsen II, стр. 197, 214, 217) и мнѣніе г. Погодина (см. выше, стр. 31 — 34 и ср. стр. 101—112, 163, прим. 1 сочиненія г. Гедеонова) имѣетъ цѣлію примѣромъ показать, въ какія опрометчивыя системы легко можетъ вдаваться изслѣдователь, если онъ берется за дѣло прежде,

---

[1]) См. Записки Императорской Академіи Наукъ, т. I. Приложеніе № 3, стр. 121—127. Т. II, Прил. № 3 (1862), стр. 207—239. Т. III (1863), не нумер. Прил. стр. 274.

нежели источники, на которыхъ онъ строитъ систему, обстоятельно разобраны на основаніи строгихъ правилъ филологической и исторической науки.

1. Несторъ, какъ систематикъ въ исторической этнографіи.

Вслѣдъ за іудейско-византійской космографической таблицей Несторъ ставитъ обзоръ извѣстныхъ ему европейскихъ и азіатскихъ народовъ своего времени и прибавляетъ свои примѣчанія о до-историческихъ судьбахъ Славянъ, и о покореніи ихъ понтійскими народами тюркскаго племени. По его воззрѣнію, Славяне, какъ вѣтвь великаго Яфетова племени, поселились сперва на нижнемъ Дунаѣ:

«По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хроврате Бѣліи, и Серебь, и Хорутане. *Волъхомъ* бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше, сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ.... Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ....»

Въ этомъ мѣстѣ въ полномъ блескѣ высказывается у Нестора охота систематизировать, хотя она, можетъ быть, навѣяна на него со стороны. Какіе рѣзкіе анахронизмы допускаетъ онъ здѣсь со всею наивностью! Откуда взялъ онъ свое извѣстіе объ изгнаніи Славянъ съ Дуная Волъхами (т. е. Валахами)? Допуская въ основаніи этого извѣстія дѣйствительно народное преданіе, его нельзя бы было относить къ древнему, хронологически едва ли опредѣлимому переселенію Славянъ (и ихъ близкихъ сродниковъ — Пруссовъ, Литовцевъ и Латышей) изъ Азіи на сѣверъ Европы: по высшей мѣрѣ въ этомъ преданіи можно было бы признать слѣдъ воспоминанія объ оттѣсненіи на сѣверъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, выдвинувшихся къ югу, (ѳракійскими) Даками и Дакороманами со временъ Траяна [2]). Завоеваніе Дакіи Римлянами должно

---

[2]) Ср. Хронологическій Указатель Матеріаловъ для исторіи инородцевъ

было произвести въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ движеніе народовъ и долго могло бы оставаться хотя въ темномъ воспоминаніи у Славянъ. Но теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойти на сѣверо-востокѣ Европы за долго до Траяна.

Подъ Волъхами Несторъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, Румыновъ или Дакоромановъ, т. е. Валаховъ и Молдаванъ въ нынѣшнихъ дунайскихъ княжествахъ, въ Зибенбиргенѣ, Буковинѣ и т. д. Это видно въ его лѣтописи подъ 6406, гдѣ онъ говоритъ о вторженіи Угровъ въ Дунайскія земли:

«Идоша Угри мимо Кіева горою... Пришедъ отъ встока и устремишася черезъ горы великія, и почаша воевати на живущая ту *Волъхи* и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и *Волъхве* пріяша землю Словѣньску; посемъ же Угри прогнаша *Волъхи*, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся: оттолѣ прозвася земля Угорьска».

Выше мы объявили сомнительнымъ происхожденіе сказанія о Волохахъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная, изъ *народнаго преданія.* Вмѣсто народнаго до Нестора могло дойти *ученое мнѣніе*, происшедшее изъ примѣненія извѣстій классическихъ писателей къ древнѣйшимъ Славянамъ. Несторъ, какъ извѣстно, знаетъ еще «Волоіскую землю»,—названіе, составившееся по образцу древне-сѣвернаго «Walland» и означавшее у Исландцевъ по преимуществу французскую Нормандію, такъ какъ она особенно извѣстна была норманскимъ мореходамъ, какъ часть древней *Галліи* или Walland. Впрочемъ преданіе о Волохахъ у Нестора не могло произойти отъ Норманновъ. Извѣстно, что коренная форма влахъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ давно употребляется для названія жителей Италіи и румынскихъ земель. По законамъ соотвѣтствія звуковъ между нѣмецкимъ и славянскимъ языками, Славяне заимствовали эту форму у Нѣмцевъ [3]), которые свое Walho, Walah вѣроятно со-

Европ. Россіи. Составленъ подъ руководствомъ П. Кеппена. Спб. 1861, стр. 121.

[3]) Миклошичъ (Die slavischen Elemente im Rumunischen. Wien 1861, стр. 1. Lexicon, 1862 p. 68 и ср. рец. Дифенбаха въ Zeitschrift f. v. Spr. 11, 283) пришелъ къ тому же взгляду. Если бы это было имя, искони общее Нѣмцамъ и Славянамъ, то по аналогіи другихъ формъ у Славянъ было бы *Власъ*. Ср. др.-нѣм. el*h*o, elaho, ср.-нѣм. elche, elch, нѣм.-лат. alces, alce, alx = польск. łoś = лось;—др.-нѣм. la*h*s = Lachs = łosoś = лосось; — польск. las = лѣсъ = миѳологическимъ терминамъ al*h*s (готск.), alah (др.-нѣм.), alh и ealh (англо-сакс.); — лат. vicus, гот. vei*h*s, нѣм. Weich(bild), др.-болг. вьсь, польск. wieś и др.

ставили по кельтическому народному имени — Volc-ae; ср. alce = elho—и обозначали этимъ именемъ сперва галльскія племена, а потомъ британско-кельтическія и наконецъ романскія, происшедшія изъ смѣшенія Галловъ, Даковъ и др. съ Италійцами.

Уже прежде (О Ярославлѣ сребрѣ 1860, стр. 146) сказалъ я мимоходомъ: «Мѣсто въ Несторовой лѣтописи: «Волхомъ бо на-«шедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насиля-«щимъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и про-«звашася Ляхове»... я давно уже не принимаю за народное преда-«ніе, но вижу въ немъ лишь отголосокъ ложной Краковской уче-«ности 11 вѣка, отъ вреднаго вліянія котораго польскіе ученые до «сихъ поръ не могутъ освободиться».

Этимъ мнѣніемъ я навлекъ на себя довольно сильное замѣчаніе отъ г. Бѣлёвскаго изъ Львова. Какъ ни высоко цѣню я заслуги г. Бѣлёвскаго въ польской исторіи и какъ бы ни былъ я готовъ и прежде и впредь учиться у него, я не могу однако совсѣмъ отказаться отъ мысли о польскомъ вліяніи въ Несторовомъ сказаніи. Здѣсь не мѣсто войти въ подробное сравненіе Несторова сказанія съ баснями польскихъ историковъ среднихъ временъ о завоеваніяхъ Галловъ и Римлянъ [4]). Замѣчу только, что Несторъ связываетъ съ утѣсненіемъ Славянъ Волохами вторженіе Ляховъ въ надвислянскую страну. Равно и переселеніе Моравань и Чеховъ, Сербовъ, Кроатовъ, Хорутанъ и русскихъ Славянъ въ нынѣшнія ихъ жилища онъ видимо ставитъ въ связь съ господствомъ Волоховъ на Дунаѣ!

Несторъ правильно исчисляетъ славянскія племена польскаго говора: Поляне въ Великой Польшѣ, Мазовшане въ Мазовіи, Поморяне и Лутичи въ Помераніи почти отъ устья Вислы. Малая Польша около Кракова, у него по преимуществу — Ляхи. Этимъ онъ, хотя и безсознательно, обозначилъ историческій фактъ, состоящій въ томъ, что польско-чешскіе Славяне въ своихъ первобытныхъ жилищахъ нѣкогда покорены были не-славянскимъ племенемъ Линговъ (лит. Lankas, Lynkas, Lenkas, мад. Lengyel; Лѧхъ, Ляхъ, Лехъ; на латинскій манеръ—Lingŏnes). Но онъ вовсе не зна-

---

[4]) Попытка Шафарика *исторически* связать (Несторовыхъ) Волоховъ (въ значеніи Кельтовъ) съ Славянами до Р. Х. оказалась рѣшительно неудачною, какъ показалъ уже Витерсгеймъ (Wietersheim, Zur Vorgeschichte deutscher Nation, Leipzig, 1852, стр. 97 — 105). — Ср. еще мнѣніе И. И. Срезневскаго о Несторовыхъ Волохахъ въ его рецензіи на соч. Миклошича (Извѣст. Отдѣл. русск. языка и слов. X, 144—146).

етъ, что ближайшіе родичи Поляковъ, Чехи и Мораване, жили нѣкогда въ южной Польшѣ и подъ властью ляшскихъ воеводъ со временъ маркоманской войны и окончательно по паденіи гуннскаго царства подвинулись къ западу, и затѣмъ въ Богеміи, Моравіи и отчасти въ Венгріи основали нѣсколько княжествъ. Нѣтъ у него ни малѣйшаго свѣдѣнія и о томъ, что Кроаты и Сербы лишь въ позднѣйшее время (въ 7-мъ вѣкѣ) перешли въ свои задунайскія жилища изъ странъ закарпатскихъ. Его сказаніе о поселеніи разныхъ славянскихъ племенъ на Днѣпрѣ, на Полотѣ, на озерѣ Ильменѣ и т. д. есть не что иное, какъ умствованіе, истолкованіе именъ этихъ племенъ; потому весьма подозрительно и то, что онъ разсказываетъ о построеніи Словѣнами Новгорода около озера Ильменя: по всей вѣроятности, имя *Новъ-городъ* сначала означало только новую крѣпость на островѣ Волхова, нынѣ называемую *Городищемъ*, и явилось лишь тогда, какъ Рюрикъ перенесъ свой стольный градъ изъ Ладоги на южное прибережье Волхова, и назвалъ такъ вновь построенный имъ «городъ» въ противоположность прежнему, т. е. Ладогѣ [5]). Если же Несторъ хоть разъ позволилъ себѣ вымышлять исторію вмѣсто того чтобы передавать извѣстные ему факты, то онъ также принадлежитъ къ категоріи историческихъ мечтателей, какъ Кадлубекъ и Комп., и изслѣдователь имѣетъ достаточную причину и въ другихъ его разсказахъ выдѣлять то, въ чемъ болѣе или менѣе отражается дѣйствіе его фантазіи. Конечно, историческіе мечтатели очень различны между собой по степени, но пора же наконецъ смотрѣть безъ преувеличенія на достоинства составителя Кіевскаго лѣтописнаго сборника. Кто же захотѣлъ бы строгую оцѣнку Нестора, какъ составителя собранныхъ или переработанныхъ имъ лѣтописей, объявить несправедливою взыскательностью, тому можно посовѣтовать сравнить его съ другими европейскими лѣтописцами того же и позднѣйшаго времени. Во многихъ отношеніяхъ перевѣсъ останется въ пользу Нестора, но такое отсутствіе страсти къ выдумкамъ или соображеніямъ, какъ у Генриха Латышскаго (Henricus de Lettis=Heinrich aus Lettland, см. Т. II Уч. Зап. по I и III Отдѣл. 1854, стр. 830), къ Нестору не примѣнимо. Этимъ я хочу сказать только, что для своего времени Генрихъ занимаетъ видное мѣсто между вѣрными дѣеписателями.

Такъ какъ Несторова система о древнѣйшей исторіи Славянъ

---

[5]) Объясненіе сказаній Нестора о началѣ Руси. Н. Ламбина. Спб. 1860, стр. 22, прим. 6.

не выдерживаетъ критики, то вовсе не странно предполагать искусственную систему и въ его сказаніяхъ о Варяго-Руссахъ. Но доказать это осязательно, было бы очень трудно. Онъ пользовался дошедшими до него объ этомъ свѣдѣніями совершенно особеннымъ образомъ, и ему вовсе не приходило на мысль перетолковывать или передѣлать сказаніе о призывѣ Рурика по чувству ложнаго патріотизма. Слѣдующій отдѣлъ, надѣюсь, представитъ достаточное тому доказательство.

2. Несторово сказаніе о призваніи Варяго-Руссовъ, объясняемое сказаніемъ о призваніи Англо-Саксовъ.

Кто хотя только вообще знакомъ съ исторіей англійскаго королевства, тотъ не можетъ не замѣчать въ ней нѣкоторой аналогіи съ основаніемъ россійскаго государства, не смотря на все различіе этихъ двухъ событій. Прослѣдить это сходство въ подробностяхъ было бы дѣломъ не только любопытства, но вмѣстѣ помогло бы выяснить обстоятельства, при которыхъ состоялось призваніе варяго-русскихъ князей. Мы только вкратцѣ укажемъ здѣсь на нѣкоторыя соотвѣтственныя явленія.

Призваніе двухъ воеводъ, Генгиста и Горсы, съ именами которыхъ связано сказаніе объ основаніи англо-сакскаго государства, въ разныхъ источникахъ полагается въ разные годы: въ 428, 441, 443, 446, 449 и позднѣе; но ни одинъ изъ этихъ годовъ нельзя признать исключительно вѣрнымъ. 862 годъ, выдаваемый за годъ основанія русскаго государства, я давно призналъ совершенно несостоятельнымъ, за что винить надобно вѣроятно не Нестора, а только позднѣйшихъ переписчиковъ его Повѣсти. Причина, почему ни въ началѣ англійской, ни русской исторіи не сохранилось вѣрнаго года, очевидна. Какъ во времена Генгиста и Горсы въ Англіи, такъ и во времена Рурика на Волховѣ не умѣли еще писать и не было установленнаго лѣтосчисленія. Послѣ, когда стали записывать устныя преданія, сохранившіяся изъ язычества, по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній или столѣтій, естественно могли только *приблизительно* указать время начальныхъ историческихъ событій.

Какъ англійскому, такъ и русскому государству основаніе положено морскими воеводами, для которыхъ, по недостатку путей чрезъ лѣса и болота, дорогами служили рѣки и которымъ легко было, приставая къ разнымъ берегамъ, содержать въ своей власти

государство. Такими предпріимчивыми моряками Англо-Саксы и Норманны сдѣлались вслѣдствіе одинаковыхъ обстоятельствъ. Именно, это объясняется не столько племеннымъ родствомъ между Англо-Саксами [6]) и Норманнами, которое тогда было уже довольно отдаленно, сколько внѣшними, именно мѣстными обстоятельствами. Жителей береговъ и острововъ, которыхъ тогда было гораздо больше по берегамъ Нѣмецкаго моря, отъ Ютландіи до Голландіи, сама природа пріучала къ морю. Съ торговлею шли объ руку и морскіе разбои. Доказано, что Англы издавна селились въ нынѣшней Голландіи, и къ концу 3-го вѣка, сакскіе пираты тревожили берега Бельгіи и Бретаніи (tractum Belgicae et Armoricae). А въ 4-мъ столѣтіи Саксы даже прочно заселили длинную полосу, называемую litus saxonicum, отъ Bayeux до Marcq, и еще въ 5-мъ вѣкѣ состоявшую подъ начальствомъ Comes litoris saxonici. Еще за сто лѣтъ до Генгиста, Саксы постоянно дѣлали набѣги на кельтическихъ Бриттовъ въ Англіи (Saxones... Britannos aerumnis vexavere continuis), а около 400 года и въ Британіи было Сакское поморье (litus saxonicum) отъ Довера къ западу. Кажется, это поселеніе существовало не долго; за то сильно было Сакское поморье на гальскомъ берегу, гдѣ оно охватывало нынѣшнюю Нормандію и часть графства Артуа. Итакъ Саксы довольно были знакомы Бриттамъ, когда послѣдніе рѣшились пригласить къ себѣ своихъ прежнихъ

---

[6]) Для краткости мы употребляемъ имя Англо-Саксовъ, хотя кромѣ Саксовъ (въ Голштиніи и къ югу отъ нея) и Англовъ (изъ Шлезвига), въ походахъ на Британію и въ завоеваніяхъ ея участвовали и Фризы (которые до нынѣ отъ береговъ Шлезвига простираются до Голландіи) и Юты. Всѣ эти народы принадлежали къ нижне-нѣмецкому говору, къ которому норманскій былъ въ нѣкоторомъ отношеніи ближе, чѣмъ къ верхне-нѣмецкому. Имя Ютовъ впослѣдствіи перешло на пришедшихъ съ сѣвера датскихъ завоевателей въ нынѣшней Ютландіи и въ сѣверномъ Шлезвигѣ. Съ прекращеніемъ нѣмецкой имперіи и такъ называемаго «Niedersächsischer Kreis» имя собственно народа Саксовъ почти вовсе исчезло. Оно сохранено финскими Ливами и Эстами, потому что первыми нѣмецкими завоевателями ихъ были Саксы. Saks у нихъ значитъ не только Нѣмецъ, но у Эстовъ баринъ, и вообще человѣкъ высшаго сословія (Wenne saks=русскій баринъ), у Ливовъ (см. Sjögren, Wörterb. стр. 96) Saksik = полу-нѣмецъ, saksnika = мужикъ, который ходитъ на барщину. Въ Англіи имя Саксовъ сначала пересиливало имя Англовъ и Ютовъ (ср. Essex, Wessex, Middlesex, Sussex); отъ того Англичанъ прочіе Кельты донынѣ называютъ формами того же имени (ср. валлійское: Sais, Saeson, гельское [въ Шотландіи]: Sasunnaich, ирланд. Sagsonach, въ франц. Бретани: Saoz). Нынѣшніе верхне-нѣмецкіе Саксонцы получили свое имя только съ 1423 года отъ династіи, но по языку далеки отъ настоящихъ Саксовъ.

враговъ, чтобы съ ихъ помощью защищаться отъ Пиктовъ и Скотовъ. Въ новѣйшее время стали даже догадываться, что Саксы, призванные британскимъ королемъ Вертигерномъ, были именно изъ галльскаго сакскаго поморья и только впослѣдствіи были усилены толпами изъ сѣверной сакской страны и съ Кимбрскаго полуострова.

Слишкомъ долго пришлось бы рыться въ остаткахъ древне-сѣверныхъ сагъ и извлеченій, сдѣланныхъ изъ нихъ Саксономъ грамматикомъ, еслибы мы взялись ими доказать, что и на Балтійскомъ морѣ установились подобныя, хотя не совсѣмъ такія отношенія и повели наконецъ къ призванію Рурика. Когда-нибудь, можетъ быть, удастся доказать, что княжескій родъ, Ros жилъ не на материкѣ Швеціи и что нѣкоторыя преданія, неразлучно связанныя съ островами Готландомъ и Даго, имѣютъ для насъ особенную важность. Для настоящаго случая довольно указать на согласіе Несторова преданія съ Видукиндовымъ.

По Нестору, призываются *три* брата. Число три, игравшее такую роль въ средневѣковыхъ сказкахъ, какъ-то подозрительно. Въ англійскихъ источникахъ мы читаемъ, что Генгистъ и Горса поплыли на *трехъ* корабляхъ, называемыхъ килями [7]). У Беды поселяются на разныхъ мѣстахъ *три* народа, точно также, какъ у насъ три князя: Рурикъ, Синеусъ и Труворъ (Advenerunt autem de tribus Germaniae populis fortioribus, id est Saxonibus, Anglis, Jutis....) Причины призванія не одинаковы, но въ состояніяхъ, при которыхъ это случилось въ Британніи и у Финскаго залива, много сходнаго. Ограничиваемся разсказомъ Видукинда. Онъ былъ родомъ Саксъ и притомъ Саксъ-патріотъ, ревностный къ славѣ своего народа, такъ что, пользуясь его сказаніями, нельзя покидать критической предосторожности. Къ сожалѣнію, онъ, записывая саги, испортилъ ихъ первобытную свѣжесть примѣсью Саллюстіевскихъ прикрасъ и выраженій изъ латинской библіи. Бывъ монахомъ въ Корвейскомъ монастырѣ, на Везерѣ, онъ предпринялъ написать исторію своего народа и кончилъ ее около 967 года [8]) —

---

[7]) Tribus cyulis (ср. англо-сакс. cëol), nostra lingua longis navibus. Это слово, первоначально значащее родъ бревна, сохранилось въ имени и гербѣ древне-сакскаго города Киля, равно въ англійскомъ jolli-boat, въ голл. jol. Не извѣстно, откуда заимствовано русское ялъ (яликъ).

[8]) Напечатана въ 3-мъ томѣ Scriptores Пертца. Отдѣльное изданіе напечатано подъ заглавіемъ: Widukindi res gestae saxonicae ex recensione Waitzii. Hannoverae. 1839, in-8⁰.

стало быть, *за сто лѣтъ до Нестора.* Въ гл. 8 первой книги разсказываетъ онъ о призваніи Саксовъ Бриттами и приводитъ рѣчи, сказанныя бриттскими послами Саксамъ, равно и краткіе отвѣты послѣднихъ. Откуда взялъ онъ эти рѣчи, неизвѣстно; но, судя по латинскому ихъ изложенію, онъ ихъ не выдумалъ, а перевелъ съ какого-то готоваго текста. Все-таки латинская конструкція, къ сожалѣнію, нѣсколько сгладила подлинную форму рѣчи бриттскихъ пословъ, не говоря уже о томъ, что самъ Видукиндъ старается по возможности прославлять свой народъ.

Бритты не могли болѣе защищаться отъ нападеній кельтическихъ же племенъ, Скотовъ и Пиктовъ, потому рѣшились принять къ себѣ на службу полки Саксовъ. Дѣло будетъ нагляднѣе изъ самаго текста Видукиндова сказанія, которое здѣсь сообщаемъ.

8. Dum ea geruntur apud Saxoniam quae ita modo vocitatur regionem, Brittania a Vespasiano principe iam olim inter provincias redacta et sub clientela Romanorum multo tempore utiliter degens, a vicinis nationibus inpugnatur, eo quod auxilio Romanorum destituta videretur. Populus namque Romanus, Martiali imperatore a militibus interfecto [9]), externis bellis graviter fatigatus, non sufficiebat solita auxilia administrare amicis. Exstructo tamen ingenti opere ad munimen regionis inter confinia a mari usque ad mare, ubi inpetus hostium videbatur fore, relinquebant regionem Romani. Sed hosti acriori et ad bellandum prompto, ubi gens mollis et pigra belli resistit, nulla difficultas in destruendo opere fuit. Igitur fama prodente de rebus a Saxonibus prospere gestis, supplicem mittunt legationem ad eorum postulanda auxilia [10]). Et procedentes legati: *Optimi,* inquiunt, *Saxones, miseri Bretti crebris hostium incursionibus fatigati et admodum contriti, auditis victoriis a vobis magnifice patratis, miserunt nos ad vos, supplicantes, ut ab eis vestra auxilia non subtrahatis. Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere. Sub Romanorum hactenus clientela ac tutela liberaliter viximus; post Romanos vobis meliores ignoramus; ideo sub vestrae virtutis alas fugere quaerimus. Vestra virtute, vestris armis hostibus tantum superiores inveniamur, et quicquid inponitis servitii, libenter sustinemus.* Patres ad haec pauca respondent: *Certos amicos Brettis Saxones sciatis,*

---

[9]) Cum hic de traditionibus agatur, Marciani imperatoris nomen, eodem saeculo quinto clari, perperam immisceri, haud mirum. PERTZ.

[10]) Legationem missam esse, etiam Beda II, c. 15 tradit; hanc vero orationem noster solus exhibet. WAITZ.

et eorum necessitatibus atque commodis aeque semper affuturos. Legati laeti redierunt in patriam, exoptato nuntio socios laetiores reddentes. Deinde promissus in Brittanniam mittitur exercitus, et gratanter ab amicis susceptus, in brevi liberat regionem a latronibus, restituens patriam incolis. Neque enim in id agendo multum laboris fuit, quippe qui iam olim audita fama Saxonum perculsi terrebantur, dummodo praesentia eorum procul pelluntur. Erant enim hae gentes Brettis adversae, Scotti et Pehti, adversus quos militantes Saxones accipiebant a Brettis omnia ad usum necessaria. Manserunt itaque in illa regione aliquanto tempore, vicaria Brettorum bene usi amicitia. Ut autem viderunt principes exercitus terram latam ac fertilem et incolarum manus ad bellandum pigras, se vero ac maximam partem Saxonum sine certis sedibus, mittunt ad revocandum maiorem exercitum, et pace facta cum Scottis et Pehtis, in commune contra Brettos consurgunt, eosque regione propellunt, suae ditioni regionem distribuunt».

Было бы слишкомъ долго обстоятельно объяснить побужденія къ призванію Рурика. Какъ въ Британіи, такъ и здѣсь зовутъ на помощь изъ-за моря такихъ людей, которые до тѣхъ поръ были врагами. Но существенная разница въ томъ, что Саксы были призваны, по условію, только для военной службы, но потомъ, нарушивъ свое слово, сдѣлались самовольно не только властителями надъ Бриттами, но отчасти и угнетали ихъ: одна часть Бриттовъ бѣжала въ горы Валлиса, другая за море въ Арморику (= Поморье), которая потомъ названа была Малою Британніею (Bretagne).

Въ славянскомъ преданіи настоящею причиною призванія выставляется внутренной разладъ, и средствомъ противъ него признано призваніе *князя*: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву.» Но если примемъ въ соображеніе, что въ то время Норманны вели себя не очень покойно, то легко допустимъ, что обязанностью Рурика было также защищать берега Финскаго залива отъ пиратовъ посредствомъ морской стражи [11]).

Несторово изложеніе рѣчи по формѣ кажется первобытнѣе латинскаго текста Видукинда. *Наша земля велика и обильна* почти слово въ слово находится въ латинской фразѣ: terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta, а въ продолженіи разсказа Видукиндъ еще разъ говоритъ, что Саксы, приставъ къ берегу, нашли

---

[11]) Ср. Записки Акад. Н., Томъ II, Прилож. 3, стр. 221, и стр. III моего Предисловія къ Jordeböcker öfver Ingermanland.—Писцовыя Книги Ижорской Земли. Томъ I, Отд. I, СПб. 1859.

terram latam ac fertilem. Въ первомъ мѣстѣ переводъ сакскаго выраженія, соотвѣтствующаго славянскому *обильный*, замѣтно ставилъ латиниста, по причинѣ сухости выраженій въ мертвомъ языкѣ, въ затрудненіе, а во второмъ мѣстѣ онъ обошелся не вполнѣ мѣткимъ выраженіемъ fertilis. Въ своемъ пространномъ разсужденіи объ этомъ предметѣ я указываю, между прочимъ, на слѣдующія два паралельныя мѣста: late patentes et *uberes* pagi; praeclara patria (т. е. англосакская земля) et *opima*. Въ концѣ періода... vestrae mandant ditioni parere съ перваго взгляда кажется очень произвольно переданнымъ подлинное выраженіе, вмѣсто котораго у Нестора читается: *да пойдѣте княжити и володѣти нами*; но можно ли здѣсь ожидать буквальнаго сходства независимо отъ латыни Видукинда, это еще вопросъ, на который придется отвѣтить отрицательно. Бриттамъ нуженъ былъ не князь, который у нихъ безъ того былъ, а только вспомогательныя войска — варяги — съ опытными воеводами. И мы знаемъ, что у Саксовъ, какъ у Фризовъ, не образовались княжескіе роды, какъ у Готовъ, у которыхъ появились издавна и съ большою силой, и у Норманновъ: у тѣхъ были только герцоги (древне-сакс. heritogo = воевода = στρατηγός). Конечно, эти сакскіе воеводы за моремъ вскорѣ сдѣлались владѣтельными князьями, и ихъ преемники, покоривъ себѣ нѣсколько кельтическихъ областей, стали называться *бретвальдами*, т. е. владѣтелями бриттанской земли. Въ англо-сакскомъ титулѣ bretwalda выражается таже идея о владычествѣ, на которую намекаетъ Несторъ въ фразѣ: «да пойдѣте княжити и *володѣти* нами». Соотвѣтствующая англо-саксскому (bret)*walda* славянская форма *влада* (ср. старост*а*, воевод*а*) не встрѣчается въ славянскихъ памятникахъ, а сохранилась только въ собственныхъ именахъ *Владъ* (ср. англо-сакс. Wald), *Влади*міръ = *Влади*славъ (= др.-нѣм. Waldomar = славный владѣтель, см. Зап. Акад. Т. II, Прил. 3, стр. 204 и Т. III, стр. 274 не нумерованнаго Приложенія), равно въ юридическихъ терминахъ *влад*ыка (у Чеховъ и Сербовъ), włódarz (у Поляковъ) и проч.

Такимъ образомъ кажется, какъ будто древнее преданіе о призваніи сакскихъ воеводъ было перенесено на призваніе Рурика и его братьевъ, но вмѣстѣ примѣнено было къ дѣйствительному положенію дѣлъ. Г. Погодинъ писалъ въ 1846 г. (Изслѣд. I, стр. 491). «У Варяговъ, я увѣренъ, была Сага о Рюрикѣ и о прибытіи его въ Новгородъ, коею воспользовался Несторъ». Пусть теперь другіе рѣшатъ, найдена ли въ вышеприведенномъ основа этой саги? Если найдена, то Несторъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, яв-

ляется вѣрнымъ отголоскомъ народнаго преданія и призваніе Рурика упрочивается въ значеніи историческаго факта, потому что если бы такого событія не случилось на сѣверо-востокѣ, то не было бы и повода переносить эту сагу на славянскую почву. Выдержитъ ли критику все то, что мы кромѣ того знаемъ о обстоятельствахъ, предшествовавшихъ призванію Рурика и послѣдовавшихъ за тѣмъ, это другой вопросъ. Несторъ съ своей стороны, какъ кажется, передалъ только краткое сказаніе, какъ оно сохранилось еще въ его время. А какимъ образомъ сѣверо-западная сага перешла въ Русь, и какимъ путемъ, славяно-балтійскимъ или норманскимъ? Слѣды этой саги въ другихъ мѣстахъ едва ли помогутъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительно. Между Норманнами и Англо-Саксами еще до начала пиратскихъ набѣговъ Норманновъ на британскіе острова (въ послѣдней четверти 8-го столѣтія) были сношенія, въ которыхъ посредниками были отчасти Фризы и оданившіеся Юты. Объ этомъ будетъ рѣчь при другомъ случаѣ, когда пойдетъ дѣло о значеніи, какое могутъ имѣть для варяжскаго вопроса памятники англо-сакской литературы. Съ ихъ помощью можетъ-быть удастся попасть на слѣдъ предковъ загадочныхъ Rhos 839 г. и выяснить ихъ отношеніе къ собственно-шведскому племени. Г. Гедеоновъ и др. совершенно справедливо требуютъ отъ норманской школы, чтобы она, обанкрутившись съ своимъ Рослагомъ [12]), позаботилась вновь открыть «природныхъ шведскихъ Россовъ». Нынѣшнее состояніе лингвистическаго и историческаго изслѣдованія представляетъ довольно средствъ, чтобы надѣяться рѣшить или по крайней мѣрѣ подвинуть къ рѣшенію вопросы, которые прежде считались неприступными и нерѣшимыми. Увѣнчаетъ ли наука большимъ или меньшимъ успѣхомъ усилія изслѣдователей въ этомъ отношеніи, покажетъ будущность. Во всякомъ случаѣ найдутся люди, которые вышепомянутое требованіе не признаютъ, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ (стр. 7), лишь вопросомъ одного любопытства.

3. Хронологическія ошибки Нестора вслѣдствіе неясной системы.

Предметъ, о которомъ предстоитъ здѣсь говорить, такъ запутанъ, что я считаю нужнымъ, для облегченія вниманія читателю, выставить напередъ вѣрную хронологическую таблицу.

---

[12]) Ср. мое признаніе на стр. 122 моихъ Замѣчаній 1862 года.

829 *въ октябрѣ* (=6338 по виз. лѣтосчисленію отъ С. М., 8 индикта) *возшелъ на престолъ императоръ Θеофилъ.*

842 20 *янв.* (=6350, 5 инд.) *Θеофилъ* ✝.

— 21 *янв.* (=6350, 5 инд.) *Михаилъ III дѣлается императоромъ подъ опекой матери своей, Θеодоры.*

[852 (=6360, 15 инд.), по Нестору будто бы первый годъ царствованія Михаила.]

856 *весной или лѣтомъ* (стало быть 6364, 4 инд.) *императоръ Михаилъ дѣлается единовластнымъ.*

865 *лѣтомъ* (=6373, 13 инд.) *походъ Аскольда и Дира на Константинополь.*

866, 26 *мая* (=6374, 14 инд.) *Василій Македонянинъ (Славянинъ) вѣнчается въ соправители императору.*

867 23 *сент.* (=6376, 1 инд.) *Михаилъ, по наущенію Василія, убитъ.*

Давно уже замѣтили [13]), что Несторъ сдѣлалъ ошибку, полагая первый годъ царствованія Михаила III съ 6360 (отъ 1 сент. 851 до 31 авг. 852) по византійскому лѣтосчисленію. *Самъ ли Несторъ сдѣлалъ эту ошибку, не выразумѣвъ византійскихъ хронологовъ, или отъ нихъ ее заимствовалъ?* Этотъ же вопросъ надобно повторить и о нѣкоторыхъ другихъ хронологическихъ ошибкахъ Нестора: «*тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ. Отъ Адама до потопа лѣтъ 2242*»..... Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія, чтобы проложить другимъ путь къ рѣшенію этого вопроса.

Патріарху Никифору II (✝829, см. Бодянскаго, о времени происхожд. слав. письм. на стр. 117 и Essai de chronograph. Byz. par Muralt p. 412), сочинителю одной лѣтописи, обыкновенно приписываютъ [14]) еще Χρονογραφία σύντομος (Chronographia compendiaria, Лѣтописецъ въ скорѣ, Лѣтописецъ въ кратцѣ), гдѣ лѣтосчисленіе отъ Адама первоначально продолжено было до императора Михаила II, можетъ быть, и до Θеофила, отца Михаила III. Въ новѣйшія времена нѣкоторые, какъ напр. Фр. Крузе и Креднеръ, стали доказывать, что этотъ хронологической перечень не принадлежитъ

---

[13]) Изслѣд. М. Погодина II, 298, 299; ср. его же «Несторъ». М. 1839, стр. 163 и его же статью въ Москвитянинѣ за 1852 г. Часть I, Отд. III, стр. 58.

[14]) Напр. Муральтъ (Essai p. XIII, № 65), архіеп. Филаретъ (Истор. Чтеніе объ отцахъ церкви. Томъ III. Спб. 1859, § 267, стр. 279) и Aug. Potthast Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters von 375—1500. Berlin 1862, стр. 464.

Лѣтопись Никифора (съ 602 по 770) издаваема была нѣсколько разъ. Paulus Silentiarius, Georg. Pisida... Nicephorus Constantinopolitanus. Bonnae. 1827.

патріарху Никифору. Кто бы ни былъ сочинитель этой хронографіи, около 872 года она была переведена на латинскій извѣстнымъ Анастасіемъ, по прозванію, Библіотекаремъ, и болгарскій переводъ ея, должно быть, сдѣланъ уже въ 10-мъ вѣкѣ. Какъ въ греческихъ, такъ и въ славянскихъ рукописяхъ есть разныя прибавки[15]). Въ Никоновской лѣтописи (ч. I. прибавл. стр. 6) славянскій переводъ начинается словами: *Адамъ, первый человѣкъ:* тоже начало (Ἀδὰμ πρῶτος ἄνθρωπος) оказывается (у Matthaei, Notitia I, p. 259, № 43) въ московской рукописи: Χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ Νικηφόρου τοῦ Πατριάρχου, которая, сколько мнѣ извѣстно, не была еще описана обстоятельно. На разности между славянскими редакціями указывалъ уже П. Строевъ (Труды и лѣтописи. Часть IV. М. 1828, стр. 172). Обстоятельнѣе разбираетъ это О. Бодянскій (о времени и пр. М. 1855, стр. 116—136).

Въ концѣ перечня императоровъ этотъ «Лѣтописецъ въ кратцѣ» предлагаетъ краткую хронологическую *таблицу* (Никифоръ стр. 404 ed. Par., стр. 753 ed. Bonn.) отъ Адама до послѣдняго императора-иконоборца Θеофила, откуда Несторъ взялъ нѣсколько отрывковъ и поставилъ въ началѣ свой собственной «Повѣсти». Несторъ заимствовалъ эту таблицу едвали изъ отдѣльной рукописи перевода такъ называемаго Никифора, а скорѣе нашелъ ее уже въ рукописи перевода Георгія Амартола или его продолжателя (См. Прил. къ 1 т. полнаго собранія Русск. Лѣтоп. стр. 246, 248, и также сочиненіе Бодянскаго). Эта-же таблица, кажется, находится въ Codex Coislinianus такъ наз. Георгія монаха, который вкратцѣ описанъ Монфокономъ (Bibliotheca Coisliniana. Par. 1715 in-fol. № 304, стр. 205). Въ Боннскомъ изданіи Георгія монаха (Teophanes continuatus, стр.

[15]) Греческій текстъ въ послѣдній разъ изданъ Диндорфомъ (Georgius Syncellus et Nicephorus. Bonnae 1829. Tom. I, стр. 733, съ переводомъ Анастасія), потомъ исправленъ по енскому списку (Codex Ienensis) Креднеромъ въ двухъ программахъ (Nicephori Chronographia brevis. Partic. I et II. Gissae. 1832—38 in-4⁰). Прежнія изданія см. у Поттгаста стр. 464, гдѣ однако недостаетъ между прочимъ упоминанія объ каталогѣ Iriarte (Codd. gr. Vol. I. Matriti 1769). Разные списки указаны Фабриціусомъ (Index in I. A. Fabricii Bibliothecae graecae editionem G. Ch. Harlesii. Lipsiae 1838, стр. 68). Латинскій переводъ Анастасія перепечатанъ съ хронологическими примѣчаніями А. Конціуса въ Patrologiae cursus completus. Accurante I. P. Migne. Patrologiae Tomus CXXIX, 1853, стр. 511 и слѣд.

Славянская редакція съ продолженіемъ въ первый разъ издана Шлецеромъ въ Прибавленіяхъ къ его изданію т. н. Никоновской лѣтописи (Т. I, стр. 6—17).

814) сообщено изъ этого парижскаго списка и начало таблицы, на первой страницѣ царствованія Михаила III. Γίνεται οὖν ἀπὸ μὲν τοῦ Ἀδὰμ μέχρι τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη δισχίλια διακόσια τεσσαράκοντα δύο, что очевидно соотвѣтствуетъ Несторову счету: «яко отъ Адама до потопа 2242». Въ Московскомъ спискѣ, приписываемомъ Симеону логоѳету и изданномъ г. Муральтомъ (и перепечатанномъ у Migne, въ 110 томѣ) встрѣчается (стр. 914 — 921) познѣйшая редакція «Лѣтописца въ кратцѣ» съ продолженіемъ, но безъ краткой таблицы. Равно и въ ватиканскомъ кодексѣ № 153 подъ заглавіемъ: Γεωργίου μονάχου ἁμαρτωλοῦ χρονικὴ ἱστορία этой таблицы нѣтъ [16]).

Не касаясь ближе дохристіанскихъ временъ сопоставимъ здѣсь числа отъ Адама до потопа, отъ Александра Вел. до Ѳеофила и Михаила, по Нестору, (П. собр. лѣт. I, 7), по такъ называемому Никифору и по переводчику его Анастасію. Греческій текстъ сообщаемъ мы по Креднеру, то есть, по енскому списку.

Συνάγονται τὰ ἔτη οὕτως, ὡς ὑποτέτακται.	Colliguntur anni, sicut inferius subiicitur.	Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ: тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ. Яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2242....
Ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη ,βσμβʹ	Ab Adam usque ad diluvium 2242...........	
Ἀπὸ δὲ τοῦ Ἀλεξάνδρου ἕως Χριστοῦ ἔτη τγʹ.	Ab Alexandro usque ad Iesu domini nostri tempora anni 303.	А отъ Олексанъдра до Рожества Христова лѣтъ 333. (313 по Лавр. сп.).
Ὁμοῦ ἔτη ,εφʹ.	Summa 5500.	(Ник. лѣт. I, Приб. стр. 10: *Всѣхъ лѣтъ отъ Адама до воплощенія Господня* 5000 и 500).
Ἀπὸ δὲ Χριστοῦ ἕως Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου ἔτη τιηʹ.	A Christi veri dei nostri adventu usque ad Constantinum Christianorum Imperatorem primum anni trecenti octodecim.	А отъ Христова Рожества до Костянтина лѣтъ 318.

[16]) Списокъ этой рукописи продолженія Георгія Амартола, столь важной для правильной оцѣнки разныхъ редакцій этого историческаго источника, лѣтъ десять тому назадъ, обязательно сообщилъ Академіи Наукъ, С. А. Гедеоновъ. Этотъ списокъ я давалъ г. Муральту для его изданія Амартола, и г. Ундольскому для его критическаго изслѣдованія объ Амартолѣ.

Ἀπὸ δὲ Κωνσταντίνου ἕως Θεοφίλου ἰνδικτ. ε', ἔτη φλ'.	A b. Constantino usque ad Theophilum indict. 5 anni 530.	
Ὁμοῦ ἔτη [17]) ,ςτν'.	Summa anni 6348.	Отъ Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542. А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29.

При употребленіи буквъ въ значеніи чиселъ какъ въ греческія, такъ и во славянскія рецензіи таблицы вкрались ошибки, изъ которыхъ иныя легко исправить, а другія будутъ исправлены только тогда, когда кто-нибудь приметъ на себя трудъ критическаго изданія «Лѣтописца въ кратцѣ» по греческимъ и славянскимъ рукописямъ [18]): за такой трудъ надобно же взяться когда-нибудь ради византійско-славянской хронологіи. Нѣкоторыя разности между рецензіями указаны уже г. Дубенскимъ въ статьѣ: «О нѣкоторыхъ годахъ Несторовой лѣтописи» (см. Временникъ. кн. 21. Изслѣдованія).

Сложивъ числа греческаго и согласнаго съ нимъ латинскаго текста, мы получимъ: 318 + 530 = 848. Прибавляя къ тому 5500 лѣтъ, которыя такъ называемый Никифоръ считаетъ по александрійской эрѣ, до Р. Х., получимъ 6348 годъ отъ С. М.; но этотъ годъ, какъ и 6350-й енскаго списка, исторически не вѣренъ, потому что императоръ Θеофилъ умеръ не въ 848 и не въ 850, а 20 января 842 или 6342 года отъ сотвор. мира по александрійскому лѣтосчисленію. Кодинъ, писавшій около половины 15-го вѣка свое сочиненіе de annorum et imperatorum serie начинаетъ также [19]): «отъ Адама до потопа 2242»; но годы царствованія Михаила III показываетъ онъ не точно (,ς = 6000), по крайней мѣрѣ въ отпечатанной рукописи, и только латинскій переводчикъ прибавилъ *по собственному соображенію* (см. примѣчаніе за текстомъ) 6349, вслѣдствіе чего я не могу раздѣлять объ этомъ мнѣнія г. Бодянскаго

---

[17]) ,ϛτν' (= 6350) Jenens., cui codices Anastasii plures et Scaliger suffragantur ,ςτμη' (= 6348) V. Credner.

[18]) Ср. также подобные армянскіе и грузинскіе списки этой таблицы въ сочиненіи Дюлорье (Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique par Ed. Dulaurier. Tome I. Paris 1859, стр. 39 и 185) и въ статьяхъ М. Броссе (Bulletin historico-philologique. Tome XV. 1858, стр. 183 и Tome XVI, стр. 366).

[19]) Georgius Codinus. Bonnae 1843, стр. 154 (стр. 77 Парижскаго изданія).

(стр. 118). Впрочемъ 6350 енскаго списка, если перевести его на годъ отъ Р. Х. *по византійскому счету*, случайно соотвѣтствуетъ 842 году, то есть, году смерти Θеофила и началу царствованія Михаила III.

Но вѣренъ ли исходный пунктъ нашего счисленія? Былъ ли 318 годъ эпохой въ исторіи перваго христіанскаго императора? Конечно, нѣтъ. Скорѣе, можно придать такой вѣсъ осени 312 года. 24 сентября произошло сраженіе при Augustodunum, къ которому относится извѣстное ἐν τούτῳ νίκα (симъ знаменіемъ побѣдиши). 28 октября 312 Константинъ съ тріумфомъ вошелъ въ Римъ, объявляя христіанскую религію терпимой и съ 15 сентября 312 началъ, по преданію, вводить счетъ пятнадцатилѣтнимъ цикломъ, называемымъ индиктами [20].

Если вмѣсто 318 поставимъ 312 годъ (или 313, такъ какъ первый индиктъ захватываетъ наибольшую часть 313 года), то отъ этого года до смерти Θеофила протекло 529 или 530 лѣтъ и тогда мы дѣйствительно получимъ 842. Но кто поручится, что въ цифрѣ φλ' не потерялась единица? Писцы нерѣдко пропускали единицу. Впрочемъ въ пользу счета: 312 + 530 = 842 говоритъ присовокупленное число индикта, предполагая, что оно не испорчено; потому что императоръ Θеофилъ дѣйствительно умеръ въ 5 индиктъ (съ 1 сентября 841 по 31 августа 842), именно 20 января 842 года [21]. Кто же захочетъ принять за годъ восшествія на престолъ Θеофила 530, тотъ долженъ будетъ переправить число индикта изъ ε въ η. Пусть другіе постараются сосчитать показанные такъ наз. Никифоромъ годы царствованія императоровъ, если можно, по разнымъ рукописямъ.

Въ Несторовой таблицѣ, прежде всего, мы не находимъ числа лѣтъ (5500), истекшихъ, по лѣтописцу въ кратцѣ, до Р. Х. Несторъ не потому ли не взялъ этого числа, что въ греческой церкви въ среднія времена повсюду распространено было убѣжденіе въ томъ, что до Р. Х. прошло не 5500, а 5508 лѣтъ? Достовѣрно то,

---

[20]) Предлагаемую мною замѣну 318-го года 312-мъ или 313 я не считаю еще вполнѣ оправданною, потому что текстъ Анастасія, по крайней мѣрѣ въ помянутыхъ изданіяхъ, представляетъ также 318. Г. Дубенскій (стр. 7) пришелъ къ такой же догадкѣ другимъ путемъ, а г. Бодянскій (стр. 119) приводитъ, что одинъ т. н. «Лѣтописецъ въ кратцѣ» считаетъ до Константина 5812, т. е. 312, если считать по александрійской эрѣ отъ С. М.

[21]) См. Genesius, ed. Lachmann. Bonnae 1834, стр. 76 (стр. 37 по венец. изд.): ἐν ἔτει ,ςτμ' (*leg.* ,ςτν'; см. Krug, Forsch. I, 135), ἰνδικτιῶνι ε' = 6350, инд. 5.

что для него ни восшествіе на престолъ, ни смерть Θеофила не имѣли значенія, потому что онъ только въ царствованіе сына его Михаила нашелъ имя Руси въ болгарскомъ переводѣ греческихъ лѣтописей. Для него важно было по преимуществу опредѣлить *первый* годъ царствованія Михаила III, потому что отсюда онъ хотѣлъ считать годы въ своей Повѣсти. Онъ нашелъ (см. выше) готовое число 318 и ему не было заботы, вполнѣ ли оно вѣрно. Если прибавимъ къ тому тѣ 542 года, то получимъ 860 по Р. Х., какъ первый годъ царствованія, котораго однако никакъ нельзя оправдать исторически. Какимъ же образомъ Несторъ могъ вмѣсто этого года принять 6360 годъ отъ С. М. по *константинопольской* эрѣ, такъ что выходитъ 852 годъ отъ Р. Х. вмѣсто 860? Послѣ разныхъ напрасныхъ усилій рѣшить этотъ вопросъ, я невольно возвратился къ Кругу, и это будетъ съ каждымъ, кто попробуетъ рѣшить эту загадку. Между тѣмъ мы увидимъ, что самъ Кругъ покинулъ правильно проложенный имъ путь. Онъ пишетъ (Forsch. I, 139):

«Возникаетъ вопросъ: что побудило Нестора поставить вступленіе Михаила на престолъ подъ 6360? Слѣдующій отвѣтъ, полагаю, будетъ удовлетворителенъ. Несторъ самъ говоритъ, что заимствовалъ изъ греческой лѣтописи; а въ ней онъ находилъ слѣдующія показанія: «*отъ воплощенія Христа до Константина* τιη′ = 318 *лѣтъ, отъ Константина до Θеофила, индикта* η′ = 8 [22]), *годовъ* φλ′ = 530. *Итого* ωμη′ = 848 *лѣтъ*». Еще 12 лѣтъ царствованія Θеофила до восшествія Михаила, будетъ 860 [23]). Прежде въ той же лѣтописи сказано: «*отъ Адама до воплощенія Христа по точнѣйшему счету* (κατὰ πᾶσαν ἀκρίβειαν) *считается* ͵εφ = 5500 лѣтъ; итого, стало быть, 6360. Приведенныя мѣста въ Никифоровой Хроногра-

---

[22]) Въ греческомъ текстѣ равно и въ переводѣ Анастасія стоитъ 5 индикта (см. выше, стр. 68). Кругъ, очевидно, измѣнилъ ε на η, *предполагая* что дѣло идетъ о *началѣ* царствованія Θеофила, который, какъ Кругъ показалъ уже въ своей Виз. хронологіи, сдѣлался императоромъ, по продолжателю Θеофана (Lib. III, cap. 1), въ октябрѣ 8 индикта (κατὰ τὸν Ὀκτώβριον μῆνα τῆς ὀγδόης ἰνδικτιῶνος) или по Генесію ἐν ἔτει ͵ςτλη′, ἰνδικτιῶνος η′ (= 6338, инд. 8). См. выше стр. 65.

[23]) Рукопись, представленная Кругомъ академической конференціи, имъ самимъ на чисто переписана. Въ ней первоначально читалось: «ind. 8 (η′), anni 530 (φλ′). Summa anni 6348 (͵ςτμη′). Dazu ... die 12 Regierungsjahre ... giebt 6360». Но видно, что Кругъ, продолжая переписывать, вычеркнулъ цифры 6 и вмѣсто греческихъ цифръ ͵ςτμη′ просто поставилъ ωμη′ и вмѣсто 6360 — 860. И такъ выше напечатанный переводъ совершенно вѣренъ.

фіи на стр. 400 и 404. Можно ли осуждать нашего Нестора за то, что онъ повѣрилъ наслово константинопольскому патріарху, который притомъ увѣрялъ, что его исчисленіе точно? Можно ли винить за то, что онъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій принялъ 6360 годъ за начало царствованія Михаила? Но тѣмъ и оканчивается книга Никифора; дальнѣйшія числа Несторъ не могъ у него заимствовать».

Такимъ образомъ Кругъ разсматриваетъ 530-й годъ (отъ Константина), какъ *первый* годъ царствованія Ѳеофила и потому измѣняетъ число индиктіона ε на η. Но онъ не подумалъ, что съ Константина — примемъ ли мы за годъ перваго *христіанскаго* императора 312 или 318 — до октября 829 прошло вовсе не 530, а только 517 или 511, но что отъ 312-го г. до дня смерти Ѳеофила (20 янв. 842 въ 5-й индиктъ) дѣйствительно прошло около 530 лѣтъ. Къ этимъ 530 годамъ своего греко-болгарскаго источника Несторъ конечно присчиталъ еще 12 лѣтъ и такимъ образомъ получилъ въ итогѣ 542, хотя, говоря строго, *его* первый годъ царствованія Михаила долженъ, быть не 542, а 534-й съ Константина, т. е. съ 318 г. Послѣдній недосмотръ объясняется, можетъ быть, просто тѣмъ, что Несторъ складывалъ и вычиталъ, такъ сказать, механически.

Чтобы открыть основаніе ошибки, въ которую впалъ Несторъ, надобно начать съ того, что онъ считалъ *первый* годъ царствованія Михаила опредѣленнымъ безошибочно. Такимъ выставляетъ онъ 6360 (=852) годъ четыре раза:

1) Свою таблицу начинаетъ онъ словами: «*Въ лѣто* 6360, *индикта* 15, *наченшю Михаилу царствовати*»... 15-й индиктъ шелъ съ 1 сентября 851 года.

2) Исчисливъ византійскія данныя въ таблицѣ, онъ продолжаетъ: «*А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ* 29», т. е. 6390 [24]).

3) Конецъ таблицы составляютъ слѣдующія слова:... *Якоже преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа.*

Въ лѣто 6361 (т. е. во второе лѣто Михайла). *Въ лѣто* 6362 и проч.

4) *Въ лѣто* 6371, *въ лѣто* 6372, *въ лѣто* 6373, *въ лѣто* 6374 *иде Аскольдъ и Диръ на Греки, и придоша въ* 14 *лѣто Михаила царя.*

---

[24]) Собственно долженъ быть 6389. Число 6390 выпущено въ Лаврентьевск. спискѣ конечно только по недосмотру писца. 29 лѣтъ было, можетъ быть, полныхъ съ нѣсколькими мѣсяцами.

Хотя 6360 (=852) годъ остается у Нестора первымъ годомъ Михаила и у Никифора 530 годъ соотвѣтствуетъ 842-му (отъ Рож. Хр.), какъ послѣднему году царствованія Θеофила, все-же еще остается вопросомъ, Θеофиловы ли именно годы (по незнанію) бралъ Несторъ въ тѣхъ 12 годахъ, которые присчитывалъ къ 318 и къ 530 годамъ Никифора? Въ болгарско-византійскихъ источникахъ онъ едвали гдѣ находилъ 6360 годъ въ значеніи перваго года царствованія Михаила; да онъ и могъ придти къ этому году только тогда, когда къ 318+542 (=860) прибавилъ еще 5500 лѣтъ, которыя по такъ наз. Никифору прошли до Р. Х. Правда, это стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи пріемамъ Нестора въ другихъ случаяхъ, такъ какъ онъ касательно рождества Христова держался константинопольской эры. Но 6360 (852) годъ въ значеніи перваго года царствованія Михаила онъ получилъ, кажется, не какъ нибудь иначе, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ, который выставляю, чтобы облегчить соображеніе читателямъ, разсуждающимъ о достовѣрности Несторовой лѣтописи, но не привыкшимъ разбирать хронологическіе вопросы:

отъ Р. Х. до Константина	318	
отъ Конст. до 1-го года Михаила	542	
Итого	860	
прибавить	5500	по алекс. эрѣ
какъ первый годъ царствованія Михаила	6360	годъ отъ С. М. по алекс. эрѣ.
Вычесть	5508	по конст. эрѣ [25])
	852	по Р. Х.!

Непослѣдовательность у Нестора оказывается такъ велика, что охотно ищешь какого нибудь другаго способа объясненія, еслибы какой нибудь нашелся. Но ни 842, ни 856, первый годъ единовластія Михаила, не даютъ намъ инаго способа, хотя нельзя умолчать, что 856 годъ, считаемый съ 313-го, былъ бы 542.

Разительный примѣръ того, что Несторъ въ своихъ хронологическихъ выкладкахъ дѣлалъ ошибки, представляетъ у него опредѣленіе года похода Аскольда на Царьградъ. Въ особомъ разсужденіи я обстоятельно показалъ, что этотъ походъ никакъ не приходится на лѣто 866 года. Этого не допускаетъ связь византійскихъ событій того времени, независимо отъ опредѣленныхъ показаній

[25]) Вмѣсто 5500 по алекс. эрѣ, какъ слѣдовало бы.

у такъ назыв. Симеона логоѳета и въ письмѣ папы Николая отъ 13 ноября 865 года. Точно также нельзя отнести похода къ 864 году, а можно только къ 865 или къ 6373 конст. счисленія отъ С. М. По видимому, Несторъ не нашелъ для этого похода опредѣленнаго показанія *года*, но нашелъ въ какомъ нибудь болгаро-византійскомъ источникѣ другое хронологическое показаніе, которое онъ потомъ, какъ полагаю, по разсчету принялъ за 14-й годъ царствованія Михаила. Считая съ его 6360 (852), онъ правъ, но онъ ошибся, высчитывая 14-й годъ царствованія Михаила по византійскому лѣтосчисленію отъ С. М. и поставивъ 6374 годъ вмѣсто 6373 (см. выше стр. 65 и 71). Видно, что здѣсь Несторъ опять складывалъ механически (6360 + 14 = 6374), не разсуждая, что лѣто *его* 14 года Михаилова царствованія принадлежало еще 6373 году (отъ 1 сент. 864 до 31 авг. 865), то есть, что 14-й годъ еще не кончился, а продолжался. Въ какомъ мѣсяцѣ полагалъ онъ начало царствованія Михаила, для насъ не важно. Единовластіе Михаила во всякомъ случаѣ началось еще весною или лѣтомъ 856 года.

4. Какъ понималъ Пруденцій Галиндо выраженіе: rex, Chacanus vocabulo, подъ 839 годомъ?

«Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, *Chacanus vocabulo*, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam» etc.

Этого свидѣтельства, часто приводимаго и объясняемаго, я не коснулся въ 1862 году, потому что объ немъ нельзя было говорить коротко. Да и на сей разъ я ограничиваюсь объясненіемъ фразы: Chacanus vocabulo.

Со временъ Байера, открывшаго это свидѣтельство, долгое время видѣли въ этомъ Chacanus тюркскій титулъ владѣтельнаго лица, такъ что Тредьяковскій не задумываясь перевелъ это выраженіе словами: «Сихъ Царь, *Хаканъ званіемъ*»: вмѣсто званіемъ можно бы сказать и: *по титулу; достоинствомъ*. Струбе (de Pyrmont), бывшій короткое время членомъ Академіи Наукъ, первый сдѣлалъ попытку истолкованія этого слова въ смыслѣ личнаго скандинавскаго имени [26]); а Шлецеръ и Карамзинъ уже не сомнѣвались

[26]) Dissertation sur les anciens Russes. St.-Pét. 1785. in-4°. (На русскомъ подъ заглавіемъ: Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ. 1791.) Первоначальная редакція была представлена Академіи въ 50 годахъ, вслѣдствіи появленія разсужденія Миллера. Струбе оставилъ Академію въ 1757 г.

въ правильности этого толкованія. Кругъ, основываясь на вычитанномъ имъ выраженіи 873 года: «Chaganus Nortmannorum», возвратился къ прежнему воззрѣнію. Я принималъ въ 1845 году Кругово толкованіе, потому что кіевскіе Славяне, какъ видно изъ русскихъ источниковъ, вслѣдствіе хазаро-тюркскаго владычества надъ ними, именемъ Хагана выражали, что Кругъ опускалъ изъ виду, высшее понятіе о достоинствѣ владѣтельнаго князя. И г. Гедеоновъ не видѣлъ въ «Хаканѣ» 839 года собственнаго имени, но такъ безпощадно выставилъ (стр. 104 и слѣд.) слабую сторону моихъ положеній, что я уже въ 1862 году по неволѣ долженъ былъ вновь подвергнуть тщательному пересмотру все это свидѣтельство о Рōсахъ 839 года. Г. Погодинъ остается (см. выше, стр. 42) при взглядѣ Струбе и Шлецера; но онъ упускаетъ изъ виду, что они объясняли выраженіе: Chacanus vocabulo только съ помощію аналогій у другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, нисколько не опасаясь навязать Пруденцію что нибудь такое, чего онъ, можетъ быть, вовсе не имѣлъ въ мысли.

Но *тотъ нарушаетъ непреложный законъ исторической критики, кто всего прежде объясняетъ писателя не изъ него самаго, а изъ другихъ писателей, которые и по времени и по образованію различны отъ того, о комъ собственно идетъ дѣло.* Читатель увидитъ, имѣли ли мы право объяснять разсматриваемое выраженіе словоупотребленіемъ у другихъ писателей, прежде нежели оно разсмотрѣно было у самого Пруденція. Тоже самое должно сказать объ Ахмедъ-эль-Катибѣ, свидѣтельство котораго, по моему мнѣнію, не имѣетъ такого значенія, какое ему до сихъ поръ приписывали. Ср. выше стр. 6 и 30 съ стр. 126 моихъ Замѣчаній 1862 года (въ Зап. А. т. I, Прилож. № 3).

Мы должны войти въ словоупотребленіе и міросозерцаніе Пруденція тѣмъ болѣе, что нельзя надѣяться, чтобы еще нашелся греческій оригиналъ письма императора Θеофила къ Людовику Благочестивому или латинскій переводъ его между неизданными документами исторіи Каролинговъ. О посольствѣ Θеофила въ 839 году въ западную Европу, хотя говорятъ еще византійскій (Продолжатель Θеофана), венеціанскій (Іоаннъ діяконъ), и испанско-арабскій лѣтописцы (Аль-Маккари), но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ повода упомянуть о Росахъ, сопровождавшихъ это посольство. Изъ сравненія всѣхъ четырехъ извѣстій объ этомъ посольствѣ можно по высшей мѣрѣ извлечь только загадку, зачѣмъ Θеофилъ такъ усердно рекомендовалъ Росовъ франкскому императору.

Названіе: «бертинская лѣтопись» — условное: ея рукопись найдена въ монастырѣ св. Бертина. При объясненіи ея, и именно при объясненіи терминологіи надобно различать ея начало, отъ 830 до 835 г., принадлежащее безъимянному сочинителю, продолженіе Пруденція, епископа труаскаго (Troyes), простирающееся до 861 года, и конецъ, писанный епископомъ Гинкмаромъ реймскимъ. Пруденцій былъ испанскій уроженецъ. Гинкмаръ начинаетъ свое продолженіе подъ 861 годомъ, такими словами: Galindo, cognomento Prudentius, Tricassinae civitatis episcopus, natione Hispanus, adprime litteris eruditus... moritur. Изъ его свѣтскаго имени Галиндо[27]) надо заключать, что онъ былъ вестъ-готскаго происхожденія. Въ одномъ письмѣ къ своему брату онъ говоритъ о себѣ, что онъ долго отправлялъ «palatinas excubias». Итакъ не говорилъ ли онъ еще по готски или не научился ли франкскому или сѣверно-французскому нарѣчіямъ, и не имѣло ли это вліянія на правописаніе собственныхъ именъ его лѣтописи? Мы увидимъ, что это не напрасный вопросъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ оффиціальнымъ лѣтописцемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ сопровождалъ императора въ его походахъ и въ 839 году былъ при особѣ Людовика.

Между писателями 9-го вѣка, Пруденцій принадлежитъ, говоря сравнительно, къ числу лучшихъ латинистовъ. Между vocare и appellare соблюдаетъ онъ различіе въ слѣдующемъ мѣстѣ a. 839 (стр. 436 у Пертца I): Saxones interea contra Sorabos qui Colodici *vocantur*... dimicantes; a. 841 (стр. 437): ...Saxonibus qui Stellinga *appellantur*, quorum multiplicior numerus in eorum gente habetur. Дѣйствительно, нижне-сакскіе Стеллинги были не племя, а скорѣе составляли сословіе. Въ другихъ мѣстахъ Пруденцій не употребляетъ въ своей лѣтописи ни appellare, ни appellatio. *Vocare* и *vocari* встрѣчаются у него даже въ одномъ и томъ же предложеніи, и никогда въ разныхъ значеніяхъ, а всегда въ смыслѣ *называть, называться*, такъ что уже изъ этого можно заключать о его употребленіи слова *vocabulum*, то есть, полагать, что онъ употребляетъ это слово не въ значеніи «титула» или «званія», какъ иногда, хотя весьма рѣдко, встрѣчается у средне-вѣковыхъ писа-

---

[27]) Это имя напоминаетъ народное имя одной вѣтви древнихъ Пруссовъ, Галиндовъ, упоминаемыхъ уже Птоломеемъ, въ русскихъ лѣтописяхъ они называются Голядь. Чисто готская форма должна быть Galinda, къ которой хорошо идетъ Птоломеева форма Γαλίνδαι. Извѣстно, что древніе Пруссы были подвластны Готамъ.

телей, а въ значеніи *имени*. Кромѣ 839 года vocabulum встрѣчается у Пруденція еще три раза.

1) Пруденцій любилъ употреблять названія галльскихъ и франкскихъ городовъ, встрѣчающіяся у классическихъ писателей; но такъ какъ эти названія были уже непонятны, то иногда прибавлялъ онъ названія, употреблявшіяся въ его время. Такъ объясняетъ онъ напр. старинное имя города Меца (въ среднихъ вѣкахъ: Mettae) подъ 842 годомъ (стр. 439): тогда три брата: Лотарь, Людвигъ и Карлъ de regni totius aequis portionibus diligentius faciendis Kalendis Octobribus in urbe Mediomatricorum, *Metis vocabulo*, decreverunt.

2) A. 853 (стр. 448) Пруденцій употребляетъ vocari и vocabulum точь въ точь такъ, какъ о Росахъ (см. выше, стр. 73): Lotharius imperator... duas sibi ancillas ex villa regia copulavit, ex quarum altera, *Doda vocabulo*, filium genuerat, quem Karolomannum *vocari* jubet.

3) Подъ 858 годомъ (стр. 452) онъ пишетъ: Karlus rex insulam Sequanae, *vocabulo Oscellum*, Danos in ea commorantes obsessurus, mense Iulio adgreditur. Подъ тѣмъ же годомъ (стр. 451) онъ самъ объясняетъ, какъ должно понимать здѣсь слово vocabulum: Karolus intravit in insulam Sequanae, *dictam Oscellum*.

Конечно, Пруденцій употребляетъ выраженіе vocabulo не часто; напротивъ, очень часто приводитъ онъ лица и мѣста поименно, употребляя при этомъ, вмѣсто vocabulo 1) описательное выраженіе съ глаголомъ *dicere* (qui, quae, quod dicitur, quod dicunt, qui dicuntur) и 2) слово *nomine*. Послѣднее, какъ vocabulo, встрѣчается у него также четырежды, въ томъ числѣ трижды о мѣстностяхъ.

Anno 845 (стр. 441): Nortmanni... cum a quodam monasterio, *Sithdiu nomine* (т. е. св. Бертина), direpto incensoque oneratis navibus repedarent....

A. 846 (стр. 442):... apud villam sancti Remigii, *Sparnacum nomine*.

A. 849 (стр. 443): Godescalcus.... ad dioceseos suae urbem metropolim, *Remorum Durocortorum nomine*,... redire compellitur.

Въ 4-мъ мѣстѣ Пруденцій употребляетъ nomen, конечно, въ смыслѣ достоинства, но оно получаетъ это значеніе только посредствомъ стоящаго съ нимъ прилагательнаго: a. 840 (стр. 437) Lotharius comperto genitoris obitu (т. е. Людовика Благочестиваго).... *imperatorio* elatus *nomine*, in utrumque fratrem... hostiliter armatur.

Мѣста, гдѣ Пруденцій говоритъ о норманскихъ князьяхъ, не имѣютъ для насъ особенной важности. Онъ точно зналъ нѣсколь-

ко норманскихъ князей датскаго племени и упоминаетъ объ нихъ при разныхъ случаяхъ, но не прибавляя къ имени слова *vocabulo* или *nomine*, какъ будто имена ихъ были общеизвѣстны. Надобно замѣтить, что говоря о датскомъ великомъ князѣ Орикѣ въ первый разъ, онъ выставляетъ его титулъ: Anno 836 (стр. 430): Horich, *rex* Danorum. Подъ 838 и 839 онъ упоминается уже только по имени; напротивъ а. 850 (стр. 445) мы читаемъ: Oric, *rex* Nortmannorum, а. 854 (стр. 448): Orico *rege*.

Если возьмемъ теперь во вниманіе троекратное употребленіе словъ vocabulo и nomine, равно и различіе между vocare и appellare, то, кажется, въ правѣ будемъ заключать, что Пруденцій своимъ vocabulo обозначалъ собственныя имена лицъ и мѣстъ и что потому его rex, Chacanus vocabulo совершенно то же, что у Ліудпранда (Antapod. V, 15): Hujus denique gentis (Rúsiorum) rex *vocabulo Inger* erat. Правда, Ліудпрандъ употребляетъ vocabulum и въ смыслѣ званія, титула, но въ иной связи (Antapod. V, 30: Quamquam enim iterato Hugonem atque Lotharium reges italici susciperent, Berengarium tamen nomine solum marchionem, potestate vero regem, illos *vocabulo* reges, actu autem neque pro comitibus habebant). Ср. мѣста изъ писемъ императора Людовика отъ 873 года къ византійскому императору Василію, напр. verum idcirco ab his omnibus astute βασιλεως *vocabulum* (= царскій титулъ) adimis, ut hoc soli tibi, non tam proprie quam violenter, inflectas.

Но положимъ, что Пруденцій употребилъ vocabulum во всѣхъ четырехъ мѣстахъ въ смыслѣ личнаго имени: намъ должно будетъ бороться съ новою затрудностію. *Правильное объясненіе слова* vocabulum *только тогда имѣетъ цѣну, когда мы можемъ указать и принадлежащее къ нему собственное имя въ его правильной формѣ.* Струбе, Шлецеръ и др. брались за дѣло слишкомъ легко, схватывая на удачу, какое случилось, скандинавское личное имя. Кто не довольно знакомъ съ лингвистикой, тому можетъ показаться, что подборъ созвучій (Hākon) вывелъ ихъ на прямую дорогу, но доказать этого никто еще не могъ.

При разборѣ формы имени Chacanus всего прежде должно спросить: сохранилось ли она въ томъ самомъ видѣ, какъ написана была Пруденціемъ? Достовѣрно доказать этого нельзя; но дошедшая до насъ рукопись т. н. Бертинскихъ лѣтописей принадлежитъ къ X вѣку и, кажется, не потерпѣла особенныхъ искаженій отъ писцовъ. Если же допустимъ правильность чтенія Chacanus и *предположимъ*, что въ немъ скрывается какая нибудь нор-

манская форма, то иным вовсе не покажется страннымъ попасть въ слѣдъ за Струбе на имя (Hākon), которое глубоко входитъ въ миоы и эпическія сказанія какъ у Норманновъ, такъ и нѣмецкихъ племенъ [28]). Что значитъ это имя, еще не объяснено. Для насъ важны только разныя діалектическія формы, которыхъ теперь собрано много. Мюленгофъ принимаетъ за первоначальную форму Hāguna, изъ которой по извѣстнымъ законамъ діалектической замѣны звуковъ у разныхъ германскихъ племенъ образовались формы: Hāgăna, Hākon, Hāgen, и т. д. Къ сожалѣнію, готская форма этого имени намъ не извѣстна, а она могла бы рѣшить, какая согласная первоначально господствовала въ серединѣ слова, *g* или *k*, и какое было окончаніе, *una* или *ana*. Готское *h* въ древнѣйшія времена выговаривалось, безъ сомнѣнія, крѣпче, какъ видно между прочимъ изъ славянскихъ заимствованныхъ словъ: хлѣбъ, хѫдъгъ (изъ гот. hlaibs, handugs); но во времена Ульфилы († 380) этотъ выговоръ уже ослабѣлъ, такъ что уже трудно допустить вестъ-готскую форму *Ch*acan(o) или *Ch*agun(a), не говоря уже о томъ, что у Пруденція Галиндо вообще не видно чисто готскихъ формъ.

Древнія верхне-нѣмецкія встрѣчаются двѣ формы: Haguno (англо-сакс. Haguna) и Hagano (англо-сакс. Hagana, Hagena), ново-врехне-нѣм. Hāgen. Въ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи Франковъ, завоевателей Галліи, это имя, по франкской системѣ звуковъ, во всякомъ случаѣ начиналось съ ch; съ чѣмъ согласуются и франскія сложныя: *Chagn*erich (693 и 750 г.), *Chagno*ald (7-го вѣка), *Chagnu*lf (610 и 632 г.); касательно потери второй краткой гласной ср. франкс. Hag*i*nulf 7-го вѣка и др. нѣм. Hag*a*nolf (875 г.). Въ древнемъ сѣверномъ (т. е. въ древне-норвержскомъ и древне-исландскомъ) встрѣчаются двѣ формы: Högni (сокращено изъ древнѣйшей формы Haguna) и Hākon (род. пад. Hākunar). На шведскихъ рунныхъ каменяхъ и въ древнемъ шведскомъ уложеніи (Uplandslag) читается Hakun. Въ англійскихъ источникахъ подъ 1030 годомъ упоминается comes danicus, по имени Hakun.

Что выходитъ изъ этихъ формъ для объясненія Chacanus? Начальный звукъ ch можно бы принять за признакъ франкскаго вліянія, такъ какъ Франки начальныя придыхательныя обыкновенно выговаривали крѣпко; но для этого франкскаго вліянія въ настоя-

---

[28]) Разборъ этого имени и разныхъ его видоизмѣненій см. въ статьѣ Мюленгофа (въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, herausgegeben von Moritz Haupt. 12-ter Band. Berlin 1860, pag. 295—299, 386).

щемъ случаѣ вовсе нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Гриммъ (Geschichte d. deutsch. Spr. p. 544) находитъ, что франкскій выговоръ начальнаго *ch* принадлежитъ вѣку Меровинговъ, но уже чуждъ Каролингамъ, когда онъ ослабѣлъ до *h*, а частію и вовсе выбрасывался. Согласно съ этимъ, Пруденцій древнія франкскія имена никогда не начинаетъ звукомъ *ch*, а пишетъ то Hludovicus, Hlotharius, то Ludovicus, Lotharius, но отнюдь не по древнему франкскому выговору Chlotharius и т. д. [29]) Наконецъ и буква *c* въ серединѣ (Cha*c*anus) совсѣмъ нейдетъ къ франкскимъ формамъ, соотвѣтствующимъ норманскому Hākon (или Hākun), въ которыхъ удерживалось g, какъ напр. въ выше приведенныхъ Chagnerich, Chagnoald и Chagnulf.

Точно также нельзя принять Chacanus и за скандинавскую форму. Восточно-скандинавское *h* тогда выговаривалось уже очень легко. Впрочемъ Пруденцій сохранилъ этотъ звукъ въ датскихъ именахъ Herioldus и Horich (вмѣстѣ съ Oric, Oricus). Буква *c* въ серединѣ, конечно, идетъ къ Hākon, но окончаніе *an* и начальное ch не позволяютъ и подумать о томъ, что Пруденцій своимъ Chacanus вѣрно передалъ соотвѣтствующую *шведскую* форму франкскаго имени Chāgăn(o), Chagen(o) или Chagno.

Если мы все-таки будемъ допускать, что въ Chacanus дѣйствительно кроется сѣверное имя Hakon, то намъ останется двѣ возможности объяснить недостатокъ соотвѣтствія звуковъ. Либо самъ Пруденцій (или вообще Франки), либо уже сочинитель греческаго письма (или греческіе послы) случайно или съ намѣреніемъ замѣнили форму Hākon другою, болѣе удобною для ихъ выговора. Какимъ же образомъ это могло случиться?

Когда сравниваешь отдѣльныя выраженія въ начальномъ періодѣ этой статьи лѣтописца съ подобными выраженіями, въ другихъ мѣстахъ его сочиненія, то становится яснымъ до очевидности, что *это* краткое предувѣдомленіе о Росахъ не заимствовано изъ греческаго письма. Замѣтьте между прочимъ выраженія: misit, dicebant, sicut asserebant и direxerat. Пруденцій былъ, какъ уже сказано, одинъ изъ лучшихъ латинистовъ 9-го вѣка. Лишь кое-гдѣ онъ дѣлаетъ грамматическія ошибки [30]), но видно, что онъ

---

29) Я не успѣлъ еще себѣ объяснить употребленіе формы Хлотаръ у франкскаго монаха Hildegarius (+875), упоминающаго о войнѣ quod Chlotharius.... exacuit contra Bulgrorum gentem. Dümmler (Gesch. d. ostfr. Reichs I, 38) относитъ это событіе къ 827 — 829 годамъ.

30) Напр. въ употребленіи se вмѣсто ejus или eum.

имѣетъ живое представленіе о различіи такъ называемыхъ историческихъ временъ глагола. Сознательное употребленіе давнопрошедшаго *(direxerat)* и прош. совершеннаго историческаго *(misit)* очевидно. И несовершенныя времена *dicebant* и *sicut asserebant* въ *придаточныхъ* предложеніяхъ употреблены правильно и показываютъ, что «quidam», при своемъ прибытіи ко двору императора, называли себя Rhos и что они тамъ-же утверждали, что посланы были своимъ княземъ къ византійскому императору ради дружбы (amicitiae causa). Это не исключаетъ конечно того, что и въ греческомъ письмѣ они названы были Rhos, но то, что содержало объ нихъ письмо въ частности, Пруденцій разсказываетъ уже послѣ. Если бы dicebant и sicut asserebant надобно было относить къ показаніямъ Росовъ въ Константинополѣ, то Пруденцій, судя по его способу выраженія, едва ли употребилъ бы въ этихъ глаголахъ Imperfectum, а, вѣроятно, также Plusquamperfectum.

Итакъ извѣстіе о Росахъ надобно разложить на слѣдующіе три отдѣла:

1) Съ послами императора Θеофила пріѣзжаетъ нѣсколько неизвѣстныхъ людей къ императорскому двору въ Ингельгеймѣ (близь Маинца), которые называютъ себя Rhos и увѣряютъ, что ихъ князь, по имени такой-то, посылалъ ихъ ради дружбы въ Византію. Франки вовсе не знаютъ народа Rhos и, какъ показываетъ выраженіе sicut asserebant, съ перваго раза оказываютъ недовѣріе касательно объявляемой *цѣли* ихъ поѣздки въ Византію.

2) Изъ письма императора, которое только-что надобно было перевести, Франки узнаютъ, какимъ путемъ Росы пріѣхали въ Византію и что императоръ Θеофилъ проситъ своего союзника дозволить и облегчить имъ возвратный путь въ ихъ сторону чрезъ его владѣнія, потому что они опасались возвращаться прежнимъ путемъ.

3) Франкскій императоръ навѣдывается теперь точнѣе (diligentius) объ этихъ quidam и убѣждается (comperit), что они по своей народности принадлежатъ къ Шведамъ [31]). Выраженіе comperit (=удостовѣрился) ясно показываетъ, что шведское происхожденіе незнакомцевъ не возбуждало никакихъ недоразумѣній со стороны Франковъ. Это и допускаетъ г. Гедеоновъ (стр. 111).

---

[31]) Изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ князь жилъ на материкѣ Швеціи или что былъ васалломъ шведскаго великаго князя (въ Биркѣ на Меларскомъ озерѣ), которому подвластна была лишь незначительная часть нынѣшней Швеціи.

4) Но такъ какъ Франки все еще питали подозрѣніе касательно *цѣли* посольства, то рѣшено было задерживать самихъ пословъ какъ можно дольше, пока получится вѣрное извѣстіе, точно ли они пріѣзжали въ Византію какъ amicitiae petitores, или какъ exploratores.

Можно бы подумать, что съ перваго раза, пока происхожденіе неизвѣстныхъ пословъ еще не было дознано, Франки не хорошо вслушались въ имя короля Гакона и смѣшали оное съ именемъ: хаганъ, которое было извѣстно изъ аварскихъ войнъ. Но этотъ титулъ тюркскихъ властителей средневѣковые писатели писали не chacanus, а постоянно — по крайней мѣрѣ въ 8 и 9 столѣтіяхъ — χαγάνος (на прим. у продолжателя Θеофана и у Георгія амартола), cha*g*anus или ca*g*anus. Продолжатель Пруденція, епископъ Гинкмаръ, пишетъ подъ 864 г. (Pertz I, 465): Hludowicus, rex Germaniae, hostiliter obviam Bulgarorum *cagano,* *nomine* [32]), qui christianum se fieri velle promiserat, pergit. Въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ рукописяхъ и на иныхъ монетахъ C и G очень сходны между собой, такъ что даже внимательный писецъ, особенно въ малоизвѣстномъ ему имени, легко могъ принять одно за другое. Но дошедшій до насъ списокъ Пруденціевой лѣтописи едва ли принадлежитъ къ означенному разряду рукописей.

Остается еще задаться вопросомъ: не отъ Грековъ ли произошла форма Chacanus, полагая, что либо греческіе послы тотчасъ по прибытіи въ Ингельгеймъ сдѣлались посредниками между послами князя Rhos и Франками, либо оффиціальный лѣтописецъ впослѣдствіи внесъ его имя въ свое извѣстіе въ томъ видѣ, *какъ оно было въ письмѣ императора Θеофила.* Въ такомъ случаѣ надо полагать, что по-гречески оно было написано Χακάνος. Это было бы во всякомъ случаѣ сильнымъ искаженіемъ сѣвернаго Hakon, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, какъ выговаривали и писали это имя Греки въ другомъ случаѣ. Договоръ Игоря, какъ извѣстно, написанъ не прямо по славянски, а переведенъ съ греческаго. Между помянутыми въ немъ послами значится и *Прастѣнъ Акунъ, нети*

[32]) Два подобные пробѣла встрѣчаются у Гинкмара подъ 862 годомъ: Hludowicus, rex Germaniae, Lotharium nepotem suum apud Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur , adversus eorum regulum cum apparatu hostili pergat, т. е. противъ оботритскаго князя Табомысла. Должно полагать что Гинкмару, записывавшему событія 864 г., еще не извѣстно было имя (Bogoris, Boris) болгарскаго хана, который у него же подъ 866 г. три раза просто называется: rex Bulgarorum.

Игоревъ, т. е. Прастѣнъ, посолъ князя Акуна, сына дочери Рюрика и слѣдовательно двоюроднаго брата вел. кн. Игоря. Въ греческомъ текстѣ договора такимъ образомъ стояло, вѣроятно, τοῦ Ἄκουν или, что менѣе вѣроятно, τοῦ Ἀκοῦν. Какъ въ именахъ: Ольга (Ἔλγα = Helga; ср. впрочемъ стр. 195 и 198 соч. г. Гедеонова), Гугонъ (Οὔγων = Hugo, у Константина багрянороднаго de admin. imp. cap. 26) и другихъ, такъ и въ Hakon слабое придыханіе оставлено безъ вниманія. Въ то же время эта византійско-славянская форма «Акунъ» совершенно идетъ къ выше (стр. 78) приведеннымъ сѣвернымъ формамъ и къ варяжскому князю «Якуну», который въ 1024 году прибылъ на помощь къ в. князю Ярославу. Въ послѣднемъ только *а* іотировано, какъ въ словѣ: ябло-ко (ср. ирл. abhal, латышск. abhols, др.-нѣм. aphol, голл. appelsina = китайское яблоко). Кто, не взирая на вышесказанное, захочетъ держаться объясненія rex Chacanus 839 г. «княземъ Акуномъ», тотъ можетъ еще заключить, что это имя, какъ имя Игоря (*Слудъ Игоревъ, нети Игоревъ*, т. е. нетія Игорева), было наслѣдственно въ родѣ Рюрика или предполагаемыхъ русскихъ Инговичей (Инглинговъ). Г. Гедеоновъ (Зап. Т. III, стр. 264) допускаетъ, что Якунъ 1024 года былъ Норманнъ, но имя новгородскихъ Якуновъ признаетъ чисто-славянскимъ. У другихъ Славянъ нѣтъ однако подобнаго имени. Οὖννος Ἀκούμ, являющійся въ 539 году (Essai de Chronogr. byz. par Muralt, pag. 175), по формѣ напоминаетъ ближе всего болгарскаго хана Крума и другія гунно-болгарскія имена, оканчивающіяся на *м*. Писатели, говорившіе о Уннахъ того времени и выписанные Θеофаномъ (см. Unni въ Index histor.) разумѣютъ подъ этимъ именемъ, очевидно, вовсе не Славянъ, а, должно быть, тюркскія племена.

Званіе «хагана» у Аваровъ, Хазаровъ, Болгаръ (до ихъ сліянія съ Славянами) и у восточныхъ Тюрковъ по-арабски и турецки пишется خاقان (chak'an). Буква ق (кафъ) въ серединѣ слова оріенталистами, хотя не совсѣмъ удачно, передается согласными gk; у Армянъ на ея мѣсто является буква khe или k'e ք, которую русскій переводчикъ Моисея хоренскаго передаетъ буквою к' съ придыханіемъ [33]). Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ у понтійскихъ тюркскихъ на-

---

[33]) Хак'анъ. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго. Перевелъ Н. Эминъ. М. 1858, стр. 309.

Литературныя свѣдѣнія о распространеніи имени «хаганъ» сообщены мною въ статьѣ о пресвитерѣ Іоаннѣ. См. Уч. Зап. Ак. Н. по I и III Отд. Т. II (1854) стр. 762, прим. 4.

родовъ звукъ к', должно быть, смягчился въ раннія времена, потому что вмѣсто его у византійскихъ, славянскихъ, латинскихъ и другихъ писателей, если я не ошибаюсь, постоянно является *g* (χαγάνος, каганъ, коганъ, хаганъ, гаганъ, chaganus, caganus). Даже Григорій турскій (+ 594), всѣхъ прежде упоминающій объ аварскомъ хаганѣ, сохранилъ въ серединѣ слова букву g, въ своей лѣтописи (IV, 29): *Ch*unorum rex vocabatur *chag*anus (*al.* gaganus, caganus), omnes enim reges gentis illius hoc appellantur nomine. На Лангобарда Павла діакона (+ ок. 797) нельзя ссылаться для объясненія формы имени Chacanus. Онъ очень часто упоминаетъ въ своей 4 и 5-й книгѣ объ аварскихъ хаганахъ 7-го вѣка, постоянно называя ихъ cacanus, но вѣроятно (см. V, 19) по закону звуковъ въ верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи Лангобардовъ. Καυκάνος у Болгаръ во времена царя Симеона (ἅμα καυκάνῳ καὶ μηνικῷ у продолжателя Георгія амартола, стр. 819 ed. Muralt) въ прежнихъ изданіяхъ (Theophanes continuatus VI, 8; стр. 401 ed. Bonn.) называется прямо хаганомъ (ἅμα καὶ χαγάνῳ καὶ μηνικῷ), но вѣроятно, по ошибочной замѣнѣ. Кажется, это былъ особый титулъ сановника, который у Аваръ встрѣчается въ формѣ capcanus, cabuanus. Μηνικός напоминаетъ имя одного изъ полководцовъ болгарскаго царя Симеона. См. διὰ τοῦ Ἡμνήκου (вмѣсто μηνίκου?) у Константина багрян. de adm. imp. cap. 32.

Такимъ образомъ было бы очень не послѣдовательно, если бы Греки назвали князя Росовъ тюркскимъ княжескимъ титуломъ и въ тоже время передали это имя въ формѣ χακάνος (вмѣсто χαγάνος). Менѣе странно то, что Греки, Славяне и западные Европейцы принимаютъ титулъ хагана за собственное имя или ставятъ передъ нимъ еще европейскій титулъ:

Manasses, vs. 3939: τῷ τῶν Χαζάρων ἄρχοντι χαγάνῳ, что среднеболгарскій переводчикъ передалъ такъ: хазарскаго кнѧза хагана.

Нестор. лѣт. подъ 965 г. ...Козари изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ.

Призренское житіе Кирилла: Послани же быше отъ Захаріе кнеза гагань (кнеза-гагань,) къ Михаилу царю.

Эти мѣста сильно соблазняютъ точно также понимать выраженіе Пруденція: rex illorum, Chacanus vocabulo; но этимъ вопросъ не былъ бы конченъ. Надобно по крайней мѣрѣ надѣяться, что предлагаемое изслѣдованіе расположитъ будущихъ изслѣдователей къ осторожности. Не смотря на то что Пруденцій, какъ въ лѣтописи, такъ и въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, постоянно упо-

требляетъ выраженіе «vocabulum» въ смыслѣ *собственнаго имени*, либо просто *слова*, мы все же не можемъ съ увѣренностью принять ни того, что въ Chacanus скрывается сѣверное имя: Гаконъ, ни подозрѣвать въ немъ тюркскій титулъ: хаганъ. Конечно, возможенъ еще третій способъ объясненія — тѣмъ, что посредникомъ между Шведами и Пруденціемъ былъ верхне-нѣмецкій переводчикъ, или что въ формѣ Chacanus скрывается другое скандинавское имя, но переиначенное толмачемъ по его верхне-нѣмецкому выговору [34]); но кто возмется доказывать такое спорное положеніе? Покуда надобно сознаться, что выраженіе: Chacanus vocabulo ждетъ еще своего истолкователя.

---

[34]) Ср. на прим. у Förstemann (Altdeutsches namenbuch. Nordhausen 1857 II, стр. 629 и его же соч.: Die deutschen Ortsnamen. 1863, стр. 157) разныя діалектическія формы имени рѣкъ и мѣстностей: Haganbach (Chaganbach 718 г., Hacanpahc 800 г. и т. п.), составленнаго вѣроятно изъ словъ: hagan (= paliurus) и bach (= ручеекъ). Παλίουρος также встрѣчается какъ названіе рѣкъ и мѣстъ.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

встрѣчающихся въ статьяхъ 1862—1864 по варяго-русскому вопросу.

За цифрами страницъ ставится въ Указателѣ буква имени авторовъ (Г. К П.), а слѣдующая за тѣмъ цифра означаетъ томъ Записокъ Академіи, къ которому приложена статья. Полное же оглавленіе всѣхъ статей помѣщено въ концѣ указателя (стр. 101).

А. Указатель собственныхъ именъ *).

---

*) Между представителями математическихъ и физическихъ наукъ господствуетъ убѣжденіе, что въ области историко-филологическихъ изслѣдованій является несравненно больше *шарлатанства*, чѣмъ въ тѣхъ точныхъ наукахъ. Дѣйствительно, это неоспоримый фактъ, въ подтвержденіе котораго довольно примѣровъ каждый годъ представляютъ всѣ литературы европейскихъ народовъ настоящаго времени. Не мѣсто здѣсь отыскивать причины этого явленія. Довольно упомянуть лишь два обстоятельства. Математическія и физическія науки самымъ содержаніемъ своимъ давно приведены къ строгимъ методамъ, тогда какъ въ историко-филологической области метода выработывалась несравненно медленнѣе и во многихъ спеціальныхъ частяхъ, требующихъ болѣе или менѣе особеннаго способа изслѣдованія, еще не распространила своего господства на всѣ стороны. Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что историки постоянно должны пользоваться множествомъ старыхъ и новыхъ книгъ въ качествѣ источ-

---

никовъ или литературныхъ пособій, тогда какъ у математиковъ и натуралистовъ текущая литература быстро старѣетъ и теряетъ значеніе, за исключеніемъ лишь немногихъ, говоря сравнительно, примѣровъ долговѣчности.

Чѣмъ больше нарастаетъ историческая литература, тѣмъ труднѣе становится задача историческаго изслѣдователя, и тѣмъ нужнѣе для него облегчать изученіе источниковъ и литературныхъ пособій. Къ средствамъ облегченія безспорно принадлежатъ алфавитные реестры именъ и предметные указатели. И столь же безспорно нужны такіе указатели по исторіи древняго славянскаго быта, въ которой варяжскій вопросъ составляетъ только эпизодъ (см. мое предисловіе къ отрывкамъ г. Гедеонова). Послѣ того какъ доказана необходимость подвергнуть нынѣшнее положеніе этого вопроса строгому пересмотру, будущіе изслѣдователи должны быть хорошо знакомы по меньшей мѣрѣ съ тѣмъ, что съ 1862 г. вновь внесено въ историческій и лингвистическій матеріалъ по этому вопросу и что вновь изслѣдовано. Для этой цѣли назначается нижеслѣдующій указатель, безъ притязаній на образцовое совершенство. Составленъ онъ не мною, а только при моемъ содѣйствіи.

Пользуюсь случаемъ объяснить, почему я не взялся за исполненіе по вызову, сдѣланному мнѣ на стр. 42. Статьи, напечатанныя мной въ 1862 — 1864 годахъ, написаны только вслѣдствіе вызова, сдѣланнаго мнѣ двумя почтенными дѣятелями науки, и въ сущности содержатъ только извлеченіе изъ моихъ неизданныхъ трудовъ. Подробно распространиться о томъ или другомъ вопросѣ я долженъ былъ отложить до тѣхъ поръ, когда кончу печатаніемъ другіе мои труды. По этой причинѣ я и теперь не могу взяться за подробный разборъ именъ. И въ Указатель внесена лишь небольшая часть славянскихъ именъ, приводимыхъ г. Гедеоновымъ (стр. 175 — 206 и стр. 241 — 273), потому что много потребовалось бы времени для того, чтобы многія изъ нихъ привести къ чисто славянской формѣ съ надлежащею отчетливостью. Весьма желательно, чтобы авторъ «Отрывковъ» издалъ свои изслѣдованія о договорахъ Олега и Игоря и о содержащихся въ нихъ именахъ. Только тогда я былъ бы въ состояніи взяться за полную переработку моей главы о норманскихъ именахъ, а переработка ея сдѣлалась теперь необходимою.

К.

В. Указатель предметовъ.

———

*) За неимѣненіемъ особаго типографскаго знака для слитнаго начертанія долгой гласной æ, употребляющейся въ этомъ словѣ, можно употреблять курсивное *ae* или *ä* (väringi). Правописаніе väringi, vaeringi, veringi не правильно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. С. Гедеонова.

I — XII.

Приложеніе къ I тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 3. Спб., 1862.

Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. С. Гедеонова.

XIII — XV.

Приложеніе къ II тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ № 3. Спб., 1862, (стр. 129 — 239.)

Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ, С. Гедеонова.

Приложеніе къ III тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. 1863.

Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руссовъ. М. Погодина.

Приложеніе къ VI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 2. Спб. 1864.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Академика І. Гамеля.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б. **И. Базунова**, въ Москвѣ.
Энфіанджянца и Комп. въ Тифлисѣ.

Цѣна 70 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 16 августа 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ,

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АКАДЕМИКА І. Х. ГАМЕЛЯ.

I. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ АНГЛИЧАНЪ ВЪ РОССІЮ.

С. Каботъ и его значеніе въ исторіи торговаго мореплаванія Англіи. — Merchant Adventurers — компанія для открытія неизвѣстныхъ странъ. — Сѣверо-восточная экспедиція подъ начальствомъ Ю Уилльби (Hugh Willoughby) Ричарда Чанслера (Chancellor). — Отплытіе трехъ кораблей на сѣверо-востокъ вокругъ Норвегіи въ маѣ 1853 года. — Древнѣйшія плаванія Русскихъ вокругъ Мурманскаго Носа и ихъ разсказы у Герберштейна. — Григорій Истома, Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ. — Ю Уилльби на «сувоѣ» близъ Святаго Носа въ сентябрѣ 1553 года. — Зимованье его въ заливѣ у о. Нокуева и гибель со всѣмъ экипажемъ. — Впечатлѣніе извѣстія объ этомъ въ Англіи и въ Россіи. — Прибытіе Чанслера къ устью Двины 24 августа 1554. — Поѣздка его изъ Холмогоръ въ Москву 23 ноября. — Чанслеръ у царя Іоанна Васильевича. — Открытое письмо короля Эдуарда VI къ государямъ сѣверо-восточныхъ странъ. — Свѣдѣнія о Россіи собранныя Чанслеромъ. — Письмо царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI и первыя привилегіи Англичанъ на свободную торговлю въ Россіи. — Царскій титулъ въ отношеніи къ русской исторіи того времени. — Отъѣздъ Чанслера изъ Москвы въ мартѣ 1555 года и возвращеніе въ Англію къ осени того-же года. — Muscovia (нынѣ Russia) Company въ Лондонѣ. — Оцѣнка такъ-называемаго открытія Россіи Чанслеромъ: древнѣйшія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ въ Европѣ и русскіе мѣха въ Германіи и Англіи до сѣверо-восточной англійской экспедиціи.

---

24 августа 1553 года, у южнаго берега Бѣлаго моря, не далеко отъ Корельскаго устья Двины, противъ посада Неноксы, сталъ на якорѣ корабль «Edward Bonaventure», которымъ пра-

вилъ, подъ главнымъ начальствомъ Ричарда Чанслера, незабвенный въ исторіи мореплаванія Стефенъ Боро (Burrough), съ помощникомъ своимъ, Джономъ Боклендомъ (Buckland).

Прибытіе этого англійскаго корабля къ берегамъ Россіи было дѣломъ случая, потому что собственнымъ его назначеніемъ были Китай и Индія. Это предпріятіе вызвано великими, всесвѣтными географическими открытіями того времени: такимъ образомъ появленіе корабля близъ Неноксы связывается съ важнѣйшею эпохою въ исторіи мореплаванія.

Въ слѣдствіе завоеваній, сдѣланныхъ Португальцами на западѣ Африки въ послѣднюю четверть XV вѣка, и въ слѣдствіе занятія Индіи Васко-де-Гамой, Лиссабонъ былъ въ то время второю Венеціей. Испанія собрала въ Кадиксъ и Севилью несмѣтныя богатства — плоды открытія южной части новаго свѣта Колономъ. Англія, какъ извѣстно, упустила эти богатства и должна была довольствоваться менѣе значительными торговыми выгодами, какія доставлялъ ей новый материкъ на сѣверѣ, открытый Каботомъ. Морская торговля Англіи вообще была еще очень стѣснена, хотя уже были устранены многія изъ препятствій къ ея расширенію. Ганза старалась утвердить за собою свою прежнюю, ненавистную монополію, хотя съ 1505 года для Нидерландовъ, гдѣ Антверпенъ занималъ первое мѣсто между торговыми городами Европы, было уже прочно организованное англійское общество подъ именемъ: Merchant Adventurers. Только съ 1551 года взялись серьёзно за разборъ неумолкавшихъ жалобъ на Ганзейцевъ, въ слѣдствіе чего они въ Лондонѣ потеряли наконецъ свои обидныя преимущества. Это событіе сокрушило узы, связывавшія духъ торговой предпріимчивости въ Англіи. Въ Лондонѣ начали замышлять предпріятія для открытія новыхъ торговыхъ путей по примѣру Португалліи и Испаніи. Къ счастію, въ Лондонѣ жилъ тогда одинъ изъ мореходовъ предыдущаго періода, Себастіанъ Каботъ (Cabot), и въ своихъ совѣтахъ передавалъ плоды полувѣковыхъ опытовъ. Еще въ 1497 году, двадцатилѣтнимъ юношей, совершилъ онъ изъ своей родины, Бристоля, на кораблѣ Метью, экспедицію, пло-

домъ которой было открытіе Сѣверной Америки (24 іюня помянутаго года).

Отецъ его, Джіованни Каботъ, былъ Венеціанецъ, а Себастіанъ родился, какъ мы сказали, въ Бристолѣ въ 1477 году. Когда ему было четыре года, отецъ взялъ его съ собою на нѣкоторое время въ Венецію. Патентъ Генриха VII на сѣверозападное плаваніе, ознакомившее Европу съ сѣверомъ Америки, данъ былъ, 5 марта 1496 года, на имя отца уже вмѣстѣ съ тремя сыновьями. Въ 1512 году, когда лордъ Уилльби, баронъ Брокскій, находился въ Аррагоніи съ англійскими войсками, посланными въ силу союза, заключеннаго противъ Франціи, король аррагонскій Фердинандъ II писалъ къ лорду, чтобы онъ пригласилъ Кабота пріѣхать къ нему изъ Англіи. Желаніе короля исполнилось: Каботъ поступилъ на службу къ Фердинанду, но по смерти его въ 1516 году онъ снова возвратился въ Англію. Было бы слишкомъ долго описывать занятія Кабота въ Англіи, а съ 1518 года опять въ Испаніи, равно и совершенныя имъ въ то время плаванія; можно только замѣтить, что, по возвращеніи его въ 1548 году въ Англію, императоръ Карлъ V, чрезъ посредство бывшаго при немъ, для защиты Булони, англійскаго посланника, сера Томаса Чейна, просилъ короля Эдуарда VI снова отпустить Кабота въ Испанію, прибавляя, что онъ очень нуженъ ему и получитъ отъ него пенсіонъ, тогда какъ Англія, по состоянію своего мореплаванія, не можетъ извлечь столько существенныхъ пользъ изъ трудовъ такого человѣка. Но Каботъ остался въ Англіи, гдѣ онъ былъ оцѣненъ какъ при дворѣ, такъ и въ высшемъ купеческомъ обществѣ. Въ 1549 году онъ получилъ пенсіонъ, а въ 1551 денежный подарокъ; обширныя познанія его въ мореходствѣ также нашли достойное употребленіе.

Давно уже Каботъ носилъ въ себѣ мысль, которая въ сущности была высказана еще въ 1527 году Робертомъ Торномъ (Thorne) въ Бристолѣ. Надобно бы, думалъ онъ, попытаться, нельзя ли изъ Англіи проѣхать въ Кетай (Cathay, какъ говорили тогда вмѣсто China и какъ нынѣ говорятъ у насъ Китай), и въ Индію вокругъ Норвегіи чрезъ какой-нибудь проливъ въ родѣ Магелланова: тогда бы можно было вступить въ сопер-

ничество съ Португалліей и Испаніей. Онъ сообщилъ этотъ проектъ лондонскимъ купцамъ, имѣвшимъ заграничную торговлю (Merchant Adventurers), и вскорѣ они, въ совокупности съ нѣкоторыми другими лицами, составили компанію на акціяхъ, избрали въ ея директоры зачинщика дѣла, Кабота, и рѣшились приступить къ дѣлу. Компанія получила названіе: The Mystery, Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown lands etc.

Въ 1552—1553 году снарядили самымъ тщательнымъ образомъ три корабля: Bona Esperanza во 120 тоннъ, Edward Bonaventure во 160 и Bona Confidentia въ 90 тоннъ. Самъ Каботъ, по преклонности лѣтъ, не могъ принять начальства надъ экспедиціей: оно поручено было другимъ. Но Каботу предоставили составить инструкцію для этого путешествія. Первымъ командиромъ экспедиціи общество назначило сера Ю Уилльби, вторымъ — Ричарда Чанслера.

Ни тотъ, ни другой не былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ, какъ мореплаватель: кто же они таковы и почему на нихъ возложено было управленіе такимъ важнымъ морскимъ предпріятіемъ?

Изъ описанія экспедиціи, составленнаго гофмейстеромъ королевскихъ пажей, Климентомъ Адамсомъ по извѣстіямъ Чанслера, о Ю Уилльби мы знаемъ только, что онъ былъ хорошаго происхожденія (vir strenuus non ignobili loco natus), извѣстенъ воинскими заслугами (ob singularem in re bellica industriam) и отличался красивою и значительною наружностью (ob corporis formam; erat enim procerae staturae). Отецъ его, Генрихъ Уилльби, за отличія въ сраженіяхъ былъ возведенъ въ званіи рыцаря и знаменоносца. Онъ былъ женатъ четыре раза: серъ Ю произошелъ отъ третьяго брака. Наслѣдственное имѣніе перешло въ родъ старшаго брата, а Ю Уилльби поступилъ въ военную службу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Англіи, когда она должна была бороться то съ Шотландіей, то съ Франціей, военное поприще представляло много случаевъ для отличій. Къ тому-же, успѣхамъ сера Ю много могли содѣйствовать родственныя связи старшихъ его братьевъ, особенно Эду-

арда Уилльби, съ знатнѣйшими домами англійской аристократіи *).

Уже въ 1542 году въ Шотландію было послано войско. Вскорѣ потомъ родилась Марія Стюартъ. Генрихъ VIII желалъ упрочить ея будущій бракъ съ сыномъ своимъ, Эдуардомъ, тогда еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. Это было условлено въ Шотландіи въ 1543 году; когда же въ слѣдъ за тѣмъ договоръ этотъ былъ разстроенъ кардиналомъ Битономъ (Beaton), Генрихъ VIII въ 1544 году послалъ въ Шотландію сильное войско подъ начальствомъ графа Герфордскаго. Въ этой экспедиціи находился Ю Уилльби. Джонъ Додлей, бывшій тогда виконтомъ Лильскимъ и лордомъ-адмираломъ англійскимъ (въ послѣдствіи графомъ Варвикскимъ и наконецъ герцогомъ Нортомберлендскимъ), принялъ это войско подъ паруса своего многочисленнаго флота въ устьѣ Тейны подъ Ньюкестлемъ и высадилъ на берегъ въ Фиртъ-офъ-Фортѣ къ Грантону и Ньюгевену, недалеко отъ Лейта. Вскорѣ этотъ городъ, равно и Эдинбургъ, были взяты вторгнувшимися туда войсками и большею частію были выжжены; окрестности опустошены. При этомъ странномъ сватовствѣ Ю Уилльби ознаменовалъ себя храбростью. 11 мая онъ былъ посвященъ главнокомандующимъ въ рыцари, при чемъ къ его гербу присоединено изображеніе дракона. Оставаясь вѣрнымъ военной службѣ и въ послѣдствіи, серъ Ю храбро сражался при окончаніи тогдашней войны. Въ послѣдній періодъ вражды съ Шотландіей, въ правленіе Соммерсета, онъ защищалъ фортъ Лоудеръ, взятую у Шотланцевъ. Крѣпость эта есть нынѣшній замокъ Тирльстенъ въ Бервикширѣ, близъ города Лоудера, на Лидерѣ. Въ 1549 — 1550 гг. ее, какъ и другія крѣпости, занятыя Англичами, упорно, съ ожесточеніемъ держали въ осадѣ Шотландцы и Французы. Броути-кестль въ Фиртъ-офъ-Фортѣ 20 февраля былъ взятъ и весь англійскій гарнизонъ истребленъ безъ пощады. Но фортъ Лоудеръ,

*) Кромѣ фамиліи Греевъ (Grey) и Додлея (Dudley), имена коихъ читатель встрѣтитъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ жизни Ю Уилльби, онъ былъ также въ родствѣ, хотя не близкомъ, съ графскимъ домомъ Гастингсовъ: упоминаемъ объ этомъ имени потому, что одну изъ дочерей Генриха Гастингса королева Елизавета предлагала въ супружество царю Іоанну Васильевичу.

благодаря храбрости Ю Уилльби, не сдавался. Средства къ защитѣ истощены были до того, что серъ Ю велѣлъ перелить въ пули всѣ оловянныя вещи въ аммуниціи гарнизона, какъ вдругъ заключенъ былъ миръ.

Низложеніе Соммерсета, начатое въ 1549 году и довершенное въ 1550 его казнью, было, можетъ быть, невыгодно для дальнѣйшихъ успѣховъ Ю Уилльби на военномъ поприщѣ; но онъ имѣлъ другія связи между высшими сановниками и отъ нихъ-то именно большею частію зависѣли въ послѣдствіи дѣла по мореплаванію.

Мѣсто Соммерсета въ составѣ правительства досталось герцогу Нортомберлендскому. Мы видѣли, что въ 1544 году онъ, въ званіи лорда адмирала, начальствовалъ надъ флотомъ, перевозившимъ въ Шотландію войско, къ которому принадлежалъ Ю Уилльби. Послѣ барона Додлея, званіе великаго адмирала Англіи, Шотландіи и Валлиса получилъ въ 1550 году Эдуардъ Клинтонъ, баронъ Клинтонскій и Сейскій. Серъ Ю былъ знакомъ съ этимъ новымъ морскимъ начальникомъ съ 1544 года; они въ одинъ день были возведены графомъ Герфордскимъ въ рыцарское достоинство.

Мы видѣли также, что въ 1512 году лордъ Уилльби Брокскій, по желанію короля Фердинанда, пригласилъ Кабота въ аррагонскую службу. Этотъ Уилльби былъ представителемъ другой фамиліи, не имѣвшей ничего общаго съ соименнымъ родомъ, къ которому принадлежалъ Ю Уилльби. Но племянница Уилльби Брокскаго по женѣ, Анна Грей, была выдана замужъ за племянника сера Ю: такимъ образомъ Каботъ приглашенъ былъ къ Фердинанду родственникомъ сера Ю Уилльби. Можетъ быть, это между прочимъ обстоятельство побудило въ свою очередь Кабота поручить серу Ю начальство надъ великою сѣверо-восточною экспедиціею въ Китай. Связи съ Греями тогда значили много.

Предложенное Каботомъ предпріятіе морскаго путешествія для открытій подлежало вѣдѣнію великаго адмирала Клинтона. Адмиралъ, какъ я вижу изъ рукописныхъ документовъ, охотно изъявилъ готовность сдѣлать надлежащее распоряженіе касательно набора нужнаго экипажа. Я имѣю также списокъ

неизданной грамоты отъ имени короля, которою Каботъ уполномочивается набирать людей и запастись провіантомъ для трехъ кораблей, равно и ввести на нихъ извѣстную дисциплину.

Другой начальникъ экспедиціи, Ричардъ Чанслеръ, былъ предложенъ въ это званіе Генрихомъ Сиднеемъ, отцомъ еще болѣе извѣстнаго Филиппа Сиднея. Серъ Генрихъ рекомендовалъ его въ своей рѣчи къ обществу какъ человѣка, въ высшей степени способнаго исполнить предпріятіе, и какъ человѣка, котораго онъ коротко знаетъ изъ ежедневнаго съ нимъ обращенія (quotidiano convictu hominis ingenium penitus habeo perspectum et exploratum).

Открывается, что Ричардъ Чанслеръ до того уже совершилъ одно морское путешествіе, хотя не въ качествѣ начальника. Въ 1551 году онъ былъ съ капитаномъ Роджеромъ Боденгемомъ (Bodenham) на суднѣ (barke) Aucher, принадлежавшемъ серу Антонію Аучеру, которое отправлялось съ купеческими товарами въ Хіосъ и Кандію. Оно вышло изъ Темзы въ ноябрѣ 1550 года, но могло отплыть изъ Плимута только 13 января 1551 года. На пути оно едва не было захвачено Турками. Его грузъ на возвратномъ пути составляли преимущественно вина.

Надобно полагать, что Чанслеръ былъ и во Франціи, потому что при описаніи воинскихъ доспѣховъ царя Іоанна Васильевича онъ говоритъ: «я видѣлъ павильёны королей англійскаго и французскаго: они прекрасны, но нейдутъ въ сравненіи съ этимъ» *).

Кажется, что Чанслеръ былъ знатокъ въ механикѣ, потому что заказалъ для себя сдѣлать, по собственнымъ показаніямъ, квадрантъ въ пять футовъ; по возвращеніи изъ Россіи онъ, вмѣстѣ съ Джономъ Ди (Dee), производилъ посредствомъ этого инструмента наблюденія, упоминаемыя послѣднимъ въ его эфемеридахъ 1554 и 1555 годовъ.

Ричардъ Чанслеръ былъ вдовецъ и имѣлъ двухъ сыновей (reliquit abiens (1553) duos parvulos orphanos futuros, si asperior aliquis casus eum sustulisset). Одного изъ нихъ, во вторую

---

*) The Dukes pavilion is covered either with cloth of gold or silver, and so set with stones that it is wonderfull to see it. I have seene the kings Maiestics of England and the French kings pavilions, which are fayre, yet not like unto his.

свою поѣздку въ Москву (1555), онъ взялъ съ собою, чтобъ показать ему царскую столицу. Другой, Николай, былъ отправленъ въ Москву въ 1560 году въ качествѣ коммерческаго ученика, съ особенною рекомендаціею директора общества здѣшнимъ англійскимъ агентамъ. Оставшись сиротою, онъ имъ былъ обязанъ своимъ школьнымъ образованіемъ.

Въ 1580 году Николай Чанслеръ былъ при какихъ-то коммерческихъ дѣлахъ въ морской экспедиціи Артура Пета (Pet) и Чарльса Джекмана (Jackman). По открытіи страны «Уилльби» (Willoughby-Lands), эта экспедиція должна была сдѣлать попытку проникнуть, какъ можно дальше, на востокъ отъ Вайгача и Новой Земли, чтобы достигнуть такимъ образомъ Китая. Чанслеръ былъ, къ счастію, на кораблѣ Пета «Джоржѣ», потому что Джекмановъ корабль, «Вильямъ», пропалъ безъ вѣсти со всѣмъ экипажемъ. Для этой экспедиціи Гаклюйтъ составилъ реестръ вещамъ, которыя надобно было взять съ собою, и также струникцію для купца (a note and caveat for the merchant), — стало быть, именно для Николая Чанслера [1]). Прежде того онъ былъ уже въ одномъ изъ трехъ путешествій Мартина Фробишера, совершенныхъ въ 1576 1577 и 1578 годахъ, именно въ путешествіи 1577 года, какъ видно изъ одной замѣтки Джона Ди [2]). Позднѣе мы видимъ его въ должности казначея на новомъ «Эдуардѣ Бонавентурѣ», который, вмѣстѣ съ «Галліоною Лейстеръ», подъ начальствомъ Эдуарда Фентона, долженъ былъ попытаться проѣхать вокругъ мыса Доброй Надежды въ Остъ-Индію.

---

[1]) Въ изданіи Гаклюйта 1599, находится дневникъ этого путешествія, веденный Ю Смитомъ (Hugh Smith). Я радовался, что открылъ дневникъ Чанслера, но потомъ нашелъ, что онъ уже напечатанъ въ первомъ, рѣдкомъ изданіи Гаклюйта 1589. Я списалъ также въ Англіи очень бѣглыя замѣтки Артура Пета, описывающія положеніе обоихъ кораблей въ августѣ 1580 года у Новой Земли.

[2]) «The North Cape (was) first so named by the worthy of aeternall good fame and gratefull memory my deerly beloved Richard Chancelor, father to this Nycholas Chancelor whose diligent painful and faythful service is known both in the Moscovy Region and now in the Atlantical north-west attempt». Въ этомъ второмъ путешествіи къ Meta Incognita, откуда надѣялись привозить золотую руду, находился въ качествѣ помощника капитана, и Карлъ Джекманъ (Charles Jackman), погибшій вслѣдствіе путешествія на Новую Землю (1580): по его имени названа была одна бухта «Jackman's Sound».

Со стороны купечества о выполненіи Каботова проекта особенно заботились тогдашній лордъ-маіоръ Лондона, Джорджъ Барнсъ (Barnes), и одинъ изъ шерифовъ, Вильямъ Гарретъ (Garret, потомки котораго писались Gerrard, а нынѣ пишутся Garrard).

Надобно также упомянуть здѣсь о купеческой фамиліи Грешемовъ (Gresham). Томасъ Грешемъ былъ въ свое время образованнѣйшимъ изъ лондонскихъ купцовъ. Онъ получилъ воспитаніе въ Кембриджѣ, изучалъ торговлю у своего дяди, Джона Грешема, и съ 1551 года часто служилъ правительству въ качествѣ финансоваго агента въ Нидерландахъ, почему его называли иногда королевскимъ купцомъ. Почти предъ самымъ отправленіемъ Ю Уилльби и Чанслера, именно въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1553 года къ герцогу Нортомберлендскому, онъ назвалъ торговлю, можетъ быть, въ первый разъ въ Англіи, наукою, которую надобно изучать. Ему обязана своимъ бытіемъ первая лондонская биржа, которой онъ положилъ первый камень въ 1566 году, гдѣ теперь въ Лондонѣ Excise Office (акцизная палата); онъ основалъ называвшееся его именемъ, но теперь непростительно забытое, публичное училище, въ которомъ преподавались астрономія, геометрія, медицина и другія науки. Это училище было колыбелью Королевскаго Общества (Royal Society), которое въ его залахъ собиралось для засѣданій отъ самаго основанія своего до большаго пожара въ 1666 году, и потомъ опять съ 1673 по 1701 годъ. Тамъ-же помѣщался составленный Королевскимъ Обществомъ музей естественныхъ и художественныхъ рѣдкостей, описанный въ 1681 году докт. Грю (Grew). Когда предпринималась сѣверо-восточная экспедиція, Томасъ Грешемъ былъ въ Антверпенѣ; дядя же его, Джонъ, встрѣтилъ проектъ Кабота съ горячимъ участіемъ и былъ во главѣ общества, составившагося для его выполненія.

Память объ участникахъ экспедиціи, упрочена, между прочимъ, живописью. Портретъ Себастіана Кабота, вѣроятно, работы Гольбейна, хранится въ Бристолѣ, въ домѣ Гарфорда. Потретъ Ю Уилльби — въ родовомъ имѣніи этой фамиліи, Воллатонѣ. Портретъ короля Эдуарда VI, работы Гольбейна, имѣется въ Императорскомъ эрмитажѣ въ залѣ

XLVII подъ № 19. Онъ происходитъ изъ королевскаго собранія въ Англіи, которое разсѣялось по свѣту во время смутъ при Карлѣ I. Изъ Лиссабона онъ перешелъ въ Гоутонову (Houghton) галерею, изъ которой картины куплены Императрицею Екатериною II. Изъ той-же галереи перешелъ въ Эрмитажъ портретъ Томаса Грешема, работы Антонія Моро (Moro). Но въ каталогѣ имя Грешема не было означено, и авторъ имѣлъ удовольствіе самъ узнать это лицо на картинѣ подъ № 13 той-же залы, въ серьёзной и задумчивой фигурѣ сидящаго на креслѣ мужчины въ черномъ одѣяніи.

---

11 мая 1553 года у Детфорда снялись съ якоря три корабля, назначенные въ Китай, и приплыли къ Гринычу, гдѣ находился королевскій дворъ. Король Эдуардъ былъ уже такъ боленъ, что не могъ показаться народу, какъ этого ожидали. Предпріятіе возбуждало всеобщее участіе: оно было ново и важно. Никогда еще англійскій корабль не плавалъ вокругъ Норвегіи; по крайней мѣрѣ ни одинъ не бывалъ на востокѣ дальше Вардэгуса. *Нордъ-капъ* не имѣлъ еще этого имени: онъ получилъ его только во время этой экспедиціи отъ Ричарда Чанслера и Стефена Борро, хотя русскіе моряки давно называли его *Мурманскимъ Носомъ.*

Въ три мѣсяца плаванія, два изъ этихъ кораблей, Bona Esperanza и Bona Confidentia, достигли глубокаго сѣвера, и тамъ съ перваго, на которомъ начальствовалъ Уилльби, 14 августа увидѣли землю — вѣроятно, южный берегъ Новой Земли, между сѣвернымъ и южнымъ Гусинымъ Носомъ. Материкъ же Россіи Уилльби въ первый разъ увидѣлъ лишь 23 августа.

Того-же числа, за день раньше Чанслера, приставшаго къ берегу 24 августа, Уилльби ступилъ на русскую почву. 14 сентября сдѣлали еще привалъ, именно къ лапландскимъ берегамъ, въ заливѣ, лежащемъ къ западу отъ острова Нокуева, гдѣ нашли нѣсколько сносныхъ якорныхъ мѣстъ. Затѣмъ Уилльби направилъ оба корабля вдоль лапландскихъ береговъ на юго-востокъ, къ Бѣлому морю, и еслибы онъ продолжилъ плыть по этому направленію, то, вѣроятно, или прибылъ бы къ Со-

ловецкому монастырю, или соединился бы съ Чанслеромъ у Неноксы. Но онъ попалъ, какъ кажется, на мѣсто, которое у нашихъ мореходовъ издавна пользуется дурною славой, къ мысу, называемому *Святымъ* Носомъ, который, вмѣстѣ съ Канинымъ Носомъ, образуетъ входъ въ Бѣлое море. Объ этомъ мысѣ (можетъ быть, тожественномъ съ загадочнымъ Wattunäs—Водяной Носъ въ исландскихъ сагахъ), равно и о другихъ частяхъ лапландскихъ береговъ Герберштейнъ имѣлъ уже обстоятельныя свѣдѣнія отъ Григорія Истомы и потомъ отъ Василья Власія *) и Дмитрія Герасимова; но ихъ показанія, изданныя Герберштейномъ подъ заглавіемъ: Die Schiffung, nach dem Moer, das man das Eisig oder gefrorn Moer nennt, такъ искажены, что трудно узнать упоминаемыя имъ мѣстности; вслѣдствіе сего разсказы нашихъ соотечественниковъ были почтены далеко не такимъ вниманіемъ, какого они заслуживали.

Хотя помянутые москвичи служили только толмачами въ посольскихъ дѣлахъ, однако они вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Благодаря ихъ посредничеству, западная Европа еще въ первой половинѣ XVI вѣка могла получить и распространить посредствомъ печати обстоятельныя свѣдѣнія о Россіи. Зная латинскій языкъ, они были въ состояніи передать образованнымъ Нѣмцамъ и Италіянцамъ желаемыя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, которыя потомъ явились въ печати. Прежде у насъ употреблялись въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ чужими краями говорившіе по-италіянски Греки, пріѣзжавшіе въ Россію изъ Рима и Константинополя. Григорій Истома, кажется, первый изъ русскихъ толмачей научился языку латинскому. Ему Герберштейнъ обязанъ многими свѣдѣніями. Онъ былъ въ числѣ его толмачей не только въ Москвѣ въ 1517 году, но и сопутствовалъ ему потомъ (въ 1517 и 1518 г.) къ императору Максимиліану чрезъ Краковъ и Вѣну въ Инспрукъ и Галль и обратно оттуда въ Вѣну. Василій Власій былъ также въ 1517

*) Такъ г. Гамель называетъ этого толмача, вѣроятно по Герберштейну; но у Карамзина (И. Г. Р. т. VII, гл. IV) въ текстѣ и въ документахъ, приводимыхъ въ примѣчаніяхъ, онъ называется Власомъ или Власіемъ. Собранныя авторомъ, свѣдѣнія объ этихъ трехъ лицахъ мы помѣщаемъ въ видѣ отдѣльныхъ главъ въ концѣ книги. *Примѣч. перев.*

г. толмачомъ у Герберштейна. Кромѣ латинскаго, онъ зналъ и по-нѣмецки; его должно считать источникомъ изданнаго въ 1525 году въ Тюбингенѣ Докт. Іоганомъ Фаберомъ (Гейгерлиномъ) «Описанія Религіи Руссовъ», которое эрцгерцогъ Фердинандъ (Фаберъ былъ у него секретаремъ, совѣтникомъ и духовнымъ отцомъ) тотчасъ по изданіи прислалъ къ Герберштейну, чтобы онъ дополнилъ его, сколько возможно, во время пребыванія своего въ Россіи. Герберштейнъ былъ тогда на дорогѣ въ Москву (во второй разъ); вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ отъ Карла V изъ Испаніи, Василій Власій, подъ диктовку котораго написана книжка, изданная за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Тюбингенѣ. Около того-же времени, именно 1525 и 1526, другой Русскій, Дмитрій Герасимовъ, котораго смѣшивали съ двумя соименными Греками, сообщилъ литератору Паоло Джіовіо въ Римѣ свѣдѣнія, для изданнаго имъ описанія Россіи, которое въ свое время было принято съ большимъ почетомъ и потомъ перепечатано въ изданіи Герберштейновыхъ Комментаріевъ. Зимою, предъ вторымъ пріѣздомъ Герберштейна въ Москву, Герасимовъ ѣздилъ въ Римъ, и въ 1526 году, возвратившись оттуда въ Москву, засталъ здѣсь Герберштейна. Сущность того, что Истома Власій и Герасимовъ сообщили о прежнихъ плаваніяхъ Русскихъ по Ледовитому морю, въ краткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Еще прежде, нежели Васко-де-Гама совершилъ свое первое путешествіе вокругъ южной оконечности Африки, Русскіе, по приказанію своего государя, съумѣли найти дорогу моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Поводомъ къ тому послужили тогдашнія отношенія Швеціи къ Россіи.

Это плаваніе совершалось на небольшихъ ладьяхъ, которыя можно было переволакивать чрезъ неширокія косы. По выходѣ изъ Двины, держались праваго берега Бѣлаго моря, потомъ поворачивали въ лѣво на перерѣзъ къ Терскому берегу и плыли вдоль его на сѣверъ, «оставляя вправѣ Печорское море», до упомянутаго Святаго Носа. На западную сторону этой узкой косы, выдающейся въ море почти на десять морскихъ миль отъ

твердой земли въ сѣверо-западномъ направленіи, равно и на широкій берегъ, которымъ съ юга огибается Святоносская губа, напираетъ потокъ прилива, идущій почти параллельно направленію тамошней части лапландскаго берега, именно въ сѣверо-западномъ направленіи, вслѣдствіе чего въ этомъ безвыходномъ закоулкѣ накопляется множество воды, которая, стремясь выйти вонъ, образуетъ вдоль западнаго края Святоносскаго мыса обратное теченіе. При концѣ мыса это теченіе встрѣчается подъ тупымъ угломъ съ общимъ направленіемъ морскаго прилива и производитъ сильное волненіе, называемое у насъ *сувоемъ* или *сулоемъ*, которое замѣтно, говорятъ, на пространствѣ десяти верстъ въ морѣ. Герберштейнъ описываетъ испытанную Истомой и его спутниками опасность плаванія по его разсказу; но какъ ему непонятна была причина необыкновеннаго движенія воды въ этомъ сувоѣ, то его описаніе вышло темно [1]). Герберштейнъ не могъ также понять, что̀ это за камень, которому, по словамъ Истомы, везшій его мореходъ принесъ въ жертву овсяное тѣсто съ масломъ, чтобы благополучно миновать его. Онъ не зналъ, что этотъ камень, называемый Воронуха, лежитъ едва лишь на кабельтовъ разстоянія отъ остроконечной и совершенно низменной оконечности Святаго Носа и только во время половины морскаго отлива начинаетъ показываться надъ морскою поверхностью: Герберштейнъ воображалъ, что это должна быть огромная каменная масса, однимъ словомъ, гора [2]). А что Истома разу-

---

[1]) Er sagt: «Undter dem gepürg (Святой Носъ) sieht man wie das Moer einfelt und sich ver(f)leust, als anf sechs stund, und dan wider über sich heraus mit grossem sauss in die höch wallund aussfleust, und das in ewige zeit, von sechs zu sechs stunden wachsend, und ablauffend gesehen wirdt, so es dan in sechs stunden das Moer einfleusst, zeucht so starckh an sich, dass die Schiff welche etwas in die nahent khumen, ye gar verzuckht, also das die zween (разумѣются Истома и Герольдъ) mit grosser mühe und arbait sich darvor enthalten haben». «Neque (Истома) se unquam in maiori periculo fuisse aiebat. Nam gurgite subito as violenter navem, qua vehebantur, ad se attrahente, vix magno labore renitentibus remis sese evasisse». Гульзіусъ въ 1602 году еще думалъ, что Святой Носъ есть Нордкапъ. Передавая свѣдѣніе о плаваніи Истомы по Герберштейну, онъ говоритъ: «Von dannen sie zum Cap Heiligen Nasen kommen, so ohne Zweiffel vom Plantio, Hondio und nachfolgenden Nord-Cap genannt wird, dabey ein wunderbarer Wirbel ist» и т. д.

[2] Герберштейнъ пишетъ: «Wie sy umb den Perg der heiligen Nasen, seind sy wider zu ainem Felsigen Perg khomen, da seind sy durch den Windt et-

мѣлъ подъ этимъ камнемъ не другое что, а именно камень Воропуху, невидимый во время приливовъ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ Антоній Дженкинсонъ. Во время перваго своего къ намъ путешествія въ 1557 году, онъ записалъ въ своемъ путевомъ журналѣ: «7 іюля прибыли мы къ мысу, называемому Svetinose, который образуетъ входъ въ губу Св. Николая. У этого мыса лежитъ большой камень (a great stone), которому проходящія ладьи (barkes) обыкновенно приносятъ въ жертву масло, муку и другіе припасы, полагая, что въ случаѣ отказа въ этомъ приношеніи, ладьи и другія суда должны погибнуть, что часто и случалось». При такомъ прямомъ свидѣтельствѣ, насъ не должно вводить въ заблужденіе ошибочное названіе этого камня: Semes, сообщаемое Герберштейномъ. Въ слово Semes онъ легко могъ превратить написанное Истомой латинскими буквами слово camen, точно такъ-же, какъ изъ слова borsü (-ja sobaki) онъ сдѣлалъ до сихъ поръ не объясненное слово Kurtzi *).

Въ дальнѣйшемъ пути отъ Святаго Носа къ Вардэгусу, Истома и его товарищи, держались береговъ твердой земли,

---

liche tag aufgehalten worden, so spricht der Scheffman, der Fels den es secht, Semes soverr wir den nit mit ainer vereherung ermildern, khumen mir nit leichtlich hinfür, als die baidt (Истома и Герольдъ) dem Schiffman darumb zuredten, schwig er darüber stil, sy seind vier gantzer tag also da aufgehalten worden, erst hörte der Wind auf, und sy furen hin mit guettem Wind, sagt der Schifman wider, jr habt mein vermonung den Felsen zu sonfften verspot, hette aber ich den nit verehrt, wir wären noch nit herdan khumen, sy fragten jne wie er gethon und den verehret hette, sagt er wäre bey der nacht hienauff gestigen, und hette ain habermel mit ainem Putter abgemacht, und auf den Stain den sy sahen, gegossen». Superato S. Naso, ad quendam montem saxosum, quem circumire oportebat, perveuisse: ubi cum ventis reflantibus aliquot diebus detinerentur, nauta, Saxum (inquit) hoc quod cernitis, Semes appelant: quod nisi munere aliquo a nobis placatum fuerit, haud facile praeteribimus, quem Isthoma, ob vanam superstitionem se increpasse aiebat, increpatus nauta subticuit, totoque illic quatriduo vi tempestatis retentos, ventis postea quiescentibus, solvisse. Cumque secundo iam flatu veherentur, nauclerum dixisse: Vos admonitionem meam de placando Semes saxo, tanquam vanam superstitionem irridebatis: at nisi ego noctu clam ascenso scopulo, Semes placassem, nequaquam transitus nobis concessus fuisset. Interrogatus, quid Semi obtulisset? avenae farinam butyro permixtam, super lapidem quem prominere vidimus, se fudisse dicebat».

*) Аделунгъ покушался объяснить это слово названіемъ: *кургузая* собака, или средневѣковымъ латинскимъ: canis cursalis. Касательно же слова Semes могло быть, что Истома, кромѣ Святаго Носа, упоминалъ семь острововъ, мимо которыхъ онъ проплылъ, а Герберштейнъ, спутавшись въ своихъ

не имѣли надобности идти вокругъ большаго и далеко въ море выдающагося Рыбачьяго полуострова, а вошли прямо въ Мотовскую губу, образуемую материкомъ и этимъ полуостровомъ, проплыли его во всю длину до пристани, названной въ 1823 году капитанъ-лейтенантомъ, нынѣ адмираломъ, Литке, по имени своего корабля, Новою Землею, и здѣсь перенесли свои четыре ладьи вмѣстѣ съ поклажею на другую сторону перешейка, соединяющаго Рыбачій полуостровъ съ твердою землею, въ одну изъ двухъ Волоковскихъ губъ [1]). За тѣмъ, обогнувъ Мурманскій Носъ, они по западному берегу Норвегіи прибыли въ Дронтгеймъ, откуда отправились уже сухимъ путемъ, и до Бергена ѣхали на оленяхъ, а оттуда въ Копенгагенъ на лошадяхъ.

Въ такомъ направленіи въ 1496 г. совершилъ свое путешествіе Истома, а потомъ, по словамъ Герберштейна, и Власій. Послѣдній вышелъ на сухопутье лишь въ Бергенѣ [2]). Оба возвращались изъ Копенгагена чрезъ Балтійское море и Лифляндію. А въ 1501 году тѣмъ-же путемъ, только въ противоположномъ направленіи, совершилъ трудное плаваніе Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, возвращаясь въ Россію изъ Даніи [3]). Какъ съ Истомою (въ 1496 и 1507 г.), такъ и съ Траханіотомъ ѣхалъ посланникъ (Herold) датскаго короля, шотландскій уроженецъ, который въ русскихъ актахъ, равно и у Гербештейна, передающаго слова нашихъ толмачей, называется

замѣткахъ, принялъ слово *семь* за названіе камня Воронухи. Вообще русскія названія тогда очень искажались. Такъ Стефенъ Борро въ 1555 г. изъ названія: *Ивановскіе Кресты* сдѣлалъ Swan Crist, изъ мыса *Териберки* мысъ Sowerbeer.

[1]) Отъ слова: *волокъ.* Этотъ перешеекъ очень узокъ, и потому Рыбачій полуостровъ часто называется островомъ. Въ древнѣйшія времена, это названіе, вѣроятно, было бы правильно. Прибрежный край съ того мѣста, гдѣ Мотовская губа поворачиваетъ къ сѣверу и тамъ образуетъ удобное мѣсто для пристани на Новой Землѣ, называется Мотка; а Герберштейнъ называетъ этимъ именемъ весь Рыбачій полуостровъ. Еще ошибочнѣе онъ полагаетъ Вардэгусъ (у него Barthus) на Моткѣ, т. е. Рыбачьемъ полуостровѣ.

[2]) Почти непростительно ошибается Герберштейнъ, когда говоритъ что «Дронтъ (Дронтгеймъ) находится на разстояніи 200 миль къ сѣверу отъ Двины, а Бергенъ между горами прямо къ полуночи». — Истома ѣхалъ на Двину черезъ Новгородъ, а Власій изъ Москвы на Переяславль, Ростовъ, Ярославль и Вологду. Отъ Ростова онъ ѣхалъ по большей части водою.

[3]) Объ этомъ лицѣ см. также особую статью въ концѣ книги.

своимъ крестнымъ именемъ — Давидомъ. Я догадываюсь, что его фамилія была Коккеръ (Cocker) или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, но ужъ никакъ не Герольдъ и даже Герладъ, какъ неоднократно называется онъ не только у насъ, но и въ датскихъ сочиненіяхъ, на основаніи невѣрныхъ переводовъ.

Я уже высказалъ догадку, что Святой Носъ получилъ свое имя у древне-сѣверныхъ мореходовъ отъ Wattunäs, т. е., Водяной Носъ, отъ водоворота при его оконечности. Здѣсь надобно было обратить вниманіе на этотъ сувой, потому что онъ помѣшалъ Ю Уилльби продолжать путь на юговостокъ къ Бѣлому морю. Изъ веденнаго имъ журнала мы знаемъ, что 14 сентября онъ вошелъ въ губу у лапландскаго берега, гдѣ нашелъ удобныя якорныя мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что это была большая губа при островѣ Нокуевѣ. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, у него не помянуто: вѣроятно, онъ оставилъ ее въ слѣдующій день или по крайней мѣрѣ 16 сентября, думая идти вдоль берега къ юго-востоку. Но тутъ онъ встрѣтилъ противный вѣтеръ. Принужденные лавировать, его два корабля неминуемо должны были попасть въ линію сувоя, простирающуюся отъ Святаго Носа въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи. А его два корабля, какъ мы видѣли, были наименьшаго объема изъ назначенныхъ въ экспедицію; большій изъ нихъ былъ только во 120 тоннъ. Такъ какъ вѣтеръ дулъ прямо противъ теченія прилива, то сувой былъ, безъ сомнѣнія, очень жестокъ, и серъ Ю, не зная, отъ чего такъ сильно мечетъ его корабли, 17 сентября, вѣроятно во время бывшаго рано утромъ этого дня прилива, далъ обоимъ кораблямъ приказаніе воротиться, намѣреваясь опять войти въ губу позади Нокуева, которую они только что оставили. Достигнуть ея въ тотъ-же день они, конечно, не могли; а входить въ нее ночью было не безопасно, потому что при обзорѣ ея онъ замѣтилъ небольшой камень, одиноко стоявшій посреди залива. Поэтому два корабля, Esperanza и Confidentia, вошли опять въ Нокуевскую губу только 18 сентября.

Тогда какъ плаваніе по сувою было для Истомы и, конечно, для многихъ другихъ изъ прежнихъ мореходовъ столь опасно; когда, можетъ быть, именно трудности и опасности этого пла-

ванія заставили Ю Уилльби воротиться въ гавань, въ наше время уже вовсе не такъ часто говорятъ объ нихъ. Это естественнымъ образомъ объясняется разницей въ величинѣ нынѣшнихъ и прежнихъ судовъ, усовершенствованіемъ искусства мореплаванія во всѣхъ его частяхъ, нынѣшнимъ запасомъ превосходныхъ морскихъ картъ и уясненіемъ причинъ и свойства самаго сувоя. Впрочемъ Діасъ, погибшій 1500 года, не имѣлъ столько основательныхъ причинъ называть достигнутую имъ, по моему мнѣнію, 1 мая 1487 года, южную оконечность Африки именемъ Capo tormentoso, сколько имѣли бы наши мореходы, плававшіе вокругъ Мурманскаго Носа, еслибы имъ вздумалось назвать Святой Носъ подобнымъ именемъ: потому что здѣсь страшный водоворотъ хотя и перемежается, за то непремѣнно возобновляется чрезъ каждые шесть часовъ періодически, тогда какъ Діасъ лишь случайно долженъ былъ бороться съ сильными противными вѣтрами.

Сувой Святаго Носа обстоятельно изображенъ въ одной неизданной запискѣ, посвященной Императору Александру Павловичу, которая содержитъ въ себѣ описаніе лапландскихъ береговъ, начиная отъ рыбопромышленаго селенія на Лумбовской губѣ до такой-же деревни Плотны, находящейся у Святоносской губы за Іоаканскими островами. Изъ этого описанія видно, что сувой былъ очень опасенъ еще въ началѣ текущаго столѣтія, особенно для мелкихъ рыбачьихъ лодокъ. Какъ скоро они попадали въ него случайно, напр. въ туманную погоду, то, говорятъ, подвергались большой опасности и нерѣдко погибали. Записка эта составляетъ первую часть сочиненія, въ которомъ авторъ, бывшій польскій совѣтникъ посольства, Антонъ Пошманъ, намѣренъ былъ описать состояніе рыбной промышлености на этой части лапландскихъ береговъ; навтическая часть его основана, какъ кажется, на наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ флота лейтенанта Курдюкова, сдѣланныхъ имъ въ томъ краѣ въ теченіе 1800 года. Подлинникъ помянутой записки имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Замѣчаніе о Бѣломъ морѣ и берегѣ онаго (паче о берегѣ его отъ мѣстечка Плотны до Лумбовскаго селенія).» Во второй части авторъ предполагалъ сообщить ближайшія свѣдѣнія о ловѣ трески, сельдей и другихъ видовъ ры-

бы, и въ особенности предложить мѣры къ усиленію этого промысла. Объ опасностяхъ сувоя онъ говоритъ слѣдующее: «Съ «обѣихъ сторонъ вода, какъ молстромъ, притягиваетъ къ сувою, «волненіе же дѣлается чрезвычайное, какъ-бы бурунъ на каменьяхъ. Чрезъ сей сувой весьма опасно проходить во «время прилива нечаенымъ случаемъ въ туманѣ по ошибкѣ. «Промышленики на своихъ рыболовныхъ шнякахъ и даже на «парусныхъ лодьяхъ, попавши въ сію пучину, часто погибаютъ. «Необыкновенное оное волненіе начинаетъ судно съ боку на бокъ «качать и напослѣдокъ заливается и потопляет(ся). Сила вѣтра «въ семъ случаѣ не дѣйствуетъ, а грѣсти и подавно нельзя, по«тому что волненіе оное переломляетъ всѣ весла. Если иногда и «спасаются, то тогда, когда попадаютъ при началѣ сего сувоя «или когда воды не столь сильно дѣйствуютъ, какъ-то: во время «четвертей мѣсяца, то выноситъ теченіемъ въ море къ N по сей «струѣ. Чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ менѣе сіе необыкновен«ное волненіе и теченіе. Сей сувой дѣлается при приливѣ воды, а «при отливахъ воды спора ничего нѣтъ. Во время новолунія и пол«нолунія сей сувой гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, нежели въ дру«гое время. Удалые и смѣлые проходятъ и во время сего сувоя, «только близъ самаго Святаго Носа, такъ чтобъ едва веслами не «доставало до берега. Тутъ есть камень, Воронуха называемая: «такъ между имъ и берегомъ проскакиваютъ, только великой «опасности подвергаются, потому хоть немного оплошаютъ, то «тотчасъ утащитъ въ сію струю и если не зальетъ, то утащитъ въ море». Еще не такъ давно у береговыхъ мореходовъ было повѣрье, что у Святаго Носа водились черви, которые протачивали суда, и что они прогнаны заговоромъ.

Положительнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что Ю Уилльби входилъ именно въ губу, находящуюся къ западу отъ острова Нокуева, мы обязаны опять Антонію Дженкинсону, который 1557 въ своемъ путевомъ журналѣ, подъ упомянутымъ 7-мъ іюля, у Святаго Носа присовокупилъ слѣдующее: «Отмѣчу, что вчера (6 іюля) мы прошли то мѣсто, гдѣ погибъ серъ Ю Уилльби со всѣми своими спутниками; мѣсто это называетъ Arzina reca, что значитъ: рѣка Арзина». Дженкинсонъ могъ знать это мѣсто, потому что при немъ былъ чело-

вѣкъ, который два года назадъ находился при устьѣ Двины въ то время, какъ погибли оба корабля Уилльби. Это былъ Робертъ Бестъ, служившій теперь толмачемъ. Краткое описаніе безъименной для иностранцевъ гавани или лучше бухты, оставленное самимъ Ю. Уилльби въ его журналѣ, вполнѣ идетъ къ губѣ, образуемой западною стороною острова Нокуева и противоположнымъ ему берегомъ. Тамъ говорится: «эта гавань вдается въ материкъ почти на двѣ лиги (leagues) въ длину, а шириною она къ полъ-лиги. Почва страны высока и камениста». По описанію 1842, капитанъ-лейтенанта Рейнеке, основанному на измѣреніяхъ лейтенанта Аѳанасьева 1840, западная Нокуевская губа углубляется внутрь страны почти на шесть съ половиною верстъ; шириною она, при входѣ, три версты, въ серединѣ полторы, и идетъ почти остріемъ къ югу. Каменистый островъ (во время отливовъ полуостровъ) на сѣверной сторонѣ, именно къ морю, составляетъ самую высокую почву въ этой части поморья. Тамъ Уилльби находилъ полную защиту отъ свирѣпствовавшаго тогда юго-восточнаго вѣтра. Онъ могъ пройти до южной оконечности губы, гдѣ впадаетъ Дроздовка; но, вѣроятно, онъ, если не тотчасъ, такъ въ послѣдствіи бросилъ якорь въ малой губѣ при устьѣ Варзины, на западной сторонѣ большой губы; въ обѣихъ есть мѣста въ шесть саженъ глубины, какую именно имѣло занимаемое его кораблями якорное мѣсто.

Ю Уилльби хотѣлъ въ этой губѣ дождаться перемѣны противнаго ему вѣтра; но этого не случилось. Вмѣсто того настала очень дурная погода съ морозами и снѣгами; луна съ ночи на 22 сентября пошла на ущербъ; по истеченіи недѣли, серъ Ю потерялъ надежду на возможность продолжать плаваніе и рѣшился зимовать здѣсь. Три партіи, разосланныя въ разныя стороны на три и на четыре дня отыскивать людей, возвратились безъ успѣха. Рыбопромышленники уже убрались на зиму въ глубь страны. Дни становились все короче и съ 25 ноября наши мореходы уже не видѣли солнца даже въ полдень. Не наученные опытомъ, какъ защищать себя отъ холода, они не запаслись нужными для того вещами, потому что въ Англіи въ то время не имѣли ни малѣйшаго понятія о зимѣ въ Россіи

и на глубокомъ сѣверѣ вообще, и такъ какъ притомъ окрестности Нокуевской губы вовсе безлѣсны, то весь экипажъ на обоихъ корабляхъ, состоявшій изъ 65 человѣкъ, замерзъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Многіе изъ нихъ заснули вѣчнымъ сномъ, конечно, въ длинную ночь отъ 25 ноября до 29 декабря; но Ю Уилльби, какъ видно изъ его записокъ, былъ еще живъ въ концѣ января 1554 года; такимъ образомъ до своей кончины онъ, вѣроятно, еще нѣсколько разъ около полудня видѣлъ солнце: но какія страшныя сцены освѣщало оно! Два вмерзшіе корабля, и на нихъ окоченѣлыя и вполовину занесенныя снѣгомъ знакомыя лица, на которыхъ невольно останавливались взоры пережившихъ, но уже едва живыхъ товарищей, ожидавшихъ той-же участи, безъ всякой надежды на спасеніе и даже безъ утѣшеній религіи: духовникъ находился съ Чанслеромъ. На кораблѣ Уилльби было два хирурга: Александръ Гардинеръ и Ричардъ Мольтонъ. На Эсперанцѣ плыло два купца, а не шесть (какъ говоритъ Гаклейтъ) и три на Конфиденціи *).

---

*) Сорокъ три года спустя (1596—1597) на глубокомъ сѣверѣ Новой Земли, какого съ тѣхъ поръ никто не достигалъ, выдержали зиму, хотя съ большими страданіями, Яковъ Гемскеркъ и Вильгельмъ Баренцъ съ одиннадцатью другихъ Голландцевъ, которымъ удалось набрать прибитаго къ берегамъ лѣса для постройки жилищъ и для отопленія. Такъ какъ они уже не могли пользоваться своимъ засѣвшимъ во льду кораблемъ, то взяли съ него два бота (schuyt ende bock; scapha et linter) и снарядили ихъ такъ, что могли переправиться съ Новой Земли на лапландскіе берега. По прибытіи въ Колу, они, съ позволенія тамошняго воеводы (11 сентября 1597), поставили эти два бота въ гостиномъ дворѣ, для того, чтобы сохранить ихъ «въ память о своемъ неслыханномъ странствованіи». Этому обстоятельству мы обязаны видомъ тогдашней Колы съ ея гостинымъ дворомъ, среди котораго стояли большіе вѣсы. Разставшись еще у Канина Носа, боты по-одиначкѣ пристали къ лапландскому берегу близъ Нокуевской губы, въ которой замерзли Англичане 1553 — 1554. Гемскеркъ приплылъ прямо къ губѣ за островомъ Китаемъ, гдѣ находится Круглое Становище. Здѣсь онъ нашелъ ладью съ тринадцатью человѣкъ Русскихъ, которые приняли его съ товарищами гостепріимно. Другой ботъ еще прежде случайно присталъ къ берегу недалеко отъ этого мѣста, и оба бота соединились. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, они отдохнули и потому назвали это мѣсто бухтою Comfort; потомъ пустились въ путь далѣе. Они хотѣли добраться до Вардэгуса, но вѣтеръ заставилъ ихъ войти въ губу, находящуюся къ западу отъ Кольскаго залива, гдѣ они нашли жилое мѣсто съ тремя Лапландцами, которые подтвердили показанія рыба-

На необитаемые зимою берега Лапландіи лѣтомъ собирается много рыбопромышлениковъ, и ими-то были найдены 1554 въ

ковъ, встрѣченныхъ ими у Семи Острововъ и у Кильдина, что у Колы стоитъ голландскій корабль. Оказалось, что этимъ кораблемъ управлялъ бывшій съ ними, годъ тому назадъ, Іоганнъ Корнелисъ Рипъ (Ryp). Они отправились на его кораблѣ въ Голландію и могли потому оставить свои боты въ Колѣ.

Впрочемъ Кола въ то время отнюдь не была еще мѣстомъ въ значительнымъ постояннымъ населеніемъ. Лапландцы «съ Мурманскаго моря», крещенные въ 1533 г., были «сколы рѣки, стутоломи и зсвятаго носу», такъ говоритъ архивская лѣтопись. Для основанія двухъ церквей въ ихъ землѣ, во имя Благовѣщенія и Св. Николая, посланы были духовные изъ Новгорода. 1556, когда Стефенъ Борро, во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Кольскомъ заливѣ увидѣлъ приплывшія къ нему ладьи, числомъ до тридцати, и въ каждой изъ нихъ по меньшей мѣрѣ по двадцать-четыре человѣка, это были отнюдь не тамошніе все жители, а по большей части промышленники, пріѣхавшіе для улова рыбы и моржей съ юга. Такъ было, должно быть, долго прежде нежели образовалось значительное поселеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Кола; потому что въ 1565 году, когда присталъ туда для зимовья голландскій корабль, посланный Филиппу Винтеркёнигу, уплывшему изъ Вардэгуса, все тамошнее селеніе состояло не болѣе какъ изъ трехъ домовъ, которыхъ жители, при видѣ корабля, убѣжали въ лѣсъ. Въ слѣдующихъ годахъ число жителей прибыло, и тамъ приставали еще корабли. До 1582 года, когда какіе-то датскіе корабли позволили себѣ произвести грабежъ въ Колѣ, тамъ не было воеводы; сборщики податей съ того сѣвернаго края жили обыкновенно въ Кандалакшѣ. Первый воевода Аверкій Ивановичь построилъ въ 1582 году дворъ съ вѣсами для торговли съ Норвежцами, а второй воевода, Максака Ѳедоровичь Судимонтовъ въ 1583 году построилъ острогъ съ башнями по угламъ, отъ котораго остатки видны донынѣ. Въ этотъ острогъ былъ перенесенъ Печенскій монастырь, раззоренный Финляндцами въ 1590 году. Между острогомъ и гостинымъ дворомъ протекала тогда рѣка Кола, съ тѣхъ поръ проложившая себѣ русло дальше къ востоку, отъ чего образовался родъ острова, называемаго Монастырскимъ. Осенью 1595 года воеводой былъ Иванъ Самойловичъ Салмановъ: онъ-то вѣроятно и принялъ суда Голландцевъ. Съ помощію нынѣшнихъ картъ Лапландскихъ береговъ, которыми мы обязаны адмиралу Литке и капитанъ-лейтенанту Рейнеке, можно понять отдѣльные виды и карточки Герарда де-Фера (Veer), зимовавшаго на Новой Землѣ, такъ какъ прежде на картахъ названія рѣдко ставились на своемъ мѣстѣ. Въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Фера, уже въ 1598 году изданныхъ на голландскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ (Waerachtige Beschryvinge; Diarium Nauticum и Vraye Description и пр.), есть карта, изображающая берегъ отъ «Святаго Носа» до другой стороны Кольскаго залива. Нокуевскую губу нельзя не узнать на ней по скалѣ, находящейся въ серединѣ входа въ нее; да притомъ она снабжена названіемъ Mokogef. Къ сѣверо-западу отъ нея видны два бота, представляемые, стало быть, уже послѣ ихъ соединенія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ иллюстрированнаго описанія Фера, напр. у Гульсіуса 1612 г., русская ладья и Гемскерковъ

Нокуевской губѣ два англійскіе корабля съ мертвыми людьми, съ товарами и снарядами. Царь Іоаннъ Васильевичъ, уже видѣвшій Чанслера, получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, повелѣлъ двинскому намѣстнику, князю Семену Ивановичу Микулинскому-Пункову, перевести на лодьяхъ (обыкновенныхъ судахъ тамошнихъ мореходовъ) все найденное на корабляхъ въ Холмогоры и хранить тамъ до времени за печатью. Исполненіе этого возложено на холмогорскаго градоначальника Фофана Макарова вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами (Косицынымъ, Посельскимъ и Епиховымъ). Исполнено весною 1555 года.

Въ свое время о печальной кончинѣ Ю Уилльби мало было писано въ Англіи, съ одной стороны, потому, что въ то время, какъ состоялась эта экспедиція, представителемъ воллатонской фамиліи былъ тринадцатилѣтній юноша, Томасъ Уилль-

---

ботъ, на которомъ находился Феръ, являются въ круглой бухтѣ съ узкимъ входомъ, и Феръ сообщаетъ, что они на своемъ ботѣ проѣзжали между скалъ. Потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это Круглая губа, образуемая островомъ Китаемъ. На возвышеніи, опредѣленномъ Рейнеке въ 260 футъ, представлены два Голландца съ другаго бота, которые усматриваютъ ладью и Гемскерковъ ботъ, идущій изъ бухты, лежащей къ сѣверо-западу. Это должна быть, конечно, Дворовая губа. У Гульсіуса (1612) невѣрно, стоитъ здѣсь Mokogef; а Comfort значится у домовъ на Круглой губѣ, гдѣ и нынѣ находится Становище. Варзина ошибочно поставлена противъ Семи Острововъ. Далѣе опять стоятъ два бота въ губѣ на западѣ отъ Кольскаго залива, гдѣ представлено и упоминаемое въ описаніи жилье трехъ Лопарей съ большою собакой: вѣроятно, это Урская бухта. Другой Лопарь, нанятый по близости на возвышеніи, представляется проводникомъ Голландца, отправляющагося отсюда въ Колу или лучше къ кораблю. Этотъ корабль, бывшій подъ управленіемъ Рипа, стоитъ въ Кольскомъ заливѣ не очень далеко отъ острога и отъ двора съ вѣсами. Боты являются и еще одинъ разъ плывущими по заливу къ кораблю. Означена также и соловарня, находившая на три мили ниже Колы на правомъ берегу залива, и на одномъ изъ листковъ, помѣщенныхъ прежде, видно, какъ лодку перетаскиваютъ по землѣ шесть человѣкъ. Иллюстраціи Фера порядочно знакомятъ съ устройствомъ тогдашнихъ русскихъ лодей. Конечно, нѣтъ нужды напоминать, что незабвенный для насъ Баренцъ умеръ на пути вскорѣ по отплытіи съ Новой Земли, и что Гемскеркъ есть тотъ самый, который ѣздилъ изъ Голландіи въ Индію въ экспедиціяхъ 1598 и 1601. Части этихъ экспедицій сильно содѣйствовали къ истребленію додо на остр. Маврикія. Гемскеркъ нашелъ себѣ смерть, будучи адмираломъ, въ 1607 году въ морской битвѣ при Гибралтарѣ. Онъ погребенъ въ старинной церкви въ Амстердамѣ, гдѣ и поставленъ ему памятникъ.

би, а по смерти его въ 1558 году — младшій его братъ Франсисъ, которому было не болѣе одиннадцати лѣтъ. Съ другой стороны, вниманіе Англіи увлечено было несравненно важнѣйшими обстоятельствами, политическими и церковными, при которыхъ судьба Ю Уилльби не могла возбудить къ себѣ участія публики. Въ слѣдъ за отъѣздомъ его изъ Англіи, царствовавшее тамъ спокойствіе было нарушено, и наступили времена, въ высшей степени бурныя. 6 іюля 1553 король Эдуардъ VI умеръ. 10 іюля Дженъ Грей провозглашена, безъ ея желанія, королевой. Всѣ взялись за оружіе. На тронъ возведена Марія. Герцогъ Нортомберлендскій казненъ. Возстановленіе римско-католической церкви и предположеніе королевы выйти за Филиппа Испанскаго, сына императора Карла V, возбудившее опасенія за самостоятельность Англіи, произвели возмутительное движеніе. Віатъ вторгнулся въ Лондонъ, былъ схваченъ и обезглавленъ. Тюрьмы наполнены были знатными лицами, и въ то время, когда кровь сера Ю застывала въ его жилахъ у береговъ Лапландіи, кровь его двоюродной внуки, юной Дженъ Грей, пролилась на эшафотѣ въ Тоуэрѣ, почти въ одно время съ казнью ея мужа, лорда Гильфорда Додлея, за котораго она вышла за мужъ вскорѣ по отъѣздѣ Ю Уилльби въ экспедицію. Не много спустя, суждено было умереть такою-же смертію и ея отцу, Генриху Грею (брату Анны Уилльби) и его брату Томасу. Въ іюлѣ совершено бракосочетаніе Маріи съ Филиппомъ. Безчисленныя преслѣдованія протестантовъ, пылавшіе костры, на которыхъ сожигали мужчинъ и женщинъ, не исключая даже беременныхъ, инквизиціонные допросы, пытки и т. п., такъ волновали умы современниковъ, что ни вѣсть о такъ называемомъ открытіи Русской земли Чанслеромъ, ни позднѣйшее извѣстіе о трагической кончинѣ Уилльби съ его спутниками, не были въ состояніи остановить на себѣ общественное вниманіе [1]).

---

[1]) Въ имѣніи Воллатонѣ, принадлежащемъ нынѣ лорду Миддельтону, хранится платье, снятое будто-бы съ замерзшаго тѣла Ю Уилльби. Пеннантъ разсказываетъ, что слуга въ Воллатонѣ, показывавшій портретъ Ю Уилльби, обыкновенно прибавлялъ, что этотъ портретъ представляетъ его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ найденъ замерзшимъ. Тому, кто пережилъ

Третій корабль Каботовой экспедиціи, Эдуардъ Бонавентура, еще 30 іюля 1553 г. сильною бурею въ сѣверномъ морѣ былъ разлученъ съ тѣми двумя и цѣлую недѣлю ждалъ ихъ у Вардэгуса, гдѣ на этотъ случай назначено было сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ онъ отплылъ въ Бѣлое море и присталъ близъ устья Двины. Кромѣ Ричарда Чанслера, Стефена Борро и Джона Бокленда, на немъ было еще 47 семь человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился вышеупомянутый капланъ Джонъ Стаффордъ, врачъ Томасъ Вальтеръ (въ одной ркп. Water); двое купцовъ: Джорджъ Бортонъ, производившій торговлю съ Капомъ, и Артуръ Эдуардсъ. Надобно еще назвать Джона Гассе, потому что онъ тогда уже написалъ кое-что о Россіи, а Артура Пета, Вильяма Борро, Ричарда Джонсона, Джона Седжвика и Эдуарда Пасси [1]) потому, что они, равно какъ и Чанслеръ, Стефенъ Борро, Боклендъ и Эдуардсъ, въ послѣдствіи были у насъ въ другой разъ.

Ненoксѣ досталось въ первый разъ угостить русскою хлѣбъ-солью нежданныхъ гостей изъ Англіи. А соль была здѣсь произведеніемъ собственной промышлености Неноксы [2]).

Монастырь Св. Николая Чудотворца, находящійся къ востоку отъ Неноксы, на самомъ Корельскомъ устьѣ Двины, былъ первымъ мѣстомъ, которое должны были посѣтить изъ Неноксы Англичане. Изъ описанія церкви и владѣній монастыря, составленнаго около двухъ лѣтъ до ихъ прибытія, мы знаемъ, что они тамъ видѣли и какія лица могли тамъ встрѣтить.

его изъ участниковъ экспедиціи, если только былъ такой, едвали могло прійти въ голову рисовать портретъ съ замерзшаго; а изъ видѣвшихъ его на мѣстѣ рыбаковъ также, конечно, никто не могъ этого сдѣлать. Впрочемъ, сцена 1553—1554 при Нокуевѣ заслуживала бы руки лучшаго художника, чѣмъ Джонъ Пинкертонъ, изобразившій ее на рисункѣ при сочиненіи: A general collection of the best and most interesting voyages and travels, том. I. 1808.

[1]) Фамилію Passy я встрѣчалъ еще у Гаклейта въ формѣ Pacie и догадываюсь, что Гаклейтъ въ другомъ, позднѣйшемъ случаѣ читалъ вмѣсто Pacie — Price. Въ такомъ случаѣ Эдуардъ Прайсъ во второй экспедиціи въ Россіи будетъ не кто другой, какъ тотъ-же самый Пасси.

[2]) «Своеварка съ Ненокскихъ расольныхъ вытокъ». Въ Ненoксѣ имѣлъ соляныя варницы монастырь Св. Николая. Грамотой царя Іоанна Васильевича 1545 ему дозволено было «соляныхъ пожилинъ (разсолу солянаго) искати и трубы и варницы ставити и соль варити». Еще и нынѣ, какъ здѣсь, такъ и у Уны и въ другихъ окрестностяхъ, производится выварка соли.

Теперь Чанслеръ долженъ былъ принять характеръ англійскаго посланника. Взявъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ спутниковъ, онъ отправился по Малокурью и Двинѣ въ Холмогоры. Тамошній градоначальникъ, Фофанъ Макаровъ, и земскій судья донесли о прибытіи Англичанъ царю Іоанну Васильевичу. Корабль былъ, по ихъ распоряженію, переведенъ [1]) на зимовье въ Унскую Губу, находящуюся къ западу отъ Неноксы, и Чанслеръ отправился 23 ноября въ саняхъ въ царскую столицу, не дождавшись отъ царя приглашенія или дозволенія, которое впрочемъ встрѣтило его изъ Москвы на дорогѣ.

Прибытіе Англичанъ въ Россію совпадаетъ съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ событій въ нашей исторіи. Не задолго предъ тѣмъ царь Іоаннъ Васильевичъ возвратился въ Москву со славою покорителя Казани. Астрахань была принуждена открыть для Россіи ворота въ Каспійское море. Сибирь, не знавшая своей золотоносной почвы, обязалась, въ знакъ своего подданства, доставлять повелителю Россіи собольи и бѣличьи мѣха, и полудикія племена ея присягнули царю: это былъ первый шагъ къ покоренію неизмѣримой металлоносной страны, по которой мы дошли до Сѣверной Америки.

Чрезъ двѣнадцать дней по прибытіи Чанслера въ Москву, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, управлявшій тогда иностранными дѣлами [2]), объявилъ ему, что царь Іоаннъ

[1]) Это было въ октябрѣ. Зима была, вѣроятно, жестокая, потому что Чанслеръ разсказывалъ Адамсу въ Лондонѣ, что люди, оставленные имъ на кораблѣ, очень страдали отъ холода. «Nautae certe nostri, qui in nave remanserant, ex inferiori stega in foros scandentes, tam subita lipothymia nonnunquam sunt correpti, ut intermortui subinde ruerent: tanta erat illic rigentis coeli inclementia. — Въ Пертоминской пустыни, основанной на Унской губѣ въ 1599 году, провелъ три дня Петръ Великій, во вторую свою поѣздку на Двину въ 1694 г., и сдѣлалъ тамъ деревянный крестъ съ надписью, который онъ самъ помогъ снести на морской берегъ и самъ поставилъ тамъ въ знакъ благодарнаго воспоминанія о своемъ спасеніи отъ опасности, которой онъ подвергался при переѣздѣ изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, во время бури. Его спасеніемъ мы обязаны рѣшительности и ловкости лоцмана, Антипа Тимофеева, который счастливо направилъ лодку въ Унскую губу. Вспоминалъ ли тогда царь, что эта губа приняла 1553—1554 первый корабль, прибывшій къ берегамъ Россіи?

[2]) Впрочемъ въ бытность Чанслера въ Москвѣ онъ находился подъ судомъ по подозрѣнію въ Бакшинской ереси. Извѣстно, что онъ былъ казненъ въ 1570 году за мнимую измѣну отечеству въ пользу Польши.

Васильевичъ соизволяетъ допустить его къ себѣ, чѣмъ онъ не мало былъ обрадованъ. При пріемѣ Чанслера присутствовалъ извѣстный любимецъ царя, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ; Чанслера сопровождали купцы Бортонъ и Эдуардсъ [1]). Онъ поднесъ царю открытую грамоту короля Эдуарда VI: экземпляры ея на разныхъ языкахъ даны были каждому кораблю экспедиціи ко всѣмъ владѣтелямъ странъ, къ которымъ случится пристать имъ на сѣверѣ и на востокѣ [2]). На первомъ планѣ въ этомъ письмѣ выставлялось желаніе Англіи заводить торговыя связи [3]). Послѣ аудіенціи, Чанслеръ съ обоими купцами удостоились чести быть приглашенными къ обѣду.

Чанслеръ тщательно старался развѣдывать торговыя дѣла Россіи, нужныя для Англіи. Результаты его наблюденій мы знаемъ изъ англійской его записки къ дядѣ своему, Христофору Фротингему (Frothingham), а Клементъ Адамсъ передалъ его разсказы на латинскомъ языкѣ [4]). Находившійся при Чансле-

---

¹) Пинкертонъ, въ первомъ томѣ вышеупомянутаго сочиненія о путешествіяхъ, старался изобразить на картинѣ пріемъ Чанслера съ обстановкой по разсказамъ самого Чанслера.

²) Ad Principes septentrionalem ac orientalem mundi plagam inhabitantes juxta mare glaciale nec non Indiam orientalem.

³) Въ немъ между прочимъ говорится: «мы предоставили почтенному и храброму мужу, Гугу Виллибею (Wilibeo) и прочимъ, съ нимъ находящимся, нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ, идти по ихъ усмотрѣнію въ страны, имъ прежде неизвѣстныя, чтобы искать того, чего у насъ нѣтъ, и привозить изъ нашихъ странъ то, чего нѣтъ въ тѣхъ странахъ. И такимъ образомъ произойдетъ выгода и для нихъ и для насъ, и будетъ постоянная дружба и ненарушимый союзъ между ими и нами, если они позволятъ намъ получать вещи, которыми изобилуютъ ихъ владѣнія, а мы будемъ отпускать къ нимъ изъ нашихъ владѣній тѣ вещи, которыхъ у нихъ нѣтъ». Concessimus viro honorabili et forti Hugoni Wilibeo, et aliis qui cum eo sunt servis nostris fidis et charis, ut pro sua voluntate, in regiones eis prius incognitas eant, quaesituri ea quibus nos caremus, et adducant illis ex nostris terris id quod illi carent. Atque ita illis et nobis commodum inde accedat, sitque amicitia perpetua et foedus indissolubile inter illos et nos, dum permittent illi nos accipere de rebus quibus superabundant in regnis suis, et nos concedemus illis ex regnis nostris res, quibus destituuntur.

⁴) Чанслеръ, по словамъ Эдена (Eden), въ 1557 г. будто-бы сказывалъ ему, что въ Москвѣ онъ засталъ посланника изъ Персіи (the king of Persia called the great Sophie). Онъ носилъ алое платье и выгодно отзывался царю объ Англичанахъ, потому что знакомъ былъ нѣсколько съ Англіей и ея торговлей. (The ambassador was appareled all in scarlet, and spoke much to the Duke

рѣ Іоганъ Гассе описалъ, для англійскаго купечества, русскія монеты, вѣсы и мѣры; при чемъ онъ оставилъ нѣсколько замѣтокъ о русскихъ произведеніяхъ и указалъ выгодное мѣсто для основанія другаго торговаго дома или складочнаго мѣста англійскихъ товаровъ, кромѣ Москвы, въ Вологдѣ [1]).

Вслѣдствіе просьбы Чанслера дозволить Англичанамъ завести торговыя связи съ Россіею, въ февралѣ 1554 года была изготовлена грамота царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI, который между тѣмъ уже въ прошломъ году 6 іюля умеръ [2]). Этой грамотой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободой. Этотъ любопытный документъ, первый изъ дошедшихъ въ Англію изъ Россіи, заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія еще и потому, что при изданіи англійскаго перевода его въ 1599 году Гаклейтъ дозволилъ себѣ пополнить титулъ царя Іоанна Васильевича изъ позднѣйшихъ грамотъ, вслѣдствіе чего Астрахань, Сибирь и Лифляндія являются въ этомъ титулѣ прежде, нежели это было и могло быть на дѣлѣ. Въ царской грамотѣ, писанной въ февралѣ 1554 года, не могли быть названы ни Астрахань, ни Сибирь, ни Лифляндія.

Напрасно искалъ я въ Англіи оригинала этой грамоты; но думаю, что нашелъ первый англійскій переводъ ея. Кромѣ того я снялъ для себя копію съ того перевода, которымъ пользовался Гаклейтъ. Эта рукопись сильно пострадала отъ огня; но то, чего въ ней не достаетъ, я могъ пополнить изъ списка, сдѣ-

---

in behalf of our men, of whose kingdom and trade he was not ignorant). Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакого свѣдѣнія о пріѣздѣ персидскаго посланника въ Москву въ 1553 — 1554 г. Самъ Чанслеръ и по словамъ его Адамсъ описываютъ пышность, съ какою отправлены были два посла въ Литву. Гассе сообщаетъ, что въ бытность Чанслера въ Москвѣ прибылъ «великій посолъ» изъ Лифляндіи (for the assurance of their priviledges). Это должно быть извѣстное посольство лифляндскаго геррмейстера и дерптскаго епископа.

[1]) И въ Вардэгусѣ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ, чтобы ознакомиться съ тамошнимъ вѣсомъ. О трескѣ и лососяхъ онъ говоритъ, что эта рыба привозится въ Холмогоры изъ одного мѣста, находящагося не вдалекѣ отъ Вардэгуса, и называющагося Mallums: это должно быть Малмусъ, то есть Кола.

[2]) Во столько времени не могло дойти изъ Англіи до Россіи извѣстіе о такомъ важномъ событіи: какая противоположность съ нынѣшнимъ (1846)!

ланнаго съ нея раньше. Всѣ три экземпляра свидѣтельствуютъ, что Гаклюйтъ, при изданіи своихъ «Principal Navigations» 1599 дозволилъ себѣ непростительную вольность. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ въ именахъ странъ, подвластныхъ царю, недоразумѣніе, онъ ставилъ вмѣсто ихъ выраженія изъ царскаго титула въ позднѣйшихъ грамотахъ, и такимъ образомъ Іоаннъ Васильевичъ уже въ началѣ 1554 года является у него царемъ (king) Астраханскимъ, государемъ и великимъ княземъ (lord and great duke) Лифляндскимъ и повелителемъ (commander) всей Сибири. Изъ этого Карамзинъ заключилъ, что царь уже въ то время (въ февралѣ 1554) дѣйствительно такъ именовалъ себя въ титулѣ, тогда какъ наши лѣтописи говорятъ о прибытіи посольства отъ обладателя Сибири, Едигера, въ Москву съ предложеніемъ своего подданства лишь подъ 1555 годомъ. Такъ какъ объ Астрахани и Лифляндіи Карамзинъ не упоминаетъ, то онъ считалъ, кажется, возможнымъ, что и эти страны внесены въ титулъ царя уже въ 1554.

Ошибки Гаклейта въ 1599 году тѣмъ разительнѣе, что самъ онъ прежде, въ сочиненіи 1589, нынѣ очень рѣдкомъ, передалъ царскій титулъ правильно. Кажется, что онъ видѣлъ самый оригиналъ грамоты: потому что онъ описываетъ и русское письмо ея и привѣшенныя къ ней печати съ изображеніемъ вооруженнаго всадника, сражающагося съ дракономъ. Грамота была написана на бумагѣ; при ней былъ нѣмецкій переводъ. Найденный мною древнѣйшій англійскій переводъ ея, кажется, сдѣланъ съ этого нѣмецкаго перевода, и притомъ лондонскимъ Нѣмцемъ. Я нашелъ его въ одной рукописи, которая принадлежала прежде герольдіи, а впослѣдствіи была, между прочимъ, у Роберта Коттона, и наконецъ у знаменитаго антикварія Ричарда Гаў (Gough), умершаго въ 1809 г. При продажѣ его имущества съ аукціона въ 1810, эта книга куплена для Британскаго Музея. На оборотѣ листа 175 и на слѣдующей страницѣ 176 листа напечатано:

The coppye of the lettre which was sente to Kinge Edward Ao. 1554. The almyghtie power of God with the feare of the hooly Trynytie: A right christian belever: we greatiste Lord theyre resquests they have fullye granntid, and have byn in our

John Vasselevitche: by the grace of god Emperour of all Russes: and greate Duke Volloidemersque: Moskosque: nogrottsque: kassanque: placestosque: Smallentsque: Tweresque: Iverdsque: permysque: vettsque: bolgorsque: and of other lands Emperour and greate Duke to newgorod in the lowe cuntrey: Chernegofsque: Rasnsque: Wollotsque: yerzeffsque: belsque: Rostosque: yeraslawsque: beloweshersque: udorsque: obdorske: ffondynski: with dyversse other lands: lorde on all the northe side and petisioner. In primis greattist and famous Edward Kinge of Ingland: our gracious word, with good and frendlie remembrannce in all reason from our christian faythfull greate taking awctoritie by commanndment of the hyghest of our Awncestrye: this our lordlie writinge to A kynglie desyre, accordinge to the peticon of one Richard, trewlie sent with the reste of his fellowshippe whem he shall trewlie com to you. By yt celf the 20 yere of our lordshippe, to our seacoste ys com folk in one shippe theade Rychard, withys felowshippe and have said that they arre frinds they have desyred to com within our lordlie dominion, and accordinge to lordlye howsse in presence of our sight and hathe desyred us accordinge to Your kinglie requests that we wold permytt Your marchants to travaile to our Subiects and dominions, to occupie withall manner of wares, without hynderannce, Staye or Interrupcon, and hathe geven us Your lettre in which lettre ys written the like request, to manner of men in theire dominions, wheresoever they shalhappen to com sent by Your trewe Servannte Hughe Willowghbie the which Hughe Willoughbie in our dominions hathe not arryved and whereas Your sservante Rychard ys com to us, we wythe christian trewe assurance in no manner of wyse will refuse his petision, and by our faythfull grante, we will not forsake thye request, by the which Your ymbassett that Yow sent to us, the same thy Imbasset with good ffree will to passe to us and from us withowt anye hynderance or losse, with suche message as shall com to us, the same message to retourne to thie kingdom well awnswerid withall suche marchannts as shall com forthe of Your lande withall manner of ware, if they will traveile toccupie within our lordom, the same marchants with free marchandise in all our lordshippe, withall manner of

ware and uppon all manner of ware freelie to travele owt and in, without hynderannce and losse accordinge to this our lettre, and a ffurther assurance of our worde we have caused our Signet to be sett to this our lettre, written in our lordlie howsse and castle the Musco. In the yere 7042 (должно быть 7062) the monethe of februarye [1]).

---

[1]) Такъ какъ Гаклейтъ по обыкновенію дозволялъ себѣ дѣлать въ переводѣ, которымъ пользовался, произвольныя перемѣны, то я передаю его въ подлинномъ видѣ, какъ онъ находится въ Британскомъ Музеѣ подъ Otto, E, стр. 49 и 50. Вызженныя мѣста я дополняю изъ древнѣйшаго списка того же перевода въ Ландсдауновомъ собраніи 141, стр. 342, и отмѣчаю ихъ курсивомъ. The Allmightie power of God and the *incomprehensible* hollie Trinitie of our rightfull Christian *beliefe.* Wee greatest Lord Ivan Vassilewiche *by the* grace of God Emperour of all Russia *and great* Duke Vslademerskij, Moskouskij Nougord*skij, Cazanskij* Pskouskij Smollenskij Tuerdskij Yogork*ij Permskij* Veatskij Bolgarskij and other lands, *Emperor* and great Duke of Novago roda and in the *lowe* Countreys Cheringosskij Rezanskij Volots*kij Rzesskij* Belski; Rostouskij Yoroslauskij Belocherskij Oodorskij Obdorskij Condinskij and manie other *countries* Lord over all the north Cost greetinge. Before all right great and of honor worthye Edward Kinge of England our most hartie and of good zeale with good intent and frendlie desire and of our holie Christian faith and of great governannce and in the light of great understanding our answere by this our honorable wrightinge unto Your Kingelie Governannce at the request of Your faithfull servannt Richard with his company as he shall wisely lett You knowe, is this. In the strength of xxtie yere of our governance be knowne at our sea Coast arived a schipp with one Richard and his Companie and sai*d that he was* desirous to come into our dominions *and according* to his request hath seene our lordshipp *and our heires* (тутъ было вѣроятно: eies, какъ у Гаклейта) and hath declared unto us Your Ma-ties *desire* that wee schould grannt unto Your subi*ects to goe* and come and amonge our dominions a*nd subiects* to frequent free merkett with all sort of *merchandizes* and uppon the same to have wares for the*ir retorne* and they delivered unto us Your letters w*hich declared* the same request. And uppon that w*e have geven* order wheresoever Your faithfull servannt *Hugh* Willobe lande or touche in our dominion*s to be* well enterteyned which as yet is not arri*ved the* which Your servannt Richard cann declare. A*nd we* with Christian beleife and faithfullness and *according* to Your hon-ble request and my ho-ble commande*ment* will not leave it undonne. The which both wilbe You to send unto us with Your shipps *and* vessells when and as often they may with good assurance to see them harmeles. And yf You *send* me one of Your Ma-ties Councell to treat with us whereby Your countrey merchants maie with all kind of wares and wheare they will make ther mar*ket* in our dominions and ther to have the*ir free market* with all free liberties throughe my who*le dominions* with all kinde of wares and of all kinde ot *wares* to come and goe at ther pleasure with*out any* of ther lett damage or impediment accor*ding and* by this our Lettre or word with my seale and this my vill or Lettre wee have co*manded* to be undersealed. Written in our dominion *in our* Towne and our Pallace in the Castell of *Moscovie* in the yere seven thousande and sixtie the *second* month ffebruarye.

Чанслеръ и его спутники уѣхали изъ Москвы въ мартѣ 1554: выждавъ на Двинѣ благопріятной поры, они отплыли на Бонавентурѣ въ Англію. На дорогѣ корабль имѣлъ несчастіе попасться Голландцамъ и былъ ими ограбленъ. Но экипажъ добрался до Лондона съ царскою грамотой на имя короля Эдуарда, вмѣсто котораго она поднесена королевѣ Маріи. Чанслеръ повсюду разсказывалъ, какъ благосклонно онъ былъ принятъ въ Москвѣ Іоанномъ Васильевичемъ.

Теперь изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось въ Лондонѣ новое общество, имѣвшее цѣлію открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ къ востоку и къ западу. Компанія эта была утверждена, 26 февраля 1555 года, Филиппомъ и Маріею особою грамотой (charter). Каботъ былъ на всю жизнь опредѣленъ въ президенты, и какъ Чанслеръ уже исходатайствовалъ у Іоанна Васильевича особенное покровительство Англичанамъ, то общество получило исключительную привилегію на торговлю съ Россіею[1]).

Въ Англіи старались представить прибытіе Чанслера въ

*) Это общество въ теченіе времени не разъ перемѣняло имя. Оно существуетъ еще и нынѣ подъ именемъ *Россійской компаніи* (the Russia Company), хотя уже и безъ прежнихъ привилегій. Я имѣю списокъ именъ всѣхъ его основателей, который нигдѣ еще не напечатанъ. Въ числѣ шести особъ изъ высшей аристократіи находится Вильямъ Говардъ (Howard), графъ Эффингамскій, тогдашній лордъ-адмиралъ англійскій. Въ новѣйшемъ изданіи сочиненія Борна (Burne): Genealogical and heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the Brittish Empire) подъ статьею: Effingham, объ немъ говорится, что въ 1553 г. онъ отправленъ былъ посланникомъ въ Московію и это было первое англійское посольство въ Россію. Это вовсе неосновательное мнѣніе въ слѣдующемъ изданіи Peerage надобно выбросить. Кромѣ шести лицъ изъ аристократіи, въ обществѣ было 184 другихъ членовъ, изъ которыхъ здѣсь можно упомянуть: Себастіана Кабота, Генриха Сиднея, Вилльяма Сесиля, Вилльяма Петера, Джоржда Барнса, Уильяма Герарда, Томаса Офлея старшаго и Джона Диммока: потому что они разнымъ образомъ содѣйствовали обществу; Ричарда Чанслера, Стефена Эбро (Abroughe вм. Burrough), Джона Бокленда, Артура Эдуардса, Джорджа Бортона, Томаса Бенистера и Джона Спарка, потому что они были въ Россіи. Списокъ первоначальныхъ членовъ, хранящійся въ Коттоновомъ собраніи рукописей въ Британскомъ Музеѣ, къ сожалѣнію, на половину поврежденъ отъ огня, какъ и многія другія рукописи этого собранія, но недостающее въ этомъ спискѣ можно пополнить изъ копіи, находящейся въ Ландсдауновомъ собраніи. Гаклейтъ удостоилъ упомянуть только имена лордовъ.

Неноксу настоящимъ открытіемъ Россіи, въ родѣ открытія Америки или другой, до тѣхъ поръ неизвѣстной страны[1]). Стоитъ разсмотрѣть, не могли ли Уилльби и Чанслеръ имѣть, до своей экспедиціи, какое-либо свѣдѣніе о Бѣломъ морѣ, о Двинѣ и о сѣверо-восточныхъ краяхъ Россіи вообще?

Извѣстно, что древнѣйшее свѣдѣніе о плаваніи около Норвегіи вокругъ Мурманскаго Носа (названнаго съ 1553 года Нордъ-капомъ) сообщено англійскимъ королемъ Альфредомъ, который такъ-же хорошо владѣлъ перомъ, какъ и мечомъ, и котораго считаютъ основателемъ англійскаго флота. Это извѣстіе записалъ онъ со словъ Норвежца Отера, который во времена Рюрика, или вскорѣ послѣ того, вѣроятно, въ послѣднюю четверть IX вѣка, совершилъ морское путешествіе отъ западнаго берега Норвегіи въ Бѣлое море. Замѣчательно, что самое древнее описаніе морскаго пути къ нашимъ сѣвернымъ берегамъ оставлено намъ королемъ, точно также, какъ, съ другой стороны, почти столь-же древними извѣстіями о прежнихъ плаваніяхъ изъ Россіи по Черному морю мы обязаны императору Константину Багрянородному.

Для меня вовсе не такъ достовѣрно, какъ обыкновенно думаютъ, что Отеръ входилъ именно въ Двину, какъ Эрикъ Блодиксасъ Гаральдомъ Грефеллемъ, Тореръ Гундъ съ Карли и Гвастейномъ и мн. другіе, плававшіе въ Біармію до самаго начала монгольскаго періода (1252). Очень могло быть, что Отеръ былъ на Мезени. На Бѣломъ морѣ или, опредѣлительнѣе, при входѣ въ губу при устьѣ Мезени, влѣво есть островъ, издавна называемый: Моржовецъ, отъ моржей[2]). Вправо

---

[1]) Еще въ 1598 году Гаклейтъ писалъ: Wil it not in all posteritie be as great a renowne unto our English nation, to have been the first discoverers of a Sea beyond the North Cape (never certainly knowen before) and of a convenient passage into the huge Empire of Russia by the bay of St. Nicolas and the river of Duina; as for the Portugales to have found a Sea beyond the Cape of Buona Esperanza and so consequently a passage by Sea into the East Indies; or for the Italians and Spaniards to have discovered unknowen landes somany hundred leagues Westward and Southwestward of the streets of Gibraltar, and of the pillers of Hercules?

[2]) Герберштейнъ пишетъ (1549): Mors, а переводчикъ его латинскаго сочиненія, Панталеонъ, (1633) къ этому имени отъ себя прибавляетъ: *или смерть*.

лежатъ Моржовыя Кошки, т. е. моржовыя песчаныя мели. Отеръ говоритъ, что слухъ о ловлѣ моржей былъ главною причиною путешествія: ибо моржовые зубы — слоновая кость того времени — были очень цѣнны, а изъ моржовой кожи дѣлались канаты, употреблявшіеся на судахъ, — ясный намекъ на то, что судоходство по этимъ водамъ существовало уже издавна. Одинъ мезенскій житель, Алексѣй Ѳедоровъ Окладниковъ, человѣкъ весьма опытный, увѣрялъ меня, что лѣтъ двадцать назадъ еще много били моржей у восточнаго берега воротъ Бѣлаго моря, между Кіей и Канинымъ Носомъ. Становищами служили рѣчки Сальницы и Большія Бугряницы. Герберштейнъ упоминаетъ о множествѣ моржей при устьѣ Печоры, а Чанслеръ говоритъ, что ловцы ихъ жили въ Пустозерскѣ. Первый пишетъ: «предъ устьемъ Печоры разсказываютъ объ удивительныхъ звѣряхъ, изъ коихъ одни называются mors, величиною съ быка, имѣютъ короткіе ноги, живутъ въ морѣ, имѣютъ на верхней челюсти два зуба. Бьютъ ихъ только ради прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ красивые черенки къ ножамъ. Московиты, Турки и Татары дѣлаютъ изъ нихъ къ своему оружію, особенно короткому, какъ мы носимъ кинжалы или ножи, рукоятки, собственно только для красоты, а не для увеличенія тяжести, чтобы чрезъ то ударъ оружіемъ былъ сильнѣе, какъ объ этомъ писалъ нѣкто» (Герберштейнъ намекаетъ здѣсь на Мѣховскаго, который высказалъ это мнѣніе въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: Sarmatia); «покупаютъ зубы на вѣсъ и называютъ просто «рыбій зубъ». Еще и нынѣ самый обильный уловъ моржей бываетъ на Гуляевскихъ меляхъ у Печорской губы, на Вайгачѣ и у западнаго берега Новой Земли. А во время Отера моржей могло быть много у острова, получившаго отъ нихъ свое имя, и по берегамъ на югъ отъ Канина Носа.

Отеръ подарилъ королю Альфреду нѣсколько моржовыхъ зубовъ: это были первые предметы, привезенные съ нынѣшнихъ русскихъ береговъ въ Англію. Вѣроятно, Отеръ не только вынулъ зубы, но и снялъ съ моржей кожу, и вотъ древнѣй-

---

У поляка Мѣховскаго (1517) было: pisces morss. Чанслеръ говоритъ (1554): a fish called a Morsse, а Адамсъ (въ томъ-же году) прибавляетъ: bellua Mors nominata.

шія (сколько извѣстно) статьи вывоза изъ Бѣлаго моря въ Норвегію.

Мы не можемъ положительно доказать, чтобы Каботъ былъ знакомъ съ Альфредовымъ описаніемъ путешествія Отера, которое должно было имѣть для него столько интереса *). Но онъ могъ достать себѣ печатный италіянскій переводъ Герберштейнова сочиненія о Россіи (Commentari della Moscovia), въ которомъ находится описаніе плаванія нашего Истомы и Датскаго герольда Давида вокругъ Мурманскаго Носа, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о Ледовитомъ морѣ, Двинѣ, Печорѣ и Оби. Эта книга напечатана въ 1550 году въ Венеціи, гдѣ Каботъ провелъ свои молодые годы. Къ ней приложена карта Россіи, составленная пьемонтскимъ космографомъ Джакомо Гастальдо, на которой показано какъ Ледовитое море (впрочемъ, собственно только часть Бѣлаго моря), такъ и рѣки Двина, Мезень, Печора, даже съ Цыльмой (гдѣ добываются руды) и съ Обью. Послѣдняя вытекаетъ изъ большаго озера на правомъ (восточномъ) краѣ карты, называемаго Китаемъ (Kythao lago), а въ книгѣ объ немъ говорится.... il lago de Kithai dal quale il gran Chane di Cathaia, il quale gli Moscowiti Czar Kythaiski appelano, ha il nome. Сколько интереса должны были имѣть такія географическія свѣдѣнія для виновника сѣверо-восточной экспедиціи! Трудно повѣрить, чтобы Каботъ не выписалъ себѣ эту книгу съ картой изъ Венеціи. О Финскихъ маркахъ и Вардэгусѣ Ю Уилльби и Чанслеръ заранѣе имѣли понятіе: потому что между ними было условлено, въ случаѣ, если корабли разойдутся въ сѣверномъ морѣ, дожидаться другъ друга въ Вардэгусѣ. А какъ у Герберштейна, въ разсказѣ Истомы о путешествіи его по Ледовитому морю, плаваніе между Вардэгусомъ и Двиною описано, то дорога туда была указана, и Каботъ могъ имѣть о томъ свѣдѣніе. А Дмитрій Герасимовъ, въ своемъ описаніи Россіи, внесенномъ въ книгу Герберштейна, объясняетъ, что если плыть изъ Двины вправо по берегу, то можно, вѣроятно, достигнуть Китая, и это свѣ-

*) Альфредово описаніе путешествія Отера я нашелъ въ Британскомъ Музеѣ, въ одной книгѣ, рядомъ съ дневникомъ Вильяма Сесиля съ 1552 по 1557 годъ.

дѣніе было издано въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ Павломъ Джіовіо уже въ 1537, и потомъ въ 1545 и 1551 годахъ.

Германія получила разныя свѣдѣнія о Россіи еще въ 1488 г. отъ Поппеля, а съ 1489 по 1492 — отъ Юрія Траханіота, Халепы, Аксентьева, Кулешина, доктора Торна, Яропкина и Курицына. Въ 1489 году на имперскомъ сеймѣ римскому королю поднесены были собольи, горностаевые и бѣличьи мѣха. Вскорѣ потомъ собольими и бѣличьими мѣхами платили вмѣсто денегъ металлургамъ и другимъ мастерамъ, нанимаемымъ въ Россію. Поппель тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Германію послалъ кого-то на сѣверо-востокъ Россіи, чтобы привезти оттуда одного человѣка изъ племени Вогуловъ, «питающихся сырымъ мясомъ», и живаго лося для германскаго императора Фридриха III. Въ 1492 году пріѣзжалъ въ Москву Михаилъ Снупсъ, чтобы отправиться на Обь и осмотрѣть тамошній край въ географическомъ и вообще въ ученомъ отношеніи. Но царь Іоаннъ Васильевичъ не соизволилъ разрѣшить этого путешествія.

У Рамузіо мы находимъ, что какой-то Русскій, показывая тамошнему ученому карту, объяснялъ, что по Ледовитому морю, можетъ быть, можно проѣхать до острововъ и земель, гдѣ растутъ пряности, т. е. до Индіи. Это могъ быть Василій Власій, возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ изъ Испаніи; а если не онъ, такъ Дмитрій Герасимовъ, бывшій тамъ въ 1525 г. на пути въ Римъ съ Паоло (Centurione), или въ 1526 г. на возвратномъ пути оттуда съ Іоанномъ Францискомъ де Потенціа, назначеннымъ Папою въ епископы города Скары, котораго, впрочемъ, Густавъ Ваза не принялъ.

Что русскіе мѣха во времена Каботовой экспедиціи въ Англіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, издавна были въ большомъ употребленіи, свидѣтельствуютъ многіе изъ англійскихъ портретовъ, а писанные Гансомъ Гольбейномъ между 1526 и 1554 годами. Для примѣра назову здѣсь портреты: епископа кентерберійскаго, Варгема, умершаго 1532 г., канцлера Томаса Мора, казненнаго 1535 г., и королевы Анны Боленъ, казненной 1536 г.

Польская королева Елена Іоанновна, въ концѣ 1503 года, просила отца своего, великаго князя Іоанна Васильевича, прислать ей черныхъ соболей съ передними и задними лапами и съ когтями. Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ ей въ мартѣ 1504 года, что у соболей отрѣзываютъ лапы тамъ, гдѣ ихъ ловятъ, на мѣстѣ, но что онъ далъ приказаніе соотвѣтственно ея желанію и пришлетъ ей соболей тотчасъ по полученіи *).

II. ВТОРАЯ АНГЛІЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ РОССІЮ.

Грамота Филиппа и Маріи къ Іоанну Грозному.—Первые агенты англійской торговли въ Россіи.—Киллинвортъ—Статьи отпуска изъ Англіи и вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами. — Первый привозъ англійскихъ суконъ въ 1557. — Сукно Лундышъ. — Ричардъ Грей въ 1557 г. въ Холмогорахъ и въ 1558 въ Москвѣ.—Ярмонка въ Лампожнѣ—Макарьевѣ своего времени.—Генрихъ Ленъ и свѣдѣнія, сообщенныя имъ о русской торговлѣ.—Христофоръ Гудсонъ въ Нижнемъ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ. — Высокія цѣны Англійскихъ товаровъ; цѣна рубля въ сравненіи съ фунтомъ стерлинговъ. — Въ 1567 Гудсонъ въ Нарвѣ.—Польскіе пираты и взятіе ихъ Вил. Борро — Характеристика Іоанна Грознаго.—Смотръ войскъ и артиллерійскія экзерциціи.—Описаніе царской короны и скипетра. — Томасъ Гаутри и другіе. — Русскія книги въ Англіи.—Пріемъ «корабельныхъ гостей» въ Москвѣ—Проектъ торговыхъ привилегій, но пока еще не утвержденный царемъ.

Въ апрѣлѣ 1555 Чанслеръ снова былъ отравленъ на Эдуардѣ Бонавентурѣ въ Россію. Его снабдили королевскою грамотою отъ 1 апрѣля, отъ имени Филиппа и Маріи къ царю Іоанну Васильевичу, написанною на греческомъ, польскомъ и италіянскомъ языкахъ. Грамота содержала въ себѣ благодарность за благосклонный пріемъ Чанслера въ бытность его въ Москвѣ, и просьбу опять принять его и находящихся при немъ

---

*) Герберштейнъ въ 1527 году везъ съ собою изъ Москвы въ Германію живыхъ горностаевъ и бѣлокъ; но три послѣднія погибли у него дорогой въ Дубровнѣ. «Jch bracht mit mir, пишетъ онъ, Lebendige Feech und Härmel zu nachts undter meinem Pet hat der Harmel drei Feech zu todt gepissen und am genickh ausgefressen».

людей милостиво и оказать покровительство торговлѣ *). Стефенъ Борро на этотъ разъ остался въ Англіи. Бывшій его помощникъ, Джонъ Боклендъ, теперь самъ правилъ кораблемъ. Чанслеръ взялъ съ собою одного изъ своихъ сыновей. Поѣхали также два купца, въ первый разъ назначенные въ торговые агенты въ Россіи. Одинъ изъ нихъ назывался Джорджъ Киллингвортъ, другой Ричардъ Грей.

Киллингвортъ былъ купецъ, торговавшій сукномъ въ Лондонѣ. Компанія разсчитывала тогда особенно на хорошій сбытъ сукна въ Россію. Опытъ показалъ, что она не ошиблась. Въ то время овечья шуба въ Россіи начала уступать кафтану. Въ Лондонѣ сукно, отправляемое въ Россію (broadcloth), обыкновеннаго цвѣта, обходилось компаніи въ 5 фунтовъ ст. 9 шилл. за кусокъ, но алое сукно въ 17 ф. 13 ш. 6 пенсовъ, а тонкое фіолетовое въ 18 ф. 6 ш. 6 п. Рубль ходилъ тогда за 16 шилл. 8 пенс.; но настоящую цѣну его полагали только въ 12 или 13 шиллинговъ. Въ Москвѣ я часто находилъ въ жалованныхъ царскихъ грамотахъ выраженіе «сукно лундышъ»: это значитъ не что иное, какъ «Лондонское сукно». Въ Кембриджѣ я нашелъ рукопись, изъ которой я узналъ, что сортъ суконъ, вывозимыхъ въ Россію, самими англійскими купцами впослѣдствіи

*) Въ англійской черновой этого письма я нахожу подтвержденіе моей догадкѣ о древности одного изъ переводовъ царской грамоты 1554 года, потому что здѣсь встрѣчаются мѣстами тѣ-же самыя выраженія, какъ въ томъ переводѣ, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: Your Maiestie have granted that all marchants with al maner of wares, if they wil travel or occupie within your dominions, the same marchants with their marchandises in al your lordship may freely, and at their libertie travaile out and in without hinderance or any manner of losse: farther that our ambassadours shall with free good will passe to and from you without any hinderance or losse, with such message as shall come unto you, and to return the same to our kingdomes well answered. Итакъ тотъ переводъ былъ оффиціальный, котораго держались при составленіи отвѣта. Изъ этой черновой видно, что въ первое посѣщеніе Москвы Чанслеромъ, вмѣстѣ съ нимъ были на аудіенціи и на обѣдѣ у царя нѣкоторые изъ его спутниковъ, потому что тамъ говорится: your Majestie did call Chancelour and certaine of his company to your emperiall presence and speech, entertayned and banqueted them with all humanitie und gentleness. Изъ королевской привелегіи отъ 26 февраля 1555 видно, что это были купцы, стало быть Дж. Бортонъ и Арт. Эдуардсъ. Lord John Basilivich Emperour of all Russia, did not onely admitte the Captaine and marchants our Subjects into his protection and princely presence, but also received and intertained them very graciously and honourably.

назывался Lundish cloth. Первый значительный отпускъ суконъ изъ Англіи (209 кусковъ) прибылъ на Двину въ 1557 году. Тутъ-же было доставлено 518 кусковъ каразеи изъ Гемпшира, которая въ Лондонѣ стоила 4 ф. 6 ш. за кусокъ. Изъ нихъ не меньше 400 кусковъ было голубаго — вѣроятно, любимаго тогда — цвѣта; изъ остальныхъ кусковъ 43 было синяго, 53 краснаго, 15 зеленаго, 5 инбирнаго, и 2 желтаго. Прислано было также нѣсколько хлопчатобумажныхъ издѣлій (21 кусокъ въ трехъ кипахъ, цѣною въ 9 ф. 10 ш.), оловянной посуды (9 бочекъ), сахару и т. д. Цѣны русскихъ произведеній были тогда въ Лондонѣ: воскъ 4 ф., сало 16 шилл., ленъ отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ; ворвань 9 фунтовъ за тонну. Въ первые годы компанія хотѣла ограничиться преимущественно упомянутыми здѣсь статьями. Коноплю и деготь она предполагала вывозить въ видѣ смоляныхъ канатовъ и веревокъ. Пушной товаръ она брала не безъ разбора; директоръ писалъ: «что касается соболей и другихъ дорогихъ мѣховъ, то они будутъ не всякому по карману». Тотчасъ по прибытіи въ Москву (1555), Киллингвортъ купилъ пять центнеровъ льняной пряжи для отсылки въ Англію, по восьми съ четвертью пенсовъ за фунтъ. Компанія слышала, вѣроятно, отъ Непеи, либо отъ Роберта Беста, что въ Россіи и въ Татаріи обрабатываютъ много стали, и что татарская сталь лучшаго качества. Потому дирекція компаніи просила въ 1557 г. прислать образчики. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, устюжскій и тульскій укладъ. Послѣдній могъ быть названъ татарскимъ потому, что онъ обработывался преимущественно за линіею засѣкъ, которою Россія ограждала себя отъ Татаръ. Во всякомъ случаѣ, въ историческомъ отношеніи замѣчательно, что Англія требовала нѣкогда сталь изъ Россіи. Нѣмецкая сталь была тогда въ Лондонѣ гораздо дороже, чѣмъ въ 1551 году, при уничтоженіи монополіи Ганзы. Въ Лондонъ дошли также слухи, что Россія богата мѣдью; требовали образчиковъ ея и обстоятельныхъ свѣдѣній. Вообще компанія желала получить образцы произведеній не только русской природы и русской промышленности, но и фабричныхъ матеріаловъ, вывозимыхъ изъ Татаріи и Турціи. Въ Лондонъ посланы изъ Москвы три рубля монетой, для опредѣле-

нія настоящей цѣнности. Киллингвортъ только около двухъ лѣтъ завѣдывалъ торговлею въ Москвѣ. Онъ сдѣлалъ поѣздки въ Новгородъ, Псковъ, Холмогоры и т. д. Въ первый пріѣздъ его въ Вологду 1555 одинъ купецъ предлагалъ ему 12 рублей за кусокъ сукна (broadcloth) и 4 алтына за фунтъ сахару: онъ не продалъ за эту цѣну. За наемъ дома въ Вологдѣ, въ которомъ онъ сложилъ наибольшую часть привезенныхъ товаровъ, заплатилъ онъ, отъ половины сентября до Пасхи 1556, десять рублей.

Другой начальникъ торговли, Ричардъ Грей, завѣдывалъ устройствомъ канатной фабрики въ Холмогорахъ, на которую мастеровые присланы были въ 1557 году изъ Лондона. 14 апрѣля 1558 года ему, вмѣстѣ съ Робертомъ Бестомъ, показывали въ Москвѣ царскую корону съ большимъ рубиномъ на стержнѣ, драгоцѣнные камни, впрочемъ большею частію не шлифованные, и царскія одежды, украшенныя крупнымъ жемчугомъ и большими камнями. При этомъ его просили навѣдываться въ Англіи, куда предстояло ему возвратиться, нельзя ли тамъ покупать подобные или еще лучшіе камни, жемчугъ и золототканныя матеріи и т. п. для царской казны. Въ февралѣ 1559 года Грей былъ въ Холмогорахъ и собирался ѣхать на ярмонку въ Лампожню. Мѣстечко это, находившееся на острову, на 18 верстъ выше нынѣшняго уѣзднаго города Мезени, было тогда очень значительно въ торговомъ отношеніи. Это было Макарьевъ своего времени: тамъ происходила мѣна товаровъ, принадлежавшихъ краямъ Россіи по сю сторону Двины, на добычу промысловъ Новой Земли, Вайгача и другихъ острововъ, страны Самоѣдской, Югры и вообще всего извѣстнаго тогда сѣверо-востока. На Лампоженскую ярмонку, которая была дважды въ годъ привозились на оленяхъ, изъ Пустозерска и другихъ мѣстъ, всѣ роды пушныхъ товаровъ, оленьи шкуры, рыбьи, т. е. моржовые зубы. Вымѣненные товары отправлялись чрезъ Пинегу въ Холмогоры, откуда большею частію пріѣзжали русскіе купцы на ярмонку; отсюда назначенные въ отпускъ въ чужіе краи, до открытія двинскаго пути Англичанами, отправлялись въ Новгородъ; а Россія снабжалась ими чрезъ Вологду и Москву. Джонъ Гассе уже въ 1554 г. поставилъ Лампожню между Пи-

негой и Пустозерскомъ (Penninge, Lampas and Powstoser). Онъ говоритъ, что изъ Холмогоръ привозятъ для мѣновой продажи, между прочимъ, сукна, оловянную и мѣдную посуду (cloth, tinne, batrie). Чанслеръ выставляетъ пушной товаръ и говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ «рыбьимъ зубомъ», для продажи привозится на оленяхъ (on harts), въ «Лампасъ», а отсюда закупленное отправляется въ Холмогоры, гдѣ въ Николинъ день бываетъ ярмонка. Адамсъ, на основаніи его разсказовъ, пишетъ, что товары возятся въ Лампожню на спинѣ оленей (Mercimonia cervorum dorsis ad oppidum Lampas feruntur). Чанслеръ не такъ опредѣлительно выразилъ это своимъ «on harts». Но онъ ошибался, если думалъ, что товары навьючиваютъ на оленей: ихъ возили на саняхъ, въ которыя запрягали оленей. Отъ Ричарда Джонсона мы узнаемъ, что въ Лампожнѣ дважды въ годъ была ярмонка. Грей пишетъ, что въ 1559 г. въ Лампожнѣ съѣздъ будетъ больше, чѣмъ въ предыдущіе десять лѣтъ (this lent (1559) cometh to Lampas such a number of men of divers nations with wares, as hath not been seen these ten yeeres); особенно упоминаетъ онъ объ Юграхъ (thither come many out of Ugori): называетъ холмогорскихъ купцовъ, которые туда уже уѣхали, и самъ онъ хотѣлъ туда взять съ собою для обмѣна нѣсколько суконъ (каразеи). Лампожня невѣрно показывается на нашихъ картахъ. Истинное положеніе ея на Лампоженскомъ острову, самомъ южномъ и самомъ большомъ изъ дюжины извѣстныхъ по именамъ островов на рѣкѣ Мезени, дающихъ превосходные луга; неширокая часть этой рѣки, обмывающая острова съ востока, называется здѣсь Курьей Губой. На южномъ концѣ двѣнадцативерстнаго протяженія этого острова лежитъ село Лампожня съ двумя церквами; насупротивъ ея съ запада впадаетъ въ Мезень рѣчка Шукша. Зимняя дорога идетъ отсюда черезъ четыре станціи въ уѣздный городъ Пинегу. Нынѣ въ Лампожнѣ находится волостное правленіе. О древней торговлѣ въ этомъ селеніи надобно бы сдѣлать изслѣдованіе. Можетъ быть, сюда наѣзжали мореходы, ѣздившіе въ Біармію. Говорятъ, что весною, при высокой водѣ, старыя строенія иногда сносятся. Имя Лампожни произошло, по видимому, изъ сложенія съ словомъ: пожня. Въ грамотѣ царя Іоанна В., данной Само-

ѣдамъ 1545, говорится: «Самоѣдцы пріѣзжаютъ на Лампожню торговати съ Русаки... да съ тое жъ деи съ Лампожни Лампожничи даютъ мнѣ великому князю въ казну по три рубли на годъ... и чтобы имъ пріѣзжая на Лампожню торговати было гдѣ ставитися а наддадутъ надъ старымъ оброкомъ полтину» и т. д.

Кромѣ Киллингворта и Грея, съ Чанслеромъ отправлено было еще нѣсколько Англичанъ, большею частію молодыхъ людей, для завѣдыванія торговыми дѣлами въ Москвѣ и во внутреннихъ краяхъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: потому что они оставили намъ свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи русской торговли и о другихъ предметахъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Генрихъ Ленъ (Lane) былъ назначенъ въ 1557 г. третьимъ агентомъ, и мы обязаны ему многими свѣдѣніями объ основаніи англійской торговли. Часть этихъ свѣдѣній записана была имъ самимъ, другая сообщена въ письмахъ, писанныхъ имъ для печати. Сначала онъ былъ назначенъ въ агенты компаніи собственно для Холмогоръ, но потомъ въ томъ-же званіи находился въ Москвѣ. Онъ выѣхалъ изъ Россіи 1560 г.

Ленъ былъ человѣкъ образованный. Онъ сообщилъ разныя свѣдѣнія о первомъ пребываніи Англичанъ въ Россіи, и, что особенно любопытно, описалъ ауедіенцію въ 1555 г., при которой онъ присутствовалъ. Онъ упоминаетъ, что Стефенъ и Вильямъ Борро первые занесли на карту островъ Вайгачъ (an island called Waigatz first by them put into the carde or mappe). При другомъ случаѣ онъ пишетъ, что предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ 1560 г. возникъ между Шираемъ-Костромицкимъ и другими русскими купцами торговый споръ, который рѣшенъ былъ жеребьемъ въ пользу Англійской компаніи. Онъ отправился въ Англію съ Дженкинсономъ. Въ 1566 г. онъ былъ агентомъ компаніи въ Антверпенѣ и Амстердамѣ. Уже за годъ до того Итальянецъ Рафаэль Барберини старался завести торговлю съ Россіею изъ Антверпена; въ 1564 г. Ленъ успѣлъ испросить у царя Іоанна Васильевича на это привилегію. Въ 1567 г., когда въ Англію прибыли русскіе купцы Твердиковъ и Погорѣлой, онъ слу-

жилъ имъ, сколько могъ, толмачемъ на аудіенціи, которую они имѣли у королевы Елизаветы. Впослѣдствіи, именно позднѣе 1582 г., упоминая о мѣхахъ, привезенныхъ ими въ подарокъ отъ царя королевѣ, онъ сильно защищалъ употребленіе мѣховъ, осуждая въ то-же время шелковыя ткани, которыя начали входить въ употребленіе. Столь интересныя для насъ письма Англичанъ изъ Россіи, напечатанныя Гаклейтомъ, сообщены большею частію Леномъ.

Христофоръ Гудсонъ былъ главнымъ агентомъ сперва въ Нижнемъ-Новгородѣ, а потомъ два года въ Москвѣ, гдѣ, какъ видно изъ одного собственноручнаго письма его (къ Сесилю), онъ продавалъ нѣкоторые товары въ двадцать разъ дороже стоимости ихъ для компаніи. Самъ онъ писалъ свою фамилію Hoddesdon. Въ Лондонѣ онъ служилъ купеческимъ прикащикомъ у Джорджа Барнса, а въ Москвѣ прожилъ семь лѣтъ. Упомянутое письмо его я нашелъ въ бумагахъ Пеписа въ Магдалининской коллегіи (Magdalen college), въ Кембриджѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ (Nisnovgorod in the confynes of Russia) продавалъ онъ сукно, стоившее на мѣстѣ со всѣми издержками только шесть фунтовъ стерлинговъ, по семнадцати рублей за кусокъ, что, по собственнымъ словамъ его, составляло на тогдашнія деньги почти тройную цѣну. Стало-быть, рубль почти равенъ былъ фунту стерлинговъ. А въ Москвѣ, по его-же словамъ, товары, стоившіе 6,608 ф. ст., проданы за 13,644, т. е. съ прибылью болѣе ста процентовъ. Въ 1562 году онъ возвратился въ Англію и велъ свою собственную торговлю. Но черезъ четыре года онъ опять понадобился компаніи для расширенія торговли въ Нарвѣ. У меня есть копіи писемъ королевы Елизаветы отъ 16 марта 1566 года къ королямъ датскому и шведскому, которыми она, по причинѣ бывшей тогда войны, испрашиваетъ Гудсону ихъ покровительства. Въ этихъ письмахъ онъ называется: Christophorus Hodesdon, mercator londoniensis, spectatae quidem et probitatis et fidei vir. Елизавета писала объ этомъ къ обоимъ королямъ даже еще раньше, именно 4 декабря 1655 года. Обоихъ завѣряетъ она, что корабли компаніи не будутъ возить къ Московитамъ никакихъ предметовъ, нужныхъ для военныхъ дѣйствій. Въ 1567 г. Гуд-

сонъ опять былъ посланъ въ Нарву, и съ нимъ отправлено на 11,000 ф. ст. сукна, каразеи и соли *). Гудсонъ сообщаетъ, что, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства того времени, онъ доставилъ компаніи сорокъ процентовъ прибыли. Въ 1569 г. онъ ѣздилъ изъ Лондона въ Нарву съ грузомъ товаровъ на трехъ корабляхъ: онъ былъ тамъ главнымъ распорядителемъ заведенной имъ торговли. Съ возвращавшимися кораблями писалъ онъ компаніи, чтобы въ слѣдующую весну (1570) она прислала тринадцать кораблей, которые онъ всѣ надѣется нагрузить товарами. Онъ совѣтовалъ хорошо снабдить корабли огнестрѣльнымъ оружіемъ, потому что на слѣдующее лѣто надобно опасаться множества корсаровъ: въ послѣднее плаваніе въ Нарву самъ онъ встрѣтилъ ихъ нѣсколько. Начальство надъ этой купеческой флотиліей, отправленной по желанію Гудсона, было поручено Вильяму Борро. 10 іюля она дѣйствительно встрѣтила у острова большаго Тютерса (Tuttee) шесть кораблей польскихъ корсаровъ. Одинъ изъ нихъ ушелъ, другой сожженъ, а остальные четыре съ 83 человѣками экипажа Борро привелъ въ Нарву, гдѣ эти плѣнники, за исключеніемъ одного, прежде спасшаго жизнь многимъ Англичанамъ, были выданы воеводѣ. Донесеніе объ этомъ происшествіи къ царю подписано Гудсономъ, какъ начальникомъ факторіи, вмѣстѣ съ Борро. Позднѣе Гудсонъ имѣлъ съ компаніею непріятности: она обвиняла его, что онъ, занимаясь ея дѣлами, производилъ обороты въ свою собственную пользу, и требовала отъ него въ вознагражденіе за то сто фунтовъ штрафа. Объ этомъ писалъ онъ въ письмѣ, найденномъ мною въ Кембриджѣ, къ «Syssel», который въ 1571 сдѣлался лордомъ (барономъ) Борлейгомъ (Burleigh). Гудсонъ упоминаетъ здѣсь, что онъ ѣздилъ въ Россію въ 1553 г., и потомъ черезъ два года, въ 1555, онъ былъ посыланъ изъ Москвы съ сукномъ въ Нижній Новгородъ. Онъ

---

*) Отъ 18 апрѣля этого года директоры компаніи писали изъ Лондона къ тогдашнему агенту своему въ Москвѣ, Вильяму Роулею: «We have sent M. Cristopher Hoodson this yere to the Narve (whome we think to be arrived ther by this time) about 200 clothes, 200 kersaies, seven ships laden with salt and other wares to the valcve of L 11,000 and shippes to the burdon of about 1,300 tonnes ther to be laden and the wares solde and the (w)hole retourne to be made this sommer if it be possible».

сдѣлалъ ошибку: потому что онъ пріѣзжалъ въ Россію только въ 1555 г.

Робертъ Бестъ уже въ 1556—1557 г. былъ въ состояніи служить толмачемъ для нашего посланника Непеи и для Дженкинсона. Первому онъ оказалъ полезныя услуги послѣ кораблекрушенія у шотландскаго берега. По моему мнѣнію, Бесту принадлежитъ сочиненіе одной анонимной записки, напечатанной у Гаклюйта. Эта статья содержитъ въ себѣ описаніе путешествія Непеи и его англійскихъ спутниковъ отъ Никольскаго монастыря въ Москву, также многихъ церемоніальныхъ пріемовъ и обѣдовъ у царя и поѣздки Беста въ богатую Троицко-Сергіеву Лавру; далѣе, заключенія о самомъ царѣ, объ обрядахъ освященія воды и въ вербное воскресенье въ Москвѣ, о крещеніи, бракѣ и погребеніи въ Россіи вообще, и наконецъ изображеніе артиллерійскихъ экзерцицій, которыя тогда каждый годъ бывали въ Москвѣ. Такъ какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то на эти свѣдѣнія мало обращали вниманія, и потому я сообщаю здѣсь нѣкоторыя въ извлеченіи. Слово: царь онъ пишетъ для своихъ соотечественниковъ: Otesare, и говоритъ: «это слово, по объясненію нынѣшнихъ толмачей его величества, значитъ: императоръ, и, стало быть, онъ называется нынѣ императоромъ и великимъ княземъ». Враги, которыхъ у него не мало, боятся его не меньше, чѣмъ жаворонки (larks) сокола (the hobbie, Falco subbuteo)... Я думаю, въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ государя, котораго его подданные, дворянскаго и простаго сословія, боялись бы больше и вмѣстѣ съ тѣмъ больше любили... Онъ не очень любитъ соколиную и псовую охоту и другія забавы, ни инструменты или музыку; но находитъ для себя благороднѣйшее наслажденіе въ двухъ вещахъ: во первыхъ, въ богослуженіи — онъ, безспорно, очень усерденъ въ своей вѣрѣ — и во вторыхъ, какъ бы покорить и завоевать своихъ непріятелей». Такъ описывалъ Англичанинъ царя Іоанна Васильевича въ 1558 году. На стѣнахъ Троицкаго монастыря Бестъ нашелъ пушки (it is walled about withe brick very strongly like a castle and much ordinance of brasse upon the walls of the same), и въ десяти погребахъ огромныя бочки (of an unmeasurable bigness and sise; they conteine six or seven

tunne a piece). Всякую зиму въ Москвѣ бывали пробы огнестрѣльнаго оружія. Тяжелыя орудія привозили на назначенное къ тому мѣсто и стрѣляли въ деревянные дома, нарочно для того построенные и наполненные землею. Изъ ружей стрѣляли въ ледяныя глыбы въ шесть футовъ вышины и два фута толщины, которыя ставились въ рядъ длиною около четверти мили При такихъ опытахъ стрѣльбы Бестъ, вѣроятно, со Стэндишемъ и другими прибывшими тогда въ Москву Англичанами, былъ 12 декабря 1557 г. Царь Іоаннъ Васильевичъ пріѣхалъ туда верхомъ. На головѣ у него была красная шапка, унизанная жемчугомъ и дорогими каменьями, платье было изъ матеріи съ роскошно-вытканными цвѣтами. Бояре и другіе дворяне, въ парчевыхъ одеждахъ, ѣхали впереди его по трое въ рядъ, а въ головѣ поѣзда шло пять тысячъ пищальниковъ, по пяти въ рядъ, каждый съ пищалью на лѣвомъ плечѣ и съ фителемъ въ правой рукѣ. Для пищальниковъ были построены прямо противъ ледяныхъ глыбъ, на разстояніи около 25 саженъ, невысокіе подмостки, на которые они и помѣстились[1]). Когда царь занялъ назначенное ему мѣсто, пищальники начали стрѣлять въ ледъ и продолжали до тѣхъ поръ, пока глыбы не были совсѣмъ разбиты. Потомъ палили изъ мортиръ, затѣмъ изъ тяжелыхъ орудій разбивали дома ядрами. Начинали съ орудій меньшаго калибра и оканчивали самыми большими: это повторено трижды[2]). Кстати замѣчу, что между первымъ и вторымъ пріѣздомъ Чанслера въ Москву от-

---

[1]) The Emperors Majestie and all his nobility came into the field on horse-backe, in most goodly order, having very fine Jennets and Turkie horses garnished' with gold and silver abundantly. The Emperors Majestie having on him a gowne of riche tissue, and a cape of skarlet on his head, set not only with pearles, but also with a great number of rich and costly stones. His noble men were all in gownes of cloth and gold which did ride before him in good order by three and three, and before them there went 5000 harquebusiers, which went by five and five in a rank in very good order, every (one) of them carying his gun upon his left shoulder, and his match in his right hand, and in this order they marched into the field where the ordinance was planted.

[2]) They have faire ordinance of brasse of all sorts, bases, faulcons, minions-sakers, culverings, cannons double and royall, basiliskes long and large, they have six great pieces whose shot is a yard of height, which shot a man may easily discerne as they flee: they have also a great many of morter pieces or potguns, out of which pieces they shoot wild fire.

лита здѣсь, въ сентябрѣ 1554 г., пушка, которая вѣсила 1,200 пудовъ и имѣла отверзтіе въ 15 вершковъ въ поперечникѣ. Въ вылитомъ на ней титулѣ царя Казань значится между Новгородомъ и Псковомъ. Другая пушка была только-что сдѣлана предъ вторымъ пріѣздомъ Чанслера, именно въ сентябрѣ 1555 г. Вѣсу въ ней было 1,020 пудовъ; ея отверзтіе въ 14 вершковъ въ поперечникѣ. Въ царскомъ титулѣ на ней Астрахань стоитъ между Казанью и Псковомъ. Странно, что Чанслеръ разсказываетъ о завоеваніи Астрахани уже по возвращеніи своемъ въ Лондонъ изъ перваго путешествія въ Москву въ 1554 г. Эденъ, въ своемъ переводѣ «Декадъ» Петра Мартира, изданномъ 1555 г., говоритъ: «Въ бытность Ричарда Чанслера въ Москвѣ (1553—1554), царствующій нынѣ великій князь Джонъ Васильичъ покорилъ всѣхъ Татаръ съ ихъ странами и областями даже до великаго и торговаго города Астрахани и Каспійскаго моря». Чанслеръ разумѣлъ, должно быть, предварительное покореніе Астрахани въ 1552 году; о самомъ же взятіи города Астрахани Іоаннъ Васильевичъ получилъ извѣстіе лишь 29 августа 1554 г., а Чанслеръ былъ въ Москвѣ еще въ мартѣ, въ концѣ же августа, по всей вѣроятности, отплылъ уже изъ устья Двины въ Англію. Можно бы еще сослаться на то, что о Чанслерѣ нерѣдко говорятъ, будто онъ трижды пріѣзжалъ въ Россію; это говорится даже въ царской грамотѣ 1570 г. Еслибъ онъ дѣйствительно отъѣзжалъ на короткое время въ Англію какъ-нибудь зимою 1555—1556 года, то все-же книга Эдена тогда была уже напечатана.

Бестъ описываетъ царскую корону, которую ему показывали, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями и нарядами, предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы (14 апрѣля 1558 г.). «Корона его величества» — говоритъ онъ — «съуживается къ верху, весьма изящно сдѣланному (изъ золота), обильно украшена богатыми и дорогими каменьями, между которыми одинъ есть рубинъ, утвержденный на ладонь выше маковки на тонкой проволокѣ; онъ величиною съ хорошій бобъ; корона подбита прекраснымъ чернымъ соболемъ, стоящимъ, какъ говорятъ, сорокъ рублей». О царскомъ скипетрѣ Бестъ говоритъ: «скипетръ работы золотокованной, хорошо убранъ богатыми дра-

гоцѣнными каменьями.» Генрихъ Ленъ разсказываетъ, что одинъ Англичанинъ, ревностный патріотъ (a strong willing englishman) за интересы англійской компаніи, вызвался въ 1560 г. итти съ вышеупомянутыми русскими купцами (Шираемъ Костромицкимъ и др.) на законный кулачный поединокъ. Они отправили чрезъ нее въ Англію русскія произведенія и требовали за нихъ больше, чѣмъ приходилось имъ по счету, составленному агентомъ Леномъ. Вызовъ Беста не былъ принятъ русскими купцами и дѣло рѣшено потомъ жеребьемъ. У меня есть копія письма королевы Елизаветы отъ 21 апрѣля 1565 г. къ доктору Алберту Кнопперу, совѣтнику короля датскаго Фридриха II, которымъ она проситъ его, въ случаѣ нужды, оказать помощь Роберту Бесту и Вильяму Роулею, которые тогда были отправлены Россійскою компаніею въ Нарву съ грузомъ суконъ. Копію письма отъ 24 янв. 1571, привезеннаго Робертомъ Бестомъ, я нашелъ въ публичной библіотекѣ въ Кембриджѣ. Въ немъ Бестъ не названъ по имени. Королева говоритъ: De his singulis caeterisque rebus serenitatem vestram magis certiorem facere poterit is qui has praefert (объ этомъ и о прочемъ можетъ обстоятельнѣе доложить вашей свѣтлости податель сего письма). Въ письмѣ къ шведскому королю Іоанну, которымъ снабженъ былъ Бестъ, онъ не названъ по имени, но означенъ только словами: praesens hic nuncius. Впослѣдствіи, именно въ началѣ 1571 года, Бестъ былъ посыланъ королевою Елизаветою съ письмомъ къ царю Іоанну Васильевичу, который, какъ увидимъ, тогда не очень былъ расположенъ къ королевѣ за то, что не получилъ отъ нея отвѣта на откровенныя объясненія, переданныя ей еще въ 1567 году чрезъ Дженкинсона. Негодуя на то, онъ отнялъ въ 1570 г. у англійской компаніи ея привилегіи. Объ этомъ тотчасъ дано извѣстіе въ Лондонъ и директоры компаніи сдѣлали королевѣ представленіе, въ слѣдствіе чего Робертъ Бестъ немедленно долженъ былъ уѣхать изъ Россіи черезъ Швецію. Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ королевѣ не раньше, какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пожара Москвы, изъ Александровской слободы въ августѣ 1571. Изъ этого письма видно между прочимъ, что онъ самъ говаривалъ съ Робертомъ (Бестомъ). Въ англійскомъ пере-

водѣ читается: having asked your ambassador Robert he hath spoken unto us by the same words that were wrytten in your letter and we have caused annswere to be gyven unto hym upon his talke accordinge, as we have wrytten unto you in our letter. Дальнѣйшія подробности будутъ на своемъ мѣстѣ.

Томасъ Гаутри былъ нѣкоторое время агентомъ компаніи въ Вологдѣ. Въ Англіи мнѣ случалось встрѣчать нѣкоторыя напоминанія объ немъ. Въ библіотекѣ Троицкой коллегіи (Trinity college) я нашелъ рукописную книжечку, принадлежавшую этому Гаутри въ Вологдѣ. Она содержитъ: 1) *Начало ученія дѣтямъ и* 2) Nauka krótka ku czytaniu pisma polskiego. Рукою Гаутри подписано: Thomas Hawthree of London mar channt of the Moscowia. Потомъ другою рукою: So sayeth the worthie merchant of the Winchcombe with the winching paynted spoons and brass cups. Это одна изъ книгъ, значащихся въ Catalogus librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae (1697) за № 626, подъ заглавіемъ: 3 Books in the Russian language. Между рукописями Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ я нашелъ книжку, подъ заглавіемъ: *Сказанія книгъ дѣяній апостольскихъ написана Лукою Еванъелистомъ.* Здѣсь Гаутри подписалъ (разумѣется, по Англійски): *Эта книга стоитъ одинъ рубль одинъ алтынъ и двѣ д(енги); писана въ Холмогорахъ, переплетена въ Вологдѣ 7 ноября 1557 года.* Эта книжка подарена Оксфордской библіотекѣ лейбъ-медикомъ Елизаветы, докторомъ Лансело (Lancelot) Броуномъ. Въ упомянутомъ каталогѣ она стоитъ за № 2903, подъ заглавіемъ: Liber lingua Russica seu Moscovitica MS. Такъ какъ Гаутри вскорѣ послѣ 1557 года пріѣзжалъ въ Англію, то, вѣроятно, онъ въ то время оставилъ эти книжки своимъ друзьямъ и знакомымъ на память. Въ 1560 г. онъ опять пріѣхалъ въ Россію. Въ 1567 году онъ, вмѣстѣ съ Дженкинсономъ, скрѣпилъ своею подписью переводъ испрошенныхъ тогда привилегій, сдѣланный Раффомъ Руттеромъ (Raffe Rutter); черезъ годъ послѣ того, въ 1568, онъ названъ въ письмѣ королевы Елизаветы къ царю отъ 16 сентября въ числѣ тѣхъ, которые отъ имени компаніи торгуютъ въ свою пользу. Въ томъ-же числѣ поименованъ и Николай Чанслеръ (единственный сынъ Ричарда Чанслера). Въ Ашмолевомъ музеѣ въ

Оксфордѣ я нашемъ еще нѣсколько замѣтокъ, писанныхъ въ Холмогорахъ, въ 1557 г. По разсказу Третьяка Афнутія Собойлова (Trytiak Afnuti of Coboylove), вода въ Переяславскомъ озерѣ 16 мая (1557) три раза прибывала, вслѣдствіе чего совершенъ былъ крестный ходъ и проч. 13 іюня въ Холмогорахъ при сильномъ жарѣ свирѣпствовала страшная буря. Она разразилась въ разныхъ мѣстахъ, произвела пожаръ и побила людей въ слободѣ и въ царскомъ насадѣ (in a nosad of themperors) и т. д. Я упоминаю объ этомъ потому, что случайно мы имѣемъ свѣдѣніе о состояніи погоды въ то-же самое время на 2° 34′ дальше къ сѣверу, у восточнаго края лапландскаго берега, у Трехъ Острововъ. Стефенъ Борро, бывшій тогда съ братомъ своимъ Вильямомъ въ экспедиціи для отысканія кораблей: Confidentia, Esperanza и Philipp and Mary, не пришедшихъ въ Англію, пишетъ въ своемъ журналѣ, что 10 іюня вечеромъ у мыса Орлова (который онъ называетъ Cap Race), при бурѣ съ сѣвера, послѣ сильнаго тумана сдѣлалось такъ холодно, что паруса и канаты обледенѣли, и слава Богу, что они могли добраться до Трехъ Острововъ, бывшихъ за двѣ мили отъ нихъ къ югу, и стали тамъ на якорѣ. Буря и холодъ были не только до 13 числа, въ которое въ Архангельскѣ былъ сильный зной, но продолжались до 16 іюня: по причинѣ накопившагося льда Борро нашелъ возможность отплыть только на слѣдующій день.

Извѣстно также имя Ричарда Джодда (Judde), вѣроятно, родственника серу Андрею Джодду, дѣятельному члену компаніи въ Лондонѣ.

Кромѣ поименованныхъ агентовъ, въ первый разъ уже съ Чанслеромъ пріѣхали въ Россію слѣдующія лица: а) Артуръ Эдуардсъ, купецъ, ѣздившій черезъ Россію въ Персію сперва въ 1565 г. съ Ричардомъ Джонсономъ и потомъ въ 1579; въ этомъ-же году онъ кончилъ свою жизнь въ Астрахани. б) Ричардъ Джонсонъ. Въ 1556 г. онъ совершилъ, говорятъ, поѣздку на Вайгачъ съ Борро. Въ началѣ 1557 онъ былъ у Самоѣдовъ, а въ началѣ 1558 въ Новгородѣ. Въ тотъ же годъ онъ ѣздилъ съ Дженкинсономъ въ Бухарію, а послѣ, въ 1565, былъ начальникомъ третьей экспедиціи въ Персію.

в) Джонъ Седжвикъ, закупавшій 1557—1558 ленъ и коноплю въ Новгородѣ. Онъ платилъ полтора рубля за берковецъ конопли, а за бѣлый ленъ — три рубля. Въ Вологдѣ конопля стоила два съ полтиной — за берковецъ. г) Эдуардъ Прайсъ, если это имя то-же, что Пасси, какъ замѣчено выше (стр. 24, прим. 1).

Кромѣ Эдуарда Бонавентуры, былъ еще посланъ изъ Лондона корабль: «Филиппъ и Марія», подъ командою капитана Джона Гоулета (Howlet). На этомъ кораблѣ находился Джонъ Брукъ (Brooke), которому поручено было изслѣдовать, нельзя ли въ Вардэгусѣ основать пунктъ для англійской торговли. Прибылъ ли этотъ корабль въ устье Двины, нигдѣ опредѣленно не говорится. А Эдуардъ вошелъ въ нее 23 іюня. Его грузъ былъ перевезенъ на судахъ, нанятыхъ въ Холмогорахъ, въ Вологду, куда они прибыли 11 сентября. Часть Англичанъ должна была остановиться здѣсь, а Чанслеръ отправился въ Москву, куда и прибылъ 4 октября. Киллингвортъ пишетъ, что онъ, Чанслеръ, Ленъ, Прайсъ и Бестъ пріѣхали въ Москву въ одно время. Но Ленъ вмѣсто двухъ послѣднихъ называетъ Эдуардса. Я нашелъ еще письмо Гудсона отъ 7 ноября 1555 г. изъ Ярославля. Онъ пишетъ, что въ этотъ день было на рынкѣ до трехъ тысячъ осетровъ (sturgeons) и одного онъ купилъ за семь алтынъ. Въ Данцигѣ онъ платилъ за осетра худшаго качества девять марокъ: это былъ, конечно, Acipenser Sturio *Линн.*, а наши были большею частію, безъ сомнѣнія, Acipenser Güldenstädtii *Brandt.*

Дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый пригласилъ главныя лица къ себѣ на домъ, принялъ очень вѣжливо, спросилъ у нихъ королевскую грамоту для предварительнаго просмотра, назначилъ имъ помѣщеніе и содержаніе и исходатайствовалъ на 10 октября аудіенцію, на которой они поднесли царю письмо Филиппа и Маріи. Отправленные царю дары*) еще не были привезены и только объявлены. Отправка была поручена

*) Сахаръ и «Hollocke» (?). Послѣдняго впрочемъ не удалось привести въ Москву: сани, на которыхъ везли его, дорогою опрокинулись и бочка разбилась.

одному дворянину въ Вологдѣ (можетъ-быть Непѣѣ). Въ 1555 г. зима стала очень поздно; погода была такая теплая, какой не помнили самые долговѣчные старожилы. Потому дорога въ ноябрѣ была еще очень плоха и англійскіе товары должны были долго лежать въ Вологдѣ. Киллингвортъ пишетъ, что царь каждому изъ нихъ подавалъ руку, а по словамъ Лена, онъ допускалъ ихъ къ рукѣ. Послѣ аудіенціи Англичане приглашены были къ обѣду, на которомъ былъ митрополитъ Макарій. Ихъ называли «корабельными гостями» и посадили за столомъ насупротивъ царя, который потчивалъ ихъ разными кушаньями и напитками, называя каждаго по имени (а не по фамиліи). Послѣ обѣда царь подозвалъ ихъ къ себѣ и угощалъ напитками. При этомъ случаѣ онъ любовался прекрасной, густой и окладистой бѣлокурой бородой Киллингворта, которая, по свидѣтельству Лена, была въ два фута и два дюйма длиною. Царь указалъ на нее митрополиту Макарію, и тотъ замѣтилъ, что это «Божій даръ». Въ наше время довольно странно слышать, что въ Москвѣ удивлялись бородѣ Англичанина. Герберштейна на аудіенціи въ 1527 г. великій князь Василій Іоанновичъ, обрившій себѣ бороду по вступленіи во второй бракъ, спросилъ: брилъ ли онъ когда-нибудь свою бороду. Герберштейнъ понялъ и тотчасъ отвѣтилъ: «брилъ».

О грамотѣ Филиппа и Маріи въ архивской лѣтописи говорится: «въ грамотахъ писалъ (цѣсарѣва Карлусова сынъ аглинскій Филипъ король и его королева Марія) ко царю и великому князю съ великою любовію и похвалою и царемъ его благочестивымъ нарѣцая во многихъ государствахъ и челомъ бьетъ испрошеніемъ о всякой добре». Царь хорошо принялъ эту грамоту, и Чанслеръ съ Килингвортомъ принялись обдумывать мѣры, чтобы утвердить англійскую торговлю въ Россіи на твердомъ основаніи и получить обширнѣйшія торговыя привилегіи, въ чемъ имъ радушно содѣйствовали возведенный тогда въ окольничіе Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ и еще болѣе дьякъ Висковатый. У послѣдняго нерѣдко бывали для разсужденія объ этомъ дѣлѣ собранія, на которыхъ присутствовали и русскіе купцы. Найдено нужнымъ тотчасъ основать факторіи въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ.

Обыкновенно думаютъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ, въ слѣдствіе ходатайства Чанслера и Киллингворта, въ 1555 и 1556 гг. подтвердилъ новымъ документомъ прежнія привиллегіи Англичанъ на свободную торговлю безъ таможни и пошлинъ, и даровалъ многія личныя преимущества. Но положительнаго доказательства на это не имѣется. Я не могъ найти оригинала царской привилегіи 1555 или 1556 года. Что же выдаютъ за привилегію, дарованную лондонской компаніи въ 1555 г. и что въ такомъ значеніи выставлено у Гаклейта, то, очевидно, надобно считать только проектомъ или предложеніемъ, написаннымъ Англичанами. Дѣйствительно, въ письмѣ отъ 27 ноября 1555 г., отправленномъ при содѣйствіи Висковатаго чрезъ Данцигъ въ Лондонъ, Киллингвортъ говоритъ: «Италіянцы совѣтовали намъ остерегаться того, кому мы поручили сдѣлать копію съ привилегій, которыя мы желали бы имѣть, чтобы на русскомъ языкѣ не было написано иначе, чѣмъ у насъ. Такимъ образомъ сперва Русскій написалъ намъ сокращенное изложеніе для царя, въ которомъ было сказано, что мы желаемъ рѣшительныхъ привилегій; дьякъ, посмотрѣвъ это изложеніе, представилъ его царю, и когда мы опять явились къ нему, его величество (his grace) приказалъ намъ самимъ написать наши мысли, а онъ посмотритъ; такъ мы и сдѣлали. Но его величество такъ озабоченъ приготовленіями къ войнѣ, что мы не имѣемъ еще никакого отвѣта». Ниже онъ, намекая на привилегію, изъявляетъ только надежду вскорѣ получить ее [1]).

Преимущества, изложенныя въ запискѣ, почитаемой за оффиціальную привилегію, значительны. О свободѣ торговли въ ней говорится: «Мы даруемъ полную волю и право производить всякаго рода торговлю свободно и покойно безъ всякаго стѣсненія, препятствія, пошлинъ, налоговъ, стѣснительныхъ формъ, и т. д. [2]).

[1]) If wee were dispatched heere of that we tary for, as I doubt not but we shalbe shortly (you know what I meane) then as soon as we have made sale, I doe intend to goe to Novogrode and to Plesko, whence all the great number of the best tow flaxe cometh и т. д.

[2]) Without any restraint, impeachment, price, exaction, prest, straight costume, toll, imposition or subsidie to be demanded, taxed or paid, or at ony time hereafter to be demanded, taxed, set, levied or inferred upon them и. т. д.

III. ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ.

Третья экспедиція Англичанъ въ Россію и неудачная попытка на дальнѣйшее сѣверо-восточное плаваніе. — Русскій лоцманъ на англійскомъ суднѣ. — Возвращеніе англійскихъ кораблей изъ Бѣлаго моря и отправленіе дворянина Осипа Непѣи въ Лондонъ (1556). — Кораблекрушеніе у шотландскаго берега: гибель Чанслера и нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты Непѣи. — Экспедиція Ст. Борро для развѣдокъ объ отплывшихъ корабляхъ. — Затруднительное положеніе Непѣи въ Шотландіи, и мѣры, принятыя англійскою королевою. — Встрѣча и пребываніе Непѣи въ Лондонѣ. — Пріемъ при дворѣ. — Банкетъ, данный Россійскою компаніею въ честь Непѣи. — Грамота Филиппа и Маріи къ Іоанну В. — Возвращеніе Непѣи и прибытіе Дженкинсона съ мастеровыми и торговыми людьми (1557).

—

Согласно инструкціи, данной лондонскою компаніею, «Эдуардъ Бонавентура», подъ начальствомъ Джона Бокленда, возвратился въ Англію лѣтомъ 1555 года. Если прахъ Уилльби былъ перевезенъ на родину, то всего скорѣе это могло быть теперь. Въ слѣдующую весну, именно въ концѣ апрѣля 1556 г., этотъ корабль опять былъ отправленъ въ Россію, съ товарами и съ новымъ экипажемъ для кораблей Уилльби: «Bona Ésperanza» и «Bona Confidentia» (и опять на погибель!). Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ корабль «Philipp and Mary», въ прошломъ же году возвратившійся въ Англію. Тѣ два корабля, бывъ снабжены у о. Нокуева новымъ экипажемъ, приведены были къ устью Двины.

Джонъ Боклендъ былъ капитаномъ «Эдуарда», а Стефену Борро велѣно просто ѣхать съ нимъ до Вардэгуса. Оттуда «Эдуардъ» съ Боклендомъ долженъ былъ продолжать плаваніе, а Борро поручено, на данномъ ему для этой цѣли суднѣ (Pinasse), предпринять путешествіе на востокъ, для открытія путей, и достигнуть по крайней мѣрѣ Оби.

Въ этой экспедиціи, снаряженной Каботомъ совокупно съ обществомъ, теперь уже сформировавшимся и привилегированнымъ, Стефена Борро сопровождалъ младшій братъ его, Вильямъ, который участвовалъ уже въ экспедиціи 1553 года, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, и въ послѣдствіи также пріобрѣлъ извѣстность въ Англійскомъ мореходствѣ, и какъ братъ его Стефенъ *).

Съ нимъ отправилось еще восемь особъ. Если въ числѣ ихъ былъ Ричардъ Джонсонъ, то надо полагать, что онъ возвратился въ Лондонъ зимою 1555 — 1556 г.

9 іюня Стефенъ Борро вошелъ на суднѣ Searchthrift не далеко въ Кольскій заливъ, который онъ называетъ рѣкою Колой. Здѣсь онъ починивалъ свое судно, а потомъ, и по уходѣ, принужденъ былъ противными вѣтрами опять воротиться туда

---

*) Прежде они писали свою фамилію: Abourough. Вильямъ привезъ къ намъ въ 1566 г. Дженкинсона (см. ниже). Съ ними же позднѣе прибылъ на Двину англійскій посланникъ Томасъ Рандольфъ съ своею многочисленною свитой. Я видѣлъ инструкцію, собственноручно написанную Вильямомъ Борро для Джемса Басендина (иначе Bassington), Джемса Вудкока (Woodkocke) и Ричарда Броуна, которымъ поручено было совершить въ 1569 г. путешествіе для розысковъ на востокъ отъ Печоры. Гаклейтъ ошибочно ставитъ подъ этой инструкціей 1 августа 1588: вмѣсто этого года долженъ стоять 1568. Въ 1570 году, какъ уже сказано выше, онъ велъ тринадцать купеческихъ кораблей въ Нарву и на пути взялъ нѣсколько корсарскихъ кораблей. Аделунгъ ошибочно говоритъ, что при этомъ былъ Христофоръ Годсдонъ. Въ 1574 и 1575 Вильямъ Борро былъ агентомъ компаніи въ Россіи. Онъ ѣздилъ отъ Никольской пристани въ Москву, отсюда въ Нарву, потомъ обратно къ Никольскому монастырю и составилъ карту Россіи, посвященную имъ королевѣ Елизаветѣ. Въ посвященіи онъ говоритъ: «Каждое мѣсто поставлено въ настоящей долготѣ и широтѣ, какъ до-сихъ-поръ никто еще не дѣлалъ». Вильямъ Борро, бывавшій и во Франціи въ Рошелѣ, во многихъ случаяхъ давалъ совѣты Россійской компаніи, по ея желанію, на пр. 1576, о торговлѣ съ Нарвой и Колой, равно и съ другими мѣстами лапландскаго поморья, о наилучшемъ времени отправленія кораблей въ Никольскую пристань. Когда въ 1580 году Петъ и Джекманъ предприняли путешествіе въ Китай, онъ составилъ для нихъ инструкцію. Въ англійскомъ морскомъ управленіи онъ занималъ мѣсто контролера (Comptroller of the Navy). Сынъ Стефена Борро, Христофоръ ѣздилъ въ 1579 — 1581 гг. съ Артуромъ Эдуардсомъ и съ 21 другихъ лицъ черезъ Астрахань (гдѣ Эдуардсъ умеръ) въ Персію. Въ 1584 онъ возвратился въ Англію. Въ 1587 г. къ его мнѣнію прибѣгала Muscovia Company во время раздоровъ между ея агентами.

и пробыть до 22 іюня: въ это время вблизи его судна собралось множество людей, отправлявшихся на моржовый промыселъ и на ловъ лососей въ море противъ устья Печоры. Вмѣстѣ съ ними и онъ вышелъ изъ Кольскаго залива.

Путешествіе Борро на Вайгачъ *) довольно извѣстно и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на его описаніи; но я не могу не замолвить слова въ оправданіе одного честнаго русскаго моряка того времени, на котораго недавно наведенъ ложный свѣтъ по ошибкѣ отъ недостаточнаго знанія русскаго языка, въ Эрмановомъ нѣмецкомъ переводѣ превосходной книги адмирала Литке. Въ числѣ мореходовъ, съ которыми Борро познакомился во время своей стоянки въ Кольскомъ заливѣ, былъ нѣкто, по имени Гаврила, изъ духовнаго званія, который, нанявшись къ нему въ лоцмана, по русскому добродушію, старался услуживать чужестранцу всѣми мѣрами, и дѣйствительно былъ для него существенно полезенъ. Борро говоритъ о нашемъ Гаврилѣ на многихъ страницахъ своего путеваго журнала, воздавая ему полную справедливость. Адмиралъ Литке, совокупляя все это въ одинъ взглядъ, говоритъ: «Борро не могъ нахвалиться услужливостью сего Гаврилы». А въ переводѣ Эрмана вышло: «не могъ похвалиться (или точнѣе: «Борро не очень былъ доволенъ услужливостью Гаврилы» hatte sich der Dienstfertigkeit dieses Gawrilo nicht sehr zu erfreuen).

Побывавъ не только на Вайгачѣ, но достигнувъ даже береговъ Новой-Земли, Стефенъ Борро 22 августа принужденъ былъ отказаться итти далѣе и 11 сентября возвратился въ Холмогоры, откладывая попытку достигнуть Оби до весны 1557 года. Мы увидимъ, почему онъ не исполнилъ этого намѣренія.

Ричардъ Джонсонъ, который, какъ полагаютъ, сопутствовалъ Борро въ этой экспедиціи, въ началѣ 1557 года былъ у Самоѣдовъ и впослѣдствіи описалъ мнимыя ихъ чародѣйства. Онъ сообщилъ также нѣкоторыя географическія свѣдѣнія: такъ

---

*) Онъ составилъ карту этого путешествія, которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла. Въ Англіи я встрѣтилъ только бѣглый очеркъ положенія Вайгача наскоро набросанный его рукою, и не преминулъ скопировать его.

наприм. онъ говоритъ: «На востокѣ-сѣверовостокѣ Россіи лежитъ Лампожня, гдѣ Русскіе, Татары и Самоѣды съѣзжаются дважды въ годъ и промѣниваютъ товары на товары. Къ сѣверовостоку отъ Лампожни лежитъ страна Самоѣдовъ, по рѣкѣ Печорѣ. А къ сѣверовостоку отъ рѣки Печоры лежитъ Вайгачъ. Противъ Вайгача лежитъ страна, называемая Новою Землею, которая велика, но мы вовсе не видали народа, а видѣли бѣлыхъ лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей: тамъ мы довольно потерпѣли». Изъ этихъ словъ видно, что онъ дѣйствительно былъ тамъ.

Въ іюлѣ 1556 года при устьѣ Двины стояли на якорѣ вышеупомянутые нами четыре англійскіе корабля. Именно: Эдуардъ Бонавентура и Philipp and Mary только-что прибыли изъ Англіи, а Bona Esperanza и Bona Confidentia снабжены новой прислугой въ Нокуевскомъ заливѣ.

2 августа всѣ четыре корабля вмѣстѣ отплыли въ Англію. На Эдуардѣ Бонавентурѣ, подъ управленіемъ Джона Бокленда, находился, вмѣстѣ съ Ричардомъ Чанслеромъ и его сыномъ, вологодскій дворянинъ Осипъ Григорьевичъ Непѣя*), отправленный (въ первый разъ) посланникомъ отъ царя Іоанна Васильевича къ Филиппу и Маріи, со свитой изъ шестнадцати человѣкъ Русскихъ: царь отпустилъ его изъ Москвы еще 25 марта. Купеческій прикащикъ Робертъ Бестъ служилъ ему толмачомъ. На Эсперанцѣ ѣхали два холмогорскіе купца, вышеупомянутый градской голова Фофанъ Макаровъ и Михаило Григорьевъ съ восемью Русскихъ, чтобы завести прямыя торговыя связи съ Англіей. На Эдуардѣ Бонавентурѣ было нагружено русскихъ товаровъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Непѣѣ и помянутымъ двумъ холмогорскимъ купцамъ, на двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, на Эсперанцѣ — на шесть тысячъ. Какъ Эсперанца, такъ и Конфиденція и Philipp and Mary были въ Сѣверномъ морѣ прибиты бурею къ Норвежскому берегу у Дронтгейма. Тамъ Конфиденція, на кото-

*) А не Неѣловъ, какъ пишетъ Полевой. Онъ избранъ былъ въ посольство, вѣроятно, потому, что въ Вологдѣ предположено было основать англійскій торговый домъ.

рой въ 1553—1554 погибъ весь экипажъ отъ холода, разбилась о камень и погибла со всѣмъ грузомъ и экипажемъ. Объ Эсперанцѣ, на которой Ю Уилльби погибъ съ своими спутниками, а теперь плыло десять человѣкъ Русскихъ, кромѣ четырнадцати Англичанъ, никогда не могли узнать, гдѣ этотъ корабль, по уходѣ изъ Дронтгеймскаго Ѳіорда, потерпѣлъ кораблекрушеніе, и мы не можемъ даже приблизительно указать мѣсто, гдѣ поглощены были океаномъ русскіе купцы, въ первый разъ хотѣвшіе побывать въ Лондонѣ.

Эдуардъ Бонавентура, послѣ долгаго странствованія по прихоти вѣтровъ, былъ наконецъ прибитъ къ шотландскому берегу и 10 ноября бросилъ якорь въ бухтѣ при Питслиго у сѣвернаго берега Эбердиншира. Ночью якорь не выдержалъ и корабль разбился, при чемъ Ричардъ Чанслеръ съ своимъ сыномъ и семью Русскими изъ свиты Непѣи, пустившіеся къ берегу на ботѣ, потонули; но посланникъ какимъ-то чудомъ спасся. Капитанъ корабля, Джонъ Боклендъ, равно и Робертъ Бестъ, толмачъ Непѣи, также избѣжали гибели. Почти весь грузъ, въ томъ числѣ и подарки царя королю и королевѣ — прекрасный соколъ съ охотничьими снарядами и дорогой мѣхъ — погибли; всего же болѣе достойна сожалѣнія утрата свѣдѣній, которыя Чанслеръ и его спутники собрали о нашемъ отечествѣ съ іюня 1555 до августа 1556 года.

Такъ кончили свое поприще первые три корабля, посланные въ 1553 г. изъ Англіи: два изъ нихъ, на которыхъ весь экипажъ погибъ отъ холода въ Нокуевской Губѣ, были поглощены океаномъ; съ третьяго едва спаслась только часть людей. Корабли, вмерзавшіе зимою, вѣроятно, сильно страдали отъ того, что ихъ не очищали отъ льда. По предложенію Кабота передъ отъѣздомъ, ихъ обшили свинцомъ, чтобы предотвратить вредное дѣйствіе морской воды. Это были первые корабли, обшитые такимъ образомъ въ Англіи; но въ Испаніи это дѣлалось уже прежде.

Philipp and Mary зимовалъ въ гавани у Дронтгейма. Онъ прибылъ въ Темзу 18 апрѣля 1557 года, когда его считали давно погибшимъ.

Въ декабрѣ 1556 года о судьбѣ Эдуарда Бонавентуры

дано знать въ Лондонъ черезъ письма; но о трехъ другихъ корабляхъ, вышедшихъ изъ устья Двины 2 августа, не было никакихъ слуховъ. Объ этомъ, вѣроятно, дано было знать зимою въ Холмогоры, вслѣдствіе чего Стефенъ Борро весною 1557 года пустился на поиски ихъ по берегамъ Лапландіи, и вотъ почему не состоялась вторая его экспедиція за Новую Землю къ рѣкѣ Оби.

Надобно замѣтить, что эти поиски отнюдь не были возложены на Стефена Борро изъ Лондона. Напротивъ того, директоры компаніи писали въ маѣ 1557 года, чтобы онъ во всякомъ случаѣ предпринялъ плаваніе къ Оби. «Мы узнали» — говорится въ этомъ письмѣ — «что Стефенъ Борро воротился съ Searchthrift изъ своего путешествія для открытій, и зимуетъ въ Холмогорахъ, намѣреваясь въ будущемъ іюнѣ отплыть для поисковъ рѣки Оби. Молимъ Бога о помощи ему и надѣемся имѣть отъ него въ этотъ годъ добрыя вѣсти... Желаемъ, чтобы Стефенъ Борро продолжалъ свое путешествіе для открытій.» Но, послѣ прошлогодняго опыта, Борро какъ будто потерялъ охоту еще разъ отважиться на восточное путешествіе. Въ 1560 году онъ управлялъ однимъ изъ трехъ кораблей (по имени Swallow), отправленныхъ на Двину изъ Темзы. Артуръ Петъ былъ тогда капитаномъ корабля Jesus. При этомъ случаѣ прибылъ въ Россію Николай Чанслеръ, единственный сынъ погибшаго Ричарда Чанслера. О плаваніи Борро на Двину въ 1569 г. было уже упомянуто. Въ Англіи онъ былъ однимъ изъ надзирателей надъ кораблями въ Medway Water, гдѣ въ числѣ другихъ мѣстностей находится Чатамъ.

23 мая 1557 года, Стефенъ Борро, опять въ сопровожденіи своего брата Вильяма, вышелъ на суднѣ Searchthrift изъ Холмогоръ въ море, плылъ отъ Святаго Носа близъ лапландскихъ береговъ и 28 іюня достигъ Вардегусской бухты, не видавъ никакого слѣда отыскиваемыхъ кораблей и не получивъ никакого объ нихъ слуха. На возвратномъ пути сильный противный вѣтеръ принудилъ его зайти въ заливъ у западной оконечности полуострова Рыбачьяго. Здѣсь нашелъ онъ судно изъ Дронтгейма и узналъ отъ его владѣльца, сына тамошняго бургомистра, о несчастіи, постигшемъ корабль Bona Confidentia. На

этомъ суднѣ были паруса, выброшенные съ мачтою на берегъ въ Дронтгеймскомъ Фіордѣ. Ему сказали еще, что Philipp and Mary зимовалъ у Дронтгейма и въ мартѣ отправился въ Англію, куда и прибылъ, какъ мы видѣли, благополучно (18 апрѣля).

Непѣя, послѣ кораблекрушенія въ Шотландіи, долженъ былъ бороться съ большими непріятностями. Толмачъ его, Бестъ, конечно, былъ ему весьма полезенъ. Когда 3 декабря извѣстіе о бѣдствіи корабля получено было компаніей, объ этомъ донесено было королевѣ Маріи. Королева (ея супругъ былъ тогда въ отъѣздѣ на материкъ) писала ко вдовствующей шотландской королевѣ Маріи, матери Маріи Стюартъ, и просила ее оказать помощь Непѣѣ и его спутникамъ. Для той же цѣли отправлены были изъ Лондона докторъ правъ Лоренсъ Госси (Hussie) и Джорджъ Джильпинъ съ толмачемъ (Talmatsch or Speachman). Эти лица встрѣтили Непѣю 23 декабря уже въ Эдинбургѣ, гдѣ и представили письмо своей королевы правительницѣ Шотландіи. Послѣдняя приказала отправить герольда съ нѣсколькими коммиссарами на бухту Питслиго, чтобы сберечь выкидываемыя водою вещи съ корабля отъ расхищенія. Но эта помощь явилась поздно: спасены лишь бездѣлицы; цѣнныя же вещи пропали. Непѣя, въ сопровожденіи двухъ помянутыхъ лондонскихъ господъ, отправился 14 февраля 1557 года изъ Эдинбурга; 18 февраля вступилъ онъ на англійскую почву у Бервика на Твидѣ и здѣсь былъ встрѣченъ лордомъ Томасомъ Уартономъ (Wharton), командиромъ (Warden) восточной части шотландскихъ границъ. 27 февраля въ двѣнадцати миляхъ отъ Лондона онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ осьмнадцатью купцами, выѣхавшими верхомъ, которые проводили его въ домъ одного изъ нихъ, находившійся въ четырехъ миляхъ отъ Лондона, гдѣ Непѣя, принявъ разные подарки, поднесенные ему, переночевалъ. 28 февраля его встрѣтили, при Эйлингтонѣ, лордъ-виконтъ Монтегю съ лордомъ-маіоромъ и двумя альдерменами въ красномъ платьѣ и въ сопровожденіи ста сорока человѣкъ членовъ Россійской компаніи и многочисленной прислуги, и привѣтствовавъ его отъ имени королевы, сопровождали до Лондона. Дорогой, для его развлеченія, импровизированъ былъ провожавшими родъ охо-

ты на лисицъ. Отъ заставы Сити (на сѣверной сторонѣ отъ Смитфильда) виконтъ Монтегю и лордъ-маіоръ Томасъ Офлей (Offley) ѣхали по обѣ стороны Непѣи до дома купца Джона Диммока на улицѣ Фенчорчь (Fenchurch), назначеннаго ему для жительства.

Англійскіе историки пишутъ, что Непѣя жилъ въ Denmarkhouse. Но такого дома не было. Я полагаю, что Denmark есть ошибочное чтеніе слова Dimmock. Джонъ Диммокъ, родомъ изъ Нижней Германіи, принадлежалъ въ Лондонѣ къ гильдіи суконныхъ торговцевъ. Въ царствованіе Генриха VIII и Эдуарда VI онъ исполнялъ разныя порученія правительства на материкѣ Европы. Я видѣлъ письмо къ нему отъ его брата изъ Антверпена отъ 16 марта 1538 года, въ которомъ говорится о покупкѣ пороха и тогдашнихъ ружей, называемыхъ halfe huckboshes (пищали). Въ 1548 году, вмѣстѣ съ посланникомъ Филиппомъ Гобби, тайно производилъ онъ въ Фрисландіи наборъ двухъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, которыхъ предполагали употребить противъ Шотландіи: за годъ до того было уже двѣ тысячи человѣкъ завербовано. Онъ любилъ услуживать иностраннымъ посланникамъ въ Лондонѣ. Въ январѣ 1561 г. онъ предпринялъ, съ разрѣшенія королевы Елизаветы, путешествіе въ Швецію для продажи королю Эриху VIII нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. При этомъ случаѣ онъ имѣлъ смѣлость представить королю возможность снова искать руки королевы Елизаветы, хотя объ этомъ прекращены уже были всѣ переговоры. Онъ велѣлъ художнику, котораго привезъ съ собою, написать портретъ короля и внушилъ королю послать королевѣ подарки. Елизавета, узнавъ объ этомъ отъ шведскаго посланника Діонисія Беуррѐуса, велѣла Диммока, тотчасъ по возвращеніи его, посадить подъ арестъ, и 22 іюня 1561 г. писала Эриху, что она не давала никакихъ порученій Диммоку. Отсюда объясняется, почему Сесиль поручилъ 21 іюля того же года лорду-маіору Лондона уничтожить всѣ картины въ книгахъ, которыя представляютъ портреты Елизаветы и Эриха. Въ декабрѣ 1565 г. Елизавета еще разъ писала къ Эриху, чтобы онъ повелѣлъ заплатить сумму, причитающуюся за нѣкоторыя вещи, Диммоку, который сидѣлъ тогда въ долговой тюрмѣ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Филиппа изъ Фландріи (бывшемъ отнюдь не 20 мая, какъ пишутъ во многихъ книгахъ, между прочимъ и въ L'art vérifier les dates etc.), именно 25 марта, Непѣя былъ приглашенъ въ Вестминстерскій дворецъ. Лордъ Монтегю проводилъ его по Темзѣ на красивомъ яликѣ до Вестминстерской набережной лѣсницы, гдѣ послѣ построенъ былъ мостъ. Здѣсь встрѣтили его шесть лордовъ и привели въ парадныя залы, гдѣ его, до принятія въ королевской ауедіенцъ-залѣ, должны были занимать первые сановники королевства. Это были государственный канцлеръ архіепископъ іоркскій Николай Гетъ (Heath), государственный казначей маркизъ Вильямъ Паулетъ, хранитель королевской печати баронъ Вильямъ Педжетъ, великій адміралъ баронъ эффингемскій Вильямъ Говардъ и епископъ элійскій Томасъ Тирльби (Thirleby). На аудіенціи Непѣя поднесъ королю и королевѣ грамоту царя Іоанна Васильевича, сказалъ краткую рѣчь, которая была повторена по-англійски (можетъ быть, Робертомъ Бестомъ) и по-испански, и представилъ два сорока собольихъ мѣховъ (привезенныхъ, можетъ быть, Чанслеромъ въ 1554 г.). По окончаніи аудіенціи, Непѣя тѣмъ же путемъ возвратился въ Сити.

Не смотря на всѣ поиски, я не могъ найти этой грамоты ни въ оригиналѣ, ни въ спискѣ или въ переводѣ. Въ отвѣтѣ Филиппа и Маріи, писанномъ на латинскомъ языкѣ секретаремъ по этому языку, Роджеромъ Эшемомъ (Asham), сказано, что грамота царя исполнена увѣреній въ дружествѣ. «Мы получили письмо ваше, исполненное любви и дружбы, привезенное достолюбезнымъ мужемъ Осипомъ Непѣею... Мы увидѣли изъ вашего письма, что вы даровали нашимъ купцамъ и другимъ нашимъ англійскимъ подданнымъ, производящимъ торговлю въ какой-либо части вашихъ владѣній, привилегіи, льготы и обезпеченія» *).

*) Accepimus litteras vestras, amoris et amicitie plenas per dilectum virum (а не vestrum, какъ написалъ переписчикъ для А. Тургенева) nuntium et legatum Osiph Nepeam (а не Epea, какъ стоитъ въ томъ же спискѣ) ad nos delatas... Intelligimus... ex litteris vestris... vos de vestra liberalitate varia privilegia, libertates et munitates mercatoribus nostris et aliis etiam nostri Anglie subditis qui in aliqua ditionis Vestre parte mercaturam exercent dedisse et concessisse.

Черезъ два дня послѣ аудіенціи, Непѣю посѣтили въ его квартирѣ Томасъ Тирльби и первый секретарь ихъ величествъ Вильямъ Петеръ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Эти два лица разумѣются въ письмѣ къ царю, тамъ, гдѣ говорится о совѣтникахъ: Fecimus ut que ab illo (Nepeja) vestro nomine proponebantur, per certos nostros consiliarios quibus negotium ut cum illo tractarent prolixe et diligenter perpenderentur. 23 апрѣля Непея имѣлъ прощальную аудіенцію, на которую онъ введенъ былъ графомъ шрюберійскимъ Тальботомъ и лордомъ Ломлеемъ. Послѣ того онъ былъ еще въ присутствіи ихъ величествъ и въ сопровожденіи герцога норфолькскаго, Томаса Говарда, равно и помянутыхъ, на праздникѣ ордена Подвязки. 29 того же апрѣля члены Россійской компаніи дали ему балъ въ залахъ гильдіи суконьщиковъ (Drapers-Hall), въ Трогмортоновой улицѣ (a notable supper, garnished with musicke, enterludes and bankets). Когда пили за здоровье Непѣи, ему было объявлено, что компанія принимаетъ на себя всѣ издержки его пути и пребыванія въ Шотландіи и Англіи. Современникъ, описавшій то, что сдѣлано Россійскою компаніею для Непѣи, прибавляетъ: «ничего подобнаго не бывало въ прежнія времена, ни въ исторіи».

1 мая Томасъ Тирльби и Вильямъ Петеръ принесли Непеѣ грамоту короля и королевы къ царю Іоанну, и назначенные ему, равно и самому Непѣѣ, подарки. Она, какъ я сказалъ, писана на латинскомъ языкѣ и сочинена Роджеромъ Эшемомъ. Въ ней говорится: «Надѣемся, что основаніе взаимной дружбы, хорошо и счастливо положенное и утвержденное такимъ образомъ, принесетъ великіе и обильные плоды, какъ братской нашей и нашихъ преемниковъ любви и крѣпкой дружбы, такъ и связи непрерывною между нашими подданными торговлею. И съ великою надеждою полагаемъ, что какъ Богъ по безпредѣльной своей благости и милости открылъ въ наши времена этотъ морской путь и прежде неизвѣстное плаваніе, такъ и на будущее время онъ обратитъ этотъ путь и будетъ споспѣшествовать ему въ честь и славу своего имени, къ возрастанію христіанской католической церкви, къ общественной пользѣ и во благо подданныхъ обѣихъ сторонъ и государствъ... И какъ по-

сланникъ вашъ Осипъ Непѣя, ведшій себя у насъ въ своемъ посольствѣ разумно и разсудительно, уже рѣшился возвратиться къ вамъ, то онъ можетъ отлично изложить самъ и, надѣемся, подробно изложитъ, съ какимъ расположеніемъ пребываемъ мы въ этой новой открытой связи между нашими и вашими подданными и между областями и городами обоихъ государствъ»[1]).

Кромѣ разныхъ матерій и суконъ, царю были подарены превосходныя латы съ шишакомъ, обложеннымъ кармазиннымъ бархатомъ и позолоченными иглами (a notable pair of Brigandines vith a Murrion covered with crimson velvet and gilt nailes). Еще отправлена была чета живыхъ львовъ.

Впрочемъ, подъ конецъ пребыванія Непѣи въ Лондонѣ, члены Россійской компаніи были имъ не совсѣмъ довольны. Въ припискѣ отъ 10 мая 1557 года къ письму, отправленному къ своимъ московскимъ агентамъ уже раньше, они говорятъ: «Теперь мы находимъ посланника уже не такъ доступнымъ убѣжденію, какъ надѣялись прежде. Онъ очень недовѣрчивъ и думаетъ, что каждый хочетъ обмануть его. Потому вы должны внимательно обдумать, какъ намъ поступать съ нимъ или съ кѣмъ-либо другимъ подобнымъ и дѣлать торговыя условія чисто, записывая ихъ на бумагу».

3 мая Непѣя выѣхалъ изъ Лондона въ Гревзендъ, чтобы оттуда отплыть въ Россію на кораблѣ Primerose[2]).

---

[1]) Speramus hoc fundamentum mutue amicitie hoc modo bene et feliciter jactum et stabilitum magnos et uberes fructus tum fraterni inter nos et successores nostros amoris et amicitie firme tum perpetui inter subditos nostros commercii coniunctionem allaturum. Et in magnam spem adducimus fore ut sicut Deus ex sua infinita bonitate et favore nostris temporibus hanc mari viam et navigationem antea incognitam aperuit sic etiam imposterum in suum honorem et gloriam ad incrementum christiane et catholice Religionis, ad publicum commodum et utriusque partis subditorum et regnorum bonum sit eam conservaturus et prosperaturus.—Et aquoniam vester legatus Osiph Nepea, qui se hic apud nos in sua legatione prudenter et considerate gessit, jam ad vos redire instituit, qui optime exponere potest, et ut speramus prolixe vobis exponet, quo animo sumus erga hoc commercium nuper inter nostros vestrosque subditos et utriusque ditionis regna et urbes repertum.

[2]) Это былъ одинъ изъ трехъ кораблей, о спускѣ которыхъ король Эдуардъ VI, во время пребыванія въ Детфордѣ, упомянулъ въ своемъ дневникѣ подъ 6 іюля 1551. 12 августа 1553 г. Праймрозъ отплылъ вмѣстѣ съ кораблемъ

Вмѣстѣ съ Непѣей ѣхали въ Россію изъ Англіи ловкій и дѣятельный агентъ, извѣстный Антоній Дженкинсонъ, который и послѣ пріѣзжалъ къ намъ нѣсколько разъ. Робертъ Бестъ опять былъ толмачемъ. Ѣхалъ также врачъ (докторъ Стэндишъ), аптекарь и нѣсколько разныхъ ремесленниковъ. Два бочара должны были готовить бочки для отправки въ Англію ворвани, сала и другихъ предметовъ. Въ числѣ спасенныхъ съ Эдуарда Бонавентуры вещей, привезенныхъ въ Лондонъ 10 мая 1557 года, были русскія бочки: эти бочки оказались лучше англійскихъ, которыхъ также отправлено было 140 штукъ, частію въ доскахъ, съ отплывавшими кораблями на Двину. Эта отправка сдѣлана была изъ предосторожности: директоры компаніи, какъ писали они, не знали навѣрное, есть ли въ Россіи достаточное количество лѣсу, годнаго для бочекъ!

Семь мастеровъ канатнаго и веревочнаго дѣла (главный назывался Робертъ Бонтингъ, Bunting) присланы были для заведенія канатнаго двора, и выдѣлыванія всякаго рода канатовъ и веревокъ, для отвоза въ Англію, гдѣ они были тогда въ высокой цѣнѣ. Пріѣхали также скорнякъ Аллардъ, для сортированія пушнаго товара, и нѣкто Леонардъ Бріанъ, чтобы развѣдать, есть ли въ «Перміи или Печорѣ» тисъ (Taxus baccata), годный для вывоза въ Англію. Объ этомъ директоры Россійской компаніи писали: «Мы слышали, что въ странѣ Перміи или около Печоры множество тису, равно и въ странѣ Угорской: желательно бы развѣдать объ этомъ, потому что этотъ родъ дерева особенно нуженъ для нашего государства. Для этого мы посылаемъ къ вамъ молодаго человѣка, по имени Леонарда Бріана, который имѣетъ нѣкоторыя познанія въ лѣсномъ товарѣ, чтобы онъ показалъ вамъ, какъ рубить и колоть этотъ лѣсъ. Такимъ образомъ наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вы, если есть тамъ запасъ и если онъ окажется хорошимъ,

---

Leon и пинкою (Pinasse) Моn изъ Портсмута въ Гвинею. Эта экспедиція была снаряжена Барнсомъ и Гарретомъ вскорѣ послѣ китайской экспедиціи, которая достигла нашихъ береговъ. Оба корабля даны были королемъ. Странно, что эту экспедицію, не достигшую своей цѣли по неисправности капитана Уайндгема (Wyndham), не разъ смѣшивали, и смѣшиваютъ даже Страйпъ (Strype) и Камбель, съ путешествіемъ Уилльби.

заготовили хорошее количество на будущій годъ къ пріѣзду нашихъ кораблей. Пусть одинъ изъ бочаровъ поѣдетъ съ Бріаномъ рубить и колоть тисъ, какъ ему тамъ будетъ угодно». Листья русской пихты (Abies sibirica) такъ похожи на тисовые, что ее называли Yew-leaved Fir. Замѣчу кстати, что во время третьей экспедиціи въ Персію (1565—1567) Англичане много видѣли тису у Шамахи, гдѣ изъ нея дѣлали луки. Артуръ Эдуардсъ писалъ объ этомъ отъ 26 апрѣля 1565 г. въ Лондонъ: «Должно вамъ знать, что здѣсь множество тису для обручей. Я велѣлъ купить три воза, чтобы дознаться правды; но деревья были срублены въ текущемъ апрѣлѣ, когда въ нихъ былъ сокъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я не упускалъ говорить тамошнимъ жителямъ, чтобы они навезли мнѣ этого дерева. Вашъ агентъ пошлетъ вамъ его для образчика». Такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ тисъ не растетъ, то надобно полагать, что за тисъ принялъ кто-нибудь пихту (Abies sibirica *Ledeb.*), дерево однородное съ елью (Pinus picea) и похожее листьями на тисъ. Эту ошибку, можетъ быть, надобно приписать нашему Непѣѣ, который могъ видѣть тисъ въ Англіи зимою и слѣдовательно безъ плода, и зная русскую пихту, сказалъ, что такое дерево растетъ въ Россіи.

На помянутыхъ корабляхъ въ Россію отправлено было также десять человѣкъ молодыхъ людей для изученія торговли. Въ числѣ ихъ находился Томасъ Алькокъ (Alkock), котораго уже зимою отправили обратно въ Англію чрезъ Смоленскъ и Данцигъ; но онъ задержанъ былъ въ Польшѣ. Тамъ онъ объявилъ, что посланъ въ Лондонъ съ порученіемъ снарядить въ будущую весну 1558 г. корабль, чтобы еще разъ попытаться найти дорогу въ Китай, и какъ зима тепла, то на сѣверномъ морѣ будетъ меньше пловучихъ льдовъ, и потому можно ожидать хорошаго результата. Въ упрекъ ему говорили, что Англичане возятъ въ Россію много военныхъ снарядовъ (thousandes of ordinance, as also of harneis, swordes, with other munitions of warre, artificers, copper etc). Онъ отвѣчалъ, что Англичане привезли въ Россію только сотню старыхъ панцырей, кое-какъ исправленныхъ (such olde thinges newe scowred as no man in Englande woulde weare). У Алькока было сорокъ алтынъ рус-

скою монетою, которыхъ большую половину послали съ нимъ изъ Москвы Англичане для передачи на память своимъ родственникамъ; а онъ пишетъ, что эти монеты у него отняты. Подумаешь, что алтыны были биты уже въ 1557 г., между тѣмъ, сколько я знаю, ни въ одномъ собраніи нѣтъ ни одного алтына того времени. Вышеупомянутый агентъ Ричардъ Грей послалъ своей женѣ и дочери двѣ болгарскія монеты. Отъ 26 декабря 1558 королева Елизавета писала объ Алькокѣ къ польскому королю Сигизмунду, равно и къ его намѣстнику въ Литвѣ и къ виленскому губернатору, и просила ихъ отпустить Алькока. Въ январѣ 1560 онъ, по дорогѣ въ Россію, находился въ Стокгольмѣ: ѣхать черезъ Польшу ему было не дозволено.

Вмѣстѣ съ Непѣей возвратились въ отечество и тѣ изъ русскихъ его спутниковъ, которымъ удалось спастись отъ кораблекрушенія у береговъ Шотландіи. Ихъ уцѣлѣло девять человѣкъ, и намъ остались слѣдующія имена ихъ: Исакъ Иващенко (Iwesscheneke), Дмитрій, Ермолай (Gorbolones), Семенъ, Ерофей, Степанъ, Лука, Андрей и Фома.

Не смотря на испытанное въ послѣднюю поѣздку кораблекрушеніе, Джонъ Боклендъ не побоялся взять въ свое распоряженіе корабль Primrose, на которомъ отправлялись Непѣя и Дженкинсонъ. Въ продолженіе этого плаванія, Primrose былъ адмиральскимъ кораблемъ и Дженкинсонъ считался на немъ капитаномъ; кромѣ того онъ носилъ титулъ Captaine general of the flote. Кромѣ этого корабля, тогда же отплыли къ намъ еще три: John Evangelist, Anna и Trinitie, подъ начальствомъ Лауренса Роундаля (Roundall), Давида Филли (Philly) и Джона Робинса. О товарахъ, привезенныхъ этими кораблями, я уже говорилъ. При самомъ началѣ плаванія Primrose едва не погибъ. Опасались также непріятностей въ Вардэгусѣ Потому для Непѣи была не малая радость, когда онъ ступилъ наконецъ на твердую землю у монастыря Св. Николая: это было 12 іюля. Онъ пробылъ тамъ съ другими, прибывшими изъ Англіи, недѣлю. Потомъ всѣ они, исключая Дженкинсона, отправились въ путь въ Москву, куда прибыли 12 сентября, и 14 имѣли аудіенцію, на которой цѣловали у царя правую руку; а послѣ приглашены были къ обѣду.

Черезъ два дня царь прислалъ доктору Стэндишу и прочимъ новоприбывшимъ англичанамъ по лошади для ѣзды по городу. 18 сентября Стэндишь получилъ соболью шубу. 1 октября онъ опять обѣдалъ у царя; 11-го получилъ 70 рублей, а аптекарь и прочіе по 30. 3 ноября, потомъ 6 и 25 декабря 1557 и 6 января 1558 онъ опять обѣдалъ у царя.

IV. ПОПЫТКИ АНГЛИЧАНЪ — ИЗЪ РОССІИ ПРОНИКНУТЬ НА ВОСТОКЪ СУХИМЪ ПУТЕМЪ, ПРИ СОДѢЙСТВІИ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Путевыя замѣтки Дженкинсона и прибытіе его въ Москву въ 1557 г. — Неудачная экспедиція проникнуть въ Китай чрезъ Бухарію 1558. — Возвращеніе Дженкинсона въ Москву (1559) и въ Лондонъ (1560). — Вторичный пріѣздъ его въ Москву (1561) и экспедиція въ Персію 1562—1563. — Третій пріѣздъ Дженкинсона въ Москву 1566, для противодѣйствія Рафаэлю Барберини, агенту антверпенскихъ купцовъ. — Свѣдѣнія о Барберини и его «Записка о Московіи». — Условія союзнаго договора съ Англіей, предложенныя царемъ Іоанномъ В. — Привилегія, данная царемъ лондонской компаніи на торговлю въ Россіи 1567.

Дженкинсонъ, отправивъ корабли изъ устья Двины обратно въ Англію 1 августа, 3 числа этого мѣсяца пріѣхалъ въ Холмогоры, отсюда отплылъ на небольшомъ ботѣ вверхъ по Двинѣ, и въ тотъ-же день сдѣлалъ замѣтку объ алебастровыхъ горахъ при впаденіи Пинеги и о сосновыхъ деревьяхъ, лежащихъ тамъ на землѣ съ незапамятныхъ временъ (pine apple trees lying along within the ground, which by report have lien since Noes flood). Между Пинегой и Емцомъ, видѣлъ онъ дехтярное и смоляное производства и выдѣлку поташа. При Тотьмѣ и Сухонѣ онъ описываетъ трудность плаванія на насадахъ и дощаникахъ, которые употреблялись для перевозки соли отъ мѣста выварки на берегу моря въ Вологду. На пути изъ Холмогоръ до Вологды не заходилъ онъ ни въ одинъ домъ: топоръ, кремень съ огнивомъ и котелъ были при немъ неразлучно. 1 декабря онъ отправился изъ Вологды на саняхъ, чрезъ Ярославль, Ростовъ и Переяславль въ Москву, и прибылъ туда 6

декабря. Въ этотъ праздникъ было уже поздно представляться ко двору: онъ имѣлъ аудіенцію въ Рождество Христово и обѣдалъ у царя. Изъ его записокъ не видно, чтобы на этомъ обѣдѣ были другія лица, прибывшія изъ Англіи. 6 января (1558) онъ въ русскомъ платьѣ былъ на освященіи воды: царь узналъ его и опять пригласилъ къ себѣ обѣдать Во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ (12 апрѣля) онъ опять обѣдалъ у царя вмѣстѣ съ Ричардомъ Греемъ и, вѣроятно, съ Робертомъ Бестомъ и док. Стэндишемъ. Послѣ обѣда испросилъ онъ соизволеніе царя на предположенную имъ экспедицію въ Китай, которая, впрочемъ, окончилась Бухаріей.

Цѣлью его отправленія въ Россію была именно эта экспедиція. Когда попытка Борро проникнуть моремъ какъ можно дальше на востокъ осталась безъ успѣха, стали думать, нельзя ли достигнуть Китая сухимъ путемъ и именно чрезъ Бухарію? На западъ доходили слухи, что изъ Китая ходятъ въ Бухарію караваны.

Выборъ предводителя этой экспедиціи естественнымъ образомъ палъ на такого бывалаго и многосторонно образованнаго человѣка, каковъ былъ Дженкинсонъ. Въ ноябрѣ 1553 г., въ то время какъ Чанслеръ въ первый разъ былъ на Двинѣ, Дженкинсонъ находился въ Алеппо. Ему мы обязаны любопытнымъ описаніемъ сильнаго войска, которое султанъ велъ противъ Персіи. Изъ тысячи пажей въ золототканныхъ одеждахъ половина вооружена была пищалями, другая луками и стрѣлами. «За великимъ Туркомъ слѣдовали шесть молодыхъ женщинъ верхомъ на бѣлыхъ лошадяхъ...., съ небольшими луками въ рукахъ; около каждой по сторонамъ было по два эвнуха» и пр.

Проектъ Дженкинсона понравился царю Іоанну. Безъ просьбы со стороны королевы Елизаветы, онъ не только изъявилъ свое соизволеніе на проѣздъ чрезъ недавно покоренное царство Астраханское, но и далъ повелѣніе всѣмъ воеводамъ вдоль Волги оказывать Дженкинсону вспоможеніе; кромѣ того царь снабдилъ его рекомендаціями къ владѣтельнымъ особамъ по ту сторону Каспійскаго моря.

Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Москвы 23 апрѣля 1558 г.

По Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани его сопровождали Ричардъ и Робертъ Джонсоны. На этомъ пути онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ много любопытнаго. Страну между Казанью и Камой по лѣвую сторону Волги онъ называетъ Vachen. Миллеръ (S. R. G. VII, 435) говоритъ: «Я не умѣю объяснить этого имени; однакожь надобно замѣтить его, потому что оно, можетъ быть, для другихъ послужитъ поводомъ къ изысканіямъ». Можно подивиться, что исторіографъ «Вотяковъ» не узналъ Вятчанъ въ англійскомъ правописаніи этого имени. Въ другомъ мѣстѣ, Дженкинсонъ, исчисляя свои путешествія, пишетъ Vachin. Точно такъ-же пишется въ его картѣ Россіи, уже въ 1562 г. изданной въ Лондонѣ. Здѣсь видно, что область, которую онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, не простирается до Волги, а лежитъ по рѣкѣ Вяткѣ.

Изъ Астрахани Дженкинсонъ поплылъ черезъ Каспійское море, на которомъ до сихъ поръ еще не развѣвалось христіанскаго флага (у Дженкинсона онъ представлялъ красный Георгіевскій крестъ), и добрался до Бухаріи. Тамъ онъ узналъ, что сообщеніе съ Китаемъ, по причинѣ военныхъ тревогъ, прекращено уже три года; это заставило его отказаться отъ своего плана. 2 сентября 1559 г. онъ опять былъ въ Москвѣ, черезъ два дня имѣлъ у царя аудіенцію, допущенъ имъ къ рукѣ, поднесъ ему хвостъ яка изъ Китая и татарскій бубенъ; затѣмъ приглашенъ былъ къ обѣду. 9 мая (1560) онъ пріѣхалъ въ Холмогоры и вскорѣ отплылъ оттуда съ Генрихомъ Леномъ въ Англію. Мѣсто Лена въ Москвѣ занялъ Томасъ Гловеръ; онъ былъ агентомъ компаніи до 1566 года; но потомъ измѣнилъ ей, выпросивъ себѣ съ нѣкоторыми другими лицами особенную привилегію на торговлю. Сынъ его, Томасъ Гловеръ, былъ впослѣдствіи англійскимъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Въ слѣдующій 1561 годъ Дженкинсонъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву. Теперь цѣлью его была Персія. Ему поручено было также отправить кого-нибудь (на-пр Ричарда Джонсона) изъ Холмогоръ на востокъ сухимъ путемъ: потому что отъ Русскихъ будто-бы слышали, что, черезъ тридцать или сорокъ дней пути туда, пріѣдешь къ открытому морю. Изъ этого

предположенія ничего не вышло. Странствованія Англичанъ на востокъ простирались тогда отъ Холмогоръ черезъ Пинегу только до Лампожни и Мезенской слободы (230 верстъ), куда съѣзжались для торговъ Самоѣды, и потомъ отъ Лампожни вдоль Мезени черезъ Погорѣльскую и Зезапольскую въ Юрому (115 верстъ), гдѣ они закупали для Англіи лосинныя кожи.

Дженкинсонъ прибылъ къ Двинѣ на кораблѣ the Swallow. Компанія прислала съ нимъ запертый сундукъ съ драгоцѣнными вещами, которыхъ часть назначена была въ подарокъ царю и его старшему сыну Іоанну. Въ сундукѣ были драгоцѣнные камни, золототканныя матеріи, алое сукно и т. д, Королева Елизавета, грамотой отъ 25 апрѣля (на латинскомъ языкѣ), благодарила царя за благосклонный пріемъ, оказанный Дженкинсону, и за содѣйствіе его предпріятіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила царя, чтобы онъ продолжилъ Дженкинсону, теперь уже состоящему на ея службѣ (nostrum jam famulatum), свое милостивое покровительство и снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ персидскому шаху Тамаспу. Такое письмо къ послѣднему она и сама дала Дженкинсону *).

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 20 августа, когда Іоаннъ Васильевичъ готовился вступить въ бракъ съ прекрасною черкешенкою Марьею Темрюковной, и когда вслѣдствіе того, въ теченіе трехъ дней, по всему городу ворота были заперты и никто изъ жителей, тамошнихъ и пріѣзжихъ, не смѣлъ выйти изъ дому. Дженкинсонъ, говоря объ этомъ, прибавляетъ: «the cause thereof unto this day not being known». Такъ какъ онъ упорно отказывался выпустить изъ рукъ письмо королевы до представленія его царю лично, то ему стали дѣлать проволочки; не смотря на то, онъ впослѣдствіи добился

*) Я имѣлъ въ рукахъ слѣдующее объ этомъ распоряженіе хранителя королевской печати, Николая Бекона: «Primo Junii 1561. To Thomas Cotton the under Clerk of the Hanaper in the Court of Chancery. — Ye shall allowe for certaine lace myngled with gold and silver putt to several letters patents sent by the Quenes Majestie as well to the Emperour of Russia as to the Sophie which lace amounteth in yards to the number of viij after the rate of vj s. viij d. for every yard and this letter shalbe your discharge. N. Bacon.» Этотъ Беконъ былъ, какъ извѣстно, отецъ (лорда) Франсиса Бекона, которому было тогда четыре мѣсяца.

аудіенціи у царя и былъ имъ приглашенъ къ обѣду. На счетъ отправленія въ Персію ему опять стали дѣлать затрудненія, и онъ взялъ уже паспортъ на обратный путь въ Англію, какъ вдругъ, благодаря ходатайству Непѣи, дѣло получило желанный оборотъ. 15 марта 1562 онъ вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ опять обѣдалъ у царя, который не только снабдилъ его обѣщанными рекомендательными письмами, но и почтилъ разными порученіями.

27 апрѣля онъ оставилъ Москву и вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ ѣхалъ внизъ по Волгѣ Его сопровождалъ англичанинъ Эдуардъ Кларкъ. Заключенный предъ тѣмъ миръ съ Турками былъ причиною того, что усилія Дженкинсона завести торговыя дѣла Англіи съ Персіею не вполнѣ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что Персія получала тогда сукна и другіе товары чрезъ Турцію. 20 августа 1563 года Дженкинсонъ возвратился въ Москву. Онъ здалъ въ казну купленные для царя драгоцѣнные камни и шелковыя ткани, и далъ отчетъ о исполненіи другихъ порученій. Царь изъявилъ ему свое полное удовольствіе и обѣщалъ впредь давать ему свои порученія.

Пользуясь расположеніемъ царя, Дженкинсонъ испросилъ новую привилегію, провелъ зиму въ Москвѣ, послалъ Эдуарда Кларка сухимъ путемъ въ Англію, оправилъ 10 мая 1564 новую экспедицію въ Персію, оставилъ Москву 28 іюня, сѣлъ на корабль (опять the Swallow) при устьѣ Двины и 18 сентября прибылъ въ Лондонъ.

Помянутая экспедиція въ Персію возложена была на Томаса Алькока, Джорджа Ренна (Wrenne) и Ричарда Чейни (Cheinie). Путешествіе водою началось теперь не отъ Москвы, а отъ Ярославля. Алькокъ былъ убитъ близъ Шамахи. Въ 1565 г. отправлена была агентомъ Гловеромъ экспедиція въ Персію подъ начальствомъ Ричарда Джонсона, а Артуръ Эдуардсъ, бывшій гораздо способнѣе Джонсона, сдѣлался его подчиненнымъ. Директоры компаніи писали 1567: «Удивляемся, что Ричардъ Джонсонъ отправленъ въ Персію начальникомъ экспедиціи, тогда какъ, по нашему мнѣнію, онъ не способенъ къ этой должности или, по крайней мѣрѣ, не такъ

способенъ, какъ другой». Они требовали, чтобы экспедиція составила карту Каспійскаго моря. «Намъ желательно имѣть морскую карту, составленную на основаніи плаванія по Каспійскому морю съ письменнымъ показаніемъ курсовъ, глубинъ, примѣтъ, опасныхъ мѣстъ, измѣненій компаса и широты мѣстъ, качества пристаней.... Пусть Джонсонъ составитъ карту Каспійскаго моря и плаванія внизъ по Волгѣ». Для путешествія 1565 г. построено было судно въ Ярославлѣ, а для будущихъ поѣздокъ Эдуардсъ предлагалъ построить бо̀льшаго размѣра, выписавъ для этого мастера изъ Англіи.

4 мая 1566 г. Дженкинсонъ опять былъ къ намъ отправленъ и прибылъ на Двину 10 іюня на кораблѣ Harry. 26 іюня писалъ онъ изъ Холмогоръ къ Вильяму Сесилю чрезъ Вильяма Борро, возвращавшагося тогда съ кораблями. Онъ сообщаетъ ему разныя новости о политическихъ дѣлахъ Россіи и о дѣлахъ царя. Между прочимъ онъ пишетъ, что царь строитъ крѣпость, величиною въ 2400 саженъ; камень на эту постройку возятъ изъ-за 500 миль; перевозка его стоитъ по 12 пфеннинговъ за центнеръ. Это былъ Вологодскій кремль. Дженкинсонъ послалъ Сесилю съ Борро лося (a strange beast called a loysche and bred in the country of Casan in Tartarie). Мимоходомъ замѣчу, что въ первые годы холмогорскіе агенты нерѣдко посылали директорамъ компаніи лосей и бѣлыхъ медвѣдей за рѣдкость. Съ 1559 г. на это требовалось разрѣшеніе царя.

Главною причиною новой поѣздки Дженкинсона были домогательства итальянца Рафаэля Барберини, жителя города Антверпена, который все еще былъ значительнѣйшимъ торговымъ мѣстомъ. Онъ былъ дядей знаменитому папѣ Урбану VIII. Въ 1564 г. онъ добился отъ королевы Елизаветы рекомендательнаго письма къ царю Іоанну Васильевичу. Другое письмо, впрочемъ не столь ему полезное, получилъ онъ отъ Филиппа II, короля испанскаго (и бывшаго англійскаго). Съ этими рекомендаціями онъ явился въ Москву лѣтомъ 1564. Одинъ торговый домъ въ Антверпенѣ условился съ нимъ дѣлиться пополамъ барышами, если ему удастся выхлопотать у царя привилегію на свободную торговлю съ Россіей. Царь не только согласился на это, но и помогъ ему получить такія-же

милости отъ датскаго короля Фридриха II и отъ шведскаго Эриха XIV. Лѣтомъ 1565, едва успѣлъ Барберини возвратиться въ Антверпенъ, какъ оттуда отправленъ былъ въ Нарву корабль (съ солью и съ серебряною монетой). Англичане донесли объ этомъ въ Лондонъ и директоры компаніи доложили о томъ королевѣ. Вслѣдствіе того, теперь, съ Дженкинсономъ Елизавета писала (отъ 20 апрѣля 1566) къ Іоанну Васильевичу, что въ Барберини она рекомендовала ему только путешественника, но отнюдь не купца.

Рафаэль Барберини былъ младшій сынъ Карла Барберини. Братъ его, Францъ, былъ ученый юристъ и жилъ въ Римѣ. Онъ занимался воспитаніемъ дѣтей своего брата, Антонія, изъ которыхъ старшій, Мафей, достигъ высшихъ духовныхъ степеней и въ 1623 г. возведенъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. 10 іюня 1564 г. Рафаэль писалъ изъ Антверпена къ Францу въ Римъ: «Скажу вамъ вкратцѣ, какой случай представился мнѣ ѣхать въ Московію, чтобы устроивать дѣла съ ея государемъ, за что мнѣ подарено на первый разъ 400 D. (?) и предоставлена половинная доля отъ этого дѣла». Онъ просилъ брата: «Не говорите никому, что я поѣхалъ въ Швецію за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ моего собственнаго, какъ я писалъ всѣмъ и каждому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родныхъ, чтобы не помѣшалъ кто моему проекту.... Я отправляюсь въ Ивановъ день».

Въ Англіи я нашелъ черновое письмо королевы Елизаветы къ Іоанну Васильевичу отъ 20 іюня 1564 г. Она пишетъ: «Ваше особенное къ намъ и къ нашимъ (подданнымъ) расположеніе даетъ намъ поводъ въ настоящее время рекомендовать этимъ письмомъ вашему величеству Рафаэля Барберина, хотя итальянца, но по нѣкоторымъ причинамъ очень намъ угоднаго. Итакъ просимъ, чтобы ваше величество оказывали сему человѣку благосклонность, какъ вашею милостію и благоволеніемъ, такъ, если понадобится, и вашею властію и повелѣніемъ, а ваши подданные оказывали бы ему человѣколюбіе, и чтобы ему и его людямъ со всѣмъ добромъ свободно и безопасно было ѣздить по вашимъ царствамъ и областямъ, проѣзжать и оставаться въ

нихъ, сколько ему заблагоразсудится, и отъѣзжать изъ нихъ и уѣзжать, когда ему и его людямъ будетъ угодно» *).

Лордъ Монтегю, 1557 встрѣчавшій и провожавшій нашего посланника Непѣю въ Лондонѣ, до того бывшій въ Римѣ, а послѣ въ Мадритѣ, въ мартѣ 1564 г. былъ отправленъ Елизаветою, вмѣстѣ съ даровитымъ дипломатомъ докт. Воттономъ и государственнымъ человѣкомъ Вальтеромъ Гаддомъ (Haddon), чтобы устроить съ коммиссіонерами испанскаго короля торговыя дѣла между Англіей и Нидерландами. Вѣроятно, чрезъ лорда Монтегю получилъ Барберини рекомендательное письмо Елизаветы къ Іоанну Васильевичу. Въ Москвѣ Барберини пользовался разными знаками царскаго вниманія, и когда у царя былъ на аудіенціи посолъ тестя его изъ Черкесіи, вмѣстѣ съ посольствомъ императора Фердинанда и магистра ордена Вольфганга (для освобожденія Фюрстенберга), въ то время представленъ былъ царю и Барберини; и впослѣдствіи онъ обѣдывалъ съ ними въ грановитой палатѣ. Возвратившись лѣтомъ 1565 въ Антверпенъ, писалъ онъ 21 іюля къ брату своему Францу: «Получивъ привилегіи и охранную грамоту для себя и для моихъ соотечественниковъ въ странѣ Московитской, я надѣюсь, что впредь буду въ состояніи сдѣлать вамъ добро: потому-что, во первыхъ, я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, какими владѣютъ немногіе, и во-вторыхъ имѣю паспорты и охранныя грамоты отъ королей датскаго и шведскаго — вещи, которыя я цѣню и которыя значатъ много. Потому, чтобы не потерять благопріятнаго случая, я отправилъ 11-го текущаго мѣсяца (іюля 1565) корабль съ товарами и чистыми деньгами на X. M. (10,000) D. (?), который, Богъ дастъ, дойдетъ и возвратится благополучно. Надѣюсь, что на этомъ поприщѣ я буду имѣть успѣхъ, и что Богъ вознаградитъ все мое семейство». Къ

---

*) Vestrum erga nos et nostros singulare studium facit ut libenter etiam hoc tempore Raphaelem Barberinum, virum quidem Italum, sed nobis, certis nominibus, valde charum, his nostris literis Vestrae Maiestati commendemus. Petimus itaque ut hic vir vestra bona gratia atque voluntate, et jussu etiam atque authoritate, si opus fuerit, benigne a Vestra Maiestate, humaniter a Vestris subditis tractetur. Utque sibi ac suis, cum bonis universis tutum liberumque sit per Vestra regna atque provincias ire, transire istic morari quam diu placuerit et inde abire et recedere quandocunque illi ac suis libitum fuerit.

письму 8 сентября онъ прибавляетъ: «Не знаю, что сказать кромѣ того, что я едва живъ, ожидая, чтобы Богъ, по своей благости, велѣлъ благополучно дойти кораблю, который я отправилъ. На него моя надежда». И еще въ августѣ писалъ онъ къ своему отцу: «Теперь, когда я знаю, что вамъ должно быть извѣстно, что я отправилъ корабль въ Нарву, скажу вамъ, что я получилъ письмо отъ суперкарга» (онъ прошелъ Зундъ). «Если Богу будетъ угодно, чтобы онъ возвратился благополучно, то я увѣренъ, что получу за мой рискъ вдвое, и буду доволенъ, потому что тамъ у меня грузъ соли, который по первоначальной цѣнѣ стоитъ 1,500 D. Дозволеніе провезти его есть великая милость, которую я получилъ отъ короля датскаго по настоянію московита: онъ далъ мнѣ письма къ сказанному королю, которыя сильно говорили въ мою пользу и такія-же къ королю шведскому, чтобы мой корабль имѣлъ свободный пропускъ». Россія была тогда въ добромъ согласіи съ Даніей. По договору 1562 г., русскіе имѣли право содержать торговые дома въ Копенгагенѣ и въ Висби на Готландѣ, а датчане — въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ (Нарвѣ). Въ 1564 Іоаннъ Васильевичь заключилъ миръ съ Эрихомъ XIV. «Московитъ» — продолжаетъ Барберини въ томъ-же письмѣ — «даровалъ мнѣ большія привилегіи, льготы, изъятія, для меня лично, для моего корабля, для моихъ людей, такъ что я ни за что не плачу ни копейки. Тогда какъ всякій, кто пріѣзжаетъ въ эту страну, не можетъ оставить ея, царь повелѣлъ, чтобы мои люди были во всемъ свободны. Такимъ образомъ я вижу для себя открытую дорогу къ счастію, и еслибы я захотѣлъ служить царю, какъ тѣ Феррарцы, которые, какъ я много разъ слышалъ, были тамъ плѣнниками, то я полагаю, мнѣ было бы очень хорошо, кромѣ неудобствъ тамошней страны; но я не рѣшусь ѣхать туда, если не заставитъ необходимость, потому что знаю, что мнѣ нельзя бы было выѣхать оттуда».

Въ то время Барберини составилъ для друзей краткое описаніе Россіи: эта «Реляція о Московіи» (Relazione di Moscovia) хранится въ рукописи въ Барбериніевской библіотекѣ въ Римѣ и была напечатана въ 1658 г. Мы обязаны Барберини рукописными замѣтками о торговыхъ статьяхъ, которыя

онъ находилъ въ то время стоящими вывоза въ Россію, и многимъ изъ нихъ видимъ у него цѣны. Въ 1564 г. въ Москвѣ пудъ сахару стоилъ 60 алтынъ, квасцовъ отъ 55 до 60, бразильское дерево 30, золотая проволока 18 талеровъ за фунтъ, жемчугъ (крупный бѣлый) два рубля унція, талеръ 50 денегъ. Барберини описываетъ, какіе надобно заготовлять для царя панцыри, конскую сбрую, попоны для лошадей и полости для саней и другія вещи. Онъ совѣтуетъ отправлять въ Россію индѣйскихъ пѣтуховъ и куръ, турецкіе бобы, цвѣтную капусту и тыквенныя сѣмена, vini buoni e grandi, ma non dolci, бумагу большаго формата для начавшагося тогда (Апостоломъ») книгопечатанія въ Москвѣ, «марказитъ» для композиціи, изъ которой дѣлаются типографскія буквы.

Отъ 20 апрѣля 1566 королева Елизавета писала съ Дженкинсономъ къ Іоанну Васильевичу: «мы видимъ, что ваше величество такъ внимательны къ нашимъ письмамъ, что всегда оказываете, по ихъ содержанію, большія милости нашимъ подданнымъ, а иногда, по благосклонности къ намъ, чужимъ даруете больше, чѣмъ мы просимъ для насъ самихъ. Такъ было въ одинъ изъ прежнихъ годовъ съ итальянцемъ Рафаэлемъ Барберини, котораго мы рекомендовали вашему величеству какъ путешественника, а отнюдь не какъ купца. Но объ этомъ итальянцѣ, какъ онъ осмѣлился во зло употребить и наше рекомендательное письмо и благосклонность вашего величества, и о другихъ дѣлахъ касательно возстановившихся между нами сношеній, любезный нашъ слуга, Антоній Дженкинсонъ, подробнѣе объяснитъ вамъ наши задушевныя мысли лично своимъ языкомъ, но нашими словами» *).

*) Въ слѣдующемъ 1567 году въ Нидерланды прибылъ изъ Испаніи, какъ извѣстно, герцогъ Альба. Барберини (бывшій кавалеромъ ордена св. Стефана) поступилъ подъ его начальство или, лучше, подъ начальство Вителли въ военную службу. Тогдашнія письма его къ брату послужили источникомъ для исторіи бывшей въ то время войны. Въ 1569 г. онъ былъ отправленъ къ королевѣ Елизаветѣ въ Англію, и т. д. Основателемъ извѣстности дома Барберини былъ его племянникъ, папа Урбанъ VIII. Кто не слыхалъ о палацѣ этой фамиліи въ Римѣ? Богатая, но теперь, къ сожалѣнію, закрытая библіотека съ рукописными сокровищами основана старшимъ племянникомъ Рафаэля, кардиналомъ Франнцискомъ Барберини.

Дженкинсону поручено было объясниться съ царемъ на счетъ Барберини и вести дѣло къ тому, чтобы въ Россіи не дозволено было торговать никому изъ иностранцевъ, кромѣ привелигированной англійской компаніи. Желали также — прежнюю привилегію, данную царемъ на торговлю въ Россіи, распространить отсюда на Бахарію и Персію.

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 23 августа, и 1 сентября имѣлъ аудіенцію. Въ то время царь заложилъ новый дворецъ въ Москвѣ, крѣпость въ Вологдѣ и много зданій въ слободѣ Александровской; вслѣдствіе того онъ поручилъ Дженкинсону завербовать въ Англіи искуснаго архитектора (an architecture which can make castells, townes and palaces), выписать также врача и аптекаря, и мастеровъ, умѣющихъ отыскивать серебро и золото (masters such as are conning (a necoming) to seke ought gold and silver). Мнѣ кажется, съ этими порученіями ѣздилъ въ Лондонъ Дженкинсонъ зимою 1566—1567 г.

Въ письмѣ отъ 18 мая 1567 года королева Елизавета проситъ царя Іоанна, повелѣть выдать привилегію, о которой говорено было въ прошломъ году, и увѣдомляетъ его, что она разрѣшила отправиться въ Россію лицамъ, которыя онъ требовалъ. Дѣйствительно, тогда-же (1567) прибыли къ намъ докторъ (Reynolds), аптекарь (Thomas Carver?), инженеръ (Humphry Lock) съ помощникомъ (John Finton), золотыхъ дѣлъ мастеръ и пробиреръ (goldsmythe and goldefiner Thomas Green) и другіе мастеровые.

4 марта и 20 мая 1568 г. Локкъ между прочимъ писалъ къ Вильяму Сесилю. «Я долженъ дѣлать для императора такія вещи, изготовить такія орудія для его войнъ, чтобы онъ могъ покорить ими всякаго государя, который возстанетъ на него съ враждебными замыслами, и если я открою ему эти замыслы, то буду имѣть много земли и денегъ; но имѣніе, зломъ пріобрѣтенное, низвергаетъ человѣка въ адъ». Далѣе, онъ объясняетъ, что могъ бы завести въ Англіи весьма выгодныя соловарни, но не завелъ, опасаясь, чтобы этимъ не воспользовались другіе. 1 іюля 1568 г. онъ писалъ, что въ концѣ мая прибыли докторъ, аптекарь и хирургъ. «Доктору пожаловано (въ англійскомъ:

jolyvatyd) 200, аптекарю (potykarye) 100, хирургу 50 рублей. 19 мая 1572 г. Локкъ писалъ къ графу Лейстерскому, лорду Роберту Додлею, что онъ не знаетъ, будетъ ли царь продолжать свои постройки, и изъявлялъ желаніе возвратиться въ Англію.

Лондонская компанія прислала еще трехъ веревочныхъ мастеровъ: Роберта Вильсона, Роберта Бленда и Джона Бошеля. Первый былъ взятъ на четыре года, съ жалованьемъ по 9 фунт. ст. въ годъ, прочіе — по пяти фунтовъ за первые три года и по шести фунтовъ за три слѣдующіе. Я не знаю, не тогда ли же пріѣхалъ Франсисъ Одеръ (Ouldre), управлявшій заведенною у насъ фабрикою для выдѣлки простаго толстаго холста (poldavy).

Царь Іоанъ Васильевичъ объявилъ Дженкинсону, что онъ желаетъ: 1) заключить дружественный союзъ съ королевою Елизаветою (which shall be the beginning of further matter to be done); 2) чтобы она была другомъ его друзьямъ и врагомъ его враговъ; онъ съ своей стороны обѣщаетъ тоже; 3) особенно же онъ желаетъ, чтобы королева не дружилась съ королемъ польскимъ. Сигизмундъ, говорилъ онъ, старается вредить ей и ея народу. Недавно онъ присылалъ къ англійскимъ купцамъ въ Москву шпіона съ письмомъ, предлагая расположеннымъ къ нему, королю, Русскимъ помощь деньгами и другими способами. Это было сдѣлано, по мнѣнію царя, съ намѣреніемъ заподозрить англійскихъ купцовъ, разстроить доброе согласіе между Русскими и Англичанами и тѣмъ уничтожить возникающую между обѣими націями торговлю; 4) чтобы королева позволила пріѣзжать въ Россію людямъ, знающимъ кораблестроеніе и мореплаваніе (masters which can make shippes and sayle them), и 5) отправлять къ намъ изъ Англіи артиллерійскіе и другіе военные снаряды; 6) утвердить съ обѣихъ сторонъ клятвою, что государю одной страны можно будетъ уѣхать къ другому, въ случаѣ, еслибы принудили его къ тому смуты въ его государствѣ; эта статья должна оставаться тайною; 7) для заключенія такого союза королева должна прислать особу высокаго званія; 8) царь желаетъ получить рѣшеніе королевы на все это къ Петрову дню (29 іюня) 1568. Кромѣ то-

го Дженкинсонъ получилъ еще порученія, которыя онъ долженъ передать изустно. Здѣсь, должно быть, начались тайные переговоры о сватовствѣ царя къ королевѣ.

Желаемая торговая привилегія была дана 22 сентября 1557. Она содержитъ позволеніе вести торговлю въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ и Дерптѣ, въ Булгаріи, въ Шамахѣ и т. д. Гавани на Ледовитомъ и Бѣломъ моряхъ должны быть закрыты для всѣхъ купцовъ, не принадлежащихъ къ лондонской компаніи. Дома компаніи въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ укрѣплены за нею.

Директоры компаніи велѣли 1566 года осмотрѣть путь отъ устья Двины до Новагорода и Нарвы, касательно удобствъ его для возки товаровъ водою и сухопутьемъ. Вслѣдствіе того еще въ іюлѣ того-же года Томасъ Соутгемъ и Джонъ Спаркъ совершили поѣздку, которая не лишена интереса. Они отправились изъ Холмогоръ на ладьяхъ къ Соловецкому монастырю (котораго настоятель, Филиппъ, былъ только что возведенъ въ санъ всероссійскаго митрополита), взяли тамъ вожатаго для первой и труднѣйшей части дороги, вошли у Сороки въ устье Выга и потомъ плыли на трехъ небольшихъ лодкахъ вверхъ по Выгу, сколько было можно. Здѣсь имъ часто приводилось перетаскивать свои товары и лодки по сушѣ. Наконецъ они прибыли въ Воецъ, переплыли вдоль Воецкое озеро (Выгъ-озеро) къ рѣчкѣ Телѣгиной, шли этой рѣчкой вверхъ, сколько было можно, а оттуда на телѣгахъ въ Повѣнецъ. Здѣсь они поплыли по Онежскому озеру, чрезъ Свирь въ Ладожское озеро и по Волхову въ Новгородъ, гдѣ встрѣтили вновь прибывшаго изъ Англіи чрезъ Нарву агента Вильяма Роулея, который не рѣшался ѣхать въ Москву, потому что тамъ была моровая язва. Въ результатѣ путешествія Соутгема и Спарка оказалось, что между Повѣнцомъ и Новгородомъ товары должно отправлять водою; но въ Повѣнецъ и Сумы ихъ должно перевозить сухимъ путемъ зимою. Изъ Сумъ въ Новгородъ тогда много перевозилось на саняхъ соли, вывариваемой на Бѣломъ морѣ.

V.

Второе русское посольство въ Англію; первые русскіе купцы въ Лондонѣ: Твердиковъ и Погорѣлый; первая царская грамота въ Англію. Многочисленность членовъ Россійской компаніи; нарушеніе ея привилегіи англійскими купцами въ Нарвѣ. — Противодѣйствіе Сигизмунда, короля польскаго, торговому союзу Англіи съ Россіей. — Защита привилегій компаніи; отправленіе агента компаніи Миддельтона въ Москву. — Посольство Рандольфа съ цѣлію поддержать торговый союзъ съ Россіей и проникнуть въ Персію. — Новый актъ привилегіи; возвращеніе Рандольфа и отправленіе въ Лондонъ, посланникомъ, дворянина Савина. — Принятіе англійской факторіи въ Москвѣ въ вѣдомство Опричины. Право Англичанъ добывать и обработывать желѣзную руду въ Россіи и передѣлывать иностранную монету въ русскую. — Водвореніе Англичанъ на Бѣломъ морѣ. — Статьи вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами.

—

Въ 1567 году, царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ двоихъ московскихъ купцовъ, Степана Твердикова и Өедота Погарѣлаго, въ Лондонъ. Твердиковъ ѣздилъ до того времени въ Антверпенъ и тамъ имѣлъ сношенія съ Симономъ фонъ-Салингеномъ и Корнеліусомъ де-Мейеромъ. Въ 1566 г. эти двое пріѣхали отъ лапландскаго берега въ устье Онеги, откуда, переодѣвшись въ русское платье, прибыли чрезъ Каргополь въ Москву и явились къ Твердикову, какъ своему знакомцу, посовѣтоваться, какъ довести до царя жалобу за убіеніе одного изъ ихъ людей. Теперь онъ, какъ человѣкъ бывалый, избранъ былъ, вмѣстѣ съ Погорѣлымъ, для посольства въ Англію: это были первые русскіе купцы, видѣвшіе Лондонъ, гдѣ между прочимъ строилась тогда первая биржа, подъ надзоромъ Томаса Грешема, который въ то время (1567—1568) часто живалъ въ Лондонѣ. Наши купцы прибыли въ Лондонъ въ августѣ и остановились въ домѣ компаніи въ Ситингъ-ленѣ. Имъ поручено было промѣнять пушной товаръ на драгоцѣнные

камни и другіе предметы роскоши для царской казны. Они снабжены были царскою грамотой, писанной въ апрѣлѣ, на двухъ языкахъ — русскомъ и нѣмецкомъ. Въ нѣмецкой редакціи я отыскалъ ее. Это самая старшая изъ грамотъ русскихъ государей въ Англіи. Въ ней недостаетъ только полнаго царскаго титула, который сохранился лишь съ словъ: Obdorski, Condinski и т. д. (*).

На наружной сторонѣ надписано: Елисавети Божіею милостію Королевне аглинскіе земли французовъ хиберской и иныхъ». Печать хорошо сохранилась.

Переводъ грамоты. . . . . . «Обдорскій, Кондинскій и всей Сибирской земли Повелитель и Государь Лифляндской земли и иныхъ, Елисаветѣ Королевѣ Англіи, Франціи и Гиберніи и иныхъ, честнѣйшему и сіятельнѣйшему Коро«левскому Величеству здравія. Послали мы въ вашу землю на«шихъ купцовъ Стефана Твердико и Өедота Погорѣла и съ

*) Вотъ весь сохранившійся текстъ грамоты въ правописаніи оригинала: . . . . . Obdorski, Condinski und aller Sieberschen Lande, und Norden seiden beffeller und Her des Lifflendischen Landes und anderer Elisabeten Konigine zu Engelant Franckrich undHiberni und anderer. — DemErlichen und Leuchtlichem Konickrich Gesuntheit. Wir haben gesanth zu euger Landes seitten unser Kauffleut Steffan Twerdiko und Fedota Pogorela und mit inen haben wir gesanth wahre aus unserm Schatze und sie sollen in eugerm Konickreiche zu unserm Schatze kauffen, Saphir und robine, und Kleidewerk was inn unsernn Schatze dinet, und wonn die unsere Kauffleut komen in euger Konickreich und so wolt ihr ihnen lassenn geben frey und wolt inen lassen mit eugern Leutten und aus andern Herschafften leutten welchere zihenn in euger Konickreich mit inen kauff schlan und beutten mit wahr, und furkauffen was inen befollen in unserm Schatze nutze, auch Zoll tamgi und fur uberfur und von hoffen und von herbergen und andere welchere Gerechticheit von unserer wahr und von diesen unsern Kauffleuten und von ihren Leutten wolt ihr nicht lassen nemen glich also wie auch wir in unser herschafftva von eugern Leutten keinerlei Gerechticheit nicht lassen nemen und wos inen wurth zutragen zu zihen in ander Lande umb unser Bedarfs halber und so wolth ihr inenn freiheit geben und won diese unser Kauffleute haben erhandelt, und zuurüge zihen zu unns und so wolt ihr sie durch euger Landt beleit sagen lassen das innen nich muchte schaden von imanden oder aufhaltunge geschen und in euger schiffe wolt ihr sie lassen schiffen das sie muchten zu unser Herschafft gesunth komen. Geschriben in unser Herschafft hoffe der Stadt Moskauw, im ihare von Schaffung der Welth 7075 im Aprile in dictum 10 unser Herschafft (въ англійскомъ переводѣ: our age) im 34 und unser Keiserthum Russischem im 20 Casanschem im 15 Astrachanschen im 13.

«ними послали мы товары изъ нашей казны, и должны они ку-«пить въ вашемъ королевствѣ для нашей казны сафиръ и рубины «и одежды, что̀ пригодно для нашей казны; и когда наши куп-«цы придутъ въ ваше королевство, вы позвольте имъ ходить «свободно и съ вашими людьми и которые люди изъ другихъ «государствъ пріѣзжаютъ, съ ними производить торгъ това-«рами и закупать что имъ приказано, для нашей казны пригод-«ное; и платежа тамги и за провозъ и съ дворовъ и съ тамо-«женъ и другой какой законъ съ нашихъ товаровъ отъ сихъ «нашихъ купцовъ и отъ ихъ людей не извольте брать, какъ и «мы въ нашемъ царствѣ никакой правды не приказываемъ «брать; и что имъ надобно будетъ достать въ иной землѣ для на-«шей потребы, въ томъ извольте имъ дать свободу, и что оные «наши купцы закупятъ и поѣдутъ обратно къ намъ, извольте «дать имъ пропускъ чрезъ вашу землю, чтобы не причинилось «имъ отъ кого вреда или не случилось задержки; и позвольте «имъ ѣхать на своихъ корабляхъ, чтобы они прибыли къ на-«шему государству здравы. Писано въ нашемъ государскомъ «дворѣ въ городѣ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7075 въ «апрѣлѣ, индикта і҃, нашего царствованія (по англійскому пере-«воду: нашего житія) въ 34, нашего русскаго царствованія въ «20, казанскаго въ 15, астраханскаго въ 13».

Королева Елизавета приняла московскихъ гостей въ своемъ загородномъ дворцѣ Отландсѣ; Генрихъ Ленъ былъ толмачомъ. Въ маѣ 1568 они имѣли прощальную аудіенцію въ Гринвичѣ. Елизавета дала имъ письмо къ царю, отъ 9 мая (на латинскомъ языкѣ), сказала имъ нѣсколько словъ, а они цѣловали ея руку, преклонивъ колѣна.

Вскорѣ по завоеваніи Нарвы въ 1558 г., начали отправлять туда свои товары Англичане, не принадлежавшіе къ Россійской компаніи. Они ссылались на то, что въ то время, какъ дана ей первая привиллегія, Нарва принадлежала не къ Россіи, а еще за долго до экспедиціи Чанслера къ ганзейскимъ городамъ. Въ 1566 году компанія выхлопотала себѣ отъ парламента предписаніе, которымъ дозволялось тамъ торговать изъ Лондона только членамъ ея, число которыхъ возрасло до четырехъ сотъ. Тогда она называлась: Fellowship of english mer-

chants for discovery of new trades. Въ Нарву посланъ былъ съ товарами Христофоръ Гудсонъ, и имѣлъ порученіе основать тамъ торговый домъ компаніи. Не смотря на то, нѣкоторые Англичане продолжали тамъ вести свою собственную торговлю.

Польскій король Сигизмундъ употреблялъ все возможное, чтобы помѣшать сношеніямъ между Англіею и Россіею. У меня есть списки съ нѣскольких писемъ его къ королевѣ Елизаветѣ изъ 1567 и 1568 гг., въ которыхъ онъ жалуется на торговыя сношенія за то, что чрезъ нихъ Россія получаетъ не только вещи, нужныя для войны, но, что еще хуже, людей, которые распространяютъ тамъ полезныя свѣдѣнія и всякаго рода техническія производства Такъ отъ 13 іюля 1567 г. Сигизмундъ писалъ: «Дозволить плаваніе въ Московію, какъ ваша «свѣтлость видитъ, воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не «только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и рели«гіи. Ибо непріятель отъ сообщенія, какъ мы сказали, про«свѣщается, и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ «поръ въ этой варварварской странѣ невиданнымъ; всего же «важнѣе, какъ мы полагаемъ, — снабжается самыми художни«ками, такъ что если впредь и ничего не будутъ привозить «ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ «сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской «сторонѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войны и что «доселѣ было ему неизвѣстно» *).

13 марта 1568 г.: «Мы видимъ, что Московитъ, этотъ «врагъ не только нашего царства временный, но и наслѣдствен«ный врагъ всѣхъ свободныхъ народовъ, благодаря этому, лишь «недавно заведенному мореплаванію, обильно снабжается не

---

*) Quominus autem navigationem in Moscoviam permittere possimus, videt nos Serenitas Vestra gravissimis non solum nostris privatis, sed etiam religionis et reipublicae totius christianae rationibus prohiberi. Instruitur enim hostis, ut diximus, commeatu, instruitur, quod magis est, armis in illa Barbaria inusitatis, instruitur, quod quidem maxime ducendum esse existimamus, artificibus ipsis, ita, ut etiamsi ad illum nihil praeterea importetur, tamen opera artificum ipsorum, qui illi, vigente eiusmodi navigatione, libere summittuntur, facile omnia simul et fabricentur in ipsa illius barbara ditione, quae usus ipsi belli requirit, et quae uti hactenus ipsi ignota fuerunt.

«только оружіемъ, снарядами, связями, чему, какъ ни много «всего этого, однако можно еще положить конецъ; но мы видимъ, что онъ снабжается еще важнѣйшими вещами, ничѣмъ «не предотвратимыми въ своемъ дѣйствіи и еще болѣе ему полезными, — снабжается именно художниками, которые не перестаютъ выдѣлывать для него оружіе, снаряды и другія подобныя вещи, до сихъ поръ невиданныя и неслыханныя въ «той варварской сторонѣ, и сверхъ того, что всего болѣе заслуживаетъ вниманія, онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ, даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель всѣмъ нашимъ: «зная все это, мы полагаемъ, не должно надѣяться, чтобы мы «оставили такое мореплаваніе свободнымъ» *).

Гаклейтъ напечаталъ одно письмо Сигизмунда изъ того же времени, но ошибочно поставилъ подъ нимъ 1559 годъ. Тамъ говорится: «Мы видимъ, что Московитъ съ каждымъ «днемъ становится сильнѣе отъ умноженія тѣхъ вещей, кото«рыя привозятся въ Нарву; потому что ему привозятся не толь«ко товары, но также и оружія, до тѣхъ поръ ему неизвѣст«ныя, мастера и мастерства: посредствомъ ихъ онъ стано«вится въ силахъ побѣждать всѣхъ другихъ. До сихъ поръ мы «являлись побѣдителями его потому только, что онъ дикарь въ «искусствахъ и невѣжда въ политикѣ. А если эти морскія сооб«щенія продолжатся, что̀ останется ему неизвѣстнымъ? Съ тѣ«ми предметами, которые привозятся въ Нарву и которые дѣ«лаютъ его все искуснѣе въ военныхъ дѣлахъ, — съ военными

---

*) Cum enim hac navigatione recens admodum instituta, hostem non modo regni nostri temporarium, sed etiam omnium nationum liberarum haereditarium, Moscum, magnopere instrui et armari videamus, non solum armis, telis, commeatu, quae etsi magna sunt, tamen facilius profecto prohiberi possent, sed etiam aliis multo majoribus rebus, quae neque satis ullo consilio provideri et hostem ipsum magis etiam juvare possunt, artificibus inquam ipsis, qui arma, qui tela, qui caetera ejusmodi in illa Barbaria nec visa nec audita hosti fabricare non cessant: ac praeterea quod maxime attendendum est, cognitione omnium, etiam secretissimorum consiliorum nostrorum, quibus illi paulo post, ad interitum, quod absit, omnium nostrorum abutatur, sperandum profecto nobis esse non existimamus, ut hanc ejusmodi navigationem liberam esse patiamur.

«снарядами и кораблями, онъ будетъ — сохрани Богъ — по-«бивать или покарять всякаго, кто станетъ ему противиться».

Чтобы прекратить въ Нарвѣ торговлю Англичанъ, не принадлежащихъ къ Компаніи, осенью 1567 г. директоры отправили туда Лоренса Менлея (Manley); королева снабдила его краткимъ письмомъ къ царю, отъ 14 октября. Съ нимъ пріѣхалъ Николай Прокторъ, бывшій впослѣдствіи агентомъ въ Москвѣ. Надобно замѣтить, что Менлей отправленъ раньше возвращенія Дженкинсона въ Лондонъ съ письмомъ и порученіями царя. Мѣсяца черезъ три послѣ отправленія Менлея, посланъ былъ въ Москву Джорджъ Мидьтонъ съ пространнымъ письмомъ королевы отъ 10 февраля 1568 г. Въ этомъ письмѣ лишь кратко упомянуто, что королева получила отъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 г., что оно ей въ высшей степени пріятно и что она съ благодарностью принимаетъ благосклонность царя къ ней и къ ея подданнымъ. Но о другомъ предметѣ она говоритъ довольно подробно, именно: «Въ числѣ порученій, возложенныхъ на Миддьтона» — пишетъ королева — «главное состоитъ въ «томъ, чтобы онъ тщательно ходатайствовалъ у вашего вели-«чества о взятіи подъ стражу, въ самоскорѣйшемъ времени, «нѣкоторыхъ Англичанъ въ Нарвѣ (Томаса Гловера, Ральфа «Руттера, Джемса Уаттона, Христофора Беннета), кото-«рые съ явнымъ къ намъ пренебреженіемъ, съ величайшимъ «обманомъ для нашихъ подданныхъ, и къ немалому оскорбленію «вашего величества, показали себя въ отношеніи къ намъ чрез-«вычайно невѣрными, дерзкими и лукавыми. Безъ вѣдома сво-«ихъ господъ, находящихся въ Англіи, они, какъ мы слышали, «тайно вступили въ браки съ польскими женщинами, и потому, «если къ арестованію ихъ не будутъ приняты мѣры тотчасъ и «навѣрное, надобно опасаться, что они бѣгутъ въ Польшу». Затѣмъ прибавлено, что будущею весною имѣетъ быть отправленъ въ Москву посланникъ съ почетными купцами, для необходимыхъ переговоровъ о дѣлахъ торговыхъ.

Царь Іоаннъ Васильевичь велѣлъ спросить Миддельтона, слышалъ ли онъ что-нибудь о возвращеніи Дженкинсона, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, досадовалъ, что

королева такъ мало дорожитъ предложеніемъ дружескаго союза и даннымъ Дженкинсону словеснымъ порученіемъ. Когда въ Лондонѣ узнали, что ни Менлей, ни Миддельтонъ ничего не могутъ выхлопотать, то въ іюнѣ того-же года королева отправила въ Москву опытнаго дипломата, Томаса Рандольфа. Съ нимъ пріѣхали: секретарь его Джорджъ Турбервиль (Turberville), купцы: Томасъ Бенистеръ (Banister) и Джефри Доккетъ (Ducket), намѣревавшіеся ѣхать въ Персію; Джемсъ Басендинъ, Джемсъ Вудкокъ и Ричардъ Броунъ, назначенные въ морское путешествіе изъ рѣки Печоры на востокъ за Вайгачъ, для изслѣдованія. Они пристали къ Розовому острову въ устьѣ Двины 2 августа. Здѣсь въ англійскомъ домѣ Рандольфъ нашелъ два письма отъ Ричарда Чейни и въ письмѣ отъ 12 августа, посланномъ чрезъ возвращавшагося въ Лондонъ Вильяма Борро, передалъ ихъ содержаніе. Чейни полагалъ, что Грозный не благоволитъ къ Англичанамъ за то, что Дженкинсонъ, пустившись въ переговоры съ царемъ о сватовствѣ къ королевѣ, заставилъ его теперь напрасно ожидать посланника отъ королевы. Судя по тону письма Рандольфа къ Сесилю, надобно полагать, что Дженкинсонъ не смѣлъ передать королевѣ порученія царя *). Самому Рандольфу поручено было сказать, какъ видно изъ его инструкціи, что королева сомнѣвается, вѣрно ли Дженкинсонъ понялъ слова царя?

Съ Розоваго острова Рандольфъ посѣтилъ Никольскій монастырь, гдѣ ему поднесли хлѣбъ-соль и подарили черную овцу съ бѣлой мордой. Проѣзжая чрезъ Вологду, онъ видѣлъ крѣпость, построенную царемъ изъ дикаго камня и кирпича. Въ Ярославлѣ онъ упоминаетъ о суднѣ почти въ тридцать тоннъ, построенномъ Англичанами въ 1565 году для плаванія по Волгѣ: такихъ судовъ, по его словамъ, тамъ не видано. Оно стало, съ полнымъ вооруженіемъ, не болѣе ста марокъ.

---

*) Рандольфъ пишетъ: These two letters containe one matter against Jenkinson as I believe more than is cawse as though he shold have dealt with this prince in some matter of marriage either with this Emperor which is unlykelye or with his sonne them being married и т. д.

Въ Москву прибылъ Рандольфъ, съ своими спутниками: Бенистеромъ и Доккетомъ, 16 октября. Ихъ помѣстили въ посольскомъ домѣ; но къ нимъ никого не допускали. Только докторъ Рейнольдсъ и нѣкоторые англійскіе ремесленники навѣщали ихъ тайно. У Рандольфа было коротенькое письмо королевы Елизаветы отъ 12 іюня, которое вовсе не могло удовлетворить ожиданій царя послѣ того важнаго порученія, какое онъ далъ Дженкинсону. Королева говоритъ только, что она получила чрезъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 года, благодаритъ за выраженную въ немъ благосклонность къ ней самой и къ ея подданнымъ и прибавляетъ, что она посылаетъ теперь Рандольфа, чтобы удовлетворить желанію царя видѣть въ Москвѣ ея полномочнаго посланника. У меня есть копія съ грамоты, которою Рандольфу дано это полномочіе. Бенистеръ и Доккетъ также имѣли письмо къ царю и грамоты полномочныхъ пословъ къ персидскому шаху.

Отъ Рандольфа требовали, чтобы онъ объявилъ о предметахъ своего посольства предварительно князю Аѳанасію Ивановичу Вяземскому (Вологодскому воеводѣ) и дьяку Петру Григорьевичу; но онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на это. Вслѣдствіе того пріемъ его ко двору откладывался до тѣхъ поръ, пока не прибыло въ Москву, чрезъ Нарву, письмо королевы Елизаветы отъ 16 сентября 1568 года, въ которомъ обстоятельно были изложены данныя Рандольфу порученія. При отправленіи этого письма, королева другимъ письмомъ изъявила Нарвскому магистрату свое удивленіе, что ея послы къ царю, Менлей и Миддельтонъ, были задержаны въ Нарвѣ, и поручала ему немедленно препроводить настоящее письмо ея къ царю Іоанну Васильевичу *).

*) Въ письмѣ къ магистрату (отъ 16 сент. 1568) сказано: «Magnificis et illustribus Narvensis Emporii, sub potentissimo Imperatore Russiae e. c. supremis Gubernatoribus, amicis nostris charissimis. — Magnifici, illustres amici charissimi. Misimus hoc anno duos nuncios Laurentium Manley et Georgium Middleton, utrumque nostrum perdilectum famulum, cum literis nostris ad Imperatoriam Majestatem Russiae. Accepimus, facultatem transeundi per vestram Jurisdictionem ad Imperatorem vestrum nostro nuncio Georgio Middletono a vobis esse denegatam. Quae res eo maiorem nobic admirationem commovet, quo certiores nos su-

Письмо это впрочемъ столь же мало удовлетворило царя, какъ и присланное съ Рандольфомъ. Оно касалось только купеческихъ дѣлъ и особенно затрудненій въ Нарвѣ. Королева изъявила въ немъ свое удивленіе, что царь даровалъ особую привилегію прежнимъ агентамъ и прикащикамъ компаніи: Гловеру, Руттеру, Беннету и Чепелю. Эта привилегія называется у насъ: «Государева жаловалная грамота даная «аглинскимъ нѣмцомъ Томосу Иванову сыну Гловарю да Рафу «Иванову сыну Рутерру съ товарыщи, четырма человѣкомъ, «7076 году». Эти Англичане были въ связяхъ съ Яковомъ де-ла-Фолія и другими голландцами *).

Вслѣдствіе письма Елизаветы Рандольфъ, Бенистеръ и Доккетъ, 9 февраля 1569 году получили наконецъ аудіенцію, на которой они представили царю, вмѣстѣ съ своими просьбами, разную серебряную посуду. Чрезъ нѣсколько дней Рандольфъ снова позванъ былъ къ царю вечеромъ и бесѣдовалъ

---

mus, vobis incertum esse non posse, quaequam certa amicitiae ratio, quaequam magna et multa mutuae benevolentiae officia, inter vestrum Principem et nos, inter nostros utrobique subditos, amice et humaniter hoc tempore intercedunt. Sed cum certae jam res sunt momenti magni, quas communicandas habemus hoc tempore cum vestro Imperatore, et quas intelligere imprimis intererit Sua Majestate, propterea a vobis primum pro vestra ergo Principem vestrum obedientia, admodum requirimus, deinde pro vestra, uti speramus, ergo nos quoque observantia etiam petimus, ut has nostras literas, quas cum his vestris conjunximus, primo quoque tempore, ad Suam Maiestatem perferri curetis. Sic, ut nobis aliquando constet (id quod ut constare possit, diligenter procurabimus) vos fuisse in hac officii parte et vestro principi obsequiosos Magistratus et nobis gratos et officiosos amicos. Quo officio vestro, vos nobis non minimam, et commendationem a vestro Principe, et gratiam a nobis etiam poteritis promereri. Id quod vobis, pro nostra quidem parte, exploratum erit, cum ulla nobis ad id idonea dabitur opportunitas. Foeliciter valeatis и пр.».

*) Письма королевы, равно и письмо директоровъ компаніи къ Рандольфу и Миддельтону, посылались въ Нарву къ Андрью Атертону (для отправленія въ Москву). Письмо къ Рандольфу Атертонъ передалъ бывшему тогда въ Нарвѣ пробиреру Томасу Грину. Это навлекло обоимъ непріятности: Атертона, который отправлялъ и московскія письма въ Лондонъ, его слугу въ Москвѣ, равно и Грина, посадили подъ стражу. Атертонъ называется у насъ Андреемъ Ульяновымъ. Въ Нарвѣ находился тогда окольничій Григорій Степановичь Собакинъ; два года спустя, его племянница, Марѳа Васильевна, выбранная изъ числа многихъ сверстницъ, сдѣлалась третьею супругой Грознаго.

съ нимъ часа три. Можно бы подумать, что предметомъ разговора были какія-нибудь тайны, напр. касательно сватовства къ королевѣ; но изъ сохранившагося объ этомъ письма Рандольфа видно, что предметомъ объясненій были обыкновенныя, торговыя дѣла, на которыя притомъ царь не далъ никакого опредѣлительнаго рѣшенія. На другой день Грозный уѣхалъ въ Александровскую слободу; по возвращеніи его оттуда въ апрѣлѣ, Рандольфъ еще былъ у него нѣсколько разъ. 12 апрѣля Рандольфъ послалъ къ царю письмо, въ которомъ жаловался на Гловера, Руттера и Беннета: черезъ день Іоаннъ Васильевичь опять уѣхалъ изъ Москвы. Въ письмахъ отъ 7 мая, къ царю и его совѣтникамъ, Рандольфъ жаловался особенно на Беннета, который въ Нарвѣ распускалъ слухъ, будто бы въ письмахъ Рандольфа въ Лондонъ, пересылаемыхъ чрезъ Нарву, были недоброжелательныя къ царю выраженія. Беннету дѣйствительно поручено было читать и переводить эти письма.

Въ іюнѣ (1569 г.) Рандольфу съ Бенистеромъ и Доккетомъ повелѣно было ѣхать вслѣдъ за царемъ въ Вологду *). Здѣсь изготовлена требуемая Англичанами новая привилегія. и 20 іюня утверждена. 24 іюня Рандольфъ имѣлъ прощальную аудіенцію. Съ нимъ отправлялись въ Лондонъ ближній дворянинъ Андрей Григорьевичъ Савинъ посломъ къ Англійской королевѣ, и дьякъ Семенъ Севастьяновичъ, въ качествѣ его секретаря. Одинъ изъ прикащиковъ. Даніэль Сильвестръ, назначенъ былъ въ переводчики, а Томасъ Гловеръ отправлялся для торговыхъ разсчетовъ. Въ іюнѣ сѣли они на корабль у Розоваго острова и въ сентябрѣ были въ Лондонѣ.

Новая привилегія, исходатайствованная Рандольфомъ, давала право Англичанамъ быть подъ вѣдомствомъ лишь Опричины, которая учреждена за четыре года предъ тѣмъ, и не имѣть никакой зависимости отъ Земщины. Англійскій торговый домъ

---

*) А Бенистеръ уже въ Москвѣ былъ боленъ и 3 іюля умеръ на пути, предпринятомъ съ Доккетомъ и 13-ю другихъ Англичанъ изъ Ярославля въ Персію. За годъ до того, въ 1568, изъ Ярославля же предпринята была экспедиція въ Персію Артуромъ Эдвардсомъ и Джовомъ Спаркомъ.

находился въ Москвѣ на Варваркѣ за гостиннымъ дворомъ у церкви Максима Исповѣдника, на Юшковскомъ дворѣ. Варварка принадлежала къ вѣдомству Земщины: но для Англійскаго дома сдѣлано исключеніе. Точно также и въ другихъ городахъ, причисленныхъ къ вѣдомству Земщины: существовавшіе и впредь быть имѣвшіе дома Англичанъ отданы подъ начальство Опричины [1]).

Россійская компанія въ Лондонѣ еще въ 1557 г. узнала отъ Непѣи, чрезъ толмача его, Роберта Беста, о существованіи желѣзной руды и о выдѣлкѣ изъ нея уклада въ краю на сѣверо-востокъ отъ Вологды (равно и въ Тулѣ): при возвращеніи Непѣи директоры компаніи послали приказъ доставить образцы этого рода стали. Въ 1566—1567 г. Дженкинсонъ имѣлъ порученіе исходатайствовать у царя позволеніе заложить на счетъ компаніи копи желѣзной руды въ Россіи. Теперь этотъ пунктъ внесенъ былъ въ привилегію. Англичанамъ дозволено было устроить желѣзный заводъ на Вычегдѣ, въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи [2]): для этого имъ отведенъ былъ значительный участокъ лѣса. Въ письмѣ Бенистера и Доккета отъ 25 іюня объ этомъ говорится: He hath given the company a mine of iron with wood and ground to make the same six mile compasse, lying hard by the waterside and is like to growe to great commoditie both to the company and to our country. Мастеровые для заводскихъ работъ и для обученія русскихъ должны были пріѣхать изъ Ан-

---

[1]) Въ письмѣ Бенистера объ этомъ въ Лондонѣ сказано: So that being of Opprisnay no man of Esemsekye dare meddle with the English. Въ рукописномъ англійскомъ переводѣ привилегіи стоитъ: their other houses in our townes of the Sempskyes. А Гаклейтъ передаетъ это словами: Houses in towne of Senopski. Карамзинъ, читая Гаклейта, не догадывался, что Senopski стоитъ здѣсь вмѣсто Semski и towne вмѣсто townes, и полагалъ, что здѣсь разумѣется какой нибудь неизвѣстный ему городъ. Въ видѣнной мною рукописи Рандольфовой привилегіи читается: We have grannted them the said house at S. Maxims in Mosko free. А у Гаклейта: at S. Maxims in the halfe free: опять непростительный промахъ.

[2]) У Гаклейта сказано: We have graunted to the English Merchants leave to *buy* them a house at Wichida. Но въ рукописи читается: leave to *build* them a house.

гліи, гдѣ тогда желѣзо плавилось и ковалось еще посредствомъ древеснаго угля, а каменный уголь, или лучше, коксъ, вошелъ въ употребленіе лишь чрезъ полстолѣтіе. Часть выдѣлываемаго на Вычегдѣ желѣза должно было продавать въ Россіи, другую часть позволялось вывозить въ Англію.

Англійскіе купцы получили также позволеніе передѣлывать иностранные талеры въ ходячую монету. Привилегія, данная 1568 г. Гловеру, Руттеру, Бенету и Чепелю, была отмѣнена, и торговать въ Россіи, а чрезъ нее и въ Персіи, дозволено только членамъ компаніи. Со стороны русскаго правительства было выговорено, чтобы цѣнные предметы, вывозимые изъ Англіи и изъ Персіи, объявлялись прежде всего въ царской казнѣ, и чтобы ей принадлежалъ первый выборъ. Англичане обязывались также исполнять царскія порученія. Имъ дозволено было построить канатную фабрику въ Вологдѣ, близь своего торговаго дома, на подаренной имъ для того землѣ, и дано мѣсто для постройки дома въ Нарвѣ.

Слѣдуетъ сказать о водвореніи Англичанъ въ устьѣ Двины, что̀ вовсе выпущено изъ вида нашими историками и географами. Мѣстопребываніемъ ихъ здѣсь былъ такъ-называемый Розовый островъ.

Якорнымъ мѣстомъ для англійскихъ кораблей былъ самый крайній восточный уголъ южнаго края Двинской губы въ Бѣломъ морѣ къ востоку отъ Неноксы, гдѣ Стефенъ Борро и Чанслеръ въ первый разъ ступили на русскую почву. Этотъ уголъ назывался рейдомъ, или бухтою, также гаванью св. Николая.

Изъ четырехъ устьевъ Двины самое южное, названное на картѣ Рейнеке Никольскимъ, называлось тогда Корельскимъ. Между этимъ и ближайшимъ съ сѣвера устьемъ, и прежде и послѣ называвшимся Пудожемскимъ *), находится

---

*) Южное устье называлось Корельскимъ потому, что оно обращено къ Кореліи; Пудожемское получило свое названіе отъ противолежащаго Пудожемья (прежде выговаривалось: Подужемье; а французъ Соважъ написалъ въ 1586 г. Poudes-James); Мурманское устье названо по Мурманскому морю; а о Березовскомъ, самомъ сѣверномъ устьѣ, служившемъ для самыхъ большихъ кораблей, мы знаемъ отъ Стефана Борро, что оно называлось Березовой губой.

островъ, названный на упомянутой картѣ: Ягры, а въ началѣ XVII вѣка называвшійся Ягорнымъ (вѣроятно отъ *якорь*), именно потому, что здѣсь съ 1553 года корабли становились на якорѣ.

Этотъ островъ Англичане назвали Розовымъ (Rose Island), по причинѣ множества ростшихъ здѣсь дикихъ розъ. Южный край его отдѣляется отъ твердой земли лишь узкимъ, самымъ южнымъ рукавомъ Двины, который прежде, какъ видно изъ старинныхъ документовъ, назывался Малокурьемъ.

На этомъ-то островѣ, гдѣ росли «дамасцены и красныя розы, фіялки и дикій розмаринъ», и гдѣ былъ сосновый и березовый лѣсъ, поселились Англичане, насупротивъ Никольскаго монастыря, близь ручья, дававшаго превосходную воду. Впрочемъ, прежде своего здѣсь поселенія, они хотѣли построить домъ на Березовой губѣ. Стефенъ Борро 29 мая 1557 г. измѣрялъ Березовскій фарватеръ и нашелъ въ немъ при самой низкой водѣ тринадцать футовъ. 19 февраля 1559 г. Грей писалъ изъ Холмогоръ къ Лену въ Москву: «Я думаю построить домъ на Березовой или противъ мѣста, гдѣ будутъ становиться корабли; онъ будетъ стоить не дороже трехъ рублей, и если вамъ угодно, въ немъ будутъ двѣ теплыя комнаты».

На Розовомъ островѣ товары, привозимые изъ Англіи, перегружались съ кораблей на дощаники и насады, на которыхъ по Малокурью и Двинѣ перевозились въ Холмогоры, а оттуда въ Вологду. На такихъ-же судахъ и тѣмъ-же путемъ сплавлялись по Двинѣ къ Розовому острову русскіе товары и здѣсь грузились на корабли для отправки въ Англію, а отсюда иногда на югъ Европы. Таможни здѣсь не было: торговля производилась свободно; привозили и вывозили, что угодно. Здѣсь въ англійскомъ домѣ останавливались и пользовались гостепріимствомъ пріѣзжавшіе и отъѣзжавшіе Англичане, проѣзжіе англійскіе купцы и посланники. Здѣсь провели день (13 іюля) Соутгемъ и Спаркъ, ѣздившіе въ 1566 году изъ Хормогоръ въ Новгородъ. Отсюда Рандольфъ посѣтилъ 1568 г. Никольскій монастырь; отсюда писалъ какъ онъ, такъ и Бенистеръ съ Доккетомъ, 12 августа того-же года чрезъ Вильяма Борро къ Вильяму Сесилю; здѣсь Борро далъ тогда-же инструкцію

Джемсу Басендину, отправлявшемуся въ путешествіе на Востокъ отъ Печоры.

Изъ шести кораблей, присланныхъ изъ Темзы къ Розовому острову въ 1567 г., по предписанію компаніи должно было нагрузить товарами только три для Лондона; остальные же, съ воскомъ и саломъ, назначались для Бискаи («Byskeye») и Галиціи («Gallyssia» въ Испаніи), для Лиссабона («Lysheborne») въ Португалліи. Въ Римъ назначалась на пробу пряжа и нѣкоторое количество льна и конопли. Директоры писали, что на корабляхъ, назначенныхъ къ отправкѣ на югъ, поверхъ груза, можно еще положить для Англіи канатовъ (не толще десяти дюймовъ), тюки льну, кожъ, пряжи, равно и другія не тяжелыя вещи, которыя легко можно выгрузить въ Гарвичѣ или въ Downs, послѣ чего корабли могутъ отправляться далѣе. Въ то время (1567) цѣны на русскія произведенія стояли въ Лондонѣ слѣдующія: воскъ — 3 ф. стер. 14 шилл. и 4 ф. ст. за центнеръ; сало — 18 ш.; ленъ — 28—30 ш.; конопля 12 ш.; смоленые канаты, приготовляемые Англичанами въ Вологдѣ — 18 ш. (прежде Англія получала канаты изъ Данцига); пряжа — 11 пенс.; ворвань — 10 ф. ст. за тонну; оленьи шкуры — 6 ш. 8 пенс. за штуку; сыромятныя кожи — 3 ш. 4 пенс. Замѣчательно, что тогда-же требовали на пробу въ Лондонъ русской шерсти, потому что ее считали болѣе годною для шляпъ и войлоковъ *). Прибавлю еще, что изъ Англіи привозили тогда значительное количество соли какъ въ Нарву, такъ и къ Розовому острову. На Двинѣ, хотя здѣсь были свои соловарни, Англичане получали выгоды six dingots на пудъ.

---

*) Директоры писали: There is a certayne kind of woll verie good in those parts for hatts and ffelts. The Tartarians are accoustomed to make their clooks therof, yt is much like the Estrich wooll. We praye you to send us some therof for a prooffe, ffor we have more perfect ffelts made here in London at this present, than any are made in Spaigne and in great quantitie also.

VI.

Грамота царя Іоанна В., отправленная съ Савинымъ королевѣ Елизаветѣ, — первая, сохранившаяся въ Англіи въ русскомъ оригиналѣ. — Текстъ ея. — Возвращеніе Савина и утвержденіе торговаго договора англійскою королевою. — Докторъ Бомель въ Москвѣ. — Неудовольствіе Іоанна В. на результатъ переговоровъ. — Конфискація англійскихъ товаровъ и уничтоженіе привилегій, данныхъ Лондонской компаніи. — Пріѣздъ Беста въ Москву для переговоровъ по этимъ дѣламъ. — Голодъ и моровая язва въ Москвѣ; нашествіе Девлетъ-Гирея. — Пожаръ въ Москвѣ. — Гибель дома англійской факторіи въ Москвѣ и многихъ Англичанъ въ пожарѣ. — Пріемъ Беста царемъ въ Александровской слободѣ и обѣщаніе возстановить привилегіи. — Прибытіе Дженкинсона и пріемъ его въ Александровской слободѣ. — Возстановленіе привилегіи. — Отвѣтъ царя отъ 14 мая 1572 г. и возвращеніе Дженкинсона въ Лондонъ.

—

Посланная съ Савинымъ грамота царя Іоанна Васильевича къ королевѣ Елисаветѣ подписана въ одинъ день съ привилегіей, именно 20 іюня 1569 г. въ Вологдѣ. Это — древнѣйшая царская грамота, сохранившаяся въ русскомъ подлинникѣ въ Англіи, и потому она не лишена для насъ интереса. Бывъ сложена вдвое, она на складкѣ сильно пострадала отъ огня, вслѣдствіе чего она состоитъ теперь изъ двухъ половинокъ. До сихъ поръ, кажется, никто не касался ея содержанія: въ каталогѣ Коттоновой библіотеки (Nero; B. XI, 90) она значится подъ названіемъ «двухъ русскихъ бумагъ» — «two papers, Russian». Вотъ текстъ, снятый мною съ этого документа:

«Сестрѣ нашей Елизавети. Божиею милостию королевне «аглинской Французовской хиперской оборонителной християнские «вѣры и иныхъ. Что присылала еси къ намъ посла своего то«моса рандолфу зъ грамотою а въ ней писала еси... И мы ту «твою грамоту сестры своей вычли и вразумѣли гораздо и что «твоего наказу съ нимъ было и то все до нашыхъ ушь донесе«но. и твоего посла томоса рандолфа вѣрнейшаго слугу твоего

съ честностию посолскимъ обычаемъ приняли и какъ межъ насъ съ тобою съ сестрою своею братству и любьви быти..... и «дѣло дѣлати съ твоими послы боярина своего и намѣст-«ника вологодцкого князя ѳонасья ивановича вяземского да діяка своего петра григорьева и какъ пригожъ межъ насъ брат-«ству и любви быти. и они по нашему повелѣнию съ твоимъ «посломъ сестры нашые съ томосомъ съ рандолфомъ на томъ и «договоръ учинили. и мы твоего посла томоса рандолфа къ те-«бѣ сестрѣ своей отпустили а съ нимъ къ тебѣ послали есмя «отъ своихъ вѣрниишихъ ближнего своего дворянина ондрѣя «григорьевича совина да съ нимъ діяка своего семена савостья-«нова и о всѣхъ своихъ дѣлехъ приказали есмя къ тебѣ сестрѣ «своей съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ «совинымъ и съ твоимъ посломъ съ томосомъ какъ межъ насъ «братству и любви быти и межъ обѣихъ земель покою и до-«брому прибытку быти. а о томъ бы еси на насъ не подивила «что посла есмя твоего у собя позадержали. посолъ твои поза-«держался тѣмъ обычаемъ по тому какъ есмя къ тебѣ твоего «посланника онтонія отпустили и которые рѣчи къ тебѣ съ нимъ «приказывали и какъ по тѣмъ срокомъ какъ было къ намъ бы-«ти отъ тебя сестры нашые королевны онтонью и намъ про он-«тонья вѣдома никоторого не учинилось а твой посолъ томосъ «рандолфъ ещо не пришолъжо. ино пришолъ посланникъ твой «юрьи милдунтинъ на ругодивъ такъже и выные мѣста пришли «многие посланники а сказывались всѣ твоими гонцы и мы ихъ «велѣли роспрашивати твой посланникь онтоней сестры нашие «до тебя дошолъли и что о томъ къ намъ приказъ естьли и «какъ онтоней къ намъ будетъ или хто иной въ его мѣсто къ «намъ будетъ и они обнявся гордостью къ намъ никоторого от-«вѣту не учинили и къ нашему *)... дѣло всторонѣ. а во.. всѣхъ «г.. напередъ дѣла кончаютца да потомъ прибытковъ ищутъ. а

---

*) Недостающія здѣсь строки читаются въ современномъ англійскомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «They (Manley and Middleton) would not come to our near and privie connsaile and would make them privie of none of theire affaires, all that they saide was of marchannt affaires and settinge our highnes affaires aside, as it is the use of all countries that princes affaires should be first ended and after that to seek a gaine».

«и посолъ твой томосъ пріѣхавшы за тѣмъ же замешкалъ что «посылали есмя къ нему и пятья и шестья чтобъ у нашихъ со«вѣтниковъ былъ и для того известилъ съ какимъ онъ дѣломъ «пріѣхалъ и мыбъ потому его посолство приняли для того что «есмя которое слово приказывали къ тебѣ къ сестрѣ своей съ «онтоньемъ и тому дѣлу явно быти не пригожъ и посолъ твой «не поѣхалъ же къ нашимъ бояромъ на совѣтъ и то дѣло за «тѣмъ проволоклося и какъ посолъ твой наши очи виделъ и боя«ромъ нашимъ то извѣстилъ что за нимъ о томъ дѣле что есмя «къ тебѣ съ онтоньемъ приказывали приказъ есть и мы его «учали жаловати и то дѣло почалось дѣлати и совершивъ «то дѣло отпустили есмя его къ тебѣ съ своимъ посломъ «съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ совинымъ. а что еси при«слала къ намъ свою грамоту съ своимъ гонцомъ съ юрьемъ «съ милдюнтинымъ и съ купцы о купецкомъ дѣле и о счете и «мы то приказали боярину своему и намѣстнику вологодцкому «князю ѳѳанасью ивановичю вяземскому съ твоимъ посломъ съ «томосомъ сыскати и купцы твои съ тѣми купцы которые у «насъ въ нашемъ государьстве съ томосомъ считались да сче«стись здѣсе не умѣли. и мы для счету отпустили въ твою зем«лю томоса иванова съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ гри«горьевичемъ и они межъ собя тамъ сочтутца а къ тебѣ къ се«стрѣ своей королевне елизавети о твоихъ купцѣхъ о томосе «да о рафе да о христофоре прнказали есмя говорити своимъ «словомъ послу своему ондрѣю григорьевичю въ чемъ передъ «тобою тѣ купцы виновати и тыбъ тѣхъ купцовъ для нашего слова «пожаловала опалу свою отдала имъ по тому что тѣ купцы томосъ «да рафъ въ томъ дѣле съ начала были какъ у насъ съ тобою «быти братству и любви. а гостемъ твоимъ и купцомъ о тор«говле какъ имъ въ наше государьство и выные государства «черезъ наше государство ходити съ торгомъ дали есмя грамо«ту по твоему прошенью и по ихъ челобитью а у твоихъ же «купцовъ у томоса у иванова съ товарищи грамоту есмя взяли «а ту есмя грамоту дали б...ж... нашие любви и братства. Да«на грамота... москов... миру ,зоз мѣсяца іюн... а царствъ на«шихъ росіиского кг казанского зі астраханского еі».

Савинъ подалъ королевѣ Елизаветѣ русскую грамоту съ

латинскимъ и итальянскимъ переводомъ [1]). Онъ всѣми силами добивался формальнаго акта о заключеніи дружественнаго союза между своимъ государемъ и англійскою королевою. 6 мая 1570 г. представилъ онъ ноту, которою просилъ, чтобы актъ былъ составленъ для царя (не знавшаго чужихъ языковъ) на русскомъ языкѣ, точь въ точь съ его словъ, чтобы королева подписала его и приложила свою печать. Онъ желалъ также, чтобы Елизавета подтвердила договоръ присягой въ его присутствіи. Онъ просилъ, съ другой стороны, чтобы и королева отправила отъ себя посланника, принять такой актъ союза отъ его государя. Онъ выразилъ еще желаніе, чтобы въ Россію опять послали Антонія Дженкинсона, потому что все дѣло имъ было начато.

Лѣтомъ 1570 года Савинъ, съ Севастьяновымъ, Сильвестромъ и Гловеромъ, возвратился въ Москву. Въ Лондонѣ обнаружилось, что Гловеръ долженъ компаніи болѣе четырехъ тысячъ рублей, которые ему предоставлено было выплатить агенту ея въ Москвѣ, Николаю Проктору. Компанія оказала ему нѣкоторое снисхожденіе въ уваженіе просьбы Іоанна Васильевича.

Союзный актъ былъ подписанъ 18 мая. По желанію Вильяма Гаррарда, онъ былъ переведенъ Сильвестромъ на русскій языкъ еще въ Лондонѣ. Такъ какъ онъ довольно хорошо сохранился въ нашемъ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, то я не считаю нужнымъ распространяться объ немъ [2]). Замѣчу только, что Елизавета увѣряетъ Іоанна, что «она рада будетъ видѣть его въ Англіи съ благородною супругой и милыми дѣтьми», тогда какъ царь съ 1 сентября 1569 года опять былъ вдовцомъ.

Савинъ привезъ съ собою въ Москву человѣка, который

---

[1]) Въ отвѣтѣ королевы отъ 18 мая 1570, посланномъ съ Савинымъ, сказано: Both which tongues (the romayne ant the italian) wee doe well understand.

[2]) Въ Лондонѣ я нашелъ другой проектъ этого акта. Тамъ говорится: We have thought good in some secrit manner to send your highnes for a manifest and certain token of our good will to your highnes estate and suretye this our secret lettre whereunto non are privie besides ourselfe but our most secrit conncell.

надѣлалъ у насъ много зла. Это былъ докторъ Елисей Бомель. Онъ родился въ Везелѣ, въ Вестфаліи, учился медицинѣ въ Кембриджѣ и слылъ за искуснаго астролога. Въ Лондонѣ народъ стекался къ нему, какъ къ колдуну; были его почитатели и изъ знати. Архіепископъ Метью Паркеръ посадилъ его наконецъ въ тюрьму, откуда обѣщались освободить его лишь съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Англіи. 3-го апрѣля 1570 года писалъ онъ къ архіепископу, что знаетъ средство спасти Англію отъ угрожающихъ ей бѣдствій. Паркеръ въ тотъ-же день написалъ объ этомъ къ Сесилю, къ которому 7 апрѣля обратился и Бомель, представляя отрывокъ своего сочиненія: De utilitate astrologiae, въ которомъ онъ доказываетъ, что чрезъ каждыя пятьсотъ лѣтъ въ какомъ-нибудь государствѣ происходятъ великія перемѣны, и что теперь именно столько лѣтъ прошло отъ нашествія Норманновъ. Бомель, очевидно, хотѣлъ напугать правительство въ это смутное время, чтобы такимъ образомъ получить въ глазахъ его значеніе.

Въ началѣ мая Бомель увѣдомилъ Вильяма Сесиля, что находящійся въ Лондонѣ русскій посланникъ, стало-быть Савинъ, присылалъ къ нему въ тюрьму и приглашалъ его ѣхать въ Россію, обѣщая хорошее содержаніе. Бомель просилъ Сесиля не препятствовать этому проекту, потому что въ слѣдующее воскресенье Савинъ намѣренъ былъ просить на это соизволенія королевы. За это Бомель обѣщалъ Сесилю быть его усерднѣйшимъ корреспондентомъ, который будетъ сообщать ему всякаго рода свѣдѣнія о Россіи и сосѣднихъ странахъ (Moscovitarum et vicinorum mores, temperamenta, coeli qualitatem, regionis situm et res ibi memorandas), и, въ добавокъ, ежегодно присылать подарочки (munuscula grati animi significationes). Правительство, вѣроятно, радо было сбыть съ рукъ Бомеля и къ несчастію онъ дѣйствительно пріѣхалъ къ намъ съ Савинымъ.

Бомель много толковалъ съ Грознымъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Александровской слободѣ и въ Вологдѣ. Карамзинъ ошибается, полагая, что Бомель первый внушилъ Грозному мысль свататься къ королевѣ Елизаветѣ: онъ только вновь пробудилъ въ немъ эту мысль своими астрологическими бред-

нями [1]). По словамъ Горсея, который зналъ Бомеля въ Москвѣ, онъ увѣрилъ царя, что королева молода и что есть вѣроятность въ пользу его сватовства. Кромѣ того, своими коварными и корыстными интригами онъ, вѣрно, не разъ вводилъ царя въ опрометчивость. Пользуясь его благоволеніемъ, онъ не только имѣлъ средства жить роскошно, но и отправлялъ чрезъ Англію много денегъ и дорогихъ вещей въ Вестфалію [2]). И въ то-же время, по словамъ Горсея, оставался всегдашнимъ врагомъ Англіи. Онъ былъ казненъ за заговоръ, составленный имъ съ нѣкоторыми другими лицами въ пользу королей польскаго и шведскаго. Сначала онъ запирался, разсчитывая на друзей въ числѣ назначенныхъ Іоанномъ для изслѣдованія дѣла вмѣстѣ съ царевичемъ; но пытка заставила его разсказать больше, чѣмъ заключалось въ его письмахъ, писанныхъ частію по-латыни и по-гречески, частію цыфрами. Карамзинъ говоритъ, что онъ «сожженъ былъ всенародно»; это не совсѣмъ точно. Послѣ пытки, его привязали къ жерди и палили на огнѣ; потомъ, положивъ за мертво на сани, повезли его въ Кремль. На пути, Горсей въ толпѣ, сопровождавшей этотъ поѣздъ, замѣтилъ, что Бомель одинъ разъ открылъ глаза и произнесъ имя Христа. Затѣмъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму и тамъ умеръ [3]). Жена его, урожденная Рикардсъ, въ 1583 г. возвратилась въ Англію съ Іеронимомъ Баусомъ.

---

1) «He had deluded the Emperor makinge him believe the Queen of England was yonge and that yt was very favorable for him to marry her». Горсей.

2) «He lived in great favour and pompe a skilfull mathematician a wicked man and practicer of much mischieff, most of the Noble wear glad of his dispatch for he knew much by them. He had conveyed great riches and treasures owt of the country by way of England to Waesell in Waestvallia where he was bowrn though brought up in Cambridge, an enymie alwaies to our nation». Strype говоритъ о Бомелѣ: «he was a physician of great fame pretending to be skilled much in art magic and astrology as well as physic perhaps the son of Henricus Bomelius a preacher of God's word at Wezel».

3) «Upon the racke his arms drawen back disjointed and his leggs stretched from his middell loynes, his back and bodie cutt with wyre whipps confessed much and many things more than was written or willinge the Emperor should knowe. The Emperor sent word they should rost him. Taken from the pudkie and bound to a wooden pooel or spitt his bloudy cutt back and body rosted and scorched till they thought no liff in him. Cast into a slead brought throw the castell. I prest amonge many others to see him. Cast up his eys naminge Christ. Cast into a dungeon and died there».

Іоаннъ Васильевичъ нисколько не былъ доволенъ тѣмъ, что Савинъ успѣлъ сдѣлать въ Лондонѣ. Въ оправданіе свое, Савинъ письменно изложилъ царю, что тамъ поступали съ нимъ не такъ, какъ слѣдовало съ посланникомъ. Хотя Савинъ умеръ, но его записка оставалась вреднымъ для англійскаго купечества документомъ.

Бывшій съ Савинымъ въ Лондонѣ, толмачъ Даніилъ Сильвестръ, теперь, 24 октября 1570 года, былъ отправленъ съ грамотой царя къ королевѣ Елизаветѣ. Эта грамота содержитъ краткій историческій обзоръ бывшихъ доселѣ сношеній Россіи съ Англіей, — обзоръ не совсѣмъ точный. Въ немъ говорится, будто Чанслеръ пріѣзжалъ въ Россію трижды. Царь жалуется, что Дженкинсонъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія касательно тайнаго порученія, хотя онъ, какъ и бывшій притомъ переводчикомъ, Ральфъ Руттеръ, далъ клятву въ вѣрности. Царь высказываетъ свое неудовольствіе на Рандольфа еще за то, что онъ ни князю Вяземскому, и никому другому не хотѣлъ предварительно объявить, данъ ли ему какой-либо отвѣтъ на тайное порученіе царя. Савинъ не былъ будто бы принятъ, какъ слѣдовало. Царь говоритъ, что Елизавета царствуетъ, какъ женщина, слабо, предоставляя купцамъ распоряжаться дѣлами. Ни о его желаніяхъ, ни о его порученіяхъ, — думаютъ только о своихъ купеческихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе того, заключаетъ царь, теперь онъ приказалъ тотчасъ уничтожить всѣ привилегіи, какъ данныя Рандольфу, такъ и прежнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что теперь онъ отказывается отъ своихъ видовъ касательно Англіи *).

---

*) На англійскомъ языкѣ эта грамота передана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «You have set aside those (our) great affaires and your councell doth deale with our ambassadour about marchannts affaires. And your marchannts (разумѣются члены Россійской компаніи) did rule all our busines and wee had thought that you had been ruler over your lande and had sought honor to your self and profitt to your countrie and therefore wee did pretend those wightie affaires between you and us. But now wee percieve that there be other men that doe rule and not men but bowres and marchannts the which seeke not the wealth and honour of our majesties, but they seeke their own proffitt of marchanndize. And you flowe in your maydenlie estate like a maide and whosoever was trusted in our affaires and did deceave us, it were not meete that you should creddítt them. And

Еще до прибытія Сильвестра въ Лондонъ, королева, вслѣдствіе извѣстія объ уничтоженіи привилегій, полученнаго директорами Россійской компаніи, отправила къ Іоанну Васильевичу съ письмомъ отъ 24 анваря 1571 года вышеупоминаемаго Роберта Беста, какъ человѣка, хорошо знавшаго по-русски и уже нѣсколько знакомаго царю. Отъ того-же числа королева писала къ королю шведскому Іоанну III, что царь безъ всякаго основанія конфисковалъ всѣ англійскіе товары въ Россіи (inictis manibus sub aresto custodiantur). Потому компанія отправляетъ теперь этого посла (разумѣется Бестъ, впрочемъ не названный здѣсь по имени), для переговоровъ: царь названъ здѣсь Dux). Королева говоритъ далѣе, что купцы намѣрены вывезти изъ Россіи всѣ свои товары, чтобы впредь не подвергаться такимъ непріятностямъ, и потому проситъ короля дать послу свободный пропускъ туда и обратно. Точно также и въ будущее лѣто корабли англійскихъ купцовъ будутъ проходить мимо Швеціи.

Въ письмѣ къ Іоанну Васильевичу Елизавета увѣряетъ, что Савинъ былъ принятъ со всѣмъ должнымъ почетомъ въ Лондонѣ и проситъ дозволить ея подданнымъ свободную торговлю, какъ было прежде.

Бестъ прибылъ въ Россію въ тяжелое время. Здѣсь царствовалъ страшный голодъ *) и свирѣпствовала моровая язва. Въ довершеніе этихъ бѣдствій, 24 мая (1571) явился подъ Москвою ханъ Девлетъ-Гирей съ многочисленною толпою Та-

---

now seeinge it is so wee doe sett aside these affaires and those bowrishe marchannts that have been the occasion that the pretended welthes and honors of our maiesties hath not come to passe but doe seeke their owne wealthes they shall see what traffique they shall have here... all those priviledges which wee have given affore time shall be from this daie of none effect». Въ это трудное время, именно съ 1567 по 1571 годъ, агентомъ компаніи въ Москвѣ былъ Вильямъ Роулей (Rowley), большой знатокъ въ отдѣлкѣ суконъ и въ торговлѣ ими.

*) Даніилъ Сильвестръ съ извѣстіемъ о голодѣ въ Россіи прибылъ въ Лондонъ, вѣроятно, еще въ концѣ 1570 года; потому что въ слѣдующемъ, 1571 году, уже привезенъ на Розовый островъ хлѣбъ изъ Англіи. Этимъ хлѣбомъ былъ нагруженъ, вѣроятно, корабль the Magdalene, на которомъ пріѣхалъ Ричардъ Оскомбъ. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ Англичане не могли продавать и хлѣба: только въ 1572 г. Дженкинсонъ въ Старицѣ испросилъ на то у царя разрѣшеніе. Продажа производилась безпошлинно.

таръ. Варварамъ удалось зажечь нѣсколько домовъ въ предмѣстіяхъ, и въ нѣсколько часовъ царская столица сгорѣла дотла, такъ, что въ ней, по словамъ одного Англичанина, не осталось кола, чтобы привязать лошадь. Нѣсколько сотъ тысячъ людей, здѣшнихъ и изъ окрестностей, погибло отъ огня, или задохнулось въ каменныхъ церквахъ и погребахъ, или потонуло въ Москвѣ рѣкѣ. Дженкинсонъ въ письмѣ отъ 8 августа 1571 и кто-то изъ посольства короля Сигизмунда отъ 20 іюня 1570, согласно показываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи голодъ принуждалъ народъ къ людоѣдству. Дженкинсонъ замѣчаетъ, что моровая язва похитила тогда около трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, и около того-же числа истреблено нашествіемъ Девлетъ-Гирея.

Домъ компаніи на Варваркѣ также сгорѣлъ, и въ принадлежавшемъ къ нему погребѣ погибло до тридцати человѣкъ, его жильцовъ и ихъ друзей и знакомыхъ, искавшихъ въ немъ убѣжища. Въ числѣ погибшихъ были: Томасъ Соутгемъ, въ 1566 году совершившій поѣздку съ Двины въ Новгородъ; Томасъ Карверъ, аптекарь, пріѣхавшій въ Москву въ 1567 или 1568 г.; вдова золотыхъ дѣлъ мастера, Томаса Грина, съ двоими своими дѣтьми и съ двоими же дѣтьми Ральфа Руттера; но самъ Руттеръ и его жена, равно Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ, спаслись какимъ-то чудомъ. Прежній агентъ Томасъ Гловеръ и тогдашній — Вильямъ Роулей, чтобы спастись отъ жара и духоты въ пивномъ погребѣ, рѣшились уйти изъ него въ другой погребъ. Не смотря на ѣдкій дымъ, непозволявшій открыть глазъ, имъ удалось добраться до другаго погреба; но шедшій за ними мальчикъ погибъ въ пламени. Въ этомъ новомъ убѣжищѣ они нашли Джона Спарка, спутника Соутгему въ 1566 г. и соучастника четвертой экспедиціи въ Персію, подъ начальствомъ Артура Эдуардса въ 1568—1569 г. Томасъ Гловеръ, едва спасшійся отъ пожара, вскорѣ уѣхалъ въ Нарву. Отсюда послалъ онъ, отъ 2 іюля (1571 г.) описаніе этого бѣдствія, постигшаго Москву и домъ англійской компаніи при письмѣ къ старшему изъ ея директоровъ, Вильяму Гаррарду, предоставляя разсказать дальнѣйшія подробности посланному съ этимъ письмомъ слугѣ своему, Джону Гонту.

Другое, менѣе обстоятельное описаніе пожара прислано въ Лондонъ, какъ кажется, Николаемъ Прокторомъ (который впослѣдствіи былъ агентомъ въ Москвѣ); сочинитель говоритъ, что онъ оставилъ Москву за восемь часовъ до запора воротъ и до появленія пламени и спѣшно ѣхалъ въ Ярославль черезъ Переяславль и Ростовъ. Въ концѣ іюля мы видимъ его на Розовомъ островѣ, гдѣ онъ разсказалъ о пожарѣ прибывшему тогда, въ одно время съ Дженкинсономъ, изъ Англіи Ричарду Оскомбу (Uscombe), который передалъ этотъ разсказъ въ письмѣ отъ 5 августа, съ Розоваго острова, къ Генриху Лену. Оба описанія въ сущности согласны: только погибшихъ здѣсь полагается 25, а не 30, какъ у Гловера *). Убытки компаніи отъ пожара были значительны: Вильямъ Роулей оцѣнилъ ихъ въ десять тысячъ рублей.

При приближеніи Татаръ, царь Іоаннъ Васильевичь изъ Серпухова, не заѣзжая въ Москву, прямо отправился на Переяславль и прибылъ въ Ярославль. Здѣсь онъ остановился лишь проѣздомъ въ Вологду, гдѣ онъ въ 1566 году построилъ Кремль съ каменнымъ помѣщеніемъ для своей казны и откуда онъ могъ отплыть на построенномъ для него, просторномъ суднѣ, на Розовый островъ, чтобы укрыться отсюда въ уединенный Соловецкій монастырь, или, въ случаѣ большей бѣды, отправиться въ Англію. Позднѣе онъ избралъ себѣ мѣстопребываніе между Москвою и Ярославлемъ, въ Александровской

---

*) Извѣстный исторіографъ Англіи и Лондона, Джонъ Стоу (Stow), приготовлявшій тогда къ новому изданію свои «Englishe Chronicles», скопировалъ оба описанія московскаго пожара, но невѣрно, и притомъ безтолково слилъ ихъ въ одно. Сверхъ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Гловеръ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, Стоу ошибочно ставитъ: Вильямъ, вмѣсто: Томасъ. Рукопись Стоу хранится въ Британскомъ Музеѣ, съ надписью in Stow's handwriting. Съ этой бумаги снятъ былъ для графа Н. П. Румянцова неполный и съ ошибками списокъ подъ заглавіемъ: Destruction of Moscow by John Stow. Это ввело въ ошибку Аделунга, который считаетъ Стоу сочинителемъ этого описанія, и догадывается, что онъ былъ въ 1571 г. при торговыхъ дѣлахъ въ Москвѣ и какъ очевидецъ описалъ ея бѣдствіе. Съ этой рукописью соединенъ въ одинъ переплетъ сдѣланный Іеронимомъ Горсеемъ переводъ письма Θеодора Іоанновича къ королевѣ Елизаветѣ отъ апрѣля 7097, т. е. 1589 г. (о докторѣ Флетчерѣ): этотъ переводъ Аделунгъ принимаетъ за окончаніе мнимаго сочиненія Стоу о Московскомъ пожарѣ.

слободѣ (нынѣ Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи). Отсюда отвѣчалъ онъ въ августѣ 1571 г. королевѣ Елизаветѣ на письмо, присланное съ Робертомъ Бестомъ. Онъ обѣщалъ возстановить привилегіи, если Дженкинсонъ привезетъ ему удовлетворительный отвѣтъ на данное ему тайное порученіе *). Въ припискѣ къ этому письму сказано, что царь сейчасъ получилъ извѣстіе о прибытіи Дженкинсона на Двину.

26 іюля Дженкинсонъ, съ толмачемъ Даніиломъ Сильвестромъ дѣйствительно явился на Розовомъ островѣ. Онъ пріѣхалъ на кораблѣ the Swallow, который плылъ въ сопровожденіи корабля Harry. Нѣсколько раньше Дженкинсона на Розовый островъ пріѣхалъ Николай Прокторъ и сообщилъ ему, что царь чрезвычайно сердитъ на него. Дженкинсонъ отправилъ къ нему Сильвестра просить его приказаній на счетъ переговоровъ. Кромѣ главнаго письма къ Іоанну, Дженкинсонъ снабженъ былъ другимъ краткимъ, которое онъ долженъ былъ послать къ царю для извѣстія о своемъ прибытіи. Въ Кембриджѣ я нашелъ двѣ редакціи такого письма. По причинѣ карантиновъ ни Сильвестру, ни другому послу не удалось доѣхать до мѣстопребыванія царя; но мы видѣли, что онъ уже въ августѣ имѣлъ свѣдѣніе о пріѣздѣ Дженкинсона. Въ то время Грозный въ Александровской слободѣ занятъ былъ выборомъ невѣсты и 24 октября женился на прекрасной новгороженкѣ Маѳѣ Васильевнѣ Собакиной. Но этотъ flos florum быстро увялъ: черезъ семнадцать дней послѣ свадьбы она скончалась. Чрезъ недѣлю послѣ своей свадьбы Грозный женилъ царевича Іоанна на Евдокіи Богдановнѣ Сабуровой, которую онъ самъ выбралъ также изъ числа многихъ созванныхъ ко двору дѣвицъ. Овдовѣвъ, Іоаннъ Ва-

---

*) Бесту поручено было также просить царя объ освобожденіи Томаса Грина и Ральфа Руттера, которыхъ, по разсказу Рандольфа, считали заключенными въ тюрьму. Но Гринъ уже умеръ, а объ Руттерѣ, который былъ уже освобожденъ и котораго требовали въ Лондонъ, для того чтобы онъ далъ отчетъ компаніи, Іоаннъ Васильевичь отвѣчалъ, что онъ отпуститъ его по исполненіи вышеупомянутаго условія. Съ Дженкинсономъ Елизавета еще разъ писала отъ 2 іюня (1571 г.) объ отпускѣ Грина.

сильевичъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о прежнемъ царскомъ посѣщеніи. Онъ прибылъ туда 24 декабря и выѣхалъ оттуда 18 анваря 1572 года. По возвращеніи своемъ въ слободу, онъ позвалъ изъ Холмогоръ Дженкинсона. 23 марта Дженкинсонъ явился къ царю и поднесъ письмо королевы Елизаветы отъ 2 іюня 1571 г., въ которомъ она отвѣтила на всѣ пункты, выставленные въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года.

И съ этого интереснаго письма я снялъ для себя копію въ Кембриджской публичной библіотекѣ. Странно, что ошибка, допущенная въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года касательно троекратнаго пріѣзда Чанслера въ Москву, и здѣсь повторяется безъ всякаго замѣчанія. Въ письмѣ королевы говорится: Scribit deinde Serenitas Vestra eundem Ricardum Chansler iterum et tertio missum et semper quidem honorifice tractatum et dimissum incolumem. Касательно тайнаго порученія сказано, что Дженкинсонъ вѣрно исполнилъ оное въ свое время, и что его до сихъ поръ не отправляли къ царю потому, что его нужно было употребить противъ непріятеля на водѣ и на сушѣ. Поведеніе Менлея королева обѣщала подвергнуть изслѣдованію, а Миддельтонъ (quem probum virum cognovimus) былъ, вѣроятно, не вѣрно понятъ. О Рандольфѣ сказано, что ему было приказано отдать письмо королевы прямо царю, не говоря о его содержаніи съ совѣтниками. О Савинѣ королева полагаетъ, что его донесеніе въ результатѣ все-таки должно быть удовлетворительно для царя. На замѣчаніе царя касательно управленія Елизаветы сказано: Ille (Jenkinson) verissime narrabit Serenitati Vestrae mercatores nullos statum et res nostras gubernare sed nosmet ipsos rebus gerendis invigilare ut virginem et reginam decet a Deo optimo maximo constitutam, nec usquam gentium cuiquam principi maiorem praeberi obedientiam quam nobis a nostris populis, quod cum Dei optimi maximi munus sit eius numini gratias ob id agimus humilissimas et maximas. Королева надѣется, что привилегіи Англичанъ будутъ возстановлены, напоминаетъ царю о взятіи Вильямомъ Борро польскихъ пиратскихъ кораблей близъ Нарвы въ 1570 году, и замѣчаетъ, что Англія можетъ быть полезна Рос-

сіи разнымъ образомъ: res omnis generis in vestrum imperium subditi nostri exportaverunt ad conciliandam vestram benevolentiam, quas nos ad alios nullos orbi terrae principes exportari sinimus (намекъ на военные снаряды). Et vero possumus vobis confirmare multos principes ad nos scripsisse (разумѣются преимущественно императоръ Фердинандъ и король польскій Сигизмундъ), ut vestram amicitiam deponeremus, nos tamen nullis literis adduci potuimus quin constanter in amicitia permanerimus.

По окончаніи церемоніальной аудіенціи, Іоаннъ Васильевичь удержалъ у себя Дженкинсона еще нѣсколько времени, при чемъ, кромѣ секретаря, присутствовалъ только толмачъ Сильвестръ. Царь говорилъ о причинахъ своего неудовольствія. Кромѣ Менлея и Миддельтона, онъ изъявлялъ неудовольствіе еще на Эдуарда Гудмана, который былъ будто-бы посланникомъ въ Нарвѣ; но я нигдѣ не нашелъ извѣстія о томъ, чтобы Гудманъ былъ отправленъ туда съ порученіемъ отъ королевы или отъ директоровъ компаніи. Дженкинсонъ старался оправдать поведеніе Рандольфа, напоминалъ выгоды, которыя Англія доставляетъ Россіи и просилъ возобновить привилегіи. Имѣя въ виду свой скорый отъѣздъ изъ Александровской слободы, царь велѣлъ Дженкинсону ожидать его прибытія въ Твери. 8 мая онъ потребовалъ его къ себѣ въ Старицу (въ Тверской губерніи) и на аудіенціи 23 мая объявилъ ему то-же, что писалъ королевѣ съ Сильвестромъ, прибавивъ впрочемъ, что теперь, посольствомъ Дженкинсона, онъ удовлетворенъ и думаетъ возобновить привилегіи; но и теперь онъ повторилъ, что рѣшительно отказывается отъ своихъ прежнихъ разсчетовъ на Англію.

Такъ какъ Іоаннъ Васильевичь въ этотъ разъ намекалъ на дурное поведеніе Англичанъ въ Россіи, то кстати замѣтить, что и директоры Россійской компаніи въ Лондонѣ еще за пять лѣтъ до того сильно упрекали своихъ прикащиковъ за ихъ поведеніе въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ. Отъ 18 апрѣля 1567 г. они писали къ своему повѣренному Вильяму Роулею о вкравшихся между ними безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ-то: о пьянствѣ (typling), плотскомъ развратѣ, содержаніи

собакъ и медвѣдей, излишней роскоши въ платьѣ (in velvets and silke), выѣздахъ (they ride when we goe afoote). Имъ предписано было форменное платье и опредѣлена цѣна каждой одежды. Шуба, назначенная на три года, поставлена въ этой табели цѣною въ одинъ рубль

Въ слѣдующій день Дженкинсонъ получилъ отвѣтъ на всѣ свои просьбы, грамоту къ королевѣ и приказаніе отправиться въ Холмогоры, куда ему обѣщали прислать привилегію и Ральфа Руттера, котораго требовали въ Англію. Но въ концѣ іюля Дженкинсонъ принужденъ былъ сѣсть у Розоваго острова на корабль безъ привилегіи и безъ Руттера. Послѣ долгаго и въ высшей степени опаснаго плаванія, 10 сентября онъ присталъ къ берегу въ Норфолькѣ. Хотя онъ былъ цѣлый годъ въ Россіи, однако вовсе не видалъ Москвы, которая за нѣсколько мѣсяцевъ до его пріѣзда въ Россію сгорѣла.

VII.

Новое письмо королевы Елизаветы 20 октября 1572 года посл. съ Сильвестромъ, объ огражденіи компаніи отъ нарушенія ея привилегіи англійскими купцами. Отвѣтъ царя отъ 15 апрѣля 1773 года. — Письма королевы отъ 27 октября того-же года; и отъ 26 мая 1574; послѣднее объ удовлетвореніи за Англичанъ, ограбленныхъ и убитыхъ на Каспійскомъ морѣ. — Мѣновая торговля Англичанъ на лапландскомъ берегу. — Переписка и переговоры между царемъ и королевой въ 1574 и 1575. — О времени назнанія Симеона Бекбул. госуд. Московскимъ. — Свидѣтельства Вильбрандта, Горсея, Флетчера, Кобенцеля. — Грамота отъ имени Симеона. — Отправленіе Сильвестра въ Лондонъ съ жалобами царя 29 янв. 1576 г. — Смерть Сильвестра отъ грома. — Нѣкоторыя свѣдѣнія по запискамъ Горсея о его позднѣйшихъ услугахъ царямъ Іоанну В. и Ѳедору Іоанновичу.

На письмо царя отъ 14 мая (1572 г.), привезенное Дженкинсономъ, Елизавета отвѣчала письмомъ изъ Виндзора отъ 20 октября того-же года. Королева говоритъ, что Іоаннъ Васильевичъ такъ много сдѣлалъ для Англичанъ, что ей нечего желать болѣе (nihil uberius fieri potuerit, nec in amicitia honorificentius); поручаетъ покровительству царя находящихся въ

Россіи членовъ компаніи, особенно новаго агента ея, Николая Проктора, и ожидаемыхъ изъ Персіи Бенистера и Доккета (перваго впрочемъ тогда уже не было въ живыхъ), и проситъ не принимать ни какихъ просьбъ отъ Гловера и Руттера, давно уже не принадлежащихъ къ компаніи, а отправить ихъ чрезъ Проктора въ Англію. Это письмо Елизаветы отправлено въ Москву съ Сильвестромъ.

Любопытно видѣть, сколько участія принимала въ дѣлахъ компаніи Елизавета. Когда компанія хотѣла что-нибудь испрашивать у царя, директоры подавали записку о томъ Вильяму Сесилю (съ 1571 онъ Lord Burghley), который немедленно докладывалъ о ихъ желаніи королевѣ. Въ настоящемъ случаѣ просьба компаніи отъ эльдермана Ліонеля Доккета была подана лорду 18 октября чрезъ Даніэля Сильвестра, которому хорошо были извѣстны ходъ и положеніе вещей. Доккетъ просилъ, чтобы письмо королевы дано было Сильвестру на англійскомъ языкѣ, потому что онъ не знаетъ латинскаго языка, и въ Москвѣ едва-ли кто съумѣетъ правильно перевести письмо съ латинскаго на русскій. По той-же причинѣ съ письмомъ королевы отправленъ былъ именно Сильвестръ, а не другой кто-нибудь.

15 апрѣля 1573 года Іоаннъ Васильевичъ писалъ Елизаветѣ чрезъ Сильвестра, что онъ, по ея желанію, предоставилъ Проктору и другимъ Англичанамъ, принадлежащимъ къ компаніи, полную свободу торговли, а Гловера, Руттера и другихъ соперниковъ привилегированной компаніи выслалъ изъ своей земли.

Королева благодарила письмомъ отъ 26 іюля и рекомендовала царю новаго агента, Вильяма Меррика.

Королева узнала отъ Сильвестра, что въ Новгородѣ конфискованы товары компаніи за то, что въ войскѣ шведскаго короля Іоанна III, противъ Россіи оказалось много Англичанъ. Королева отстраняетъ эту непріятность, увѣряя, что то были, безъ сомнѣнія, Шотландцы, а не Англичане. Андрей Атертонъ назначенъ факторомъ, вѣроятно, въ Новгородъ.

27 октября (1573) и 26 мая (1574) Елизавета опять писала къ Іоанну Васильевичу: первое изъ этихъ писемъ привезено

опять Сильвестромъ. Королева узнала, что партія Доккета на возвратномъ пути изъ Персіи ограблена на Каспійскомъ морѣ и что при этомъ нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Они просили царя потребовать удовлетворенія. Вмѣстѣ она сообщаетъ, что теперь, по возобновленіи милости царя и по удаленіи Гловера и другихъ безпокойныхъ людей, она намѣрена посылать въ Россію много кораблей и назначаетъ главнымъ агентомъ своимъ Вильяма Борро, котораго и рекомендуетъ царю.

Въ 1574 году было также прислано нѣсколько компанейскихъ Англичанъ на лапландскій берегъ для мѣновой торговли. Тамъ зимовали: Роджеръ Личь (Leeche), Джемсъ Альдей, Христофоръ Кольтъ и виноторговецъ Адамъ Тонсталь (Tunstal): съ ними былъ еще мальчикъ. Съ 1565 года къ лапландскому берегу стали ѣздить антверпенскіе купцы. Въ 1570 г. они въ первый разъ побывали на Корельскомъ морѣ. На голландскихъ корабляхъ пріѣзжали тогда итальянскіе художники и мастеровые къ Соловецкому монастырю, откуда по Онегѣ отправлялись въ Москву.

Іоаннъ Васильевичь отвѣчалъ королевѣ чрезъ Сильвестра 20 августа (1574 г.). Онъ жалуется на поступки нѣкоторыхъ Англичанъ въ Россіи, на службу ихъ соотечественниковъ въ войскѣ короля шведскаго и вновь напоминаетъ о неисполненіи данныхъ въ 1567 г. Дженкинсону, тайныхъ порученій и выраженныхъ имъ тогда желаній.

Королева отвѣчала на это 9 мая 1575, отправивъ того-же Сильвестра, который теперь снабженъ былъ подробною инструкціей. Въ этомъ письмѣ королева изъявляетъ сожалѣніе, что Англичане въ Россіи ведутъ себя будто-бы дурно, но полагаетъ, что это, можетъ быть, не принадлежащіе къ компаніи; повторяетъ, что мнимые Англичане, находящіеся въ шведской службѣ, вѣроятно, Шотландцы, надъ которыми она не имѣетъ власти. Дѣло о тайномъ порученіи она считаетъ со времени послѣдняго посольства Дженкинсона совершенно оконченнымъ. Присяги въ охраненіи союзнаго договора она не приняла, чтобы не возбудить толковъ, а мысль о убѣжищѣ въ Россіи была бы крайне непріятна ея подданнымъ.

29 ноября 1575 г. Сильвестръ имѣлъ въ Москвѣ аудіен-

цію у Іоанна Васильевича въ его опричнинскомъ дворцѣ, который онъ построилъ внѣ Кремля, по ту сторону Неглинной близъ Воздвиженки, тамъ, гдѣ былъ прежде, сгорѣвшій въ 1564 г. домъ черкасскаго князя Михаила Темрюковича. Эта аудіенція достопамятна въ Русской Исторіи: изъ нея видно, что тогда Іоаннъ Васильевичь только-что возвелъ въ званіе правителя государства, татарскаго хана Саинъ-Булата, крещеннаго, какъ кажется, лишь за два года до того, именно въ 1573 г. и нареченнаго Симеономъ (Бекбулатовичемъ): царь далъ ему титулъ *Великаго Князя всеа Русіи*, а себѣ предоставилъ называться лишь *Государемъ Княземъ Московскимъ*.

Іоаннъ Васильевичь еще разъ выразилъ Сильвестру (хорошо знавшему русскій языкъ) свое неудовольствіе на то, что Елизавета не вполнѣ приняла предложенныя имъ условія союза. Впрочемъ — замѣтилъ царь — онъ предвидѣлъ это еще въ 1567 году, когда давалъ порученія Дженкинсону (котораго онъ самъ тогда приводилъ къ себѣ чрезъ потаенное крыльцо). Но теперь — прибавилъ онъ — бразды правленія уже переданы имъ въ руки чужеземца, нерусскаго уроженца и не-царскаго происхожденія; впрочемъ казну онъ оставилъ въ своемъ распоряженіи. Этотъ чужеземецъ, не кто иной, какъ вышеупомянутый татарскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичь.

До сихъ поръ оставалось въ точности неизвѣстнымъ, когда именно Симеонъ Бекбулатовичь возведенъ въ правители Россіи. Но какъ мы знаемъ теперь грамоту 1 декабря 1575 г., данную еще отъ имени Іоанна, то можемъ догадываться, что правленіе великаго князя Симеона началось именно около этого времени (то есть, съ послѣднихъ чиселъ ноября или съ первыхъ декабря). Въ такомъ случаѣ въ лѣтописи Виллебранда время этого событія обозначено вѣрно. Въ ней сказано: «Въ 1575 г. великій князь Иванъ Васильевичь передалъ управленіе государствомъ татарскому князю, по имени Симеону, попавшему въ плѣнъ при взятіи Казани». Іеронимъ Горсей, одинъ изъ московскихъ приказчиковъ англійской компаніи, полагалъ, что воцареніе Симеона должно считать главнѣйшимъ образомъ за финансовую спекуляцію. Такъ писалъ и докторъ Флетчеръ въ

своей книжкѣ, которая, сказать мимоходомъ, почти вся составлена изъ извѣстій Горсея, какъ Павелъ Джіовіо составилъ свое описаніе изъ разсказовъ Дмитрія Герасимова, а Фаберъ изъ словъ Василія Власія: разница только въ объемѣ. Горсей говоритъ, что Іоаннъ короновалъ Симеона, но не торжественно и безъ совѣщанія съ думой. Онъ сказываетъ также, что самъ царь поклонился Симеону до земли и велѣлъ сдѣлать тоже высшимъ духовнымъ, дворянамъ и чиновникамъ. Замѣчательно, что и Горсей, бывавшій въ домѣ Симеонова тестя, князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго, называетъ Симеона сыномъ казанскаго хана. Около того-же времени, именно 1 декабря (1575 г.) прибылъ на границу Россіи, въ Оршу, посолъ отъ Императора Максимиліана II, Гансъ Кобенцель фонъ Проссегъ съ Даніэлемъ Принцемъ фонъ-Бухау. Царь едвали могъ быть радъ этимъ гостямъ, которые могли передать императору вѣсть о его отреченіи отъ престола. Можетъ быть, онъ желалъ бы отказать имъ въ пріемѣ; но они были аккредитованы грамотой императора и везли въ даръ царю корону съ императорскимъ шифромъ, украшенную драгоцѣнными алмазами. Пословъ проводили въ Дорогобужъ, куда отправлены были тверской воевода Никита Юрьевичъ Юрьевъ-Романовъ и можайскій воевода князь Василій Андреевичъ Сицкій-Ярославскій, съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Они представили посламъ письмо Іоанна, которымъ онъ, именуя себя царемъ, просилъ ихъ пріостановиться въ Дорогобужѣ, покуда онъ не возвратится изъ своего путешествія (предпринятаго, какъ объясняли посламъ, по обычаю православныхъ во время бывшаго тогда поста), обѣщая принять ихъ въ скоромъ времени, только не въ Москвѣ а въ Можайскѣ. Пятьдесятъ три дня прождали они въ Дорогобужѣ: въ это время въ Можайскъ перевезена изъ Москвы разная дорогая утварь для пріема и угощенія пословъ съ надлежащею пышностью. Не смотря на всѣ предосторожности, до пословъ дошли какіе-то слухи объ отреченіи царя: они узнали, что Симеонъ коронованъ былъ митрополитомъ *).

*) Кобенцель пишетъ: «Paulo ante nostrum adventum quadraginta circiter nobiles qui in caput ipsius (Joannis) iterum conspirarent, capite plexit, et

Между тѣмъ и Кобенцель и Принцъ сообщаютъ, что царь, принимая ихъ 27 янв. 1576 г. въ Можайскѣ, имѣлъ на себѣ корону (такъ какъ онъ все-таки былъ хотя только московскимъ великимъ княземъ. Возлѣ царевича стояла корона; Іоаннъ Васильевичь держалъ въ лѣвой рукѣ скипетръ, а царевичь — посохъ отца. Во время обѣда обѣ короны стояли на скамьѣ близь стола.

До сихъ поръ не замѣчали, что императорскіе послы были въ Россіи въ правленіе Симеона Бекбулатовича. Между тѣмъ это ясно обнаруживается изъ того, что Іоаннъ говорилъ Сильвестру 29 ноября 1575 года и 29 января 1576. Хотя Горсей, бывшій тогда въ Москвѣ, упоминаетъ, что великому князю Симеону поручено было принимать всѣхъ иностранныхъ пословъ, и что нѣкоторые отказались представиться ему; но это

---

ob improbilitatem subditorum imperio sese abdicans, summam rerum Simeoni Czari Casanensis filio tradidit et diadema quoque ipsi, uti ex quorumdam sermoni intelleximus, per metropolitam imposuit. Путешествіе Кобенцеля, написанное по-иллирійски и потомъ переведенное на итальянскій и на латинскій языкъ, было снабжено невѣрнымъ заглавіемъ: именно, оно приписано Филиппу Пренистайну, бывшему въ Россіи въ 1579 году. А какъ въ самомъ текстѣ записокъ авторъ называется Іоганномъ или Гансомъ, то выдумали Іоганна Пренистайна (Перништейна). Ошибка итальянцевъ повторилась и у Тургенева, а Аделунгъ на томъ-же основаніи находитъ ошибку у Карамзина, тогда какъ онъ самъ, напротивъ, дѣлаетъ ошибку, говоря о Іоганнѣ Перништейнѣ и Филиппѣ Пренистайнѣ. Онъ избѣжалъ бы этой ошибки, еслибы итальянскую рукопись Румянцовскаго Музея, снабженную невѣрнымъ заглавіемъ и такимъ-же хронологическимъ показаніемъ, сравнилъ по Вихману со спискомъ латинскаго перевода, находящимся въ Вѣнѣ. Аделунгъ полагаетъ даже, что Кобенцель и Принцъ были въ Москвѣ. Между тѣмъ дѣла этого посольства были весьма поспѣшно окончены въ Можайскѣ между 24 и 29 января 1576 года, и царь даже не пригласилъ пословъ побывать въ Москвѣ. Принцъ, также оставившій намъ о себѣ записку, долженъ былъ до мая ждать въ Дерптѣ возвращенія бѣлозерскаго воеводы, князя Захарія Ивановича Сугорскаго и дьяка Андрея Арцыбашева, которые отправлены были къ Максимиліану II. Впрочемъ пріемъ и угощеніе пословъ въ Можайскѣ были блистательны. Кобенцель рыцарскою честью увѣряетъ, что онъ не могъ бы ожидать лучшаго пріема ни въ Римѣ, ни въ Италіи. Странно, что ни Кобенцель, ни Принцъ не жалуются, что ихъ не пригласили въ Москву: они какъ будто желаютъ даже, чтобы читатель не замѣтилъ этого. Іоаннъ Васильевичь далъ богатые дары для императора и велѣлъ сказать, что ему было бы пріятно, еслибы Максимиліанъ прислалъ ему архитектора, искуснаго строить церкви и крѣпости, мастера ковать доспѣхи, и хорошихъ п щалей.

относилось, вѣроятно, только къ посламъ азіатскихъ странъ. Пословъ императора Горсей не видалъ. Съ именемъ великаго князя Симеона есть грамота, данная въ январѣ 1576 года: вѣроятно, это было до прибытія Кобенцеля въ Можайскъ. Надобно полагать, что Іоаннъ, оставивъ себѣ только титулъ князя московскаго, сдѣлалъ для императорскихъ пословъ исключеніе и потому-то не хотѣлъ принять ихъ въ Москвѣ. Онъ взялъ правленіе въ свои руки въ началѣ 7085 года, потому что отъ 2 сентября 1586 онъ далъ сохранившуюся до нашего времени грамоту, въ которой онъ называетъ себя царемъ. По этому и здѣсь хлонологія Виллебранда правильна, а Маржеретъ ошибочно продолжаетъ царствованіе Симеона на два года. Горсей пишетъ объ отрѣченіи Іоанна: The device of his own head might have sett him clear beside the saddell, if yt had continewed but a little longer. Yt is happie he is bekome invested again in statu quo prius. Флетчеръ, разумѣется, повторяетъ то же, только въ другихъ словахъ. Такимъ образомъ правленіе Симеона продолжалось отъ начала декабря 1575 года до сентября 1576 (то есть до начала 7085), слѣдовательно девять мѣсяцевъ [1]).

29 января 1576 года, Сильвестръ былъ на прощальной аудіенціи у Іоанна, конечно, въ Можайскѣ, а не въ Москвѣ [2]), гдѣ кромѣ царевича присутствовали послы императора Максимиліана, Кобенцель и Принцъ. Іоаннъ Васильевичъ опять

---

[1]) Послѣ того Симеонъ Бекбулатовичъ получилъ титулъ князя Тверскаго, отнятый у него потомъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Дальнѣйшая судьба его извѣстна. Онъ ослѣпъ. Первый самозванецъ 29 марта 1606 послалъ его въ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ принялъ имя Стефана. Царь Василій Ивановичь Шуйскій отправилъ его, 29 мая того-же года, въ Соловецкій монастырь, а князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, по его просьбѣ, снова помѣстилъ его, 25 іюня 1612 года, въ Кирилловъ монастырь. Наконецъ въ 1616 году онъ умеръ и погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ въ Москвѣ, какъ и супруга его Анастасія, умершая еще въ 1607 г., 7 іюня, монахиней подъ именемъ Александры.

[2]) Во многихъ, видѣнныхъ мною, копіяхъ записки объ этой аудіенціи читается: in his town of Moscovia, вѣроятно, по ошибкѣ писцовъ, вмѣсто Moshaisko, потому что 29 ноября 1575 г. Сильвестръ писалъ: in his Cittye of Musco (а не Moscovia) and howse of Oprisheno. Въ этихъ копіяхъ есть и другія описки.

говорилъ Сильвестру о своемъ отрѣченіи, но прибавилъ, что онъ возьметъ власть въ свои руки, когда захочетъ. Онъ сообщилъ также Сильвестру, что теперь онъ ведетъ съ императоромъ Максимиліаномъ переговоры о союзѣ, какой онъ предлагалъ Елизаветѣ, жаловался на холодность ея къ его предложенію и приписывалъ это ея высокомѣрію; упоминалъ о выгодахъ, какія доставлялъ Англичанамъ въ Россіи, именно о дозволеніи выдѣлывать канаты для англійскаго флота и торговыхъ судовъ, и кончилъ замѣчаніемъ, что онъ оказываетъ Елизаветѣ болѣе расположенія, нежели получилъ отъ нея доказательствъ дружбы.

Въ первыхъ числахъ іюля (1576 г.) Даніэль Сильвестръ съ новою грамотой къ королевѣ Елизаветѣ прибылъ на Розовый островъ, и потомъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ 15 числа того-же мѣсяца, во время приготовленій въ далекій путь въ англійскомъ торговомъ домѣ, былъ убитъ громомъ. Всѣ его бумаги, въ томъ числѣ и царская грамота, вмѣстѣ съ самымъ домомъ сдѣлались жертвой пламени. Царь, получивъ объ этомъ извѣстіе, былъ очень тронутъ и сказалъ: «воля Божья»! Такъ кончились переговоры, веденные Сильвестромъ.

Прерываю здѣсь обзоръ древнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіей въ теченіе слишкомъ двухъ десятилѣтій, хотя и послѣ того они представляютъ въ себѣ не мало любопытнаго. Такъ, изъ Записокъ Жерома Горсея, который, прибывъ въ Москву въ 1572 году, умѣлъ снискать и поддерживать къ себѣ расположеніе двора при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, равно и при Θедорѣ Іоанновичѣ и при Борисѣ Θедоровичѣ Годуновѣ, я вижу, что царица Ирина Θедоровна (сестра Годунова), вступившая въ бракъ съ Θедоромъ Іоанновичемъ въ 1580 г., нѣсколько разъ была беременна, прежде нежели въ первый разъ въ 1592 году разрѣшилась дѣвочкой, которая вскорѣ умерла. Горсей, въ описаніи своего путешествія въ Англію, совершеннаго по порученію Θедора Іоанновича въ 1585—1586 гг., оставилъ слѣдующую замѣтку. «Я потратилъ много времени, «спрашивая у ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и «лондонскихъ ихъ мнѣній и наставленій для императрицы Ири«ны въ ея трудныхъ обстоятельствахъ Θор консертион анд

«прокврэтионъ оѳ чилдрень» (при зачатіи и рожденіи дѣтей, т. е. во время беременности и при родахъ). Горсей употребилъ въ этихъ словахъ русскія буквы, чтобы скрыть это содержаніе записокъ отъ любопытныхъ, сдѣлавъ впрочемъ ошибку въ употребленіи буквы р вмѣсто п). «Она вышла замужъ семь лѣтъ «назадъ (въ 1586 году было однако только шесть лѣть) и часто «консеявед» (бывала беременна). (Спрашивалъ вмѣстѣ) «и о нѣкоторыхъ другихъ брачныхъ обстоятельствахъ, на что былъ «уполномоченъ секретно». Королевѣ Елизаветѣ онъ докладывалъ, что Ѳеодоръ Іоанновичь поручилъ ему просить ея величество приказать найти хорошую англійскую повивальную бабку, для супруги его, Ирины Ѳеодоровны. Бабка была найдена и отправлена съ Горсеемъ въ Россію при письмѣ королевы Елисаветы *). При переводѣ этого письма какъ-будто нарочно опущено было мѣсто о повивальной бабкѣ: на русскомъ говорится только о докторѣ Робертѣ Якобѣ, который пріѣхалъ тогда въ Москву во второй разъ. Вѣроятно, это сдѣлано было по распоряженію Годунова, которому, можетъ быть, непріятно было прибытіе искусной акушерки для его сестры-царицы. Повивальную бабку даже и не допустили до Москвы: она доѣхала только до Вологды. Въ одномъ, видѣнномъ мной въ Англіи, письмѣ директоровъ Россійской компаніи къ лорду Бурглею говорится, что царица Ирина даже и не зна-

---

*) Вотъ текстъ этого письма, по черновому списку, найденному мной въ Кембриджѣ: «Elisabetha etc. Serenissimae Orine Russiae Imperatrici etc. — Serenissima et potentissima Princeps amica et soror charissima. Singularis quae de insigni vestra prudentia virtutibus rarissimis et moribus tanta principe vere dignis fama circumfertur crebro etiam sermone praestantis viri Doctoris Jacobi medici nostri confirmata facit ut Serenitatem vestram vero animi affectu amemus, eique fausta et foelicia omnia ardenter optemus. Ideoque de valetudine et incolumitate vestra non sollicitae esse non possemus. — Itaque non solum (quod nobis amanter petiit) obstetricem expertam et peritam missimus, quae partus dolores scientia leniat, sed medicum etiam nostrum qui nostram valetudinem curare solebat praedictum Doctorem Jacobum una amandamus, hominem vobis antea cognitum fide plenum ut medica arte in qua excellit, obstetricis actiones dirigat, et vestrae valetudini fideliter inserviat. Cupimus enim vehementer, non in hiis solum sed in aliis etiam omnibus quae Serenitati vestrae placere possunt sororio animo libentissime gratificari. Quam Deus optimus maximus etc. Datum e Regia nostra Grinvici die mensis Martii 24. anno domini 1585 (=1586) regni vero nostri 27».

ла, что королева Елизавета прислала ей повивальную бабку (nor was the Empresse made privie of any suche woman (a midwife) commended from her Maiestie; the Empress never knew of her). Проживъ въ Вологдѣ больше года, бабка, ничего не сдѣлавъ, должна была поздней осенью 1587 года воротиться въ Лондонъ на кораблѣ, отплывшемъ съ Розоваго острова. Подозрѣвая, что она не допущена была въ Москву къ царицѣ Горсеемъ, она подала на него королевѣ Елизаветѣ жалобу. Горсей былъ уже въ 1580 г. отправленъ Іоанномъ черезъ Лифляндію въ Англію съ важнымъ порученіемъ. Надобно было достать нужныхъ тогда, всякихъ военныхъ запасовъ. Письмо царя къ королевѣ Елизаветѣ и его инструкція Горсею тщательно спрятаны были секретаремъ посольства Саввой (или Савельевымъ) Фроловымъ, въ потайномъ ящикѣ деревянной винной фляги, съ виду очень простой, и Горсей прицѣпилъ эту флягу подъ гривой своей лошади. Онъ благополучно прибылъ въ Лондонъ. Королева Елизавета замѣтила, что отъ царской грамоты пахло водкой. Она повелѣла отпустить все, требуемое Іоанномъ, и въ слѣдующее лѣто, 1581 г., Горсей привелъ съ собой къ Розовому острову тринадцатъ большихъ кораблей, нагруженныхъ селитрой, сѣрой, порохомъ, свинцомъ и мѣдью на девять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. У Нордъкапа онъ выдержалъ битву съ датскими кораблями. Царю представилъ онъ донесеніе въ Александровскую слободу и получилъ должную благодарность.

Съ Горсеемъ прибылъ въ Москву въ первый разъ и докторъ Робертъ Якобъ. Россійская компанія въ Лондонѣ дала ему при отъѣздѣ сто рублей и содержала его на свой счетъ, пока не назначилъ ему, въ декабрѣ, жалованье Іоаннъ Васильевичь. Впослѣдствіи докторъ Якобъ досадилъ компаніи, выславъ въ Англію на свой счетъ большое количество воску, въ ущербъ выгодамъ компаніи. Его братъ умеръ въ Россіи, а онъ самъ, по смерти Іоанна Васильевича въ 1584 г., возвратился въ Англію съ серомъ Жеромомъ Баусомъ, аптекаремъ Финчемомъ и вдовой Бомеля. Въ 1586 году Горсей привезъ въ Москву множество разныхъ предметовъ и тѣмъ доставилъ царю много удовольствія, а еще больше Годунову.

Въ томъ числѣ было: два льва, двѣнадцать собакъ (mastive dogs, grey and bloud hounds), золоченные доспѣхи, алебарды, пистолеты, органы и эпипеты (музыкальные струнные инструменты съ клавитурой), вещи съ драгоцѣнными камнями, золотыя цѣпочки, жемчугъ, красный и кармазинный бархатъ, и пр. Годуновъ привозилъ свою сестру, царицу Ирину, смотрѣть все это и слушать органы. «Особенно удивлялись», пишетъ Горсей, «органамъ и эпинетамъ, какъ вещамъ никогда невиданнымъ «и неслыханнымъ до тѣхъ поръ; тысячи народа сходились и «стояли около палатъ, чтобы слышать ихъ; мои люди, игравшіе на нихъ, много отъ того выигрывали и были допускаемы «туда, гдѣ и я самъ не могъ быть». Это удовольствіе много способствовало къ тому, что торговой компаніи дана была такая выгодная привилегія и что проживавшимъ на Руси Англичанамъ предоставлены были разныя льготы.

Никита Романовичъ Юрьевъ-Романовъ, дѣдъ Михаила Θеодоровича, имѣлъ домъ возлѣ дома Англичанъ: между ними стояла только церковь Максима Исповѣдника. Когда Іоаннъ Васильевичь отнялъ у него все имѣніе, Никита Романовичь тотчасъ послалъ къ Англичанамъ за бумажной матеріей на необходимое платье для себя и для своихъ дѣтей, стало быть, и для Θедора Никитича, впослѣдствіи патріарха Филарета. Для послѣдняго Горсей написалъ, какъ могъ, латинскую грамматику русскими буквами. Юный Θеодоръ Никитичь находилъ большое удовольствіе въ занятіи латинскимъ языкомъ по учебнику Горсея, хотя онъ конечно былъ крайне недостаточенъ.

До основанія города Архангельска Розовый островъ былъ складочнымъ мѣстомъ въ нашей торговлѣ съ Англіей черезъ Сѣверный океанъ. Когда посолъ Θедоръ Андреевичь Писемскій на возвратномъ пути изъ Англіи *) присталъ къ русско-

---

*) Онъ отправленъ былъ для переговоровъ о Маріи Гастингъ, на которой царь Іоаннъ Васильевичь, по рекомендаціи доктора Роберта Якоби, хотѣлъ жениться, хотя былъ тогда женатъ на седьмой женѣ. Писемскій былъ дворянинъ изъ Шацка. Его секретаря, извѣстнаго намъ только подъ именемъ Неудача, я нашелъ въ Англіи въ переводѣ грамоты, привезенной

му берегу съ посланникомъ королевы Елизаветы, Жеромомъ Баусомъ, то первый остановился въ Никольскомъ монастырѣ, а второй въ англійскомъ домѣ на Розовомъ островѣ.

Хотя Іоаннъ Васильевичъ еще (4 марта) 1583 г. повелѣлъ у древняго, досточтимаго Михайловскаго монастыря, построить городъ по плану, предложенному тогдашнимъ двинскимъ воеводой Петромъ Аѳанасьевичемъ Нащокинымъ, что и выполнялось быстро, однако Англичане удержали за собой позволеніе продолжать дѣла по мореплаванію въ прежнемъ своемъ заведеніи на Розовомъ острову. Въ вышеупомянутой привилегіи 1586—1587 г., выхлопотанной Жеромомъ Горсеемъ, говорится: «Мы жалуемъ имъ (Англичанамъ), чтобы они про«должали владѣть домомъ и амбаромъ у становища въ Пудожем«скомъ устьѣ и чтобы они не были обязаны переносить эти за«веденія къ новоустроенному городу (Ново-Холмогоры, позд«нѣе Архангельскъ), но имъ по прежнему дозволяется выгру«жать англійскіе привозные товары и нагружать вывозные рус«скіе у прежняго ихъ дома (на Розовомъ островѣ). Холмогор«скіе чиновники должны только получать списки такимъ това«рамъ, но не имѣютъ права ихъ осматривать». Когда Горсей по полученіи привилегіи и другихъ льготъ для англійской компаніи отправлялся обратно въ Англію, его проводилъ изъ новаго города Холмогоръ къ англійскому торговому двору на Розовомъ островѣ воевода князь Василій Андреевичъ Звенигородскій съ большими почестями *). Горсей съ своими людьми сѣлъ на корабль на Розовомъ островѣ 26 августа и вышелъ на

Писемскимъ, съ болѣе полнымъ именемъ: Неудачъ Гавриловъ, Толмачъ Писемскаго назывался Reginald Beckmann. А толмачомъ, который сообщилъ королевѣ возобновленное въ 1583 году желаніе царя пріѣхать въ Англію и жениться на Маріи Гастингъ, былъ Aedius Crow. Королева писала отъ 8 іюня 1583 года, что она весьма рада принять его. Но царь, какъ извѣстно, умеръ 18 марта, прежде нежели Баусъ отправился обратно въ Англію.

*) Горсей пишетъ: «The Duke mett me at the Castellgate with three hunderd gonners shott of their calivers and all the ordinance he hat in the Castell for honnor of my waelcom, all the dutch and french ships (стало быть 1587 года было уже много послѣдователей, прибывшихъ на Двину вслѣдъ за первымъ Французомъ Соважемъ) in that roade shott of also their ordinance by the Duks apointment before I came. He feasted me the next daie brought me to my barge,

берегъ 30 сентября у Тэйнмаута въ Нортумберландѣ, откуда на почтовыхъ чрезъ Іоркъ прибылъ въ четыре дня въ Лондонъ. Королева Елизавета въ Ричмондѣ велѣла Горсею истолковать себѣ русское письмо привиллегіи и сказала: I could quicklie learn it. Лорда Эссекса (Robert Devereux) она вызывала учиться русскому языку (the famous tand most copious language in the world). Дары изъ Москвы представлены ей были позднѣе въ Гринвичѣ; она приняла ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Розовый островъ, какъ и берегъ Неноксы, гдѣ остановился Чанслеръ, заслуживали бы памятника въ воспоминаніе плодотворныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, событій. Розовый островъ былъ колыбелью не только нашей заграничной торговли, но и вообще русскаго мореходства. Заведенное Англичанами мореходство на устьѣ Двины, какъ извѣстно, заманило юнаго Петра побывать тамъ въ 1693 году. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ онъ море и плавалъ по нему; здѣсь побывалъ онъ на иностранныхъ корабляхъ, отсюда отправилъ первый русскій

---

had apointed fifty men to rowe and hundred gonners in small boats to garde me to Rose Iland, did me all the honnor he could in his golden coate, told me he was comanded by the Kings letters so to doe, toke leave and preied me to signifie his service to Boris Fedorowitsch. Came within four hours to Rose Iland beinge but thirty miells wher all the english masters agent and merchants mett me. The gonners landed before me stode in rancke and shott of all their calivers which the ships heeringe shott of also some of their ordinance. The gonners and bargmen made drinccke at the seller dore and dispatched that night back again to the Castell. The next day friers of St. Nicholas brought me a present, fraesh salmons rye loaves, cupps and painted plaetters. The third daye after my arivall (on Rose Iland) ther was sent a gentlemann Sablock Savera a Captain from the Duke, delivered me a copie of his comission of the Emperors and Boris Fedorowitsch their grace and goodnes towards me, presented for my provicion 70 ewe shepe, 20 (16) live oxen and bullocks, 600 henns, 40 (25) flaeches of bakon, 2 milch keyne, 2 goats, 10 fresh sallmons, 10 geese, 2 swans, 2 cranes, 3 yong beares, a wild boare, 40 gallons of aquavita, 100 (65) gallons of mead, 200 (60) gallons of beer, 1000 (600) loaves of white bread, 60 (80) bushells of meall, 2000 eggs, garlick and onyons store. There was four great lighters and many water men etc. ther that came with this provicion which wear all orderly dismist... I took some time to make merrie with the master and merchants havinge some pastymes that followed me, plaiers, danzinge bares and pieps and dromes and trompetts, feasted them and devided my provicion in liberal proportion».

корабль съ товарами въ чужіе краи, здѣсь построилъ первый русскій корабль, который онъ самъ спустилъ на воду и на которомъ въ первый разъ развернулся русскій флагъ. Сюда прислалъ онъ построенный имъ въ Саардамѣ линейный корабль Петръ и Павелъ, здѣсь былъ взятъ съ бою русскими первый иностранный (шведскій) корабль (1701 г.), и черезъ годъ потомъ Петръ велѣлъ построенныя здѣсь двѣ яхты съ берега у Кеми перевезти сухопутьемъ черезъ просѣки лѣсовъ въ Онежское озеро. Эти яхты помогали основателю Петербурга овладѣть Невою.

VIII.

Традескантъ старшій — основатель перваго музея естественно-исторических предметовъ и ботаническаго сада въ Лондонѣ. — Традескантъ младшій — сочинитель каталога этихъ собраній. — Экземпляръ птицы додо въ Традескантовомъ музеѣ. — Переходъ этого собранія, по завѣщанію, во владѣніе Ашмоля — Литературные труды Ашмоля. — Изданіе алхимическаго сочиненія Артура Ди, Archiatri imperatoris totius Russiae. — Передача Традескантова музея Ашмолемъ Оксфордскому университету. — Біографическія свѣдѣнія о Традескантѣ старшемъ. — Его связи съ натуралистами его времени и свидѣтельства ихъ о его познаніяхъ и заслугахъ. — Открытіе его собственноручныхъ записокъ о своемъ путешествіи на сѣверъ Россіи — Подлинное имя его — John Coplie. — Отправленіе его съ Додлеемъ Диггсомъ, англійскимъ посланникомъ къ царю Михаилу Өеодоровичу посла русскаго посольства Волынскаго и Поздѣева въ Лондонъ. — Традескантовъ дневникъ во время плаванія. — Прибытіе на Двину. — Замѣчанія Традесканта о растеніяхъ и животныхъ тамошняго края; также о судоходствѣ, скотоводствѣ, земледѣліи и домашнемъ бытѣ. — Возвращеніе Традесканта съ нѣкоторыми предметами естествознанія, вывезенными имъ изъ Россіи. — Позднѣйшія путешествія его въ другія страны. — Путешествія и услуги наукѣ Традесканта младшаго. — Вліяніе собранія и заведенія, основанныхъ Традескантомъ, на его соотечественниковъ въ пользу науки. — Портреты Традескантовъ и ихъ могила.

—

Въ прежнія времена обыкновенно торговля пролагала пути естествознанію. Такъ и по торговому пути, проложенному Чанслеромъ вокругъ Нордкапа, въ 1618 году отправился къ

намъ на Двину изъ Англіи любитель растеній и собиратель образцовъ изъ царства животныхъ. Это былъ Джонъ Традескантъ. Кто онъ и чѣмъ онъ былъ? какъ и съ кѣмъ пріѣхалъ къ намъ? Что дѣлалъ у насъ?

Джонъ Традескантъ старшій оказалъ не малую услугу отечеству, основавъ первый въ Англіи музей для естественной исторіи и кунсткамеру; у него былъ также первый и въ свое время лучшій ботаническій садъ. Оба эти заведенія были рядомъ, въ Южномъ Ламбетѣ (South Lambeth), не далеко отъ Лондона. Теперь это мѣсто внутри безконечной столицы, на восточной сторонѣ отъ South Lambeth Road (неправильно называемаго южною стороною): строенія стоятъ прямо противъ Спрингъ-Лена (Spring Lane).

Домъ, гдѣ помѣщался музей, называвшійся Традескантнымъ ковчегомъ и гдѣ жили Традесканты, отецъ и сынъ, нѣкоторое время и вдова послѣдняго Эсѳирь, и потомъ Ашмоль, столько разъ передѣлывался внутри и такъ много сдѣлано къ нему пристроекъ, что теперь нѣтъ возможности отыскать, какія комнаты служили для музея и какія для жилья. Зданіе раздѣляется нынѣ на двѣ части. Старинпѣйшую часть, называемую Stamforthouse, занимаетъ Джонъ Александръ Фультонъ, имѣющій возлѣ заведеніе, на которомъ мелется перецъ по привилегированной методѣ; въ другой, новѣйшей части, называемой Turrethouse, живетъ Джонъ Майльсъ Торнъ (Miles Thorne), владѣтель пивоварни въ Найнъ-Эльмсѣ, подъ фирмой: J. M. Thorne and Son.

Традескантъ младшій, значительно обогатившій оба заведенія, составилъ каталогъ всѣхъ предметовъ, находившихся въ музеѣ и въ саду, и издалъ его въ 1656 году подъ заглавіемъ: Musaeum Tradescantianum: or, a collection of rarities preserved at South Lambeth neer London by John Tradescant. Каталогъ снабженъ двумя портретами — отца и сына, работы Голляра (Hollar) *).

*) На стр. 4 въ каталогѣ видно, что въ музеѣ находилось между прочимъ чучело додо съ острова Маврикія. Это былъ единственный въ европейскихъ кабинетахъ полный экземпляръ птицы, истребившейся почти уже два столѣ-

Традескантъ старшій умеръ въ 1638 году; сынъ, родившійся въ 1608 г., умеръ въ 1662 г. Единственный сынъ послѣдняго (всѣ трое были Джоны) умеръ еще въ 1652 г., вслѣдствіе чего отецъ, въ 1659 г. 16 декабря, завѣщалъ все собраніе Эліасу Ашмолю.

Этотъ Ашмоль, родившійся въ 1617 г., тогда былъ уже извѣстенъ тремя сочиненіями. Два изъ нихъ, напечатанныя въ 1650 и 1652 гг., трактовали объ алхиміи; третіе, 1658 г., о философскомъ камнѣ, имѣло заглавіе: The way to bliss.

Замѣчательно, что первымъ литературнымъ трудомъ Ашмоля, 1650 года: Fasciculus chemicus, было изданіе сочиненія, написанаго на латинскомъ языкѣ въ Россіи, именно въ Москвѣ, придворнымъ врачемъ царя Михаила Θеодоровича, Артуромъ Ди въ 1629 году. Полное заглавіе этой книжонки таково: Fasciculus chemicus abstrusae hermeticae scientiae ingressum, progressum, coronidem, verbis apertissimis explicans, ex selectissimis et celeberrimis authoribus, tali serie collectus, et dispositus, ut non modo huius artis tyronibus, sed candidatis, summo emolumento, in-

---

тія тому назадъ. Я уже упоминалъ, что Францисъ Уильби, по собственнымъ словамъ его, видѣлъ эту птицу въ Традескантовомъ музеѣ. Можетъ быть, это та самая, которую въ 1638 году въ Лондонѣ показывали живую. Теперь отъ нея осталась только голова, отрѣзанная въ Оксфордѣ въ 1755 году, и одна нога; съ головы я представилъ въ Академію гипсовый слѣпокъ, а съ послѣдней — нѣсколько фотографій костей и сухожилья. Въ Британскомъ Музеѣ хранится одна нога, можетъ быть, та самая, которую видѣлъ до 1605 г. Клюзіусъ въ собраніи профессора Пау (Pauw) въ Лейденѣ, которому она привезена была съ острова Маврикія. Съ этой ноги я также доставилъ въ академію слѣпокъ; заказанъ также слѣпокъ съ головы додо, находящейся въ королевскомъ естественно-историческомъ музеѣ въ Копенгагенѣ, куда она поступила изъ Палюданскаго собранія. Въ Оксфордѣ находится большаго размѣра картина, работы Іоганна Савери, съ подписью 1651 г., писанная масляными красками, изображающая додо: я скопировалъ ее ради красокъ. Дядя этого художника, Рёляндъ Савери, на своей картинѣ, рисованной въ 1638 году, взялъ додо въ число звѣрей, которыхъ очаровываетъ Орфей. Большая картина, изображающая додо, въ Британскомъ Музеѣ, происходитъ изъ Слоанова собранія, но художникъ неизвѣстенъ. По всѣмъ собраннымъ мною матеріаламъ, здѣсь сдѣлалъ модель додо ученикъ Торвальдсена, г. Енсенъ; съ модели можно отлить снимки и раскрасить натуральными цвѣтами додо.

star speculi Philosophiae habeatur, a nemine hac methodo distributus. Opera et studio Arthuri Dee, Archiatri Magni Imperatoris totius Russiae. Предисловіе къ читателю подписано: Ex Musaeo nostro, Moscuae Kalend. Martii 629. Книжка напечатана въ томъ же 1629 году въ Базелѣ и потомъ въ 1631 г. въ Парижѣ; а Эліасъ Ашмоль перевелъ ее на англійскій языкъ и издалъ, въ 1650 г., съ анаграммой своего имени: James Hasolle. Артуръ Ди, родившійся 1579 г., былъ сынъ извѣстнаго доктора Джона Ди, изъ Мортлека, и 1621 г. съ посланникомъ Исакомъ Ивановичемъ Погожевымъ пріѣхалъ въ Москву и былъ здѣсь до 1626 г., а потомъ, послѣ поѣздки въ Англію, съ 1627 до 1634 г. лейбмедикомъ царя Михаила Θеодоровича. У него былъ свой домъ у Ильинскихъ воротъ и ему дано было помѣстье. Отецъ его, хотя былъ уважаемъ, какъ отличный математикъ, но былъ страстный астрологъ и алхимистъ. Въ 1586 году, когда Горсей хлопоталъ объ исполненіи своего порученія для царицы Ирины Θеодоровны, Джонъ Ди едва не поѣхалъ въ Москву. По рекомендаціи Англичанъ въ Москвѣ царь Θеодоръ Іоанновичь предлагалъ ему выгодныя условія, когда онъ, вмѣстѣ съ Келли, производилъ свои дѣла въ Богеміи, какъ прежде въ Польшѣ. Его сынъ былъ сильно зараженъ фантазерствомъ отца; но въ юной Россіи, къ счастію, мало было воспріимчивости къ этому умственному недугу. Какой-то Францъ Мурреръ въ Москвѣ былъ тогда преданъ астрологіи; это нашелъ я въ Оксфордѣ въ одной рукописи, касающейся Артура Ди, гдѣ сказано: Murrerus was an Astrologer of some account at Mosco.

Другая книга Ашмоля, печатанная 1652 г.: Theatrum Chemicum Britannicum, есть собраніе старыхъ герметико-философскихъ сочиненій. Эта книга сдѣлалась извѣстною лифляндскимъ любителямъ химіи. Въ Оксфордѣ въ экземплярѣ самого Ашмоля, во второй части я нашелъ наклеенную сзади латинскую записку, которую написалъ въ дому Ашмоля лифляндскій дворянинъ Николай фонъ-Вилькенъ: Generose et nobilissime Domine. Adfuerunt hic duo Nobiles Germani artis chymicae amatores, qui viderunt et legerunt librum dominationis

Vestrae Theatrum Chimicum Britannicum, quaedam cum Dominatione Vestra communicaturi, si grave non est et hora commoda designabitur. Commorantur in Kingstreet in S. Steefens Alle (St. Stephens Alley) at the 3 glasses of Mumm. Nicholas von Vilcen, Eques Livonus, 18 oct. 1670.

Въ 1650 г. Ашмоль и его жена часто навѣщали Традесканта младшаго въ South Lambeth [1]). Видно, что Ашмоль, своимъ астрологическимъ и алхимическимъ велерѣчіемъ, умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ Традесканта. Ашмоль помогалъ ему также при составленіи каталога музея и ботаническаго сада, вмѣстѣ съ докторомъ Томасомъ Вартономъ (Wharton), которому онъ старался тогда найти хорошую невѣсту посредствомъ астрологическихъ вычисленій. Такъ какъ Традесканту не было никакой надежды имѣть отъ жены своей Эсѳири дѣтей, то онъ, какъ уже упомянуто, духовнымъ завѣщаніемъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ Ашмоля, хотя вовсе не былъ съ нимъ въ родствѣ. Овдовѣвъ [2]), Эсѳирь много лѣтъ вела тяжбу, чтобы оспорить это завѣщаніе, но наконецъ (1674) проиграла свое дѣло и была принуждена передать музей Ашмолю. Въ 1676 г. она дала подписку, вѣроятно, противъ воли, что она спорила несправедливо, и въ 1786 г. утопилась въ прудѣ сада, въ которомъ ея свекоръ и мужъ такъ много сдѣлали для садоводства.

Оксфордскій университетъ далъ въ 1669 г., Ашмолю дипломъ доктора медицины [3]), а онъ предложилъ ему въ даръ Традескан-

---

[1]) Ашмоль былъ тогда женатъ на второй женѣ и былъ ей четвертымъ мужемъ: онъ женился на ней 1649 г. Отъ 20 ноября 1652 до 17 января 1653 г. гостили они у Традескантовъ; 14 декабря (1652 г.) они видѣли комету.

[2]) Всѣмъ троимъ Традескантамъ вмѣстѣ она поставила въ 1662 году памятникъ, который цѣлъ до нынѣ, на кладбищѣ Сентъ-Мери въ Ламбетѣ, возлѣ дворца архіепископа кентерберійскаго.

[3]) Вышеупомянутая вторая жена его, богатая женщина, уже въ 1657 г. старалась развестись съ нимъ и подала на него жалобу на 800 листахъ, но 1668 г. умерла; тогда Ашмоль женился на дочери сера Вильяма Dugdale, который жилъ то въ Оксфордѣ, то въ Лондонѣ, чтобы пользоваться тамошними библіотеками при изданіи своихъ сочиненіи (Monasticon, Baronage и пр.). 1672 г. Ашмоль издалъ исторію ордена подвязки, составлялъ собранія древностей, монетъ, печатей и т. д., которыхъ часть онъ потерялъ въ пожаръ 1679 года.

тово собраніе, съ тѣмъ чтобы университетъ выстроилъ для него особый домъ. Планъ заказали строителю церкви св. Павла въ Лондонѣ, Христофору Рену (Wren), и въ 1679 году зданіе музея было заложено. 16 августа 1682 г. Ашмоль поѣхалъ въ Оксфордъ посмотрѣть на новое зданіе, и въ 1683 г. собраніе, перевезенное изъ Ламбета въ февралѣ и мартѣ, было уже выставлено подъ смотрѣніемъ перваго хранителя его, доктора Роберта Плота [1]).

Это зданіе стоитъ рядомъ съ университетскимъ театромъ [2]), который также построенъ Хр. Реномъ, на иждивеніе докт. Шельдона. Оно называется Ашмолевымъ музеемъ, а не Традескантовымъ, какъ бы слѣдовало: имя истиннаго основателя почти совсѣмъ забыто. Оно едва ли даже произносилось бы гдѣ-нибудь, еслибы въ память его не названо было одно изъ растеній: Tradescantia, какъ сдѣлалъ въ своей Flora Jenensis 1718 Генрихъ Бернгардъ Руппъ по названію у Джона Паркинсона 1629 г.: Phalangium Ephemerum Virginianum Johannis Tradescanti.

Традескантъ старшій былъ садовникомъ у графа салисберійскаго, Роберта Сесиля (сына Вильяма), который умеръ уже въ 1612 году. Потомъ онъ былъ садовникомъ-же у лорда

Тогда же лишился онъ своей библіотеки, которую въ большой пожаръ 1666 г. онъ избавилъ отъ опасности помѣщеніемъ у Эсѳири Традескантъ. Изъ письма извѣстнаго своимъ путешествіемъ, Томаса Герберта къ Ашмолю изъ Іорка отъ 1 сентября 1680 г. видно, что Ашмоль тогда уже поселился въ своемъ, то есть Традескантовомъ домѣ. Гербертъ писалъ: I find by Your letter that you do not frequent the Court as You have formerly, having retyred Yourself to Your house in South Lamberth, a place I well know, having been sundry times at M. Tredescons (to whom 1 have severall things I collected in my travels) and was much delighted with his gardens, so as You have sequestred Yourself to a place of much pleasure as well as privacy.

1) Докторъ Плотъ уже 1677 г. издалъ свою естественную исторію графства Оксфордскаго и съ 1682 г. былъ секретаремъ королевскаго общества. По опредѣленіи его къ означенной должности, онъ былъ еще профессоромъ химіи и 1686 г. издалъ свою естественную исторію Стаффордшира.

2) Въ этомъ театрѣ была оказана высшая почесть, какую можетъ оказать университетъ, поднесенъ докторскій дипломъ въ 1814 году Императору Александру I, въ 1817 — Императору Николаю I, въ 1839 — Императору Александру II.

Эдуарда Воттона въ Кентербери и затѣмъ у герцога бокингемскаго Джоржа Виллерса: первый умеръ въ 1628 году, послѣдній убитъ въ томъ-же году. Эдуардъ Воттонъ, баронъ мерльскій, былъ посылаемъ, въ качествѣ дипломата, во Францію, Португаллію и Шотландію, и занималъ потомъ важныя должности въ Кентербери, гдѣ у него былъ дворецъ, въ составъ котораго вошла часть прежняго августинскаго монастыря. Отсюда изъ Кентербери посылалъ растенія Традескантъ старшій Паркинсону, и докт. Дюкарель въ своихъ письмахъ доктору Вильяму Ватсону (1773 г.) несправедливо подозрѣваетъ у Паркинсона ошибку (на стр. 141 Paradisus terrestris) и вмѣсто Canterbury хочетъ читать South Lambeth. Возлѣ фамильныхъ портретовъ Традескантовъ, перешедшихъ въ музей вмѣстѣ съ естественными предметами, находится портретъ лорда Воттона. Онъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Традесканту старшему, потому что лордъ Воттонъ умеръ десятью годами раньше его. Традесканты были также садовниками короля Карла I и супруги его, королевы Генріэтты Маріи. Въ надписи на памятникѣ отцу и сыну значится: gardiners to the Rose and Lilly Queen.

Современники Традесканта: лондонскій аптекарь и королевскій гербористъ Джонъ Паркинсонъ, издавшій въ 1629 г. Paradisus terrestris *) и въ 1640 г. Theatrum botanicum, и другой лондонскій аптекарь Томасъ Джонсонъ, издавшій въ 1633 году сочиненіе хирурга Джона Герарда, всеобщую исторію растеній (the Herbal) со множествомъ своихъ прибавленій, отзываются о Традескантѣ съ большимъ уваженіемъ. Такъ Паркинсонъ въ Paradisus terrestris, стр. 152, называетъ его painful industrious searcher and lover of all natures varities; на стр. 346: that worthy, curious und diligent searcher and preserver of all natures rarities and varieties my very good friend

---

*) Кромѣ того, Традескантъ упоминается въ Paradisus на стр.: 102, 104, 141, 190, 388, 574 и 579; въ Theatrum на стр.: 130, 133, 218, 323, 463, 624, 701, 705, 1058, 1206, 1367, 1454, 1465, 1468, 1477 и 1550; въ Herbal на стр.: 49, 135, 136, 260, 412, 437, 489, 731, 766, 785, 791, 948, 998, 1043, 1208, 1214, 1306, 1427, 1443, 1489 и 1546.

John Tradescant; на стр. 575: my very good friend Master Tradescante has wonderfully laboured to obtain all the rarest fruits hee can heare of in any place of Christendome, Turky yea or tho whole world. Джонсонъ въ Герардовомъ Гербалѣ на стр. 184: Studious in the knowledge of plants, а на стр. 260 называетъ его the great treasurer of natural rarities. Предъ самой смертью его, 1638 г., Оксфордскій университетъ имѣлъ въ виду назначить его въ смотрители своего медицинскаго сада (Physic garden), устроеннаго на иждивеніе графа дэнбійскаго, Генри Данверса.

Въ Оксфордѣ Традескантово собраніе, вскорѣ послѣ установки его въ музеѣ, считалось безцѣннымъ — thesaurus inaestimabilis rerum naturalium *).

Что мы могли донынѣ знать о Традескантѣ, то все содержится преимущественно въ ботаническихъ сочиненіяхъ, изданныхъ вышеупомянутыми современниками Традесканта. Мнѣ бросилось въ глаза мѣсто въ Paradisus terrestris (1629 г.) у Паркинсона, гдѣ авторъ говоритъ (стр. 346) о чемерицѣ, называвшейся тогда Elleborus albus vulgaris: «она растетъ во «многихъ мѣстахъ Германіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,

*) Что и птица додо была перевезена изъ Соутъ-Ламбета въ Оксфордъ, видно изъ сочиненія оксфордскаго профессора Гайда (Hyde), бывшаго также библіотекаремъ въ Бодлеевой библіотекѣ. Сочиненіе это издано 1700 г., подъ заглавіемъ: Veterum Persarum et Parthorum, et Medorum religionis Historia. Гайдъ зналъ додо изъ путешествія Герберта; онъ говоритъ: eius exuviae farctae in auditorio anatomico Oxoniensi servantur. Это прямое извѣстіе важно особенно потому, что Исаакъ Ваттонъ въ изданіи своего Complete Anglers 1676 г., говоря о рыбахъ и другихъ животныхъ, находящихся въ Традескантовомъ, но тогда принадлежавшемъ Ашмолю музеѣ, не упомянулъ о додо. По своей смерти въ 1692 г. Ашмоль завѣщалъ музею книги, рукописи, монеты и другіе предметы. Еще въ 1685 г. въ него поступили книги и рукописи, пожертвованныя тестемъ Ашмоля, серомъ В. Дугдалемъ, а позднѣе извѣстнымъ исторіографомъ Оксфорда, Антоніемъ Вудомъ (Wood). Въ 1697 г. напечатанъ статутъ музея: тогда былъ смотрителемъ его Edward Lhwyd. Я нашелъ замѣтку, что Петръ Великій 1698 г. почти за три недѣли до своего отъѣзда изъ Лондона, именно въ первой половинѣ апрѣля почтилъ своимъ посѣщеніемъ Оксфордскій университетъ. Если это правда, то любознательный монархъ конечно бросилъ взглядъ и на Традесканто-Ашмолевъ музей.

«въ такомъ множествѣ, что, по словамъ достойнаго, любознательнаго и неутомимаго собирателя и сберегателя всѣхъ натуральныхъ рѣдкостей, моего почтеннѣйшаго друга, Джона Традесканта, о которомъ я уже не разъ упоминалъ, корнями «этого растенія, которые онъ видѣлъ тамъ на одномъ островѣ, «можно бы, говоритъ онъ, нагрузить порядочное судно». То же говорится только другими словами, въ Паркинсоновомъ Theatrum стр. 218.

Собирая старинныя извѣстія о Россіи, я ничего не находилъ о пребываніи здѣсь Традесканта ни въ Москвѣ, ни гдѣлибо въ иномъ мѣстѣ, и потому ни какъ не могъ себѣ представить, гдѣ этотъ островъ въ Россіи, наполненный чемерицей. Тѣмъ настойчивѣе держалось въ памяти это непонятное извѣстіе.

Пересматривая рукописи въ Ашмолевомъ музеѣ въ Оксфордѣ, я естественно останавливался на тѣхъ, которыя болѣе или менѣе касаются Россіи. Въ числѣ ихъ есть одна, о которой въ недавно изданномъ каталогѣ (составленіе котораго поручено было весьма способному къ такимъ работамъ г. Вильяму Генри Блеку изъ Record Office въ Лондонѣ) подъ № 824, XVI говорится: A voiag of ambassad (to Russia) undertaken by the right honorable Sir Dudlie Diggs, in the year 1818, p. 175—186b. This curious narrative of the voyage round the North Cape to Archangel, begins with a list of the chief persons employed in the ambassy, and contains observations of the weather, and on the commercial, agricultural and domestic state of Russia at that time. It is written in a rude hand, and by a person unskilled in composition. The last half page contains some chronological notes and other stuff perhaps written by the same hand.

Тутъ я принялся разбирать рукопись, слѣдовалъ за авторомъ на Двину и на тамошніе острова, въ томъ числѣ и на Розовый островъ, и когда я дошелъ до словъ: helebros albus enoug to load a ship, вдругъ молніей блеснула мысль, что въ моихъ рукахъ вѣроятно подлинная рукопись Традесканта. Дальнѣйшія и точнѣйшія разысканія подтвердили мою догадку и я убѣжденъ, что эта рукопись есть его автографъ.

Надобно замѣтить, что въ Англіи не знали ни одного образчика почерка Традесканта: нѣтъ даже его подписи [1]).

Полное заглавіе рукописи, признанной мною за автографъ [illegible]ующее: A viage of Ambassad underta[illegible]ble Sir Dudlie Diggs in the year 1618, [illegible]6 Genttillmen which beare the name of the [illegible]e name be heere notted on M. Nowell, bro[illegible]ll, M. Thomas Finche, M. Woodward, M. Cooke, M. Fante, and M. Henry Wyeld withe every on of them their man, other folloers on Brigges Interpreter M. Jams, an Oxford man, his chaplain, on M. Leake, his secretary withe 3 Scots, on Captain Gilbert and his son, with on Car, also M. Mathew De Quester's son, of Filpot-lane in London, the rest his own retennant, sume 13 whearof—*Note on Jonne an Coplie Wustershermen* [2]) — M. Swanli, of Limhouse, master of the good ship called the Dianna, of Newcastell, M. Nelson, part owner, of Newecastell.

Что значатъ слова: «отмѣть одного (изъ тринадцати) Джона «an (и?) Coplie людей (?) изъ Восестершира (Worcestershire)», довольно не ясно; во всякомъ случаѣ имя Jonne должно относиться къ самому Джону Традесканту. Эта фраза, можетъ быть, поведетъ еще къ открытію, что Традескантъ былъ родомъ не изъ Голландіи, какъ полагали, а изъ Ворсестершира. Фамилія Традескантъ, можетъ быть, принятая. Замѣчу ми-

---

[1]) Надобно думать, что Ашмоль уничтожилъ бумаги Традесканта; но журналъ его путешествія въ Архангельскъ онъ, къ счастію, точно также не узналъ, какъ и всѣ другіе.

[2]) Изъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, я узналъ имена всѣхъ прибывшихъ въ Архангельскъ съ серомъ Додлеемъ-Дигсомъ. Имя Новеля было Артуръ, Вудварда — Томасъ, Кука — Адамъ, Фанта — Ежова (Жозефъ?). Секретарь былъ Томасъ Ликъ, священникъ — Ричардъ Джемсъ, толмачъ — Юри Бриггсъ. Потомъ слѣдуютъ въ нашей росписи Jessy de Quester, Adam Jones, Thomas Wakefield, John Adams, Thomas Crisp, Leonard Hugh и John Coplie (Джонъ Копле). Этотъ послѣдній долженъ быть нашъ Традескантъ. Отсюда видно, что въ его выраженіи: Note on Jonne an Coplie Wustershermen, должно разумѣть только одно лицо, именно его самого. О другихъ намъ нѣтъ надобности здѣсь говорить.

моходомъ, что его писали и Традескинъ [1]), что можно раздѣлить на Trade-skin и переводить: торговецъ кожами или мѣхами. Серъ Томасъ Гербертъ писалъ въ 1680 Tredescon.

Серъ Додлей Диггсъ, къ которому присоединился Традескантъ съ цѣлію узнать растенія и животныхъ въ Россіи, былъ въ 1618 отправленъ Іаковомъ I къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, который за годъ до того посылалъ къ королю Ряжскаго воеводу Степана Ивановича Волынскаго съ дьякомъ Маркомъ Поздѣевымъ, преимущественно для того, чтобы устроить заемъ денегъ, такъ какъ финансы Россіи при восшествіи на престолъ Михаила были очень растроены. Въ одно время съ Диггсомъ, на другомъ кораблѣ плылъ обратно въ Россію посланникъ Волынскій. Диггсъ и Традескантъ плыли на кораблѣ Діана, подъ управленіемъ капитана Сванли; онъ былъ изъ Ньюкестля, а настоящее плаваніе началъ изъ Ляймъгауза у Лондона. Одинъ изъ владѣльцевъ его, Нельсонъ, плылъ тать-же.

Я выписалъ себѣ нѣсколько мѣстъ изъ путеваго журнала Традесканта. 3-го іюня отплыли на парусахъ изъ Гревзенда. 16-го бросили якорь въ гавани у Тайнъ-маута (въ Нортомберландѣ), и на другой день Традескантъ съ кѣмъ-то, вѣроятно съ Нельсономъ, сдѣлалъ поѣздку въ Ньюкестль для покупки свѣжей провизіи, при чемъ мы узнаёмъ тогдашнія цѣны лососей [2]). Въ день Петра и Павла

---

[1]) Напр. въ стихахъ Флатмана, стр. 14, встрѣчается:

«Thus John Tradeskin starves our wondering eyes
By boxing up his new-found rarities».

[2]) Традескантъ описываетъ это такъ: «Tuesday (the 16 June) to Tinmouth haven, to releve our sick men with fresh vittells from Newcastell. Wednesday (the 17 day), boat hoysed to set the people on shore, and myself and another to go to Newchastell for make provisione of beef and muttone, with many other necessaryes, wheare I bought 11 salmons for 6 s. the cuple, and some for 4 s. the cupple, whiche at London would have been worthe 2 l. 10 s. the cuple. (Какая противоположность настоящему! Огромная разница въ цѣнахъ произошла во-первыхъ отъ упаковки лососей въ ледъ, введенной Демпстеромъ и Ричардсономъ на Теѣ (Тау), и потомъ отъ пароходства у береговъ). Also we went to suppe at the

(29) серъ Додлей Диггсъ рано утромъ послалъ, изъ учтивости, г. Волынскому мясной провизіи и портеру, такъ какъ зналъ, что въ этотъ день русскіе разгавливаются [1]). Вечеромъ того-же дня прилетѣла на корабль птица, хотя это было подъ 66-мъ градусомъ широты и почти въ 60-и лигахъ отъ берега. Птица поймана живою и отдана на сохраненіе Традесканту, который однако не зналъ ея; когда она умерла, онъ сталъ беречь ея шкуру [2]). Въ ночь съ 1 на 2 Іюля, Традескантъ, при самомъ низкомъ положеніи солнца, видѣлъ еще частицу его надъ горизонтомъ [3]). 4-го Іюля отдѣлилась пинаса, назначенная въ Гренландію [4]). 6-го увидѣли они Нордъ-Капъ, а въ слѣдующій

---

best ordinary in the toune with many dishes;.. wen being payd for cam but to 8 d. the peece, which in London, I think 2 s. the peece would have hardli mached it. On Thursday (the 18.) we returned to the ship with sume L. 17 worth of provision. Sir George Selbe sent to my Lord Imbassator (Sir Dudley Digges) for a present 2 salmons and an hogshead of beare; the mayre of Newcastell the day before sent him one samon, using his Genttellmen with much curtisie being a shore at Shields, 6 myles short of Newcastel, his Lordship keeping abord all the while». Серъ Додлей оставался на кораблѣ: онъ страдалъ морскою болѣзнью.

[1]) On Saynt Peetter's day (29 June) on the morning, my Lord (Digges) sent the Russian Ambassator (Волынскій) fresh vyttuals on quarter of mutton, half a fittill porter, etc. 3 live pullets ther lent being but then ended; also at new Castell my Lord sent him two small salmons and 9 gallons of Caynary Sack; the curtiseys hathe passed a yet without requittall.

[2]) Also on Monday nyght (29) the cam a strang bird abord our shipe whiche was taken alive and put to my custody, but dyed within two dayes after being 60 leagues from the shore, whos like I yet never sawe, whos case I have reserved. This was in 66 degrees.

[3]) 1 of July in 67 (degrees) or a little short (?) whear the sunne did showe sume small part of her boddy all the night. Уже подъ 60-мъ градусомъ широтъ Традескантъ записалъ, что ночь такъ свѣтла, что можно писать.

[4]) On Friday the 3 of July a man of M. Delcrass cam abord of us to take counsel about sending away the pennas for Greenland, the year being so far spent, as they thought, the Russe being landed the time of the year would be too far spent whear it was decreed that she should goe on of her intended voyage. This man's name was M. Sryke who was made welcom according to the manner of the sea. My Lord (Digges) sent back with him two bottells of his wine on of Sack and on of Clarret even present fit for such people, yet two great as the time required by reason of our long voyag. Satterday the 4 of July the pennas parted with us. That night at 12 we saw the sun shine about an hour hyghe just northe. Въ предшествовавшіе 4 дня былъ туманъ. 5-го (въ воскресенье) они увидѣли много китовъ.

день вели разговоръ съ датскимъ военнымъ кораблемъ у Вардэгуса [1]). 11-го, у островца Сосновца, имъ привезли рыболовы по лапландскимъ берегамъ свѣжепросольныхъ лососей, и серъ Додлей купилъ ихъ нѣсколько. Традескантъ описываетъ Лопарей и ихъ лодку. Такъ какъ онъ сравниваетъ ее съ голландскимъ schuyte, то надо думать, что онъ бывалъ въ Голландіи [2]). 12-го Традескантъ увидѣлъ большую бѣлую рыбу (?), которую называли ему злѣйшимъ врагомъ и истребителемъ лососей [3]). 13-го прилетѣло на корабль множество птичекъ, такъ

---

1) Monday morning (6 July) we had sight of the North Cape, which is all covered with snow. Дальше говоритя: «The air is cold, the land high, all Ilands, with many bayes. Tuesday morning (7) on of the King of Denmark men of war demanded of us to com on board to show our pase, but we ansered that our boat was stowed, we could not; besid, we had an Inglish Ambassador on board, which he presentlie desisted from his demand. Our consort also tould him in like sort that he had a Russ Ambassator a board. Also in his company we fonnd the Companye's other shepe who had bin from her port from Hamborow 3 weeks with other two in her company, also two Hollanders, who he caused their boats to com abord. We at that time had been out of Ingland 5 weeks lacking a day. The man of war laye to waft or watter the fishermen that fishe upon that coast of Wardhouse whear the King hathe a castell withe great comand of Lapland, whear many Danes live with the Laps, which if I might have the whole kingdom to be bound to live ther, I had rather be a portter in London, for the snow is never of the ground wholly... The King's man of war gave us a peece or gun, whiche we ansered with another, and our Vise admiral gave him, 3 and so for that time partted being now short of Wardhouse 3 leags.... being Inglish and strangers 7 sayls bound for Archangel.

2) Островъ Сосновецъ у лапландскаго берега (на 66° 29'). Стефеномъ Борро въ 1557 году онъ названъ Cross Island, по причинѣ найденнаго тамъ креста. За этимъ островомъ, на устьѣ р. Сосновки, еще и нынѣ есть становище лопарей-рыболововъ. Традескантъ пишетъ: «11 July we had a small boat of that country of the Cros Iland that hrought his bote laden withe salmon 3 dayes salted. My Lord bought on for 4 s. our money 4 very great on. Now after wee were so far as Crose Iland the snowe began to abate and the natur of the coaste to change from russet to a greener coller, the inland being full of shruby trees, and further of we mouythe perseve great woods, but all this way no kind of grayne. Now to speake of the boate and the men. On of them was a man aboute 50 yeares withe on eye, hard favored, the yonger man was about 25 years, well favord and well limbed, and both clad in lether, withe the skins of sheepe with the fire syde inwarde, bothe having crusifixes about the necks very artificyally mad. Ther boat was small, very neatly mad, lik to the maner of hollands scuts.

3) On Sunday, being the 12 of Juley, the wind being contrary, being some 6 leags short of foxnose, we had sight of a great whight fish twse (twice?), so great

какъ отъ берега было почти только три лиги. Традескантъ поймалъ три изъ этихъ птицъ и спряталъ съ нихъ шкуры. Онъ замѣчаетъ, что онѣ похожи на англійскихъ коноплянокъ [1]). 15-го корабль прошелъ черезъ Двинскій баръ: это, должно быть, Березовскій. По словамъ Традесканта выходитъ, что глубина была 12 футъ [2]). Стефенъ Борро въ 1557 г. показалъ 13 футъ. Агентъ англійской компаніи въ Архангельскѣ, тотчасъ по переѣздѣ ихъ черезъ баръ, прислалъ имъ свѣжей провизіи [3]). 16-го, въ гавани, сперва Волынскому, потомъ Диггсу, сдѣлана была военная встрѣча. Неизвѣстный автору по имени приставъ былъ начальникъ стрѣльцовъ Петръ Перфирьевъ [4]). Въ тотъ-же вечеръ подъѣхали къ кораблю на

---

as a porpos, being all over as white as snowe, whiche they say is a great destroyer of the salmons. Именемъ Fox Nose Стефенъ Борро назвалъ въ 1557 году мысъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря у рѣчки Каменной, три мили къ сѣверу отъ Кереца; а этотъ послѣдній есть, должно быть, мысъ, названный имъ Dog's Nose; онъ находится въ осьми лигахъ къ сѣверо-западу отъ Куйскаго Носа, у Борро Coscaynos О Dog's Nose онъ говоритъ: It showeth like a gurneed's head, and is the better knowen because it is fuller's earth, and the like I have not seen in all that country. Тамъ была солеварня. Морской звѣрь, принимаемый Традескантомъ за рыбу, долженъ быть бѣлый дельфинъ (Delphinus Leucas). Этотъ сѣверный дельфинъ иногда смѣшивается съ волжской и каспійской рыбой бѣлугой (Acipenser Huso), потому что и онъ называется бѣлугой. Въ бытность мою въ Шотландіи въ 1815 г., такая бѣлуга Ледовитаго моря нѣсколько мѣсяцевъ была замѣчаема, къ великой досадѣ рыбаковъ, въ Фиртъ-офъ-Фортѣ. Наконецъ удалось убить этого истребителя лососей недалеко отъ Стирлинга. Онъ былъ отданъ профессору Джемсону для музея Эдинбургскаго университета; г. Патрикъ Нейль и докторъ Барклей взялись разсмотрѣть его ученымъ образомъ.

1) On the Monday the 13 of July, ther wer many small birds cam abord the shepe, being sume 3 leags from the shore. I have thre of ther skins whiche were caut by myself and the rest of the company. They did muche resemble the maner of our englishe linnets but far lesser.

2) On Tuesday the 14 of Jully we came to the bar, where we spent on daye because it was calme. On the Wednesdaye we went over the bar having only on foote watter mor than the shep drew. Подъ 6-мъ августа, при выходѣ изъ Пудожемскаго устья, Традескантъ показываетъ, что корабль сидѣлъ въ водѣ на 10½ фут.

3) At our first entterance over the bar intto the river we reseved from the agent ou good bullock, 2 sheep, 10 hens, 2 fesants, 6 patriges, non lik the Inglish.

4) On Thursday, the 16 day (of July) we came into the harbor, but before we came halfe the way the souldyars cam to sallut ther owne ambassador (Волынскаго),

лодкѣ Самоѣды: Традескантъ описываетъ ихъ [1]). Подъ тѣмъ-же числомъ онъ показалъ въ себѣ хорошаго наблюдателя, потому что съумѣлъ замѣтить достопримѣчательное явленіе — двойной приливъ (маниха). Онъ пишетъ: «въ эту ночь «мы подняли якорь по причинѣ двухъ приливовъ: первый про-«должается только два часа, за нимъ слѣдуетъ сильный отливъ, «и черезъ два часа настаетъ продолжительный приливъ, какъ «у насъ [2]).

Нетерпѣніе, съ какимъ Традескантъ желалъ ознакомиться съ растительностью бывшей передъ его глазами двинской страны, было такъ велико, что онъ попросилъ перевести его на катерѣ ихъ корабля. Съ перваго шага на берегъ ему кинулась въ глаза ягода, похожая на землянику, но листьями нѣсколько сходная съ Aveus (Geum urbanum?); эти ягоды, сказали ему, употребляются противъ скорбута. Такъ какъ онѣ были янтарнаго цвѣта, то это была, должно быть, морошка [3]).

---

but not us; but in the halfe way passage in the river the Grand Prestave salluted my Lord (Digges) withe main boats full of souldyers, who himself was entterteyned in the cabbin withe a banket of sweet meats, the agent and the rest of the Inglish marchants having had the like enterteynement just before his coming, whear at his departur we gave 3 peeces of ordnance, and he us bis small shot, whiche was but poorlie performed, ther peeces being hardli so good as our calliver, neyther had the soulgers any expertnce like tô thees in thees parts.

[1]) That night (16 July) came abord of our ship a boat of Sammoyets, a miserable people, of small growth. In my judgment is that people whom the fixtion is fayned of that should have no heads, for they have short necks, and commonly wear ther clothes over head and shoulders. They use boues and arrowes the men and women be hardlie known on from the other, because the all wear clothes like mene, and be all clad in skins of beasts packed very curouslie together, stokings and all. They kill moste of the Loth deer that the brought. The be extreme beggers not to be denied.

[2]) Farther, that night (16 July) we wayed anccor by resen of the two fluds; the first is but 2 howres, and then a swift ebe; and then presentlie after two hower along flud like ours. Наша Академія, какъ извѣстно, производила надъ манихой, при устьѣ Двины и на близъ лежащихъ мѣстахъ берега Бѣлаго моря, наблюденія посредствомъ прибора, собственно для того изобрѣтеннаго академикомъ Ленцомъ и названнаго гипсалографомъ.

[3]) I desired to have the boat to go on shore which was hard by whear when we wear land I found a bery growing lowe which in bery was muche like a strawbery but of an amber coller and of other fation of leaf: the people eat the bery

Онъ высушилъ нѣсколько ягодъ, чтобы получить сѣмена, и впослѣдствіи часть ихъ послалъ въ Парижъ ученому садоводу Робену, вѣроятно, Веспасіану, котораго отецъ, Жанъ, основалъ первый хорошій ботаническій садъ въ столицѣ Франціи, откуда уже въ послѣднія десятилѣтія XVI столѣтія онъ посылалъ въ обмѣнъ сѣмена Герарду въ Лондонъ [1]). Мы положительно знаемъ, что Веспасіанъ Робенъ изъ Парижа посылалъ Традесканту въ Лондонъ американскія растенія.

Но Традесканта интересовали не одни наши растенія. I would have given five shillings for one of their skins: «я далъ бы пять шиллинговъ за одну изъ ихъ шкурокъ», сказалъ онъ, когда надъ нимъ пролетѣли птицы, изъ которыхъ одна, имъ описанная, долженъ быть тетеревъ [2]). Традескантъ отмѣтилъ даже о находкѣ куска змѣиной кожи.

16-го іюля вечеромъ, корабль остановился предъ англійскимъ домомъ въ Архангельскѣ, и на другой день (17-го) Традескантъ, со всѣмъ обществомъ, сошелъ на берегъ. Имъ дали для помѣщенія три дома, изъ которыхъ два принадлежали двумъ Голландцамъ, а третій Англичанину Вилькинсону [3]).

---

for a medsin against the skurbi the leaves be muche like our Avince (неразборчиво написано) and of such a greene. I have brought sume of them hom to show. I dried sume of the beryes to get seede whearof I have sent par to Robiens of Paris.

[1]) Это видно изъ Герардова «Гербаля» (1597 г.); это повторяется и въ Джонсоновомъ изданіи. См. стр. 108, 132, 136, 151, 348, 717, 902, 946 и 979. И Паркинсонъ упоминаетъ о Робенахъ въ Paradisus стр. 91, 106, 118 и 434, въ Theatrum стр. 323, 324 и 541. На стр. 323 «Театра» онъ говоритъ, что Традескантъ получилъ отъ Веспасіана Робена корень Doronicum americanum (Rudbeckia laciniata) и подѣлился съ нимъ (Паркинсономъ). Жанъ Робенъ около 1600 г. воспитывалъ въ своемъ саду уже болѣе тысячи разныхъ растеній. Его именемъ названъ родъ растеній Robinia. Отъ Генриха IV онъ получилъ титулъ Herboriste (или Simpliciste) du Roy, а Пьеру Вале, носившему титулъ Brodeur ordinaire du Roy, доставлялъ цвѣты для вырѣзыванія образцовъ шитья для придворныхъ дамъ. См. книгу: Le Jardin du Roy très chrestien Henry IV Roy de France et de Navarre dedié à la Royne par Pierre Vallet, brodeur ordinaire du Roy, 1608.

[2]) У Традесканта описаніе ея нѣсколько странно: «great to the bignes of a fesand, the wing whit, the bodie green, the tayll blewe or dove collar».

[3]) They be all built of wholl trees layd on the top of the other very strong, withe fayr roomes packed betwin the hollowes withe wood moss. Having but four bedsteads, content to lay our bodi on the ground.

20-го Іюля Традескантъ выпросилъ себѣ царскую ладью, чтобы объѣхать острова въ Двинской дельтѣ на сѣверозападъ отъ Архангельска и узнать, какія тамъ водятся растенія [1]).

Въ эту-то поѣздку нашелъ онъ на одномъ островѣ такъ много чемерицы, Helleborus albus, нынѣ Veratrum album или V. Lobelianum. Я уже упомянулъ, что это мѣсто у Традесканта дало мнѣ возможность признать его за сочинителя этой рукописи. Мимоходомъ онъ замѣчаетъ, что это растеніе по-русски называется: камарица. Изъ этого видно, что въ тепершнемъ названіи звукъ *ч* произошелъ изъ *ц* или *к*. И такъ въ Россіи это растеніе названо не отъ чиханія, которое оно возбуждаетъ, какъ названо Нѣмцами, но отъ свойства его убивать комаровъ (и мухъ), о чемъ упоминается въ старыхъ ботаническихъ книгахъ. Уже Плиній говоритъ: Muscae necantur albo (sc. Elleboro) trito et cum lacte sparso. Въ Contrafayt Брунсфеля, травникѣ 1532, на стр. LXV значится: Will tu im August alle Mücken tödten, so nim Nyesswurtz, beytze sye in milch und die selbig milch stelle den mucken für zu trinken. Такъ какъ въ Россіи весной отъ таянія снѣгу большія рѣки много потопляютъ земли, а это благопріятствуетъ размноженію комаровъ, то для жителей и посѣтителей Двинской дельты, гдѣ также много этихъ насѣкомыхъ, важно было имѣть подъ руками средство ихъ истребленія; отъ того произошло имя: комарица, нынѣ чемерица. Замѣчу впрочемъ, что нынѣ такое употребленіе чемерицы мнѣ неизвѣстно.

О черемухѣ (Prunus padus) Традескантъ сообщаетъ, что Англичане въ Архангельскѣ называли эти ягоды дикой вишней. Въ самомъ дѣлѣ, русское названіе содержитъ въ себѣ слово Cerasus, вишня. Онъ взялъ нѣсколько вѣтвей черемухи, которыя уже пустили корни въ землю, и надѣялся, что нѣкоторыя

---

[1]) On Monday (20 July) I had on of the Emporor's boats to cari me from Iland to Iland to see what things grewe upon them, whear I found single Rosses, wondros sweet, withe many other things whiche I meane to bringe with me... We had a comander withe us, who was glad to be partaker of coorte cake, as we thear could get, whiche was sower creame and oatmeall pastill very poorli mad, which to them was a great bankit.

изъ нихъ примутся рости въ Англіи, при чемъ онъ имѣлъ въ виду употребленіе этого гибкаго дерева на обручи. Онъ разсказываетъ, что англійскіе упаковщики въ Архангельскѣ часто дѣлаютъ изъ черемухи обручи на боченки съ икрой, потому что это дерево необыкновенно гибко и прочно. Фламандцы, Голландцы, Гамбургцы и Русскіе, по словамъ его, много тогда дѣлали обручей изъ черемухи, и она отправлялась даже въ Англію на обручи къ бочкамъ для гренландскихъ рыбныхъ промысловъ [1]).

Традескантъ называетъ еще нѣсколько видѣнныхъ имъ деревьевъ и травъ. Его четыре сорта деревъ должны быть: сосна (Pinus sylvestris), ель (Picea [Abies] obovata или vulgaris), лиственница (Larix sibirica) и пихта (Abies sibirica [Ledeb.]). Онъ говоритъ о крупной березѣ (Betula alba) и объ обычаѣ въ маѣ и въ іюнѣ выпускать изъ нея сокъ для изготовленія пріятнаго напитка [2]). Изъ ягодъ онъ называетъ красную, черную и

---

1) They have littill trees that they make hoops of, which the Inglishe say they be wilde cheryes, but I cannot believe it. It is of that kind, but is like a chery in leafe and beareth a bery les than our Searbis (то-есть Sorbus) bery somwhat blackishe, but was not ripe at my being theare; the wood is wondros pliant, and if a twig chance to tuche the ground it will take roote, as I have seen in many places. I took up of them in July, an brought them over a plant or two, which I hope will growe; for all the unfit season of the yeare they be very willing to grow. Now for the abundance of hoopes that ther is mad, I may imagine, for our coopers, for the great caske of caveare, and the Fleming, Hollanders and Hamburgers and Russes, spend such abundance, yet our people bring them away for the hooping of the cask in Greenland; and by the report of the coopers, they be the best hoops in the world, for they say in a whole day they break not on.

2) In the cunttrie, as 5 parts is woods and unprofitable grounds, I have seen 4 sorts of firtrees an birch trees of great bignes, whiche in the spring tyme they make incistion for the juce to drinke, which they saye is a fine coole kind of drink, which lastethe the most part of May and the begining of June. О невидѣнныхъ имъ деревьяхъ Традескантъ говоритъ: «By report they have most sorts of trees that we have in Ingland, up in the contrie, both oake, elm and ashe, aple, peare and cheryes; but the frut les, and not so plesant. This have bin tould me, and amongst the rest of a plant that growethe upon the Volga, whiche they call God's tree, whose leaves be much lik to fennell; but the report is, is pasing sweet and of great vertue». Это — Artemisia abrotanum, по-русски *Божье дерево*, что̀, вѣроятно, и заставило Традесканта принять эту траву за дерево.

бѣлую смородину (Ribes rubrum, nigrum et album): по словамъ его, она тамъ была крупнѣе, чѣмъ видѣнная имъ гдѣ-либо въ Англіи; три или четыре сорта Vaccinium: красный V. брусника (Vitis idaea), можетъ быть, также клюква (Oxycoccos palustris), два сорта синяго цвѣта: черника (V. myrtillus) и, можетъ быть, голубица (V. siliquosum) [1]). Онъ нашелъ также: Angelica (Archangelica?), Lysimachia (vulgaris), Pentafolia major (Potentilla?), Geranium (flore caeruleo), но конечно pratense, Saxifraga (Pimpinella?), Sorel (Rumex), Rosasolis (Drosera) и т. д. [2]).

Въ Паркинсоновомъ Paradisus terrestris 1629, стр. 528, я считаю за опечатку, когда говорится о видѣ земляники, привезенномъ будто-бы Традескантомъ изъ Брюсселя: вѣроятно, должно быть изъ Россіи [3]).

Традескантъ дѣлаетъ, хотя и краткія, замѣтки о зерновомъ и печеномъ хлѣбѣ, о мясѣ, о пивѣ, о пахатной землѣ, о плугахъ, телѣгахъ, о бревенчатыхъ мостовыхъ въ городѣ Архангельскѣ, о ловкомъ употребленіи простыхъ плотничныхъ

---

[1]) I have seene shrubs of divers kinds as Ribes, or as we call them currants whit, red, and black, far greatter than ever I have seen in this cuntrie; 3 or 4 sorts of whorts, red ons, and two sorts of blewe ons. The currants, and all other things wear so much biger than ours, as I could gather by the vygor of the somer, which is so quick, that when a thing is in blosom it never fellethe could till it is a perfect frute.

[2]) Also I have been tould that thear growethe in the land both tulipes and narsisus. By a Brabander I was tould it, thoug by his name I should rather think him a Hollander. His name is Jonson, and hathe a house at Archangell. He may be eyther, for he always druke (is drunk) once in the day.

[3]) Тамъ читается: «There is (another strawberry) very like unto this, (the Virginia strawberry, which carrieth the greatest leafe of any other except the Bohemian), that John Tradescante brought with him from Brussels (Russia?) long ago (1618); and in seven yeares could never see one berry ripe on all sides, but still the better part rotten, although it would every yeare flower abundantly, and bear very large leaves». — Впрочемъ Традескантъ, надобно замѣтить, вотъ что записалъ въ дневникѣ о земляникѣ: «I also saw strawberyes to be sould, but could never get of the plants; but the beryes wear 3 times at my Lords (Digge's) table; but they were in nothing differing from ours, but only les, which mad me that I did not so much seek after them». При всемъ томъ онъ, вѣроятно, взялъ съ собой сѣмена.

инструментовъ, о постройкѣ домовъ, крестьянскихъ дворовъ и т. д. [1]).

---

[1]) Традескантъ описываетъ вещи, имъ самимъ видѣнныя: «Things by me observed». За тѣмъ слѣдуетъ:

Imprimis for the sowing of rye the sewe in Jully, ther wheat in June, these two grazers growe sume 13 monthes before they be reaped by reason of the snow falling in August or September, and so liethe till the May after.

The harvest is in August and the beginning of September; their barly, oats, and pease they sowe in May the last, and commonly reaped the first of August, or the last of July.

I have bin showed oats whyte, very good, whiche wer sowne, and mowne, and keapet, thrashed in 6 weeks.

For ther howses they be made all of long peeces of fire, being half cut away on the insyde. They be glased withe glas called Slude; their ruffes ruffes be flat almost and cut bordes of a handfull thick layd longwayes doune the ruffe; they have the rinds of birche trees under the borde, which be as broad a yearing calfe or broader, and 3 yards long, whiche they laye the edges on above another, and doo defend the wet, and rayne, and snowe.

Now for ther warmthe they have stooves wherein they heate ther meat, whiche is so well don that in givethe great content to all strangers.

For beds I have seene none of the Ruses but think for the most part they sleep upon bed steads, and most of ther beding is beare skins, and other skins. The English and Leefelanders, I have seen ther beds lik to thees borded beds in Ingland, of a mean sort.

For ther meat and bread, it is resonable god, they have bothe wheat and rie bread, and is full as good as most places of Ingland dooe afford, only they never bake it well, and have many foolish fatyons for ther form of ther loafe, sum littil ons so littill as on may well eat a loaf a two mouthe full, other great onse but much shaped like a horse shooe, but that they be round, and a horse shoe is open in the on end. Also they have a broune kind of ryebread, whiche is both fine and good. I have seen at the Inglishe house, and also in the Duche houses, Leeflanders so good bread as I have yet never seen the like in this cunttrie.

For ther drinks they be meads made of hony and watter, and also beere; but ther Ruse beer is wonderfull base of an ill taste, but ther best meade is excellent drinke, mad of the hony whiche is the best honny of the world. I have drunke such beere brewed by a russe in the Inglishe house, bothe for strenghe and for good tast as I have never betterd it in Ingland.

For the mutton and beefe it was bothe small and lean, ther shape much like to the Norfolk sheepe; ther beefes like runts of 4 marks price; ther hens and cokes small, and no capons. Ther piddgs they spend wonderfull small, the hogs short, well trused swine, ther bacon tasts much after oyle, because of the muche fishe ther hogs eate.

Ther land, so muche as I have seene, is for the earable fine gentill land of light mould, like Norfolke land, without stons; ther maner of plowes like oure, but

Ему показывали, овесъ, который черезъ шесть недѣль послѣ посѣва былъ уже обмолоченъ. Хлѣбъ находилъ онъ стольже хорошимъ, какъ и въ большей части Англіи; но печеньемъ и внѣшнею формой хлѣба онъ не былъ доволенъ. Кромѣ пшеничнаго и ржанаго хлѣба, онъ упоминаетъ о печеньяхъ лучшаго сорта.

Скотъ находилъ онъ мелкимъ: овецъ — въ родѣ норфольскихъ, говядину и баранину тощею. Куры и пѣтухи мелки; каплуновъ вовсе нѣтъ. Поросятъ, говоритъ онъ, употребляютъ къ столу слишкомъ молодыхъ; ветчина отзывается ворванью,

---

not so neat, muche like to Essex ploughes, withe wheels, but the wheels very evill made.

The carts be littill ons, long narrow ons, muche like them of Stafordshir; the wheels be lowe mad of two peeces of slit fir timber, being thik wheare the exselltre goeth thorow, and so deminishe les till they com to the rime, and follow the cattell withe muche labor. For ther horses they be well shaped, short kryt, well joynted; only ther tarter horses be longe, much like to the Barbery horses, but of the best use of any in the knowne world, for as I have heard Captaine Gilbert report, that hathe long lived theare he had on whiche he hathe rod a wholl day together, and at night hathe give him a littill provender, and the next day hathe don the like, and so for many dayes, and yet he confessethe that he hathe not known seldom on of tire.

For ther streets they be paved withe goodli timber trees, cleft in the middell, for they have not the use of sawing in the land, espetiali in that part whear I wan neyther the use of planing withe the plane, but onlie withe a shave, or as some parts of this kingdom calleth it, a draing knife, and yet yu shall see thins don beyond any mans judgment onli withe a hachet and a chisell and a draing knife and withe muche speed, but that I think is by reson of the softnes of ther woods. The yards of ther howses be all paved withe timber, and devided betwin neybor and neybor with palliadowes of yong timber of 12 or 13 foot highe, the timber being so big, as from post to post they put throug a long piece... throw a mortis.

Also the cunttrie howses be built like to those of the townes and pallasadeed whiche be don ale in on forme, having ther yard rounded withe cow-houses, and places for shepe and horse, being all open to the yardsyde, muche lik cloysters heer in Ingland, ther ploughes and carts amongst ther cattell to mak partission, an over liethe the hay, for the most part they be quadrand, and on corner is the dwelling-howse and on syde the barn whiche is comonly the pont. Farther it is to be observed, that all thees cuntry howses stand on little hills, whiche hathe bin raysed by art at the first, and also without the pallisado or fence of inclosure, ther stands the bodyes of timber trees some 7 or 8 feet high, and from the inclosure, some 16 foot, and on from an other 7 or 8 foor, whiche they say is to defend the isse whiche at the first thawing, if it be with rayne, makethe a very great flud.

потому что свиньямъ (въ Архангельскѣ) даютъ слишкомъ много рыбы.

Русское пиво вообще плохо; но сваренное однимъ Русскимъ въ англійскомъ домѣ (въ Архангельскѣ) было хорошо, какъ англійское.

Пахатную землю у Архангельска онъ сравниваетъ съ норфолькскою; плуги находитъ похожими на эссекскіе, но колеса худшей работы. Телѣги маленькія, узкія и продолговатыя, какъ въ Стаффордширѣ. Лошади довольно хороши.

Что русскіе плотники работаютъ такими плохими инструментами, Традескантъ объясняетъ это, или по крайней мѣрѣ скорость работы, мягкостію дерева.

Въ устройствѣ дворовъ онъ находитъ сходство съ англійскими монастырями, такъ какъ хлѣвы для скота ставятся вокругъ двора.

Нѣсколько подробнѣе онъ описываетъ пять сортовъ лодокъ, видѣнныхъ имъ на Двинѣ [1]).

---

[1]) Now for the navegablenes they use great lyters or barges or lithes for they be some of them that will carry 3 or 4 score tuns or loads. They goe with crose saylls and the masts made all of on peece like Gravesend barge and at the upper end they have cute thorowe a thin bord of 3 quarters of a yard long sume shape or liknes sume to a foulle and sume to a dragon or any other thing that ther fancy leads them two and at the end of the wood worke they have fastned sume linen or thin stuffe comonly fringed and most of them have eyther hauks bells or horsbells hanging thereon that maks a noyse withe the winde. For ther hulls of theese vessells they be witheout naylls of iron or trunnells of wood for they be sowne together withe rinds of trees and calked in the seames withe fine mosse and rosinned and tared but dresed rosen coller ther fation muche like as if on would tak two litters and clap on upon another none being open aloft but they go in on the syd whear they tak the loading in. The top or upper part is under the planks lined withe the rind of birche trees to defen watter. These great vessels they call loddes they sayle all or els set them of withe long polls the ruder of on of theese is sumtimes 10 foot long behind the vessel and of a great thicknes and berathe gyded by a long tiller within bord. I have seen at the lanching of on of theese 3 (авторъ хотѣлъ написать 30) men presing with leavers to get them of and making a noyse as if all the whole toune had bin together by the ears and for ther labor I durst have bin on of the 6 Inglishe that should have don more than thos 30. Nowe they ly on ground at every port they com to. They commonli never goe without a faire wind espetyallie the laps or laplanders for if the Inglish se them coming they still curse them knowing the wind will change and be in ther pops.

Сперва онъ описываетъ *лодьи.* Въ нихъ, кажется, будто одна плоскодонная лодка поставлена на другую: входъ съ боку, палуба внутри обита лубками; стѣны между досками законопачиваются осмоленнымъ мохомъ. Мачты и паруса—какъ на гравезендскихъ баржахъ. На мачтахъ обыкновенно вѣшаютъ вымпела съ бубенчиками и соколиными колокольчиками; руль толстый и длинный. На мелкихъ мѣстахъ, лодьи тихо передвигаются шестами. У лапландскаго берега и въ другихъ мѣстахъ онѣ идутъ на парусахъ только при полномъ вѣтрѣ. Традескантъ самъ видѣлъ, какъ тридцать русскихъ работниковъ

They have also a littill kind of boats sumewhat les than our wheryes in the river of Thames whiche they call dingo boats. They will carry sume 8 or 9 persons. Thees most of the mossicks be furnished withe to bring the hogs and sheepe and fishe and hense and wild foulle to market whiche they have in great abundance. This boat is mad of 4 or 8 deall boards finely claft and then hewed but is for depthe comonly never but two bords on above another sowne together withe rinds of trees. They be very light so that two mene will take on of them and cary them from high watter mark to lowe eyther way as it pleaseth them. They sume time will rowe on of theese boats 3 payre of sulls (читай: sculls) the scull being about 5 or 6 foot long, the blad being the longest part but not as ours be in Ingland but the round almost halfe the way and the other end dothe bear his breadthe equall to the end. The go very swift on of the rowers sitting rit behind the other and keep stroke. Bu (то-есть but) if on sture (stir) they be redy to tumble over by reso(n) of the narrownes of them.

They have yet a third kind (of) boat that be mad all of on tree of an incred-dable bredthe and bignes for many of thees boat be 25 or 30 foote long and longer sume 7 foote broad. The keells of these boat be almost round onttill tapard they heyten the syds of the(m) withe strong heard deall plancks and bayle them all over from end to end withe hoops of this fornamed wild chery tree as the Inglish call it and cover it withe birche rinds and sumtims withe sealls skins having of these abundance for withe those boats they hunt and persue them and fishe for them for they cache abundance whiche may apeer by the great store of oylle that they ther make whiche the hollanders ther by (buy) twhiche stinkethe so filthily that it is redy to poyson all those that go by but being deprived of that sence it ofended me not. The skins I have seene theme lye by blowne out like a blader the hear syd inward, I thinke it was to get the grease out or oyle that would spoyle the skine for in ther tawing of them they be very carfull to get the oyle cleere oute for they mak great store of sellers (cellars) of bottells for to keep hot watters (водка). They sell most of them to the Duch and the Duche paints them within and puts the iron worke to them and bring them ther owne againe to sell.

They have yet a forthe kind of boats or litters which be flat bottomed of wonderful bignes for bredthe. They be fationed alnomost (almost) ovale the be littell

спускали на воду лодью рычагами, производя при этомъ страшный крикъ. Онъ полагаетъ, что съ пятью англійскими работниками онъ сдѣлалъ-бы больше этихъ тридцати.

Лодки, поднимающія восемь, девять человѣкъ, на которыхъ возили въ Архангельскъ на рынокъ мелкій скотъ и птицу, онъ находитъ меньше уэррійскихъ на Темзѣ и показываетъ при этомъ разности въ формѣ веселъ.

Суда съ досчатыми килями, до семи футъ въ поперечникѣ и до тридцати въ длину, имѣли выше киля по бокамъ обшивку изъ бересты или тюленьихъ кожъ, утвержденную на черемховыхъ (Prunus padus) ребрахъ. Такихъ судовъ много было на рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ.

Въ баркахъ Традескантъ удивляется толстотѣ бревенъ, изъ которыхъ онѣ построны. Онъ полагаетъ, что такія барки пригодились бы для Остъ-Индской компаніи, когда бы были покрыты. Потомъ Традескантъ описываетъ суда съ каютами для лицъ высшаго сословія.

Въ журналѣ Традесканта, веденномъ во время его пребыванія въ Архангельскѣ, есть кое-что и для геологіи. Близъ Двины онъ видѣлъ валуны, которые встрѣчаются у насъ на сѣверо-востокъ почти до Печоры и до Урала, а на югъ до воронежской и черниговской губерній. Традескантъ пишетъ:

---

above 3 foot deepe but be mad of suche strengte that I have never sene biger timber in any shipe for the myty knees and jyces which ly crose on of theese will load the best shepe that ther was in the harbor at twice going abord. The name I have forgotten. The (are) open and subject to wet otherwis they weare good for the East Indian Company.

They have yet a fift sort suche as the great persons of the land have to pas up and doune the river. They be of divers bigneses sume greatter sum lesser they be mad of two sort the one have a fine littill borded house in the poope or after part. Theese be of the leser sort the greater sort have houses in the midell prettili bult wit prtti windowes in them. When any on great person is in them they must then be covered all that part that is like a house withe eyther red blewe or greene but the greatest (of) all red which I judge is of greater state.—Уже въ 1580 г. царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ построить въ Вологдѣ 20 большихъ рѣчныхъ лодей, которыя даже снаружи украшены были золотыми и серебряными листами и живописными изображеніями львовъ, драконовъ, слоновъ, носороговъ, и т. п.

«По Двинѣ лежитъ множество камней, изъ которыхъ иные по вѣсу составляютъ полвоза и больше. Одному, знающему русскій языкъ, я поручилъ спросить, откуда взялись эти камни, когда въ этой сторонѣ вовсе нѣтъ скалъ, а по Двинѣ все болота. Толмачъ (вѣроятно, Джорджъ Бриггсъ) получилъ въ отвѣтъ: ледъ приноситъ ихъ». Любопытное объясненіе! Но эти люди думали, что камни приноситъ Двинскій ледъ [1]); а о переносѣ камней изъ Скандинавіи тогдашніе жители Двины, конечно, не догадывались, хотя иные изъ нихъ, какъ еще и нынѣ, много бродили по ледянымъ горамъ въ Ледовитомъ Морѣ.

5-го августа Традескантъ отъѣхалъ изъ Архангельска на Діанѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ владѣтелей этого корабля, Нельсономъ. Для отплытія избрано было, должно быть, Пудожемское устье, потому что корабль въ первый вечеръ сталъ на якорѣ у находящагося между нимъ и мелкимъ Корельскимъ устьемъ, Розоваго острова, на который Традескантъ съѣздилъ для ботаническихъ наблюденій [2]).

Хотя объ розахъ, разумѣется, дикихъ, Традескантъ говоритъ не тамъ, гдѣ упоминаетъ объ этой поѣздкѣ, а говоря вообще о растеніяхъ, найденныхъ имъ въ Двинской дельтѣ, однако онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ много розъ на Розовомъ островѣ, и его выраженіе: «ими покрыто около пяти или шести англійскихъ акровъ», навѣрное относится къ этому острову. Онъ приравниваетъ здѣшнія розы коричневымъ розамъ. О розовыхъ кустахъ, которыхъ онъ взялъ съ собой много, онъ гово-

---

[1]) Ther lyethe by the river syde many great stones, some of halfe a cart load, and mor whiche I demanded on to ask how they cam thear, the land being withe-out, being moorish toward the watters syd, and they tould our Interpreter that they wer brought ought (out) of the land by the Isse.

[2]) The 5 of August we set sayll for Ingland from the point, a myll from the toune. That night we cam to an ancor under Rose Iland wheare I (and) divers (other) went on shore whear ther was a littill souldyers hous poorly garded withe sum 10 men, whear we bought gras for our live sheepe, whear I gathered of al such things as I could find thear growing, which wear 4 sorts of berries, which I brought awaye with me of every sortt. This Iland is lowe land all over but whear the house stands, and that place is a long bank of drie white sand, the land being eyther woods or meddow, but seldom eyther mowne or fed.

ритъ: «надѣюсь, что нѣкоторые изъ нихъ примутся и будутъ расти въ Англіи», въ чемъ онъ и не ошибся[1]). Въ каталогѣ Традескантова сада мы видимъ, что тамъ, въ 1656 году, еще была Rosa Moscovita. Эта роза ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, съ острововъ Двинской дельты, можетъ-быть, съ Розоваго Острова. Паркинсонъ въ своемъ Theatrum botanicum 1640 г. описываетъ Rosa sylvestris russica, привезенную изъ Московіи (the wild bryer of Muscovie). Это, должно быть, также потомство привезеннаго Традескантомъ шиповника.

Надобно здѣсь упомянуть, что въ Россіи до 1630 года не было другихъ розъ, кромѣ дикихъ (шиповника). Только въ это время Петръ Марселіусъ привезъ въ Москву изъ княжескаго Готторптскаго сада первую махровую розу, которая и принялась тамъ очень хорошо. Русскія дикія розы прежде назывались у насъ *гуль*, съ персидскаго. Отсюда въ старинныхъ московскихъ рецептахъ — *гуляфная вода*, отъ персидскаго названія розовой воды gulaf. Листки цвѣтовъ шиповника были въ фармацевтическомъ употребленіи еще долго послѣ привоза махровыхъ розъ. Въ 1764 году изъ Архангельска было еще послано ихъ тридцать фунтовъ въ Петербургъ для аптекарскаго приказа.

По случаю розъ мы узнаёмъ изъ Традескантова журнала, что у него не было чувства обонянія: онъ говоритъ, что люди, имѣющіе обоняніе, увѣряютъ, что розы на этомъ островѣ имѣютъ удивительно пріятный запахъ (marvelous sweete).

Въ другомъ мѣстѣ журнала онъ заявляетъ это прямо, когда говоритъ о вываркѣ ворвани. Она распространяетъ запахъ, который почти отправляетъ проходящихъ; «но такъ какъ я — прибавляетъ онъ — лишенъ обонянія, то не могъ въ этомъ самъ убѣдиться»[2]). Такъ вотъ и вознагражденіе за то, что осталось ему недоступнымъ на Розовомъ Островѣ.

---

[1]) I have seen Roses only single in a great abundance in my estemation 4 or 5 acres together they be single and much like oure Sinoment Rose and who have the sence of smelling say they be marvelus sweete. I hope they will bothe growe and beare for amongst many that I brought hom withe the Roses upon them yet some on may grow.

[2]) Это мѣсто Традескантова журнала было уже приведено выше. Оттуда мы узнаемъ также, что онъ видѣлъ, какъ надутые тюленьи пузыри были, сколь-

На этомъ-же островѣ Традескантъ нашелъ неизвѣстное ему растеніе съ ягодами, которое онъ описываетъ подробнѣе другихъ растеній. Это должно быть Cornus suecica. Онъ взялъ съ собой кусты, на которыхъ были ягоды; но матросы поѣли ихъ, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ это; къ утѣшенію своему, онъ нашелъ нѣсколько ягодъ на полу. Для поливки растеній давали ему на морѣ соленую воду, не сказывая ему этого, потому что нѣсколько бочекъ прѣсной воды выброшено было за бортъ, когда, при отплытіи, корабль въ барѣ сѣлъ на мель [1]).

На Розовомъ Островѣ онъ видѣлъ также полевыя фіалки (Dianthus) такія-же красивыя, какъ въ Англіи, съ глубокими выемками въ листкахъ цвѣта [2]).

6 числа Діана вышла за баръ, въ которомъ Традескантъ, какъ уже упомянуто, показываетъ одиннадцать футъ глубины. Корабль попалъ-было тамъ на мель, но благополучно снялся. 8-го былъ онъ у острова Сосновца, и вечеромъ того-же числа встрѣтился съ англійскимъ военнымъ кораблемъ, который привелъ въ Россію Волынскаго. Съ 8 до 10-го дулъ противный вѣтеръ, а потомъ до 13-го стоялъ густой туманъ, такъ что въ четыре дня сдѣлали только десять лигъ. У Святаго Носа корабль попалъ, какъ кажется, въ вышеописанный сувой и былъ въ опасности наткнуться на скалу (вѣроятно, Камень

ко возможно, очищаемы отъ своего масла съ вывороченной мясной стороны для употребленія на обивку погребцевъ, которыхъ много продавалось, по большей части Голландцамъ, пріѣзжавшихъ въ Архангельскъ. Дома они окрашивали ихъ внутри, обивали желѣзомъ и потомъ опять привозили въ Архангельскъ на продажу.

[1]) A sort of plant bearing his frut like hedge mercury (Mercurialis perennis) which made a very fine showe having leaves on the tope of every stake having in every loupe a berry about the bignes of a hawe all the 3 berryes growing close together of a finner bright red than a hawe whiche I took up many roots yet am afraid that none held because on our being on ground we staved most of oure fresh watter and so wear faint to watter withe salt watter but was mad believe it was freshe whiche that plant having but a long whit thin root littill biger than a small couch gras and the boys in the ship befor I pe(r)seved it eat of the berries except some of them com up amongst the earthe by chance. I found this plant to growe in Rose Iland.

[2]) Thear (in Rose Iland) I found pinks growing naturall of the best sort we have heere in Ingland withe the eges of the leaves deeplie cut or jaged very finely.

Воронуха). 14-го около корабля появилось много китовъ; Нельсонъ позвалъ Традесканта на палубу и показалъ, какъ за однимъ изъ нихъ гонялся Thresher. 16-го Діана прошла Нордъ-Капъ, но лишь 22 сентября Традескантъ вышелъ на берегъ въ Катерининскомъ докѣ у Лондона *).

Изъ указаннаго мѣста Традескантова журнала мы видимъ, что уже въ 1618 году имя Thrasher было въ употребленіи для означенія извѣстнаго врага китовъ, называемаго даже Balaenarum tyrannus—дельфина, именно Delphinus (Phocoena) Orca, по-русски *косатки*, хотя тогда лишь двадцать лѣтъ прошло

---

*) The 6 of August we weyed ancor (у Розоваго Острова) the wind being fayer and went for the bar is but 11 foot watter and our shipe drew 10 and a halfe the tide being then neape whear we cam on and sat 6 or 8 howers to oure great grefe a flowd presently rising whiche if it had continewed the shipe must needs have perished but thanks be to God the next tyd we cam of without any harme. The next day we wear becalmed. The 8 day we mad Cros Iland the wind being fayre but small and much raine in so muche that all the decks wear leake which for my own part I felt for it rayned doune thourow all my clothes and beds to the spoyll of them all. The 8 day at night we met withe on of the state men of war that the Rusian Ambassator cam home in of Cape Grace (въ семи съ половиной лигахъ отъ острова Сосновца). From the 8 to the 10 conttrary winds. From the 10 to the 13 extreme foge so that in 4 or 5 dayes we went but 10 leags a head. Of Cape Gallant (Святой Носъ) we wear afrayd of being brought upon a rock (вѣроятно, Камень Воронуха) but thank be to God it proved beter. The 14 daye being Fridaye we sawe mani whales whear the owner of ship (Нельсонъ) sawe on chased with a thresher and called me to see it but they rose no more. The next day (15) being Satterday we had a great storme the wind being at East. On Sunday (16) towards night the storme seased and the wind changed west. That night we mad the North Cape... On Sunday being the 13 of September I with on were walking on the wash of the shipe I descreyed lande, whiche was present aproved by the whole company which land was to the southward of Boffum Ness part of cuntrie of Scotland. Oure Master imaiened it to be the Frithe but could no more tell than any other. This is in on iuste monthe we had bine without sight of land for the Sunday monthe befor wee had sight of the North Cape of the land called Assumtion... On Friday, (18 августа, должно быть — сентября) 12 of the clock we mad Flambrow head. Saturday (19, опять августа вмѣсто сентября) night we recovered Yarmouth road where we anchored and dined in the toune. On Sunday (20) after dinner we wayed anchor and that night the wind being fayre we recovered Al(d)boroug the next morning being Monday we wayed and that daye came to Gravesend. On Tuesday the 22 of August (должно быть, сентября) we landed at Saynt Katharine neer London whear God be thanked we ended our viage having no one man sick God be thanked.

съ тѣхъ поръ, какъ Англичане начали практически заниматься китоловствомъ у острова Исландіи и недалеко отъ Нордъ-Капа. Должно впрочемъ замѣтить, что первая попытка Англичанъ на китоловный промыселъ, сдѣланная въ 1575 году, относится именно къ тѣмъ водамъ, гдѣ Нельсонъ указалъ Традесканту кита, преслѣдуемаго дельфиномъ. Для изученія техники китоловства, этой, тогда еще неизвѣстной въ Англіи промышленности, было принято нѣсколько опытныхъ въ этомъ дѣлѣ Бискайцевъ. На счетъ нужныхъ для того снарядовъ обращались за совѣтомъ къ Вильяму Борро. Въ 1574 и 1575 г. онъ былъ, какъ выше сказано, въ Москвѣ первымъ агентомъ лондонской компаніи. Уже въ 1556 г., плывя съ братомъ своимъ Стефеномъ, вблизи Новой Земли, онъ замѣтилъ кита у самаго корабля. Въ слѣдующія плаванія къ Розовому Острову, Англичане, безъ сомнѣнія, часто встрѣчали китовъ, и это могло вести къ заведенію китоловнаго промысла, который сдѣлался потомъ у Англичанъ столь значительнымъ.

Лишь сто девятнадцать лѣтъ послѣ Традескантова путешествія къ намъ, именно въ 1737 году, дельфинъ, вмѣстѣ съ мечомъ-рыбой, объявленъ былъ смертельнымъ врагомъ китовъ въ естественной исторіи Сѣверной Каролины доктора Джона Бриккеля [1]). За двѣнадцать лѣтъ до того (1725 г.), Поль Додлей сообщилъ Королевскому Обществу (Royal Society), что дельфины-орки у китолововъ называются убійцами (Killer), и что они гоняются за молодыми китами, какъ бульдоги за быками. Киты рычатъ какъ разъяренные быки и высовываютъ изъ пасти языкъ, который орки пожираютъ [2]). Странно, что

---

[1]) Бриккель пишетъ: «These Fish (the Whales) are never found dead or floating to the Shoar with their Tongs in their Heads, for it is the Opinion of many in these parts, that the Thrashers and Sword-Fish (which are mortal Enemies to the Whales where ever they meet them) eat the Tongue out of their Head, as soon as they have killed him; but whether this be done the Fish above mentioned, or by others of the same voracious Nature, I will not take upon me to determine».

[2]) Paul Dudley говоритъ: «Our Whale-men have given this Fish (that prey's upon the Whales) the Name of Killers. They go in Company by Dozens, and set upon a young Whale, and will bait him like so many Bull-dogs; some will lay hold of his Tail to keep him from threshing, while others lay hold of his Head, and bite and thresh him, till the poor Creature, being thus heated, lolls out his Tongue,

докторъ В. Скоресби, столь свѣдущій во всемъ, что касается китовъ, не упоминаетъ объ этихъ дельфинахъ. Онъ сомнѣвается даже въ ихъ существованіи. The swordfish and the thrasher, говоритъ онъ, и въ скобкахъ прибавляетъ: *если есть такое животное* (if such an animal there be), may possibly be among the ennemies of the whale, but I have never witnessed their combats.

Изъ разныхъ названій разсматриваемаго дельфина, очень древнее: grampus, можетъ-быть, произошло чрезъ сокращеніе изъ grand porpois. Такъ какъ дельфины эти водятся вблизи Нордъ-Капа, то они называются Нордъ-Капцами. Русское названіе *косатка* дано по плавательному перу на спинѣ, нѣсколько изогнутому, которое дельфинъ держитъ обыкновенно поверхъ воды. Тамъ, гдѣ, по разсчисленію времени, Нельсонъ видѣлъ съ Традескантомъ дельфиновъ, ихъ и нынѣ видятъ очень часто, именно у полуострова Рыбачьяго и Варангскаго Фіорда. Одинъ очевидецъ сказывалъ мнѣ, что косатки очень часто загоняютъ китовъ въ образуемую южнымъ краемъ Рыбачьяго полуострова и берегомъ, Мотовскую губу, а тамъ, какъ въ сѣверную впадину, называемую Ново-Земельскою гаванью, такъ и въ обѣ, дальше къ югу находящіяся, мелководныя губы, даже на сушу; и дѣйствительно, берегъ тамъ, говорятъ, наполненъ остовами китовъ. Самая южная изъ этихъ губъ была названа, вѣроятно, Китовою, но теперь на нашихъ картахъ она называется Титовскою. Самая западная губа, теперь называема Кутовою (отъ *кутъ*, уголъ или конецъ), первоначально называлась, можетъ быть, также Китовою, тѣмъ болѣе, что впадающая въ нее рѣчка на картахъ называется Титовской (то есть, опять Китовской). Такимъ образомъ были, можетъ быть, двѣ Китовыхъ губы, одна западная, имѣющая направленіе къ юго-западу, а другая восточная, направленная къ югу.

---

and then some of the Killers catch hold of his Lips, and if possible of hir Tongue; and after they have killed him, they chiefly feed upon the Tongue and Head, but when he begins to putrify, they leave him. This Killer is without doubt the Orca, that Dr. Frangius describes with these words: «Quando Orca insequitur Balaenam, ipsa Balaena horibilem edit mugitum, non aliter quam cum Taurus mordetur a Cane». These Killers have sometimes bit out of a dead Whale a Piece of Blubber of about two Foot square».

Тилезіусъ видѣлъ стаю косатокъ, какъ-бы въ боевомъ порядкѣ гнавшихся за тюленями, которые часто, чтобы спастись, вспрыгивали на воздухъ. Рисунокъ этого явленія сообщенъ Палласомъ.

Такъ какъ Традескантъ узналъ названіе дельфиновъ: Thrasher (бойцы), безъ сомнѣнія, отъ Нельсона, владѣльца корабля, то можно полагать, что послѣдній бывалъ на сѣверѣ въ прежнія свои путешествія. Одна рѣка и бухта въ Гудсоновомъ заливѣ были названы по имени какого-то Нельсона, который находился съ Томасомъ Боттономъ, отправленнымъ серомъ Додлеемъ Диггсомъ и другими членами Московской компаніи на сѣверо-западъ и зимовавшимъ въ этой бухтѣ въ 1612—1613. Этотъ Нельсонъ тамъ и умеръ. Нашъ Нельсонъ былъ, можетъ быть, родственникъ того и прежній его спутникъ.

Надобно пожалѣть, что Традескантъ не прожилъ у насъ дольше: при своей наблюдательности и неутомимой охотѣ собирать естественные предметы, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ бы въ свой журналъ много такого, что для насъ было бы теперь въ высшей степени интересно.

Какъ видно изъ каталога его музея, онъ привезъ съ собой въ Англію нѣсколько вещей и 80 штукъ русской одежды. На стр. 49 значится: Duke of Muscovy's vest wrought with gold upon the breast and armes. Дюкомъ Англичане часто называли царя, а также и какого-нибудь князя. Въ 1618 году въ Архангельскѣ не было другаго князя, кромѣ воеводы Андрея Васильевича Хилкова; его помощникомъ былъ Богданъ Борисовичь Воейковъ. Итакъ этотъ кафтанъ съ золотымъ шитьемъ былъ, быть можетъ, изъ гардероба князя Хилкова. На страницѣ 47 упоминается русская верхняя одежда (vest). Стр. 48 — сапоги изъ Россіи, стр. 46 — ножъ изъ Московіи, стр. 4 — сѣверный нырокъ, gorara (то есть гагара) или Columbus изъ Московіи. Думаю, что я видѣлъ въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ голову, отнятую отъ этого экземпляра. Стр. 162 — Rosa Moscovita съ Розоваго Острова.

Паркинсонъ, въ своемъ Theatrum botanicum (1640) стр. 705, говоритъ, что Традескантъ привезъ изъ Россіи въ Англію Geranium Moscoviticum purpureum—растеніе не описанное, хо-

тя оно давно уже находилось въ англійскихъ садахъ *). Впрочемъ, въ упоминаемомъ нами каталогѣ Соутъ-Ламбетскаго сада значится не Geranium purpureum, а на стр. 116 G. Batracoides flore caeruleo, и Традескантъ пишетъ въ своемъ журналѣ, что на островахъ Двинской дельты онъ находилъ «Geranium flore serülle».

Черезъ два года послѣ своей поѣздки къ намъ, онъ совершилъ путешествіе въ Средиземное море съ тогдашнею экспедиціей противъ Алжира. Съ острова Форментеры онъ привезъ Trifolium estellatum, которую Джонсонъ, въ своемъ изданіи Герардова травника (Herbal) стр. 1208, описываетъ подъ названіемъ Trifolium stellatum hirsutum, а Паркинсону онъ сказывалъ, что въ Варварійскихъ государствахъ онъ видѣлъ поля, наполненныя растеніемъ Gladiolus. По Паркинсону (Theatrum botanicum стр. 1109), Традескантъ получилъ отъ Вильгельма Беля (Boel) въ Лиссабонѣ Trifolium fragiferum Lusitanicum tomentosum.

Семь лѣтъ спустя, именно въ 1627 году, Традескантъ, состоя садовникомъ у герцога бокингемскаго (George Villiers), участвовалъ въ несчастной экспедиція, предпринятой герцогомъ, за годъ до его убіенія, на Ла-Рошель и на островъ Ре. Съ этого острова онъ привезъ Leucojum marinum maximum Parkinsoni.

Традескантъ младшій совершилъ, до 1640 года, путешествіе въ Виргинію. Онъ привезъ оттуда: Aquilegia Virginiana (Park. Th. bot. p. 1367; Musaeum Tradescantianum p. 84; A. Canadensis L.), Sparganium majus sive ramosum Virginianum (Park. Th. bot. p. 1206; Mus. Trad. p. 169), Gelseminum sive Jasminum luteum odoratum Virginianum scandens sempervirens (Park. Th. bot. p. 1465; Gelsemium nitidum, Mich.), Cupressus Americana (Park. Th. bot. p. 1477; C. Virginiana Trad., Mus. Trad. p. 106; Taxodium distichum, Rich.); вѣроятно, также и Arbor siliquosa Verginiensis spinosa Locus nostratibus dicta

---

*) G. Moskovit. purpur. groweth in Moscovy, brought to us by Mr. John Tradescant, hath not beene published although we lave had it longtime in our Gardens.

(Park. Th. bot. p. 1550; Locusta Virginiana arbor, Mus. Trad. p. 135). Вильямъ Ватсонъ ошибочно утверждаетъ (Phil. Trans. V. XLVI), что кипарисъ въ первый разъ привезенъ Традескантомъ отцемъ.

Традесканты всѣ трое, отецъ, сынъ и внукъ, погребены, какъ я упоминалъ, возлѣ самаго дворца архіепископа Кентерберійскаго, на кладбищѣ при Маріинской церкви въ Ламбетѣ.

Въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ находится нѣсколько портретовъ, писанныхъ масляными красками, отца и сына. Молодой внучекъ и его мачиха Эсѳирь также нарисованы. Есть также портретъ и гипсовый слѣпокъ головы, снятый съ Традесканта старшаго тотчасъ по его кончинѣ. Кромѣ этихъ портретовъ отца и сына, рисованныхъ богемскимъ художникомъ Венцеславомъ Голларомъ для каталога Музея *), они были дважды гравированы Джономъ Томасомъ Смитомъ. Эсѳирь Традескантъ, одна и съ пасынкомъ (а не сыномъ), была гравирована Каульфильдомъ. Домъ Традескантовъ въ Ламбетѣ тѣмъ-же Смитомъ гравированъ первоначально для его Antiquities of London and its Environs (1791—1800).

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, англійскіе садовники еще называли нѣкоторыя растенія именемъ Традесканта, а именно: 1) вышеупомянутое Phalangium Ephemerum Virginianum, которое тогда уже Руппомъ было выставлено въ Германіи родоначальникомъ рода Tradescantia; 2) Narcissus pseudonarcissus, названное Паркинсономъ въ честь Традесканта, и

*) Подъ портретомъ отца подписано: Johannes Tradescantus Pater, rerum selectarum insignem supellectilem in Reconditorio Lambethiano prope Londinum, etiamnum visendam primus instituit ac locupletavit. Подъ портретомъ сына: Johannes Tradescantus Filius, genii ingeniique parterni verus heres, relictum sibi rerum undique congestarum thesaurum ipse plurimum adauxit et in Museo Lambethiano amicis visendum exhibet. Могло быть, что ничтожныя замѣтки, наполняющія послѣднюю страницу, остававшуюся пустою въ рукописи, приписываемой мною Традесканту старшему, сдѣланы младшимъ Традескантомъ, который былъ друженъ съ Ашмолемъ. Это пустописаніе начинается такъ: Simpathetical and antipathetical working of herbes plantes stones minerals with other utemost virtues some times taught by the devil..... Дальше: Theare was never any callender mad publik before the captivitie of babilon by which they divided the yeere into twelve parties и такъ далѣе.

по розовидной формѣ, равно и по желтому цвѣту: Pseudonarcissus aureus maximus flore pleno, sive roseus Tradescanti; наконецъ 3) астру, которую Традескантъ получилъ отъ Батскаго врача Джорджа Джибса, привезшаго ее изъ Виргиніи, и которая даже у Линнея выставлена подъ именемъ Aster Tradescanti, такъ что теперь въ ботаникѣ именемъ Традесканта называется не только родъ, но и видъ.

Традескантовъ садъ посѣтилъ въ 1749 году Вильямъ Ватсонъ (съ 1757 года докторъ, съ 1786 г. кавалеръ) съ докторомъ Митчелемъ. Они нашли тамъ еще Borrago latifolia sempervirens (Anchusa sempervirens), Polygonatum vulgare latifolium (Convallaria polygonatum), Aristolochia clematitis recta, Dracontium Dodonaei (Arum Dracunculus), въ двадцать футъ вышиной и почти въ футъ толщиной Rhamnus catharticus, и два большихъ дерева Arbutus: въ Традескантовомъ каталогѣ эти растенія означены на стр. 92, 155, 85, 110, 161 и 85. Антикварій и исторіографъ докторъ Андрей Кольте Дюкарель, въ послѣднюю пору своей жизни, кончившейся 1785 г., занималъ одну часть Традескантова дома, тогда какъ другую, пристроенную Ашмолемъ, съ 1760 года занималъ купившій ее Джонъ Смаль. Дюкарель напечаталъ въ Philosophical Transactions о Традескантѣ письмо къ помянутому доктору Ватсону, гдѣ содержатся нѣкоторыя неточности. Онъ думаетъ напр., что Традескантъ старшій не былъ садовникомъ въ Кентербери, что онъ еще былъ живъ въ 1656 году, и что Ашмоль купилъ собраніе (у Традесканта сына).

Слава основателя сада въ Соутъ-Ламбетѣ, упроченная Паркинсономъ и Джонсономъ, безъ сомнѣнія, ускорила заведеніе другихъ ботаническихъ садовъ. Объ Оксфордскомъ Physic Gardens я уже упоминалъ. И въ Лондонѣ образовался донынѣ существующій аптекарскій садъ въ Челзи, которымъ послѣ Ватса (Watts) и Дуди (Doody) завѣдывали Джемсъ Петивьеръ (Petivier) и позднѣе Филиппъ Миллеръ. И частные люди показывали ревность къ усовершенствованіямъ садоводства. Садовникъ короля Іакова II, Розе, посѣтилъ Традескантовъ садъ въ 1669 г., когда вдова Эсѳирь была еще въ тяжбѣ съ Ашмолемъ, и за два года до перенесенія Традескантова со-

бранія въ Оксфордъ, именно въ 1681 г., четыре садовника составили общество для улучшенія воспитанія фруктовыхъ деревъ. Это были: Роджеръ Локкеръ, садовникъ королевы Екатерины, бывшій главнымъ надзирателемъ надъ многими другими садами, Джорджъ Лондонъ, садовникъ лондонскаго епископа (Генриха Комптона) въ Фульгамѣ, Моисей Кукъ (Cooke), садовникъ графа эссекскаго (Артура Кепеля) въ Кассіобери и и Гадгамѣ, и Джонъ Фильдъ (Feild) садовникъ герцога бедфордскаго (Вильяма Росселя) въ Воборнскомъ аббатствѣ. Изъ этихъ садовниковъ, Лондонъ и Кукъ извѣстны въ литературѣ; первый перевелъ съ Генр. Уайзомъ (Wise) двѣ французскія книжки и издалъ ихъ, подъ заглавіемъ The retird Gardener; Кукъ написалъ сочиненіе: The manner of raising forrest trees.

Въ 1712 году владѣльцемъ участка земли Традесканта былъ серъ Гансъ Слоанъ (Sloane), который отдалъ потомъ эту землю аптекарскому саду. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ близъ этого сада въ Чельзи; тамъ онъ и умеръ. Ботаническія и естественно-историческія собранія Слоана, какъ извѣстно, послужили основаніемъ Британскаго Музея. Его памятникъ стоитъ на лѣвомъ берегу Темзы, у церкви въ Чельзи, тогда какъ основатель Оксфордскаго Музея покоится на правомъ берегу рѣки.

Барельефы на памятникѣ троихъ Традескантовъ теперь не ясны; но въ бумагахъ Пеписа въ Magdalen College въ Кембриджѣ находятся рисунки, которые изданы были докт. Дюкарелемъ (Philos. Trans. V. LXIII). Сдѣланная въ 1662 г. при постановкѣ памятника и въ 1773 г. возобновленная по подпискѣ надпись состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Know, stranger, ere thou pass, beneath this stone
Lie John Tradescant, grandsire, father, son.
The last dy'd in his spring; the other two
Liv'd till they had travelled art and nature thro'
As by their choice collections may appear,
Of what is rare in land, in seas, in air:
Whilst they (as Homer's Iliad in a nut)
A world of wonders in one closet shut.
These famous antiquarians thad hat been
Both gardiners to the Rose and Lilly Queen,
Transplanted now themselves, sleep here; and when
Angels shall with their trumpets awaken men,
And fire shall purge the world, these hence shall rise
And change their garden for a paradise.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, одинъ изъ пріѣхавшихъ къ намъ изъ Рима Грековъ, по преимуществу принадлежитъ къ той интересной эпохѣ, когда Россія вошла въ сношенія съ западной Европой; онъ самъ былъ дѣятельнымъ въ нихъ посредникомъ. 11 февраля 1469 г. онъ прибылъ въ Москву, отъ имени папы, предложить великому князю Ивану Васильевичу, овдовѣвшему съ 1467 г., въ замужество жившую въ Римѣ племянницу послѣдняго Греческаго императора Софію (Ѳоминичну). Во время ея путешествія въ Москву уже обрученною невѣстой, при ней находился братъ Юрія, Дмитрій Мануиловичъ Траханіотъ, съ сыномъ; Юрій пріѣхалъ въ Россію позже, чтобъ навсегда въ ней остаться. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя съ отраслью Греческаго императорскаго дома вошелъ въ Россійскій государственный гербъ двуглавый орелъ, а вслѣдствіе неоднократныхъ путешествій изъ Россіи въ Италію прибыли въ Москву многіе полезные художники, произведенія которыхъ отчасти и теперь можно видѣть въ Кремлѣ. Германія также обратила вниманіе на Россію. Императоръ Фердинандъ III *) въ 1486 г. отправилъ образованнаго нѣмца, Николая Поппеля, съ рекомендательнымъ письмомъ къ Ивану Васильевичу. Кромѣ пріобрѣтенія общихъ свѣдѣній о Россіи, ему поручено было, какъ кажется, предварительно разузнать, нельзя ли устроить бракъ императорскаго сына, Римскаго короля Максимиліана, тогда овдовѣвшаго, съ одною изъ дочерей Ивана, Еленою или Ѳеодосіею, или не склонны ли онѣ сочетаться бракомъ съ членами другихъ царственныхъ Германскихъ домовъ, Баденскаго, Саксонскаго, или Бранденбургскаго. По возвращеніи въ 1488 г., Поппель засталъ императора въ Нюрбергѣ на сеймѣ. Онъ разсказалъ ему и высокому собранію много о величіи и могуществѣ Россіи, равно какъ объ особенныхъ ка-

*) У Карамзина Фридерикъ.

чествахъ ея владѣтеля, послѣ чего, какъ отъ имени императора Фердинанда, такъ и отъ имени сына его, Римскаго короля Максимиліана, Поппель былъ офиціально посланъ въ Москву, гдѣ онъ, между прочимъ, сдѣлалъ упомянутыя предложенія о бракѣ. Вмѣстѣ съ Поппелемъ, въ мартѣ 1489 г., отъ великаго князя былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ посланникомъ къ императору и къ королю; изъ природныхъ русскихъ сопровождали его Иванъ Халѣпа и Константинъ Аксентьевъ. Кромѣ посольскихъ дѣлъ, Траханіоту и этимъ русскимъ поручено было постараться пригласить мастера горныхъ дѣлъ и металлурга, военнаго инженера, артиллериста, архитектора и искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера. Нѣсколько лѣтъ раньше, прежде чѣмъ Поппель устроилъ сношенія съ Германіей, великій князь просилъ Венгерскаго короля Матѳея прислать ему такихъ художниковъ. Римскій король, отъ имени своего отца, императора, въ 1489 г. предсѣдательствовалъ на сеймѣ, бывшемъ тогда во Франкфуртѣ на Майнѣ. Король принялъ наше посольство въ ратушѣ, въ присутствіи многихъ съѣхавшихся на сеймъ господъ. Траханіотъ, который не понималъ ни по-латыни ни по-гречески, говорилъ рѣчь королю на италіянскомъ языкѣ, на которомъ тоже отвѣчалъ король черезъ Георга фонъ-Торна. Траханіотъ передалъ, въ подарокъ отъ великаго князя, три дорогіе мѣха: сорокъ соболей, шубу горностаевую и бѣличью. Халѣпа и Аксентьевъ, которыхъ тамъ называли кавалерами посольства, представили каждый по шубѣ бѣличьей. На другое утро Траханіотъ имѣлъ частную аудіенцію. Онъ ѣздилъ также къ семидесяти-четырехлѣтнему старцу императору, который принялъ его очень благосклонно, но не далъ ему никакого письма къ великому князю, такъ что онъ, по возвращеніи въ Москву въ іюлѣ 1490 г., представилъ только письмо отъ Римскаго короля Максимиліана. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхалъ посланникъ отъ Максимиліана, вышеупомянутый Георгъ фонъ-Торнъ (у насъ неправильно пишется Делаторъ), и имѣлъ аудіенцію нетолько у великаго князя въ присутствіи его сыновей Василія и Юрія, но и представленъ былъ особенно великой княгинѣ Софіи, которой онъ, вмѣстѣ съ кускомъ сѣраго сукна, подарилъ попугая. Карамзинъ, введенный въ заблужденіе нашими лѣтописями, говоритъ, что Юрій Траханіотъ былъ Русскимъ посланникомъ въ Римѣ въ 1499 г. Это — ошибка, которая очевидно произошла оттого, что его миссію къ Римскому королю смѣшали съ посольствомъ въ Римъ. Пробывъ въ Москвѣ менѣе шести недѣль, въ августѣ 1490, Юрій Траханіотъ и д-ръ Торнъ отправились обратно въ Германію; первому былъ приданъ дьякъ Василій Кулешинъ. Кромѣ дипломатическихъ дѣлъ они должны были сообщить Римскому королю, что великій князь готовъ выдать за него одну изъ дочерей своихъ. Они должны были также пригласить хорошаго врача, потому что трагическая кончина Леона уже совершилась. Они нашли короля въ Нюрнбергѣ, были при немъ съ марта по іюнь 1491, и подъ конецъ года

воротились въ Москву, гдѣ вскорѣ послѣ того и Торнъ явился во второй разъ посланникомъ отъ Максимиліана. Ему было поручено извѣстить, что король, долго не получая отвѣта изъ Москвы, рѣшился жениться на Аннѣ Бретанской. Но какъ у насъ потомъ получили извѣстіе, что король Французскій отбилъ у него невѣсту, то, при возвращеніи Торна въ Германію весною 1492 г., ему поручено было между прочимъ передать королю Максимиліану, что онъ можетъ еще надѣяться получить одну изъ велико-княжскихъ дочерей за себя или за сына своего Филиппа. То-же порученіе дано вскорѣ послѣ того отправленному Юрію Траханіоту, которому приданы были два дьяка, Михайло Яропкинъ и Иванъ (Волкъ) Курицынъ (сожженный какъ еретикъ въ 1505). Они были у Римскаго короля въ Кольмарѣ, но въ іюнѣ 1493 воротились опять въ Москву, ничего не исполнивъ, и великая княгиня Елена была обручена съ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ, бывшимъ потомъ королемъ Польскимъ. Вышеупомянутый Василій Кулешинъ, бывшій тогда казначеемъ, находился при обрученіи въ Вильнѣ. Устроивъ съ честію, вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, бракъ Ивановой дочери Ѳеодосіи съ Холмскимъ въ февралѣ 1500 г., послѣ свадебныхъ празднествъ, Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, въ апрѣлѣ того же года, былъ посланъ въ Данію вмѣстѣ съ свѣдущимъ въ дѣлахъ дьякомъ Василіемъ (Третьякомъ) Далматовымъ, въ обществѣ Датскихъ посланниковъ Іоганна Андерсона, Андрея Христенсона и Андрея Глоба, прибывшихъ въ февралѣ. Изъ Даніи Траханіотъ и Далматовъ, вмѣстѣ съ Датскимъ герольдомъ, въ августѣ 1501, вокругъ Норвежскаго мыса воротились къ Двинѣ. Василій Далматовъ еще въ 1477 г. участвовалъ при покореніи Новгорода, а въ 1493 г. въ посольствѣ по поводу задуманнаго брака Ивановой дочери съ Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ, и въ послѣдствіи, въ 1509 и 1510, онъ былъ главнымъ дѣятелемъ при окончательномъ покореніи Пскова. Объ немъ разсказываетъ Герберштейнъ, что Иванъ Василіевичъ весьма высоко цѣнилъ его (carus Principi, et inter intimos Secretarios habitus), но что онъ сослалъ его въ заточеніе на Бѣлоозеро, гдѣ онъ и умеръ, и что потомъ все его имущество описали въ казну, за то, что онъ представлялся бѣднякомъ, чтобъ избавиться отъ порученія, возложеннаго на него великимъ княземъ къ императору Максимиліану. Его братья Нѣмецъ (Ѳеодоръ) и Захаръ были посланы въ 1517 г., навстрѣчу Герберштейну и сопутствовали ему въ путешествіи отъ Можайска до границы за Смоленскомъ.

Относительно упомянутаго нами герольда должно замѣтить, что его титулъ приняли за собственное имя. Это произошло отъ неправильнаго чтенія и перевода Латинскаго письма Датскаго короля Іоанна: David Heraldus (noster). Такъ какъ въ Русскомъ языкѣ h не отличается отъ g, то оттого произошло Герольдъ, а это имя превращено даже въ Герладъ. Его настоящее имя мы должны узнать изъ Датскихъ архивовъ. Въ одной

копіи латинскаго перевода письма великаго князя Василія Ивановича къ королю Іоанну я нашелъ слова: «Vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken». Отсюда я позволяю себѣ заключить, что его прозваніе было Кокенъ. Это имя, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому что списокъ съ оригинала, находящагося въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Копенгагенѣ, пріобрѣтенный государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, и которымъ я пользовался, подписанъ: «Ex charta coaeva Archivi Regii secretioris accurate excripsi Grimus Johannes Thorkelin Archivi Regii secretioris Praefectus». По поводу слова Kocken я желалъ бы видѣть оригиналъ упомянутаго письма. Имя нашего Истомы во всѣхъ спискахъ, скрѣпленныхъ Торкелиномъ, ни разу не написано правильно. Дальнѣйшимъ доказательствомъ, заимствованнымъ изъ Датскихъ писемъ, что слово Герольдъ означало должность, а не прозваніе, можетъ служить мѣсто въ сочиненіи Гуитфельда: Danmarkis Rigis Kronicke, II, стр. 1075, которое опять повторяется въ его Kong Hansis Kronicke, стр. 270. Тамъ стоитъ: Sin (Kong Hansis) Herold, Mester David и проч. Жаль, что и здѣсь не показано прозванія. Герберштейнъ говоритъ, что Mester David былъ шотланецъ. Не удивительно, что кто нибудь изъ этой націи служилъ при королѣ Іоаннѣ, потому что тогдашній Шотландскій король Яковъ IV былъ племянникъ Іоанновъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго королемъ Французскимъ Карломъ VII въ 1460 г., Яковъ III въ 1470 г. женился на его сестрѣ Маргаритѣ и въ приданое получилъ Оркнейскіе и Шетландскіе острова. Для заключенія союза между Даніей и Шетландіей (съ Англіей уже былъ заключенъ союзъ съ 1490 г.) въ маѣ 1493 г. прибыло посольство изъ Шотландіи въ Копенгагенъ; нашъ Давидъ могъ быть въ томъ числѣ. Король Іоаннъ желалъ подвигнуть великаго князя Ивана Васиіевича къ нападенію на измѣнившую Датскому престолу Швецію, или по крайней мѣрѣ къ нападенію на близъ-лежащую Финляндію, за что обѣщалъ помощь противъ Литвы. Прибывшій въ Москву для этой сдѣлки Датскій посланникъ, бывшій первымъ изъ всѣхъ, ни въ одномъ сочиненіи не называется по имени. Въ Даніи хранили сколь возможно въ тайнѣ его посольство, направленное противъ Швеціи. Однако авторъ Шведской Rym-Chronik получилъ о томъ извѣстіе, и говоритъ въ своихъ стихахъ очень коротко: Домпростъ на Рошильдѣ (Domprosten aff Roskel) былъ посылаемъ королемъ Гансомъ въ Россію. Это скопировалъ Мессеній (1620), также Далинъ (1750), безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, и Шлегель ошибочно думалъ (1769), будто Давидъ и этотъ Домпростъ одно и то-же лицо. По моему мнѣнію, Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву въ іюлѣ 1493 г. черезъ Готландъ, Лифляндію и Новгородъ, былъ никто иной какъ Іоаннъ Якобсонъ (Jens Ibson, Jebson, Ipsön и мн. др.), который семь лѣтъ спустя былъ епископомъ въ Рошильдѣ. Онъ былъ изъ фамиліи Равенсберговъ. Отецъ посылалъ его въ молодыхъ лѣтахъ съ дядькою въ

Кельнъ учиться въ тамошнемъ университетѣ, который тогда славился. Заключенный тамъ неприличный бракъ (turpi amore captus est libidine cecus, uxorem duxit meretricem quandam, nomine Christinam), по возвращеніи его, по ходатайству отца былъ расторженъ, и Якобсонъ сдѣлался каноникомъ, потомъ іеромонахомъ въ Рошильдѣ. Король Іоаннъ бралъ его съ собою секретаремъ въ путешествіе въ 1482 въ Шлезвигъ и Голштинію, также въ Гамбургъ, чтобъ привести народъ къ присягѣ себѣ и своему младшему брату, принцу Фридриху. Впослѣдствіи находимъ Якобсона протоіереемъ или пастоятелемъ (предстоятелемъ, Provist, Forstander) монастыря въ Дальби, въ Шопіи; также встрѣчается онъ деканомъ Рошильдскимъ. По порученію короля Іоанна онъ совершилъ путешествіе въ Шотландію и Англію, и по смерти епископа Рошильдскаго въ 1500 г. наслѣдовалъ этотъ высокій санъ. Уже въ санѣ епископа, онъ былъ посылаемъ въ 1501 г., въ сопровожденіи Генриха Крумериджа, съ флотомъ въ Опсло въ Норвегіи, чтобы привести Норвежцевъ къ повиновенію своему монарху. Кнутъ Альфсонъ, тамошній предводитель, былъ убитъ на епископскомъ кораблѣ. Это обстоятельство, равно какъ умерщвленіе государственнаго гофмейстера Павла Лаксманда (въ 1502), бросаетъ на Якобсона подозрѣніе въ тайномъ содѣйствіи. Впрочемъ его изображаютъ какъ ученаго и государственнаго мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чувственнаго и преданнаго роскоши человѣка (regem ipsum vivendo sumptuose et splendide superavit), который однако помогалъ бѣднымъ. Онъ содержалъ на свой счетъ нѣсколько сотъ кавалеристовъ въ службѣ королевской. Онъ умеръ въ 1512 г., въ Гіортгольмскомъ замкѣ, въ разстроенномъ состояніи, и до смерти его за него исправлялъ должность долгое время его намѣстникъ, пѣвчій (Cantor) Лаугъ Урне. Онъ погребенъ въ старой монастырской церкви, которую посѣтилъ Петръ Великій, въ Рошильдѣ, прежней резиденціи Датскихъ королей, изъ коихъ многіе тамъ покоятся, и, какъ случайно открыто въ 1753 году, въ епископскомъ нарядѣ, съ чашею и дискосомъ въ сложенныхъ рукахъ. Кстати прибавлю, что съ 1642 года въ этомъ соборѣ находится также гробница младшаго герцога Іоанна Датскаго, умершаго въ Москвѣ въ 1602 году, который сперва положенъ былъ въ Лютеранской церкви, лишь за годъ передъ тѣмъ построенной исключительно изъ еловаго дерева (von eitel Dannenholz) съ дозволенія царя Бориса Θеодоровича Годунова въ Нѣмецкой слободѣ. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ сочетаться бракомъ съ единственною, красивою и образованною царскою дочерью, великою княжною Ксеніей Борисовой Годуновою, которая, три года спустя, испытала столь жалкую участь. На столбѣ, на которомъ означенъ ростъ Христіана I, Петръ Великій оставилъ также замѣтку своего роста. Іоакимъ Бекъ, зять погребеннаго послѣ Іоанна Якобсона брата его Іоакима, сочинилъ для епископа Іоанна надпись, въ которой встрѣчается слѣдующее: «Interea in Angliam et Scotiam missus Legatus, qua in legatione ita se gessit,

«ut jucundissima, gratissima et gloriosissima sit eius nominis memoria, et «apud Anglos et Scotos, quos ipsos etiam eodem tempore, cum inter se «maximum bellum gessissent et starent jam utrinque instructi exercitus «infestis animis et signis, alter in alterius perniciem accincti, in concordiam «dissidentes reconciliavit. Factum omnibus seculis memorandum. Tanti «erat illius viri, apud peregrinos etiam homines, quaedam vocis et vultus «augusta majestas et gravissimis in rebus nominis autoritas». Къ сожалѣнію, не говорится, въ которомъ году Якобсонъ путешествовалъ въ Англію и Шотландію. Въ концѣ февраля 1493 года было въ Лондонѣ Датское посольство, состоявшее изъ королевскаго канцлера (секретаря), его брата, доктора и герольда, готовое къ отъѣзду. По содержанію подписи надо полагать, что Якобсонъ былъ въ Шотландіи въ 1497 году, и что онъ содѣйствовалъ королю Іакову IV къ заключенію перемирія, состоявшагося въ томъ году, когда король Англійскій, съ своей стороны, употреблялъ для того чужестранца, по имени Донъ Педро Айала, который прибылъ въ Лондонъ по дѣлу предположеннаго бракосочетанія принца Уэльскаго Артура съ Катериною Аррагонскою, которая по смерти его сочеталась съ братомъ его Генрихомъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ политическими дѣлами, кажется, велись переговоры, начавшіеся еще въ 1495 году, о бракосочетаніи Англійской принцессы Маргариты, старшей дочери Генриха VII, съ Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV, которое однако совершено лишь въ 1503 году. Этотъ бракъ можно принимать за начало соединенія Англіи съ Шотландіей, которое послѣдовало въ 1605 году, равно сто лѣтъ спустя. Такъ какъ Іоаннъ Якобсонъ былъ въ Англіи и Шотландіи уже послѣ посѣщенія Россіи, то, естественно, онъ могъ тамъ разсказывать о нашемъ государствѣ и о Москвѣ. Кажется, что Англійскій дворъ около того времени получилъ извѣстіе о Россіи. Въ первомъ году правленія Генриха VIII, именно въ 1510, въ послѣдній день масляницы, въ Парламентской залѣ въ Вестминстерѣ данъ былъ маскарадъ, на которомъ явились самъ король въ Турецкомъ костюмѣ, а Генрихъ Стаффордъ, только что возведенный въ графское достоинство, и баронъ Фицвальтеръ, впослѣдствіи виконтъ и графъ Суссекскій — въ Русскомъ костюмѣ, въ сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ (in two long gounes of yelowe satin traversed with white satin and in every bend of whyte was a bend of cremson satin after the fashion of Russia or Ruslande with furred hattes of greye on their hedes, either of them havyng an hatchet in their handes and bootes with pykes turned up.), и т. д. Можетъ быть, подобные «goodly bankets» давались на свадебныхъ праздникахъ Шотландскаго короля и Валлійскихъ принцевъ. Еще можно привести, что въ 1496 году заключенъ былъ торговый трактатъ между Датскимъ королемъ Іоанномъ и Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV. Посольство Якобсона въ Россію было не по поводу опредѣленія границъ, какъ пишетъ Гунтфельдъ, но чтобъ просить помощи противъ Швеціи,

которая приманила на свою сторону Любекъ и другіе Гензейскіе города и возбуждала ихъ противъ Даніи и Россіи. Изъ Кеми (при устьѣ рѣки того же имени, нѣсколько къ востоку отъ Торнео), весною 1490 года, обнародовано было письмо, которымъ призывался каждый возстать противъ Россіи и оправдывалась казнь многихъ Русскихъ. Описывались неоднократныя, уже нѣсколько лѣтъ повторявшіяся нападенія на Нордботъ и Остботъ, Русскихъ которые, полагаясь на миръ, подъ предлогомъ торговли, туда приходили, нападали на беззащитныхъ жителей и отнимали у нихъ не только имущество, но даже и жизнь; говорилось, что ими сожжены церковныя деревни Кеми, Ийо, и Лиминго (на сѣверовосточномъ берегу Ботническаго залива); что они утверждаютъ, будто вся ловля лососей въ сѣверной части Ботническаго залива принадлежитъ Россіи, и не только на восточномъ берегу, по направленію Пихайоки до скалы Ганакиви, но и на Шведскомъ берегу до Біюреклуббе въ приходѣ Шелефтео, и потомъ на сѣверѣ восточная половина рѣки Кеми до Рованіеми; сверхъ того каждая голова должна принести три бѣлинины. Ганакиви (или Hanhikiwi) есть выдающаяся изъ воды скала у берега залива, пятнадцать сажень въ окружности и болѣе трехъ сажень надъ водою; на ней должны были находиться надписи. Біюреклуббе есть скала на противоположномъ, западномъ берегу залива. Въ двухъ миляхъ отъ Улео назначили мѣсто, Турка, за которое Русскіе не должны были переходить; но какъ это опять тогда случилось, то смотритель Гансъ Андерсонъ велѣлъ повѣстить двадцать человѣкъ; остальные убѣжали къ Бѣлому морю. Упомянутое мѣсто Турка находилось на островкѣ, на рѣкѣ Улео, гдѣ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, по воскреснымъ днямъ отправлялась божественная служба для занимающихся лососинною ловлею рыбаковъ. У часовни Мугосъ, также на рѣкѣ Улео, въ четырехъ миляхъ отъ Улео, находился камень, прозванный Русконкиви, въ три аршина вышины и столько же ширины, на которомъ высѣчены были пограничные знаки: левъ для Швеціи, крестъ для Россіи, и молотъ для Лапландіи. Великій князь Василій Ивановичъ, для безопасности отъ Лифляндіи, въ 1492 году построилъ крѣпость Ивангородъ, напротивъ Нарвы, и въ 1493 году вступилъ въ союзъ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ. Для заключенія этого союза, немедленно были посланы въ Данію Дмитрій Ивановичъ Ралевъ и дьякъ Дмитрій Зайцевъ съ уѣзжавшимъ Іоанномъ Якобсономъ. Дмитрій Ралевъ былъ, какъ мы видѣли, еще въ 1488 году посыланъ въ Италію съ порученіемъ; потомъ онъ былъ въ отсутствіи съ 1499 по 1504, и прислалъ изъ Рима разсужденіе о бѣлой епископской шапкѣ. Онъ конечно понималъ какъ по-латыни, такъ и по-итальянски, и могъ дорогою понятно говорить съ Якобсономъ. Къ тому же при королѣ Іоаннѣ находился итальянскій ученый докторъ правъ, о которомъ извѣстно, что онъ погибъ въ морскомъ путешествіи съ королемъ на Кальмарскій сеймъ въ Швеціи, въ 1495 году, когда загорѣлся корабль,

на которомъ находился опъ съ документами. Юрій Мануиловичъ Траханіотъ возвращался изъ посольства своего къ Римскому королю уже послѣ отправленія Ралева, а то, можетъ быть, онъ поѣхалъ бы съ Якобсономъ въ Данію, потому что въ путешествіи своемъ въ Даткихъ владѣніяхъ онъ испыталъ дурное обращеніе и жаловался на то. Впрочемъ, кажется, его употребляли болѣе при миссіяхъ по дѣламъ брака. Шведская риѳмованная хроника (Rym-Kronik) разумѣетъ Ралева и Зайцева, говоря о двухъ прибывшихъ изъ Россіи боярахъ; въ то-же время она разсказываетъ, что всего пришло тогда въ Данію не менѣе двадцати Русскихъ, и что они сѣли на корабль въ Ревелѣ. Можетъ быть, въ этой свитѣ находился также Григорій Истома; хроника упоминаетъ, что нѣсколько Русскихъ осталось въ Даніи въ 1493 г. Сочиненный на Латинскомъ языкѣ трактатъ былъ изготовленъ 8 ноября въ Копенгагенѣ; мы имѣемъ копію съ него. Іоаннъ обѣщалъ помощь противъ Литовскаго князя, но и съ своей стороны онъ просилъ помощи: «contra suos inimicos et hostem Swantonem Regni Swecie occupatorem gubernatorem. Et quum aliquis nostrum incipiet lites adversus Swantonem qui nunc gerit se pro gubernatore regni Svecie, Ericum Sture Capitaneum in Wiburg aliosque occupatores regni nostri Suetii infideles subditos atque rebelles tunc primus inter nos alter utri significabimus». Посланники одного могли свободно путешествовать въ землѣ другаго (viam mundam in terris et aquis absque impedimento habebunt). О торговлѣ и промыслахъ было упомянуто, но о томъ, что король Іоаннъ обѣщалъ великому князю Василію Ивановичу часть Финляндіи, и, по Меланію, именно Эйрипею, Ласку (Jäskis) и Саволаксъ, въ этомъ документѣ ничего не сказано. Съ Ралевымъ и Зайцевымъ прибылъ въ Москву герольдъ Давидъ, который, можетъ быть, уже за годъ передъ тѣмъ сопровождалъ туда Якобсона. Они везли съ собою трактатъ; но какъ, по времени года и по опасности отъ Шведовъ и ихъ союзниковъ, нельзя было ѣхать черезъ Балтійское море, то король отправилъ ихъ въ Марстрандъ въ Норвегіи, лежавшій на южной оконечности оной, гдѣ, по его повелѣнію, они получили проводниковъ для совершенія путешествія вокругъ Швеціи черезъ Норвегію — слѣдовательно, на оленяхъ. Шведская риѳмованная хроника съ досадою отзывается о томъ, что король познакомилъ Русскихъ съ дорогою черезъ Норвегію. По Гвитфельду, часть ихъ обратно ѣхала черезъ Нарву (Ивангородъ). Прибывшій съ Ралевымъ и Зайцевымъ местеръ Давидъ, сколько намъ извѣстно, былъ первый пріѣхавшій въ Москву Шотландецъ. Если Истома въ 1493 году ѣздилъ въ свитѣ Ралева въ Копенгагенъ, то онъ, должно быть, воротился передъ смертію королевы-матери Доротеи, послѣдовавшей въ 1495 году, послѣ чего открылись непріязненныя дѣйствія со стороны Швеціи, ибо мы знаемъ чрезъ Герберштейна, что въ 1496 году онъ съ Давидомъ совершилъ путешествіе изъ Двины, черезъ Бѣлое море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурман-

скаго мыса, въ Дронтгеймъ въ Норвегіи. Въ послѣднее изъ упомянутыхъ лѣтъ невозможно было ѣздить въ Копенгагенъ обыкновеннымъ путемъ, потому что Россія вела жестокую войну съ Финляндіей; къ тому же, въ отмщеніе, Шведскій флотъ приплылъ изъ Стокгольма къ Ивангороду близъ Нарвы, за четыре года только передъ тѣмъ построенному, и разрушилъ его. Уже къ концу 1495 года наше войско, образованное большею частію изъ Псковитянъ, долго стояло подъ Выборгомъ, ничего не сдѣлавъ. Въ февралѣ 1496 года опять показались въ Финляндіи Русскія войска изъ Новгорода, куда прибылъ и великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1495 г., и именно они показались въ юго-западной части, куда они, вѣроятно, пришли по льду Финскаго залива. Тогда была чрезвычайно суровая зима (сія же зима люта бысть, мразы были велицы и снеги), не смотря на то они причинили страшныя опустошенія (землю немецкую пусту учиниша и пожгоша и людей посекоша и вполонъ множество взяша). Прежде чѣмъ наступила оттепель, именно въ мартѣ, они уже воротились въ Новгородъ. Въ это время двинулась новая сильная рать, подъ начальствомъ двухъ князей Ушатыхъ, изъ Устюга, Онеги и Двинской земли въ нынѣшнюю Улеоборгскую губернію, на сѣверной оконечности Ботническаго залива, до Кеми и Торнео, быть можетъ до Каликсельфа, принадлежащаго и нынѣ Швеціи, и воевала также жителей сѣверовосточной части залива, гдѣ упоминаются мѣста и рѣки, не легко распознаваемыя по Русскимъ именамъ, какъ-то: Ія (Jio), Гавка, Путашъ (Haukipudes, щучій заливъ), Овлуи (Uleå, гдѣ нынче стоитъ Улеоборгъ), Лиминга (Limingo), Снѣжная (Lumijoni), Сиговая (Siikajoni) и Сало. Въ іюлѣ часть войска доходила даже гораздо южнѣе, именно въ нынѣшнюю Куопіоскую и Выборгскую губерніи, потому что Rym-Kronik говоритъ, что мѣста Jokkas и Oloffsborg, т. е. Нислотъ, были сожжены. Арцыбышевъ, авторъ Повѣствованія о Россіи, 1838, пишетъ (IV, 68), что эта, столь многочисленная рать прибыла на корабляхъ изъ Двины, черезъ Бѣлое Море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурманскаго носа, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она ратовала— слѣдовательно, къ Ботническому заливу. (Они, выбравшись съ Двины, ѣхали моремъ мимо Мурманскаго носа). Въ эту разительную ошибку онъ введенъ Архангельскою лѣтописью, гдѣ, послѣ краткаго упоминовенія о походѣ къ рѣкамъ, которыхъ Арцыбышевъ не умѣлъ найти, говорится: «а ходили съ Двины моремъ Акіаномъ, да черезъ Мурманской носъ», что, вѣроятно, должно относиться къ поѣздкѣ Истомы и Давида. Герберштейнъ сообщаетъ, что Истома научился по-латыни въ Даніи, и, вѣроятно, подъ руководствомъ Іоанна Якобсона, королевскаго Archigrammaticus'а. Такъ какъ Истома былъ послѣ первый толмачъ, разумѣвшій по-латыни, и какъ онъ тѣмъ оказалъ пользу Герберштейну, а чрезъ него отечественной исторіи, то это заслуживаетъ здѣсь упоминанія. Пріѣзжалъ ли Истома въ Копенгагенъ еще въ 1493 году и оставался ли тамъ нѣкоторое время, или жилъ онъ тамъ въ послѣдствіи, во

всякомъ случаѣ не было недостатка въ средствахъ для его образованія. Университетъ былъ основанъ въ 1474 году, по совѣту тогдашняго епископа Рошильдскаго, который, вмѣстѣ съ деканомъ и настоятелемъ этого заведенія, а равно и съ деканомъ Копенгагенскимъ, образовали университетскій сенатъ. Первые учителя были изъ Кельна, гдѣ учился Якобсонъ, который, какъ мы видѣли, въ 1500 году назначенъ епископомъ Рошильдскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеромъ Копенгагенскаго университета. И такъ латинскій языкъ перешелъ къ намъ въ Россію изъ Кельна черезъ Копенгагенъ, къ чему содѣйствовалъ Іоаннъ Якобсонъ Равенсбергъ. Латинскій трактатъ 1493 года для насъ интересенъ тѣмъ, что онъ, вѣроятно, сочиненъ Якобсономъ. Нашъ списокъ слѣдовало бы сперва сравнить съ Копенгагенскимъ подлинникомъ и потомъ напечатать. Моя догадка, что Якобсонъ былъ Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву 1493 г., вѣроятно, основательна; она подтверждается сей часъ лишь найденнымъ мною показаніемъ. Въ рукописныхъ лѣтописяхъ, которыми пользовался Карамзинъ, и которыя называются Архивными, потому что онѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ, я нашелъ имя посланника «Иванъ», т. е. Johann. Рукопись гласитъ такъ: «Тогожъ мѣсяца июля (7001 = 1493) пришелъ посолъ квѣликому князю изнѣмецкие земли отдатцкаго короля Иванъ о любви и о братстве и князь велики почтивъ его и отпустилъ а хкоролю датцкому послалъ своихъ пословъ слюбовию и збратствомъ дмитрея грека ралѣва палеіолога да дмитрея заицова». Въ другихъ, менѣе достовѣрныхъ лѣтописяхъ, пользовавшихся этимъ же источникомъ, вмѣсто слова «Иванъ» находится «Ивана», потому что думали, что оно относится къ королю, котораго имя было извѣстно. Въ печатной Никоновской лѣтописи, въ Шлецеровѣ Codex Patriarchalis, и мн. др. значится также «Івана», и прибавлено «Івану» при второмъ упоминовеніи короля; а потому могло быть, что Карамзинъ предпочелъ пропустить это имя. Въ 1499 году Иванъ Василіевичъ извѣщалъ короля Іоанна о желаніи имѣть дочь его Елисавету за сыномъ своимъ великимъ княземъ Василіемъ, и для того было отправлено въ Москву Датское посольство, состоявшее изъ магистра Іоанна Андерсона, доктора Андрея Христенсона и магистра Андрея Глоба, которое прибыло туда въ февралѣ 1500 года. Для успѣха этого сватовства, еще въ апрѣлѣ, какъ было упомянуто, съ ними былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ къ королю Іоанну; впрочемъ они вскорѣ послали съ дороги извѣстіе, что Елисавета сочеталась съ Іоакимомъ маркграфомъ Бранденбургскимъ. Объ этомъ посольствѣ наша исторія умалчиваетъ. У Карамзина находимъ только (т. VI, примѣч. 434), по Архивной лѣтописи: «приде посолъ на Москву отъ Дацкаго короля Ивана Капляпъ, именемъ Иванъ». Подъ этимъ именемъ «каплянъ Иванъ» разумѣется магистръ Іоаннъ Андерсонъ; это — никто иной, какъ столь извѣстный въ Датской и Шведской исторіи Jens Andersen, по прозванію

Baldeneck, прозванный также Calvus по плѣшивой головѣ. Онъ былъ сынъ сапожника, учился въ Мерзебургѣ и долго жилъ въ Италіи. Возвратясь въ Данію, онъ сдѣлался тайнымъ секретаремъ короля Іоанна, а въ 1502 г. епископомъ Одензейскимъ на островѣ Фіоніи. Онъ былъ умный человѣкъ и нерѣдко былъ употребляемъ въ государственныхъ дѣлахъ. По умерщвленіи Лаксманда, онъ получилъ въ даръ его дворецъ; поэтому исторія бросаетъ на него подозрѣніе въ участіи въ этомъ печальномъ событіи. Онъ осмѣлился однажды, по поводу одной любовницы, сдѣлать королю увѣщаніе. Въ 1503 году онъ былъ посланъ въ Любекъ къ пребывавшему тамъ папскому легату кардиналу Раймунду, и содѣйствовалъ къ освобожденію королевы Христины изъ Стокгольма ручательствомъ въ уплатѣ большой суммы денегъ, за что впослѣдствіи, въ 1517 году, подвергся отвѣтственности и даже заключенію. Въ 1504—1508 г. онъ построилъ себѣ епископскій дворецъ въ Одензее. Въ 1520 году онъ принималъ участіе при коронаціи Христіана II королемъ Шведскимъ и въ послѣдовавшемъ за праздниками коронаціи кровопролитіи въ Стокгольмѣ. Онъ говорилъ рѣчь сейму, побуждая его къ признанію короля, и предложилъ потомъ всѣхъ осужденныхъ сжечь въ три раза. Король Христіанъ II наименовалъ его въ 1520 году епископомъ Стренгнескимъ въ Швеціи. Но во время осады Стокгольма, въ 1521 г., онъ убѣжалъ въ Данію, гдѣ король, неизвѣстно почему, переводилъ его изъ одной тюрьмы въ другую, и наконецъ сослалъ въ Гаммерсгусъ, на островъ Борнгольмъ. Любекцы освободили его въ 1522 г., при занятіи острова, и послѣ бѣгства Христіана II онъ опять воротился въ Одензее. Въ 1529 году онъ уступилъ это епископство за деньги Кнуту Гильденстернѣ и удалился въ Любекъ, гдѣ и умеръ въ 1539 г. Кстати, упомянувъ о Стокгольмскомъ кровопролитіи, я намѣренъ прибавить нѣсколько словъ объ одномъ человѣкѣ, принимавшемъ въ ней участіе, который также былъ въ Москвѣ. Это — вышеупомянутый Іоаннъ Францискъ de Potentia, Неаполитанскій монахъ. Его послалъ въ Данію въ 1520 году папа Левъ X коммисаромъ по церковнымъ дѣламъ Сѣвера, особенно для изслѣдованія по дѣлу о Стокгольмскомъ кровопролитіи. Главная вина падала на Дитриха Слагёка (Slaghök). Онъ былъ землякъ и родственникъ знаменитой Сигбриты, матери Дійвеки (Dyveke), любовницы Христіана II (для которой въ 1516 году былъ посылаемъ къ этому королю Герберштейнъ); по ремеслу цырюльникъ, онъ поступилъ въ Даніи въ духовное званіе и даже въ 1520 г. сдѣланъ епископомъ Скарскимъ въ Швеціи. Вслѣдствіе произведенныхъ Іоанномъ Францискомъ розысканій, въ началѣ 1522 года его сперва привели къ висѣлицѣ, потомъ палачъ привязалъ его къ лѣстницѣ, и бросилъ въ горящій костеръ. Въ 1526 году папа Климентъ VI поставилъ Іоанна Франциска епископомъ Скарскимъ на мѣсто Слаггока, и онъ, на пути въ Швецію на это епископство, прибылъ съ Дмитріемъ Герасимовымъ изъ Рима въ Москву. Поэтому

Герберштейнъ упоминаетъ о немъ, не называя впрочемъ его по имени, «ain Bapstischer Pot ain Titulierter Bischove Scaren». Въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1526 годамъ значиться: «пришелъ посланникъ великаго князя отъ рима Митя малой толмачъ латынскоі, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ къ великому князю отъ папы римскаго Климента именемъ Иванъ френчюжковъ (у другихъ: фрунчежскій) бишупъ». Когда онъ проѣзжалъ чрезъ Польшу, король Сигизмундъ далъ ему письменную инструкцію, гдѣ внушаетъ ему написать свое представленіе великому князю о мирѣ съ Польшею, такъ чтобы нельзя было полагать, будто онъ, король, просилъ о томъ; кромѣ того онъ желалъ получить обратно Смоленскъ, о чемъ впослѣдствіи старался и Герберштейнъ, но напрасно. Андрей Христенсонъ былъ кармелитскій монахъ и докторъ богословія. Я нашелъ его упомянутымъ въ 1519 году по случаю перемѣщенія Копенгагенскаго кармелитскаго монастыря въ новое построенное для него зданіе. Онъ былъ тогда Magister provincialis. Третій изъ бывшихъ въ 1499 г. у насъ датчанъ былъ магистръ Андрей Глобъ. Я нашелъ его въ 1512 году въ званіи секретаря при Оденсейскомъ епископѣ Іенсѣ Андерсонѣ Бельденака, слѣдовательно томъ самымъ, съ которымъ онъ былъ въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ настоятелемъ этого монастыря. Въ 1520 году онъ былъ отправленъ королемъ Христіаномъ II въ Зегебергъ въ Голштейнѣ, съ порученіемъ перевезти оттуда грамоты въ Зонбербургъ: многіе изъ важнѣйшихъ хартій были тогда, какъ полагаютъ, умышленно уничтожены. Впослѣдствіи онъ, кажется, жилъ въ Гамборгѣ на западномъ берегу ос. Фіоніи, и временно занималъ прекрасную дачу на близлежащемъ островѣ Свиноэ (въ маломъ Бельтѣ). На подаренномъ имъ Гамборгской церкви ларцѣ находится надпись: Andreas Glob Anno Domini MDXXII. Полагаютъ, что онъ похороненъ въ этой церкви; но надпись на надгробномъ камнѣ уже давно стерлась. Отправившіеся съ тремя обозначенными мною послами въ Данію Юрій Мануиловичъ Траханіотъ и Третьякъ Долматовъ, были, вѣроятно, въ началѣ 1501 года у короля Іоганна въ Швеціи, потому что тамошняя лѣтопись сообщаетъ что на бывшемъ въ то время въ Стокгольмѣ сеймѣ одинъ русскій посланникъ говорилъ, будто король Іоганнъ обѣщалъ великому князю Ивану Васильевичу часть Финляндіи. Это въ значительной степени содѣйствовала къ тому, что шведы снова отложились отъ короля. Стенъ Стуре занялъ Стокгольмъ и даже взялъ въ плѣнъ оставшуюся въ тамошнемъ замкѣ королеву. Кнутъ Альфсонъ отправился въ Норвегію и возмутилъ всю эту страну. Ему противодѣйствовать посланъ былъ туда Роширьдскій епископъ Іоганнъ Якобсонъ Равенсбергъ. Всеобщее въ это время возстаніе въ Швеціи и Норвегіи было причиною, что Траханіотъ и Далматовъ не могли возвратиться въ Россію обыкновеннымъ путемъ, и этимъ объясняется, отчего они въ августѣ 1501 года прибыли къ Двинѣ оплывъ Мурманскій носъ. Можетъ быть, они, для

избѣжанія Святаго носа, избрали путь чрезъ Русскую Лапландію къ берегу Кандалакской губы, а потомъ снова сѣли на суда, потому что есть свидѣтельство, что они проѣхали мимо Соловецкаго монастыря. Вмѣстѣ съ ними находился герольдъ Давидъ, совершившій въ 1496 году плаваніе около Мурманскаго носа, въ противоположномъ направленіи. Когда Иванъ Васильевичъ въ 1503 году пожелалъ отправить Давида съ его приближенными, въ сопровожденіи своего посла, обратно въ Данію къ королю Іоганну, то онъ, чрезъ посланнаго имъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ его зятю Александру, королю Польскому и герцогу Литовскому, дьяка Микиту (Губу) Семенова Моклокова велѣлъ выпросить для нихъ подорожнюю для проѣзда чрезъ Литву и Польшу и обратно. Такихъ подорожныхъ было выдано въ Краковѣ 13 января 1504 года двѣ одна на русскомъ языкѣ для проѣзда въ Литвѣ, а другая на латинскомъ — въ Польшѣ. Моклоковъ привезъ ихъ въ Москву. Какъ въ русскомъ документѣ по этому поводу, такъ и въ самой подорожный сказанс: «посолъ маистръ Давыдъ». Послѣ кончины великаго князя Ивана Васильевича, послѣдовавшей въ октябрѣ 1505 года, Давидъ прибылъ въ Москву съ грамотою на имя покойнаго государя, и пробылъ тамъ до 1507 года, до прибытья туда новаго посола Іоганнеса Плага (Plagh), отправленнаго королемъ Іоганномъ къ великому князю Василію Ивановичу. Герольдъ Давидъ и посолъ Плагъ были отправлены, вмѣстѣ съ Григоріемъ Истомою, въ Данію, гдѣ въ то время происходилъ съ Никіобингѣ на ос. Фальстерѣ родъ конгресса по любекскимъ дѣламъ, на который прибыли любекскіе, французскіе и шотландскіе депутаты. Какъ привезенная изъ Москвы латинская грамота великаго князя Ивана Васильевича къ королю Іоанну, вѣроятно, сочинена первымъ нашимъ дипломатомъ-латинистомъ, Истомою, то я считаю не излишнимъ привести ее цѣликомъ. Она гласитъ слѣдующее: Annunciamus vobis plurimas et amicabiles salutationes, serenissime et carissime frater. Scribimus ad vestram celsitudinem quantum vestra misit celsitudo ad genitorem nostrum Johannem Imperatorem et Dominum tocius Russie et Magnum Ducem vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken (Kocker?), Dei autem voluntas facta est quod genitor noster migravit in dominum. Deinde a vobis ad nos venit vester nuncius Johannes Plagh cum vestris credencialibus litteris et verbis nam quid vir vester Magister David post obitum patris nostri a vobis retulit vester nuncius Johannes Plagh nobis ex parte vestra ille idem retulit quod si divina providencia genitor noster migrasset in domino ut nos tunc vobiscum essemus simili modo sicut vos cum genitore nostro in fraternitate et amicitia fuistis contra omnes inimicos, et nuncium quoque nostrum ad vos fratrem nostrum Johannem Regem cum hoc una cum vestris (*nc* nostris) nunciis mitteremus. Nos autem vobiscum cum fratre nostro Johanne Dacie, Suecie, Norvagie & Rege amiciciam et fraternitatem habere volumus eodem modo sicuti vos cum nostro genitore

habuistis. Et nunc ad vos nostrum nuntium Ysconiam (должно быть Ystomam) una cum vestris nunciis remittimus. Cum Deo favente ad vos vestri nuncii pervenerint una cum nostro nuncio Yschonia (Ystoma) cum his nostris litteris, optamus quatenus vestras fortificatas litteras de amicitia et fraternitate nomine vestro scribere mandaretur qualiter apud genitorem nostrum vestre littere fuerint et huius modí litteris vestris sigillum vestrum mandaretur appendi. Et super hiis litteris ad nos crucem in presencia nostri nuncii Ysconie (Ystoma) osculari velitis, istas quoque sic fortificatas litteras cum vestro nuncio una cum nostro nuncio Yscania (Ystoma) ad nos mittatis nobis hujusmodi tales vestras litteras obsignando. Et Deo favente cum idem noster nuncius Yscania (Ystoma) una cum vestris nunsiis cum huiusmodi vestris roboratis litteris ad nos redierit, quibus nobis visis nos vice versa de verbo ad verbum litteras nostras scribere nec non sigillum appendi manderemus, et super talibus litteris nostris in presencia vestri nuncii crucem osculari volumus, et de post easdem nostras roboratas litteras ad vos una cum vestro nuncio remittamus. Et sic Deo auxiliante vobis volumus obsignare nuncium quoque nostrum Ysconiam (Ystomam) ad nos absque mora remittatis. Ex Muscovia anno septimo millesimo decimo quinto menis Julii septuagesima die. Легко было бы почти буквально возстановить русскій текстъ первоначальнаго документа, на основаніи котораго Истома сочинилъ этотъ мастерской образчикъ латыни. У насъ есть также черновая копія отвѣта короля Іоанна Василію Ивановичу. Онъ начинался такъ: «Johannes &. Basilio tocius Russie Imperatori salutem et sincerem atque fraternalem in Domino dilectionem. Dilectissime frater et confederate. Vestre Majestatis nuncius Ysiania (Ystoma) tali die N. ad nos una cum David Heraldo nostro applicuit atque venit nobis vestras litteras exhibens atque presentans. Ex quibus litteris clarius accepimus vos velle pie memorie domini Johannis Basilii vestigia in omnibus mitari et precipue fraternalem amicitiam atque confederacionem nobiscum contrahare ac insuper tali amicitia et confederacione litteras nostras conficere et cos ad manus vestras una cum memorato nuncio nostro N. ac Yscania (Ystoma) in presentiarum dirigimus atque transmittimus summopere desirantes atque deprecantes ut similes litteras eandem amicitiam et confederacionem continentes nobis remittere velitis. O Princeps frater noster socer ac parens.... Далѣе слѣдуетъ изложеніе того, что случилось, когда король Іоаннъ въ началѣ 1501 года прибылъ въ Швецію, гдѣ, какъ уже выше сказано, вѣроятно тогда находился и нашъ посолъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, вмѣстѣ съ Далматовымъ. «Postquam regnum (nostrum Suecie) intravimus cum paulo populo ut voluerunt (ne regnicole nimium aggravarentur) opposuerunt se nobis in effectum faciendes nobiscem sicut Judei fecerunt contra Christum. Et tunc manus istorum Suecorum rebellium nostrorum Deo placuit in persona evasimus. Et sic prefati Sueci rebelles adhuc totum nostrum regnum Suecie occupant

et detinent contra Deum contra justiciam et iuratam fidelitatem nobis prestitam. Unde ex corde movemur rogare fratrem et confederatum nostrum ut iniquitatem rebellium nostrorum menti sue habeat и т. д. Въ 1514 году герольдъ Давидъ впервые прибылъ въ Москву, въ качествѣ посланника отъ короля Христіана II. Въ нашихъ лѣтописяхъ уже онъ называется здѣсь Давидомъ Старымъ. Весною 1515 года онъ, вмѣстѣ съ посломъ Иваномъ Микулиномъ Ярово-Заболоцкимъ и дьякомъ Васильемъ Бѣлымъ, отправился въ Данію для заключенія дружественнаго союза съ королемъ Христіаномъ II. Всѣ трое по дѣламъ того же трактата, въ августѣ означеннаго года возвратились въ Москву. Въ 1516 году Давидъ, съ дьякомъ Некрасомъ Далматовымъ, снова прибыли въ Копенгагенъ. Герберштейнъ пишетъ, что онъ познакомился съ «майстеромъ Давидомъ, посломъ короля датскаго. Хотя ни изъ нѣмецкаго, ни изъ латинскаго описанія Герберштейна не видно, сошелся ли съ Дивидомъ въ 1517 году въ Москвѣ мая въ 1516 г. въ Ничьёпингѣ, однако вѣроятно, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ, потому что въ датскомъ переводѣ грамоты великаго князя Василія Ивановича къ королю Христіану II отъ іюля 1517 года именно сказано: что майстеръ Давидъ герольдъ былъ у него отъ имени короля и просилъ его, о дозволеніи датскимъ купцамъ жить въ Новѣгородѣ и Ивангородѣ и имѣть тамъ свои церкви, что и было разрѣшено великимъ княземъ; кромѣ того точно обозначены мѣста мѣстности въ обоихъ городахъ ихъ, и то что дома въ нихъ деревянные. Когда же Герберштейнъ 18 апрѣля 1517 года прибылъ въ Москву, онъ безъ сомнѣнія еще засталъ тамъ датскаго герольда Давида, двадцатилѣтняго знакомца Истомы, потому что Давидъ, вѣроятно, самъ былъ вручителемъ великокняжеской грамоты, писанной въ іюлѣ. Замѣчательно, что переводъ вышеупомянутаго русскаго письма напечатанъ въ датскихъ сочиненіяхъ съ искаженіемъ имени герольда, такъ напр. въ Huitfeld Historiska beskriffuelse om hues sig haffrer tildragit under Kong Christiern den Anden; Kiobenhaffn, 1596, стр. 49: «Oss hafver besogt paa vor Broders K. Christens udi Danmarck hans vegne, Huis Sendebud haffuer voerit Mester David Gerhold» и пр. (См. также въ Huitfeld, Danmarkis Rigis Krönicke II стр. 1114). По этому то датскому переводу съ русскаго языка Бюшингъ сдѣлалъ свой нѣмецкій переводъ и написалъ Gerolt (Magazin III, стр. 178), такимъ образомъ ложное имя Gerold перешло отъ насъ въ Данію, въ рукописи, а оттуда возвратилась къ намъ въ печати. Заключенный между Василіемъ Ивановичемъ и Христіаномъ II дружественный договоръ а равно и договоръ заключенный въ 1493 году чрезъ посредствѣ Іоанна Якобсона съ королемъ Іоанномъ подписанъ въ Мосввѣ 2 августа 1517 года. И такъ, герольдъ Давидъ вѣроятно находился тогда еще въ Москвѣ. Герберштейнъ пробылъ тамъ по исходъ ноября мѣсяца. Въ Царскомъ архивѣ въ Кремлѣ прежде хранилось

шесть подлинныхъ грамотъ датскихъ королей Іоанна и Христіана II къ великимъ князьямъ Ивану и Василію и столько же черновыхъ грамотъ этихъ великихъ князей къ упомянутымъ королямъ.

II.

По Герберштейну, Григорій Истома совершилъ свое первое путешествіе вокругъ Норвегіи при Иванѣ Васильевичѣ, въ 1496 году. Изъ документовъ датскаго архива оказывается, что онъ посыланъ былъ также въ Данію Василіемъ Ивановичемъ въ 1507 году. Когда Герберштейнъ въ первый разъ ѣхалъ въ Россію въ 1517 году для переговоровъ по дѣламъ съ Польшей, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Германіи Григорьемъ Дмитріевичемъ Загряжскимъ, тогда Истома, въ качествѣ толмача, встрѣтилъ его по выѣздѣ съ остановочнаго яма у Николы въ Хлинскѣ и объявилъ, что онъ долженъ будетъ сойти съ коня для принятія привѣтствія отъ имени великаго князя изъ устъ назначеннаго быть его приставомъ въ Москвѣ Тимоѳея Константиновича Хлуденева (а не Халденева). Герберштейнъ радъ былъ встрѣтить человѣка, съ которымъ могъ говорить по-латыни, тѣмъ болѣе, что нашелъ въ Истомѣ, какъ самъ онъ говоритъ, «человѣка свѣдущаго (homo industrius) скромнаго и нравственнаго». Любопытство Герберштейна, усиленное внушеніями Зальцбургскаго кардинала Матѳея Ланга, такъ было велико, что онъ, уже при въѣздѣ въ Москву, своими разспросами поставилъ пристава въ затрудненіе. «Такъ какъ толмачъ пишетъ онъ, говорилъ по-латыни, то при въѣздѣ я разговаривалъ съ нимъ. Я радъ, сказалъ я, что могу говорить съ вами: такъ какъ ваша земля у насъ неизвѣстна, то мнѣ хочется получить о ней свѣдѣніе; я имѣю при себѣ всѣ наши ландкарты, съ которыми и готовъ васъ познакомить. Приставъ вскорѣ спросилъ, о чемъ я говорилъ. Этимъ (разговоромъ) и тѣмъ еще, что я имѣлъ при себѣ молодаго Литвина, я навлекъ на себя сильное подозрѣніе». Кажется, что въ первую пору Истома не смѣлъ часто бывать у Герберштейна; но впослѣдствіи онъ составлялъ для него оффиціальныя бумаги, какъ напр. предложеніе объ уступкѣ Смоленска Польшѣ. Еслибы и Герберштейну не позволено было въ Москвѣ разспрашивать Истому, за то послѣ онъ могъ вполнѣ удовлетворить своему любопытству, ибо въ концѣ 1517 года, когда онъ возвращался, Истома посланъ былъ съ дьякомъ Владиміромъ Семеновичемъ Племянниковымъ къ императору Максимиліану. Они ввѣрены были заботамъ и покровительству Герберштейна и большею частію вмѣстѣ съ нимъ совершили свой путь чрезъ Вильну (откуда Герберштейнъ ѣздилъ въ Троки смотрѣть буйволовъ), чрезъ Краковъ, Вѣну и Зальцбургъ. Когда они, въ концѣ мая 1518 г., подъѣзжали къ Инсбруку, гдѣ былъ тогда императоръ, на встрѣчу имъ выѣхали для привѣтствія двое высшихъ са-

новниковъ. Герберштейнъ нарочно уѣхалъ впередъ, чтобы предувѣдомить императора о пріѣздѣ пословъ, и получилъ приказаніе присутствовалъ при ихъ встрѣчѣ. Послѣ формешныхъ привѣтствій, сказанныхъ съ русской стороны Истомой, они въѣхали въ городъ — Племянниковъ между двумя придворными, а за нимъ Истома рядомъ съ Герберштейномъ, по правую его сторону. Въ такомъ же порядкѣ ѣхали въ самомъ Инсбрукѣ на аудіенцію, и обратно. На аудіенціи императоръ пригласилъ Племянникова (бывшаго тогда дьякомъ) произнести свою рѣчь, сидя и въ шапкѣ. Толмачу Истомѣ онъ также приказывалъ сѣсть; но этотъ вѣжливо отказался и переводилъ стоя. На Герберштейна возложены были заботы, чтобы Племянниковъ и Истома, во время пребыванія въ Инсбрукѣ, ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Такъ какъ Герберштейнъ въ Москвѣ допущенъ былъ въ день Успенія на торжественное богослуженіе, совершенное въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Варлаамомъ въ присутствіи государя, то императоръ хотѣлъ, чтобы и Русскіе въ Инсбрукѣ присутствовали при богослуженіи въ Вербное Воскресенье, и послалъ для того Герберштейна къ епископу Бриксенскому; но епископъ былъ, по выраженію Герберштейна, ainer vom Schrofnstain и въ своемъ ученомъ совѣтѣ рѣшилъ не допускать Русскихъ, потому что они не принадлежатъ къ Римской Церкви. Пробывъ четыре недѣли въ Инсбрукѣ, они отправились, въ сопровожденіи Герберштейна, въ Галль (въ долинѣ рѣки Инна), вслѣдъ за императоромъ, который пригласилъ ихъ здѣсь къ обѣднѣ, пропѣтой въ его капеллѣ придворнымъ хоромъ въ-полголоса. «Московиту», замѣчаетъ Герберштейнъ, «это понравилось». «Это по нашему», сказалъ онъ: «у насъ въ обычаѣ отправлять богослуженіе низкимъ и тихимъ голосомъ». Послѣ прощальной аудіенціи, Герберштейнъ сопровождалъ нашихъ пословъ по Инну и Дунаю въ Вѣну, гдѣ они должны были дождаться императора. Изъ Вѣны Племянниковъ и Истома отправились въ обратный путь съ прибывшими сюда съ ними и Герберштейномъ изъ Инсбрука новыми послами Максимиліана, Франческомъ да Колло и Антоніемъ де Конти, назначенными для переговоровъ о заключеніи мира между Россіей и Польшей. Они прибыли въ Москву въ іюлѣ 1518 года. Въ эту поѣздку Истома оказалъ услугу отечеству пріобрѣтеніемъ двухъ искусныхъ мастеровъ оружейнаго дѣла, съ которыми онъ заключилъ контрактъ во время пребыванія своего въ Инсбрукѣ. Тутъ надо было поступить осторожно, и Герберштейнъ описываетъ, какъ было поступлено. «Посолъ имѣлъ порученіе, говоритъ онъ, завербовать пушечныхъ мастеровъ; но какъ этого нельзя было сдѣлать гласно, то онъ далъ своимъ слугамъ денегъ, чтобы они по вечерамъ ходили къ служанкамъ: такимъ путемъ они узнали о пяти мастерахъ, которые соглашались ѣхать въ Москву». Этимъ пяти мастерамъ Истома далъ деньги на покупку лошадей, на которыхъ они отправились въ Любекъ; оттуда они

отплыли въ Лифляндію и потомъ поѣхали въ Москву. Двое изъ нихъ вскорѣ умерли; третій, по имени Вальхъ, ослѣпъ, и въ 1526 году, съ разрѣшенія великаго князя, уѣхалъ съ Герберштейномъ ка родину. Остальныхъ двухъ: Никласена, уроженца окрестностей Шпейера, и Іордана изъ Галля, Василій Ивановичъ тогда не согласился отпустить. Они оказали ему услуги, особенно въ 1521 году, во время приступа крымскаго хана Махметъ-Гирея къ Москвѣ. Говорятъ, что Никласенъ защитилъ тогда Кремль тяжелыми орудіями; требовали даже, чтобы онъ поспѣшилъ постановить у воротъ Кремля для стрѣльбы знаменитую царь-пушку. Іорданъ былъ въ (старой) Рязани при отступленіи Татаръ, когда ханъ требовалъ сдачи этого города. Безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ, Іорданъ воспользовался благопріятною минутой, и неожиданной пальбой изъ тяжелыхъ орудій навелъ на густыя толпы Татаръ, подступившихъ къ городу, такой паническій страхъ, что всѣ кинулись бѣжать опромѣтью, и актъ на покорность города, вынужденный ханомъ у великаго князя для спасенія Москвы, остался недѣйствительнымъ. Ремесломъ Ганса Іордана было собственно приготовленіе пушечныхъ ядеръ. Онъ женился въ Москвѣ на русской, и ему-то обязалъ Герберштейнъ глупою сказкой о томъ, что будто русскія жены считаютъ побои отъ мужей за доказательство ихъ любви къ нимъ. «Онъ самъ сказывалъ мнѣ, что его жена оказывала ему гораздо больше любви, чѣмъ прежде, послѣ того, какъ онъ побилъ ее». Истома встрѣчается въ нашихъ актахъ, равно какъ и другой толмачъ того времени, съ прозваніемъ «Малой», что въ этомъ случаѣ не означаетъ ни роста, ни возроста, а показываетъ подчиненность. Герберштейнъ пишетъ его также: Isthumen, Ystymen (Истоминъ).

III.

Василій Власій названъ у Герберштейна, сравнительно съ Истомой, «довольно хорошимъ человѣкомъ». И его онъ узналъ также во время перваго пребыванія своего въ Москвѣ (1517). Именно, чрезъ два дня послѣ прибытія Герберштейна, 20 апрѣля, Власій, по распоряженію великаго князя, присланъ былъ къ нему на домъ приставомъ Хлудневымъ, вмѣстѣ съ помощникомъ послѣдняго Елизаромъ (Елькой) Сергѣевымъ, напомнить сообщенное ему приставомъ наканунѣ объявленіе о томъ, что аудіенція назначено быть въ слѣдующій день. Затѣмъ великій князь приказалъ Власію прійти къ Герберштейну въ день самой аудіенціи утромъ и увѣдомить, что проводить его къ государю придетъ боярскій сынъ съ дьякомъ Мисуромъ Мунехинымъ: «Великій Государь послалъ по тебя своего великаго человѣка, который у него въ избѣ живетъ, Григорья Ѳомина сына Иванова». На самой аудіенціи, Василій Власій служилъ переводчикомъ. До того

времени онъ переводилъ на русскій языкъ много духовныхъ книгъ. Въ 1506 году, какъ извѣстно, прибылъ въ Москву съ Аѳонской горы Максимъ Грекъ и, пересмотрѣвъ греческія книги, которыхъ тогда въ Кремлѣ находилось очень много, получилъ порученіе перевести многія изъ нихъ. Но такъ какъ онъ не зналъ русскаго языка, то ему даны были въ помощь Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ, для переложенія его латинскихъ переводовъ на русскій языкъ: посредствомъ этихъ занятій Власій ближе ознакомился съ церковнымъ бытомъ. Ему одному съ Максимомъ принадлежать 31—51 статьи переведеннаго въ 1520 г., по приказанію митрополита Варлаама, «Толкованія Дѣяніямъ Святыхъ Апостолъ св. Іоанна Златоустаго и иныхъ». Въ 1525 году онъ былъ толмачомъ при посольствѣ князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина (Герберштейнъ пишетъ Posetzen, что отнюдь не значитъ посадникъ, какъ думалъ Аделунгъ) и дьяка Семена Борисова Трофимова въ Мадритъ къ Римскому императору Карлу V, уже въ 1519 году избранному, и когда они въ 1526 году возвращались въ Россію, съ ними совершилъ свой путь Герберштейнъ, отправленный къ намъ съ Леонгардомъ графомъ Нугарольскимъ. Нашъ посланникъ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время въ Тюбингенѣ: пользуясь этимъ случаемъ, одинъ изъ ревностыхъ католиковъ, докторъ Фаберъ позаботился разспросить Василія Власія о русской вѣрѣ, и полученныя отъ него свѣдѣнія тотчасъ же въ 1525 г. издалъ подъ заглавіемъ: Epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione и пр. 1525 г. Эту книжку эрцгерцогъ Фердинандъ прислалъ около 1 февраля 1526 г., изъ Аугсбурга, обоимъ императорскимъ посланникамъ, чтобы они, во время пребыванія своего въ Москвѣ, дополнили ее и въ точности показали различіе вѣроисповѣданій равно и обрядовъ, той и другой церкви. Erit nobis haec inquisicio et labor omnis vester perjucundus, говорилъ эрцъ-герцогъ. Дать это порученіе, по всей вѣроятности, внушилъ ему совѣтникъ его, Фаберъ. Герберштейнъ уже дорогой могъ узнать многое обстоятельнѣе. Власій назывался у насъ «толмачомъ латынскимъ и нѣмецкимъ». Фаберъ говоритъ о немъ: germanice et latine mediocriter callebat.

IV.

Архіепископъ Новгородскій и Псковскій Геннадій, вѣроятно, въ началѣ 7001 года, поручилъ Греку Дмитрію разсмотрѣть вопросы: 1) о трегубой аллилуіи; 2) о славянскомъ переводѣ перваго стиха XXXII псалма, особенно словъ: прикрышася грѣси и 3) о вычисленіи семи тысячъ лѣтъ отъ сотв. міра. Въ то время, по истеченіи семи тысячъ лѣтъ, ожидали кончины міра, а между тѣмъ этотъ срокъ, по греческому лѣтосчисленію, уже прошелъ. Отвѣтъ Дмитрія подъ заглавіемъ: «О трегубой аллилуи и о лѣтѣхъ семи вѣковъ» относится къ 7001 (1492—1493).

По нашему мнѣнію, сочинитель этого отвѣта есть не кто иной, какъ Дмитрій Мануиловичъ Траханіотъ, который уже въ 1472 г. прибылъ въ Москву съ невѣстою великаго князя Софіею, въ качествѣ посланника отъ двухъ ея братьевъ, Андрея и Мануила. Хотя въ началѣ 1473 года онъ возвратился въ Римъ и въ 1474 году посыланъ былъ въ Москву братьями Софіи опять на короткое время, но послѣ онъ избралъ у насъ постоянное для себя мѣстопребываніе. Геннадій обратился къ нему, чтобы узнать мнѣніе Грека; кромѣ того положеніе послѣдняго при дворѣ могло значить что-нибудь для архіепископа. Въ 1500 году онъ былъ при бракочетаніи дочери Іоанна и Софіи, Ѳеодосіи, съ княземъ Васильемъ Даниловичемъ Холмскимъ. Въ поѣздѣ къ вѣнцу онъ имѣлъ честь, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Юріемъ, и сыномъ, также Юріемъ по имени, ѣхать за санями великой княгини Софіи съ Ѳеодосіей. Сынъ его Юрій пріѣхалъ съ нимъ въ Москву въ 1472 г., когда онъ провожалъ сюда невѣсту Софію. Съ этимъ младшимъ Траханіотомъ стоитъ поближе ознакомиться, такъ какъ съ нимъ Герберштейнъ встрѣчался часто. Онъ былъ печатникомъ, то есть казначеемъ великаго князя Ивана Васильевича, до самой его кончины: такъ названъ онъ и въ завѣщаніи великаго князя, которымъ его отцу и его дядѣ Юрію завѣщано на память по золотому кресту. Онъ постоянно былъ въ милости у сына Іоанна и Софіи, великаго князя Василья Ивановича, и въ 1505 году разсчитывалъ даже выдать за него дочь свою. Совѣтники, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, приводили много причинъ, почему великому князю жениться лучше всего на туземкѣ. «Главнымъ виновникомъ этого совѣта (говоритъ Герберштейнъ) былъ Георгій Малый, казначей, Грекъ; совѣтъ этотъ былъ всего пріятнѣе для него, потому что онъ надѣялся, что выборъ падетъ на его дочь». Его привыкли называть: Юрій или Юшко Малый, потому что онъ былъ младшій изъ Траханіотовъ, а не потому что былъ малъ ростомъ и хилъ, какъ думалъ Аделунгъ. Это прозваніе дано ему въ отличіе отъ его дяди, Юрія Стараго: оно оставалось за нимъ и послѣ, вслѣдствіе чего и Герберштейнъ называетъ его: der klain Georg Въ реестрѣ къ Панталеонову переводу Герберштейна онъ значится даже подъ именемъ Georgius Klein, ein getreuwer Rath, такъ что, пожалуй, не вдругъ поймешь, что дѣло идетъ о Юріи Дмитріевичѣ Траханіотѣ. Василій Ивановичъ очень высоко и постоянно цѣнилъ его въ государственныхъ дѣлахъ. Впрочемъ однажды онъ, по дѣламъ церковнымъ, попалъ на нѣкоторое время въ немилость; даже и жена его въ 1516 году испытала ту же участь за то, что, вмѣстѣ съ другими женщинами, распространяла слухъ, что оставленная Василіемъ супруга Соломонія, въ монашествѣ названная Софіею, вскорѣ послѣ постриженія родила сына. Впрочемъ великій князь, лишивъ Георгія его должности, по словамъ Герберштейна, не могъ обойтись безъ него, но

приставлялъ его къ другимъ должностямъ, потому что онъ былъ ученъ и во многихъ дѣлахъ искусенъ. Когда князь имѣлъ въ немъ надобность и посылалъ за нимъ, то приказывалъ нѣсколькимъ изъ своихъ почетныхъ совѣтниковъ вносить его въ свою палату по лѣсницѣ вмѣстѣ съ креслами, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Когда Юрій не допускалъ ихъ до этого и позволялъ лишь имъ медленно вводить его по лѣсницѣ, то царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и настоялъ на томъ, чтобы его вносили въ великокняжескую палату. Когда онъ оканчивалъ съ нимъ свои совѣщанія, относили его точно такимъ же образомъ. Юрій Дмитріевичъ Траханіотъ почти всегда былъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ лицъ, съ которыми Герберштейнъ, послѣ своей личной аудіенціи въ великокняжскомъ дворцѣ въ Кремлѣ, долженъ былъ разговаривать въ набережной палатѣ на Москвѣ рѣкѣ. Онъ именно старался доказать ему право великаго князя на Литву и Польшу происхожденіемъ Венгерцевъ, Моравань и Поляковъ отъ Угровъ. Ни къ кому при дворѣ не питалъ (1516) Герберштейнъ такого уваженія какъ къ Траханіоту. Мимоходомъ замѣчу, что «Добраго Дадьяна», приставляемаго Аделунгомъ къ Герберштейну, вовсе не существовало. Это имя произошло отъ ошибочнаго чтенія слѣдующаго мѣста въ актѣ: великій князь приказалъ по прибытіи Герберштейна «назначить сына боярскаго добраго да дьяка» въ почетные приставы. Выборъ палъ на Григорія Фомина сына Иванова и на Миссура Мунехина. Отъ неправильнаго же чтенія слова «в(ъ) станѣ» у Аделунга явился подьячій Останъ. Во второе пребываніе Герберштейна въ Москвѣ, Траханіота уже не было: я не нашелъ болѣе, пишетъ онъ, Георгія Малаго.

Обращаемся къ другому Дмитрію.

По желанію того же Геннадія, Архіепископа Новгородскаго, занимавшаго это мѣсто съ 1485 по 1504 годъ, какой-то Дмитрій въ Римѣ досталъ историческое свѣдѣніе о бѣломъ клобукѣ: «приласкахся азъ (пишетъ онъ) ко книгохранителю церкви Римскія именемъ Якову и многими дарами одарихъ его... со многимъ моленіемъ припадохъ ко кольноми его дабы мы далъ написаніе о семъ и съ великимъ заклинаніемъ едва упросилъ и въ тай написалъ подлинно». Онъ прислалъ эту статью архіепископу съ Московскимъ купцомъ (гостемъ) Ѳомой Саларевымъ (пишется также Саревъ и Ларевъ). Этотъ Дмитрій, я полагаю, былъ Дмитрій Ивановичъ Ралевъ или Ларевъ, прибывшій въ Москву съ своими родителями и братомъ Мануиломъ въ 1485 г. изъ Константинополя. Уже въ 1488 г. онъ отправленъ былъ съ братомъ своимъ Мануиломъ въ посольство въ Римъ, Венецію и Миланъ, откуда они въ началѣ 1490 г. возвратились въ Москву съ братомъ великой княгини Софіи, и кромѣ несчастнаго лѣкаря Лео, которому уже 22 апрѣля была отрублена голова на Болвановкѣ, за то, что пользуемый имъ царевичъ Іоаннъ умеръ (6 мая), они привезли съ

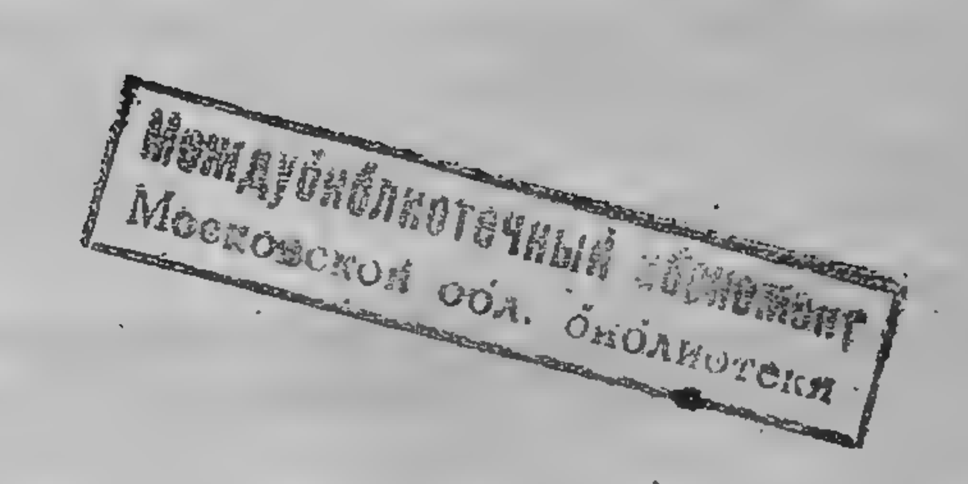
собою нѣсколько мастеровъ и искусныхъ ремесленниковъ, между которыми былъ архитекторъ, окончившій Грановитую Палату и построившій стрѣльницы на трехъ Кремлевскихъ воротахъ. Мануилъ Ивановичъ привезъ въ 1491 г. изъ чужихъ краевъ двухъ мастеровъ горнаго дѣла, которые открыли потомъ мѣдную руду на Цыльмѣ, впадающей въ Печору. Дмитрій Ивановичъ былъ въ 1493 г. отправленъ къ датскому королю Іоанну, съ дьякомъ Дмитріемъ Зайцевымъ и съ возвращавшимся датскимъ посломъ Іоанномъ Якобсономъ (Равенсбергомъ) и возвратился въ Москву съ Датскимъ герольдомъ Давидомъ. Въ мартѣ 1499 г. онъ опять былъ отправленъ съ Митрофаномъ Карачаровымъ, чрезъ Краковъ и Венгрію, въ Италію, для вызова въ Россію архитектора, литейщика и другихъ мастеровъ. Въ одно время съ нимъ отправился Алексѣй Яковлевъ Голохвастовъ, съ нѣсколькими Московскими купцами: онъ долженъ былъ спуститься по Дону къ Азову, и Чернымъ моремъ отплыть въ Константинополь, чтобъ испросить тамъ покровительства нашей торговлѣ. Такимъ-то, вѣроятно, путемъ, помянутый Московскій купецъ Саларевъ попалъ въ Италію: письмо Дмитрія Мануиловича Ралева, со статью о бѣломъ клобукѣ, къ Архіепископу Геннадію взято имъ въ Римѣ, вѣроятно, около 1500 года. Ралевъ возвратился изъ своего посольства лишь въ ноябрѣ 1504 года: Геннадій уже въ іюлѣ этого года былъ низложенъ. Въ 1506 года мы встрѣчаемъ Дмитрія Ралева въ походѣ на Казань. Присланное Геннадію историческое описаніе введенія бѣлаго клобука, сохранившееся во многихъ спискахъ, позднѣе, какъ извѣстно, подало поводъ къ преніямъ, и въ 1667 г. было отвергнуто, какъ неправильное, большимъ церковнымъ соборомъ въ Москвѣ, на которомъ присутствовали три патріарха.

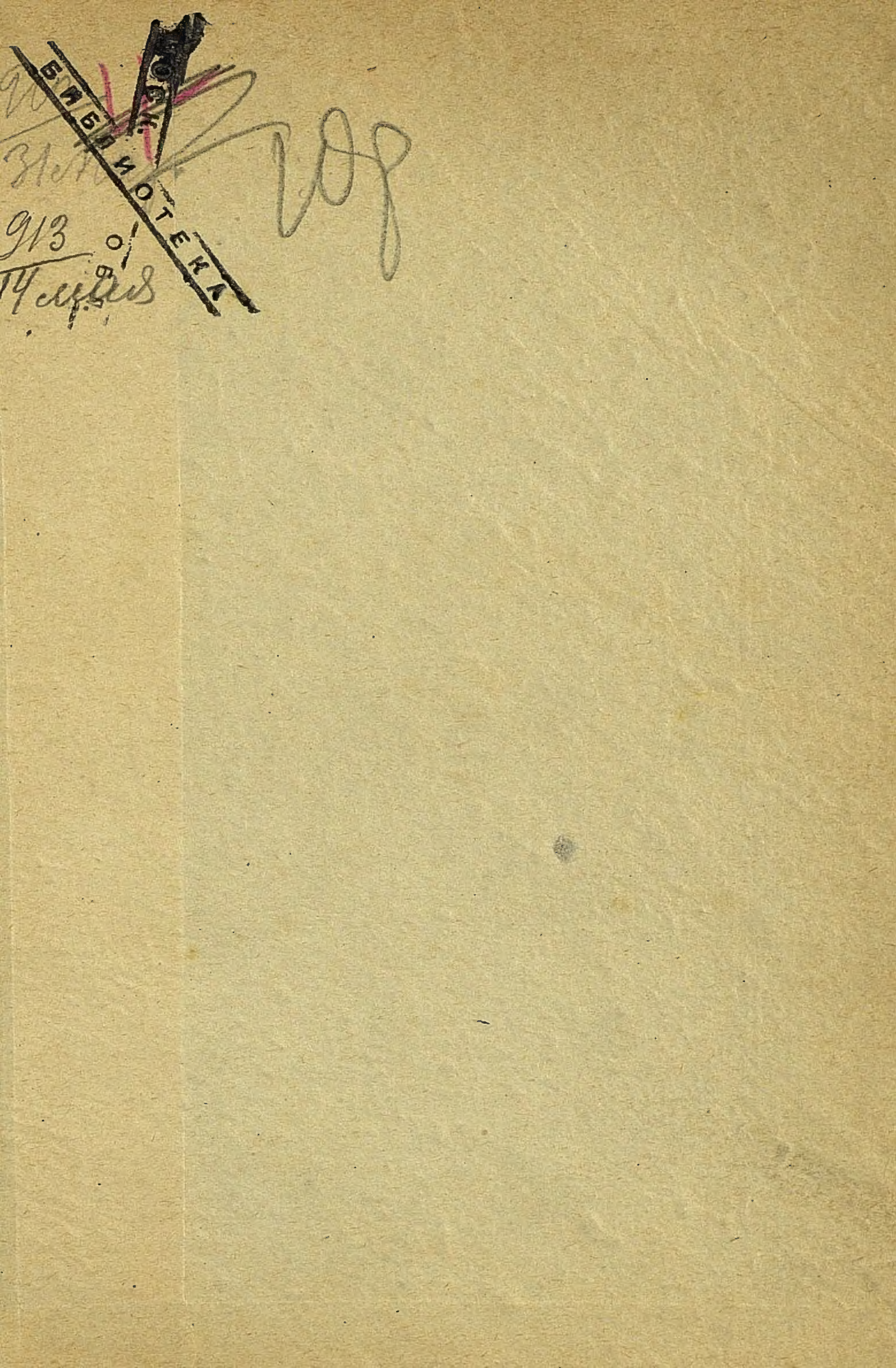
Третій Дмитрій есть нашъ соотечественникъ, Герасимовъ, который въ 1525 г. въ Римѣ подписывался: Demetrius Erasmius. Родился онъ, должно быть, въ 1465 г. и получилъ первоначальное образованіе въ Лифляндіи, гдѣ научился и латыни. Онъ былъ толмачомъ при разныхъ посольствахъ въ чужіе края: пребываніе при дворѣ Максимиліана, въ кругу людей образованныхъ, не осталось безъ вліянія на его покойную и кроткую, но грубоватую душу: dum in aula Caesari omnis generis hominum refertissima versaretur, si quid barbarum quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum observatione detersit. Вмѣстѣ съ Васильемъ Власіемъ, былъ онъ, какъ уже помянуто, назначенъ для перевода церковныхъ книгъ съ Максимомъ Грекомъ; первымъ и однимъ изъ главныхъ его трудовъ была «Псалтирь толковая семи толковниковъ». Оба они переводили на русскій языкъ съ латинскаго, на который перелагать греческіе тексты Максимъ Грекъ. Если бы Герасимовъ былъ самъ Грекъ, то, естественно, не имѣлъ бы надобности въ латинскомъ переводѣ. Хотя эта Толковая Псалтирь была одобрена митрополитомъ

и соборомъ, однако она, какъ и большая часть Максимовыхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, не была напечатана. Прекрасный списокъ, сдѣланный въ 1692 г., находится въ Московской Сѵнодальной Библіотекѣ. Въ 1525 г. дѣятельности Максима положенъ предѣлъ, и этотъ годъ сдѣлался достопримѣчательнѣйшимъ въ жизни Герасимова. Уже въ 1520 г. пріѣзжалъ въ Москву, съ рекомендаціею папы Льва X къ великому князю Василію Іоанновичу, Генуезецъ Паоло, съ предположеніемъ сдѣлать Волгу, Каспійское море, Оксъ, Индъ и т. д. торговымъ путемъ изъ Москвы въ Индію, для вывозки тамошнихъ произведеній, которыя потомъ стали бы развозиться по другимъ странамъ Европы, чтобы такимъ образомъ не одна Испанія съ Португаліей получали значительныя выгоды отъ Индіи. У насъ не вошли въ интересъ этого проекта. Между тѣмъ, уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ съумѣлъ найдти дорогу въ Индію и оттуда обратно. Въ 1525 г. Паоло въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву съ этимъ проектомъ, но привезъ еще съ собою посланіе папы Климента VII, касательно соединенія Греческой и Римской церкви: черезъ два мѣсяца онъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь безъ всякаго успѣха по обоимъ дѣламъ. Въ спутники ему до Рима назначенъ былъ Дмитрій Герасимовъ съ письмомъ великаго князя къ папѣ. Папа велѣлъ отвести для него прекрасное помѣщеніе, одѣвать въ шелковое платье, назначилъ ему проводникомъ епископа, допустилъ къ себѣ на аудіенцію и велѣлъ познакомиться съ нимъ поближе литератору Паоло Джьови (Комскому уроженцу, а не епископу). Джьови нашелъ, что Дмитрій очень свѣдущъ (humanorum rerum et sacrarum literarum valde peritum) и успѣлъ выспросить у него много свѣдѣній о Россіи, которыя и напечатаны подъ заглавіемъ: De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber etc. сперва въ 1537, потомъ въ 1545, 1551 и въ другіе годы. Упоминаемое въ заглавіи посольство состояло единственно изъ толмача Дмитрія Герасимова: его и слѣдуетъ считать источникомъ этого описанія Россіи, которое, до Герберштейнова, справедливо почиталось самымъ обширнымъ. Въ примѣръ того, какъ богато его отечество полезными произведеніями, онъ разсказалъ забавную исторію о мужикѣ, который, доставая медъ въ дуплѣ дерева, завязъ тамъ и сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не былъ вытащенъ мед-вѣдемъ, который влѣзъ туда задомъ и за котораго онъ крѣпко ухватился. Герасимовъ воротился въ Москву въ іюлѣ 1526 г. Съ нимъ пріѣхалъ Іоаннъ Францискъ де-Потенціа, котораго папа назначилъ епископомъ въ Скару въ Швеціи, но король Густавъ I не хотѣлъ признать. Онъ былъ при великомъ князѣ въ качествѣ папскаго легата по дѣламъ Польши и на дорогѣ получилъ еще инструкцію отъ короля Сигизмунда. Позднѣе Герасимовъ, по порученію Новгородскаго и Псковскаго Архіепископа Макарія, занимался переводомъ Брунонова толкованія на псалтирь, которое въ

1533 г. издано Кохлеемъ въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: Psalterium Beati Brunonis, Episcopi quondam Herbipolensis a Johanne Cochleo Presbytero restitutum et Hebraica veritate adauctum. Въ библіотекѣ Академіи Наукъ находится съ 1763 года хорошо сохранившійся списокъ этого перевода Герасимова съ прибавленіями переводчика; другой экземпляръ, съ тѣми же прибавленіями, хранится въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ. Герасимовъ кончилъ свой трудъ 15 октября 1535 (а не 1536). Рукопись имѣетъ два заглавія: одно относится къ прологу Герасимова, другое читается такъ: «Собраніе толькованіемъ на книгу сто и піати десіать псалмъ отъ различныхъ оучителей, потруженіемъ блаженнаго Брунона епископа Гербипольскаго». Переводчикъ говоритъ о себѣ: «грѣшной и мало оученый Дмитрій Схоластикъ рекше оученикъ». Онъ замѣчаетъ, что взялъ на себя этотъ трудъ лишь изъ послушанія волѣ архіепископа, и рекомендуетъ себя «не яко мнящася вѣдати извѣстно чюждая но и «своего оуроженаго языка много невѣдуща а чюждаго зѣло мало. Вся-«кіи бо хитрецъ своея хитрости имена отчасти вѣсть а никтоже похва-«литися совершенно вся вѣдати.... якоже оубо и книжницы книжная вѣ-«дятъ поеликому богъ подаруетъ; воини воинская, въ кораблѣхъ пла-«вающіи морская и пристоящихъ дѣлъ корабленыхъ имена вѣдятъ; по-«летяжатели земледѣлательная, тектоны и ковачи и шевцы и прочіи ре-«местввеницы яко сукно краилни и прочіе поставы дѣлающеи оксамит-«ники бархатники камочники и прочіи златыя и серебреные и шолковые «поставы дѣлающеи коиждо вѣдятъ своихъ хитростей имена и основаніе «и краскамъ раствореніяи мѣрамъ оуряженія, за не всякую вещъ мѣра «красить кромѣ же мѣры мнѣщаяся добра быти на вредъ предваряютъ.... «Веліе оубо не оудобство имать егда божественое писаніе отъ языка въ «инъ языкъ прелагается и вѣдятъ сіе много оученніи іиже многымъ язы-«комъ искоусни суть. Во истину бо божественаго писанія высота и «глубина неизмѣримы соуть и никои хитрости отъ вышереченныхъ хи-«тростей подобни суть тои, азже аще и грубъ есмь и невѣжа словомъ «но оуповою на милость божію и на повелѣвшаго мнѣ преосвещенную «главу о исправленіи о невѣдомыхъ и сумнѣнныхъ». Выписываю этотъ отрывокъ ради старинной технической терминологіи. Сравнить этотъ трудъ Герасимова съ другими его же и Власіевыми трудами за 25 лѣтъ до того, конечно, было бы не безъ интереса въ отношеніи къ успѣхамъ литературнаго образованія русскаго языка. Грекъ Дмитрій Траханіотъ назвалъ себя въ 1493 году въ письмѣ къ Геннадію, Дмитріемъ Старымъ; Грекъ Дмитрій Ралевъ, приславшій Геннадію статью изъ Рима въ 1500 г., подписался: Митей Малымъ (въ отличіе отъ Траханіота). Русскій человѣкъ, Дмитрій Герасимовъ, назвалъ себя въ 1535 г. Дмитріемъ схоластикомъ, то есть ученикомъ. Другіе упоминаютъ о немъ подъ именемъ: «Дмитрія толмача»; но толмачемъ называли и Грека Дмитрія Ралева. Сверхъ того, Дмитрія Гераси-

мова называли и Митей Малымъ и толмачомъ латынскимъ. Отъ этого различія прозваній произошла помянутая ошибка нашихъ историковъ. Въ «Словарѣ Историческомъ о писателяхъ духовнаго чина» переводчикъ Бруноновой Псалтири считается сочинителемъ или, по крайней мѣрѣ передателемъ, записки о бѣломъ клобукѣ, а этому въ «Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музея» приписывается ему статья 7001 года о трегубой аллилуіи и о семи тысячахъ міра. Лербергъ, въ изданіи Круга (Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands) ошибочно опредѣляетъ время пребыванія Герасимова въ Римѣ 1522, потому что, въ показаніи Іовія: anno septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis, слово tertio должно бы было отнести къ числу лѣтъ (7038 т. е. 1525).




БИБЛИОТЕКА
108